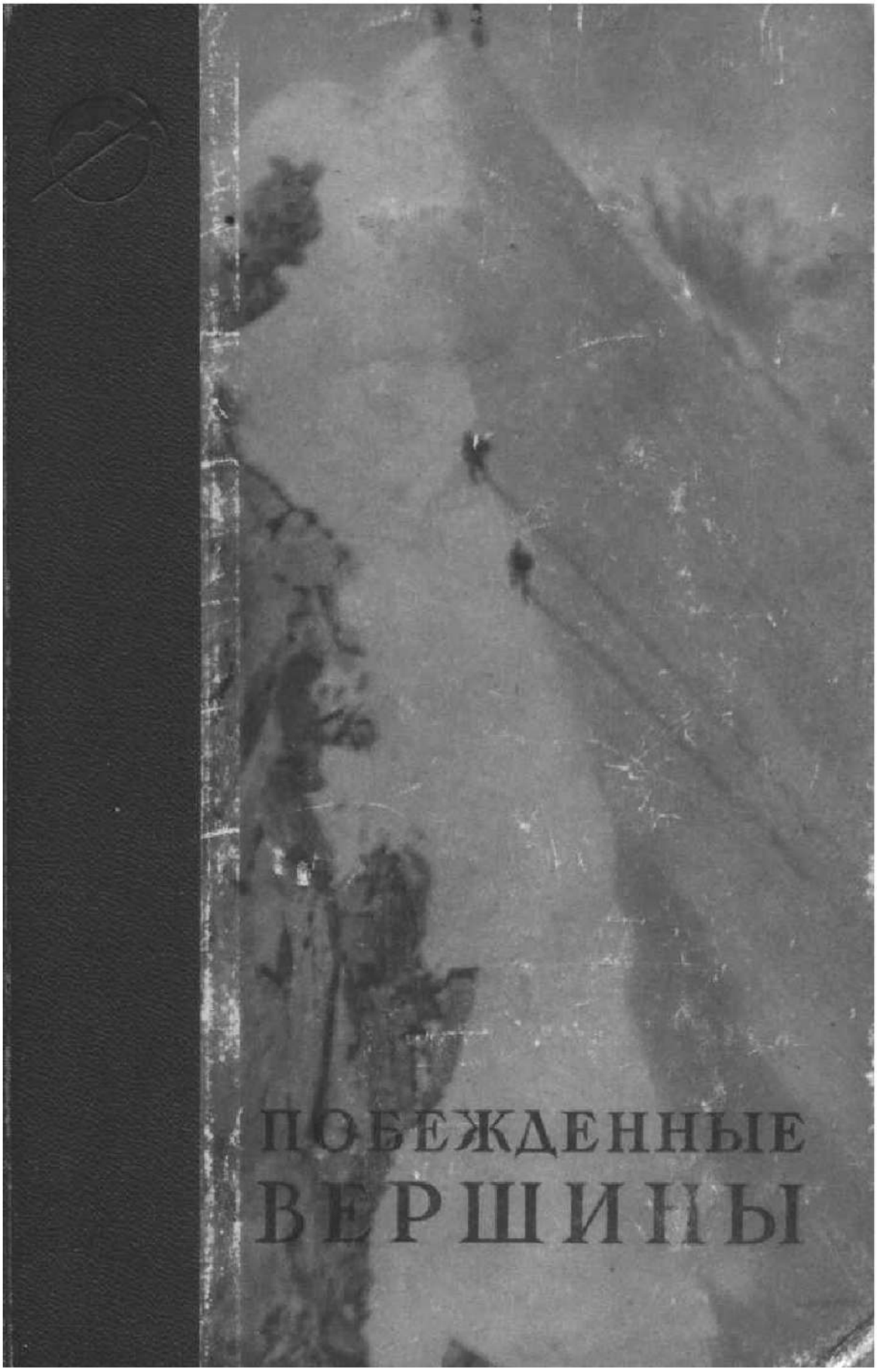
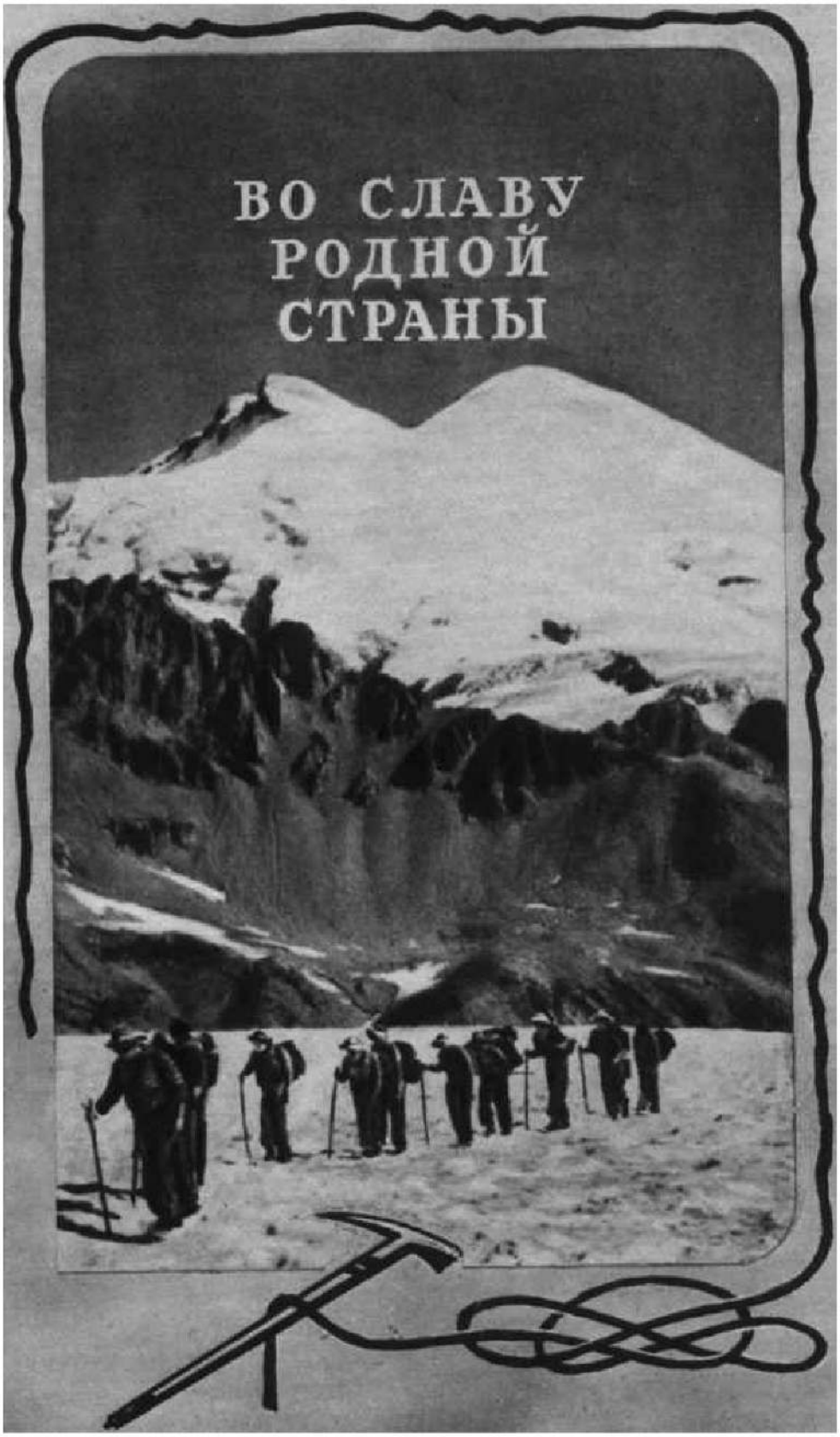

ПОБЕЖДЕННЫЕ
ВЕРШИНЫ

Какой простор!.. Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу!.. Какое разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утесах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко, далеко!... Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое — сверх человеческих сил...

С. М. КИРОВ

Перевальные походы, вошедшие в практику советского альпинизма, помогли выработать навыки движения массовых групп в горах. Один из таких походов по ущельям и перевалам Кавказа совершили в 1949 г. спортсмены общества «Большевик». Этот свой V поход они начали в верховьях Баксанского ущелья. Интересным маршрутом двигался отряд, переваливший через Чипер-азау к Куармашу, а дальше — по девственным зарослям р. Ненскрыры (Ненскры). «Ущелье становится все уже, склоны его все круче, вздымаясь отвесными скальными стенами, у подножия которых беснуется Ненскра, а гребни уходят высоко к небу», — читаем мы в дневнике участников похода. Поваленные лавинами деревья образовали многоярусный настил. Не более 5-6 км в день проходили путники. Но хорошая альпинистская подготовка, полученная в лагере «Большевик», помогла преодолеть трудности всем трем отрядам (начальник похода И.А. Войтихов) и выйти к берегу Черного моря, чтобы рапортовать о завершении перехода. На фото: участники перехода у снежника перевала Чипер-азау.

Фото П. ШВЕДОВА


ВО СЛАВУ
РОДНОЙ
СТРАНЫ

ГЕОРГИЙ ГУЛИА
ИМЕНИ ЛЮБИМОГО ВОЖДЯ

Путь нашего советского народа, сбросившего с себя бремя капитализма и построившего в своей стране социализм, — путь победный, но трудный. Много преград пришлось преодолеть советскому народу на этом пути, но с каждым годом жизнь становилась все краше, все новые и новые просторы открывались перед нашими взорами, и теперь все ярче сияет нам блистательная вершина — коммунизм!

Это замечательное восхождение к новой жизни, восхождение, осуществленное не горсткой храбрых людей, а миллионами, положило начало новой, доселе невиданной эре в истории человечества. Эта эра знаменует собой полное освобождение трудового люда от физического и морального рабства капитализма, духовное очищение и возрождение человечества на новой основе, на основе подлинной свободы и огромного материального благополучия.

Путь свой советский народ начал уверенно. В этом великая, неоценимая заслуга большевистской партии, цель которой — безраздельное служение интересам трудящихся. Партия большевиков — признанный и надежный руководитель нашего народа. Она заслужила это признание своими великими делами, всем своим существованием, которое можно сравнить с невиданным, величайшим подвигом, направленным на благо трудового человечества.

Наша партия заслужила признание советского народа и всех трудящихся мира своей героической борьбой против капитализма и всяческого угнетения человека человеком, борьбой, которая являет блестящий пример беззаветной преданности лучшим идеалам простых людей всего земного шара.

Восхождение к новой, более яркой и счастливой жизни идет все выше и выше, от одной вершины к другой — более высокой, от одной победы к

другой — более прекрасной. И если мы нынче достигли чудесных высот, если Родина наша красна и обильна, то в этом прежде всего заслуга коммунистической партии, партии Ленина — Сталина, идущей во главе советского народа.

Партия большевиков всегда указывала нашему народу верные пути к победе. В самых сложных и, казалось, запутанных положениях партия находила лучший выход и смело вела за собой народные массы.

Наша партия — самая мудрая и прозорливая, самая мужественная и последовательная в борьбе за интересы трудящихся. Такою ее воспитали гениальные вожди партии и народа — Ленин и Сталин.

Ленин и Сталин закалили партию, влили в нее несокрушимую силу и уверенность в победе, научили ее искусству руководства массами, дали ей в руки вернейшее оружие — теорию большевизма. Сталин принял из рук Ленина знамя ленинизма и высоко поднял его, оберегая от всех и всяческих посягательств врагов. Наша страна под водительством великого Сталина прошла славный путь. Через трудные годы строительства в первые пятилетки, через коллективизацию сельского хозяйства, через суровые годы Отечественной войны мы пронесли глубокую веру в свое правое и справедливое дело, и мы добились победы на всех фронтах войны и мира.

Теперь наша страна стоит несокрушимой горной вершиной, окруженная дружественными ей странами народной демократии.

Наше государство идет во главе народов, борющихся за мир и процветание на всем земном шаре. Никогда еще мы не были так могущественны, как сейчас. Пять мирных послевоенных лет не только залечили наши раны, нанесенные войной, но и намного усилили нашу мощь.

Советские люди не щадят своих сил ради процветания своей Родины. Свои успехи они совершают во имя Родины и посвящают их вождю и учителю народов — великому Сталину, ибо с образом Сталина связывается все лучшее, все самое передовое и величественное.

Мы, советские люди, и в малых и в больших делах наших видим вдохновляющую силу сталинского гения, ибо она руководит нами, она придает нам стойкость в труде, упорство в борьбе, веру в полную победу. Шахтер, опускаясь под землю, связывает с именем Сталина свои новые рекорды. Кузнец на заводе посвящает свои достижения великому вождю. Колхозник, борясь за новый урожай, клянется именем Сталина добиться выдающихся успехов. Ученый, садясь за письменный стол, мысленно беседует со Сталиным. Учащиеся дают слово учиться только на «отлично», чтобы стать достойными великих сталинских забот. Труженики Советской страны славят своим трудом имя вождя и учителя коммунистической партии, всего советского народа и прогрессивного человечества — Иосифа Виссарионовича Сталина.

В странах народной демократии, во всех уголках земного шара лучшие люди с огромной любовью произносят имя Сталина — символ всего передового, символ счастья народного.

И советские альпинисты, верные сыны народа, лучшие свои достижения посвящают товарищу Сталину. В трудных горных походах, когда раскрываются в полной мере лучшие качества советского человека — мужество, выносливость, упорство в достижении намеченной цели, любовь к своему отечеству, — образ великого Сталина незримо сопутствует альпинисту. И, когда пройдены опасные горные кручи, когда преодолены суровые стены скал, ледниковые поля и перед альпинистом-победителем, словно на ладони, лежит огромный мир, первые светлые мысли обращены к великому Сталину. И если это выдающийся поход — он посвящается вдохновителю непобедимого советского народа, вождю и учителю прогрессивного человечества товарищу Сталину.

Высочайшая вершина Советского Союза — пик Сталина. Восхождение на эту гигантскую вершину по справедливости считается труднейшим, и когда наши альпинисты штурмом взяли вершину горы-великана, они назвали ее именем Сталина, именем человека, который воспитал всех нас, воспитал и

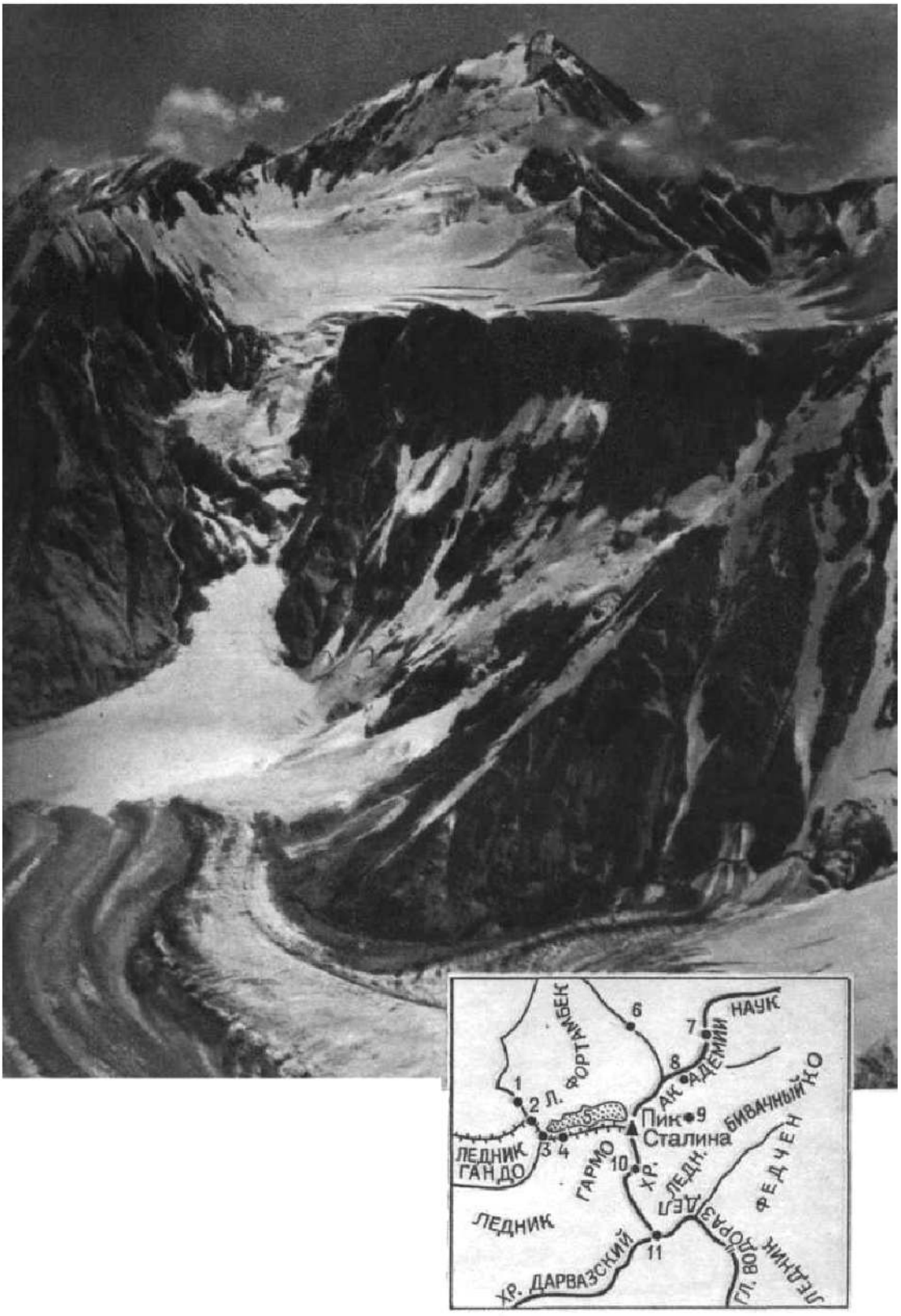
закалил для бесстрашных дел во славу нашей Родины и народа. На этой вершине советские люди установили бронзовый бюст своего вождя как знак любви и безграничной преданности делу Ленина — Сталина, великому Сталину.

Один из наиболее высоких хребтов Тянь-шаня назван именем Сталина. На гребень этих гор человек впервые взошел в 1931 г. Шесть суток штурмовали советские люди гребень исполинского хребта. Это были сутки, до предела наполненные мужественными делами преданных своей Родине людей, сутки, которые принесли еще одну новую победу советскому альпинизму, еще выше подняли славу советских людей. И каждый, кто восходит на этот гребень, посвящает свой поход тому, чей ум, чье сердце придают нашему народу неизмеримые силы и вдохновенье.

Могучий советский народ имеет свою Сталинскую Конституцию, названную так по имени ее творца. Конституция закрепила те громадные достижения, которых добилась наша родная советская власть за годы своего существования. Сталинская Конституция осветила путь всем народам мира.

В честь Сталинской Конституции названа стройная вершина в горах Тянь-шаня, на которую впервые взошли советские люди. Много сил и уменья пришлось применить участникам похода, прежде чем вступили они на вершину, вздымающуюся более чем на пять километров.

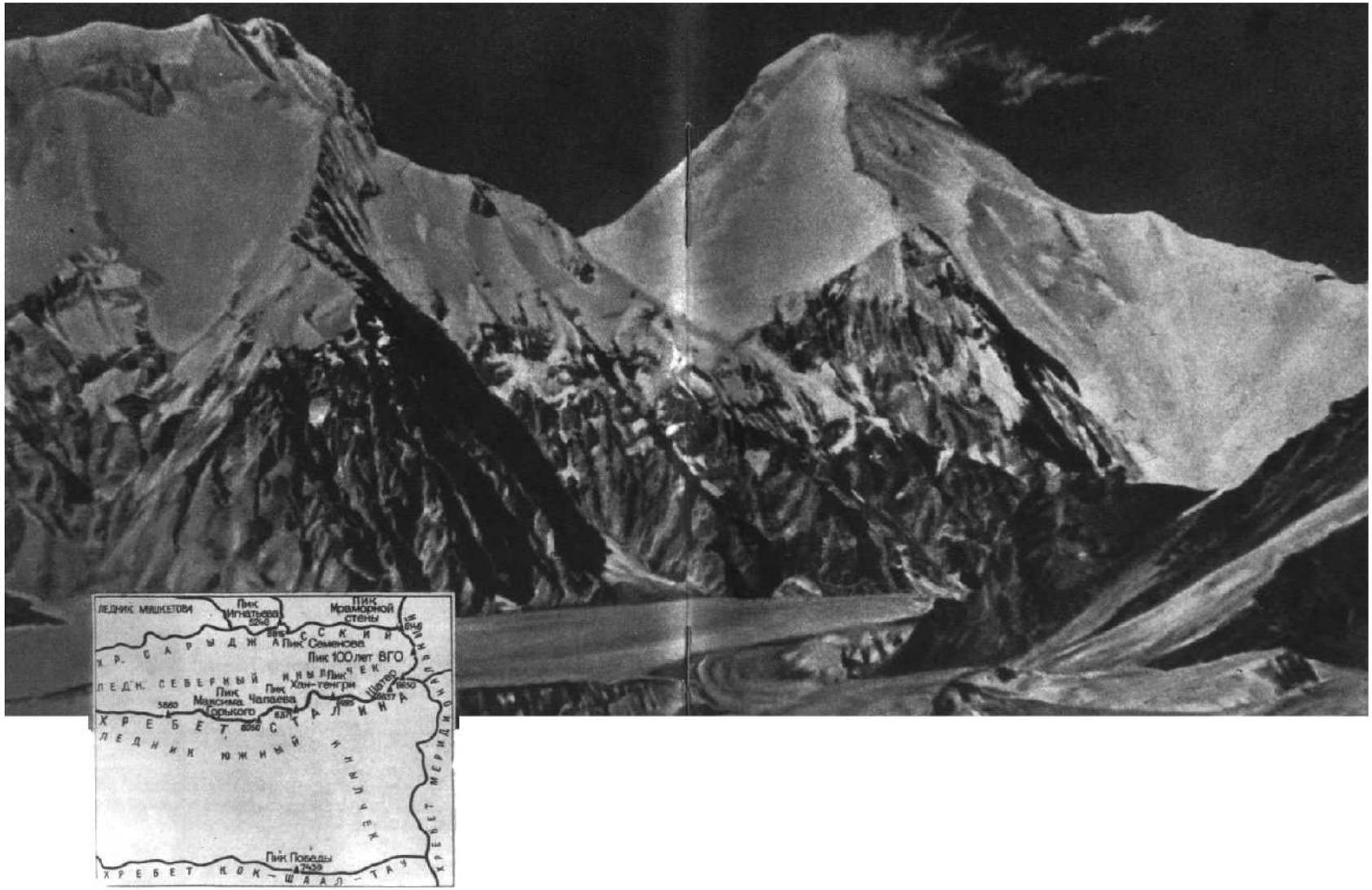
Благодаря сталинской заботе о народах мира, об их благе и процветании, ряд стран в Европе и Азии освобожден от ига капитализма и вступил на путь социалистического строительства. Люди стран народной демократии знают, кому обязаны они своей свободой и счастьем. Их трудовые будни согреты светлыми думами о Сталине, лучшем друге трудящихся всего мира. Многие города, проспекты, бульвары в странах народной демократии названы именем Сталина. И альпинисты этих стран присоединяют к чувствам миллионных масс народов свои лучшие чувства любви и преданности великому Сталину.



Пик Сталина — высочайшая вершина СССР.

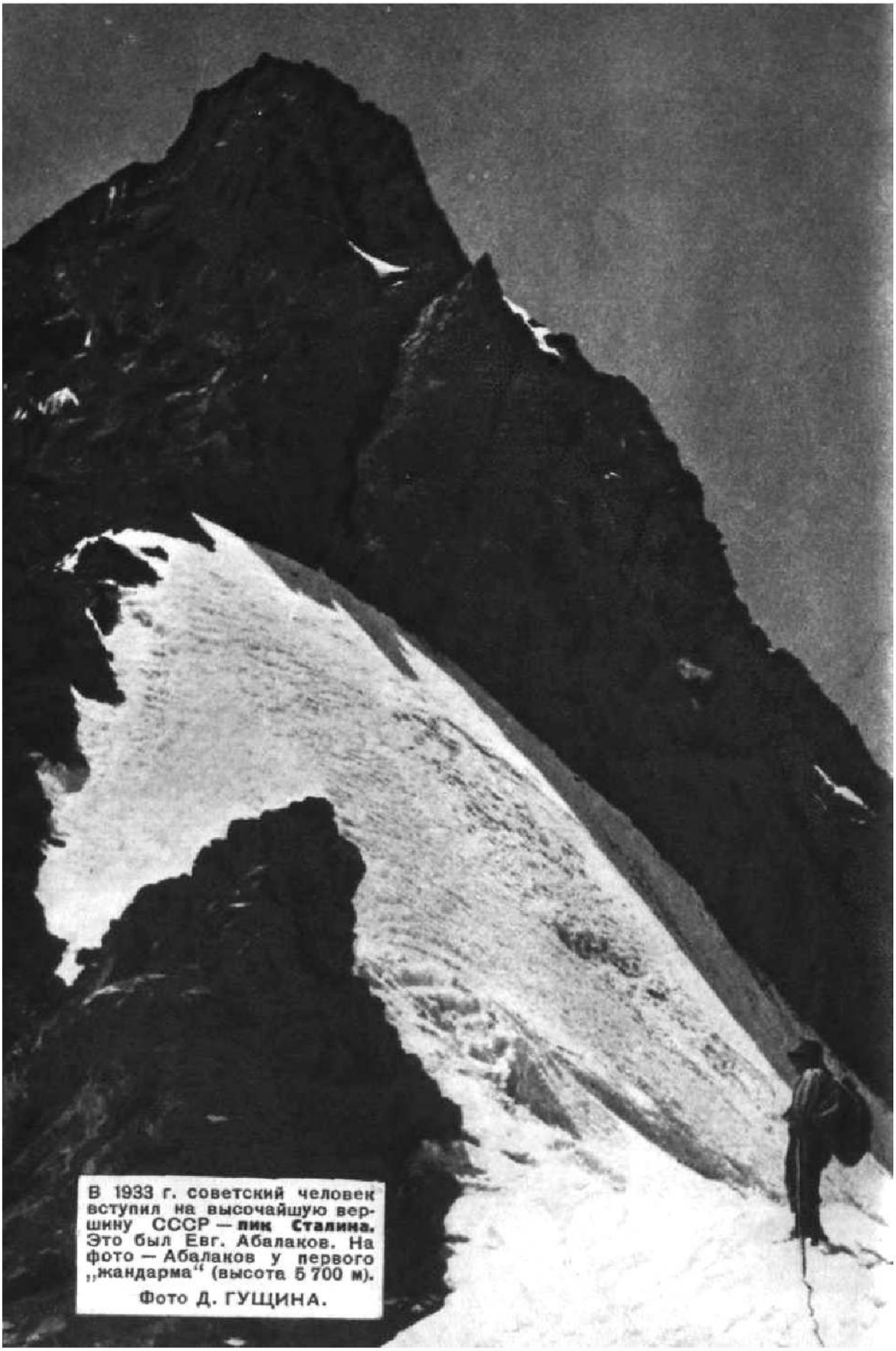
На схеме пики: 1 —30-летия Советского государства, 2 — Москва, 3 — Е. Абалакова, 4 — Ленинград, 5 — Памирское фирновое плато, 6 — Евгении Корженевской, 7 — Карпинского, 8 — Ворошилова, 9 — Орджоникидзе, 18 —Молотова, 11 — Гармо.

Фото Е. ТИМАШЕВА.



В «Небесных горах» — на Тянь-шане высится хребет, носящий имя товарища Станина. На фото видна ледяная пирамида Хан-тенгри (6995 м) — высшая его точка. На ней побывали три группы советских восходителей. Слева массив пика Чапаева (6371 м), взят в 1937 г.

Фото А. БАГРОВА.



В 1933 г. советский человек вступил на высочайшую вершину СССР — **пик Сталина.** Это был Евг. Абалаков. На фото — Абалаков у первого „жандарма" (высота 5 700 м).

Фото Д. ГУЩИНА.

Сорок лучших альпинистов Болгарии пронесли бюст великого Сталина через горные хребты и установили его на самой высокой вершине страны. Эта вершина носит имя Сталина — освободителя болгарского народа.

Пик Сталина гордо возвышается в горах Чехословакии, как бы символизируя великую дружбу народов Чехословакии и Советского Союза.

Народы мира выражают великому Сталину свою любовь и глубокое уважение. С именем Сталина во всех уголках мира связана борьба за движение вперед, к счастью, борьба за процветание. Имя Сталина вдохновляет на борьбу за мир, против поджигателей войны.

Народы Советского Союза, глубоко преданные своей большевистской партии, правительству, товарищу Сталину, строят новое общество — общество коммунистическое. Мы уже видим отдельные черты этого прекрасного будущего. Наша социалистическая действительность непрерывно дает ростки, из которых развивается новое, еще более прекрасное, за которое борется советский народ, а вместе с ним и все трудовое человечество...

Мы идем от одной вершины к другой, более высокой. Мы знаем: старое не сдается без боя. Нельзя брать новую, еще никем не изведанную вершину без большого труда, напряжения, без суровой борьбы. Но в сердце нашем нет места сомнению. Мы знаем: с нами Сталин. С нами великое, непобедимое учение Ленина — Сталина. С нами весь народ, все честные люди мира. С нами — правда, великая сталинская правда, великая правда жизни!

Мы спокойны и уверены в своем движении вперед. Мы начали восхождение на блистательную вершину новой жизни, имя которой — коммунизм. С именем Сталина мы 'поднимемся на ее величественные высоты, взойдем миллионами людей, скрепленных единой волей и священным братством.

А.Т. ДУРНОВ, Е.И. РЯБЧИКОВ
В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА

Северо-Осетинская автономная республика представляет собой горную страну. Ее южную границу образуют склоны Казбека, над ней величавой грядой поднимается Джимарай-хох; за облаками скрываются вершины Майли-хох и Адай-хох. Над многими горами величественно возвышается Шау-хох — гора, не видавшая в зимнюю пору на своей вершине человека.

Альпинисты говорят, что сама природа позаботилась о них, собрав в Осетии такое множество разнообразных гор. С наступлением лета Цейское ущелье превращается в сплошной альпинистский лагерь. Здесь ставят свои палатки сотни бесстрашных людей, представляющих многие из существующих в стране добровольных спортивных обществ.

В стране гор любят альпинизм. Сотни отважных юношей и девушек, людей различных профессий — рабочих и колхозников, учителей и инженеров, врачей и художников — занимаются этим замечательным спортом. Все они хранят и развивают славные традиции, заложенные незабвенным Сергеем Мироновичем Кировым. Под псевдонимом «Миронов», Киров работал на Кавказе в газете «Терек»; пламенный революционер, готовивший себя и своих товарищей к грядущим битвам за свободу и счастье народа, любил альпинистские походы, совершал восхождения на вершины. Каждый штурм высоты был для него очень важен: во время штурма закалялась воля, умножались силы, в трудных условиях борьбы со стихиями лучше познавались товарищи. В горах, за облаками, вдали от ищеек царского самодержавия, Киров свободно говорил друзьям о насущных задачах революционной борьбы.

В советское время альпинисты Северной Осетии занимаются изучением родного края, помогают ученым и геологам, уточняют карты. Многие из них в годы Великой Отечественной войны участвовали в битвах за родной Кавказ. Вместе со всей Советской Армией, громя ненавистного врага, дошли они до Берлина.

Сталинская эпоха — эпоха величайших свершений. Народ-исполин озеленил тысячи гектаров пустынь, прорыл в песках гигантские каналы, возвел в тайге и тундре новые города, проложил сквозь льды Арктики невиданный в мире северный морской путь, вырастил удивительные мичуринские плоды и злаки, создал столь поразительные машины, что они превзошли самые смелые фантазии. Советские ученые повелевают теперь тайной атома, изменяют климат, сокращают время сверхскоростными самолетами.

В сталинскую эпоху нанесены на карту страны новые горные пики, открытые бесстрашными и мужественными сынами Родины на «Крыше мира», в Центральном Тянь-шане, в Сибири и на Дальнем Востоке. Выдающиеся подвиги советских альпинистов, штурмовавших высочайшие горные вершины, выражали героизм народа, его стремление вперед, страстное желание познать свою страну. Впервые в мире альпинизм стал массовым, им занялись рабочие и колхозники, ученые и инженеры, и свою трудную, подчас опасную, благородную работу они слили воедино с общими планами народа.

Всеми своими успехами советские альпинисты обязаны непобедимой партии большевиков, великому вождю товарищу Сталину. Когда в декабре 1949 г. советский народ с сыновней любовью, с радостным воодушевлением готовился отметить семидесятилетие со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, альпинисты Северной Осетии решили выразить гению человечества свои искренние и глубокие чувства восхождением в зимних условиях на труднодоступную вершину Шау-хох.

На зимний штурм Шау-хох, поднимающуюся на 4646 м над уровнем моря, были выделены альпинисты Дзауджикау — рабочий Юрий Поляков, студент Георгий Черевиченко, врач Вадим Пиотухович, старший инструктор альпинизма лагеря «Буревестник» Александр Дурнов. Они имели солидный опыт работы в горах, достаточно хорошо знали местные условия. Счастливые и гордые, приступили они к подготовке, каждый понимал, какие трудности и опасности ожидали их в пути, как сложно и рискованно будет пробираться по завьюженным тропам, как грозны в это время года обвалы и внезапные штормы на высоте, но альпинисты сознательно шли на борьбу с трудностями: в борьбе со стихией хотели они полнее и ярче выразить все те большие чувства, которые наполняли их сердца.

Восхождение на Шау-хох привлекло внимание всей республики. На заводах и фабриках, в колхозах и учреждениях — всюду обсуждалось письмо, которое должны были доставить на вершину альпинисты и оставить его вместе со скульптурой товарища Сталина в заоблачной выси.

Множество людей просило взять их в поход. В этом еще и еще раз проявилась великая любовь советских людей к гениальному вождю. Но могли идти только сильнейшие, опытнейшие.

Четырнадцатого декабря была закончена вся необходимая подготовка к восхождению, и в ночь альпинисты выехали из Дзауджикау.

Декабрь выдался снежный, морозный. Запорошенный снегами, город исчезал в ночной дымке. Медленно таяло и растворялось в черном небе электрическое зарево. Только белые лучи автомобильных фар да мигающие звезды освещали побелевшую долину. Из тьмы показывались то часть зимней дороги, то заснеженные поля, то спящие колхозные селения. Альпинисты, расположившиеся в машине, бережно охраняли от толчков скульптуру вождя. Все молчали, поглощенные своими мыслями.

Путь до села Кобань был недолог. Во тьме показалось горное селение. Замелькали огни, в колхозе уже ждали альпинистов.

— Добро пожаловать! — приветствовал гостей председатель колхоза. — Прошу отдохнуть; вам приготовлено помещение.

Председатель колхоза проводил альпинистов в школу, где колхозники оборудовали ночлег для своих гостей.

— Чем будем полезны? — спрашивал председатель. — Колхозники запасли для вас лучшие продукты.

— Спасибо колхозникам за заботу, мы обеспечены всем, — сказали альпинисты, — только вьючный транспорт нам нужен.

Пожелав хорошего отдыха, председатель тихо вышел из школы. Едва забрезжило утро, в школу пришли старики-горцы, комсомольцы, детвора. Одни несли мясо и масло, другие — это были старики в меховых шапках, с темными от загара худощавыми лицами — спешили дать совет, какими тропами лучше идти зимой в горы. Двое черноглазых комсомольцев попросили взять их в дальний путь на Шау-хох.

— Мы привыкли ходить в горах, — сказали они. — Нам очень хочется идти с вами и сделать большое дело в честь вождя.

Вскоре около школы собралось все селение. Альпинисты установили на постаменте перед школой бюст Сталина и открыли митинг, и в далеком горном селении с любовью и благодарностью говорили колхозники о великом человеке, даровавшем народу солнечное счастье.

После митинга председатель артели пригласил гостей осмотреть колхозных коней, ишаков и выбрать лучших для похода. Альпинисты отобрали восемь наиболее выносливых осликов. Наступила пора размещать привезенное снаряжение по рюкзакам, готовить вьюки. Радист проверял походную радиостанцию, с которой должен был остаться на последней «ступени» подъема к вершине.

Два дня, проведенные в Кобаньском колхозе, еще раз показали тесную связь советских альпинистов с народом, его заинтересованность в успехе предпринимаемых восхождений. Эти дни были полны ярких выражений сердечных чувств колхозников родному Сталину. Каждый стремился чем-

либо помочь отряду, хотел проявить свою любовь и чувство благодарности, отовсюду раздавалось:

— Слава товарищу Сталину!

— Да здравствует наш родной товарищ Сталин! Едва отряд вышел из Кобани, как он вступил в узкую зловещую теснину. В ней, как в аэродинамической трубе, дул резкий морозный ветер. Горная тропа, огибая скалы и камни, вилась по Гизельдонскому ущелью. Солнце позолотило каменные громады, но они выглядели дико и мрачно.

Навьюченные ишаки привычно шагали по узкой тропе, круто поднимавшейся в горы. Альпинисты, растянувшись цепочкой, двигались впереди. Люди, привыкшие к подъемам, шли легко, быстро, еще не замечая тяжести рюкзаков. Им хорошо был знаком этот горный мир, но знали они его в летние месяцы, когда в расселинах нет-нет появится едва приметная зелень, когда над скалами парят орлы, а в отдалении неумолчно шумят водопады. Теперь все было сковано льдом, заметено снегами. Ни птиц, ни животных... Только морозное эхо гулко разносило голоса.

Есть непередаваемая прелесть и очарование у зимних гор. Повитые туманами и облаками, посеребренные инеем, кажутся они необычайно дикими и страшными, но стоит золотому лучу коснуться снежной пелены, и он исторгнет из нее удивительное свечение. Снега алеют, горят, воздух наполняется морозным певучим звоном. Белые вершины, открывающиеся взору в тот миг, когда ветер сгоняет с них тучи, кажется, зовут и манят к себе, поражают глаз пламенной окраской льдов, голубыми гранями расселин, парчевой тяжестью утренних снегов.

Ослики, размеренно постукивая копытцами, шли по тропе. В Гизельдонском ущелье, в самом узком его месте, на отвесной скале, словно все еще кого-то сторожа, показалась старинная полуразрушенная башня. Ее' бойницы видели не одно сражение и помнят события давних веков. Альпинисты остановились, сфотографировали каменные башни и, после небольшого отдыха, отправились дальше. Они уже стали привыкать к

однообразию зимних пейзажей в горах, к обледенелой тропе, к ветру, несущему в лицо сухую морозную пыль. Внезапно, за крутым поворотом, в ярком сиянии дня показалась высеченная в скалах терраса и на ней железобетонные кубы большой гидростанции. Зрелище было так неожиданно и прекрасно, что отряд остановился.

Гидростанция в горах... Циклопическое сооружение радовало глаз блеском стекла и металла, геометрической точностью архитектурных линий, сиянием водосброса. Станция казалась символом новой эпохи. Глядя на нее, альпинисты думали о созидательном гении вождя, по чьей воле в бетон и в сталь введены горные реки, прорезаны каналами утесы и по диким скалам потянулись линии электрических передач.

Налюбовавшись величественным зрелищем, отряд направился по круто петлявшей утомительной дороге. Местное ее название: «Кахты Сар» в вольном переводе означает «Давай бог ноги, голова здесь не при чем». Скалы нависали одна над другой, временами казалось, что одна из них вот-вот обрушится на дорогу.

Отряд вступил в Даргавскую долину и обошел озеро, питающее водой гидростанцию. Миновав колхозы в Даргаве, альпинисты только к вечеру добрались до Кани. Прилепившееся к горному склону небольшое селение казалось издали древней крепостью; над его плоскими крышами и глухими стенами, сложенными из плитняка, поднимались остатки седых башен. Встречать альпинистов вышел едва ли не весь колхоз. Послышались радушные приветствия, радостные восклицания. Комсомольцы хотели принять тяжелые рюкзаки, и когда им отказали в просьбе, стали погонять навьюченных ишаков. В каждом доме готовы были принять гостей, но председатель колхоза сказал, что альпинисты должны находиться все вместе, и провел их в школу. Как и в Кобани, поговорить с прибывшими подошли почтенные седовласые старцы и безусые юнцы.

Детвора внимательно следила за выгрузкой имущества отряда. Из всех плоскокрыших зданий спешили в школу животноводы: каждый хотел послушать рассказ о великой жизни вождя.

Беседа затянулась до глубокой ночи. Колхозники приводили многочисленные примеры из повседневной жизни своего колхоза, свидетельствовавшие о замечательных переменах в высокогорных селениях. И каждый, кто выступал, от всего сердца провозглашал здравицу в честь товарища Сталина.

Утром, после митинга, Александр Дурнов, руководивший восхождением, бережно уложил в свой рюкзак скульптуру вождя, проверил обмундирование и поклажу своих товарищей и, наконец, дал команду выступать. И снова послышались возгласы колхозников:

— Слава родному товарищу Сталину!

— Да здравствует товарищ Сталин!

Вот уже исчезло горное селение со своими плоскими крышами и руинами старинных башен. Тропа вилась по левому берегу Геналдона, устремляясь к Кармадонским горячим источникам. Эти источники расположены на высоте 2400 м, у языка Майлийского ледника. Льды, снега и ветры разрушили тропу, идти по ней было трудно, то и дело приходилось вырубать ее заново. Ишаки скользили, приходилось страховать их веревками.

Каждый километр пути занимал более часа. Только к вечеру были преодолены всем отрядом семь километров, отделявших Кани от Кармадонских горячих источников. Альпинисты уже давно нуждались в отдыхе. Отряд остановился на ночлег в каменных постройках «народного курорта».

Горячие солоноватые источники славятся среди жителей гор. Сюда, в летнюю пору, приходят колхозники принимать ванны. В пустых, грубо сложенных из камней постройках, возведенных у источников, было сравнительно тепло.

У Кармадонских источников остался со своей походной станцией радист; вьючные животные, сопровождаемые двумя горцами, двинулись в селение. Радист должен был установить связь с Дзауджикау и поддерживать ее до возвращения альпинистов с вершины.

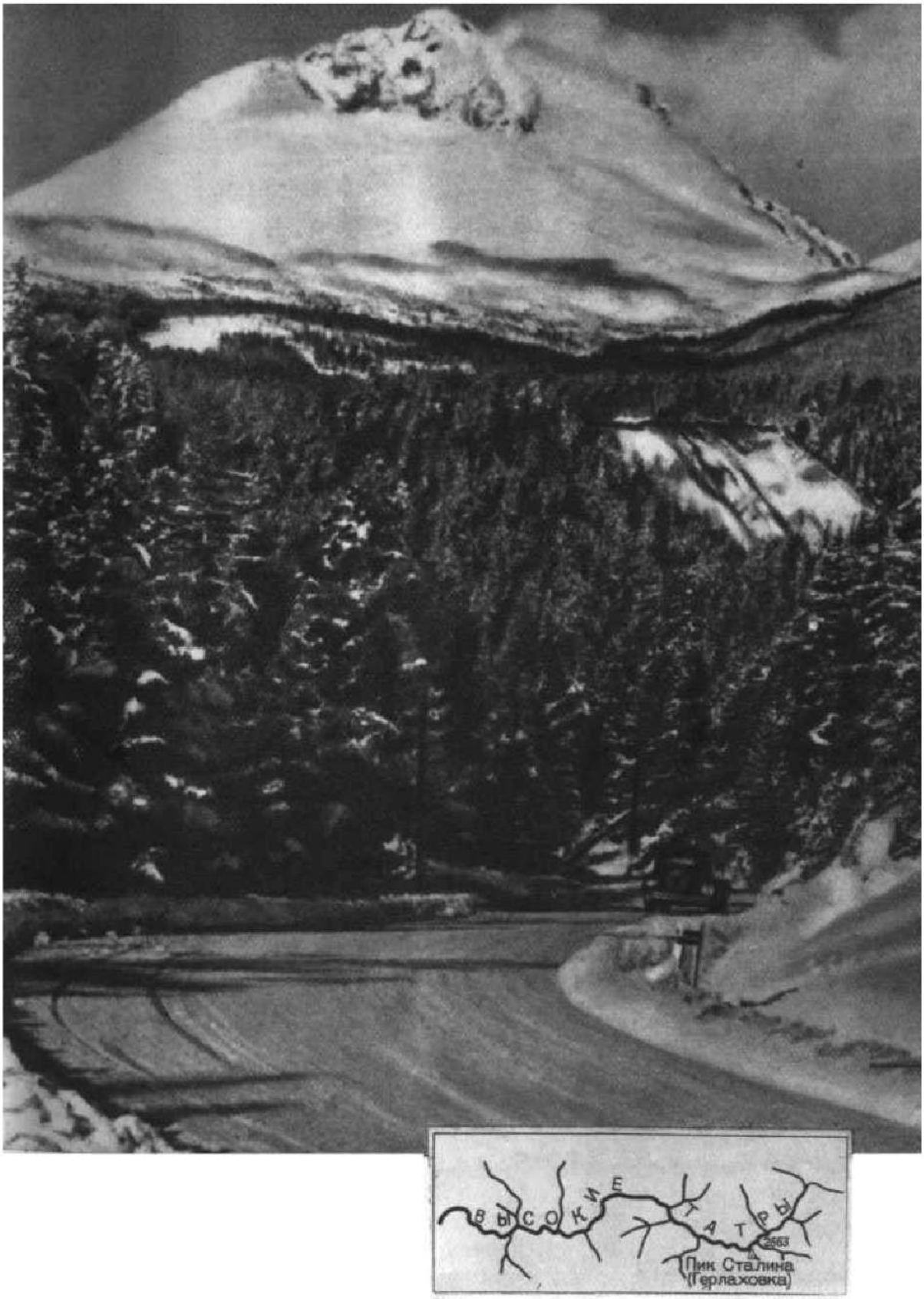
Попрощавшись со своими спутниками, ранним морозным утром 19 декабря, альпинисты вышли на «восхождение. Весь груз с животных перекочевал на плечи людей, и его тяжесть давала себя чувствовать. Сразу начался подъем по крутому снежному склону к гребню пика «Геодезист», высота которого равна 4192 м. Склон представлял собой ряд террас, засыпанных глубоким снегом. Подъем до первой террасы занял три часа. Приходилось медленно, шаг за шагом, прокладывать тропу, утаптывая глубокий снег.

Достигнув первой террасы, отряд расположился на отдых. За завтраком обсуждался принятый план штурма главной высоты Шау-хох.

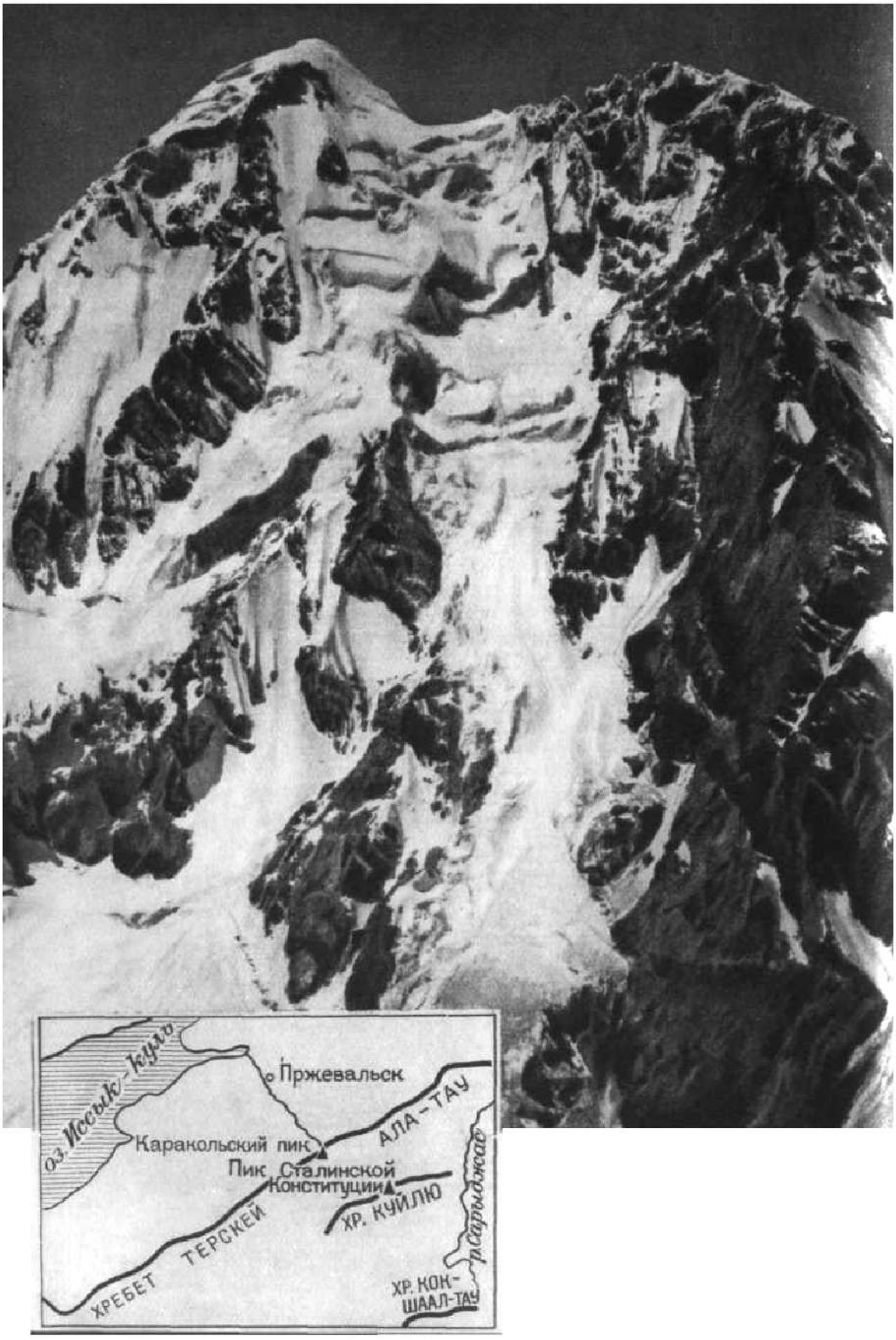
— Смотрите, товарищи! — воскликнул вдруг Вадим Пиотухович.

Из-за скал вышел красавец-тур, точно отлитый из темного металла, и остановился метрах в пятнадцати от лагеря. Подозрительно осмотрев людей, он короткими, легкими прыжками спустился с террасы на скальный выступ, остановился, еще раз взглянул на альпинистов и мгновенно исчез.

Подъем до следующих террас оказался более трудным — снег становился все глубже, идти было тяжело, каждому по очереди приходилось шагать впереди, пробивая в сугробах тропу. Сделав шаг вперед, альпинист проваливался по пояс; утоптав сыпучий, промороженный снег, он двигался еще на один шаг вперед и снова утопал в холодном месиве. Такое передвижение требовало огромной затраты энергии. С каждым часом усиливался ветер. По скалам, зловеще шурша, крутились снежные вихри и сыпались небольшие лавины. Колючая морозная пыль секла лица, забивалась под очки, мешала дышать.



Герлаховский штит (пик — 2663 м) в Высоких Татрах — самая высокая вершина Чехословакии и Карпатских гор, ныне — «Сталинов штит»



В 1936 г. группа альпинистов Москвы открыла в хребте Куйлю (Тянь-шань) вершину. Ее назвали пиком Сталинской Конституции (5250 метров).

Фото А. ЛЕТАВЕТА.

К ночи, у ледника Гольда, на едва заметной морене, альпинисты разбили свой штурмовой лагерь. Палатки пришлось защищать стенами, сложенными из камней. Между тем ветер крепчал. Снежная пыль врывалась в щели и оседала серебристым налетом на спальных мешках, верх палаток покрылся густым слоем инея. Альпинисты забрались в спальные мешки. Но спать никто не мог.

В жизни человека бывают минуты, когда он особенно полно чувствует свою ответственность за честь очень многих людей, оказавших ему доверие. Народ республики доверил альпинистам совершить большое зимнее восхождение в честь семидесятилетия товарища Сталина и в честь юбилея воздвигнуть на вершине бюст вождя.

Все альпинисты, собравшиеся на бивуаке, с сердечной теплотой думали в ту метельную ночь о вожде, и, каждому хотелось свершить подвиг, выполнить поручение народа республики и в борьбе со стихиями выразить самые сокровенные мысли и чувства, показать, что советские люди готовы на все во имя Родины, во имя Сталина.

Заняв исходную позицию перед штурмом высоты, каждый чувствовал себя особенно приподнято, всем хотелось говорить о том человеке, в честь которого совершалось зимнее восхождение. Так, в годы войны, перед боем, солдаты в окопах и землянках слушали рассказы о вожде, думали о нем, с его именем шли в атаку и побеждали.

В канун юбилея Иосифа Виссарионовича, 20 декабря, штурмовой лагерь пробудился еще в темноте. С палаток осыпался морозный иней, малейшее прикосновение к холодным вещам и обледенелым стенкам вызывало ощущение сильного ожога. Ботинки, спрятанные на ночь в рюкзаки, настолько промерзли, что их пришлось сначала отогревать над примусами. Едва светало, а отряд, снявшись с места, уже направился через ледник Гольда к восточному гребню вершины Шау-хох. До гребня оставалось не более двух километров, но преодолеть их было нелегко. Перед выходом на гребень, на крутом месте, склон прорезала широкая трещина. С величайшими

предосторожностями альпинисты преодолели ее по ненадежному снежному мосту и в полдень достигли гребня. Яркое солнце слепило глаза, но мороз был так силен, что люди должны были непрерывно двигаться, шевелить пальцами рук и ног. Разреженный морозный воздух спирал дыхание.

Через два часа альпинисты достигли вершины, которую тут же назвали «Восточный Шау-хох». Высота ее около 4000 м над уровнем моря. Удивительное зрелище открывалось с высоты: на юго-востоке гордо возвышался блещущий вечными снегами прекрасный Казбек. Еще ближе куталась в облаках вершина Майли-хох. На юго-западе расположился величественный сосед Шау — Джимарай-хох. Прямо на запад, скрываясь за облаками, время от времени проглядывал ледовый выступ, закрывавший главную вершину Шау-хоха.

За Восточным Шау-хохом виднелся глубокий перепад, дальше бело-голубой ледовый взлет, а там — острый оледенелый гребень со множеством карнизов, нависших с северной стороны, и темными выступами скал. До главной вершины — цели восхождения — оставалось немного, и путь мог занять часа три-четыре, но солнце уже склонялось к западу, короткий зимний день кончался. Предстояло решать: идти ли дальше и ночевать на вершине без спальных мешков, но при морозе это могло привести к гибели, .или же временно отступить. Тяжело было думать об отходе, но благоразумие требовало принять единственно правильное решение: вернуться в штурмовой лагерь, чтобы утром вновь идти по проложенной тропе на штурм.

Альпинисты оставили на гребне заботливо защищенную от ветра и снега скульптуру, а также часть продуктов и снаряжения, необходимого для подъема, и осторожно спустились по крутому оледенелому склону на ледник.

Наступил долгожданный день 21 декабря. Чуть свет лагерь был на ногах. Поздравив друг друга с днем рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, альпинисты вышли на решающий штурм вершины.

Итти по проторенной тропе было значительно легче, чем накануне, и отряд раньше намеченного срока достиг вершины Восточной Шау-хох.

После короткого отдыха, поместив в рюкзаке драгоценную ношу — бюст вождя — в 10 часов утра две связки двинулись на кошках по крутому ледовому гребню к главной вершине.

Осторожно, прощупывая каждую пядь снега ледорубами, тщательно страхуя друг друга, альпинисты забирались все выше и выше. Гребень становился уже и острее; справа и слева зияли провалы, на каждом шагу встречались предательские трещины. Дышать с каждым шагом становилось труднее; мороз пронизывал до костей; казалось, подъему не будет конца. Но вот еще один ледовый взлет, еще одна груда каменных глыб — и альпинисты восходят на желанную вершину.

Из крупных камней они сложили на ней нишу, в которой установили бюст вождя, и встали около него в положение «смирно». Руководитель восхождения Александр Дурнов произнес краткую речь. Поздравив товарищей с выполнением почетной задачи, он дал команду начать спуск. Вернувшись на восточную вершину, альпинисты разложили большой костер. Алый свет его возвестил горным селениям о новой победе советских людей. Огненные блики освещали голубоватые грани ледников и смерзшиеся снега, пламя росло и крепло, устремляясь к высокому небу, и, казалось, всюду был виден яркий огонь, зажженный среди вечных льдов.

Дзауджикау

ОТ КАРПАТ ДО ТЯНЬ-ШАНЯ
ПИК СТАЛИНА НА ПАМИРЕ

Высочайшая горная вершина Союза Советских Социалистических Республик пик Сталина находится в Таджикской ССР, на Памире, в гребне главного водораздела хребта Академии наук, в месте ответвления от него на запад главного водораздела гор Петра I. Пик высится над верховьями трех крупных ледников: Гармо, Сталина, Фортамбек. Вершина пика до 3500 м превышает 'поверхность этих ледников, близ своего подножия. На удалении 5-16 км пик Сталина окружают могучие вершины Памира, пики: 30-летия Советского государства (6447 м), Москва (6785 м), Е. Абалакова, (6447 м), Ленинград (6507 м), Молотова (6868 м), Орджоникидзе (6346 м), «Известий» (856 м), Ворошилова (6666 м), Корженевской (7100 м)[1].

В 87 км к северо-востоку от пика Сталина, в Заалайском хребте, возвышается пик Ленина (7127 м).

В 20 км восточнее пика Сталина залегает самый большой горный ледник южных и умеренных широт, носящий имя Федченко (длина 77 км), на котором в обсерватории, на высоте 4200 м, советские исследователи выполняют в течение круглого года большую программу научных наблюдений (Бугаев, 1948).

У западного склона пика Сталина, на высоте 6000 м, расстилается удивительное (горизонтальное) Памирское фирновое плато (Абалаков, 1948; Тимашев, 1949).

Общая форма и рельеф пика Сталина сильно различаются в зависимости от местоположения наблюдателя: с запада — массивная трапециевидная

[1] Некоторые высоты отличаются от указывавшихся в вышедших ранее выпусках «Ежегодника». Автор использовал в этом случае данные инструментальных съемок последних лет.

вершина на плато (см. фото в статье Е.М. Абалакова, 1948, стр. 152); с севера — устремленный ввысь острый, мощный гребень, заканчивающийся четким скальным пиком (см. фото в очерке Н.А. Гусака, 1949, стр. 337); с востока — могучий массив, очерченный с боков острыми ребрами скал и крутыми склонами более чем двухкилометровой относительной высоты (см. фотовклейку в книге ТПЭ, на стр. 2).

На 2 895 м превышает пик Сталина уровень снеговой границы. Поэтому его склоны, исключая наиболее крутые, одеты мощным покровом вечных снегов.

Большая абсолютная и относительная высота, а также особенности рельефа пика Сталина, создают весьма тяжелые условия, в силу которых восхождения на его вершину относятся к числу труднейших.

Первовосхождение на пик Сталина было совершено 3 сентября 1933 г. выдающимся советским горовосходителем Евгением Михайловичем Абалаковым (Абалаков, 1934 и 1949; ТПЭ, 1934, стр. 41-42). Организация и обеспечение этой победы были осуществлены самоотверженной работой большого коллектива участников Таджикско-Памирской экспедиции 1933 года Академии наук СССР (ТПЭ, 1934, стр. 429). Штурм вершины происходил с востока, от лагеря «4 600» на леднике Сталина. На высотах «5600» и «6850» участники штурма установили по пути подъема автоматические метеостанции.

Покорение высочайшего пика СССР было одним из крупнейших достижений отечественного альпинизма. К середине XX в. зарегистрировано около 15 «восьмитысячников»[1] и более 100 «семитысячников»[2]. Четыре из них (пик Сталина — 7 495 м, пик Победы — 7439 м, пик Ленина — 7127 м и пик Корженевской — 7100 м) находятся в СССР. Ни один из

[1] Вершины высотой от 8000 до 8840 м. Отметку 8840 м имеет высочайшая вершина земного шара. Ее местное название — «Чомолунгма» («Мать богов»). Вершина эта находится в Гималаях, на границе Китая и Непала. Англичане местное название Чомолунгма заменили, без согласия Китая и Непала, на «Эверест». Высота (29002 фута или 8840 м) дана по «Атласу мира британской энциклопедии» (Encyclopaedia Britannica World Atlas, New York, 1947).

[2] Вершины высотой от 7000 до 7999 м.

восьмитысячников еще не покорен, хотя на Чомолунгме люди достигали высоты более 8 500 м. В 1933 г. пик Сталина был третьим по высоте горным исполином, на вершину которого сумел подняться человек.

13 сентября 1937 г. пять участников альпинистской экспедиции Всесоюзного комитета по делам физической культуры я спорта поднялись по пути Е.М. Абалакова на вершину пика Сталина. Это восхождение было организовано в честь 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Альпинисты установили на вершине пика бронзовый бюст Иосифа Виссарионовича Сталина (СиМ, 1937, № 11, стр. 5; Гусак, 1949).

ОБ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ПИКА СТАЛИНА

В трудах Таджикской комплексной экспедиции 1932 г. (ТКЭ, 1933, стр. 35) и Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. (ТПЭ, 1934, стр. 430) указано, что вершина (речь идет о пике Сталина) впервые была замечена в 1928 г. Основываясь, по-видимому, на этих двух изданиях как на первоисточниках, в дальнейшем 1928 г. указывался как год открытия пика Сталина.

Однако начинать историю его открытия с 1928 г., по мнению автора этих строк, неправильно.

Изучение наиболее высокогорного района советского Памира — хребта Академии наук СССР (в котором высится пик Сталина) и прилегающих к нему с запада частей Дарвазского хребта и гор Петра I, а с востока — бассейна ледника Федченко — было начато русскими исследователями за 52 года до указанной выше даты.

К делу географического познания отмеченного района приложили свой труд и талант: Л.Ф. Костенко и Жилин в 1876 г., И.В. Мушкетов в 1877 г., В.Ф. Ошанин и Г.Е. Родионов в 1878 г., Д.Л. Иванов и Н.А. Бендерский в 1883 г., Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло в 1884 г., П.К. Залесский в 1893-1899 г., Н.Л. Корженевский в 1904, 1914, 1924 и 1926 гг., Н.И. Косиненко в 1909 г., Я.И. Беляев и П.И. Беседин в 1916 г.

Уже в 1909 г. капитан Н.И. Косиненко проникает в глубь этого района. Он проходит с группой около 37 км по леднику Федченко до перевала Кашал-аяк (высота 4340 м), а также большую часть ледника Бивачного (название это дано солдатами Н.И. Косиненко), и в его верховьях наблюдает гребень главного водораздела хребта Академии наук (Косиненко, 1911, 1915).

В результате работ этих исследователей было накоплено столько географических материалов, что взаимосвязь главного водораздела хребта Академии наук с главным водоразделом гор Петра I, местоположение многих

основных вершин этих водоразделов, взаимоположение ледников Гармо, Бивачного и Федченко стали уже известны до 1928 г.

Это заключение наглядно документируется схемой, составленной известным советским исследователем Средней Азии Н.Л. Корженевским и опубликованной им в 1927 г. в его работе «Мук-су и ее ледники» (Труды гидрометеорологического отдела Среднеазиатского метеорологического института, том I, выпуск I, Ташкент, 1927, вклейка на стр. 6).

Как известно, пиком Сталина называется вершина, высящаяся в той точке главного водораздела хребта Академии наук, от которой на запад отходит главный водораздел гор Петра I. Следовательно, местоположение вершины определяется исключительно четко и определенно.

Известно также, что пик Сталина расположен в верховьях ледников Гармо и Бивачного. Близ пика Сталина находятся две такие выдающиеся и популярные вершины Памира, как пик Гармо к югу и пик Евгении Корженевской к северу.

Такова действительность.

При сопоставлении этой картины с отмеченной выше схемой Н.Л. Корженевского, весьма наглядно видно, что схема правильно отряжает основное, интересующее читателя, — в месте стыка главного водораздела гор Петра I с главным водоразделом хребта Академии показана вершина, которую наблюдали исследователи, работавшие в районе до 1928 г. На схеме она указана в верховьях ледников Гармо и Бивачного. К югу от этой вершины помечен пик Гармо, а к северу — пик Евгении Корженевской.

Таким образом, местоположение вершины, высящейся в стыке главного водораздела гор Петра I с главным водоразделом хребта Академии наук, иными словами, местоположение вершины которая с 1933 г. называется «Пик Сталина», было определено и показано на карте, опубликованной еще до 1928 г.

В 1916 г. этот пик, при наблюдении его с юго-запада, отметили Я.И. Беляев — руководитель экспедиции Русского Географического общества на

ледник Гармо и П.И. Беседин — географ той же экспедиции. Так, в отчете Я.И. Беляева, на стр. 22 и 25, имеются указания, прямо относящиеся к пику Сталина (Беляев, 1923).

При описании верховья главного ствола ледника Гармо, где высится пик Сталина, П.И. Беседин отмечает:

«Главный водораздельный гребень, образовав заднюю стенку цирка Гармо, уходит в восточном направлении. Две грандиозные горы его доминируют над всеми другими. Одна из них высится в с.-з. углу цирка Гл. Гармо (ныне пик Ленинград. — Е.Г.), другая, еще большая, расположена восточнее его» (несомненно, пик Сталина. — Я.Г.) (Беседин, 1923, стр. 106).

Итак, приведенного выше, особенно схемы Н. Л. Корженевского 1927 г. и отчета П.И. Беседина 1923 г., вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что история открытия пика Сталина начинается не с 1928 г., а задолго до этой даты.

О ВЫСОТЕ ПИКА СТАЛИНА

На официальных картах, в географических атласах и учебниках, опубликованных в СССР до 1950 г., высота пика Сталина указана отметкой «7495», которая получена на основании работ Памирской экспедиции 1928 г. Академии наук СССР; эта высотная отметка определена, входившим в состав экспедиции, немецким топографом Р. Финстервальдером, по его фототеодолитной съемке хребта Академии наук с востока.

Во время съемки и на своих отчетных картах масштаба 1 : 50000 и 1 : 200000 Р. Финстервальдер назвал безымянную до 1928 г. вершину (ныне пик Сталина) с отметкой 7495 м — пиком Гармо (Finsterwalder, 1932). Это было ошибкой. В действительности пик Гармо, широко известный таджикам, живущим к западу от хребта Академии наук, находится в 15 км к юго-юго-востоку от пика Сталина.

Этот настоящий пик Гармо Р. Финстервальдер назвал новым именем— «пик Дарваз», определив его высоту в 6615 м.

В 1931 г. фототеодолитную съемку хребта Академии наук с юго-запада, в пределах бассейна Гармо, производил советский топограф И.Г. Дорофеев (Щербаков, 1933, стр. 21-22). Его определение высоты пика Сталина, насколько известно автору, не опубликовано.

В 1932 г. топографическую съемку хребта Академии наук с северо-запада, в пределах бассейна ледника Фортамбек, произвел советский топограф Ю.В. Вальтер. Высоту вершины (ныне пик Сталина), высящейся в месте стыка главного водораздела гор Петра I с главным водоразделом хребта Академии наук, Ю.В. Вальтер определил равной 7666 м (Вальтер и Москвин, 1933, стр. 458).

В конце 1932 г. участниками Памирских экспедиций Академии наук СССР было произведено сопоставление топосъемок, сделанных: с востока Р. Финстервальдером в 1928 г., с юго-запада И.Г. Дорофеевым в 1931 г. и с северо-запада Ю.В. Вальтером в 1932 г. Это сопоставление и выявило, что Р. Финстервальдер ошибочно назвал пиком Гармо ту вершину, которая, имея отметку 7495 м или 7666 м, высится в стыке главного водораздела гор Петра I с главным водоразделом хребта Академии наук.

Высотные отметки «7495» и «7666», полученные на основании работ двух Памирских экспедиций Академии наук СССР в 1928 и 1932 гг., с достаточной достоверностью определили, что вершина, высящаяся в месте стыка главного водораздела гор Петра I с главным водоразделом хребта Академии наук, — высочайшая в СССР. Эта вершина наименования еще не имела. По единодушному предложению участников Таджикской комплексной экспедиции 1932 г. она была названа «Пик Сталина» — в честь Иосифа Виссарионовича Сталина.

Название вершины «пик Сталина» впервые было опубликовано в 1933 г. в книге «Таджикская комплексная экспедиция 1932 г.», на стр. 35-36 и на стр. 16 — фотопанорама — вклейка (ТКЭ, 1933). Необходимо подчеркнуть, что

на стр. 35 той же книги история открытия пика Сталина освещена неправильно, что и было показано выше.

Пик Сталина открыт в результате труда многочисленных русских и советских исследователей и, особенно, благодаря работам экспедиций, организованных Русским Географическим обществом и Академией наук Союза ССР.

Первые сведения о вершине (ныне пик Сталина) были опубликованы в 1923 г. в отчетах экспедиции 1916 г., организованной Русским Географическим обществом, по инициативе Ю.М. Шокальского, на ледник Гармо.

На схеме, составленной и опубликованной в 1927 г. известным исследователем Средней Азии И.Л. Корженевским было указано точное местоположение вершины (ныне пик Сталина); определение местоположения вершины является основным условием в вопросе ее открытия.

Высотные отметки (7495 м и 7666 м), показавшие, что эта вершина является высочайшей в СССР, были получены в результате работ экспедиций 1928 г. и 1932 г., организованных Академией наук Союза ССР.

ЛИТЕРАТУРА

В списке литературы приняты следующие сокращения:

«СиМ» — журнал «На суше и на море», Изд. «Физкультура и спорт», М.

ТКЭ — «Таджикская комплексная экспедиция 1932 г.».

ТНЭ — «Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г.».

«ЕЖЕГОДНИК» — «Побежденные вершины».

Ежегодник советского альпинизм», Географгиз, М.

Абалаков Е. На высоте 7495 м. «СиМ», № 4, 1934.

Абалаков Е. На высоте 7495 м. К вершинам советской земли, I сборник, Географгиз, М., 1949.

Абалаков Е. На северо-западном Памире, «Ежегодник», Географгиз, М., 1948.

Беляев Я.И. На ледниках Гармо. Известия Русского Географического общества, т. 55, вып. 1, 1923.

Беседин П.И. На ледниках Гармо. Известия Русского Географического общества, т. 55, вып. 1, 1923.

Бугаев В.А. На леднике Федченко, Гидрометеоиздат, Л., 1948.

Вальтер Ю.В. и Москвин А.В. Северо-восточные склоны хребта Петра Великого. ТКЭ., ОНТИ. Л., 1933.

Гусак Н.А. Штурм пика Сталина (воспоминания). К вершинам советской земли, Географгиз, М., 1949.

Косиненко Н.И. Извлечение из доклада капитана Косиненко о поездке на Памиры и в Восточную Бухару. Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, т. 8, вып. I, Ташкент, 1911.

Косиненко Н. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. Известия Русского Географического общества, т. 51, вып. 3, 1915.

Корженевский Н.Л. Мук-су и ее ледники. Труды Гидрометеорологич. отделения Среднеазиатского метеорологического института, т. I, вып. I, Ташкент, 1927.

«СиМ», № 11, 1937, стр. 5.

Тимашев Е.В. Маршрутные геоморфологические наблюдения в верховьях ледника Сугран летом 1947 г., Известия Всесоюзного Географического общества, т. 81, вып. 4, 1949.

ТКЭ. ОНТИ. Л., 1933.

ТПЭ. ОНТИ. Л., 1934.

Щербаков Д.И. Памирская высокогорная экспедиция 1931 г. Труды экспедиции, вып. 1 (16). Отчеты, Изд. Академии наук СССР, Л., 1933.

Finsterwalder R. Geodatische, topographische und glaziologische Ergebnisse. Wissenschaftliche Ergebnisse der Alai-Pamir Expedition 1928. Berlin, 1932. In zwei Banden.

ХРЕБЕТ ИМЕНИ СТАЛИНА

Горный хребет имени Иосифа Виссарионовича Сталина — один из наиболее высоких в Тянь-шане, расположен на территории СССР, в массиве Хан-тенгри, в верховьях реки Инылчек, левого притока Сарыджаса (бассейн Тарима).

Хребет имени Сталина входит в ту систему Тяньшанских хребтов (Кок-шаал-тау, Сталина, Сарыджасский, Терскей Ала-тау, Северный, Халык-тау и связующий их Меридиональный), которая образует орографический костяк центральной части массива Хан-тенгри (Тимашев, 1949). Главная вершина хребта — Хан-тенгри.

Хребет имени Сталина протягивается в широтном направлении. На востоке он начинается от Меридионального хребта мощной вершиной Шатер (6650 м), а на западе, выклиниваясь у устья-долины Северного Инылчека, оканчивается острым скальным мысом Броненосец. Вдоль южной подошвы, хребта залегает величайший ледник Тянь-шаня Южный Инылчек (длина 59 км)[1], а вдоль северного склона — крупный ледник Северный Инылчек (длина около 35 км). У подножия северо-западного конца хребта имени Сталина находится чрезвычайно интересное ледниковое «озеро Мерцбахера», длина около 4 км; оно замечательно режимом своего существования (Погребецкий, 1935, стр. 42-48, 170), а также айсбергами, достигающими в надводной части высоты трехэтажного дома (Михайлов, 1933, стр. 77).

Длина хребта имени Сталина ок. 40 км, ширина подошвы до 8 км. Абсолютные высоты достигают 6995 м, относительные (над поверхностью ледников Северного и Южного Инылчека) до 2500 м (у пика Хан-тенгри); отметка абсолютной высоты у подножия Броненосца около 3350 м.

Хребет сложен главным образом осадочными породами палеозойского (каменноугольного) возраста; нижняя (большая) часть — темными сланцами,

[1] Измерено автором по карте масштаба 1 : 100000, составленной по материалам Экспедиции 1943 г. Измерения произведены по осевой линии главной ветви ледника (см. схему) от гребня Кок-шаал-тау; средняя величина семи измерений определилась цифрой 59,4 км.

верхняя — светло-желтоватыми мраморизованными известняками (пик Хан-тенгри).

Большая часть площади склонов этого хребта одета мощным покровом вечных снегов. Снеговая граница (по наблюдениям 1932 г.) на северном склоне хребта проходит на уровне 3800 м, южные склоны бесснежны до высоты 4500 м (Жавжаров, 1935, стр. 471).

Семь вершин хребта имени Сталина превышают абсолютную высоту 6000 м, все они находятся в восточной его половине.

По форме, абсолютным и относительным высотам, а также по трудности восхождения наибольшее внимание привлекают пять пиков хребта (см. схему). На его крайнем востоке массивная двуглавая вершина Шатер: восточная ее голова — 6650 м, западная — 6637 м; они отделены друг от друга почти двухкилометровым пологим гребнем. Далее к западу расположены пик Хан-тенгри (6995 м), пик Чапаева (6371 м), пик М. Горького (6050 м) и безымянная вершина высотой 5860 м.

Самый высокий пик хребта имени Сталина — Хан-тенгри (в переводе с монгольского «Властелин неба») — стоит в ряду наиболее широко известных и замечательных горных вершин мира.

В 20 км к юго-юго-западу от этой главной вершины хребта высится горный исполин — пик Победы, который своим названием отмечает на географической карте мира историческую победу советского народа, одержанную под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

* * *

До 1950 г. пять групп советских альпинистов достигли гребня хребта имени Сталина, покорив при этом два его «шеститысячника».

18 августа 1931 г. Г. Суходольский и В. Федосеев, участники экспедиции Центрального Совета ОПТЭ[1], после трехсуточного штурма поднялись с ледника Северный Инылчек на восточное плечо (более 6 000 м)

[1] Общество пролетарского туризма и экскурсий. — Ред.

пика Хан-тенгри. Это были первые люди, ступившие на гребень хребта имени Сталина. Глубоко под ними, по другую сторону гребня, расстилались фирновые поля Южного Инылчека. Исследуя возможности дальнейшего восхождения на вершину «Властелина неба», по его восточному ребру, Г. Суходольский и В. Федосеев поднялись еще метров на 300 (Михайлов, 1933, стр. 80; Гусев, 1949, стр. 467).

11 сентября 1931 г. три участника Украинской экспедиции после шестисуточного тяжелого штурма совершили под руководством М.Т. Погребецкого первовосхождение на вершину Хан-тенгри. Три года серьезной подготовительной работы увенчались замечательной победой советского альпинизма. Первовосхождение было, совершено с ледника Южный Инылчек, на западное плечо Хан-тенгри и от него по юго-западным склонам, до вершины (Погребецкий, 1932, 1935, 1949).

Притягательная сила «Властелина неба» для альпинистов настолько велика, что его продолжали штурмовать новые группы.

24 августа 1936 г. три участника альпинистской экспедиции Казахской ССР под руководством Е.М. Колокольникова достигли вершины Хан-тенгри, почти по пути первовосходителей (СиМ, 1936, № 10, стр. 2).

5 сентября 1936 г. пять альпинистов спортивной группы ВЦСПС под руководством Е. М. Абалакова, также по маршруту первовосходителей, совершили подъем на ник Хан-тенгри (Е. Абалаков, 1936). Итак, три группы советских горовосходителей, всего 11 человек, побывали на самой высокой вершине хребта имени Сталина, эффектным ориентиром видной с различных удаленных пунктов Тянь-шаня. 20 августа 1937 г. три участника Алмаатинскго клуба альпинистов под руководством И. Тютюнникова совершили в честь 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции первовосхождение на пик, расположенный к западу от Хан-тенгри (Тютюнников, 1938). Высота его (по материалам экспедиции 1943 г.) 6371 м. Первовосходители назвали покоренную ими вершину «пик Чапаева»

в честь народного героя гражданской войны — Василия Ивановича Чапаева (погиб в 1919 г.).

Таковы основные результаты альпинистского освоения хребта имени Сталина, достигнутые в годы сталинских пятилеток.

Еще непокоренные здесь вершины представляют значительный альпинистский интерес, который усиливается благодаря географическому местоположению хребта.

Восхождения на пики высотой более 6000 м на параллели хребта имени Сталина, учитывая неустойчивые климатические условия массива Хан-тенгри, послужат серьезной подготовкой для организации дальнейших экспедиций на вершины, превышающие 7000 м.

Наиболее разносторонние альпинистские и географические материалы могут быть получены в результате восхождения на «Шатер» (6650-6637 м) — вторую по высоте вершину хребта имени Сталина; при наблюдении ее в 1946 г. с пика Мраморной стены (6146 м) она была названа так автором (условно, для большей определенности описания наблюдений) за свою форму (Летавет и Тимашев, 1948).

* * *

Первые сведения о существовании хребта, разделяющего ледник Инылчек на две ветви, северную и южную, были опубликованы в 1904 и 1905 гг., в двух статьях участника итальянской экспедиции (Brocherel, 1904, 1905). Ставя своей целью восхождение на Пик Хан-тенгри, участники этой экспедиции искали пути к подножию вершины. В 1900 г. они из долины Каинды поднялись на гребень Инылчекского хребта и с седловины, названной ими Ак-мойнак, наблюдали хребет, в котором высится Хан-тенгри.

Южные склоны этого хребта впервые были обследованы в 1903 г. мюнхенским географом и альпинистом Г. Мерцбахером. Путь в долину Северного Инылчека ему преградило озеро; впоследствии оно было названо советскими исследователями «озеро Мерцбахера» (Погребецкий, 1935, стр.

64). По леднику Южный Инылчек путешественник дошел до подошвы пика Хан-тенгри.

К подножию северных склонов хребта имени Сталина впервые проникли в 1930 г. участники двух экспедиций советских альпинистов.

Руководитель альпинистской группы Центрального Совета Осоавиахима и ОПТЭ Г. Суходольский проник к северному подножию хребта имени Сталина, с большим риском обойдя озеро по скалам. В 1930 г. по леднику Северный Инылчек Г. Суходольский закончил свое движение вперед в 8 км от северного подножия Хан-тенгри (Суходольский, 1931).

Самодеятельная группа московских альпинистов (организацию которюй поддержал журнал «Знание — сила») в составе В. Гусева, З. Косенко, Н. Михайлова[1], И. Рыжова решила обойти озеро Мерцбахера иным путем. С ледника Мушкетова группа перевалила Сарыджасский хребет и спустилась к леднику Северный Инылчек уже восточнее озера (Михайлов, 1933). Пройденную седловину группа назвала «перевал Пролетарской печати» (Гусев, 1949, стр. 456).

Планомерное, систематическое изучение и альпинистское освоение массива Хан-тенгри, включающего хребет имени Сталина, началось с первого года первой сталинской пятилетки (Михайлов, 1933; Погребецкий, 1935; Гусев, 1949).

До 1935 г. водораздел между долинами Северного и Южного Инылчека назывался «хребет Барьер», или «Центральная цепь».

В честь Иосифа Виссарионовича Сталина хребет был назван участниками Украинской научной экспедиции, работавшей в массиве Хан-тенгри в 1933 г. в связи со 2-м международным полярным годом.

Название «хребет имени Сталина» впервые опубликовано в 1935 г. в трудах этой экспедиции (ТУНЭ, 1935, стр. 407-524).

[1] Ныне известный писатель-географ, лауреат Сталинской премии.

ЛИТЕРАТУРА

В списке литературы приняты следующие сокращения:

«СиМ» — журнал «На суше и на море», Изд. «Физкультура и спорт», М.

ТУНЭ — Труды Украинской научной экспедиции в Центральный Тянь-шань, т. 2, Харьков.

Абалаков Е. Фотография «На северо-западных Скалах вершины Хан-генгри. Место, где оставлена записка о восхождении», «СиМ», № 11, стр. 24, 1936.

Анучин Д.Н. Исследования Г. Мерцбахера в Тянь-шане. Землеведение, кн. 4, М., 1911.

Русев В.Ф. На Северный Инылчек. К вершинам советской земли сборник, Географгиз, М., 1949.

Демченко М.А. История исследования восточной части Центрального Тянъ-шаня. Известия Государственного Географического общества, т. 71, вып. 5, 1939.

Жавжаров А.А. Ледник и долина Северный Инылчек, ТУНЭ, 1935.

Летавет А.А., Тимашев Е.В. Покорение пика Мраморной стены. Ежегодник, Географгиз, М., 1948.

Мекк А. Массив Хан-тенгри. Землеведение, кн. 1-2, М., 1907.

Михайлов Н.Н. Хан-тенгри, М., 1933.

Погребецкий М.Т. Как был взят Хан-тенгри, «СиМ», № 7 и 9, 1932.

Погребецкий М.Т. Три года борьбы за Хан-тенгри, Харьков, 1935.

Погребецкий М.Т. В глубь Центрального Тянь-шаня. К вершинам советской земли, сборник, Географгиз, М., 1949, стр. 360.

«СиМ», 1936, № 10, стр. 2.

Суходольский Г.П. Хан-тенгри, «СиМ», № 16, 1931.

Тимашев Е.В. Материалы к орографии массива Хан-тенгри. Проблемы физической географии; вып. 14, изд. АН СССР, М., 1949.

ТУНЭ — 1935.

Тютюнников И. «СиМ», № 3, стр. 14, 1938.

Brocherel, Prof. Giuglio. In Asia Centrale. Bolletino Soc. Geogr. Ital. Maggio — Luglio. 1904.

Brocherel, Voyage du Prince Scipion Borghese aux Monts Celestes. Le Tour du Monde, № 39-43. Paris, 1905.

Merzbacher G. Vorlauliger Bericht uber eine in den Jahren 1902 und 1903 ausgefiihrte Forschungsreise in den zentralen Tian-Schan. Getha, 1904.

Merzbacher G. The Central Tian-Shan. Mountains 1902-1903, London, 1905.

ЛЕДНИК СТАЛИНА

На территории Таджикской ССР, в горах Памира, расположен крупный ледник имени Сталина, являющийся притоком Бивачного (бассейн ледника Федченко).

Верховья ледника Сталина залегают у подножия восточных склонов главного водораздела хребта Академии наук СССР. Ледник имеет два левых притока. Питание главного ствола ледника осуществляется вечными снегами, накапливающимися на восточных склонах пика Сталина (7495 м), пика «Правды» (6406 м), а также на северо-восточных склонах пика Молотова (6868 м). Длина ледника от пика Сталина (как и от пика «Правды») и до слияния с Бивачным около 13 км; ширина — от 600 до 2000 м.

До настоящего времени еще нет гляциолого-геоморфологической характеристики всего ледника Сталина, между тем тип питания главного ствола его в связи с особенностями (ступенчатость) строения рельефа в его верховьях несколько необычен.

Поверхность ледника у подножия восточного ребра пика Сталина имеет абсолютную высоту около 4600 м.

В районе нижней части ледника имеются вершины не только Высшей, но и умеренной трудности, с которых открывается широкий кругозор для наблюдений на пик Сталина, пик Молотова, пик Ворошилова и на часть ледника Федченко.

Впервые мимо устья ледника Сталина, двигаясь в 1909 г. вверх по Бивачному леднику, прошел с солдатами капитан Н. Косиненко (Косиненко, 1911, 1915).

В 1928 г., во время работ Памирской экспедиции Академии наук СССР, ледник Сталина был заснят издали при помощи фототеодолитной съемки Р. Финстервальдером (Finsterwalder R., 1932).

В 1933 г. топографом И.Г. Волковым была произведена инструментальная съемка всего ледника Сталина в масштабе 1 : 50000, чем внесены были существенные дополнения и исправления к карте Р. Финстервальдера (ТПЗ, 1934, стр. 42).

В 1933 и 1937 гг. по леднику Сталина проходил путь восходителей на высочайшую вершину СССР (см. «Пик Сталина»).

Ледник назван по имени вершины (пик Сталина), которая высится в верховье главного ствола ледника и со склонов которой в ледник поступают основные массы питающего его фирна.

Название «Ледник Сталина» впервые опубликовано в 1933 г. в тексте (ТКЭ, стр. 536) и в 1934 г. на схеме (ТПЭ, ст. 431).

ЛИТЕРАТУРА

Косиненко II.И. Извлечение из доклада капитана Косиненко о поездке на Памиры и в Восточную Бухару. Известия Туркестанского отдела Русского Географического общества, т. 8, вып. 1, Ташкент, 1911.

Косиненко И. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза. Известия Русского Географического общества, т. 51, вып. 3, 1915.

ТКЭ — Таджикская комплексная экспедиция 1932 г., ОНТИ, Л., 1933.

ТПЭ — Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г., ОНТИ, Л., 1934.

Finsterwalder R. Geodatische, topographische und glaziologi-sche Ergebnisse. Wissenschaftliche Ergebnisse der Alai-Pamir Expedition 1928. Berlin. 1932. In zwei Banden.

Е.В. Тимашев

ПИК СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Пик Сталинской Конституции находится в юго-восточной части хребта Куйлю в Центральном Тянь-шане, на территории Киргизской ССР.

Тянь-шань — одна из наиболее сложных горных систем Советского Союза. К югу от озера Иссык-куль расположены хребты Центрального Тянь-шаня — Терскей Ала-тау, Куйлю, Ак-шийряк, Чакыр-корум, Борколдой, Кок-шаал-тау. Хребет Куйлю отделяется от хребта Терскей Ала-тау широким ущельем р. Куйлю. Хребты эти смыкаются в районе Каракольского пика.

Уже при переходе через перевалы в восточной части Терскея внимание путешественника невольно привлекают далекие грандиозные ледяные пики восточной части хребта Куйлю. Путешественники прошлого столетия, наблюдавшие Куйлю с верховьев Сарыджаса, высказали предположение, что главная вершина Куйлю лишь немного уступает по своей высоте Хан-тенгри. В 1902 г. проф. В.В. Сапожников перешел через перемычку, соединяющую Куйлю и Терскей (перевал Куйлю) и, обогнув хребет Куйлю с запада, спустился в ущелье р. Теректы. Однако достичь юго-восточного угла хребта где расположены главные вершины Куйлю, ему не удалось.

Летом 1936 г. самодеятельная группа автора этих строк поставила себе задачу несколько раз пересечь Куйлю в его восточной части и определить характер и местоположение основных вершин. Задача эта была выполнена. Были пройдены ущелья Б. и М. Талды-су и найдены перевалы в систему Теректы.

…В начале августа 1936 г. группа альпинистов после утомительного дневного перехода уже к вечеру поднялась на седловину, замыкающую ледник Б. Талды-су. На седловине вся группа остановилась, как очарованная. В лучах вечернего солнца сверкала перед альпинистами прекрасная, стройная вершина, скованная льдами. Остроконечной пирамидой с небольшим плечом возвышалась она над ледником, стекавшим на юг (ледник Аю-тор). Особенно поражала ее большая относительная высота, примерно

двухкилометровой стеной поднималась она над поверхностью ледника. Вся усталость участников группы сразу исчезла, и долго не могли они оторваться от представшего зрелища.

Вершину решено было назвать пиком Сталинской Конституции, в честь исторического акта 1936 г. — разработки и утверждения Конституции Советского Союза, Основного Закона страны победившего социализма.

В следующем, 1937 г., Всесоюзный Комитет по делам физической культуры и спорта направил на Тянь-шань альпинистскую экспедицию, также возглавлявшуюся А. Летаветом. Одной из задач экспедиции было первовосхождение на пик Сталинской Конституции. После ожесточенной трехдневной борьбы 7 сентября 1937 г. штурмовая группа в составе И. Черепова, В. Мухина, Н. Попова и В. Рацека достигла вершины. Высота вершины оказалась равной 5250 м. Всем наблюдавшим вершину как вблизи, так и издали она казалась значительно более высокой, такое впечатление, надо полагать, создавалось вследствие ее необычайно стройной формы и большой относительной высоты.

А.А. Летавет

СТАЛИНОВ ШТИТ В ТАТРАХ

На северо-востоке Чехословакии, на границе с Польшей, в словацких Западных Карпатах поднимается хребет Высоких Татр. Он протягивается с запада на восток на 58 км, отсылая к северу и к югу мощные отроги.

Многие вершины Высоких Татр поднимаются выше 2500 м. Самая высокая из них — Герлаховский штит[1] (пик) 2663 м — высшая точка не только Чехословакии, Но и всех Карпат. Мощным конусом возвышается пик над остальными вершинами хребта.

Сам хребет Высоких Татр, собственно Высокие Татры, сложен гранитами и резко отличается от остальных хребтов Словакии тем, что

[1] Штит — по-чешски «пик».

вместо ландшафта пологих закругленных («гольцовых») хребтов, покрытых сплошными альпийскими лугами, здесь господствует скалистый высокогорный альпийский ландшафт. Гранитные хребты Высоких Татр носят следы последнего оледенения, когда в Татрах было около 45 ледников, имевших языки до 10 км длиной. Ледники покрыли подножие и склоны хребта моренами, превратили узкие ущелья горных рек в широкие троги, а верхние части долин, где скапливался фирн, — в большие цирки или кары с отвесными стенами. Широкие округлые хребты, изъеденные карами, приобрели вид зигзагообразно проходящих острых зубчатых гребней, над которыми, между Ломницким штитом и Криванем, возвышается Герлаховский штит.

Туристу, собирающемуся подняться на Герлаховский штит из Липтовской котловины, горы кажутся сплошной стеной. Нижние части их склонов пологи, покрыты плащами водно-ледниковых отложений, усеяны грядами морен, за которыми часто расположены обширные, но неглубокие моренные озера. Эти озера постепенно зарастают и превращаются по краям в торфяники. Таково, например, обширное озеро Штрбске плесо, площадью в 20,5 га и глубиной в 19 м. Озера расположены среди густых хвойных лесов, покрывающих нижние склоны хребта. Эти леса состоят большей частью из огромных елей, пихт и лиственниц, одевающих склоны гор до высоты 1500 м.

Выше деревья редеют и понижаются, начинается зона криволесья из карликовых согнутых и скрюченных елей, стелющихся видов сосны и кедрового стланика. В верхней границе криволесья к ним примешиваются кусты карликового можжевельника и карликовой ивы. Здесь становятся более заметны особенности долин, расширенных и разработанных ледниками; то тут, то там синеют в скалистых ложах озера, подпруженные моренами, перегораживающими долины. Все чаще выступают крутые склоны, покрытые каменистыми осыпями.

На высоте 1700 м криволесье кончается, начинается зона альпийских лугов из плотных дернин белоуса, овсяницы, осок и сеслерии, среди которых пестреют цветы горечавки, альпийских гвоздик и вероники. Кое-где, до высоты 2000 м, разбросаны кустики стелющейся ивы или карликового можжевельника. Но полного развития, как в соседних хребтах, зона альпийских лугов здесь не получает из-за большой крутизны склонов, мощных конусов осыпей, отсутствия благоприятных условий почвообразования. Альпийские лужайки разбросаны по редким участкам пологих склонов.

Зато здесь во всей красе выступает высокогорный альпийский облик Высоких Татр. Склоны прорезаны глубокими троговыми долинами, устланными донной мореной. Склоны долин круто обрываются скалистыми стенами, испещренными ледниковыми шрамами и бороздами. По скалистому ложу долины мчатся быстрые горные потоки, образующие перед гранитным порогом бирюзовые озера, низвергающиеся за ним стремительным сверкающим каскадом. Такие же каскады и водопады с шумом падают в главную долину из висячих боковых долин, обычно лежащих на большей высоте, чем главные. Некоторые каскады в Высоких Татрах (как, например, Малого Студеного потока) падают с высоты около 300 м. В нижних частях долин потоки прорываются через бастионы морен, перегораживающих долины.

Замечательным украшением Татр служат ледниковые озера, или «морские очи», как называет их народ. Множество озер разбросано в долинах и по склонам гор, но самый блестящий «венец» их сосредоточен на высотах от 2000 до 2100 м. На дне цирков обычно синеют озера, окруженные с трех сторон отвесными скалистыми стенами, а с четвертой стороны подпруженные гранитным порогом — ригелем. Обломки скал и осыпи спускаются от подножия стен цирков в озера.

21 декабря 1949 г., в день 70-летия родного **Сталина**, альпинисты Северной Осетии взошли на Шау-хох (4 646 м).

Фото Б. ГОЛУБЕВА.

В 6 км от Софии, на горе Витош
расположена хижина «Алеко».
В декабрьские дни 1949 г. в горы вышли
участники сталинских походов.

«Сталинов штит — пик Сталина. 2663 м.
В знак благодарности за освобождение.
21.XII.1949 г.» — Так гласит текст
памятной доски.

Немного выше в гранитный хребет врезаны кары, тоже хранящие на дне прозрачные холодные озера меньших размеров. Все озера невелики по площади, глубина их достигает 50 м (например, Великого Гинцова озера), у некоторых — до 70-80 м. В некоторых озерах на северных склонах хребта все лето сохраняется береговая к кромка льда (Ледове плесо на высоте 2052 м).

Самые верхние части хребтов Высоких Татр и высочайшие вершины, например, Герлаховский штит, представляют собой зубчатые гребни и скалистые конусы со склонами, как бы изъеденными ледниковыми карами. Они возвышаются в виде гранитных стен, башен и бастионов над каменными глыбами осыпей. До самых вершин здесь нет другой растительности, кроме мхов и лишайников.

Высочайшие вершины Татр почти достигают снеговой границы, но, вследствие крутизны склонов, здесь нет современных ледников и фирновых полей. Снег лавинами скатывается с отвесных склонов, и только в затененных местах все лето сохраняются небольшие снежники. Площадь всех снежников Высоких Татр составляет 1 кв. км.

Климат Высоких Татр суров. Здесь часты сильные ветры, даже бури, а зимой — снежные метели. В глубоких долинах южного склона, в укрытых от ветра местах с прекрасным климатом, построены хорошо оборудованные курорты для легочных больных.

Самые частые посетители Высоких Татр и их высшей точки — Герлаховского штита — альпинисты и туристы, тысячи их с рюкзаками и лыжами поднимаются в горы и совершают туристские походы через Татры, предпринимают зимние восхождения на вершины.

Не только чешские спортсмены, члены Чехословацкого сокольского союза и многочисленных спортивных обществ, проводят здесь свои отпуска или каникулы. Сотни спортсменов братских народных республик — поляков, венгров, румын, болгар — поднимаются на татранские хребты, штурмуют их вершины.

Альпинисты и туристы всей страны принимают самое активное участие в строительстве новой Чехословакии. Вместе со всем народом они строят социализм под руководством коммунистической партии и при неизменной поддержке друга чехословацкого народа и вождя всего прогрессивного человечества великого Сталина.

В честь семидесятилетия со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, в знак любви и уважения к великому вождю народов, было принято решение переименовать Герлаховский штит — наивысшую точку Карпат — в пик Сталина (по-словацки — Сталинов штит).

Торжество переименования превратилось в яркую демонстрацию любви и дружбы народов Чехословакии к Советскому Союзу.

Группа альпинистов совершила трудное зимнее восхождение на вершину, укрепила там памятную доску.

ВЕРШИНА СТАЛИН

На западе Болгарии поднимается массив Рила-Планина, связанный на востоке с Родопскими горами, а на севере — с массивом Средна-Планина. Рила — часть древнего македонско-фракийского массива, поднявшаяся в виде огромного гарного блока, сложена древними породами: гранитами, гнейсами и слюдистыми слайдами.

Зубчатые вершины с крутыми скалистыми стенами, не стаивающие даже летом снежники, живописные горные озера и бесчисленные быстрые потоки — все это придает Риле облик альпийского высокогорного района.

Издали Рила выглядит как единый монолитный горный массив, а в действительности она расчленена речными долинами, разделяющими ее на несколько частей.

Мусалинский отрог, между р. Белим Искыром и Крива-рекой, — самый высокий в Риле. Здесь поднимается вершина Мусала (2925 м), высшая точка

Болгарии и всего Балканского полуострова, часто тонущая в тумане или закрытая густыми облаками.

Дорога на Мусалу идет сначала через прекрасный широколиственный лес из мощных дубов и буков, который на высоте 1000 м сменяется густым хвойным лесом, где гигантские стволы стройных сосен достигают 30-40 м высоты. Ветвистые кроны сосен и вершины елей, особенно во влажных местах, где деревья стоят теснее, сплетаются так, что под их пологом всегда царит мрак. Здесь прячутся белки, дикие кошки и рыси.

По мере подъема деревья становятся ниже, лес редеет и на высоте около 1000 м переходит в криволесье с изогнутыми, приземистыми деревьями и кустарниками. Еще выше на пологих, относительно выровненных склонах раскинулись альпийские луга с полянами, покрытыми пестрыми цветами и темно-зелеными пятнами торфяников и болот.

Над зелеными альпийскими лугами поднимаются крутые, голые скалистые склоны зубчатой вершины Мусалы, с каменистыми осыпями у подножия.

На живописной поляне находится приют «Мусала» — двухэтажное здание из гранита и железобетона. Турист и альпинист найдут здесь нары с матрацами и одеялами на 180 человек, а при необходимости здесь может поместиться и до 250 туристов. Приют связан телефоном с постом Быстрицей и с метеостанцией на вершине горы. От него совершаются походы по окрестностям вершины, на озеро Гренчар, в знаменитый Рилский монастырь, к приютам «Крекманский» и «Скакавица».

От приюта тропа поднимается по склону вдоль Ледяного озера, одного из семи высокогорных ледниковых озер этого района. Ледниковый период оставил на Мусале и рильских хребтах свои следы в виде морен и цирков. Ледники в цирках растаяли, образовав озера с кристально чистой студеной водой. Эти озера — одно из великолепных украшений «первенца болгарских гор». Они расположены амфитеатром среди моря каменных глыб на высоте

от 2000 до 2768 м. На самом высоком из озер (2768 м) все лето удерживается кромка льда, потому оно и называется «Ледяным озером».

Тропа приводит к каменной хижине, последней перед подъемом на вершину. Дальше она извивается по крутой осыпи. Преодолев крутизну, турист поднимается, наконец, на желанную вершину.

Чудесная панорама Болгарии открывается перед глазами. Вершины гор теснятся одна за другой, и цепи горных хребтов исчезают в тумане на горизонте. Издалека блестит купол собора Александра Невского в столице Софии. Совсем близко на востоке поднимаются заостренные вершины: Ибер (2886 м) и Коларов (2850 м). На Мусале построена метеорологическая станция, где ведутся регулярные наблюдения, даются прогнозы погоды.

Большую часть года осадки выпадают здесь в виде снега, толща которого образует многочисленные снежники. С крутых склонов спадают в глубину долин лавины, увлекая глыбы камней, валя вековые деревья. Снежники в затененных местах северных склонов не стаивают до нового снега. Вместе с озерами они дают начало многочисленным бурным горным потокам. Изучение снежников и альпийских озер наблюдателями метеостанции имеет большое значение для гидроэнергетического хозяйства республики. Мусала со своими синими озерами и живописными скалами привлекает множество альпинистов и туристов. Особенно интересуют альпинистов зимние восхождения на вершину.

Болгарские туристы и альпинисты плечом к плечу со всем народом строят новую социалистическую Болгарию под руководством болгарской коммунистической партии, при неизменной поддержке великого друга и вождя всего прогрессивного человечества товарища Сталина.

В знак своей любви и уважения к великому Сталину 40 туристов и альпинистов. Софийского спортивного общества «Динамо» совершили 22 сентября 1949 г. восхождение на Мусалу и от имени всего благодарного болгарского народа установили на вершине большой бюст И.В. Сталина.

В связи с семидесятилетием любимого вождя народов товарища Сталина 19 декабря 1949 г. указом Президиума Великого народного собрания Болгарии вершина Мусала была переименована в «вершину Сталин». 20 декабря 1949 г. начался большой лыжно-туристский поход на вершину, организованный республиканской секцией туризма, альпинизма и лыжного спорта.

Утром 20 декабря в Боравец прибыло несколько десятков туристов, альпинистов-лыжников. К ним присоединились туристы из Самокова. К вечеру участники достигли приюта у вершины, где состоялся торжественный вечер в честь лучшего друга болгарского народа — великого Сталина. Рано утром группа участников поднялась на вершину, на которой было отмечено переименование самой высокой точки Болгарии и всех Балкан в «вершину Сталин».

Отныне на всех указателях, отмечающих путь к «первенцу болгарских гор», написано — «К вершине Сталин».

Г.А. Демидов

АЛЬПИНИСТСКИЕ ИТОГИ 1949 ГОДА

С законной гордостью все советские люди, труженики города и села, подводили итоги минувшего, 1949 г., четвертого года послевоенной сталинской пятилетки, наблюдая плоды своего созидательного труда в промышленности, сельском хозяйстве, передовой советской науке, определяя планы ближайшего будущего.

С чувством удовлетворения оценивали результаты своей спортивной и исследовательской деятельности и советские восходители, отважные разведчики мощных оледенений Большого Кавказа и горных хребтов Азии, зимовщики высотных обсерваторий Эльбруса и ледника Федченко, участники рекордных траверсов и наиболее значительных восхождений сезона, а также и рядовые альпинисты.

В СССР высокогорный спорт отмечает каждый прошедший год новыми ощутимыми сдвигами, неустанным продвижением вперед.

В капиталистических условиях альпинизм, как это с тревогой признают даже зарубежные ежегодники, резко идет на убыль, становясь воистину «спортом избранных» (читай — кучки особо состоятельных). Явление это не только естественное, но и неизбежное для маршаллизированных стран.

Принятое в декабре 1948 г. историческое постановление ЦК ВКП(б) о дальнейшем развитии физической культуры и спорта поставило важнейшие задачи — шире развертывать массовую физкультурную работу в стране, непрестанно повышать спортивное мастерство, добиваясь на этой основе завоевания в ближайшие годы советскими спортсменами мирового первенства по важнейшим видам спорта.

Постановление ЦК ВКП(б) сыграло огромную роль в развертывании массового физкультурного движения, повышении уровня спортивного мастерства советских физкультурников.

Указания партии определили те главные задачи, выполнение которых обеспечивает в конечном счете подъем всей спортивной работы. Советские горовосходители, работая под знаком выполнения этих решений, сумели добиться несомненных успехов.

Заметно выросло общее число участников горных походов. Советские люди, пламенные патриоты своей социалистической отчизны, по-сыновьи любят природу родной страны с полноводными ее реками, густыми чащами лесов, залитыми солнцем черноморскими берегами; любят они и своеобразную природу гор, суровую, но величественную, неизменно притягательную для альпиниста, для исследователя высокогорья.

«Возьмите географическую карту мира и посмотрите на очертания Советской страны, протягивающейся, как развевающееся боевое знамя, с запада на восток, — писал в своей посмертно опубликованной статье выдающийся исследователь горных кряжей страны академик А.Е. Ферсман... — У нас есть области, находящиеся на 130 м ниже Уровня океана. Есть далеко уходящие за линию вечных снегов вершины, крупнейшие в Европе и Азии действующие вулканы... Многообразен и разнообразен этот ландшафт».

Путешествуя по родной земле, альпинисты видят, как преображается вся страна; от крупных индустриальных центров и до далеких горных ущелий, всюду видят они плоды созидательной деятельности народа-творца, воплощающего в жизнь предначертания сталинского плана.

Отрадно отметить, что в прошлом году в горы вышло почти в полтора раза больше участников восхождений и походов, чем в 1948 г. Примечательно и то, что выросло число юношей и девушек, овладевших основами высокогорного спорта: было подготовлено по нормам значка «Альпинист СССР» больше восходителей, чем в довоенные годы, хотя в

некоторых добровольных спортивных обществах не вступили еще в строй их горные учебные лагери, существовавшие до войны.

Еще более разительные успехи достигнуты в деле покорения наиболее сложных горных массивов, в прохождении раскинувшихся на многие километры ледяных стен с последовательными восхождениями на все вершины маршрута. Можно утверждать, что в этой разновидности альпинистского спорта — сложных траверсах — советские мастера не только давно догнали, но и значительно превзошли лучшие достижения германских, австрийских, швейцарских и других зарубежных альпинистов.

В спортивных восхождениях наши мастера и их молодые товарищи по связке вновь продемонстрировали те высокие моральные качества, которые неизменно отличают советского человека сталинской эпохи: высокое чувство долга, умение преодолевать все возникающие на пути препятствия, глубокую преданность Родине и партии большевиков.

Примечательно также и то, что все эти победы явились прямым результатом как возросшего мастерства, так и более глубокого знания природы гор и их опасностей. Этим победам способствовали также новая, созданная нашими мастерами, отечественная техника горовосхождений и более совершенное снаряжение.

Столь часто читаем мы в дневниках наиболее известных восходителей Запада: «мы вверили себя року»... «наша жизнь зависела теперь от слепого случая»... «только чертовское везение позволило проскользнуть по этой стене без единой царапины». Подобная азартная игра со смертью, ставка на счастливую случайность в корне чужды советскому восходителю. В отличие от Запада с его культом индивидуализма, государство и советская общественность не только обеспечивают восхождения всем необходимым, но и требуют неуклонного соблюдения правил безопасности и других условий, предусмотренных спортивным кодексом альпинизма.

Восхождения на те вершины, которые альпинистская классификация относит к высшим категориям трудности, убедительно подтверждают новый

подъем высокогорного спорта в СССР. Достаточно сказать, что с 1948 по 1949 г. больше чем вдвое возросло число спортивных групп, выходивших в горы (с 463 до 1209), значительно увеличилось и .количество восхождений на вершины IV и V категорий трудности (с 52 до 94). О новом пополнении рядов участников труднейших восхождений способными, воспитанными за последние годы спортсменами свидетельствует и тот факт, что если в 1948 г. в восхождениях на «четверки» и «пятерки» приняло участие 205 человек, то в прошлом году число их достигло 448. Сколь разителен здесь контраст с буржуазным альпинизмом, который не мог избежать влияния разложения и маразма, столь характерного для всей культуры современного капитализма! Примечательно также для советского спорта и то, что ни одна из групп, выходивших на рекордные маршруты 1948-1949 гг., не имела сколько-нибудь серьезных аварий: новое доказательство возросшего спортивного класса и умения двигаться в сложнейших Условиях горного рельефа.

Следует указать, что наряду со старшим альпинистским поколением, сформировавшимися еще в довоенные годы мастерами высокогорного спорта, успешно дебютировала на таких ответственных маршрутах, как траверсы семи вершин группы Коштан-тау — Дых-тау или траверс Шхельды-тау, как восхождение на Восточную Шхельду и другие вершины, альпинистская молодежь спортивных обществ «Спартак», «Наука», «Локомотив».

Нет сомнения, что с расширением рядов советского альпинизма непосредственно связано и дальнейшее пополнение числа мастеров высокогорного спорта, которые сумеют еще выше поднять знамя своей Родины, обогатить новыми исследованиями отечественную науку.

Приведенные нами данные подтверждают, что послевоенный период явился не только периодом восстановления, но и дальнейшего развития советского высокогорного спорта, и, как указывалось в отчетном докладе Всесоюзной секции альпинизма, «за последние годы значительно возросла популярность альпинизма, повысился авторитет этого вида спорта, чему в

первую очередь способствовали выдающиеся восхождения наших спортсменов, увеличение массовости, вклад в дело изучения советской Родины».

Массовый советский альпинизм создал, как известно, свои формы работы, обусловленные тем новым содержанием, которое отличает физическую культуру нашей страны; формы, неведомые западноевропейскому буржуазному спорту, доступному, как указывалось выше, лишь немногочисленным, особо зажиточным слоям населения. Учебные высокогорные лагери спортивных обществ профсоюзов, походы выходного дня, работа общественных секций на предприятиях и в учебных заведениях, массовые альпиниады рабочих и служащих, восхождения самодеятельных групп, участие в научных экспедициях — каждая из этих форм должна быть умело использована руководителями спортивных организаций.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в послевоенные годы, когда спортивные общества уделяли основное внимание восстановлению своих учебных лагерей, значительная часть которых пострадала от войны, эти лагери оказались чуть ли не единственной базой подготовки альпинистов. Вполне очевидно, что в горных республиках молодежь располагает всеми возможностями для того, чтобы, используя выходные и праздничные дни, подготовить сотни и тысячи новых альпинистов.

В первом выпуске нашего «Ежегодника» сообщалось о том, какие массовые масштабы приняло движение скалолазов в Красноярском крае. При широкой поддержке советских и партийных организаций края и участии местной научной общественности, походы в сиенитовый заповедник «Столбы», систематическое изучение этого массива приняли поистине массовые масштабы. На «Столбах» проводят свои походы, научные экскурсии, соревнования тысячи и тысячи красноярцев.

Хороший почин проявили и спортивные организации Северной Осетии, где за один только год сумели почти втрое умножить число значкистов

«Альпинист СССР», где только в начале текущего года Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта наградил значком около 700 молодых рабочих и служащих. Альпинисты республики вложили немало труда в уточнение орографии и гляциологической статистики высокогорных районов Тепли, Караугома, Мидагравинского плато.

Подлинную сплоченность и большую выдержку проявили восходители республики в своем зимнем восхождении на вершину III категории трудности — Шау-хох. Памятные декабрьские дни 1949 г., когда весь советский народ, все прогрессивное человечество стремилось выразить свою безграничную любовь и преданность великому вождю и учителю товарищу Сталину, спортсмены Осетии решили ознаменовать первым восхождением на Шау-хох. Образ вождя и учителя, который нес в своем сердце каждый участник восхождения, вел четверку отважных альпинистов сквозь штормовые ветры и непроглядные метели. Закаленность группы, образцовая дисциплина, а главное, несгибаемая воля в достижении намеченной цели — вот что сплачивало участников трудного восхождения. Вершина была достигнута в тот радостный день, когда в празднично убранный зал Москвы народы всего мира несли слово своей любви и благодарности великому Сталину. В чем же причины успехов альпинистов Северной Осетии? Прежде всего в том, что к работе широко привлечена общественность, спортивные коллективы предприятий, учебных заведений, учреждений Дзауджикау и других населенных пунктов. В том, что работа ведется систематически, повседневно, а не ох улучая к случаю, от одной альпиниады до другой. Немалое значение имеет и поддержка, которую оказывает всем альпинистским начинаниям местный Комитет по делам физической культуры и спорта (тов. В.Я. Катов). Достаточно сказать, что восходители республики еще зимой начали деятельно готовиться к летним восхождениям; в низовых секциях альпинизма около 8 тысяч человек изучали основы техники альпинизма, законы горообразования, гляциологию и т.д. Все они выйдут в горы хорошо подготовленными.

Нет никаких сомнений в том, что почин североосетинских альпинистов должен быть подхвачен как ближними республиками (Грузия, Дагестан, Азербайджан), так и горными республиками Средней Азии.

Указания Центрального Комитета партии о развитии массовой физкультуры и спорта в области альпинизма могут быть в первую очередь реализованы усилением альпинистской работы в горных республиках.

Вместе с тем далеко не везде используются эти местные возможности, как справедливо указывала передовая статья газеты «Правда»: «В Казахстане — республике, знаменитой высочайшими горами, совершенно недостаточно развит такой вид спорта, как альпинизм» (26 мая 1950 г.).

Отрадно отметить, что спортсмены Кабарды достаточно успешно провели массовую альпиниаду на Эльбрус; продолжают освоение горных районов Заилийского Алатау и других хребтов восходители Казахстана, хотя их экспедиция к высшей точке Кок-шаал-тау вскрыла существенные недостатки в альпинистской работе. Казахская секция явно переоценила свои силы, не сумела правильно использовать опыт высотных восхождений, накопленный советским высокогорным спортом.

С явно неудовлетворительными итогами завершили прошлый год альпинистские организации Грузии, где, по сравнению с 1948 г., сократилось как число участников альпинистских походов, так и количество подготовленных значкистов. Отдельные успешные траверсы, восхождения и альпиниады жителей горных районов республики не могут служить тем щитом, за которым можно скрыть слабую массовую, спортивную и исследовательскую работу. Возможности для решительного улучшения работы в Грузии налицо, надо их только умело использовать, шире привлечь к работе актив (в республике насчитывается более 1400 значкистов и разрядников), поддержать инициативу местных секций.

Следует помочь филиалам грузинского альпинистского клуба, часть которых существует лишь на страницах отчетов, а не в действительности.

Советские альпинисты вправе гордиться тем, что, умело применяя свое спортивное мастерство, они неизменно обогащали новыми данными отечественную науку и расширяли сферы ее применения, прокладывали пути геодезисту, геологу, гидрологу, географу. Так за последние годы была проведена немалая работа на ледниках Эльбрусского района (Я.И. Фролов, Пятигорск), уточнена орография Заилийского Ала-тау (М.Э. Грудзинский, Алма-Ата) и Киргизского Ала-тау (Б.Р. Маречек, Фрунзе). В 1949 г. альпинисты совершили первовосхождения на безымянные вершины, предложив дать им названия — «пик Тихонова» (отрог Дых-тау — Коштан-тау), «пик Георгия Димитрова» (Киргизский Ала-тау), «пик Поля Робсона» (Терскей Ала-тау). Альпинисты участвовали в восстановлении высокогорной обсерватории «Приют 11» на Эльбрусе, работали на леднике Федченко, изучали лавинный режим Хибин и хребтов Памира, выполняли важнейшие задания в различных районах страны.

Однако научная подготовка отдельных мастеров и ведущего преподавательского состава страдает еще серьезными пробелами, особенно в деле ознакомления их с последними достижениями передовой советской науки (новые теории горообразования, итоги дискуссии по узловым вопросам географической науки, новые работы по климатологии и гляциологии и др.).

Планы отдельных альпинистских экспедиций и восхождений нередко учитывают лишь спортивные интересы и цели самих восходителей, упуская из поля зрения те научные, исследовательские задачи, которые могут и должны быть решены силами самих восходителей. Значительно большую активность в этом деле, хотя бы в согласовании планов альпинистских выходов в горы с научными кругами, могли бы проявить Всесоюзная секция альпинизма и особенно комиссии высокогорных исследований Всесоюзного Географического общества.

Уместно напомнить здесь слова маститого советского ученого Владимира Афанасьевича Обручева, обращавшегося с ними к восходителям:

«Дружба альпинистов с геологами несомненно оказалась бы взаимно плодотворной. Приведу в качестве иллюстрации тот факт, что для меня, ученого, посвящающего все свое внимание геологии Сибири, явилось неожиданностью сообщение, что за последние два года на обе вершины Белухи на Алтае были совершены восхождения альпинистов, попутно интересовавшихся геологическим строением этого горного хребта.

Насколько возросло бы научное значение побед нашего альпинизма, если бы его экспедиции преследовали также и исследовательские цели»[1].

В этом плане особенно выделяется в ряду восхождений 1949 г. поход на Эльбрус по необычному пути (с севера), предпринятый группой спортивного общества «Наука» под руководством научного сотрудника физического института Академии наук СССР К.Д. Толстова. Поход этот преследовал в первую очередь научные и вместе с тем глубоко патриотические цели — восстановить приоритет отечественных восходителей в покорении Эльбруса. Хотя группа Толстова и не достигла собственно вершины (непогода заставила ее начать спуск с седловины), она свою задачу выполнила. Обнаруженные ею на разных высотах (вплоть до 4800 м) метки, оставленные участниками русской экспедиции 1829 г., найденные на пути орудия материальной культуры начала XIX в. и, наконец, сличение пройденного маршрута с его описаниями, составленными 120 лет назад, неопровержимо доказали, что наш соотечественник Киллар побывал на вершине за 39 лет до английской экспедиции Фрешфильда (1868 г.).

Остается пожелать, чтобы наука все больше входила в уклад учебных лагерей, в работу спортивных групп, чтобы спортивное совершенствование шло рука об руку с повышением научных знаний каждого инструктора и мастера.

Альпинизм в нашей стране по праву зовут школой мужества и советского патриотизма, школой, призванной воспитывать подлинных строителей коммунистического общества. «Молодому советскому

[1] «Школа мужества», 1938, № 1.

поколению предстоит укрепить силу и могущество социалистического советского строя, полностью использовать движущие силы советского общества для нового невиданного расцвета нашего благосостояния и культуры. Для этих великих задач молодое поколение должно быть воспитано стойким, бодрым, не боящимся препятствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать» (А.А. Жданов)[1].

Вот почему политико-воспитательная работа в лагерях должна стать органической, неотъемлемой частью как учебного процесса, так и каждого спортивного мероприятия. Партия и правительство неизменно рассматривают физическую культуру как одно из средств коммунистического воспитания трудящихся. В альпинизме, где особенно ярко проявляются высокие моральные качества, характерные для советского человека, воспитательная работа должна быть не только предметом заботы парторга или помполита, но должна войти органической частью в работу каждого инструктора, мастера, тренера.

Достижения таких лагерей, как «Молния», «Металлург» (Туюк-су), «Химик», таких спортивных школ, как школа «Молнии», таких коллективов, как сборная команда московского «Спартака» или команды спортивных клубов Авиационного института и Высшего технического училища им. Баумана, явились прямым результатом как отличной спортивной подготовки, так и в еще большей степени моральной сплоченности коллективов, личного примера коммунистов, высоких моральных качеств, отличающих всю команду и каждого отдельного ее участника. Восхождения 1949 г. вносят новый вклад в развитие советского стиля в альпинистском спорте, убеждают в жизненности и новаторской силе нашей отечественной спортивной школы.

«Советский народ ведет большую созидательную работу. Замечательно при этом то, что на всех фронтах нашего великого социалистического строительства, во всех отраслях народного хозяйства, техники, науки ведущим началом является передовое, новое, прогрессивное. В этом

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». М., 1946, стр. 37-38.

сказывается огромное преимущество нашего строя. Наша обязанность состоит в том, чтобы и впредь опираться на передовое, всеми силами поддерживать его, всемерно приумножать и распространять прогрессивные начинания и положительные примеры нашей работы, вести дело так, чтобы все мы равнялись на достижения новаторов, передовых советских людей» (Г.М. Маленков)[1].

Нет сомнения, что и в нынешнем, 1950 г., советские восходители будут выступать как новаторы, как люди, ориентирующиеся на передовое, прогрессивное в работе, совершенствующие и развивающие это начало, победно утверждающие отечественный стиль в благородном высокогорном спорте.

Отважные исследователи высокогорья, пионеры, прокладывающие пути к вершинам, снова внесут свой вклад в науку и в отечественную индустрию, укрепляя экономическую мощь великой страны, высящейся над миром как величественный маяк, озаряющий новый путь миллионам и миллионам людей.

[1] 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Г.М. Маленкова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 года.

Год за годом все дальше продвигаются советские альпинисты в самые отдаленные горные районы Памира, Тянь-шаня, Алтая. Немало труда вложили они в исследование мощных оледенений, питающих влагой долины и поля, колхозы и совхозы. Гляциологи, энергетики, гидрологи, ирригаторы используют в своей работе результаты альпинистских разведок. Одной из таких работ была разведка Гандо, ледника Памира, по своим размерам и ресурсам превосходящего ледники Кавказа и соперничающего с наиболее крупными глетчерами Гималаев. Стекая с южных склонов хребта Петра I, Гандо питает реку Аму-дарью, орошающую поля Таджикистана, Узбекистана, Туркмении. Изучение и правильное использование водных ресурсов бассейна Гандо имеет немалое значение для планового развития хозяйства среднеазиатских республик. На фото: участник альпинистского похода 54-летний колхозник Давлят Холув (колхоз им. Ворошилова Сангворского района Гармской области) во время первовосхождения на пик Сакко (5166 м) в горах Петра I. На заднем плане ледник И.Г. Дорофеева, топографа, впервые установившего истинную длину ледника Федченко.

Фото Е. ТИМАШЕВА

ЭКСПЕДИЦИИ

В.С. ЯЦЕНКО
В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ХРЕБТА МУЗКОЛ

Наиболее мощный горный район нашей страны — Памир — в послевоенные годы все больше привлекает внимание альпинистов. Здесь сотни вершин ждут своих первовосходителей.

В этом горном районе открывается широкое поле деятельности для тех, кто стремится свои альпинистские походы сочетать с разрешением исследовательских задач географического характера.

Если в горах Кавказа восходители проходят школу овладения альпинистской техникой, начиная с азбуки альпинизма и кончая высшими ступенями, то для успешных восхождений на Памире надо овладеть не только альпинистским мастерством, но и пройти нелегкую экспедиционную подготовку.

Вначале внимание альпинистов было приковано на Памире к наиболее грандиозным узлам, районам пиков Ленина и Сталина на севере и северо-западе Памира. Последующие альпинистские экспедиции обследовали почти все широтные хребты Западного Памира, вплоть до юго-западного Шахдаринского хребта, увенчанного пиками Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Вместе с тем группа мощных хребтов Восточного Памира — Ваханский, Памирский, Базар-дара, Музкольский, — протянувшихся также в широтном направлении, остается сравнительно малоисследованной. Лишь единичные восхождения совершены в этих хребтах, представляющих большой интерес.

В течение трех лет (1940, 1948, 1949) группы одесских альпинистов совершили ряд восхождений на вершины Музкольского хребта, которому и посвящена наша статья.

Сильно развитая система отрогов восточной части Музкольского хребта потребует кропотливого изучения. Отдельные вершины поднимаются здесь выше 6000 м.

Наиболее доступна для изучения восточная часть хребта, вплотную подходящая к Памирскому тракту. Лучшей исходной позицией для выхода на хребет будет район перевала Ак-байтал, расположенный на значительной высоте (4700 м).

Район хребта вблизи Ак-байтала был обследован нами еще в июле — августе 1940 г. двумя первовосхождениями на вершины, которым мы присвоили название «пика Погребецкого» и «пика Райковой».

В августе — сентябре 1948 г. группа, руководимая автором этих строк, вновь обследовала этот район, повторив восхождение на пик Погребецкого. На этот раз мы поставили задачей — проникнуть значительно южнее перевала Ак-байтал, совершить первовосхождение на вершину, господствующую над массивом; подходы к ней были обследованы нами еще в первой поездке. Восхождение было совершено 5 сентября во время последнего кольцевого похода группы. Высоту пика мы определили лишь приблизительно (из-за отсутствия анероида со шкалой выше 6000 м,) в 6000 м, назвав его именем Академии наук Армянской ССР. В июле — августе 1949 г. группа, руководимая А.В. Блещуновым, совершила поход с севера на юг, через Музкольский хребет, начав его от долины р. Музкол и, выйдя к леднику Сассык Ак-байтальский, вернулась на тракт в 30 км от урочища Чечекты.

* * *

Музкольский хребет, или хребет Музкол, как и большинство хребтов Памира, тянется на 120 км почти точно в широтном направлении с запада на восток и, не доходя 10-15 км до Ак-байтала, разветвляется в двух направлениях. Северный отрог (длина 30 км) теряется в галечниковой пустыне, окаймляющей южный берег самого высокогорного в Советском Союзе озера Кара-куль (высота 3954 м). Юго-восточная ветвь уходит в широкую долину

р. Ак-байтал, заканчиваясь недалеко от перевала Ак-байтал. Близ урочища Чечекты в этом отроге возвышается одна из красивейших вершин района — Зор-чечекты.

Перевал Ак-байтал — отличный панорамный пункт, с которого хорошо видны на западе разветвления хребта. Сама юго-восточная ветвь скрыта выступающим на передний план широтным гребнем не более 15 км длиной. Близость его к перевалу, мощные снежники северной стороны гребня и значительная высота (в среднем 5500 м) придают гребню величественный вид. Высшая точка — пик Погребецкого (около 6000 м) — расположена в западном конце гребня.

Это — типичная скальная вершина. На севере она обрывается стеной, на которой плохо удерживается снег. Вершина поднята над снежным цирком не меньше чем I на 400 метров. Азимут вершины с перевала Ак-байтал 225°.

Западный конец гребня перед речной долиной, по которой течет на север один из притоков р. Музкол, также поворачивает на север. Восточная часть гребня плавным понижением сходит в долину р. Ак-байтал.

Две небольшие речки берут начало со снежников гребня. Одна из них, стекающая с пика Погребецкого, несет свои воды на запад и является одним из многочисленных притоков р. Музкол. Вторая река берет начало у склонов центральной части гребня, впадая затем в р. Ак-байтал. Одноименный перевал служит водоразделом района.

На юг of середины широтного гребня отходит в меридиональном направлении с небольшим изгибом на восток гребень длиной не более 5 км. В дуге изгиба белеет массивная снежная вершина — пик Райковой.

Короткий меридиональный гребень подходит вплотную к юго-восточному ответвлению Музкольского хребта в том месте, где возвышается пик Армянской Академии наук. С пика Погребецкого азимут на пик Райковой 165°, на пик Армянской Академии наук на 1—2° меньше. Следовательно, обе вершины находятся почти что «в створе».

От пика Армянской Академии наук на северо-восток отходит резко выраженный бесснежный гребень, который, в сочетании с широтным и меридиональным отрогами, ограничивает котловину до 1 км шириной, переходящую к северу в неширокую долину. В котловине нами был обнаружен ледник, дающий начало речке, впадающей в Ак-байтал у 356-го километра Памирского тракта.

Ледник длиной до 2,5 км имеет сравнительно спокойную поверхность и питается из мощного фирнового цирка подножия пика Армянской Академии наук. Язык ледника находится на высоте около 4500 м.

Северные склоны пика сплошь покрыты фирном. Основной внешний признак, резко выделяющий вершину, — ее высшая точка, представляющая мощную полузаснеженную скальную плиту, наклоненную к востоку. Внимательное рассмотрение окружающего района с вершины позволило установить, что пик Райковой — высшая точка юго-восточного ответвления Музкольского хребта, на юго-восток от нее хребет заметно понижается, теряясь затем в долине р. Ак-байтал. В районе имеется множество не взятых еще снежно-скальных вершин различных высот и категорий трудности.

Завершая наше краткое описание орографической схемы района, укажем, что от разветвления до пика Армянской Академии наук с северо-запада на юго-восток тянется пять вершин, сплошной стеной отвесно обрывающихся к северу и достигающих высоты 5800 м. Предположительная трудность их траверса не ниже IV-Б.

Подножия всех вершин образуют большой общий снежный цирк, в центре которого своеобразным островом возвышается снежный массив.

Его вершина может быть отличным пунктом для изучения маршрута траверса и для сигнализации группе, его совершающей. Из этого цирка берет начало приток р. Музкол, оставляющий на востоке западную оконечность широтного гребня.

* * *

Для восточной части Музкольского хребта характерны почти все элементы, присущие ландшафту Восточного Памира, носящего яркие следы былого оледенения. Ледники оставили после себя широкие долины, сплошь покрытые слоем разрушенного моренного материала. Сплошной покров сформировавшихся почв отсутствует. Высота снеговой линии 4500 м.

Не меньший отпечаток оставили и процессы активного выветривания. Горные хребты, и особенно скалистые гребни, настолько разрушены, что представляют для альпиниста серьезную опасность. Столь сильное разрушение — результат не только ветра, но и резких суточных колебаний температуры от + 40 °С и выше днем с понижением ее до нуля и ниже в ночные часы.

Осадков здесь выпадает очень мало. Восточный Памир известен как одна из областей минимума осадков в Союзе. Выпадают они крайне нерегулярно. Нам пришлось наблюдать в августе бушевавшую несколько часов подряд снежную метель на высоте 5900 м в момент возвращения группы с восхождения на пик Райковой.

Чрезвычайная сухость разреженного воздуха, вызванная расположением периферийных хребтов, отсутствие пыли, большая высота — все это способствует образованию огромного количества солнечной тепловой энергии.

Лишь немногие виды растений и животных могли приспособиться к этим условиям. В растительном покрове здесь преобладают (до высоты 5200-5400 м) полукустарник-терескен (местное топливо), ковыль и полынь. Животный мир представлен архаром, кийком, длиннохвостым сурком, значительно реже лисицей и памирским зайцем.

Реки района, как, впрочем, и на всем Восточном Памире, немноговодны и относительно спокойны. Большая часть их уже к октябрю исчезает, чтобы появиться снова в апреле — мае.

Все это создает в районе разветвления хребта Музкол

величественный, почти безжизненный ландшафт высокогорной пустыни центрально-азиатского типа.

Кратко описанный нами район несомненно представляет немалые возможности для новых альпинистских разведок.

Коротко охарактеризуем вершины, на которые были совершены восхождения.

Пик Погребецкого. Первый подъем по северному контрфорсу происходит по сплошной осыпи и поэтому весьма утомителен.

Осыпь вплотную подходит к сильно разрушенной скальной гряде северного контрфорса. Переход на довольно крутой фирновый склон требует в отдельных местах рубки ступеней. Подъем по фирну заканчивается небольшим фирновым карнизом, обращенным к югу.

Дальнейший путь на вершину мы проделали в западном направлении по повышающемуся, сильно разрушенному гребню. Вершину мы классифицируем II-Б.

Пик Райковой. Короткий меридиональный гребень у места примыкания к широтному гребню понижается седловиной. Отсюда начинается подъем на вершину. Чем ближе к ней, тем круче фирновый склон. В непосредственной близости от высшей точки гребня, в глубоком снегу пришлось пробивать вертикальную траншею. Работа в снегу заканчивается выходом на скальный массив, с которого видна вершина. Путь по гребню не представляет трудностей. Вершину можно классифицировать Ш-Б.

Пик Армянской Академии наук. Из фирнового цирка крутой подъем ведет на гребень и дальше по 45-55° фирновому склону вплотную к скальному массиву вершины. Эта скальная стенка высотой до ста метров сложена сильно разрушенной породой, что требует от восходителя большой осторожности. Первую половину пути лучше всего сделать зигзагами, приближаясь к вертикальному скальному кулуару слева. Для второй половины пути кулуар будет единственным выходом к вершине (III-Б).

Хабаровск

Р.Д. ЗАБИРОВ
ЛЕДНИК ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Начиная с 1871 г., когда в Алайскую долину проник одним из первых русский натуралист А.П. Федченко, Памир стал привлекать внимание исследователей. Отважные русские путешественники пересекли Памир многочисленными маршрутами, разрешая основные вопросы орографии, геологии и оледенения высочайших гор нашей страны. В годы советской власти комплексные экспедиции Академии наук СССР провели огромную работу по изучению наиболее труднодоступных районов западной окраины Памира. В 1928 г. участник Памирской экспедиции Академии наук СССР топограф И.Г. Дорофеев впервые пересек хребет Академии наук с востока на запад и обнаружил крупный ледник, выходящий в долину р. Ванч. И.Г. Дорофеевым была произведена полуинструментальная съемка этого ледника, которому было присвоено имя Географического общества. Длина ледник-а была определена в 18 км, площадь — в 30 кв.км. В дальнейшем ледник Географического общества не подвергался специальным исследованиям и сведения о нем ограничивались лишь данными работ И.Г. Дорофеева.

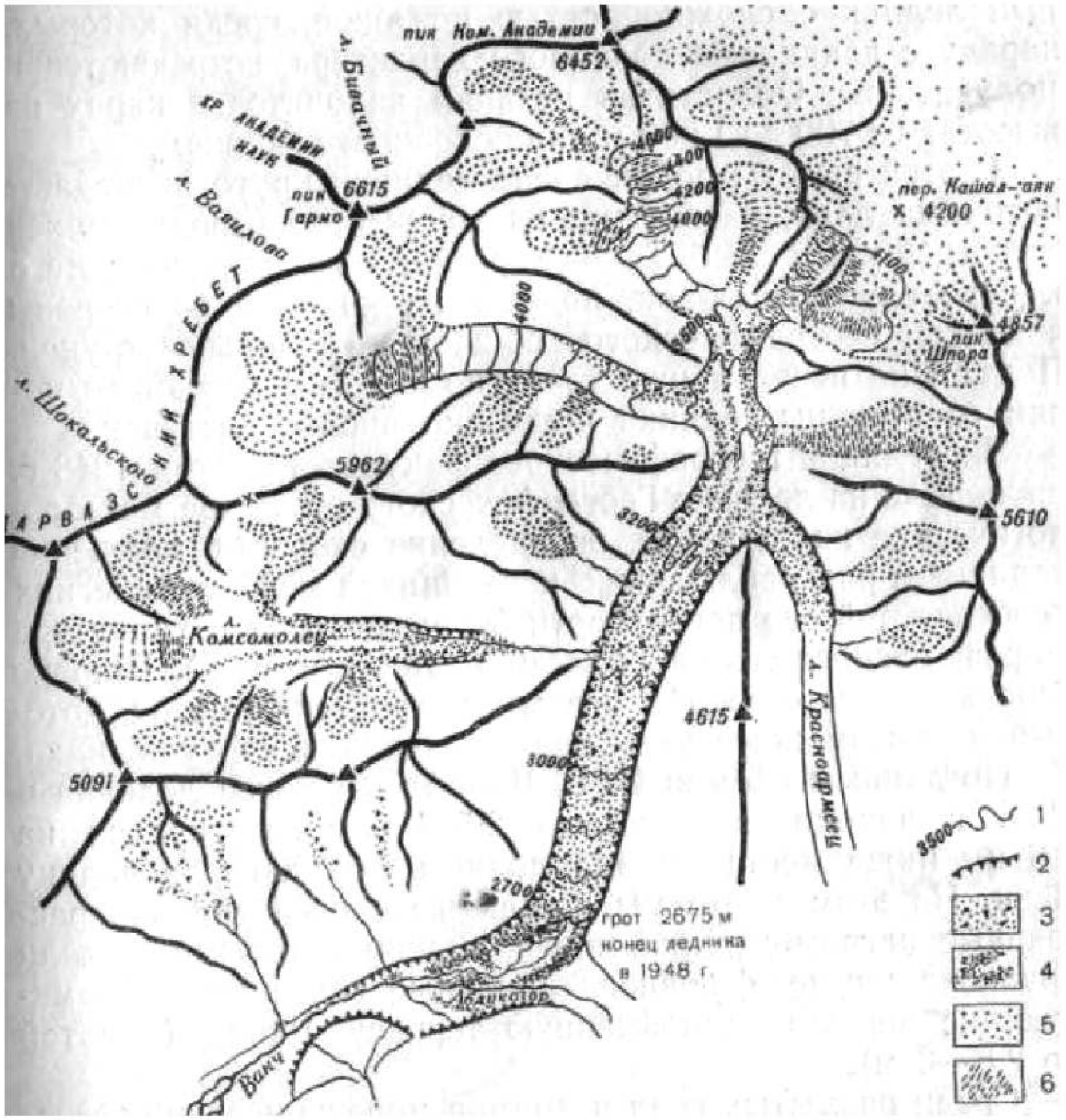
Летом 1948 г. географическим факультетом Московского университета была организована в долину р. Ванч комплексная географическая экспедиция, в составе которой были гляциологи и метеоролог[1]. Группа гляциологов детально обследовала ледник Географического общества и ряд ледников южного склона Дарваза и

[1] *От редакции*. В 1948 и 1949 гг. Научно-исследовательский институт географии Московского университета проводил комплексные экспедиции под руководством проф. И.С. Щукина в Ванчский район Горно-Бадакшанской автономной области Таджикской ССР. Экспедицией 1948 г. были пройдены рекогносцировочные маршруты по Ванчскому району, произведено геоморфологическое обследование долины, Ванча, исследован ледник Географического общества и мелкие (по памирским масштабам) ледники юго-восточных склонов Дарвазского хребта. Ряд ледников был посещен и описан участниками экспедиции впервые. Экспедиция 1949 г. проводила полустационарные наблюдения на леднике Географического общества, исследуя скорость движения ледника, его таяние, поверхность и т.п. Кроме того, был обследован ряд ледников, расположенных к югу от ледника Географического общества (Медвежий, Абдука-гор и др.).

северного склона Ванчского хребта. Было выяснено, что оледенение здесь развито не столь широко, как это показано на имеющихся картах.

Долина р. Ванч претерпела очень значительное древнее оледенение. Следы его сохранились повсеместно как в виде аккумулятивных накоплений морен и галечников, так и в виде скульптурных форм.

Современные ледники района повсеместно обнаруживают явные следы деградации. Процесс быстрого отступания особенно сильно сказался на леднике Географического общества, самом крупном в районе.



Ледник Географического общества (северо-западный Памир).

1 — горизонтали, 2 — обрыв террасы оседания, 3 — морены, 4 — конечные морены, 5 —снег и фирн, скопившиеся на дне долин и каров, 6 — ледопады

Составил Р. Забиров по материалам 1947-1948 гг.

Ледник этот расположен в верховьях долины р. Ванч. Своими левыми притоками в районе перевала Кашал-аяк он как бы смыкается с ледником Федченко. Однако притоки, ниспадающие в виде крутых ледопадов со стороны ледника Федченко, не играют существенной роли в питании ледника. Главные ветви ледника Географического общества начинаются с южных склонов пика Гармо, одного из крупных узлов оледенения северо-западного Памира, где Дарвазский хребет смыкается с хребтом Академии наук и берут свое начало ледники — Вавилова, Шокальского, Бивачный (левый приток ледника Федченко) и Географического общества.

С юга ледник Географического общества получает довольно крупный приток — ледник Красноармеец, имеющий тенденцию к отчленению от основного ледника. По-видимому, относительно недавно таким же образом отчленился один из правых притоков, названный нами ледником Комсомолец в честь XXX-летия ВЛКСМ, которое отмечалось в 1948 г.

Ледник Географического общества — типичный долинный ледник с сложной сетью притоков, среди которых, наряду с ледниками долинного характера, встречаются и полувисячие. Область их питания находится в карах на высотах от 700 до 1 000 м над основным ледником.

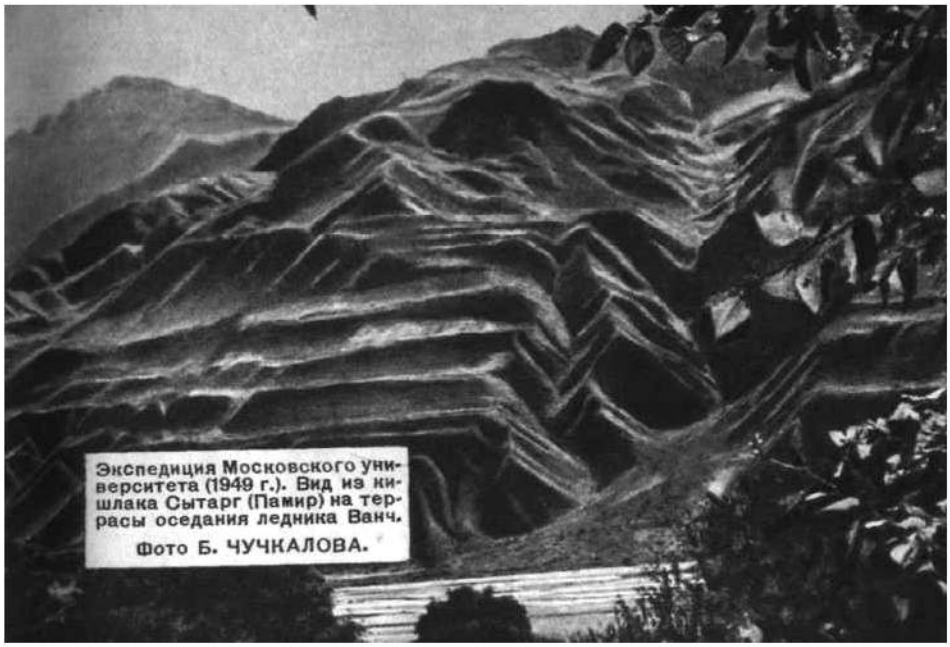
С этой высоты полувисячие ледники круто ниспадают потоками льда, разбитыми на множество чередующихся острогребневых глыб. Таков характер и ледника, ведущего к перевалу Кашал-аяк, подъем на который со стороны ледника Географического общества довольно труден. Подъем на перевальную точку по пологим фирновым полям со стороны ледника Федченко вполне доступен.

Экспедиция географического факультета летом 1948 г. проводила на леднике Географического общества метеорологические наблюдения, определение скорости движения ледника и ряд наблюдений, касающихся морфологических особенностей его поверхности (расположения и характера морен, распределения области питания и т.д.). Широко использовался

стереофотограммометрический метод, который дал возможность составить подробную карту ледника.

По данным съемки И.Г. Дорофеева, конец ледника в 1928 г. находился на высоте 2554 м и простирался на 2,6 км ниже места выхода долины Абдукагор в долину Ванч. На этом месте мы нашли ныне беспорядочно рассеянные нагромождения морен, между которыми лежали крупновалунные флювиогляциальные галечники, формирующие первую надпойменную террасу Ванча (высотой до 2,5-3 м).

Среди размытых гряд и холмов морены нередко встречался «мертвый лед». Река Абдукагор (левая составляющая Ванча) перед своим впадением в Ванч прорезает моренную гряду, в ядре которой сохранилась толща льда мощностью до 5 м. Обнажения мертвого льда можно встретить у правого края долины, у крутых склонов моренных нагромождений, которые сохранились здесь лучше, чем у левого берега. Современный край ледника издали выделяется в виде крутого уступа, покрытого чехлом морены. У левого борта долины обнажается крутая сорокапятиметровая стена льда, из-под которой с громадной силой вырывается Ванч, вынося хорошо окатанную гальку и валуны, нередко до 15-20 см в поперечнике. Характер выносимого материала свидетельствует о мощности потока и значительной протяженности его под покровом льда.



Участники экспедиции вышли на разведку ледника Сед, лежащего на юго-восточных склонах Дарвазского хребта.

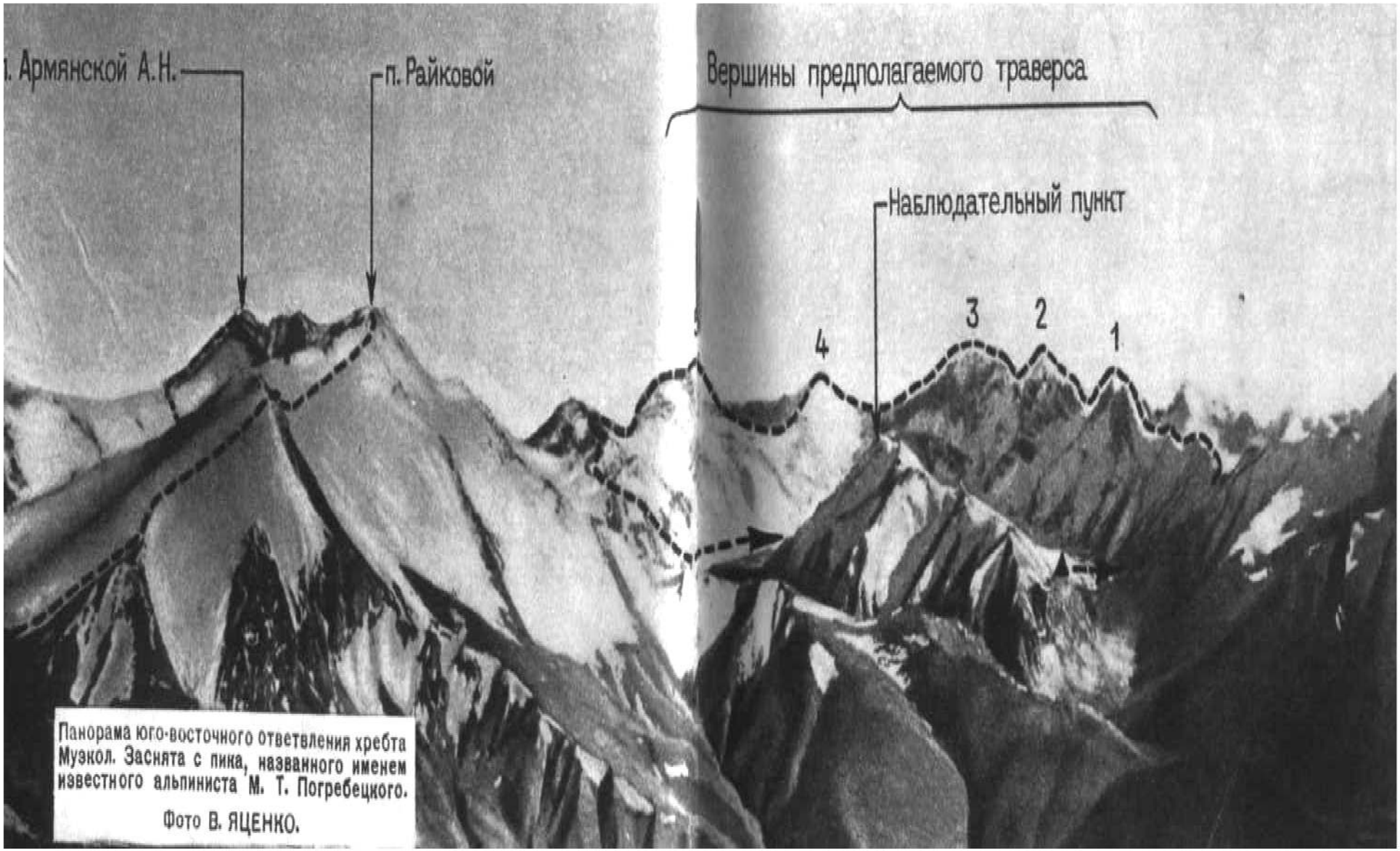
Фото Р. ЗАБИРОВА.

Географы изучали скорость движения, процессы таяния, поверхность ледника Географического общества.

Фото Р. ЗАБИРОВА.

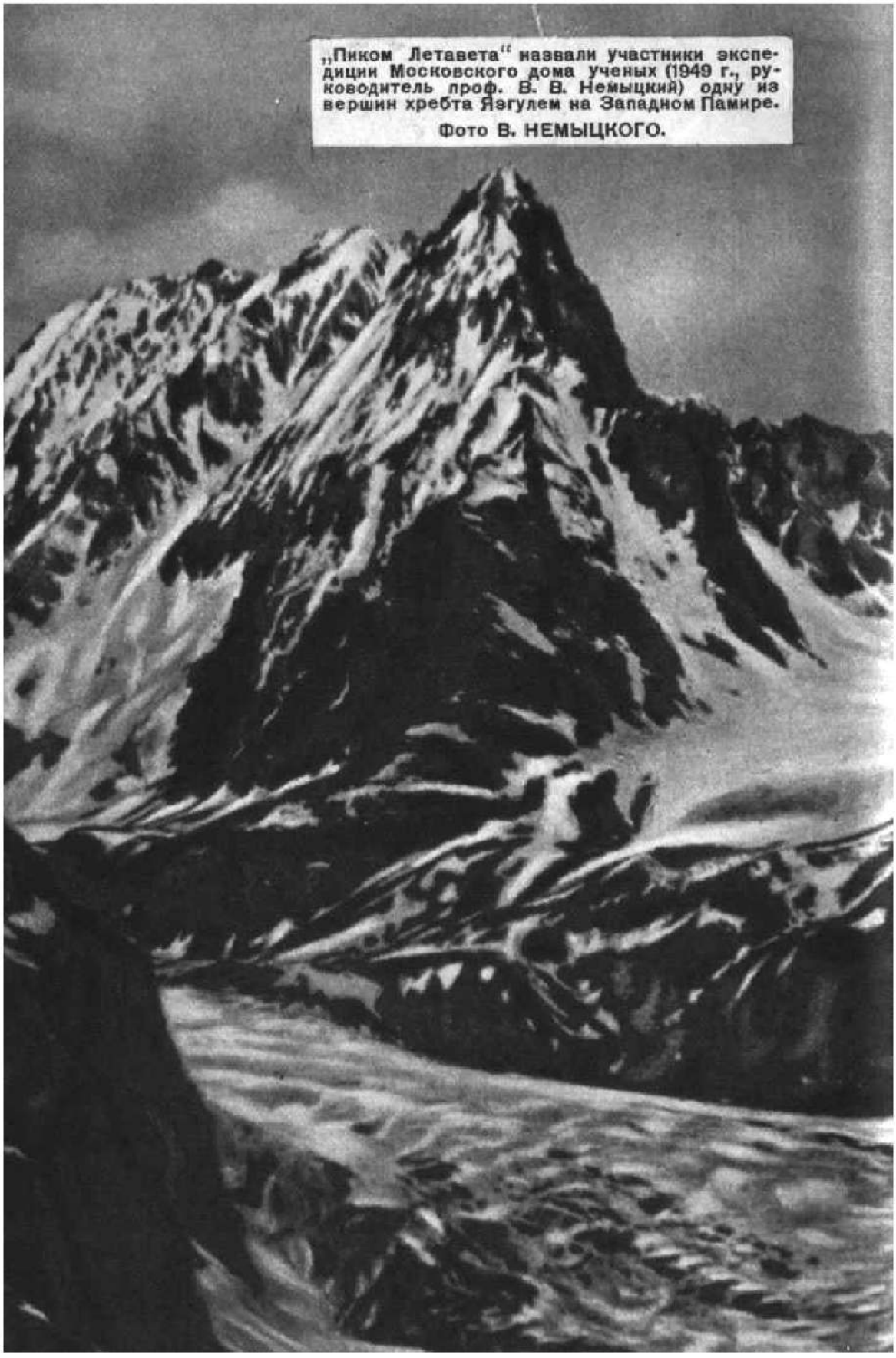
На переднем плане — участок перевала Кашал-аяк. На заднем плане — ветвь ледника Географического общества.

Фото Р. ЗАБИРОВА.



Панорама юго-восточного ответвления хребта Музкол. Заснята с пика, названного именем известного альпиниста М. Т. Погребецкого.

Фото В. ЯЦЕНКО.



„Пиком Летавета" назвали участники экспедиции Московского дома ученых (1949 г., руководитель проф. В. В. Немыцкий) одну из вершин хребта Язгулем на Западном Памире.

Фото В. НЕМЫЦКОГО.

По сравнению с данными 1928 г. ледник за 20 лет отступил не менее чем на 2600 м, а конец его располагается теперь на высоте 2665 м. Отступание ледника происходило не простым отодвиганием его конца, а путем очень значительного общего оседания его поверхности. Об этом свидетельствуют глыбы мертвого льда, сохранившиеся перед краем ледника, и террасы, возникшие в результате оседания боковых морен. Террасы сопровождают оба борта долины на протяжении 14 км. В строении террас оседания принимают участие не столько боковые морены, сколько материал осыпей и конусов выноса временных водотоков; последние заполнили все углубления, возникавшие между прежним краем ледника и склоном долины. Поэтому террасы оседания имеют значительную ширину и ярко выраженный характер выровненных площадок лишь в устьевых частях промоин и долин, расчленяющих склоны гор над краем ледника. Наоборот, там, где к поверхности ледника выходили скалистые выступы, они оказались частично сглаженными ледником. Вдоль сплошной линии террас оседания мы находим небольшие участки свежеотшлифованных коренных пород, формирующих вместе с моренными суглинками и материалом конусов выноса единую вертикальную стену высотой до 70 м. Интересно отметить, что лишь отдельные выступы коренных пород несут следы ледниковой шлифовки, тогда как все углубления и неровности между ними забиты рыхлым моренным материалом.

Поверхность террас оседания имеет своеобразный рельеф, образуемый сочетанием всхолмлений и замкнутых котловин, сходный с. тем, который наблюдается на краю многих крупных ледников, находящихся в стадии отступания.

Уступ террасы оседания прослеживается в виде полосы свежих обнажений рыхлых пород вверх по долине ледника, начиная от размытого конечноморенного вала в 2,6 км от его современного конца. Край террасы обрывается почти вертикальной стеной, лишь кое-где он прорезан временными водотоками. Относительная высота ее, достигающая 70 м в

конце ледникового языка, постепенно уменьшается к верховьям. Несколько восточнее ледника Комсомолец терраса оседания исчезает, сливаясь с современными боковыми моренами.

Общая длина ледника до подножия перевала Кашал-аяк равна 12,8 км; до верховья двух основных составляющих, отходящих от склонов пика Гармо — 21,5 км; она распределяется следующим образом: погребенная часть языка — 6,5 км, область чередования участков чистого льда и моренных валов — 6,3 км, область чистого льда — 3,4 км, фирновые поля бассейнов питания ледника — 5,3 км.

Погребенная часть языка представляет собой участок мертвого льда, где происходит усиленное таяние и опускание отдельных глыб льда, что приводит к раскалыванию подледниковых гротов и выходу отдельных участков их на поверхность: на поверхности ледника нередко попадаются ледяные арки и гроты.

На выровненных площадках морен резко бросается в глаза чистая блестящая поверхность валунов с сильным пустынным загаром. Наличие отдельных растений (преимущественно злаков и низкорослых кустов ивы) подтверждает почти полное отсутствие горизонтального движения льда. Однако среди темно-бурой глянцевой поверхности валунов с пустынным загаром встречаются светлые пятна мест недавних провалов, сползаний и других вертикальных смещений, обнаживших нижние слои моренных валунов, окутанных светло-серыми глинистыми частицами.

Поверхность мертвого участка ледника обладает резко расчлененным микрорельефом, образованным впадинами, холмами, грядами, отрезками бывших поверхностных водотоков. Многие воронкообразные понижения заняты небольшими озерами. На склонах холмистых возвышений и гряд местами виднеются загрязненные обнажения льда.

Моренный покров распределен неравномерно. Обычная, наиболее часто встречаемая, его мощность колеблется в пределах от 8 до 15 см;

наибольшей мощности моренный покров достигает на вершинах возвышений и на дне воронкообразных понижений и расширенных трещин.

На фоне сплошного моренного чехла среди впадин, бугров, воронок и рытвин, сменяющих друг друга, можно довольно ясно выделить срединный моренный вал. Сам термин «срединный моренный вал» в данном случае не соответствует действительности, так как мощность моренного чехла этого вала ничтожна по сравнению с его общей высотой: высота вала достигает 60 м, тогда как моренный покров имеет толщину всего 0,5 м. По обоим краям тянутся ложбины стока. Со дна ложбин стока моренный (рыхлый) материал постоянно уносится талыми водами. Нередко на дне ложбины стока можно видеть моренные заторы, возникающие в результате соскальзывания моренного покрова со склона срединного вала.

Соскальзывание морены со склонов срединного вала приводит к обнажению круто наклоненных площадок льда. Форма таких площадок большей частью серпообразная. В ходе своего развития, подвергаясь более усиленному процессу таяния, они въедаются все глубже и глубже в ледяное ядро вала, превращаясь в полуворонки, подобные карам на склонах хребтов. Одни из этих серпообразных обнажений льда довольно быстро исчезают, вновь покрываясь защитным слоем морены, другие, напротив, все более и более расширяются, углубляются, переходя на противоположный склон вала, превращаясь в воронку с ледяной стенкой о одной стороны и моренной — с другой.

В 9 км от конца языка нами были встречены серии продольных трещин, которые находились в самых различных стадиях своего развития: одни из них представляли собой узкие, глубокие расколы льда, другие с течением времени оказались расширенными и частично заполненными мореной, третьи уже давно потеряли вид трещин и лишь ряды полулунных обнажений льда напоминали о том, что здесь когда-то была трещина. Возможно, что поперечные трещины могут подвергаться таким же

изменениям, особенно в участках со слабым движением и усиленным таянием.

В развитии своеобразного рельефа, свойственного концам крупных ледников и получивших в литературе наименование «термокарста», основную роль, по нашим представлениям, играют радиационные преобразования обнаженных поверхностей льда, возникающих среди сплошного чехла морены в результате динамических процессов. Чтобы говорить о скорости возникновения и преобразования термокарстовых воронок с обнаженными стенками, необходимо провести наблюдения над величиной таяния на таких поверхностях.

Как известно, солнечная радиация является одним из самых важных факторов поверхностного таяния ледников, а для северо-западного Памира ее суммарное значение, вероятно, достигает значительной величины, что обусловлено большой высотой солнца над горизонтом, высотой территории над уровнем моря, продолжительностью периода безоблачных летне-осенних месяцев. В условиях, близких к леднику Географического общества — на леднике Федченко, среднесуточное стаивание на высоте 2800 м над уровнем моря для сентября равно 4,4 см[1] на склонах южной экспозиции и 1,8 см на склонах северной экспозиции.

На леднике Географического общества обнаженные склоны воронок большей частью обращены к югу и юго-западу. Эти склоны обычно и более пологи, более же крутые склоны мы находим в воронках, обращенных ледяным склоном к северу и северо-востоку.

Переходя ко второй зоне ледника, зоне чередования моренных валов с участками с относительно чистой поверхностью льда, нужно отметить, что срединные моренные валы здесь хорошо развиты и имеют относительную высоту от 15-20 до 60 м. Наиболее хорошо развита центральная срединная морена высотой в 50-60 м, образованная двумя слившимися вместе самостоятельными валами, берущими свое начало от подножия перевала

[1] Труды ледниковых экспедиций, вып. 1, Памир, 1936.

Кашал-аяк. Моренный покров распределен неравномерно: на склонах и на выровненных поверхностях вала он имеет мощность от 10 до 50 см; в осевой части вала мощность морены нередко доходит до 2,5-3 м. Здесь вдоль осевой части вала расположен чередующийся ряд моренных холмов высотой от 2,5 до 5 м, центры которых отстоят друг от друга на 10-12 м. Сложены они легко рассыпающимся, весьма рыхлым материалом, состоящим из обычных валунов, перемешанных с суглинком. Наиболее высокие холмы имеют ледяное ядро в центре, тогда как ледяное основание более мелких совпадает с общей поверхностью льда на этом участке ледника.

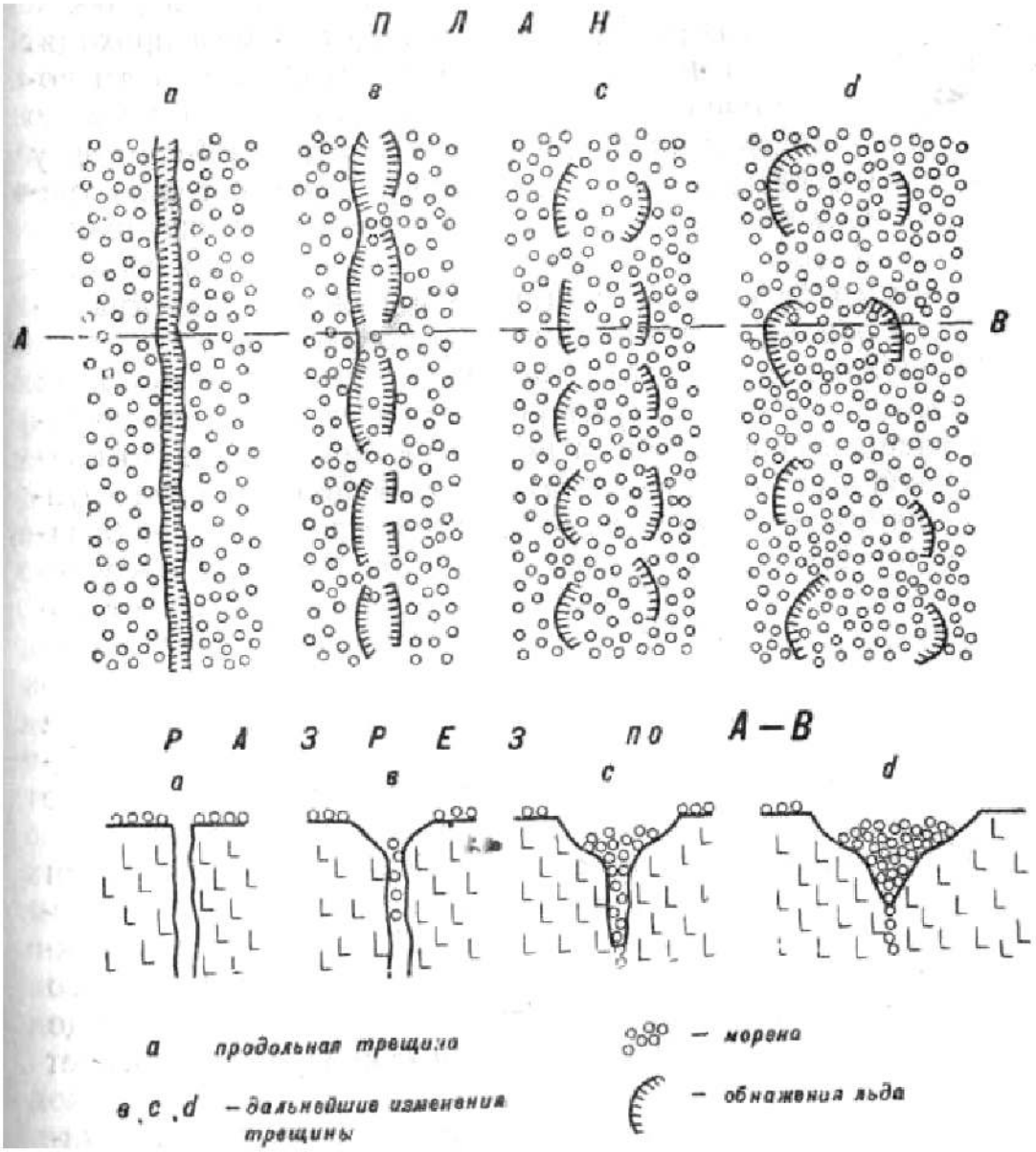


Схема преобразования продольных трещин ледника Географического общества, сильно изменяющихся в участках со слабым движением льда.

Происхождение этих моренных холмов стало ясным, когда мы попали в область слияния двух основных составляющих ледников, где срединные моренные валы разбиты серией поперечных трещин. Здесь моренный материал с поверхности ледяных брусьев падает на дно трещин, накапливается там мощным слоем, а затем при таянии окружающих слоев льда выступает на поверхность в виде отдельных холмов.

Нетрудно ожидать и дальнейшего преобразования рельефа срединного моренного вала в результате возникшего таким образом неравномерного распределения моренного материала. В области чередования участков чистого льда и моренных валов нет крутых падений льда и ледопадов, но широко распространены поперечные трещины, раскалывающие ледник на отдельные бруски. У правого края ледника, на участке между ледником Комсомолец и главной составляющей, трещины проходят через 10-20 м и направлены под углом 60° к бортам долины. Тут же можно заметить ряд трещин, большей частью уже спаявшихся и направленных под углом 120° к борту долины (перпендикулярно к первым). Первую серию трещин можно рассматривать как расколы местного происхождения, тогда как вторые являются, вероятно, унаследованными от главной составляющей ледника Географического общества, испытавшей крутой поворот.

Переходя к характеристике некоторых поверхностных образований ледника, нужно прежде всего отметить широкое распространение русел поверхностного стока. По краям срединных морен располагаются обычно наиболее крупные ложбины стока с типичными меандрами и нишеобразными подмывами некоторых участков берега. Многочисленные второстепенные русла и ложбины расчленяют поверхность льда на выпуклые, округлые и удлиненные «водораздельные» участки, несущие на своей поверхности толщу губчатого льда мощностью в 15-20 см. Эта толща была отмечена рядом авторов на ледниках Средней Азии и описывалась как «ледяной мох», «ледяные кружева», «ажурные соты», «кора таяния» и т.д.

Происхождение этого слоя льда связано с процессами поверхностного таяния, и термин «кора таяния», предложенный Е.П. Коноваловым в 1922 г.[1], лучше всего характеризует его. Кора таяния на леднике Географического общества широко развита на высотах 3300-4000 м, где в процессах поверхностного таяния основную роль играет прямая солнечная радиация.

Кора таяния широко распространена на всех ледниках Ванчской долины, что, вероятно, связано с частыми сухими туманами, возникающими в результате приноса лёссовой пыли со стороны Афганистана. Нередко дующие юго-западные ветры приносят массу пыли, которая парит в воздухе в течение 5-6 дней, сокращая видимость до 1,5-2 км. После прохождения сухого тумана на поверхности льда и снега остается тонкий налет пыли, который играет весьма существенную роль в процессах поверхностного таяния. В августе и сентябре 1948 г. в долине Ванча трижды повторялись сухие туманы. Это привело к заметному загрязнению поверхности снега и льда вплоть до высоты 5000 м. К концу лета все ледники, снежные и фирновые поля Дарваза и Ванча приобрели грязно-серый оттенок и потеряли те особенности контрастов, которыми и характеризуются ледниковые горные страны; лишь на очень больших высотах в районе узла Гармо сохранились белоснежные пики, превышающие 5500 м. На высотах 4800-5000 м повсюду мы находили снежные поля, сильно загрязненные и превратившиеся в крупнозернистый фирн и довольно энергично тающие, но, однако, в результате сильного испарения, почти не образующие ручейков и ложбин стока. При отсутствии частиц лёссовой пыли, вероятно, таяние снега на таких высотах не давало бы существенных результатов.

Частицы пыли, осевшие на поверхность льда, размещаются более или менее равномерно. При нагревании поверхности ледника пылинки обволакиваются тонким слоем воды. Последние в силу молекулярного сцепления объединяются в более крупные капли. В процессе последова-

[1] Е.П. Коновалов. Краткий отчет о работе на Зеравшанском леднике в 1922 г. Труды ледниковой экспедиции 2-го Международного полярного года, вып. III, 1936.

тельного объединения капель на поверхности ледника создаются довольно крупные ядра мелкозема. Так же, как мелкие песчинки и обломки горных пород, частицы мелкозема, прогреваясь сильнее окружающего льда, постепенно погружаются в тело ледника. Этот процесс имеет важное значение в формировании коры таяния ледника.

Глубина погружения мелкоземлистых ядер для каждого определенного участка поверхности ледника подвержена разнообразным колебаниям на очень близких расстояниях в зависимости от микрорельефа. Она больше на возвышениях и на склонах южной экспозиции и ^меньше на склонах, ориентированных на север, и в понижениях, которые большей частью служат ложбинами стока талых вод. Глубина погружения частиц мелкозема и общая мощность слоя льда, затронутого этим процессом, колеблется от 10-12 до 24-25 см. Если снять ледорубом верхний слой коры таяния, то на определенной глубине можно обнаружить поверхность с наибольшим количеством осевших обломочков и пылеватых частиц; эта глубина характеризует среднюю мощность коры таяния отдельного участка.

Ледниковые столы, стаканчики, колодцы, мельницы и другие формы развиты на поверхности ледника Географического общества, так же как и на большинстве ледников северо-западного Памира.

Вдоль краев срединных морен в изобилии встречаются своеобразные ледяные шпили, конусы, возвышающиеся на 30-50 см среди обломочного материала. Возникновение их связано с неравномерным поверхностным таянием: они или являются ножками ледяных столов, или возникают в результате быстрого втаивания в лед обломков пород.

По нашим наблюдениям, угловатые обломки породы поперечником в 20-30 см втаивали в лед на 15 см в течение 3 суток.

Следует отметить еще одну форму поверхностных образований, распространенную преимущественно на участках с тонким чехлом срединной морены, чаще всего на пологих склонах ложбин стока. Формы эти представляют собой отдельные конусы, подобные тем, которые были

обнаружены К.К. Марковым на других ледниках северо-западного Памира и описаны им под названием «муравьиных куч».

Средняя высота их 30-40 см, максимальная — 120 см. Внешняя оболочка конусов состоит из слоя чисто отмытого, слабо окатанного, грубого песка мощностью в 3-4 см, ниже которого располагается ледяное ядро. По происхождению эти образования, вероятно, отличаются от описанных К.К. Марковым муравьиных куч, так как совершенно отмытый состав песков говорит за их скопление в условиях проточной воды (скорее всего в отдельных углублениях на дне ледниковых колодцев и мельниц). В ходе дальнейших процессов изменения поверхности ледника в результате энергичного таяния верхних слоев льда такие скопления песков выходят на-поверхность, где и формируется ледяное ядро, защищенное слоем песка от прямой солнечной радиации.

Для намерения скорости движения ледника был выбран створ в области чередования полос чистого льда и морен против устья ледника Красноармеец, на высоте 3200 м (см. карту). Точки створа закреплялись отдельными отполированными валунами, через каждые 20-30 м. Створ был установлен 18 сентября 1948 г., проверка проведена через 4 суток — 22 сентября. Расположение точек створа таково: точка 1 у правого края срединного моренного вала, точка 9 — в 130 м от правого края ледника[1].

[1] Высота срединного моренного вала здесь достигает 60 м, поэтому створ для определения скорости пришлось разбить лишь в правой половине ледника, разорванной множеством трещин, что, несомненно, влияло на характер движения частей ледника.

Имя Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского носит этот пик (4 874 м), одна из наиболее высоких вершин в хребте Киргизского Ала-тау. На фото: главная вершина массива.

Фото А. МОСКАЛЕВА.

Пики: партизана Логвиненко (слева — 4 410 м) и киргизского народного певца-акына Токтогула (виднеется на заднем плане — 4 460 м).

Фото А. МОСКАЛЕВА.

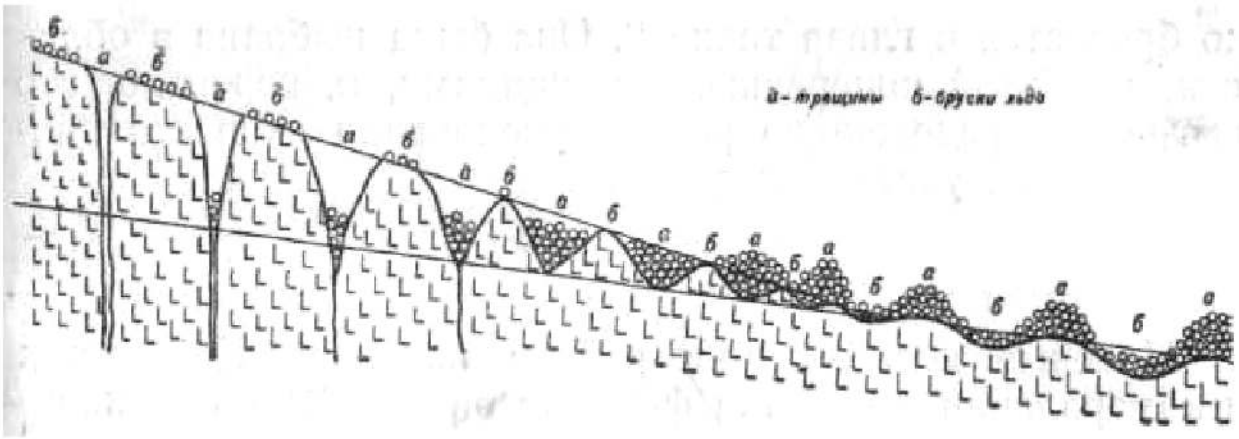


Схема процесса образования неровностей рельефа поверхности срединных моренных валов, высота которых достигает 60 м, толщина 0,5 м.

Таблица скорости движения ледника Географического общества[1]

№№ точек	Количество часов между 1-м и 2-м наблюдением	Горизонтальное перемещение точки, в м	Суточное движение, в м	Годовое движение, в м	Примечания
1	96	1,25	0,31	113,15	Середина ледника
2	96	1,65	0,41	149,65	
3	96	1,30	0,32	116,80	
4	96	1,20	0,30	109,50	
5	96	1,15	0,29	105,85	
6	96	0,85	0,21	76,65	
7	96	1,05	0,26	94,90	
8	96	0,80	0,20	73,00	Правый край
9	96	1,05	0,26	94,00	

Средняя суточная скорость — 0,28 м; средняя годовая — 103,66 м.

Из таблицы видно, что скорость движения ледника по мере удаления от центра в общем уменьшается, за исключением отдельных аномалий, среди которых наиболее резко бросается в глаза точка 2. Она была выбрана в области, разбитой поперечными трещинами, и, вероятно, это сыграло определенную роль в увеличении скорости движения этого участка ледника.

[1] При допущении, что зимние и летние скорости одинаковы.

* * *

Полевые исследования района перевала Кашал-аяк и камеральная обработка фотоматериалов 1947 г. показывают, что ледник Географического общества является вполне самостоятельным, имеющим очень малую связь с ледником Федченко.

Основной материал для питания ледника сейчас поступает из двух больших амфитеатров, зажатых между шеститысячными пиками Гармо (6615 м) и Коммунистической академии (6452 м) и Гармо и безымянным пиком «5962». Здесь на склонах пяти- и шеститысячных пиков, на дне многочисленных кулуаров и «аров скапливается громадное количество снега и фирна. Вся эта масса фирна и снега стекает с высоты 4600 м по двум узким протокам «водоворотом» трещин и глыб, получая ряд притоков в виде висячих ледников, обогащаясь поверхностными моренами, и лишь на высоте 3 400 м сливается в единый поток ледника Географического общества. Из 54,48 кв. км фирна и снега, питающих ледник, 28,34 кв. км занимает бассейн между пиком Гармо и пиком «5962» и 14,81 кв. км — бассейн района пика Коммунистической академии; на все остальные фирновые области приходится 11,33 кв. км, а на район перевала Кашал-аяк — 2,29 кв. км. Эти цифры иллюстрируют, какое ничтожное значение имеет в питании ледника Географического общества фирновый поток, стекающий со стороны ледника Федченко[1].

НЕКОТОРЫЕ ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЛЕДНИКУ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Площадь ледника с фирновыми и снежными полями — 81,75 кв. км; площадь фирна и снега — 54,48 кв. км.

Переходная зона чистого льда, сильно разбитая трещинами, — 10,94 кв. км. Зона чередования полос чистого льда и морен — 8,87 кв. км. Зона, прикрытая сплошным чехлом морены, — 7,41 кв. км. Площадь языка притока

[1] Во всех расчетах не приняты во внимание области питания ледника Красноармеец.

Красноармеец — 4,89 кв. км. Общая длина ледника Географического общества — 21,5 км, ширина — 1 км.

Длина ледника до основания перевала Кашал-аяк — 12,8 км.

Ледник Комсомолец не доходит до языка ледника Географического общества и заканчивается на высоте около 3300 м. Длина его 8,4 км, общая площадь льда и снега — 30,8 кв. км.

Наблюдения над высотой снеговой границы проводились нами на ряде ледников южного склона Дарвазского и северного склона Ванчского хребтов и на леднике Географического общества. При этом был использован фото-граммометрический метод.

Расположение снеговой границы наравне с общими климатическими условиями определяется орографическими и микроклиматическими факторами. В результате снеговая граница подвержена значительным колебаниям на довольно близких расстояниях. В общем она понижается от 4500 м в верховьях Ширговата, Седа и Чихоха до 4200 м на перевале Кашал-аяк, что связано с общим движением воздушных масс вверх по долине Ванча и нарастанием осадков в том же направлении. Количество осадков возрастает от 200 мм в селении Ванч (1800 м) до 820 мм за перевалом Кашал-аяк у обсерватории на леднике Федченко (4200 м).

Сравнительно низкую для этих мест высоту снеговой границы у перевала Кашал-аяк (4200 м) мы склонны считать явлением местного порядка, обусловленным прохождением через перевал западных воздушных масс, вызывающих значительное увеличение осадков в районе самого перевала.

Б.Р. МАРЕЧЕК
В КИРГИЗСКОМ АЛА-ТАУ

Киргизский Алатау простирается, как и большинство других хребтов Тянь-шаня, в широтном направлении, вытянувшись почти на 400 км при ширине до 80 км. Начинается он у города Джамбул (Казахстан) незначительной возвышенностью Тектурмес и постепенно поднимается к востоку. До меридиана селения Мерке, восточнее узловой станции Луговая на Турк-сибе, он значительно ниже снеговой линии, и при поездке из Москвы в Алма-Ату видна лишь самая западная оконечность хребта, носящая характер альпийских лугов.

Начиная от верховьев рек Мерке и Каинды на западе и до перевала Шамси (точнее — Шамши) на востоке, отстоящих почти на 200 км друг от друга, хребет поднимается за снеговую линию, достигая наибольшей высоты в пределах верховьев рек Ала-арча, Аламедин и Иссык-ата. Здесь располагаются наиболее высокие вершины хребта: пик Семенова-Тян-Шанского (4874,8 м, см. фото), Корона (4855 м), Аламединские стенки (4650-4840 м), Аман-тоо[1], Буревестник и другие. Здесь находятся и наиболее крупные в хребте ледники: Голубина, Б. Алаарчинский, Аксай, Салык, Кашка-су (Норус).

Говоря о снеговой линии, следует упомянуть, что высота ее в Киргизском Ала-тау, как и вообще на Тянь-шане, не везде одинакова и зависит главным образом от экспозиции склонов. Если на северных склонах она опускается до 3600-3700 м, то на южных склонах поднимается до 4200-4600 м.

С хребта сбегает на север и на юг много рек, в большей своей части

[1] От редакции: Киргизские альпинисты в своей транскрипции придерживаются написаний «Джылыш» вместо «Джилыш» и «Ак-тоо» вместо «Ак-тау».

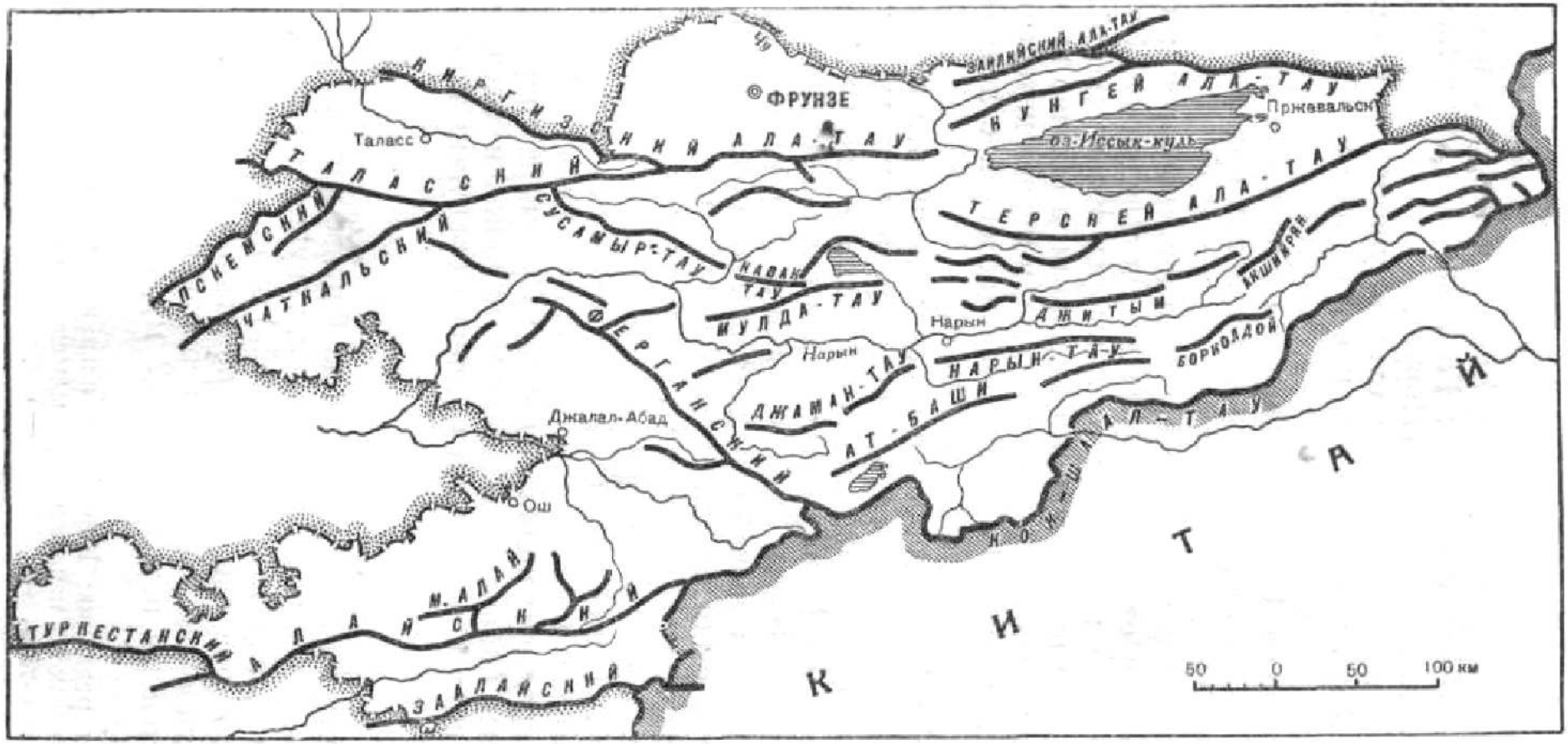
питающихся за счет ледников. Этим и определяется их режим: разливы рек Киргизского Алатау связаны не с весенними месяцами, а обычно происходят в наиболее жаркое время года, в период интенсивного таяния ледников. Реки, не имеющие связи с ледниками, летом, как правило, пересыхают.

Реки хребта, особенно в центральной его высокогорной части, прорыли глубокие поперечные ущелья, склоны и дно которых во многих местах покрыты еловыми и арчевыми лесами. Мощные лесные массивы покрывают склоны Шамси, Кегеты, Туюк Иссык-атинского и других ущелий. В более высокой зоне раскинулись обширные альпийские луга с богатейшими пастбищами, известными среди киргизского населения под названием джайлоо (летовка). С весны здесь пасутся колхозные отары тучных овец, табуны лошадей и многочисленные стада другого скота. С открытием перевалов через главную цепь хребта на луговые просторы широкой долины Сусамыра тянутся, подгоняемые чабанами, нескончаемые цепочки овец, мерно ступающих верблюдов и медленно бредущих коров.

* * *

Почти на меридиане города Фрунзе расположено глубокое и узкое ущелье Ала-арча, тянущееся на 30 км. Название свое («Пестрящее арчей») оно получило по кустарниковой поросли (арче), покрывающей значительную часть склонов ущелья. В верховьях ущелья находится одноименный перевал (3915,7 м), на Сусамыр.

Из наиболее значительных рек, впадающих в Ала-арчу в пределах гор, можно отметить: слева — короткий, но многоводный Саватар, Адыгене, Кадыр-берды; справа — Джинды-су, Туюк-су, Топ-карагай, Теке-тор, Ак-сай, Мурат-сай, Карагай-булак, Буйрюк-сай. Большинство притоков Ала-арчи берет свое начало, как в этом нетрудно убедиться по схеме, из ледников. В верховьях Мурат-сая, Ак-сая, его правого притока — Шаркратма, Теке-тора, Топ-карагая, Туюк-су, Джинды-су, истоков Ала-арчи, Сава-тара, Адыгене и других местах, где нет рек (например, урочище Мын-джылкы), также имеются ледники, порой довольно значительные.



Орографическая схема важнейших горных хребтов Тянь-шаня, протянувшихся в широтном направлении на территории Киргизии.

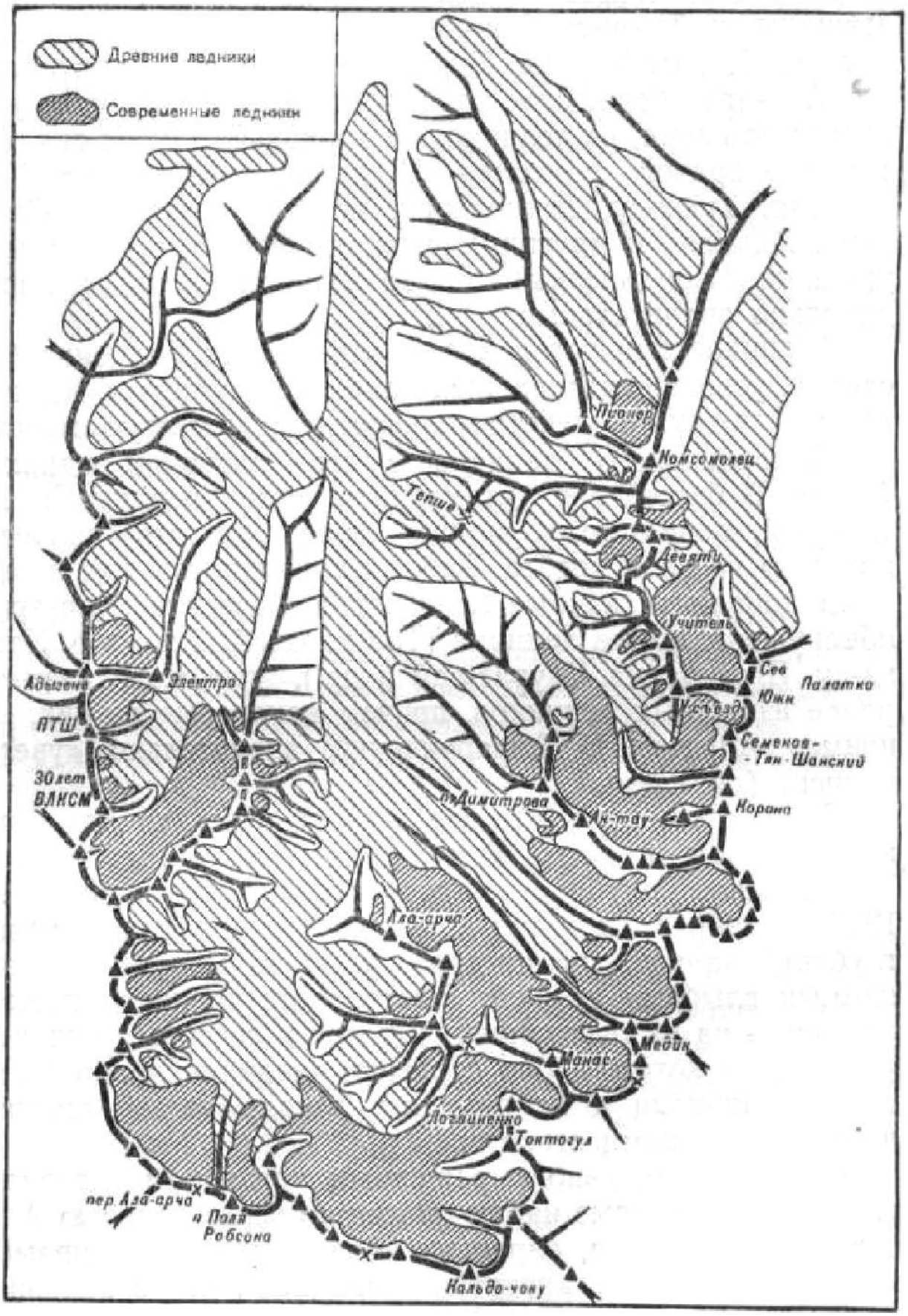


Схема древнего оледенения Ала-арчи.

Альпинистами установлено, что ледник Голубина (см. схему), условно считавшийся наиболее крупным в Киргизском Ала-тау, в действительности значительно меньше Б. Алаарчинского ледника с его притоком-ледником Манас. В бассейне р. Аламедин известен ледник Салык, который, по-видимому, можно будет считать наиболее крупным во всем хребте. Работы альпинистов уже позволили дополнить данные оледенения бассейна Ала-арчи: обнаружены новые ледники (Топ-карагай, Теке-тор, Каш-ка-су, Шаркратма, Мурат-сай и др.), уточнены размеры ранее известных ледников, причем некоторые из них, например Адыгене, Б. Алаарчинский, значительно «увеличились» (см. схемы).

Следует отметить, что все ледники бассейна Ала-арчи, как, впрочем, и всего Киргизского Ала-тау, отступают. Так, ледник Голубина на глазах автора этих строк с 1937 по 1948 г. отступил почти на 1 км, обнажив узкий глубокий каньон, дно которого усыпано еще не слежавшимися глыбами камней. Быстрое отступание ледников сказалось на их очертаниях. Тяготея к северным склонам ущелий, по которым они сползают, ледники давно стали асимметричными и напоминают расплывчатые висячие ледники с общими стоками.

Судя по тем, явно выраженным признакам древнего оледенения, которые наблюдаются по всему ущелью Ала-арчи в виде трогов, бараньих лбов, ледниковых шрамов, моренных террас, становится очевидным, что в недавнем геологическом прошлом Алаарчинский ледник достигал сильного развития, принимая все остальные в качестве своих притоков. Язык его спускался по крайней мере на 1 км ниже нынешних «ворот» Ала-арчи при впадении в нее рек Буйрюк-сай и Кадыр-берды. Общая площадь поверхности ледника равнялась, по-видимому, 220-250 кв. км при мощности в 500-600 м и общей длине не менее 25-30 км.

Прилагаемая схема дает возможность сравнить размеры древнего ледника Ала-арчи с современными, которые изображены на схеме заштрихованными участками.

Производя засечки видимых вершин во время восхождений и сопоставляя материалы различных походов, альпинистам удалось выяснить истинное орографическое строение района. Сравнивая новые данные с топографическим материалом, которым располагала наука до настоящего времени, мы видим, насколько они существенно расходятся. Особенно велики ошибки, допущенные топографами в районе ледников Голубина и Б. Алаарчинского. Очевидно, здесь была проведена маршрутная съемка по дороге на Сусамыр через перевал Ала-арча, все же остальные элементы были, по-видимому, «дорисованы» по интуитивным предположениям, но никак не на основе инструментальной съемки. Впрочем, как известно, даже самые смелые догадки и домыслы ни в коей мере не возмещают отсутствия точных географических данных. Альпинисты республики в значительной степени уточнили карту.

Ныне альпинистами города Фрунзе освоены в бассейне Ала-арчи районы Адыгене, ледников Алаарчинских (Большого и Малых) и Голубина, орографически расшифрована Ак-сайская группа (см. схемы). Однако, как в этом нетрудно убедиться по прилагаемым схемам и фотографиям, предстоит еще выполнить немалую работу. Особенно это относится к спортивной стороне, первовосхождениям на пик Семенова-Тян-Шанского, Корону, многие безымянные и не менее интересные вершины[1].

Работа киргизских альпинистов приводит к выводу, что оледенение бассейна Ала-арчи (равно и других бассейнов) значительно больше, чем это считалось до сих пор.

В Ала-арче имеются вершины от 4000 до 4874,8 м высотой всех категорий трудности, в чем легко убедиться хотя бы из панорамы Ак-сайской группы.

[1] К сожалению, Республиканский совет по делам физической культуры не уделяет достаточного внимания исследовательской работе местных альпинистских организаций, мало поддержки оказывает им и Комиссия высокогорных исследований Всесоюзного географического общества. — Прим. ред.

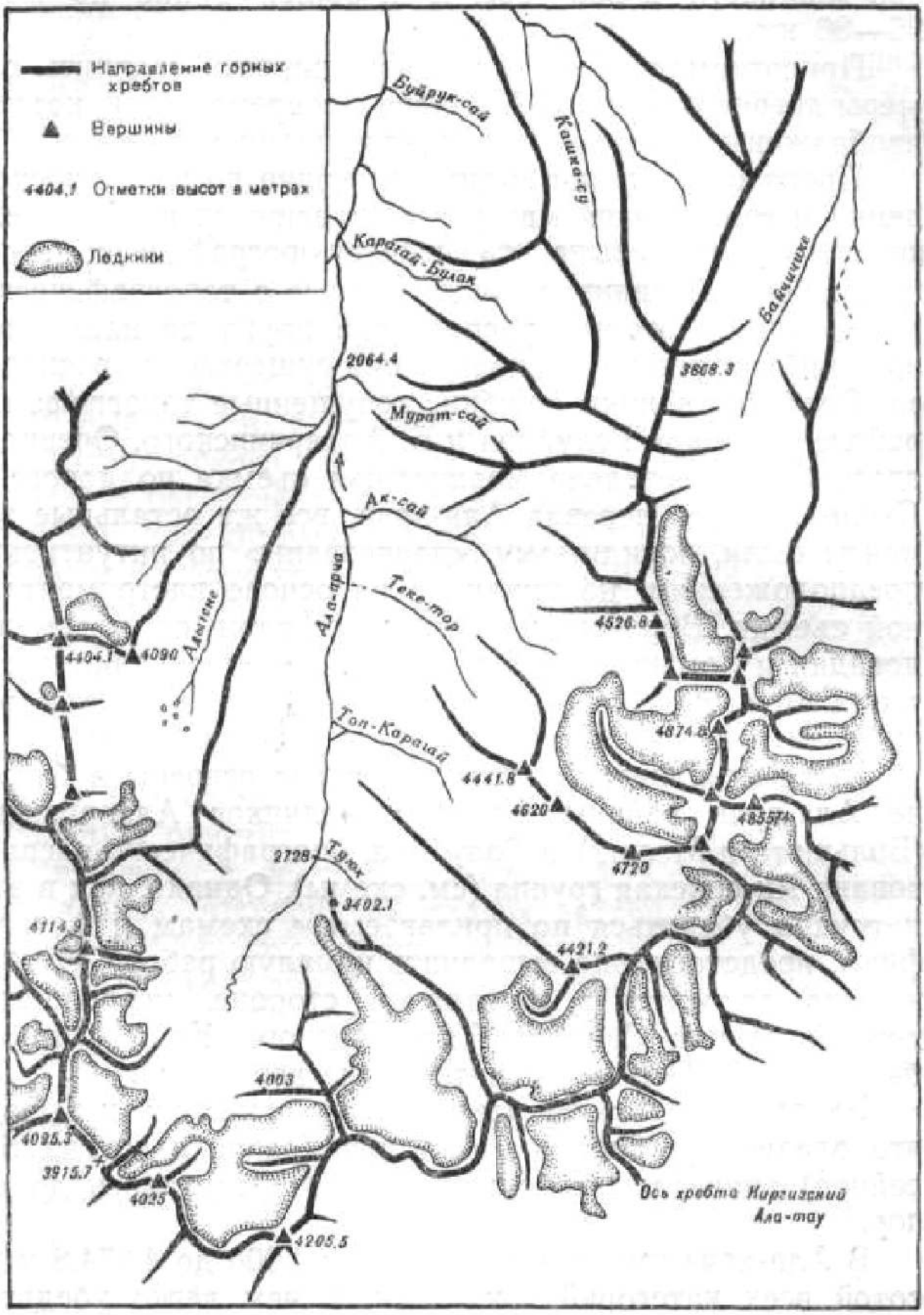
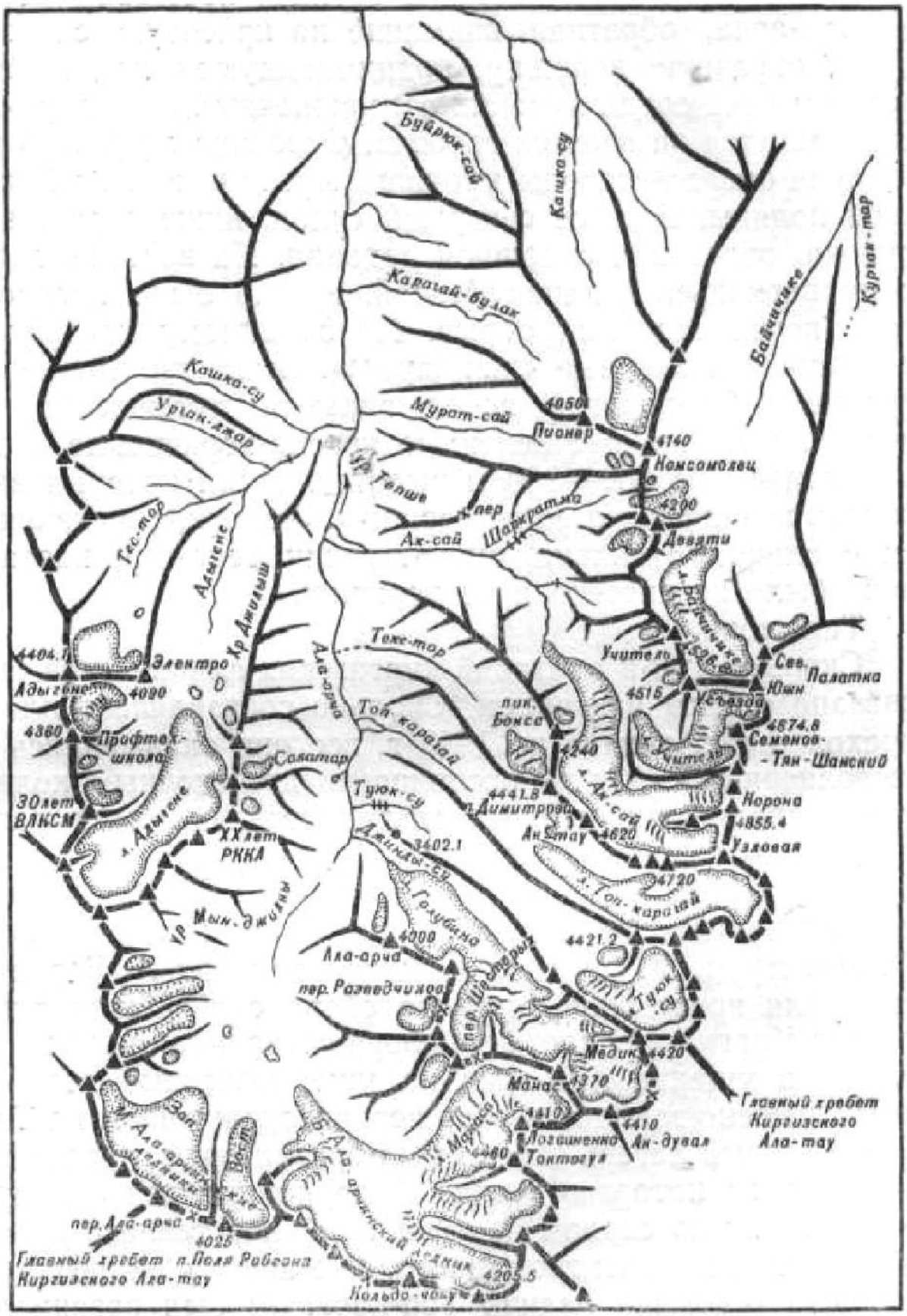


Схема бассейна р. Ала-арча в пределах гор Киргизского Ала-тау по имеющимся картографическим данным.



Орографическая схема бассейна р. Ала-арча в пределах Киргизского Ала-тау по уточненным материалам киргизских альпинистов.

* * *

Еще первые альпинистские группы, посещая ущелье р. Ала-арча, обратили внимание на красивую снежную куполообразную вершину, поднимающуюся над правым берегом реки среди высоких остроконечных «жандармов», находящихся на всех ее гребнях. Особенно эффектно выглядела она со стороны урочища Адыгене или от Аксайской поляны. Весь ее северный склон, ниже вершинного купола, образовал сплошной ледопад. На востоке, в сторону верховьев ледника Ак-сай, можно было предполагать почти отвесный обрыв. По западному контрфорсу поднимались мощные «жандармы». Выше по Ала-арче у урочища Топ-карагай перед глазами путешественника вставали сильно расчлененные красно-коричневые скальные отвесы по 200-300 м высотой, среди которых затерялась невидимая отсюда вершина. Ледник, спускающийся с северного склона, питает речку Теке-тор; название реки было перенесено и на вершину.

Теке-тор!..

Сколько дум и мечтаний киргизских альпинистов было связано с этим названием. Сколько составлялось планов восхождения, однако до 1948 г. все они оказывались невыполненными. Мы не располагали достаточным количеством квалифицированных альпинистов, не были разведаны и пути возможных восхождений.

Летом 1948 г. во Фрунзе по заданию Всесоюзной секции альпинизма приехали ленинградцы, мастера спорта Ф. Лемстрем, П. Семенов и перворазрядник А. Бердичевский для проведения учебного сбора сильнейших альпинистов Киргизии. Участники сбора совершили ряд восхождений в ущелье Ала-арчи на уже известные вершины. Было решено закончить сбор первовосхождением на Теке-тор. Базовый лагерь отряда был организован в устье Топ-карагая, из которого можно было попытаться подняться на вершину по скалам ее южного, более теплого склона. У конечной морены громадного, еще никому не известного ледника («новый» ледник Топ-карагай) был организован штурмовой лагерь. Перед рассветом 30

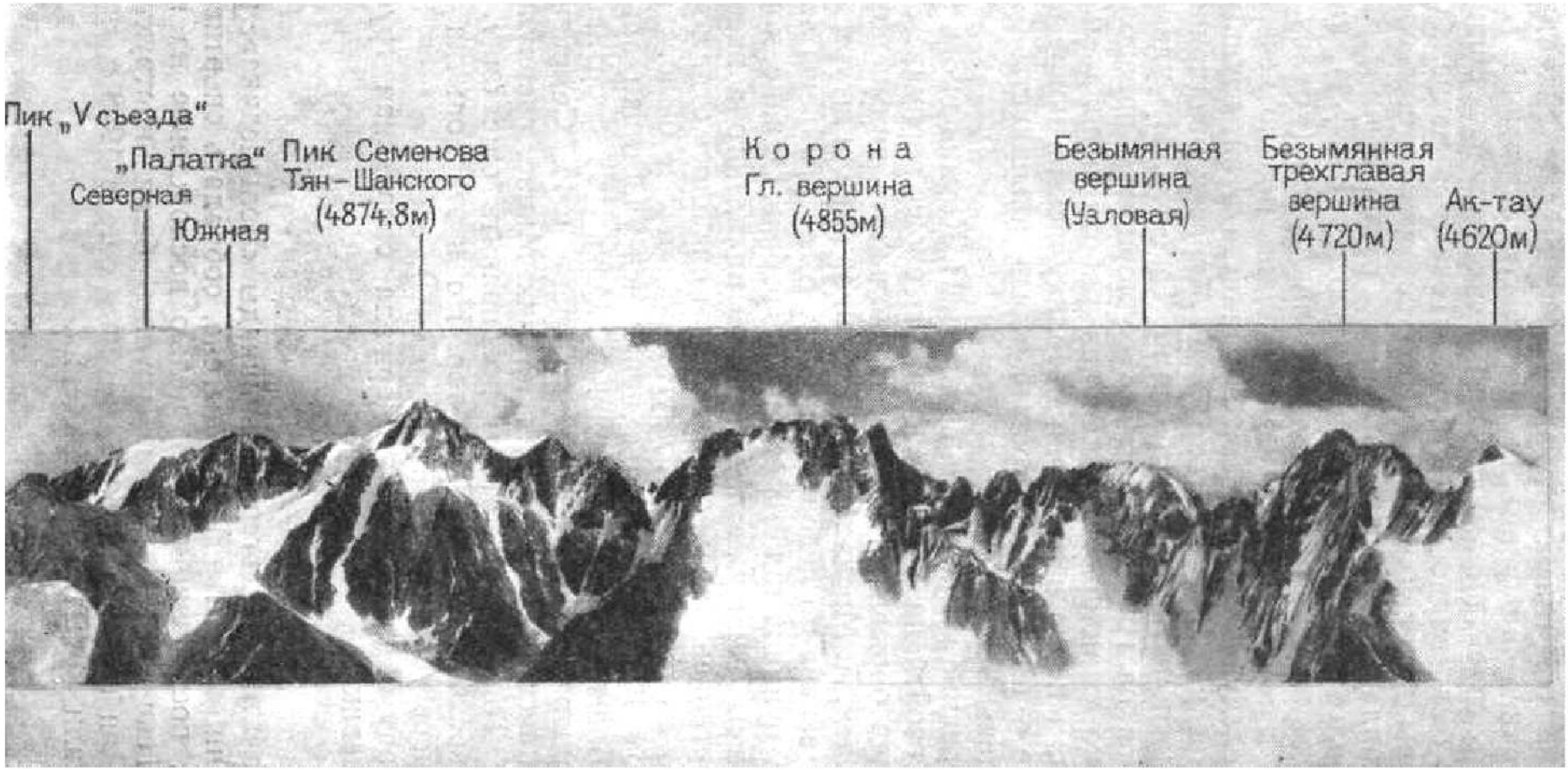
июня группа вышла на штурм. Поскольку вершина не видна из ущелья Топ-карагай, — ее заслоняют скальные зубцы на бесчисленных контрфорсах, — альпинисты «проскочили» значительно дальше, оставив массив пика позади. Ошибка была установлена, когда вся группа уже поднялась значительно восточнее седловины на гребень, соединяющий Теке-тор с красивой пирамидальной белоснежной вершиной. Отсюда было видно, что к башне Теке-тора на запад от седловины ведет длинный гребень с множеством сложных «жандармов». Близился вечер. Группа решила взойти на более близкую вершину (4620 м; II-Б+I), которую по ее внешнему облику назвали Ак-тоо («Белая гора»). В лагерь группа спустилась лишь поздно вечером.

На следующий день три альпиниста этой группы — И. Кенарский, Л. Романенко и К. Маречек предприняли еще одну попытку восхождения на Теке-тор. Им удалось подняться на гребень западнее седловины и преодолеть несколько «жандармов». Скальная работа отняла много времени, и когда в пути они натолкнулись на новое препятствие — пятидесятиметровый обрыв, альпинисты были вынуждены вернуться.

В середине июля И. Кенарский и П. Коркин вновь пытались взойти на вершину с юга и снова вернулись, не преодолев обрыва на гребне. Несколькими днями позже Б. Маречек, А. Москалев и А. Гаврилов начали штурм вершины с севера по ледовому склону. Были пройдены ледопады, и группа вышла на северный гребень. Однако, когда альпинисты были уже под куполом пика, погода внезапно испортилась, началась гроза, и им пришлось отказаться от восхождения. В 1948 г. других попыток не было.

Летом 1949 г. в ущелье появились участники альпиниад «Большевика» и «Медика». Одна из спортивных групп альпиниады «Медика» во главе с И. Семененко, возвращаясь с восхождения на пик Манас, свернула в ущелье Топ-карагай, чтобы предпринять еще одну попытку восхождения на Теке-тор. Но и эта попытка не увенчалась успехом.

Победу над вершиной одержала спортивная группа «Большевика».



Панорама Аксайской группы вершин Киргизского Ала-тау. Вид с пика Георгия Димитрова.

Фото П. Коркина.

* * *

В палаточном лагере альпиниады «Большевика», расположенном в устье реки Адыгене, собралась спортивная группа, поставившая своей целью восхождение на вершину Теке-тора. Во главе группы были инструктора П. Коркин и Л. Романенко, которые еще в 1948 г. предпринимали попытки восхождения.

Выход в район пика был назначен на 15 августа. С утра шел дождь, только к 10 часам разошлись облака, показалась сверкающая белизной своих северных склонов вершина.

Пройдена Аксайская поляна, с которой спортсмены в последний раз в этот день любовались Теке-тором; миновав урочище Теке-тор, группа во второй половине дня вышла в Топ-карагай, где зеленеют последние ели и арча.

Отсюда по обоим берегам реки тянутся древние береговые морены, покрытые редкими кустами стелющейся арчи. Охотничья тропа затерялась среди камней. Впереди лежало ущелье, посещавшееся только альпинистами. Пока участники устанавливали палатки на небольшой лужайке на высоте около 3600 м, П. Коркин и Л. Романенко, пользуясь последними минутами уходящего дня, еще раз осмотрели пути возможного восхождения.

Перед рассветом, оставив в лагере лишь наблюдателей, группа начала восхождение. Перед языком ледника Ак-тоо-музу (ледник «Белой горы») альпинисты свернули влево и вышли на одну из скальных гряд, спускающихся с массива. Отсюда открылся изумительный вид на главный хребет Киргизского Ала-тау, на снежных вершинах которого уже заиграли лучи восходящего солнца. Совсем близкой кажется трапеция «Медика», позади нее знакомая стена Ак-дувала. Рядом с ней гордо возвышается Манас, виден остроконечный пик Ала-арча. Из-за хребта Джылыш выглядывает конус Адыгене.

На гряде, где скалы были сильно разрушены, пришлось связаться и организовать страховку. К 10 часам утра группа поднялась на гребень

перемычки между Ак-тоо и Теке-тором. Отсюда восхищенные альпинисты увидели открывшуюся величественную панораму верховьев Ак-сая и господствующих над ним вершин.

Преодолев несколько несложных «жандармов», группа оказалась у провала, от которого в прошлом году дважды отступал И. Кенарский со своими спутниками. Первоначальный осмотр ничего не дал. Необходима была более тщательная разведка пути. На хорошей страховке инструктор Л. Романенко спустился, чтобы более детально осмотреть скальную стену. Метр за метром исследовал он скалы, но прохода к вершине найти не удалось.

Вернуться? Светлый образ пламенного революционера и борца за мир Георгия Михайловича Димитрова, памяти которого решили посвятить свое восхождение молодые спортсмены, воодушевлял комсомольцев, звал их к борьбе, к победе. Быть такими, как он, преодолевать все трудности, — вот что владело мыслями восходителей. После короткого совещания было принято твердое решение — покорить вершину.

Еще и еще раз выходит в путь разведка. Наконец, Л. Романенко известил всех: путь найден. Спуск метров на десять по неярко выраженному углу и двадцатиметровый участок скал средней трудности, переход на узкий гребешок с резко обрывающимися скальными стенками выводят на ледовый склон. Вбив несколько крючьев, связка за связкой переходит на лед. Быстро надеты кошки. Вырубая ступеньки, сменяя время от времени головного, альпинисты шаг за шагом упорно продвигались вперед. Пройдя по льду около 150 м, они вновь вышли на гребень. Последний его участок был сравнительно несложен, что дало возможность быстро подойти к вершинной башне.

Оставалось преодолеть не более 50 м. Однако подъем на башню по сильно разрушенным скалам был связан не только с техническими трудностями, но и с угрозой попасть под камнепад. Под башней удалось найти хорошее укрытие, откуда можно было наблюдать за поднимающимися по стене башни.

„Теке-тор" — так по имени стекающей из-под ледника реки называли вершину, высящуюся над ущельем Ала-арча. Путь к ней преграждали многочисленные высокие „жандармы".

Фото П. КОРКИНА.

Осенью 1949 г. вершина Теке-тор была впервые взята группой альпинистов Киргизии. Первовосходители единодушно просили назвать ее „пиком Георгия Димитрова" (4 441 м).

Фото А. МОСКАЛЕВА.

Первой пошла связка Л. Романенко. По его сигналу начала подъем вторая, затем и третья. Наконец, на вершину поднялась последняя связка с замыкающим группу инструктором П. Коркиным.

Пик был взят! Стоя, с обнаженными головами, участники восхождения трехминутным молчанием почтили светлую память Г.М. Димитрова.

Пользуясь правом первовосходителей, они оставили в туре на вершине записку: «Пик имени Георгия Михайловича Димитрова. Высота — 4441,8 м. Альпинисты ДСО «Большевик» комсомольцы: Лифанова, Халахорова, Нариман Ахмедов, Фастовец, Цветков, Мурат Килькеев, Степаненко, Загородский, Тараканов, Лунев, Рябченко, Рафаил Узикаев. Начальник отряда П. Коркин, инструктор альпинизма Л. Романенко. 16 августа 1949 года — 14.00. Восхождение совершили по скалам южного склона».

Спуск с вершины был не менее трудным, чем подъем. Сначала он совпадал с трассой подъема, но перед стеной, спуск с которой на ледяной склон так долго искали при 4 восхождении, альпинисты свернули вправо, в кулуар. В своей верхней части он был устлан снегом и крупной осыпью, а примерно ста метрами ниже внезапно закончился обрывом. Пришлось подняться на гребень скального контрфорса и перевалить через него в соседний кулуар. Вскоре и этот кулуар закончился обрывом. Так, перебираясь через гряды, из кулуара в кулуар, группа двигалась вниз. Медлить было нельзя — набежали облака, густой туман закрыл вершину и, оседая, преследовал восходителей вплоть до лагеря.

Так закончилась борьба альпинистов г. Фрунзе за освоение горного массива. Вершина может быть отнесена к III-А (+I) категории трудности. Путь, пройденный группой, наиболее доступен.

Альпинисты Украинской республики по праву считаются одним из передовых отрядов советского высокогорного спорта. Начиная с 1929 г., экспедиции украинских научных организаций в течение ряда лет неустанно исследовали наиболее отдаленные и высотные хребты Тянь-шаня (хребты имени Сталина, Каинды, Кок-шаал-тау и др.). Альпинисты сопутствовали гляциологам, географам, ботаникам, геодезистам в их горных походах, завершившихся взятием легендарного пика Хан-тенгри (11 сентября 1931 г., группа, руководимая М.Т. Погребецким). Большую работу в предвоенные годы вели альпинистские лагери украинских альпинистов в ущелье Адыр-су (украинская школа инструкторов и лагерь спортивного общества «Сталь», Днепропетровск). В послевоенные годы возобновили свою работу три лагеря украинских восходителей в ущельях Накра и Адыл-су (Сванетия). Большой победой был траверс массива Доппаха группой днепропетровцев.

На фото: занятия украинской школы.

Фото Г. ЗАЙЦЕВА.

СПОРТИВНЫЕ
ВОСХОЖДЕНИЯ

Я.Г. АРКИН

ОТ КОШТАН-ТАУ ДО ДЫХ-ТАУ

Влажный серый туман клочьями проплывает перед распахнутой палаткой, цепляясь за покрытую росой высокую траву. В разрывах тумана видна просторная ровная поляна, по которой, причудливо извиваясь, бежит широкий ручей. Тишину раннего утра нарушает лишь мелодичный свист птицы. Кажется, что мы на опушке подмосковного леса и только туман скрывает прозрачные перелески, широкие колхозные поля с зеленеющими посевами, далекую околицу деревни со склонившимися над колодцами журавлями и цепочкой телеграфных столбов на горизонте.

Но, когда с первыми лучами невидимого еще солнца, поднимается туман, слева от нас возникает косой зеленый склон морены с громадными серыми камнями, напоминающими спящих доисторических животных, с отвесными скалами, замыкающими всю правую сторону поляны. А туман уже ползет все выше и, перевалив через гребень морены, рассеивается, повиснув ватными хлопьями на скальных башнях. Казавшаяся утром такой просторной, зеленая полянка как бы съеживается, задавленная величием и простором открывшейся панорамы.

Далеко внизу, еще не сбросившая утренних сумерек, лежит зеленая долина, перерезанная стальной полоской реки, за ней стоят стеной уже озаренные первыми солнечными лучами желтые склоны Каргашильского хребта. Над серыми осыпями и висячими ледниками вершин Укю и Уллу-ауз, сквозь причудливый силуэт гребня пробиваются солнечные брызги, и теневая полоса на другом склоне быстро опускается вниз. А когда солнце поднимается еще выше и, побежденные его живительным теплом, растают в синеве неба последние маленькие облачка, в глубине ущелья во всем своем величии и красоте откроется двухкилометровая стена.

Мрачные черные скалы с нависшими ледяными сбросами, колоссальные трещины, прорезывающие склоны, изборожденные следами лавин и камнепадов, а над ними — изящный и строгий рисунок гребня, подчеркнутый тенью карнизов, хищными зубьями «жандармов» и грозными башнями вершин. Какими маленькими кажутся по сравнению с этими гигантами пять наших палаток на зеленой полянке и какими еще более маленькими кажутся люди, которые пойдут на штурм великанов. На тонкой мачте радиостанции развевается красный спартаковский вымпел, возвещающий о том, что наше альпинистское «подразделение» вышло на исходные рубежи.

Мы в Мижирги...

ЧЕРЕЗ СЕМЬ ВЕРШИН

Когда в конце августа 1948 г. команда альпинистов «Спартака», измученная физически, но гордая победой над суровой Безингийской стеной, спускалась с языка ледника Безинги, немногие из нас думали, что меньше чем через год мы снова придем в эти места с тяжелыми рюкзаками за плечами.

Зимой, читая описания ранее пройденных маршрутов, строя планы на будущий сезон, мы все чаще и чаще останавливались на массиве Дых-тау — Коштан-тау. Хотя этот район достаточно освоен альпинистами, все же в нем можно найти немало нерешенных проблем. В частности, совершенно неосвоенной оставалась северная стена массива, а такие задачи, как восхождение на Мижирги или Дых-тау с севера, с давних пор были мечтой многих сильнейших групп. Но самым заманчивым и, быть можете даже дерзким предприятием казался никем еще не пройденный полный траверс всех вершин хребта Коштан-тау — Дых-тау с востока на запад.

Гребень, в который, кроме упомянутых вершин, входят также Крумкол, пик Пушкина и двуглавая Мижирги, простирается на 10-12 км по длине и лишь в одной точке, так называемом Крумкольском провале,

опускается до высоты 4250 м. Три четверти маршрута проходит по скальным и ледовым участкам высокой технической сложности. Траверс любой из перечисленных вершин сам по себе является восхождением высшей категории трудности. Замечательный советский альпинист покойный Е.М. Абалаков, проделавший вместе с В.В. Миклашевским в 1938 г. траверс гребня с запада на восток, определял его как предельно трудный.

Судя по описанию Е.М. Абалакова и нашим непосредственным наблюдениям, было очевидно, что в обратном направлении, с востока на запад, маршрут окажется еще более сложным. Мы вполне представляли себе, какие трудности ожидаю нас. Напомним, что один из опытнейших советских альпинистов, мастер спорта Б.А. Гарф писал об этом: «...беспримерный траверс Дых-тау — Коштан-тау, совершенный Е. Абалаковым и В. Миклашевским в 1938 г. — маршрут, оказавшийся непосильным для лучших зарубежных альпинистов. Восхождений, которые могли бы сравниться с этим по своей протяженности, насыщенности трудностями и значительной высоте, нигде совершено не было».

Опыт прошлогоднего восхождения еще раз убедил нас, что команде «Спартака», за три года совместных восхождений сработавшейся в сплоченный и технически зрелый коллектив, окажется по силам и этот маршрут.

Объект был выбран. Началась упорная и напряженная подготовка. Мы изучали фотоснимки, рассчитывали время, приобретали снаряжение. В начале июля команда прибыла в альпинистскую «столицу» Нальчик. Через несколько дней группа выехала в горы. Широкие просторы предгорий сменяются тесным Безингийским ущельем. Дорога вьется по левому берегу бурного Черека. Остались позади развалины древнего замка и вскоре мы разгружаемся у знакомых домиков Хуламского овцесовхоза. Даже в этой глуши идет стройка, поселок растет и благоустраивается. Несколько домов, в прошлом году еще полуразрушенных и пустых, отстроены и заселены, здание школы восстановлено, между домами тянут провода электропередачи.

С восходом солнца караван из шести тяжело навьюченных лошадей вытягивается по знакомой дороге, ведущей вверх по ущелью. Легкий и приятный путь по широким альпийским лугам вскоре выводит к выходам скал, спускающихся к Череку. На узенькой, еле заметной среди осыпи тропе лошадь, зацепившись навьюченным на нее ящиком за склон, сползает вниз. Только вцепившись в хвост и в гриву коня, нам удается удержать его на краю обрыва. Пришлось разгрузить остальных лошадей и перенести грузы через опасное место на своих плечах.

Несколько выше устья Мижирги мы занялись устройством веревочной переправы через Черек. Здесь мы встретились с первым представителем «населения» глухого ущелья: из-за верхней морены выбежал довольно большой тур, направившийся прямо к нам, видимо, привлеченный цветом красных косынок на головах альпинистов. Пока мы лихорадочно готовили фотоаппараты, которые, как назло, были надежно запакованы в тюках для переправы, тур неподвижно стоял метрах в семидесяти от нас, наблюдая за непривычным зрелищем. И лишь через несколько минут повернул обратно. Наши разочарованные возгласы лишь ускорили его бег.

Базовый лагерь мы расположили на левой морене ледника Мижирги, на высоте около 2 500 м. Утомительный двухчасовой путь по этой морене с тридцатикилограммовыми рюкзаками пришлось проделать не один раз, пока весь груз от переправы не был переброшен наверх.

Избранная нами чудесная зеленая поляна лежала между левобережной мореной ледника Мижирги и крутыми скальными склонами отрогов Миссес-тау. По необычайно ровной площадке (что дало повод назвать ее «футбольным полем») протекал большой ручей, круто срывавшийся вниз.

Над широкой осыпью ниже лагеря скрещивались два кулуара, по которым почти беспрерывно летели с сорокаметрового отвеса камни.

Установка палаток, развертывание радиостанции, устройство кладовой для продуктов, заготовка дров, за которыми приходилось

спускаться почти до самой реки позволили нам оглядеться кругом, внимательнее познакомиться со своим будущим «противником».

Из лагеря была видна только часть маршрута, от середины Крумкольского гребня и до Дых-тау, но и то, что было на виду, внушало достаточно уважения. Особенно зловещими казались Западная Мижирги и крутая скальная «пила» гребня, ведущая от нее к Дых-тау. Несколько разведывательных выходов помогли составить более полное представление о траверсе.

Наступил момент перехода к «боевым действиям». Прежде чем начать их, необходимо было забросить продукты в три точки гребня: на Коштан-тау, первую вершину маршрута, что обеспечивало бы нам основной набор высоты без тяжелого груза за плечами; на Крумкол — на середину пути; на Дых-тау, резервный склад на случай вынужденных остановок.

Почти двух недель работы потребовало выполнение программы забросок, тренировочные и разведывательные выходы на вершины Джорашты-куршаган и Уллу-ауз. Кстати говоря, каждое из этих, подсобных для нас, «забросочных» восхождений квалифицируется не ниже IV категории трудности, а тяжелый груз (нами было заброшено продуктов примерно на 100 человеко-дней) дополнительно осложнял эти подъемы.

В последние дни перед выходом на основной маршрут наш лагерь превратился в походную мастерскую. Перековывались ботинки, затачивались кошки. Нужно было клеить палатки, закончить тут же перешивку одинарных спальных мешков в четырехспальные, промазать обувь. Распустив веревку, мы сами перевили ее с четырех на три стреньги, облегчив тем самым ее на 25 процентов.

СПАРТАКОВЦЫ ВЫХОДЯТ НА ТРАВЕРС

В 5 часов утра 12 августа команда вышла вверх по ущелью Мижирги. В состав ее входили: заслуженные мастера спорта Н.А. Гусак и В.П. Чередова, мастера спорта И.П. Леонов, В.С. Пелевин, Я.Г. Аркин и перво-

разрядники В.С. Мартынов и Ю.Б. Москальцов. Первые пятеро, так же как и бессменный капитан команды, заслуженный мастер спорта В.М. Абалаков, являлись «старой гвардией» «Спартака», имеющей за плечами не один год совместной работы, двое остальных — молодые украинские альпинисты, впервые влившиеся в этом году в нашу команду. В составе нашего коллектива были инженеры-конструкторы, педагоги, архитекторы, строители, студенты.

В опустевшем лагере остались лишь врач (он же радист) команды А.И. Калмыков и пятнадцатилетний Миша Аркин, которые должны были наблюдать за группой, поддерживая с ней световую связь. Через два часа мы вышли под первый ледопад, который преодолели на кошках без особых затруднений. Поднявшееся солнце застало нас у подножия нижней ступени Кундюм-Мижиргинского ледопада, путь по которому описан Б.А. Гарфом[1].

Хаотическое нагромождение сераков над лабиринтами трещин создавало впечатление полной непроходимости ледопада. Но хорошая тренированность и знание маршрута по забросочным переходам позволили не снижать темпа движения. К 13 часам мы уже поднялись в верхний цирк к пещере, в которой жили в период заброски продуктов на Коштан-тау.

Погода замечательная. В небе ни облачка. В громадном снежном, подобном вогнутому зеркалу, цирке было так жарко, что нам пришлось сбросить с себя всю теплую одежду. Солнце еще только склонялось к гребню Дых-тау, когда мы подошли к подножию крутого снежника, ведущего на перемычку между северным ребром Коштан-тау и Безымянной вершиной «4800».

Здесь мы облюбовали для ночлега ровную снежную площадку, невдалеке от которой журчала по скалам вода. Мы находились на высоте Крумкольского провала, отсюда трасса перехода была видна во всю свою внушительную длину.

---

[1] «Траверс восточного ребра Коштан-тау». «Ежегодник», год 1949.

Мысленно отмечаем наиболее трудные альпинистские проблемы маршрута. Первая и ближайшая — спуск с Коштан-тау через колоссальный «жандарм», обрывающийся трехсотметровой стеной к Крумкольскому провалу. Сам подъем на Коштан, хотя и труден, но разведан, мы прошли по нему всего лишь две недели назад. Дальше нас ожидает крутой скально-снежный подъем на гребень Крумкола. Гребень Крумкола представляется отсюда, с высоты, длинным и острым лезвием. О необходимости сугубой осторожности напоминают зловещие следы лавин, камнепадов по обеим сторонам крутейшего гребня. Мощный скальный взлет гребня ведет к Восточной Мижирги и суровому обелиску Западной Мижирги. Но это еще не все... Вдали, после мрачной скальной пилы и торчащего «зуба» восточной вершины Дых-тау, тянется грандиозный гребень главной вершины Дых-тау — конечная цель нашего перехода.

Вот уже спряталось солнце, и мороз сковал звонкую капель на скалах, а мы, лежа в уютных спальных мешках, пытаемся угадать погоду на завтра. К нашему общему неудовольствию, из-за Коштана наползают серые облака, по палаткам то скатывается крупа, то шуршит свежий снежок.

Утро не принесло прояснения, но ждать было некогда. Используя твердый, смерзшийся за ночь снег и следы, выбитые с вечера Владимиром Мартыновым, мы быстро прошли крутой снежник и после короткого отдыха на седловине начали обход первого скального «жандарма». Нам уже были знакомы эти прочные скалы средней трудности и к 2 часам дня, спустившись по веревке с шестиметрового отвеса, траверсировав не слишком надежную скальную полочку, наша восьмерка в полном составе вышла на снежную перемычку перед снежным куполом. За ним виден крутой взлет гребня. На вершине купола лежали оставленные нами при заброске продукты, но места для удобной ночевки ни здесь, ни где-нибудь поблизости не нашлось. Решено оборудовать ночлег на перемычке, где была обнаружена удобная глубокая трещина.

Рюкзаки сняты, пошли в ход ледорубы и лопатки. Прошлогодняя школа Безингийской стены с ее тринадцатью пещерными бивуаками не прошла даром, и через полтора часа в одной из стенок трещины наполовину выкопана, наполовину вырублена пещера, в которой свободно может укрыться вся команда. На полу расстелены палатки, на них кладем рукавицы, связки веревок, поверх которых раскладываем спальные мешки. В стенной нише уже гудят примуса, укрепленные на воткнутых в стену ледорубах свечи, отражаясь в сверкающих ледяных сводах, преображают темную пещеру в сказочно сверкающий ледяной дворец. С потолка дворца по временам капает талый снег, но плащи, положенные поверх мешков, защищают нас от сырости. Спать!

14 августа. Прекрасная погода. Быстро собираемся, подсушиваем на ветру отсыревшие мешки, палатки и трогаемся в путь. Крутой снежный склон проходим в хорошем темпе, чтобы согреться. Вот и каменный тур с заброшенными сюда продуктами. Когда мы после остановки продолжаем движение, в рюкзаке у каждого прибавилось по 6-7 кг груза. Увеличение веса «заплечных друзей» нас не очень смущает — грудинка, сгущенное молоко, мясо, шоколад обладают свойством быстро уменьшаться в весе.

Перелезаем нетрудный, но опасный «жандарм». Дальше гребень становится все круче. Четкий след первой двойки — В. Абалакова и И. Леонова — ведет прямо «в лоб», к подножию казавшихся снизу пологими скальных выступов. Вблизи же они настолько круты, что с трудом удается найти место для короткого отдыха всей команды. Погода портится, наплывают облачка, изредка падает редкий снег. Ветер крепчает, бросая в лица колючую ледяную пыль.

Острый снежный гребень с участками заснеженных скал выводит нас к подножию «жандарма». Слева он обрывается отвесной стеной, справа виден небольшой «камин», за которым угадывается наклонная полочка. Все это обильно засыпано снегом. После недолгого обследования Абалаков, сняв рюкзак, преодолевает камин и выходит на полку. За ним продвигаются

остальные. Полка с лежащими на ней весьма непрочными камнями оказалась очень крутой.

Двигаясь попеременно, с трудом отыскивая для взаимной страховки редкие выступы, выходим, наконец, на вершину «жандарма». Тяжелый груз за плечами и высота, приближающаяся к 5000 м, дают себя знать. Темп движения невольно замедляется, ощущается усталость. А силы надо беречь, ведь траверс только начинается! Поэтому капитан назначает здесь ночлег, место для которого находим на пологих снежных полях под вершиной. Пещеру роем одновременно с двух сторон.

«Забойщики» быстро сменяют друг друга. Нелегко ведь на пятикилометровой высоте копать, стоя на коленях, смерзшийся плотный снег; впрочем, и тем, кто ожидает своей очереди на ледяном ветру, тоже нелегко. Но вот торжествующий возглас возвещает: «сбойка» туннеля состоялась, теперь работа продвигается быстрее. Скоро все, «чернорабочие» выходят наружу и в пещере остается только мастер «отделочных работ» — Иван Леонов. Пока он оформляет своды и ниши, остальные быстро заделывают один из входов, распаковывают рюкзаки, достают мешки и подают их внутрь пещеры.

Последний из «жильцов», влезая в пещеру, закладывает заранее нарезанными снежными кирпичами вход, оставляя лишь небольшой лаз для себя. Его полагается закладывать изнутри, после того, как все уже собрались в пещере. Постройка пещеры на 8 человек занимает примерно 1½—2 часа, в зависимости от состояния снега. Это, конечно, значительно дольше, чем установка палатки. Но какие несравненные преимущества создает пещера! Ветер, какой бы силы он ни был, совершенно неощутим; снегопад не страшен. В пещере можно свободно сидеть, температура при любых наружных условиях достаточно высока для того, чтобы не замерзли ботинки — верный показатель высокогорного комфорта! А кроме того, насколько лучше ночевать всем вместе, а не быть разбросанными по палаткам.

ПЕРВАЯ ИЗ СЕМИ

Ночь прошла очень хорошо. Теплые сухие мешки, просторная пещера, горячий ужин способствовали нормальному отдыху, и утром 15 августа мы, бодро вскинув на плечи рюкзаки, двинулись по замерзшему снегу на купол Коштан-тау. Через l½ часа вся группа собралась на вершине, первой вершине нашего траверса! Высота — «5145».

Достаточно было перейти на южную сторону гребня, чтобы ветер, а с ним и холод исчезли, как по мановению волшебной палочки. Укрепив рюкзаки на крутом склоне снежного гребня, мы наслаждаемся теплом, любуясь видом окружающих нас вершин.

Весь Кавказ перед глазами. Прямо перед нами на востоке за темной громадой Доппаха и далеким снежным частоколом Цейских вершин плывет в облачной дымке величавая пирамида Казбека. Совсем рядом справа сверкает ледяным убором красавица Айлама, а дальше высится мощный массив Шхары и островерхая Джанги. Остальная часть Безингийской стены закрыта плечом Дых-тау.

С особым чувством всматриваемся мы в далекий гребень Безингийской стены, отыскивая участки прошлогоднего маршрута. Сегодня она выглядит такой мирной и величественной эта страшная стена. А год назад дикий буран заметал нашу пещеру под пиком Руставели, не выпуская нас в течение двух суток.

Пока Гусак и Пелевин извлекают из консервной банки записку группы Б.А. Гарфа, траверсировавшей Коштан-тау в прошлом году, мы успеваем оглядеть и лежащие внизу долины. Прямо под нами течет внизу Крумкольский ледник, соединяясь дальше с ледником Дых-су. Зеленеют далекие лужайки, блестят ледниковые озера. Юрий Москальцов показывает путь, по которому шла одна из наших групп при заброске продуктов на Крумкол. Это — интересный и сложный маршрут через два перевала, один из которых, пройденный впервые, назван именем «Спартака».

Но где же наш лагерь? Увы, виден лишь крохотный участок луга у слияния Мижирги с Череком. Он блестит зеленоватым цветом и, вспоминая густой ковер его цветов, нам невольно становится теплее в этом ледяном царстве.

Закусив шоколадом и черносливом, вкладываем свою записку в банку. Первая двойка уходит на 20 минут раньше, за ней поднимаются и остальные.

После нескольких метров движения по снежному гребню резко сворачиваем на север, начав спуск по крутому, до 60°, снежному склону. Наверху у скал снег лежит непрочным слоем, заставляя нас двигаться попеременно, охраняя друг друга через скальные выступы и ледорубы. Но дальше снег становится плотнее и двойки, убрав в рюкзаки излишнюю длину веревки, переходят на одновременное движение, ускоряя теми спуска. В течение часа мы теряем до 200 м высоты, выйдя на пологое снежное поле. От него снежно-скальный гребень причудливыми зигзагами ведет к большому «жандарму».

Путь хотя и не очень труден, но все чаще встречаются короткие участки заснеженных скал, требующих очень точного лазания и внимательной страховки. То и дело слышен звон ледоруба, подрубающего ступеньку, или стук молотка, вбивающего очередной крюк. Снова развертываем на всю длину веревки.

«Жандармы» стоят здесь один за другим, некоторые из них приходится перелезать, некоторые обходим с юга. Солнце уже клонится к закату, пора искать место для ночлега. Но здесь это не так легко для всех восьми человек, которым: не хочется далеко уходить друг от друга. Кругом видны только крутые скалы, острые гребни и только после двух двадцатиметровых спусков по веревке попадаем на наклонную площадку, покрытую мелкой осыпью. Небольшая терраса в конце ее как нельзя лучше подходит для ночлега. Выровняв площадку крупными камнями, приносим в рюкзаках «мягкую» подстилку — мелкие плиты с осыпи.

К заходу солнца, лежа в мешках, мы наслаждаемся заслуженным отдыхом.

ПИК НИКОЛАЯ ТИХОНОВА

На следующий день предстояло решить первую проблему — штурм большого «жандарма» Коштан-тау. Не совсем понятно, почему эту вершину, равную по высоте Крумколу, несправедливо называют «жандармом». Быть может, лишь соседство с пятитысячным массивом Коштан-тау лишило эффектный пик самостоятельности. Решаем исправить эту несправедливость, и, достигнув после двух часов трудного лазания вершины, мы единогласно постановили назвать ее именем замечательного советского писателя — певца гор Николая Семеновича Тихонова. В туре на вершине пика Тихонова находим записку Е.М. Абалакова и В.В. Миклашевского. Из отдаленного от нас одиннадцатью годами восхождения мы слышим голос безвременно погибшего друга. Он напутствует нас в дальнейший путь.

В головокружительной глубине зияет под нами Крумкольский провал. Спуститься туда напрямик невозможно: гладкий, как стена, трехсотметровый отвес непреодолим. Решаем спуститься на север, траверсируя потом влево, к провалу.

Неясно выраженный северный контрфорс «жандарма» сложен гладкими скалами, засыпанными мягким, липким снегом. Движение здесь крайне опасно. Двигаемся медленно, тщательно подыскивая и надежно организуя места для страховки. Веревки и рукавицы промокли, ботинки тоже постепенно отсыревают.

Первая двойка свернула влево. Осторожно, стараясь не сбить ступенек, проложенных в рыхлом снегу, следуем за ней. Перед нами снежный кулуар, ведущий как будто бы в нужном нам направлении, но после пятидесяти метрового спуска приходится снова уходить вправо. После напряженного и опасного траверса стенки «жандарма» выходим на верный, но отнюдь не легкий путь. Тридцатиметровым спуском по веревке пересекаем

наискось ледяной кулуар, затем следует еще один спуск, и мы оказываемся на относительно легких скалах, перемежающихся со снегом. Для спуска пришлось связать две веревки, перекинув их через скальный выступ. Пока веревки были вытащены вниз и снова соединили между собой альпинистов, первая двойка уже ушла вперед, отыскивая место для ночевки. До провала сегодня нам не дойти.

Солнце уже село, быстро темнеет, нужно торопиться. Маневрируя по снежным кулуарам, чередующимся с короткими скальными стенками, затемно спускаемся к месту ночлега. Последняя двойка — Пелевин и Гусак — завершает спуск почти в полной темноте.

Наклонные площадки не позволяют даже установить палатку, но выбирать ее из чего. Наскоро закусываем, выпиваем по кружке горячего киселя и устраиваемся на ночлег, полусидя, полулежа. На наше счастье небо в эту ночь совершенно чистое. Скоро 20 часов, время условного сигнала снизу, а сегодня мы впервые вышли в зону прямой видимости от нижнего лагеря. Напряженно ждем... И вот в бездонной темной глубине, далеко, далеко вспыхивают костры сигнала. Ответная вспышка магния озаряет наши скорчившиеся на скалах фигуры. Но какое счастье написано на всех лицах! Как будто за несколько километров дошло до нас теплое рукопожатие друзей, внимательно следящих за нами. А завтра утром разнесется по всем лагерям Кавказа весть о первом нашем сигнале. Давно уже погасли костры внизу, а мы все еще не можем успокоиться. Медленно поднимается луна, и знакомые дневные очертания окружающих хребтов и вершин приобретают новый сказочный рисунок. Но любоваться некогда — надо спать. Все трудности еще впереди.

Утром 17 августа из-за неуютного ночлега просыпаемся рано. Кроме того, не терпится увидеть дальнейший путь, который вчера в сумерках не удалось рассмотреть.

Судя по высоте, мы находимся где-то невдалеке от провала. Перелезаем через небольшой гребешок и выходим к широкому ледяному

кулуару, ограниченному с другой стороны снежным гребешком. Что за ним? Во всяком случае Крумкольский провал недалек.

Растираем замерзшие руки, подвязываем кошки. Солнце давно поднялось, но тень громадного «жандарма» покрывает весь ледяной склон. Лед настолько тверд, что двигаться без рубки ступенек явно небезопасно.

Абалаков первым выходит на лед. Упорно и методично звенит его ледоруб, вырубая ступеньки. Леонов внимательно страхует ведущего через ледовый крюк. Но вот он останавливается и забивает следующий крюк, закрепляет на нем при помощи карабина веревку и принимает к себе Леонова. Мы продолжаем движение в прежнем порядке. Вот уже на льду собирается вся группа. Около двух часов занял траверс этого ледяного склона.

Преодолев последний ледяной отвесик, мы увидели перед собой пологий снежный спуск, ведущий на освещенную солнцем снежную площадку Крумкольского провала. Через несколько минут мы располагаемся на теплых, ровных скалах, согревая замерзшие руки и ноги. Траверс первой из вершин хребта окончен. Разумеется, расстилаем для просушки мешки и палатки, открываем банки с консервами. Кое-кто, вооружившись иглой, приводит в порядок наиболее потрепанные детали своего туалета. Но взоры все чаще и чаще обращаются к грозным скалам, круто взбегающим к гребню Крумкола. Вот она — вторая проблема траверса! Хорошо отдохнув, согревшись, вновь подвязываем кошки и вступаем на снег. Здесь нас ждет новая неприятность: мокрый снег громадными комьями налипает к подошвам, и после каждого шага приходится древком ледоруба сбивать с ботинка целые подушки. Двигаться трудно и опасно.

Медленно, осторожно обходим торчащий посреди провала огромный острый зуб, казавшийся таким крохотным' снизу, и выходим на крутой снежный склон. Зигзагами поднимаемся наверх. Порядок движения прежний — передовая двойка с некоторым отрывом движется впереди, вторая — Я. Аркин — В. Чередова, третья — В. Мартынов — Ю. Москальцов и

замыкающая — В. Пелевин — Н. Гусак движутся с интервалом, обеспечивающим нормальный темп и безопасность движения.

Со снежного склона переходим на скалы. Дальнейший путь проходит по южной стороне гребня, но подтаявший под солнцем снег размяк, камни то и дело со свистом; летят вниз. Несмотря на то, что еще только три часа дня, решаем остановиться. Этот же участок с утра мы пройдем по твердому снегу, без «подлила», значительно скорее и безопаснее.

Усталость берет свое, и задолго до захода солнца мы спим крепким сном, вознаграждая себя за все неудобства предыдущей ночевки.

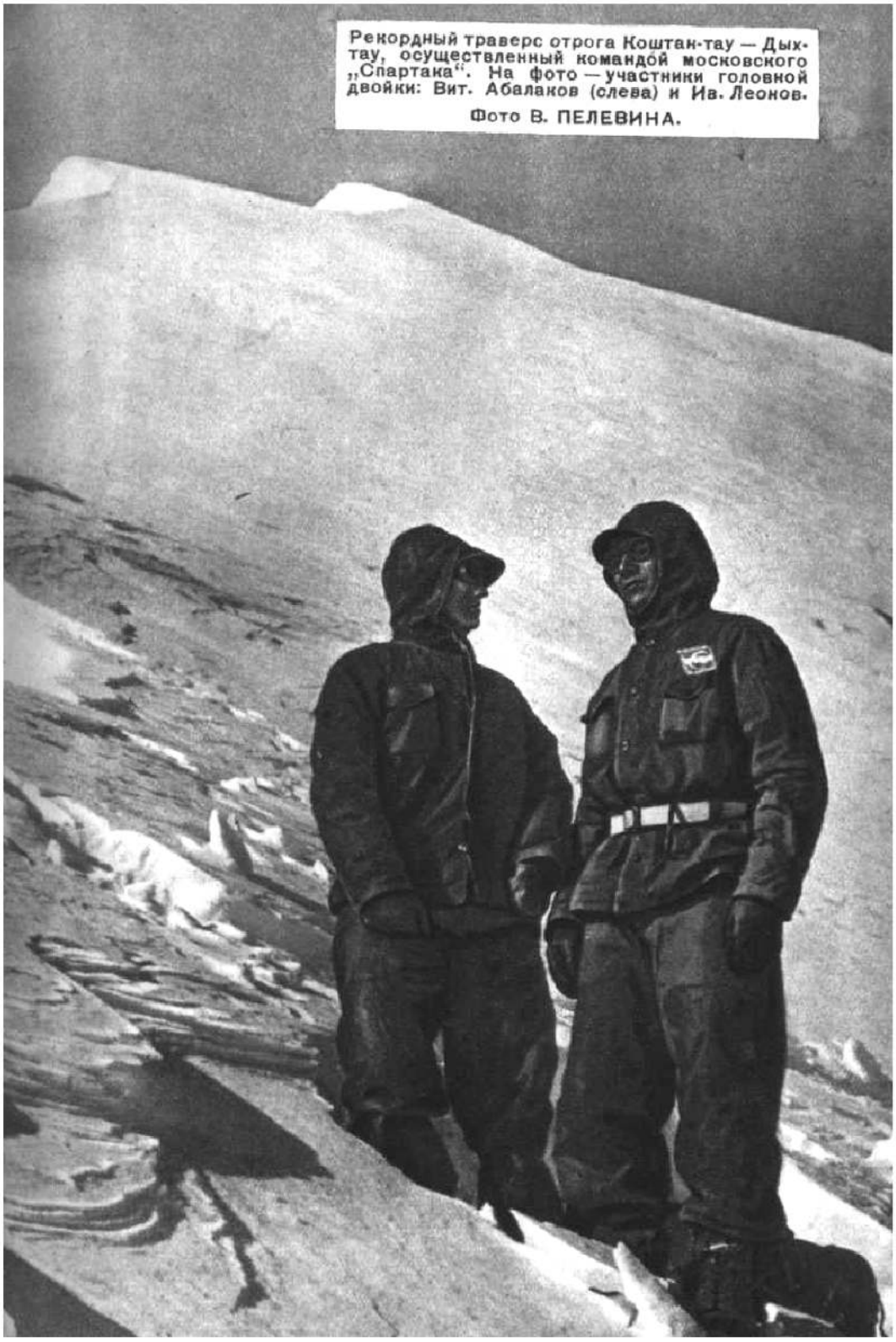
НА ПУТИ К КРУМКОЛУ

18 августа. Погода с вечера выдалась пасмурная, и лишь к утру небо прояснилось, показалось солнце. Быстро пересекаем на кошках затвердевшие за ночь снежные склоны и выходим на скалы. Продолжая обход «жандармов» с южной стороны, постепенно набираем высоту. Непрочная порода скал заставляет нас идти осторожно. К середине дня мы уже выходим на острый, почти горизонтальный гребень, встречающий нас целой шеренгой «жандармов».

Особенно неприветливы два первых. Один из них пришлось обходить с севера по гладкой крутой плите, засыпанной свежим снегом, второй — преодолеваем «в лоб». Здесь двигаться еще труднее. Гладкие, зализанные скалы почти сплошь покрыты льдом, на нем тонким неверным слоем лежит снег. Каждое неточное движение грозит здесь срывом. Только замечательное мастерство В.М. Абалакова, искусно использовавшего короткие участки плотного снега в расщелинах, и незначительные уступы скал, помогли нам сравнительно быстро преодолеть этот опасный участок. Дальнейший путь несколько легче, но не менее опасен. На остром снежном гребне, с карнизом на северную сторону, то и дело вставали очень непрочные скалы. Лишь во второй половине дня со вздохом облегчения выбрались мы на снежные поля, ведущие к вершине Крумкол. Вот и сама вершина, не больше чем на 30

метров возвышается она над гребнем; на ее пологом снежном склоне темнеет тур.

Разбиваемся на две группы: четверка роет пещеру, вторая — отправляется за продуктами, которые сложены несколько ниже, на южном гребне Крумкола.



Рекордный траверс отрога Коштан-тау — Дых-тау, осуществленный командой московского „Спартака". На фото — участники головной двойки: Вит. Абалаков (слева) и Ив. Леонов.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

На вершине Коштана. Слева направо: Н. А. Гусак, И. П. Леонов, В. С. Мартынов, В. П. Чередова, Ю. Б. Москальцов, Я. Г. Аркин. У знака — капитан команды спартаковцев Виталий Михайлович Абалаков.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

С пятикилометровой высоты вершины Коштан-тау открылся оледенелый гребень Коштан-тау — Дых-тау (внизу слева). Вдали видна Безингийская стена.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

Вечером, когда мы, изрядно уставшие, готовились к «погружению» в теплые мешки, кто-то неожиданно вспомнил, что сегодня день Сталинской авиации.

Пятикилометровая высота нашего ночлега позволяла чувствовать себя в некотором роде участниками воздушного парада, и, отложив «отбой», мы отметили традиционный праздник деликатесами из вновь доставленных продуктов (они были заранее заброшены на гребень).

19 августа. Вот уже восьмой день пути, а погода по-прежнему балует нас, хотя за Безингийской стеной весь день клубятся облака. Некоторые из них переваливают через гребень Шхары, но словно обессиленные повисают на ее острых зубьях. Стена Безинги защищает нас от теплых, несущих влагу западных ветров.

Снова гребень и снова «жандармы», то маленькие, то большие, то легкие, то трудные. Переход здесь напоминает скачку с препятствиями: только минуешь одно, как тебе преграждает путь другое. Большинство «жандармов» перелезаем «в лоб» по гребню, но двигаемся из-за этого очень медленно: почти все время идем с попеременной страховкой. Далеко, далеко внизу видно наше «футбольное поле», можно различить даже брезентовый навес, под которым скрыта кухня. Наверняка товарищи внизу не отрываются от биноклей, следя за нашими маленькими черными фигурками, медленно ползущими по снежному гребню. Но вот и последний «жандарм». Преодолев крутой спуск по заснеженным скалам, мы выходим к широким снежным полям, образующим перемычку между Крумколом и Мижирги. Хотя мы и нашли на осыпях несколько ровных площадок для палаток, тем не менее мы спустились на северную сторону, чтобы вырыть пещеру.

Сегодня нам не повезло. Начав рыть первый вход, мы уперлись в твердый фирн, а затем в сплошной лед. Вырубать в нем пещеру невозможно, и, перейдя влево, мы начали копать снова. Но и здесь нас ждала неудача: на глубине немногим больше метра, натолкнулись на громадную и, видимо, глубокую трещину. Снова передвигаемся, и только третий вариант

оказывается подходящим. Но мы не жалеем, что предпочли долгую стройку пещеры быстрой установке палаток.

Утром *20 августа* перед нами предстает во всем величии крутой скальный взлет, ведущий к Восточной Мижирги. Справа подходит к нему северное ребро, четко видна в профиль предвершинная его стенка. Короткий снежный подъем выводит нас к скалам, они тянутся вплоть до вершины, и мы прочно упаковываем в рюкзаки ледорубы. Подъемы по опасным узким кулуарам чередуются с траверсами сыпучих стенок. Медленно, но уверенно набирая высоту, продвигаемся по южным склонам гребня, обходя один «жандарм» за другим.

Идущая впереди двойка остановилась на узкой скальной перемычке, и через некоторое время вое мы стягиваемся к ней. Разглядываем единственно возможный путь — почти отвесную тридцатиметровую гранитную стену; она выглядит устрашающе гладкой. Но обходов нет. Абалаков снимает рюкзак и медленно, опробывая каждую зацепку, начинает подниматься по стене. «Запел» под ударами его молотка первый крюк, через некоторое время забит второй, в руках у Леонова остается уже совсем небольшой конец веревки, но в это время сверху доносится приглушенный крик: «Можно лезть!». Поднимаем по вершке рюкзак Абалакова, затем по одному влезаем сами.

Мы оказываемся «а небольшой площадочке, на которой можно слегка передохнуть, чтобы двигаться по новой наклонной стенке, перерезанной косой трещиной. Продвинувшись по большой полочке, движемся по рядам параллельных узеньких карнизов, подолгу выбирая уступы для страховки. Вот это и есть настоящее лазание. Весь сложный арсенал многообразной техники скалолазания находит здесь широкое применение. Узкие, чуть заметные полочки чередуются с трещинами, в которые с трудом можно заклинить кисть руки. За гладкими плитами, требующими особого внимания и напряжения, торчат отвесные углы, где приходится лезть в распор.

К середине дня снова оказываемся в тупике — узкой оледенелой расщелине, переходящей в близкие к отвесу скалы. Снова стучит молоток, и

метр за метром ползет наверх за Абалаковым веревка. Снова томительно долго вытаскиваем по веревке цепляющиеся о камни рюкзаки. Снова долго мучается Николай Гусак, в самых невероятных положениях выбивающий крюки; оставлять их на пути нельзя — впереди еще половина маршрута и вряд ли более легкая.

Стенка остается внизу, и мы примащиваемся на небольшом, чуть наклоненном карнизе, покрытом толстым слоем натечного льда, а перед нами подымается новая

гряда крутых скал. Вечер уже близок, вспоминается рассказ Евгения Абалакова о том, что на этом участке траверса он с Миклашевским никак не могли выбрать места для ночлега. Решаем, что лучше хорошенько потрудиться здесь, чем потом просидеть всю ночь на полочке, где нас застанет темнота.

Летят в пропасть вывернутые камни, глыбами скалываем лед, выравнивая маленькую площадку. В полной темноте расстилаем палатку, вкладываем в нее спальный мешок и тогда уже залезаем сами. Крайний из нас лежит почти на краю, у пропасти, но остальные трое представляют хороший противовес при ночевке в четырехспальном мешке. Вторая четверка расположилась не в лучших условиях. Наш безмятежный сон нарушается лишь грохотом падающих камней и регулярной командой «перевернуться на другой бок».

ПО ГРЕБНЮ МИЖИРГИ

Утром *21 августа*, решив не тратить сил на преодоление отвесных стенок, спускаемся на 30 метров по веревке, пересекаем узкий кулуар и выходим на крутой сыпучий склон. Через два часа мы уже двигаемся по гребню Мижирги. При совершенно ясном небе здесь бушует бешеный ветер, он бьет в лицо, чуть не валит с ног. Наклонившись вперед и твердо упираясь ледорубом, упорно продолжаем двигаться вперед. Быстро вынимаем записку Евгения Абалакова из тура на Восточной Мижирги, кладем свою — и снова

вперед на запад. Вот и Западная Мижирги. Черные отвесные скалы ее обелиска невысоки, не более 100 м, но как преодолеть эту никем не пройденную каменную стену? Ведь Евг. Абалаков спускался здесь по веревке, а нам нужно идти вверх.

Решаем обходить обелиск спиралью по северной стене, и, поднимаясь слева направо, выйти к его вершине. Первый этап обхода крутого ледяного склона потребовал двух часов напряженной работы с рубкой ступеней и крючьевой страховкой. Траверс по гладким скалам и переход небольшой террасы снова выводит на крутой ледяной склон.

Пока мы пробираемся здесь, первая двойка уходит далеко вперед, но при выходе на лед снова собираемся вместе. Крутой и гладкий склон обращен на север и покрыт твердым льдом, по которому можно двигаться только по вырубленным ступеням. Неутомимо звенит ледоруб Абалакова, и цепочка из двухсот ступенек продвигается все ближе к гряде скал, окаймляющих ледяной кулуар. Вот уже забит последний крюк, сброшены со скал непрочно державшиеся глыбы, и Абалаков выходит на гребень. Но проходит не менее часа, пока остальные двойки выбираются на этот, продуваемый неистовым ветром, гребень. От вершины нас отделяет около сорока метров несложного пути. Вечер уже близок. Передняя двойка ушла вниз на запад. Снятие записки оставлено на завтра, а сейчас нужно торопиться искать место для бивуака. По возможности быстро спускаемся вниз, но все-таки достигаем удобной площадки под Безымянной вершиной затемно.

Всю ночь с ожесточением дует ветер и полы палаток хлопают над головой, как выстрелы. С грустью вспоминаем комфорт «пещерной эры». Здесь мы решаем сделать дневку для починки снаряжения и снятия записки с Западной Мижирга. Одна четверка налегке отправляется наверх и через полтора часа возвращается с запиской предыдущей группы.

Остаток дня проводим в палатках, чиним одежду, точим трикони, приводим в порядок снаряжение. Наш отдых вполне заслужен.

В БОРЬБЕ С «ЖАНДАРМАМИ»

23 августа. Обходом по южной стене выходим с утра на Безымянную вершину. Снизу она представлялась острым снежным треугольником, но снег лежит только на очень крутом северном склоне. Южный склон легко проходим, он опасен чрезвычайно непрочной породой. Осталась позади Безымянная, и перед нами темнеет крутая скальная пила. Столь грозно выглядевшая снизу, она и вблизи не кажется менее зловещей, но мы бодро двигаемся вперед: ведь три четверти траверса пройдено. Скалы не стали проще, но близкий финиш вливает в нас новые силы. Работаем быстро и слаженно.

Вечер застает нас на самом высоком «жандарме» пилы. Судя по описаниям, это — пик Пушкина, но поиски записки не приводят к желаемым результатам. Видимо, за 11 лет ветры и грозы разметали тур. О пещере на этих голых скалах нечего и мечтать, и мы снова ночуем в палатках.

Хотя утро *24 августа* выдалось хорошее, но, взглянув на юг, мы почувствовали некоторое беспокойство. За Безингийской стеной клубились темные облака, некоторые из них висели на вершинах Шхары и Джанги. По прошлогоднему горькому опыту нам хорошо знакомы эти зловещие признаки. Так же начиналась непогода и во время траверса Безингийской стеньг. Сколько еще дней сумеет защитить нас побежденная в прошлом году противница? Так или иначе, но надо спешить с разрешением последней проблемы — штурмом Восточной Дых-тау.

Сравнивая возможность обхода башни по северной стене, отдаем ледовому варианту предпочтение перед скальным. Забив в снег ледоруб и укрепив на нем веревку, спускаемся на 40 м на отлогое снежное плато под стеной Восточной Дых-тау. Очень крутой ледяной склон ведет отсюда на перемычку между восточной и западной вершинами, на ней нависли карнизы, обрамленные гигантскими сосульками.

Трудный участок потребовал максимального напряжения. Абалакову пришлось прорубить ледяной карниз, вытесав ледяной выступ для опоры. В

некоторых местах с отрицательным уклоном пришлось навесить веревочные стремена для ног. Весь день ушел на преодоление этих 70 м, и, когда Гусак, почти вися на веревке, выбивал последние крючья, уже смеркалось. Но главное было сделано, и, не скрывая радости, мы выравниваем площадку для последней «пятитысячной» ночевки.

Проснувшись утром, все обращают взоры на юг. Плотная шапка темных облаков окутала вое вершины стены. Изредка от нее отделяются небольшие облачка и, стремительно проносясь над ледником Безинги, тают у гребня Дых-тау. Нужно опешить. Обидно застрять из-за непогоды здесь, в самом конце маршрута. Кроме того, всего лишь один день отделяет нас от контрольного срока.

До восточной вершины Дых-тау уже недалеко, путь нам ясен, но тратить еще один день — значит рисковать нарушить контрольный срок. Кроме того, маршрут этот был пройден трижды.

А мы хотим выдержать контрольный срок во что бы то ни стало. Главное — траверс основных вершин пройден, и поэтому мы решаем финишировать.

ШТУРМ ПОСЛЕДНЕГО «ПЯТИТЫСЯЧНИКА»

С сожалением бросив прощальный взгляд на близкую башню, решительно поворачиваем на запад. Еще два часа лазания, и мы стоим на главной вершине Дых-тау. Для троих из нас — Н.А. Гусака, В.С. Пелевина и автора этих строк — это последний из не взятых «пятитысячников» Кавказа.

Вкладываем заключительную записку, снимаемся у вершинного тура. Фотообъектив фиксирует обожженные солнцем, заросшие четырнадцатидневной щетиной, усталые, но довольные лица, костюмы, украшенные разноцветными заплатками.

Весь пройденный путь под нами — массивная, но по-своему изящная Коштан-тау, длинные зигзаги Крумкольского хребта, грозные зубья

Мижирги. Хребет распростерся под нашими ногами, как грозное, но побежденное чудовище.

Нашу победу над крепостью природы, одной из труднейших горных цепей Большого Кавказа, мы посвятили семидесятилетию лучшего друга советских физкультурников — товарищу И.В. Сталину.

* * *

Главное сделано. Последняя вершина взята. Теперь только вниз. Привязываем кошки. На склонах Дых-тау лежит плотный снег, позволяющий двигаться быстро и уверенно. Пройден предвершинный гребень и, проваливаясь по пояс в рыхлом снегу, мы спускаемся по обширным фирновым полям. Последнее опасное место — ледяной кулуар также засыпан довольно плотным снегом, а это намного облегчает спуск.

Последний свой палаточный лагерь мы располагаем под «жандармом» Миссес-тау, на площадках, служивших не одной группе, поднимавшейся на Дых-тау. Спим крепко, счастливые одержанной победой. Утром быстро спустились по обычному пути и к середине дня были уже в Миссес-коше. Погода испортилась, но это уже не страшно.

К часу вечерней межлагерной радиосвязи все мы с криком «ура!» врываемся в базовый лагерь. Долго не смолкают разговоры...

* * *

Двухлетний опыт организации и проведения технически сложных траверсов позволяет кратко сформулировать основные организационные и тактические принципы подобного рода восхождений.

Особое внимание должно быть уделено предварительной разработке маршрута: выбору и сравнению возможных вариантов подъема, спуска и преодоления особо сложных участков, определению заброcочных и разведывательных маршрутов, выбору времени восхождения, его календарному плану.

Тщательный подбор группы является безусловно решающим фактором, определяющим успех восхождения. Хорошая физическая

тренированность, техническая подготовленность, а самое главное, высокая сработанность, дух товарищества и взаимопомощи в команде, — вот те качества советского спортсмена, которые необходимы коллективу, выбирающему объектом своего штурма технически сложный, высотный траверс.

Снаряжение команды, личное и общее, должно быть тщательно подготовлено. Каждая двойка должна иметь двенадцатизубые кошки. Веревки должны быть пропитаны. Обвязка при помощи поясов позволит быстро и удобно оперировать с веревкой. Особое внимание должно быть обращено на одежду и обувь, от которых требуются малый вес, непромокаемость и, что главное, они должны хорошо защищать от холода.

Длинные шерстяные чулки, шерстяные рейтузы, типа конькобежных, тонкие шерстяные свитеры прекрасно зарекомендовали себя на сложных маршрутах. Очень полезными были самодельные гетры, пришитые к ботинкам, а также рукавицы из тонкой прорезиненной, ткани, хорошо предохранявшие шерстяные рукавицы от намокания.

Для приготовления пищи лучше всего пользоваться бензиновыми примусами, они портативны и экономичны. Запас горючего переносится в специальных плоских бидонах.

Темп движения на траверсе — один из чрезвычайно серьезных факторов. Многодневная скальная работа на большой высоте требует точного расчета сил. Темп может изменяться в зависимости от высоты, веса рюкзаков, технической сложности преодолеваемого участка и физическою состояния команды. С этой точки зрения нужно очень внимательно подходить к распределению груза среди команды, выбору, организации ночевок и питания.

Относительное равенство сил в группе, высокая слаженность работы как в двойках, так и между ними, безукоризненное владение всеми способами взаимной страховки, так же как и умение хорошо

ориентироваться и двигаться в сложных метеорологических условиях совершенно необходимы при длительных и сложных траверсах.

Безусловно заслуживает внимания опыт заблаговременного выхода на сложных участках передовой двойки с облегченными рюкзаками, для предварительной разведки и подготовки маршрута.

В.Д. ЛУБЕНЕЦ и др.

ЧЕТЫРЕ ВОСХОЖДЕНИЯ НА ШХЕЛЬДЫ-ТАУ[1]

Из ущелья Адыл-су хорошо видна стена мощного горного массива, замыкающего Шхельдинское ущелье. Острые скальные башни поднимаются к небу; белеют висячие ледники. Это — Шхельды-тау, которая, несмотря на сравнительно небольшую высоту (4320 м), по праву считается одним из труднейших массивов Кавказа, наряду с двурогой Ушбой и грозной Безингийской стеной.

Вершины Шхельды расположены в Главном Кавказском хребте к юго-востоку от Эльбруса, в Ушбинском горном узле. Даже беглый взгляд на карту убеждает в том, что водораздельный хребет образует здесь, если не узел, то причудливый и сложный зигзаг, в центре которого расположено Ушбинское плато.

От вершины Донгуз-орун через весь гребень Шхельды Главный хребет идет в основном на восток-юго-восток, поворачивает затем на юг к так называемой Малой Ушбе (северному плечу Ушбы, массив которой находится вне Главного хребта), снова поворачивает — на этот раз на северо-восток к западной вершине Чатын-тау, от которой тянется на северо-запад к пику Щуровского и далее на север к пику Вуллея и Бжедуху. На юг от Ушбинского плато отходит мощный отрог, к которому поднимается громадный двузубец Ушбы; на север от западного конца гребня Шхельды тянется невысокий, почти бесснежный отрог, разделяющий ущелья рек Юсеньги и Шхельды.

К северо-востоку от массива Шхельды-тау расположен Шхельдинский ледник, который тянется сначала в северо-западном

[1] Очерк о восхождениях на Шхельды-тау принадлежит перу нескольких авторов: В.А. Лебедева и В.Д. Лубенца (Вводная часть, «Два траверса», «С запада на восток», «Дальнейшие перспективы»); П.И. Поварнина («По северной стене»); Д.Н. Симановича («На восточную вершину по «пиле»); Л.В. Юрасоза («Встречный траверс»). Частично использованы описания В.А. Кизеля, Ю.Н. Губанова, Л. В. Надеждина и др. Общая литературная редакция Г.М. Ильичевой. — Ред.

направлении вдоль всего гребня Шхельды почти параллельно последнему, а потом поворачивает на северо-северо-восток и дает начало р. Шхельде-южнее Шхельды-тау лежат Ушбинский ледник и его притоки.

Из ущелья Шхельды в Ованетию ведут 7 перевалов (с запада на восток):

1. Ах-су (между западным пиком Ах-су и Юсеньги-баши-узловой) — к истокам р. Долра.

2. Бивачный (восточнее вершины Малая Шхельда) — к истокам р. Долра.

3. МАИ[1] (западнее пика Профсоюзов) — в южный цирк Шхельды и далее на Ушбинский ледник.

4. Ушбинский (между северным плечом Ушбы и гребнем, ведущим к восточной вершине Шхельды) — с Ушбинского плато на одноименный ледник.

5. Чалаат (между северным плечом Ушбы и западной вершиной Чатын-тау) — на Чалаатский ледник.

6. Чатын (между пиком Щуровского и пиком Вуллея) — на Чалаатский ледник.

7. Шхельдинский (между пиком Вуллея и Бжедухом) — на Чалаатский ледник.

Три последние перевала не имеют непосредственной связи с массивом Шхельды-тау; для подходов к южным склонам Шхельды из одноименного ущелья обычно используются перевалы МАИ или Ушбинский.

Гребень Шхельды-тау начинается на западе пиком Профсоюзов и тянется почти на 5 км на восток-юго-восток, образуя гигантскую дугу, обращенную выпуклостью на север. Он может быть разделен на следующие участки (с запада на восток): пик Профсоюзов (4100 м), 1-я Западная вершина (4200 м), 2-я Западная вершина (4310 м), гребень Строителей

[1] МАИ — Московский авиационный институт им. Орджоникидзе. — Ред.

(включающий 6 «жандармов»), пик Науки[1] 3-я Западная вершина (пик Аристова[2], 4229 м), Центральная башня (4295 м), Восточная вершина (4320 м). Состояние этого, в основном скального, гребня, меняется в зависимости от климатического характера сезона; только небольшой его участок — от пика «Науки» до пика Аристова — всегда покрыт снегом.

Наиболее сложные вершины — 3-я Западная, Центральная и Восточная — расположены в восточной части гребня и представляют собой остроконечные башни с отвесными стенами.

На север, к Шхельдинокому леднику, гребень Шхельды-тау обрывается крутой стеной с ледовыми сбросами и несколькими скальными контрфорсами, на юге почти отвесные скальные стены переходят внизу в мелкие осыпи. Массив Шхельды-тау сложен гранитами, сильно разрушенными на самом гребне, и особенно на южных склонах, и более монолитными — на северных. Сильно выветренные скалы ломки и непрочны. Шхельда славится своими камнепадами, оставляющими за собой огненные снопы искр. Местами на южной стороне гребня на скалах встречается мох.

Шхельды-тау один из самых величественных и живописных массивов Кавказа. С различных сторон он выглядит по-разному: с Ушбинского плато напоминает средневековый замок, из ущелья Адыл-су похож на зубья исполинской пилы. С юга Шхельда кажется развалинами высотного здания, диким хаотическим нагромождением скал. Каждая ее вершина по-своему красива.

Шхельда издавна привлекала к себе внимание альпинистов, но ее грозные стены долгое время казались непреодолимыми. Только в 1935 г. началось систематическое альпинистское освоение массива (в последующие

[1] Названные так группой Л.В. Надеждина в 1940 г. в честь спортивных обществ «Строитель» и «Наука». — В.Л.

[2] Считаем, что это название, предложенное Л.В. Надеждиным еще в 1940 г., должно быть присвоено вершине в честь О.Д. Аристова (погибшего при штурме пика Сталина в 1937 г.). — В.Л.

годы советскими спортсменами были последовательно побеждены все его вершины)[1].

К лету 1936 г. относится первая попытка траверса Шхельды. О. Аристов, Б. Гарф и Н. Поморжанский, поднявшись с севера на пик Профсоюзов, спустились на юг и перешли на фирновое плато южного цирка Шхельды. Отсюда альпинисты вышли на крутое ребро, ведущее к 3-й Западной вершине, и начали подъем по нему. После четырнадцатичасоваго лазания по трудным скалам, они заночевали на узкой полочке. Только на следующий день по крутому фирновому кулуару они вышли на гребень и поднялись с запада на 3-ю Западную вершину.

На следующий день Аристов и его товарищи по отвесной стене спустились на перемычку между 3-й Западной и Центральной вершинами. Прямо перед ними поднимались трудные оледенелые скалы Центральной башни. Первые шестьдесят метров подъема по скалам заняли два часа, столько же времени потребовала поднимавшаяся за ними пятнадцатиметровая стена. На следующий день, после десяти часов напряженной работы на трудных заснеженных скалах, восходители преодолели 180 м, отделявших их от вершины. На Центральной башне Шхельды появился первый тур советских восходителей.

Группа Аристова спустилась обратно на запад и далее на юг. Через несколько дней вторая записка советских восходителей была оставлена в туре Центральной вершины; группа Ф. Кропфа за 11 дней поднялась по северной стене.

Следует отметить, что в том же 1936 г. группа мюнхенских альпинистов пыталась траверсировать Шхельду с запада на восток, начиная с пика Профсоюзов, но, не дойдя даже до 2-й Западной вершины, была вынуждена спуститься на юг.

---

[1] Поскольку размеры настоящей статьи не позволяют обстоятельно изложить историю альпинистского освоения Шхельды, мы указываем только наиболее интересные восхождения. — В.Л.

Восточная вершина Шхельды была побеждена в 1937 г. Е. Абалаков и Е. Васильев взошли на нее с юга по кулуару. Группа Л. Надеждина вышла с севера по стене на перемычку между Центральной и Восточной башнями и оттуда поднялась на Восточную. В следующем году две группы В. Мауэра и В. Сигалова, поднявшись с севера на перемычку между Восточной и Центральной башнями, взошли на Центральную башню с востока и спустились с нее на запад и далее на юг. В 1939 г. И. Чашников и Г. Медведев совершили восхождение на Восточную вершину по северной стене. Намереваясь спуститься на седловину между Восточной и Центральной вершинами, они организовали спуск по веревке прямо с нависающего камня на Восточной вершине. В самом начале спуска И. Чашников сорвался и погиб.

В 1940 г. были совершены полные траверсы всего гребня Шхельды-тау как с запада на восток (Л. Надеждин, В. Назаров, П. Сысоев, А. Мацкевич), так и с востока на запад (В. Нестеров, Ю. Губанов, В. Барков, Б. Беркович).

Первой вышла на траверс группа Надеждина[1]. 25 июля альпинисты поднялись на скальный гребень несколько восточнее пика профсоюзов, пройдя в тот же день пик Профсоюзов и 1-ю Западную вершину. На следующий день они преодолели несколько «жандармов» и поднялись по гребню на 2-ю Западную вершину.

Третий и четвертый дни были затрачены на преодоление никем еще не проходившейся части гребня между 2-й и 3-й Западными вершинами. Неожиданным препятствием оказался ряд скальных пиков, которые почти не были видны ни снизу, ни с соседних со Шхельдой вершин. Небольшие башни этих пиков пришлось брать «в лоб», с некоторых нужно было спускаться по веревке.

Далее скальный гребень сменился снежным, местами нависали большие карнизы на север.

---

[1] Подробное описание см. Л. Надеждин «Траверс Шхельды», «На суше и на море», 1940, № 11, стр. 20.

В конце четвертого дня пути группа Надеждина достигла 3-й Западной вершины и заночевала, немного спустившись с нее на восток. Утром 29 июля она сошла к подножию Центральной башни, организовав два сорокапятиметровых спуска по веревке.

Подъем по трудным скалам Центральной вершины (с крюковой страховкой и использованием крючьев для создания искусственных точек опоры) занял шесть часов. Заночевав на вершинном гребне, альпинисты на следующее утро встретились с группой В. Нестерова, совершавшей встречный траверс.

Встреча на вершине позволила группе Надеждина осуществить 90-метровый спуск по веревке прямо к подножию восточной стены Центральной башни (группа Нестерова сбросила ей веревку).

«Жандармы» между Центральной и Восточной вершинами были обойдены с севера. Спуск с гребня на север был несложным, но подъем оказался весьма тяжелым. Снова пришлось использовать крючья для создания искусственных точек опоры. Подъем на Восточную вершину занял около трех часов. Особенно труден был выход в предвершинный камин по гладкой стенке, почти лишенной зацепок.

На следующий день группа Надеждина спустилась с Восточной вершины на юг до скал над Ушбинским ледником, затратив, таким образом, на траверс 7 дней (не считая подходов).

На день больше продолжался траверс с востока на запад, пройденный почти одновременно с первым группой В. Нестерова[1].

Рано утром 27 июля В. Нестеров, Ю. Губанов, В. Барков и Б. Беркович вышли с бивуака под Ушбинским ледопадом. Тяжелые (до 28 кг) рюкзаки замедляли темп движения. В первый день, пройдя через Ушбинский перевал на Ушбинский ледник, восходители начали подъем на Восточную вершину и заночевали у подножия большого «жандарма». На следующий день к пяти

[1] Подробное описание см. Ю.Н. Губанов «Траверс Шхелъды». Сборник «К вершинам советской земли», Географгиз, 1949, стр. 265-272.

часам вечера восходители поднялись на вершину. Ночевать на вершине было рискованно (консервная банка в туре оказалась пробитой молнией), и, несмотря на позднее время, пришлось начать спуск к перемычке между Восточной и Центральной вершинами. Темнота застала группу на стене, и только к 2 часам следующего дня альпинисты спустились на перемычку.

После встречи на Центральной башне с группой Л. Надеждина, альпинисты начали спуск на запад.

На следующий день, спустившись на седловину, группа Нестерова после нескольких часов трудного скалолазания поднялась на 3-ю Западную вершину с южной стороны. Заночевав на снежном гребне западнее вершины, альпинисты 1 августа прошли длинный, но сравнительно нетрудный снежный гребень и подошли к отвесной стене большого «жандарма». Преодоление его оказалось самым трудным участком траверса.

Лезть «в лоб» было чрезвычайно опасно, пришлось подниматься по отвесной скале, огибая «жандарм» с севера над полуторакилометровым обрывом. С большим напряжением были пройдены 30 м до полочки, опоясывающей «жандарм». Следующие 10 м подъема оказались предельно трудными. После срыва Нестерова (к счастью, ему удалось удержаться на полочке) Барков без рюкзака вылез наверх и помог выйти товарищам.

Основные трудности траверса были уже позади. На следующий день, пройдя пики «Строителей», альпинисты поднялись на 2-ю Западную вершину и спустились с нее на запад. 3 августа восхождением на 1-ю Западную вершину и пик Профсоюзов траверс гребня Шхельды был закончен.

После 1940 г. наступает долгий шестилетний перерыв в восхождениях на Шхельды-тау. Только в 1946 г. группой Ю. Арцишевского была снята записка Надеждина с Восточной вершины. Несколько богаче событиями в истории Шхельды 1947 год. В июле на ее Восточную вершину с юга поднялись И. Леонов и Н. Белавин, в августе команда «Спартака» (В. Абалаков, Н. Гусак, В. Чередова, И. Леонов) поднялась на 3-ю Западную

вершину по ребру северной стены. Три дня занял подъем по заглаженным, местами обледенелым, отвесным скалам[1]. На гребне Шхельды группа В. Абалакова соединилась с группой В. Пелевина (Л. Филимонов, В. Рубанов, Ш. Тенишев), проделавшей траверс гребня, начиная от вершины Малой Шхельды. После совместного восхождения на 3-ю Западную вершину спартаковцы предполагали продолжать траверс на восток, но необычайная заснеженность скал и плохое состояние веревок заставили принять решение о спуске на юг по кулуарам камнеопасной южной стены.

В 1948 г. были совершены два восхождения на Восточную вершину с юга (группы Е. Манучарова и И. Евсеева), восхождение на 3-ю Западную с юга (группа Л. Юрасова) и несколько восхождений на 1-ю и 2-ю Западные вершины.

Летом 1949 г. были пройдены два новых маршрута на Восточную вершину. Группа мастера спорта В. Кизеля прошла пилу восточного гребня, опускающегося к Ушбинскому плато, группа мастера спорта Б. Гарфа штурмовала северную стену по новому пути.

Верхняя часть массива Восточной Шхельды-тау состоит из системы отдельных скальных башен, соединенных слабо выраженными перемычками. Восточная башня — это крутой скальный гребень, идущий в юго-восточном направлении. К югу от башни расположен «жандарм», называемый альпинистами «петухом» (очертания верхней его части напоминают петушиную голову с зазубренным гребнем и острым клювом). От «петуха» тянется на юг слабо выраженный гребень, обычный путь на вершину (IV-Б категории трудности).

С востока от Ушбинского плато к юго-восточной оконечности вершинной башни подходит хорошо выраженный скальный гребень, изрезанный многочисленными «жандармами» (пила). От «петуха» гребень отделяется глубоким ледяным кулуаром, разделяющимся в верхней части. Его левая (орографически) часть выходит к восточному ребру под башней,

[1] Подробное описание см. в статье В.М. Абалакова «Три восхождения». «Ежегодник», 1948, стр. 53.

правая переходит в крутой и узкий скальный кулуар, отделяющий массив Восточной башни от «петуха». Перед башней восточный гребень резко поворачивает на север.

НА ВОСТОЧНУЮ ВЕРШИНУ ПО «ПИЛЕ»

Нас шестеро: инструктора лагеря «Спартак», мастер спорта Т. Рождественский, Д. Симанович, В. Курбесов, В. Нагаев, И. Лапшенков, группу ведет мастер спорта В. Кизель.

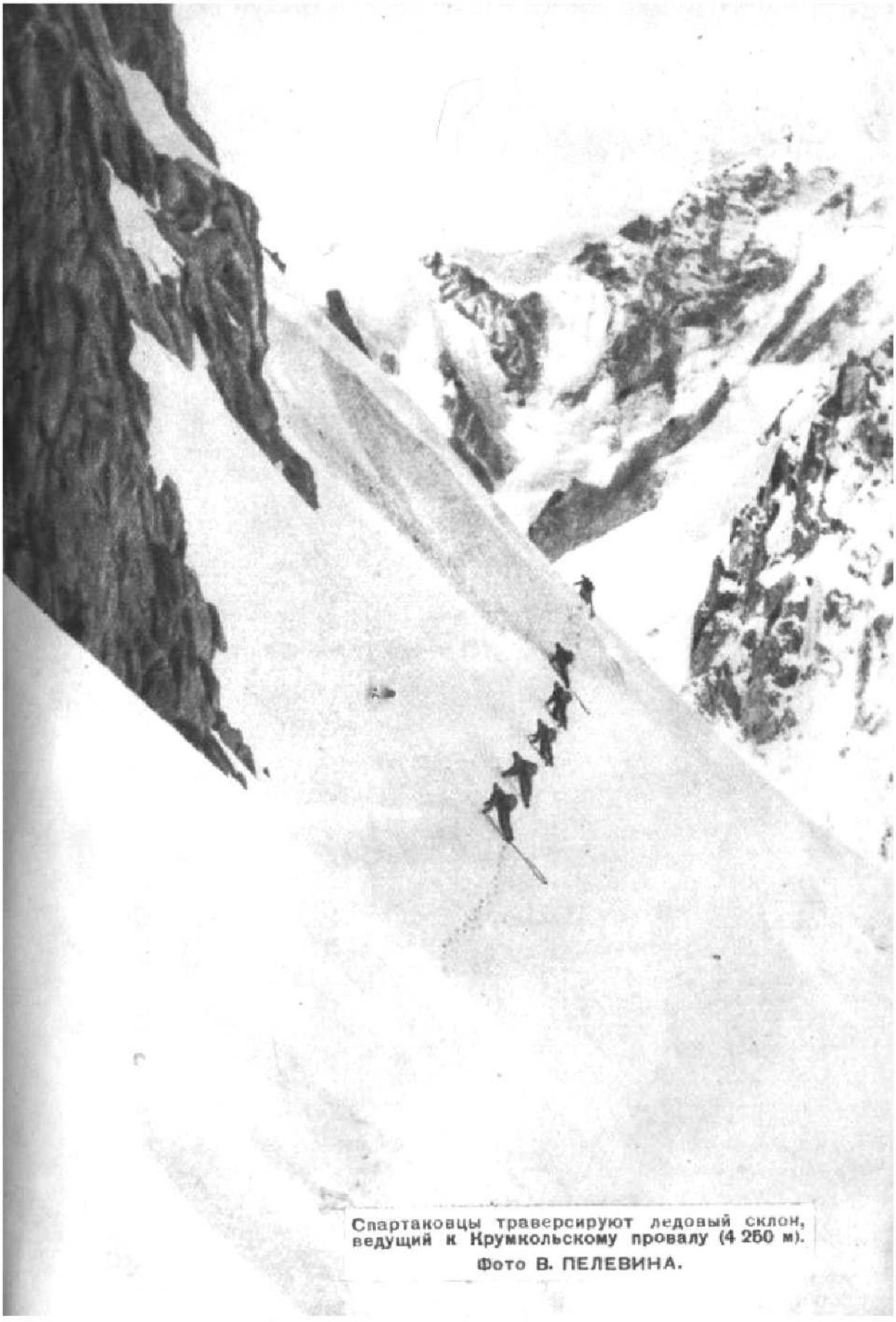
В ущелье Шхельды еще лежит утренний туман, но нужно спешить, чтобы пройти Ушбинский ледопад по твердому фирну. Медленно движемся вверх по Шхельдинскому леднику. Со стены Шхельды проносятся первые утренние камнепады и лавины. Поравнявшись с Восточной башней, останавливаемся, чтобы еще раз просмотреть путь к вершине.

Прямо против нас спускается с гребня крутой снежно-ледовый кулуар, по которому пойдет группа Гарфа. С того места, где гребень восточной пилы упирается в северо-восточную стену вершинной башни, наши пути совпадут. Снизу кажется, что все трудности должны быть сосредоточены именно на этом выходе с гребня.

В. Кизель, вооружившись биноклем, еще и еще рассматривает это место. Он весь — напряженное внимание; кажется, что он решает сложнейшую и весьма запутанную задачу.

Ушбинский ледопад, зажатый между отвесами пика Щуровского и стенами пилы, встречает нас разорванными глубокими трещинами, тонкими прозрачными мостиками, нависающими сераками. Рельеф ледопада диктует свои условия, и двойки: Кизель — Рождественский, Нагаев — Лапшенков, Симанович — Курбесов движутся то одновременно, то поочередно, то меняются местами.

На Ушбинском плато сильный, почти ураганный, ветер неистово завывает между зубьями Шхельды. Кажется, что кто-то спрятал там, за «жандармами», гигантскую органную трубу.

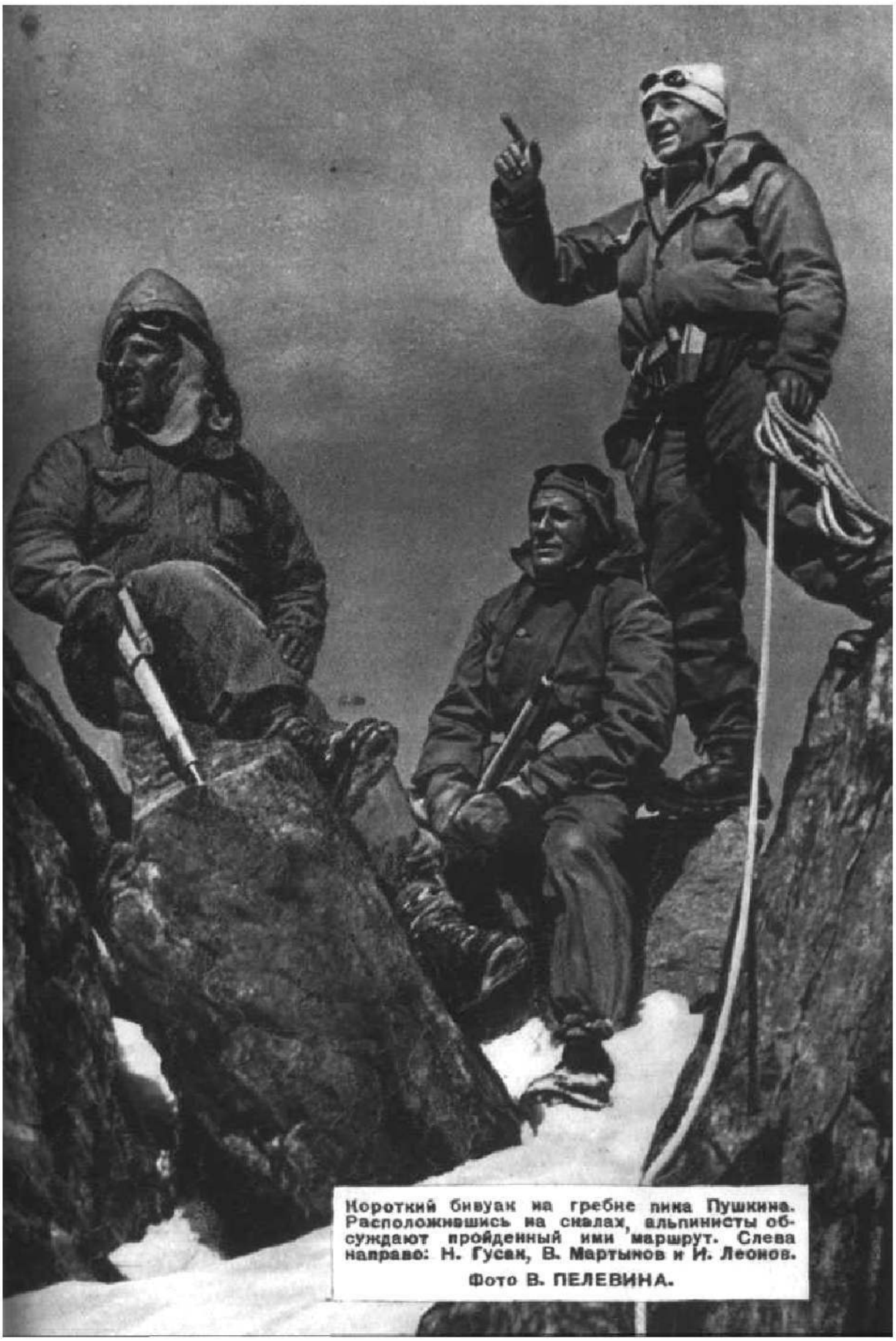


Спартаковцы траверсируют ледовый склон, ведущий к Крумкольскому провалу (4 250 м).

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

Вит. Абалаков (слева) и Ив. Леонов траверсируют один из многочисленных „жандармов", преграждающих путь к вершине Крумкол.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.



Короткий бивуак на гребне пика Пушкина. Расположившись на скалах, альпинисты обсуждают пройденный ими маршрут. Слева направо: Н. Гусак, В. Мартынов и И. Леонов.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

Последний день рекордного траверса. Спартаковцы вступают на длинный оледенелый гребень Дых-тау. Это — финиш их маршрута!

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

На площадке под скалами Шхельды останавливаемся.

— Это — приют МАИ, — говорит И. Лапшенков. — В 1946 г. мы провели здесь целую неделю, наблюдая за подъемом группы Ал. Малеинова по северо-западной стене Ушбы.

Пока ставятся палатки, В. Кизель и Д. Симонович отправляются на разведку. Через полтора часа они возвращаются, просмотрев в бинокль путь выхода на гребень и начало подъема по ребру.

Утром следующего дня, несмотря на плохую видимость, выходим рано. Первая двойка Кизель — Рождественский уходит вверх по довольно широкой наклонной полочке. За ней начинают движение остальные. Полочка упирается в скальный внутренний угол, переходящий потом в камин, верх которого теряется в торчащих скальных пальцах гребня.

Откуда-то сверху сквозь вой ветра доносится крик Кизеля:

— Мы уже на гребне!

— Поднимаемся к вам..... Острый гребень сильно разрушен. От перемычек между многочисленными «жандармами» отходят крутые кулуары. Мы идем почти все время по южной стороне гребня, но часть «жандармов» приходится брать «в лоб». Путь не представлял бы особой трудности в хорошую погоду, но обледенелые скалы и ураганные порывы ветра, силящегося сбросить нас с гребня, заставляют двигаться медленно, с тщательной страховкой.

По мере движения вперед, среди разрушенных скал гребня все чаще и чаще попадаются участки прочной надежной породы, из которой сложена и северная стена Восточной башни. Крепкие, острые, причудливо нависшие «жандармы», торчащие вкось «пальцы», тонкие вертикальные плиты грозно возникают перед нами из пелены тумана.

Обход «жандармов» занимает много времени. Южная стена пилы изрезана глубокими расщелинами; многочисленные крутые кулуары покрыты натечным льдом, слегка припорошенным снегом. Эта система гребешков, расщелин и кулуаров перемежается с массивными обледенелыми

участками заглаженных скал, напоминающих «бараньи лбы». Все время приходится идти с крюковой страховкой.

Под большим «жандармом», на котором оставляем первую записку, организуется бивуачная площадка. Место оказывается удобным, стена «жандарма» защищает нас от ветра. Хороший отдых необходим, чувствуется усталость от длительной борьбы с ветром и обледенелыми скалами, а главное — трудности подъема еще впереди.

Темнеет. Пелена тумана внизу разрастается и закрывает ущелье. Кажется, что мы на острове-скале над серым волнующимся морем. Сквозь клочья тумана высоко над нами поднимается массив Ушбы.

— В тридцать пятом году, — вспоминает В. Кизель, — нам с Алейниковым удалось первыми покорить Северную Ушбу. Сейчас мне кажется, что это было вчера, а ведь с тех пор прошло четырнадцать лет.

Утро не приносит улучшения погоды. По мере приближения к Восточной вершине трудность подъема все возрастает. Нависающие «жандармы» требуют все более глубоких обходов на юг и большой затраты сил и времени. При пересечении покрытых льдом кулуаров надеваем кошки и забиваем крючья. Приходится часто останавливаться дли просмотра пути, ловя кратковременные просветы между стремительно несущимися облаками.

К двум часам дня подходим к месту, где гребень круто поворачивает налево (по ходу) и становится почти параллельным северной стене вершинной башни. Это — тот самый трудный участок, который так внимательно изучал снизу В. Кизель.

Гребень упирается прямо в стену. Слева, далеко вверху, сквозь редкие .прорывы в облаках виднеется «петух». Вверх по стене идут два ледяных кулуара. По правому (орографически) из них непрерывно грохочут камни, дробясь и взлетая над скалами; левый кулуар тоже «живет», но камни идут здесь только по дну, и их значительно меньше. Выбираем его, как более безопасный, и решаем переждать до четырех часов дня, чтобы сошли основные камнепады. Произведенные за время ожидания разведки в

путанице торчащих башен окончательно убеждают нас в правильности избранного нами пути.

Быстро пересекаем кулуар и начинаем подъем по его правому (орографически) берегу, высоко над дном кулуара. Скалы круты, трудны и очень ломки, все время требуется крюковая страховка. Идти по дну кулуара было бы значительно проще технически, но большие и частые камнепады исключают эту возможность.

Пройдя кулуар, выходим на северо-восточную стену. Нависающие скалы преграждают путь вверх, и мы круто, почти под прямым углом, сворачиваем в кулуар, разделяющий вершину и «петух».

Можно идти только по дну кулуара. Хотя верхние скалы стены давно уже не освещены солнцем, все же кулуар небезопасен от падающих камней[1]. Путь очень труден, крутые и ломкие скалы запорошены снегом и местами покрыты тонким слоем льда.

Надвигается темнота, а подходящего места для бивуака все нет. Наконец, на дне кулуара мы видим скальный навес, защищающий от летящих сверху камней, но все пространство под навесом заполнено метровым слоем натечного льда. Застраховавшись на крючьях, принимаемся за работу. Звенят ледорубы, вниз по кулуару летят куски отбиваемого льда. Тяжелая и утомительная работа была вознаграждена — под толстым: слоем льда оказалась наклонная полочка, вполне пригодная для ночлега. Пройденный в этот день участок был, как оказалось потом, самым трудным на всем маршруте.

На следующий день, в первый раз со дня выхода из лагеря «Спартак», мы видим чистое голубое небо. Порывы ветра стали значительно слабее.

Кулуар над нами резко суживается. Несколько веревок — и к одиннадцати часам мы выходим на перемычку между Восточной башней и

[1] Падение камней может, как известно, происходить не только вследствие таяния льда, но и вследствие замерзания воды. — Д.С.

«петухом». Далее предстоит неоднократно пройденный обычный путь на вершину.

Миновав наклонную и скошенную полочку, выходим на северную стену. Здесь мы защищены от дующего с юга ветра. Отвесные, но прочные скалы средней части стены (50-60 м) с хорошими крепкими зацепками доставляют истинное удовольствие после утомительного и опасного лазания по ломким обледенелым скалам. Изредка попадаются забитые в скалы крючья. Мы знаем почти всех, кто забирался сюда, и каждый крюк радует нас как привет и поддержка испытанного товарища.

«Жандарм» за «жандармом»... Последний спуск, нетрудный подъем — и мы на вершине!

В тот же день спускаемся на перемычку перед «петухом». Зная, что подъем на него представляет собой известную техническую трудность, разбиваемся на две группы: В. Кизель и Т. Рождественский занимаются подготовкой пути на «жандарм», остальные трудятся над устройством площадки для бивуака. Площадка делается не только с расчетом на сегодняшнюю ночевку. Группа МАИ, в состав которой входят и четверо из нас: Симанович, Лапшенков, Нагаев, Кур бесов, собирается в ближайшие же дни выходить на траверс всего гребня Шхельды, и ночевка на этой перемычке предусматривается графиком восхождения.

Утром быстро преодолеваем обработанный накануне «жандарм» и по 'обычному пути спускаемся на Ушбинский ледник. На, ясном вечернем небе четко вырисовывается пройденная пила и Восточная башня Шхельды. Поднимаются ввысь Ушба, Донгуз-орун и другие вершины.

— Новый маршрут проложен! Категория трудности V-А. Участники здоровы, — коротко рапортует В. Кизель начальнику лагеря «Спартак» утром следующего дня.

— Поздравляю с отличным восхождением.

ПО СЕВЕРНОЙ СТЕНЕ

Наша группа (мастера спорта Б. Гарф и Г. Караваев, инструктора лагеря «Локомотив» П. Поварнин и А. Шарунин) избрала себе на Восточную вершину новый путь: прямо «в лоб» на пилу по главному кулуару северной стены.

В 5 часов утра 26 июля выходим с ночевки у основания Ушбинского ледопада, пересекаем Шхельдинский ледник и начинаем подъем: по лавинному конусу. Набрав 400 м высоты, оказываемся ниже устья бокового кулуара, по которому в 1935 г. пытался подняться Ал. Малеинов. Как он и предупреждал, около 9 часов начинаются камнепады и лавины.

Огромные массы снега и камней с грохотом низвергаются из боковых кулуаров, устремляясь вниз по центральному лавинному желобу, вдоль которого лежит наш путь. Идем по левой стороне кулуара, где камни задерживаются в многочисленных трещинах.

Часам к 11 вступаем в лабиринт ледяных сбросов и трещин. Приходится преодолевать почти отвесные ледяные и снежные стенки, пролезать ледовые камины, совершая многочисленные обходы. На 200 м такого подъема уходит около 3 часов. Мы давно потеряли из вида нижнюю часть склона, и из-за ряда ледяных барьеров прямо под нами виднеется широкая полоса Шхельдинского ледника.

Наконец впереди показывается ровный крутой (свыше 45°) участок склона, усеянный камнями, постоянно срывающимися с верхних скал. Он ведет к подгорной трещине.

Мы подходим к левому концу трещины. В этом месте она почти сходит на нет, но верхний край ее стенкой поднимается над нижним. Приходится рубить ступеньки. Над трещиной склон, покрытый натечным льдом, становится еще круче. Идем по очереди на кошках абалаковской конструкции с укороченными передними зубьями, вырубая через 15-20 м ступеньки для отдыха. Задерживаться на склоне опасно: мимо нас со свистом проносится несколько камней. Пройдя на длину двух веревок, достигаем

скальной стены и вставляем свои ледорубы в маленький зазор между льдом и скалами. Впервые за несколько часов чувствуем себя в относительной безопасности: все камни, срывающиеся со стены, проносятся над нашими головами.

Склон по-прежнему крут и покрыт натечным льдом. Слева (по ходу) он отделен от скальной стенки узенькой, едва заметной трещиной, за край которой можно держаться только клювом ледоруба или первыми фалангами пальцев. Так проходит еще около 4 часов. В наступающих сумерках видим ряд уступов и неровностей очередного угла скальной стены, окаймляющей кулуар слева. Поднявшись по ней метров на 20, находим узкий балкон, защищенный нависающей скалой. Тут же рядом с камнями веером брызг спадает небольшой ручеек. Забиваем крючья, вешаем перила, устраиваем сидячую ночевку.

На следующее утро по сильно разрушенным скалам огибаем угол стены. За ним открывается ледяной кулуар, приток главного. Сверху над ним нависают скалы довольно зловещего вида. Действительно, вскоре оттуда начинают лететь камни, то поодиночке, то целыми партиями. По очереди добираемся до нависающего уступа, затем намечаем следующее укрытие и преодолеваем очередной «простреливаемый» участок.

Путь идет то по скалам, то по льду, который местами достигает шестидесятиградусной крутизны и при попытке забить крюк скалывается большими кусками. Поднявшись вдоль бокового кулуара на несколько десятков метров, пересекаем сыпучие разрушенные скалы его верхней части, переваливаем через гребешок отрога стены и спускаемся на лед основного кулуара.

Очень круто. Используя для опоры то вмерзшие в лед камни, то заклинивая ногу в трещину между льдом и скалами, то вырубая ступеньки, медленно продвигаемся вверх. Только в середине дня выходим на гребень пилы.

На верхушке небольшого «жандарма» находим подобие площадки, внизу, на южной стороне седловины видим впадину со снегом и водой. Оставив рюкзаки, отправляемся на разведку. Прямо перед нами поднимается отвесная стена опоясанного с юга скальными полочками «жандарма», за которым угадывается кулуар. Далее виден другой его край, а за ним на юг спускается гребень, обычный путь на вершину. Направо уходят вниз ледяные обрывы северной стены, на преодоление которой мы затратили более 25 ходовых часов. Хорошо, что эта часть пути уже позади!

28 июля, спустившись несколько на юг, обходим большой «жандарм». Впереди виден ледяной кулуар, выходящий на гребень в том месте, где пила примыкает к стене вершины. Справа над кулуаром поднимаются две огромные башни с отвесными стенами и несколько игл причудливой формы, образующих гребень пилы, слева кулуар ограничивают не менее крутые стены «петуха». Кулуар изогнут, и окаймляющие его скалы входят в него несколькими уступами. Как и все склоны Шхельды, кулуар крут (около 50°), а в некоторых местах, где в него впадают маленькие боковые кулуарчики, крутизна возрастает.

Пройдя кулуар за 7-8 часов, продолжаем подъем по скальной стене «петуха». Зацепок мало, снова приходится пользоваться крючьями. Наконец, после 60-70 м очень трудного лазания по стене, снова обозначается кулуар и путь становится легче, но на последние 100 м подъема все же уходит еще 3 часа.

Ночуем на узкой площадке между «петухом» и вершинной башней. Найденная нами площадка маловата для четверых.

На следующий день в 8 часов утра начинается подъем на вершинную башню п# обычному пути. Приятно браться за надежные зацепки сухих и теплых скал, крутизна их почти не производит впечатления. С вершины снимаем записку группы В. Кизеля. Путь от места ночевки до вершины и обратно занимает у нас не больше восьми часов. Не задерживаясь, продолжаем: спуск. Обходим верхнюю часть «петуха» слева и начинаем

спускаться несколько левее обычного пути. На ночевку останавливаемся на хорошей площадке южного склона «петуха», на 200 м ниже его вершины.

30 июля рано утром траверсируем по склону направо и выходим на путь обычного спуска. Около 11 часов дня внизу, на бараньих лбах над Ушбинским ледником, встречаем группу мастера спорта В. Лубенца, идущую на Восточную вершину обычным путем. К вечеру спускаемся в Сванетию, а на следующий день возвращаемся в лагерь «Локомотив».

Несмотря на прекрасную погоду, стоявшую во время восхождения, пройденный маршрут потребовал большой затраты сил и времени. Мы отнесли его к V-А категории трудности.

ДВА ТРАВЕРСА

Летом 1949 г. еще одна победа была одержана над Шхельдой — повторены полные траверсы ее гребня в обоих направлениях. Они были совершены спортсменами «Науки», членами коллективов, издавна связанных крепкой дружбой и товарищеским соревнованием — спортивных клубов Московского высшего технического училища им. Баумана (МВТУ) и Московского Авиационного института им. Орджоникидзе (МАИ).

Обе секции ведут свою историю с 1935 г. Еще в довоенные годы в них сложились сильные спортивные коллективы, пополнившие в последние годы свои ряды способной молодежью.

Команды задолго начали готовиться к траверсу. В течение трех лет альпинисты МАИ внимательно изучали гребень Шхельды, побывали почти на всех ее вершинах; летом 1948 г. сделали заброску продуктов на 3-ю Западную вершину. В июле 1949 г. четыре участника будущего траверса совершили вместе с мастерами спорта В. Кизелем и Т. Рождественским первовосхождение на Восточную вершину по пиле.

Альпинисты МВТУ с 1936 г. ежегодно организовывали в различных ущельях Кавказа самодеятельные спортивные лагери походного типа, где сколачивался дружный спортивный коллектив. В первые годы после Великой

Отечественной войны коллектив МВТУ не мог возродить этой традиции, и только в 1949 г. при поддержке Центрального совета спортивного общества «Наука» спортивным клубом МВТУ была организована команда, участвовавшая в VI альпиниаде ВЦСПС. Завершением работ команды и был траверс Шхельды сильнейшими спортсменами.

Первоначально намечался траверс двумя группами: четверка под руководством мастера спорта В. Лубенца должна была подняться по северному ребру 2-й Западной вершины Шхельды и траверсировать гребень на восток; четверка мастера спорта В. Миклашевского — траверсировать гребень с запада на восток обычным путем.

Зима и весна прошли в напряженной тренировке, тщательном изучении маршрута, подборе и подготовке снаряжения. В июле в Шхельдинском ущелье у языка ледника (на месте так называемого Джапуева коша) был создан палаточный лагерь. Были совершены тренировочные восхождения — траверс 1-й и 2-й Западных вершин Шхельды и восхождение на Восточную вершину. На обе вершины была произведена заброска продуктов.

С ЗАПАДА НА ВОСТОК

Непогода, наконец, кончилась. Но северное ребро 2-й Западной вершины блестело сплошным ледяным покровом. Побелели от снега и льда и северо-западные стены Центральной и Восточной башен, по которым предстояло подниматься. Ждем, пока стает лед. Но время идет, положение не меняется, и мы стоим: перед выбором: отказаться от траверса, идти в обратном направлении — с востока на запад, или, наконец, идти так, как мы предполагали, зная заранее, что на обледенелых стенах будет очень трудно. В конце концов отказываемся от подъема по северному ребру, решаем идти одной группой, но траверс делать с запада на восток наперекор природе.

Медлить больше нельзя, и во второй половине дня *10 августа* выходим на траверс. Нас шестеро: мастера спорта В. Миклашевский и В.

Лубенец, перворазрядники Л. Калишевский, В. Лебедев, А. Скуратов, А. Чернобровкин (политрук группы). Продуктов берем только на два дня, поэтому рюкзаки не тяжелее 15 кг.

Утром 11 августа заболевший В. Миклашевский возвращается вниз с группой туристов. Дальше пойдет пятеро, начальник группы — В. Лубенец. Весь подъем до перевала МАИ занимает 2,5 часа. От небольшого ледяного озерка на перевале по мелким осыпям спускаемся на юг.

Южные ледники Шхельды мало отличаются от северных. Большой снежный цирк, вниз круто уходит изрезанный трещинами язык ледника. Во время недельной непогоды выпало очень много снега. Почти невидно скальных гребней сильно заснеженной Ушбы. Покрыт снегом и западный гребень 2-й Западной вершины. Решаем подниматься на нее по южному гребню. Прямо из южного цирка выход на вершину довольно крут, но зато свободен от снега. При подходе к южному гребню пересекаем выход в южный цирк камнеопасного кулуара, идущего с перемычки гребня перед 2-й Западной вершиной. Сам южный гребень состоит из нескольких пологих контрфорсов, разделенных осыпями и переходящих выше в крутые скалы. Подъем до крутой части гребня занимает около трех часов. Выбираем хорошую площадку, разравниваем ее и останавливаемся на вторую ночевку.

12 августа начинаем подъем по крайнему к южной стене кулуару, выходящему к гребню. Затем на крюковой страховке проходим два трудных, но коротких участка, ведущий поднимается без рюкзака. Идем двумя связками (Лубеней, — Чернобровкин, Скуратов — Калишевский — Лебедев) с переменной страховкой. За 5 часов 30 минут поднимаемся с места ночевки на вершину и снимаем свою же записку, оставленную во время тренировочного восхождения.

На 2-ю Западную вершину мы забросили продукты на 8 человек, а нас только пять. Решаем оставить несколько банок консервов, печенья и т. п. для наших друзей из Авиационного института, которые пойдут встречным траверсом. Рюкзаки все же потяжелели до 25 кг.

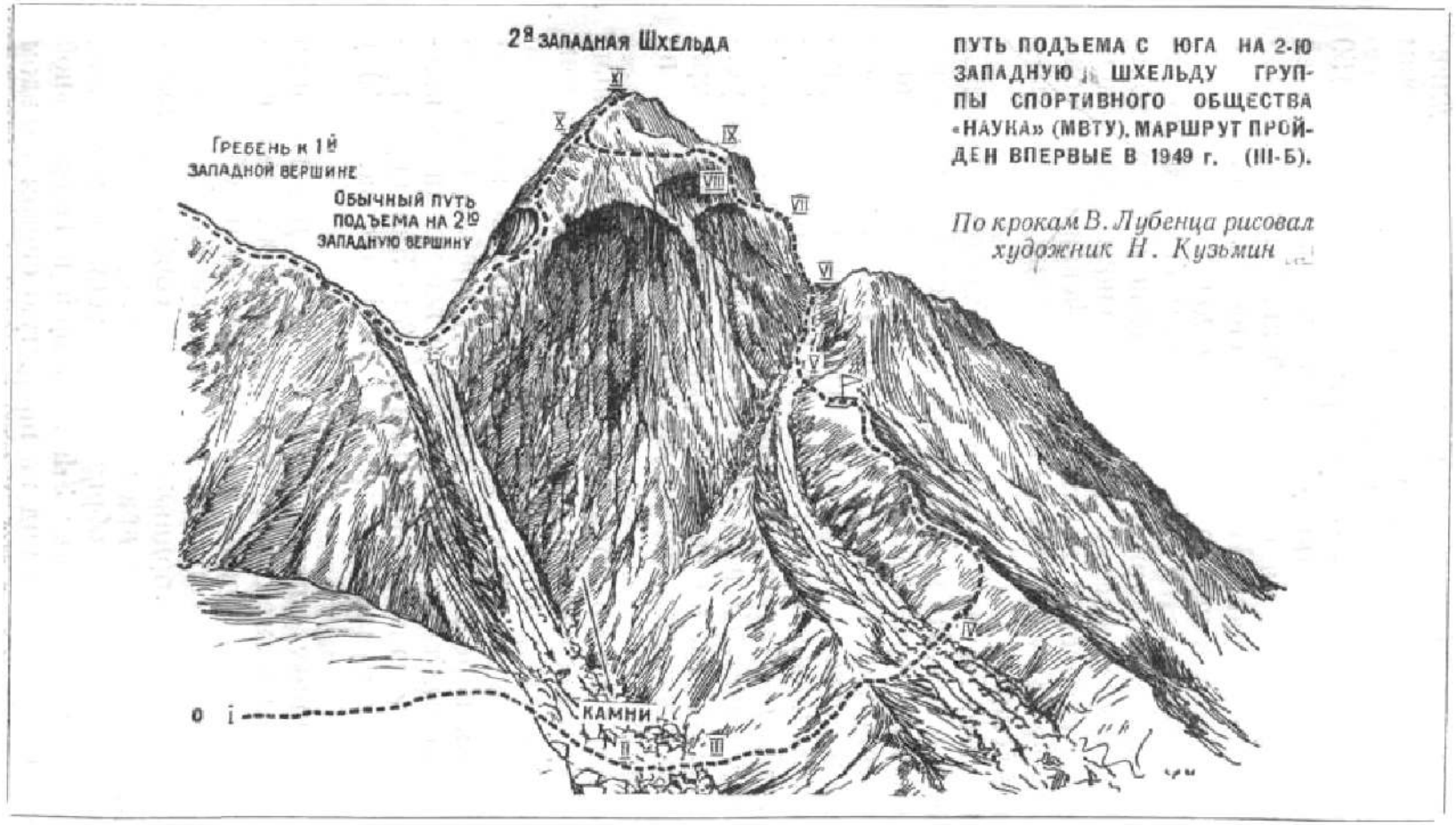
С вершины открывается весь длинный гребень Шхельды, видно, что гребень к 3-й Западной вершине совсем не так уж прост, каким он кажется из Шхельдинского ущелья.

Сразу за 2-й Западной вершиной начинается гребень Строителей, цепь «жандармов», на 40-80 м возвышающихся над массивом. В 2 часа выходим с вершины. По разрушенным скалам ее восточного гребня подходим к подножию круто поднимающегося «жандарма» и берем его «в лоб». Подъем сначала средней трудности, затем становится сложнее. Первому местами приходится идти без рюкзака. Трудный двухметровый участок перед самым выходом на гребень отнимает у нас почти час. Спуск на юг по разрушенным скалам не сложен.

Идем все время со страховкой. Поднявшись по острому гребню на второй «жандарм», спускаемся с него по веревке на фирн северного склона.

На снежной перемычке останавливаемся для ночлега. Уже первые шаги по гребню показали, что для прохождения всего маршрута потребуется много сил и энергии, выдержки и настойчивости. Но среди нашего небольшого коллектива три члена партии и один комсомолец, а коммунисты не привыкли отступать перед трудностями. На коротком совещании решаем сделать траверс во что бы то ни стало!

Утром нам приходится немало времени и сил потратить на преодоление третьего «жандарма». Обойдя его верхнюю часть по полочке с юга, начинаем крутой и длинный спуск. По широкому снежному гребню подходим к подножию очередного «жандарма» и обходим его с севера по снегу. Пятый «жандарм» имеет метров 150 в длину. Частично обойдя его с юга, по скалам средней трудности, выходим на острый гребень. Сильно затрудняют лазание рюкзаки. На гребне очень холодно. Теплые вещи и штормовки нельзя снять даже днем. День заканчивается сорокаметровым спуском по веревке с пятого «жандарма». На перемычке находим хорошую скальную площадку. Дополнительно ее улучшаем.



0—I — Спуск с перевала на ледник, несложный. **I—II** — Путь по леднику к кулуару (вниз). **II—III** — Переход кулуара (сверху днем падают камни). **III—IV** — Разрушенные скалы, несложные. Подъем на гребешок и пересечение второго кулуара. **IV—V** — Подъем по правой (по ходу) стороне второго кулуара. Разрушенные скалы средней трудности. Выход в кулуар (несложный). **V—VI** — Подъем по кулуару на южный гребень. Скалы средней трудности. **VI—VII**. Подъем по южному гребню (30 м). Одно трудное место, выход на «полку». **VII—VIII** — Подъем средней трудности по расщелине (15 м). **VIII—IX** — Подъем на седловину, несложные скалы. **IX—X** — Траверс влево на западный гребень. Несложные скалы. **X — XI** — Подъем по западному гребню на вершину. За 2-й Западной Шхельдой начинается гребень «Строителей»

Вообще мы стараемся делать наши ночевки по возможности более комфортабельными: «лучше поспишь — лучше пойдешь».

14 августа. Начинаем движение подъемом на шестой «жандарм» с юга. На восток он обрывается почти отвесно. Спускаемся по веревке в общей сложности на 65 м. Наша связка репшнура заметно уменьшается: при каждом спуске по веревке на крюке остается кольцо из репшнура.

По скально-снежному гребню средней трудности подходим к пику «Наука», обойдя последний перед пиком «жандарм» с юга. Дальше на восток виден снежный участок легкого пути, по чему мы уже, по совести говоря, успели соскучиться после двухдневного лазания по «жандармам».

Довольно быстро проходим пик «Наука» по сильно разрушенным оледенелым скалам. Расположенная за ним перемычка очень удобна для отдыха и бивуака: можно легко выложить площадку, днем есть вода. Но мы не задерживаемся и по длинному снежному гребню с отдельными выступами скал, двигаясь почти все время на кошках, к 4 часам дня поднимаемся на 3-ю Западную вершину. Снимаем записку группы Л. Юрасова (МАИ) за 1948 г.

На юге, внизу, видна скальная стена, переходящая затем в очень крутые осыпи, на севере — тоже стена с отвесными скалами и нависающими ледяными сбросами. Трудно представить себе, что по ним может пройти человек, но именно здесь поднялась группа советского альпиниста В.М. Абалакова два года назад.

Вниз уходит, круто обрываясь и теряясь в тумане, стена к перемычке между 3-й Западной и Центральной башнями. Открывается вид на покрытую снегом и льдом северо-западную стену Центральной вершины. Выглядит стена потрясающе. Кажется невозможным подъем по обледенелым отвесам, лишь в конце дня освещаемым солнцем. Шуток слышно заметно меньше: подходим к самой ответственной части траверса. Разглядываем стену в бинокль, выбираем маршрут южнее гребня, намечаем основные этапы и ориентиры.

На самой вершине делаем хорошую площадку, ставим палатку. Метров на 8 пониже одиноко устраивается в палатке-мешке А. Чернобровкин.

Ночевка опять очень удобная.

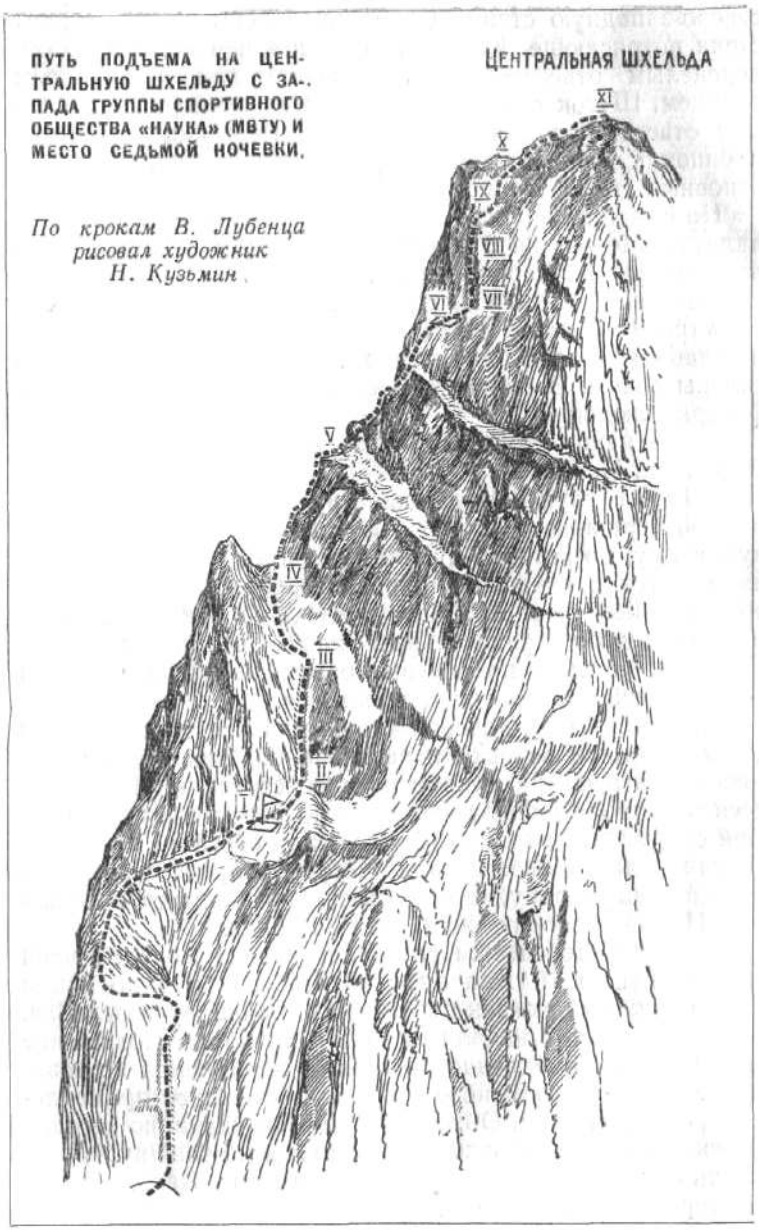
Утро *15 августа* встречает нас безоблачным небом и слабым северным ветерком. Впереди поднимаются склоны Ушбы. В бинокль на седловине видим маленькие фигурки людей.

Это — наши товарищи из «Науки»: К. Толстов, В. Кожин, И. Евсеев.

В 1940 г. группа Надеждина начинала спуск с 3-й Западной вершины в кулуар и попала на трудную наклонную полку, по которой нужно было идти влево. Мы начинаем спуск с конца вершинного гребня, что позволяет обойтись без траверса. Спуск довольно тяжелый, стены местами имеют отрицательный уклон. После двух сорокаметровых спусков по веревке оказываемся на широкой полке. Здесь приходится задержаться.

Во время второго свободного спуска В. Лебедев содрал кожу ладони о веревку и невольно опустил руку. Страховка схватывающим узлом не подействовала. Последние десять метров Лебедев скользил по веревке с нарастающей скоростью, и только толстый слой снега на площадке смягчил удар. Левая ладонь Лебедева представляла собой сплошную рану, пришлось срочно заняться перевязкой. Но, как говорят, беда одна не ходит.

Вслед за Лебедевым спускался самый молодой член нашей группы Л. Калишевский. Метра за 4 до конца спуска тяжелый рюкзак перетянул его вниз, рука ослабла, веревка съехала и начала душить альпиниста. Положение критическое. Немедленно по скалам добираемся до товарища. Снять рюкзак невозможно, а малейшее промедление грозит удушьем. Обрезаем лямки рюкзака, но веревка не освобождается. Приходится, страхуя на репшнуре, разрезать основную веревку, на которой висит Калишевский, и осторожно спустить его.



От перемычки до —I— Подъем примерно 60 м по крутому кулуару южнее гребня. Тщательная крюковая страховка (скалы были обледенелые). Выход на гребень влево, 20 м по гребню, далее вправо по «полке» к более широкой «полке». У скал на камнях полулежачая ночевка.

I—II — Снежная, но несложная «полка».

II—III — Крутой обледенелый кулуар 40 м. Тщательная крюковая страховка.

III—IV — Скалы средней трудности, выход на гребень влево.

IV—V — Путь по гребню, довольно несложный.

V—VI—Подъем по стене до площадки (0,5 кв. м). Скалы сыпучие, средней трудности. Необходима крюковая страховка.

VI—VII—Выход под нависающей скалой в кулуар вправо, довольно трудный (3 м).

VII—VIII — Подъем по крутому обледенелому кулуару. Тщательная крюковая страховка (60 м).

VIII—IX — Широкий, довольно крутой кулуар, средней трудности.

IX—X —Подъем по скалам средней трудности на гребень (40 м).

X—XI — По гребню до вершины. Гребень несложный.

Впереди обледенелая грозная стена Центральной башни, до нее еще один тяжелый спуск по веревке, а настроение у всех упало, охватывает усталость. Но здесь сказались высокие волевые и моральные качества нашего политрука А. Чернобровкина, никогда не теряющего самообладания, умеющего в трудных условиях поддержать и воодушевить друзей на достижение победы. Да и у комсомольца Калишевского неудача только усилила волю к борьбе. После всех переживаний, решаем отдохнуть. Закусываем, сплетаем веревку, рассуждаем на обычные в таких случаях темы «бывает и хуже». Настроение постепенно поднимается, и мы трогаемся в путь.

Основная перемычка между вершинами расположена еще довольно далеко внизу. С поочередной страховкой спускаемся по скалам и, обойдя по полке с юга небольшой «жандарм», выходим на стену над перемычкой. Третий сорокаметровый спуск по веревке утомителен: устает левая рука, срывается дыхание. Только к двум часам дня оказываемся на перемычке, затратив на спуск с 3-й Западной вершины около шести часов.

Во время всего спуска нас не покидала мысль, — а как же мы, все-таки, будем подниматься на Центральную башню? Путь, просмотренный и выбранный нами, сверху казался очень сложным, а местами непроходимым.

Спустившись на перемычку, смотрим на стену уже вблизи снизу вверх. У всех вырывается невольный вздох облегчения: лезть можно! Уверенные в своих силах, начинаем подъем по кулуару с юга от гребня. Подъем трудный, крутые скалы оледенели. Первому, идущему с тщательной крюковой страховкой, приходится то и дело рубить ступеньки и очищать зацепки ото льда. В некоторых местах он поднимается без рюкзака. После кулуара траверсом влево выходим на гребень и, поднявшись по нему метров на 20, снова траверсируем, на этот раз вправо (по ходу) по полочке. К 6 часам вечера подходим к месту, где полка расширяется. Метров на 10 ниже журчит вода. Устраиваем площадку для полусидячей ночевки, спим, привязавшись к крючьям. Утром продолжаем подъем. По простой снежной полке подходим к

началу крутого оледенелого кулуара. Сорокаметровый подъем по нему, с тщательной крюковой страховкой, занимает около двух часов. Идем по склонам средней трудности влево, выходим на гребень. Путь сравнительно прост вначале, но становится труднее по мере подъема; очень сыпучие сложные скалы требуют внимательности и тщательной страховки.

Трудный короткий траверс вправо по узкой полочке отвесной южной стены выводит нас к крутому оледенелому кулуару, спускающемуся почти от самой вершины. Еще 60 м трудного лазания по оледенелым скалам с крюковой страховкой. Первому почти все время приходится рубить ступеньки. Наконец кулуар кончается, еще несколько десятков метров — и мы на вершине. Снимаем записку группы В. Нестерова от 30 июля 1940 г.

Какой величественный вид открылся перед нами! Кругом, насколько доступно взору, видны горы. Далеко в дымке поднимается красавица Дых-тау, немного левее острый гребень Тихтенгена, еще левее — Уллу-тау-чана. На юго-западе виднеется кажущееся совсем близким море. Прямо перед нами высится двузубая Ушба. Она видна от самого подножия до вершины и кажется неприступной в своем ледяном одеянии. И вот три маленьких точки передвигаются по ее гребню — три наших товарища покоряют грозную вершину.

Нас наполнило чувство гордости за них, за нашу Родину, воспитавшую смелых и сильных людей, способных на преодоление любых трудностей. Настроение у нас было исключительно приподнятое.

Наконец-то появились в зоне видимости и наши друзья из МАИ (группа Д. Симановича).

Они поднимаются на Восточную вершину, начиная встречный траверс Шхельды.

Гребень Центральной башни относительно несложен, но очень разрушен. В одном месте гребень образует провал метров в 40 глубиной. На нем устраиваем седьмую ночевку. Выкладываем довольно сносную площадку, но спим все же со страховкой.

Пройдены первые вершины траверса, остались позади „жандармы". С Крумкольского гребня, на который вступили спартаковцы, открылся вид на Коштан и висячий ледник.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

Рабочий день закончен, „жилище“ на седловине Мижирги оборудовано для ночлега. Вас. Пелевин (справа) показывает Вл. Мартынову северное ребро Шхары, взятое им в 1948 г.

Фото Н. ГУСАКА.

К *17 августа* продуктов остается и а один день, траверс будем заканчивать налегке. Правда, на Восточной башне у нас еще лежит полуторадневный запас.

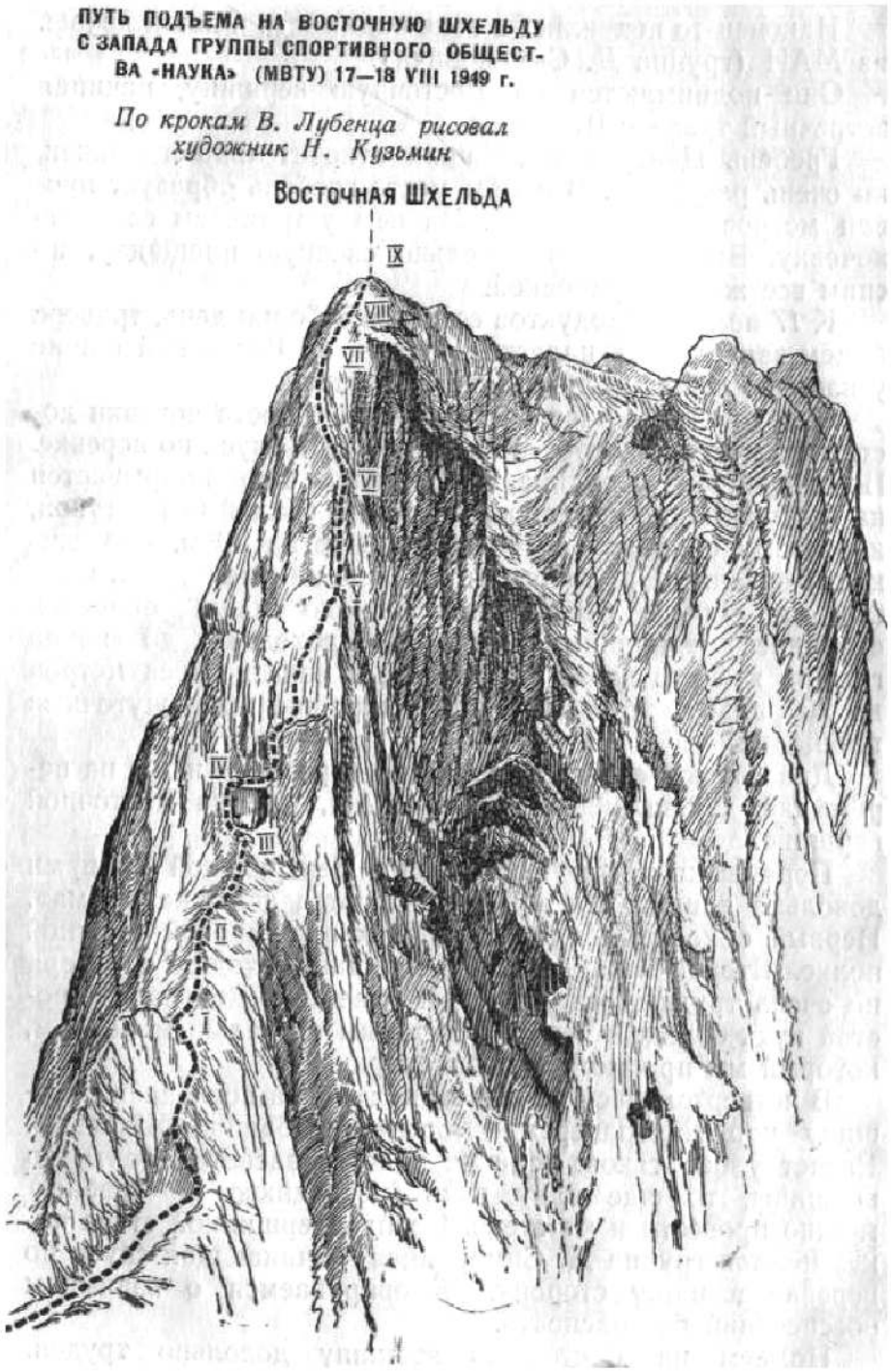
Через полтора часа после выхода с места ночевки достигаем места, с которого надо начинать спуск по веревке. По описанию Надеждина, Центральная башня обрывается на восток гладкой девяностометровой скалой без уступов, и поэтому он делал спуск по веревке на 90 м. Возможности организации такого спуска мы не имели, и это место нас очень беспокоило. Однако наши опасения оказались излишними: если не доходить до конца гребня, как это делал Надеждин, а начать спуск метров на 20 раньше, то можно найти хорошие промежуточные площадки.

Два сорокаметровых спуска по веревке — и мы на перемычке. Снова видим группу МАИ, уже на Восточной вершине.

Перемычка между Восточной и Центральной башнями довольно длинна. На ней поднимаются два «жандарма». Первый обходим с юга на кошках по широкой снежной полке. Второй «жандарм» Надеждин обходил с севера по очень трудным скалам, нам удается найти более простой путь обхода с юга по снежным и скальным полкам, который мы просмотрели еще сверху.

В четвертом часу начинаем подъем на последнюю вершину нашего траверса — Восточную башню Шхельды. Расчет у нас таков: если не удастся засветло дойти до вершины, то еще одну ночь (последнюю на гребне!) можно провести и на стене. На предвершинной стене показывается группа Д. Симановича, начинающая спуск по веревке в нашу сторону. Договариваемся о взаимном обеспечении безопасности.

Подъем на Восточную вершину довольно труден. Мы идем несколько севернее гребня. Скалы очень круты и, главное, сильно обледенели; каждый уступ покрыт льдом и снегом. На стене встречаемся с группой Авиационного института. Дружеская встреча, обмен информацией о пройденном маршруте, взаимные пожелания счастливого пути, и мы расходимся.



0—I — Обход с юга «жандармов», сначала по снежной, потом по скальной полке и выход на перемычку.

I—II — С перемычки по гребню, скалы средней трудности.

II—III — По снежно-скальному гребню, до небольшой стенки. Скалы средней трудности.

III—IV — Обход стенки (3 м) слева по расщелине и нависающему камню. Тщательная крюковая страховка. Довольно трудное место.

IV—V — Подъем сначала по кулуару (10 м), затем по стене. Скалы были обледенелые. Довольно трудный участок. Необходима тщательная страховка,

V—VI — Подъем по кулуару (был обледенелым) до узкой полочки.

VI—VII — По полочке влево, довольно простой путь, но требует крюковой страховки.

VII—VIII — Выход по расщелине на гребень (5 м), средней трудности.

VIII—IX — По гребню на вершину. Путь несложный. Имеются места, где возможна организация сидячих и полулежачих ночевок.

Засветло добраться до вершины успевает только первая связка. Лубенец, Чернобровкин и Калишевский ночуют на вершине, а Скуратов и Лебедев — на уступе.

18 августа к 9 часам утра вся группа собирается на вершине. Приятно посидеть на последней вершине трудного траверса! Завтракаем, просматриваем и чиним веревки. Настроение у всех бодрое: все подъемы закончились, остается спуск по знакомому пути, но радоваться еще рано— впереди 200 м спуска только по веревке.

Осторожно начинаем последний спуск. Пять сорокаметровых спусков по веревке и подъем по стенке на «петуха» занимают остаток дня. Ночуем ниже «петуха». Вечером *20 августа* через перевал Бечо возвращаемся в лагерь. Траверс занял 10 суток.

ВСТРЕЧНЫЙ ТРАВЕРС

14 августа. С 25-килограммовыми рюкзаками за плечами шагаем по знакомый тропинке от лагеря «Спартак» мимо лагеря МВТУ к приюту Аристова. Нас пятеро: Донат Симанович, начальник группы, Виктор Нагаев, Иван Лапшенков, Виктор Курбесов и Леонид Юрасов. Все мы — воспитанники Московского авиационного института, нас связывает многолетняя дружба, возникшая и окрепшая в совместной учебе, в походах и восхождениях.

Около лагеря МВТУ на нашу тропинку выходят Виктор Миклашевский и Олег Леонов. Короткая остановка. Последние уточнения о связи с вспомогательным отрядом МВТУ.

Приют Аристова. Небольшой привал, и снова в путь. Сперва по знакомому леднику, потом по Ушбинскому ледопаду.

Несмотря на то, что в этом году ледопад сильно разорван, обнажен и труден, быстро и уверенно двигаемся вперед, преодолевая стены, трещины и сераки, — ведь большинство членов нашей группы дважды проходили здесь всего две недели тому назад.

Под самым перевалом в удобной, защищенной от ветра, впадине ставим палатку. Десять часов утомительной ходьбы остались позади. Кругом клубятся ленивые вечерние облака. График первого дня выполнен, можно спать спокойно.

15 августа. В половине седьмого утра мы уже любуемся с перевала величественной панорамой двурогой Ушбы. После вчерашнего дня чувствуется небольшая усталость.

Далеко внизу под ногами виднеется ровное плато. Спуск по безопасному снежному склону начинает Виктор Курбесов. Не смущаясь отсутствием лыж, он уверенно и красиво исполняет труднейшие слаломные повороты и быстро уносится на середину плато. Мы следуем его примеру, но нам трудно соперничать с одним из лучших горнолыжников страны[1].

«Слалом» на высоте 4000 м закончен. Пересекаем снежники, спускающиеся с южных склонов Восточной Шхельды, траверсируем короткий участок крутых скал и выходим на осыпи. Впереди видна скальная площадка, расположенная прямо против нашего пути подъема на Восточную вершину, конечный пункт на сегодня.

С вершины по снежному кулуару спускаются две двойки группы «Большевика». Ими руководит Лев Константинович Книппер, талантливый композитор и страстный спортсмен. Горную тишину нарушают приветственные крики, резкие и пронзительные, как сирены встречных пароходов.

Солнце печет нестерпимо. К 10 часам достигаем площадки. По нашему графику здесь отдых до конца дня, генеральная сушка и проверка всего снаряжения. Ложимся спать рано — завтра подъем до зари.

16 августа. В 4 часа 30 минут начинаем движение. Быстро пересекаем подмерзший за ночь снежник. Остро отточенные кошки с подрезанными передними зубьями держат прекрасно.

---

[1] В. Курбесов — чемпион СССР по альпийскому двоеборью 1948 г.

Крутые стенки лавинного желоба, которые необходимо пересечь перед выходом на скалы, проходятся легко. Погода отличная, хороший отдых прошлого дня дает ощущение бодрости и силы. Скалы простые, но сыпучие, идем одновременно и как можно ближе друг к другу.

Солнце поднимается выше, по стене и пройденному нами кулуару уже падают камни. Фирновые участки гребня легко преодолеваются на кошках, солнце пока еще не успело размягчить снега.

На маленькой площадке перед «петухом» делаем большой привал. С Центральной башни доносятся ободряющие нас приветственные крики группы В.Д. Лубенца.

Перед нами крутые скалы шестидесятиметрового «жандарма». Скалы выше средней трудности, но путь хорошо виден и к тому же размечен крючьями. К 4 часам: оказываемся на перемычке между «петухом» и Восточной башней. Заканчиваем дооборудование удобной площадки для ночлега, выложенной еще при восхождении на Восточную вершину Шхельды по пиле.

17 августа. Вес рюкзаков заметно сократился, — они стали просто «дружественными». В 7 часов утра начинаем подъем по скалам. Наклоненная и скошенная полочка проходится довольно легко.

С северной стороны на середине подъема встречается почти отвесная пятидесятиметровая стена трудных скал. Путь прокладывают И. Лапшенков и В. Нагаев, уже поднимавшиеся на Восточную башню.

После стены начались скалы, требующие применения разнообразных технических приемов и крюковой страховки. Хорошая тренировка и слаженность группы позволяют двигаться в быстром темпе. Особенно трудным и интересным препятствием оказывается острый, отвесный и немного покосившийся в сторону скальный уголок с маленькими, наклонными и скошенными зацепками. Здесь впервые приходится снять кожаные рукавицы. Все время слышится: «выбирай», «выдай веревку» и т.п. Далеко под ногами белеют знакомые ледники.

Мы движемся по принципу взаимозаменяемых связок: идущие первыми меняются местами с идущими последними, люди в связках меняются в зависимости от места, самочувствия и т.п. После многих лет совместных восхождений мы это можем себе позволить.

В 13 часов мы уже на вершине, снимаем записку группы Книппера и оставляем свою. Отдыхаем, обедаем. Из рюкзаков достаются маленькие подарки друзей с надписями, на какой вершине их распечатать. Выбираем сверток с надписью «На Восточной». Это подарок нашего друга Ю. Никитина — пачка хороших папирос с надписью «Курить всем!». Закладьиваем в тур подарок для группы В.Д. Лубенца — банку шпрот.

Пора в путь. Впереди непройденный, но хорошо изученный маршрут. С нами надежный путеводитель — прекрасно составленное описание пути, сделанное первопроходителями В.Ф. Нестеровым и Ю.Н. Губановым.

Снизу от перемычки раздаются крики «Привет МАИ!», а сверху в ответ — «Привет МВТУ!».

Двухметровый спуск на руках, маленькая площадка, первый крюк с истлевшей петлей, навешенной 9 лет назад. Вниз уходит крутая стена с забитыми льдом и снегом расщелинами. Ориентируемся на седловину между Восточной и Центральной башнями. Начинаются нетрудные, но утомительные спуски на полную сорокаметровую длину веревки. Встречная группа начинает подъем. На очередной полочке ожидаем первого вестника снизу. Вскоре появляется немного запыхавшийся, но оживленный В. Лубенец. Дружеские поцелуи, объятия, советы и уточнение маршрута.

Шесть спусков по веревке один за другим приводят нас на седловину. Лубенец посылает с вершины условленную зеленую ракету, а внизу, около лагеря МВТУ, вспыхивает ответный сигнал — яркий костер. Кругом дружба, внимание, забота. В такие минуты невольно вспоминаются описания восхождений, сделанных зарубежными альпинистами. Какой контраст! Они пишут, примерно, так: «Ледяной ужас безмолвия окружал нас. Мы были одиноки, подобно песчинкам, выброшенным в адское нагромождение скал...

Одиночество... Ужас... Объятия смерти...», — как чужд нам, советским спортсменам, не только этот набор кошмарных слов, но и чувства, настроения, их пробуждающие.

18 августа. Утро солнечное, но на западе появляются ниточки облаков. В 10 часов утра начинаем движение.

Скалы стены Центральной башни, издали казавшейся неприступной, очень схожи со скалами Восточной Шхельды. Далеко вниз уходят полугоракилометровые, почти отвесные стены. В средней части подъема проходим пятидесятиметровый участок очень трудных, но крепких скал. Тишину нарушают удары молотков и «пение» забиваемых крючьев. Небо быстро закрывается облаками, видимость ухудшается.

Мы на гребне. Небольшой спуск по щели на юг выводит на запорошенную снегом и покрытую подвижными камнями полочку. Траверсируя ее, выходим к провалу перед самой вершиной. На удобной площадке под большим нависшим камнем разбиваем бивуак.

19 августа. По веревке спускаемся в провал и начинаем подъем на вершину по нетрудным скалам. В тур положена очередная записка, распечатываем сверток с надписью «Центральная»: плитка шоколада — знак внимания заботливой О.А. Фирсовой, преподавателя пения, инструктора нашего лагеря «Спартак».

Не задерживаясь на вершине, начинаем спуск на северо-запад. Восемь спусков по веревке приводят нас на снежную седловину между Центральной и 3-й Западной вершиной.

20 августа. Спустившись метров на 40 вниз по обледенелому южному снежнику, выходим на скалы. Подъем не труден, ориентируемся на боковой гребень с небольшим провальчиком. Перед гребнем траверсируем внутренний угол-щель. На этом трудном и опасном месте путь прокладывают Д. Симанович и В. Курбесов.

По нагромождению крупных камней поднимаемся на 3-ю Западную вершину. В туре записка и подарки (колбаса и чернослив), оставленные группой В. Лубенца.

По легкому гребню спускаемся к месту, где лежат заброшенные нами еще в 1948 г. продукты. Они прекрасно сохранились, даже сахарный песок остался таким же сухим. На удобной площадке большого прозрачного озерка устанавливаем в снежной впадине палатку.

К 5 часам вечера погода окончательно портится — сплошные облака, сильный ветер треплет палатки, мешает спать. Кажется, что над тобой мчится всю ночь бесконечный товарный состав.

21 августа. В 8 часов утра, убедившись, что никакой надежды на улучшение погоды нет, начинаем движение. Первый «жандарм» проходим очень легко, короткий спуск — и мы оказываемся около основного «жандарма».

По свидетельству первопроходителей, этот шестидесятиметровый «жандарм» наиболее трудное место всего траверса. Наше положение осложняется еще и тем, что ветер валит с ног, снежная крупа колет лица, скалы леденеют, покрываясь толстым слоем игольчатого льда.

«Жандарм», действительно, предельно труден. После двадцати метров ой отвесной стены с крепкими, но мелкими зацепками, каждую из которых приходится очищать ото льда, попадаем на довольно широкую полочку. Дальше поднимается отвесная, местами с отрицательным уклоном, стена с косыми мелкими зацепками — особенно трудное место, — узенькая полочка за ней выводит к узкой косой щели. Первым идет без рюкзака В. Курбесов.

В 3 часа дня собираемся на вершине «жандарма». На удобной, защищенной от ветра площадке решаем остановиться на ночлег. Все трудности остались позади, далее известный, уже пройденный путь. Даже свирепствующая буря не портит нам настроения.

22 августа. Погода не улучшается, скалы еще больше обледенели. Медленно, но верно, наперекор ветру, снегу и туману, проходим четыре

«жандарма». К 4 часам дня поднимаемся на 2-ю Западную вершину. Проходим дальше на юг и строим девятую площадку. Сплошное молоко тумана. Ветер пронизывает до костей. Но спим спокойно: что бы ни делала погода, она не помешает нам завтра закончить траверс.

23 августа. В ту же отвратительную погоду по легким, но сыпучим скалам спускаемся на седловину между 2-й и 1-й Западными вершинами.

Кажется, погода начинает улучшаться, изредка в сплошной пелене тумана появляются разрывы, через которые видны пятна южного ледника Шхельды. Но ветер буквально валит с ног.

В 11 часов в тур на 1-й Западной вершине вложена последняя записка. В 3 часа дня поздравляем друг друга с окончанием траверса Шхельды-тау, осуществлением нашей многолетней мечты.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Башни Шхельды, темными отвесами поднимающиеся над Шхельдинским ледником, — трудная и желанная цель для каждого альпиниста. Они уже не раз пройдены советскими спортсменами, но восхождения на них все же остаются мерилом высокого мастерства и зрелости спортсмена. Каждый новый путь, проложенный по стенам Шхельды-тау, — новая строка в славном списке побед советского альпинизма.

Траверс Шхельды-тау в любом направлении представляет собой значительный интерес. При траверсе с запада на восток приходится преодолевать меньше стен, но самый трудный участок — Центральная и Восточная башни — проходится в конце траверса по северо-западным стенам, редко свободным от льда и снега. При траверсе в противоположном направлении наиболее сложные участки проходятся со свежими силами, но трудность увеличивается необходимостью подъема с рюкзаками на Восточную Шхельду и подъемом по стене на шестой «жандарм». Следует

считать целесообразной заброску продуктов на 3-ю Западную вершину по пути с юга (IV-А категории).

На Шхельды-тау остается ряд чрезвычайно интересных и еще не пройденных маршрутов, представляющих значительные трудности. Укажем важнейшие с нашей точки зрения:

1. Траверс 2-й Западной вершины с севера на юг. Непройденным остался путь подъема на 2-ю Западную вершину по северному ребру (ориентировочно — V-А категории). Общая высота подъема от ледника до вершины около 1200 м, средняя крутизна гребня — 50-60°. Просмотр в бинокль показывает, что этот вариант подъема вполне возможен. Может представить известные трудности черепитчатое строение пород гребня; довольно сложен будет и сам выход на снежный конус; стапятидесятиметровый подъем по снегу крутизной до 50° на гребень тоже не легок, хотя вполне возможен. Спуск на юг сравнительно несложен (три спуска по веревке и дальнейший путь по сильно разрушенным скалам и леднику).

2. Наиболее интересным вариантом траверса Шхельды нам кажется подъем по северному ребру на 2-ю Западную вершину, траверс всех вершин с запада на восток и спуск с Восточной вершины на Ушбинский ледник по пути спуска Л. Надеждина. Целесообразна заброска продуктов на 2-ю Западную (по обычному пути) и Восточную вершины (маршрут V-Б категории).

3. Следует признать желательным повторение восхождения по пути В.М. Абалакова на 3-ю Западную вершину с севера и последующий траверс Центральной и Восточной башен (как это и предполагал сделать В.М. Абалаков). Заброску продуктов следует производить на 3-ю Западную (по пути с юга). Маршрут V-Б категории.

4. По-видимому, возможен подъем по северной стене на перемычку между Центральной башней и 3-й Западной с последующим восхождением на Центральную башню. Этот вариант требует дополнительного ознакомления с маршрутом. Ориентировочная категория трудности V-А.

* * *

Шхельды-тау одна из немногих вершин, где имеются маршруты самой разнообразной трудности, начиная от самых простых (пик Профсоюзов, II-А) и кончая предельно сложными (V-Б). Она все больше и больше привлекает к себе внимание наших восходителей, рост спортивного мастерства которых непрерывно идет вперед.

Б.А. ГАРФ

ПО СЕВЕРНОЙ СТЕНЕ ТЮТЮ-БАШИ

В начале августа мы встретились с начальником учебной части лагеря общества «Локомотив», заслуженным мастером спорта А.С. Зюзиным.

— Не понимаю, зачем вам ехать за семь верст киселя хлебать, если буквально здесь, под боком, есть еще районы с множеством нехоженых рекордных маршрутов. Бывали вы, например, в ущелье Тютю-су?

—Нет, не пришлось.

—А ведь в этом ущелье, в нескольких часах ходьбы от Тырны-Аузского комбината, высятся северные стены Тютю-баши, Джайлыка, Суллукол-баши, — маршруты высшей категории трудности, никем еще не пройденные. Не пора ли хоть в этом году отдохнуть от Безингийского района и обследовать ущелье Тютю-су. Я там был два раза и могу заверить, что никто из вас не пожалеет, если пойдет туда.

—Надо попробовать...

Наша спортивная группа была на перепутья, так как запланированная в ущелье Безинги экспедиция терпела крах. Виталий Михайлович Абалаков сообщал оттуда по радио: дорога размыта, мосты сорваны, добраться до верховьев Безингийского ущелья крайне трудно. К тому же и времени оставалось в обрез. После зрелого размышления и жарких дискуссий решено было согласиться с предложением А.С. Зюзина — направиться в ущелье Тютю-су.

В состав нашей скромной экспедиции входили: автор этих строк и Вера Шер, оба — научные сотрудники Академии наук Союза ССР, мастера спорта; Георгий Веденников — преподаватель, мастер спорта; альпинист 1-го разряда Александр Старостин — старший инженер научно-

исследовательского института и запасным — молодой альпинист «Метростроя» Анатолий Дейкин.

8 августа мы вышли в путь.

* * *

По дороге из Нальчика в верховья Баксанского ущелья, не доезжая примерно 50 км до подножия Эльбруса, автомашины обязательно останавливаются в поселке Тырны-Аузского комбината. В годы сталинских пятилеток бывшее селение Нижний Баксан разрослось в крупный рабочий поселок со столовыми, гостиницей, банком, кинотеатром, стадионом и прочими признаками настоящего города. В 3-4 км выше по течению Баксана, по правому его берегу, открывается вид на живописное узкое ущелье, заканчивающееся тесным и глубоким каньоном, из которого с ревом вырывается горный поток, впадающий в Баксан. Это ущелье Тютю-су с одноименной речкой.

Любезно предоставленная начальником лагеря «Локомотив» инженером И.Н. Быковым автомашина быстро домчала нас из Адыл-су до моста перед поселком Тырны-Ауз. Четыре лопоухих ишака бодро зашагали впереди нас по тропе. Перейдя по мосту через Тютю-су, дорога круто подымается вверх по левому берегу каньона. Увы, через полчаса ходьбы, предательски вильнув, тропа спустилась вниз, где мы и остановились перед остатками сорванного моста. А на противоположном берегу, словно издеваясь над нами, плавно вилась широкая, хорошо разработанная тропа. Но... близок локоть, да не укусишь!

Переход с ишаками был здесь невозможен, и, распрощавшись с нашим обозом, мы начали организовывать переправу. Сосенка, заклинившись между камнями, образовала утлый мостик над бешеным потоком. Переправив с тщательной страховкой одного из альпинистов, мы быстро транспортировали на карабине рюкзаки, а потом и остальных членов команды. Начались «челночные» операции по переноске грузов.

Солнце склонилось к западу, начал накрапывать дождь, и, сделав лишь два коротких рейса, мы вынуждены были заночевать на живописной лужайке, около маленького родничка. Барабанивший по палатке дождь, бодрое фырчание примуса и перспектива сытного ужина— создавали обстановку домашнего уюта, располагающего к лирическим размышлениям. Так зародился дневник, которому мы далее и предоставляем слово.

9 августа. Стиснутое в нижней части отвесными стенами мрачного каньона ущелье постепенно расширяется. Дремучий лес, напоенный густым ароматом вековых сосен, перемежается с широкими зелеными лужайками. Слева видно узкое боковое ущелье с водопадом, сверкающим в лучах солнца. На берегу кристально чистой речки мы заметили ямы, старое кайло — явные следы золотоискателей. Природа здесь резко отличается от привычных нам ущелий северных склонов Кавказского хребта, напоминая алтайскую. Дейкин обращает наше внимание на стадо туров, мирно пасущихся на боковом склоне среди скал в 2-3 часах ходьбы от кино, базара, почты.

Пройдя мимо остатков старого коша, решаем разделиться. Мы с Верой Шер уходим вперед, чтобы подыскать место для базового лагеря, остальные возвращаются к месту ночлега за оставленным там грузом.

Тропа вьется все выше, пересекая журчащие ручейки. Ущелье постепенно расширяется, и Тютю-су разливается несколькими мелкими рукавами среди песка и гальки. Лес редеет, становится мельче. Попадаются заросли можжевельника. Впереди вздымаются закованные в ледяную броню мощные стены Джайлыка и Тютю-баши. Тропа теряется среди остатков древних морен. На границе леса выбираем ровную лужайку для лагеря.

Вера возится с примусом, готовя ужин, но тишину вечера нарушает неожиданный взрыв, столб пламени вырывается из примуса, и Вера катается по земле, стараясь сбить пламя с загоревшейся штормовки. Соединенными усилиями товарищей пожар ликвидируется. Вера отделалась незначительными ожогами и опаленными ресницами. Больше всех досталось

мне: в суматохе я расшиб себе о камень коленную чашечку, она распухла. Всю ночь прикладываю холодные компрессы.

10 августа. Товарищи отправляются в верхний цирк на разведку нижней части северных стен, закрытой от нас крутой конечной мореной, спадающей в ущелье. Я, как инвалид, остаюсь в лагере, пытаясь излечиться ускоренными темпами.

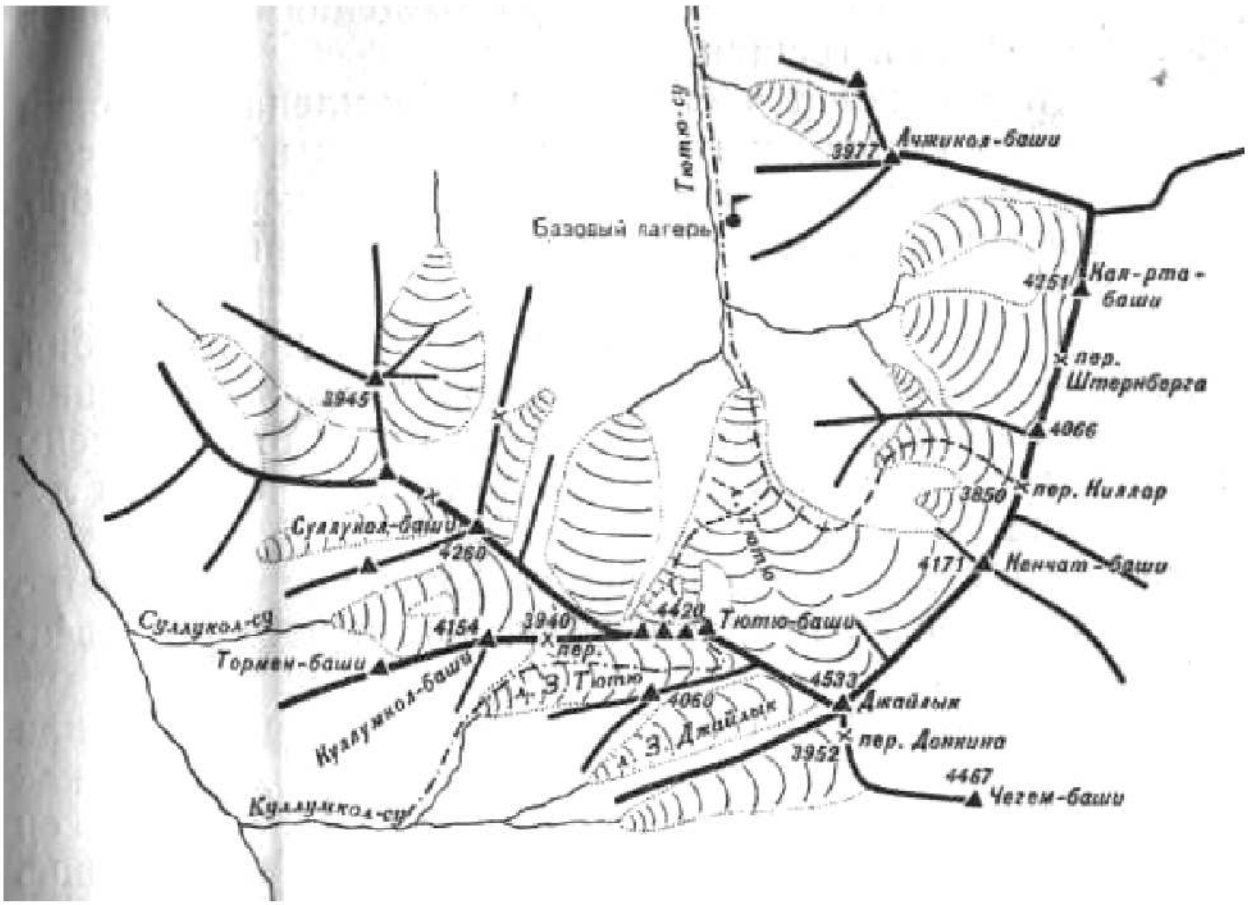
К вечеру возвращаются усталые, но довольные товарищи. Обсудив различные варианты, окончательно решаем штурмовать Тютю-баши, мрачная громада которой довлеет над всем ущельем. Закованная в лед 1300-метровая стена бросает нам вызов. Явный путь на нее пока не обнаружен, но мы надеемся завтра произвести более глубокую разведку. Боль в ноге утихла, и я, вероятно, смогу принять участие в восхождении.

При свете гигантского костра из можжевельника отбираем продукты и снаряжение, готовясь к выходу. Продукты на пять дней, ледовые и скальные крючья, молотки, карабины, палатка, два спальных мешка — таков основной общественный груз. Берем также кухню «мета» с запасом сухого спирта. От примуса все теперь шарахаются, как от змеи — слишком свежо в памяти вчерашнее происшествие.

11 августа. Преодолев утомительный подъем по морене, около полудня выходим в верхний цирк, где сливаются ледники, стекающие с Джайлыка, Тютю-баши и перемычки между Суллуколом и Тютю-баши. Здесь мы решаем разделиться. Веденикова, Вера Шер и я идем обследовать северо-восточную часть цирка на стыке Джайлыка с Тютю-баши; Дейкин и Старостин уходят в западную часть — рассмотреть поближе стену и, кстати, организовать бивуак на левой (орографически) морене. Нашей тройке удается достаточно детально рассмотреть северо-восточное ребро, примыкающее довольно высоко к восточному гребню. Маршрут особого интереса не вызывает.

Вернувшись назад и пройдя в западную часть цирка, исследуем северную стену. Маршрут безусловно сложный, но захватывающе

интересный. Трудно сдержать волнение при взгляде на эту мрачную скально-ледяную громаду, нависшую над ущельем. Классический стенной маршрут! Решение принято бесповоротно. Пойдем здесь. Внимательно просматриваем в бинокль каждый метр стены, и постепенно намечается канва маршрута, составляется первоначальный крок, планируются места ночевок.



Путь восхождения на стену Тютю-баши (отмечен пунктиром).

Массив Тютю-баши состоит из пяти вершин с отметкой высшей точки в 4420 м. В верхний цирк ущелья Тютю-су спускаются северные склоны двух вершин — главной (четвертой) и пятой. Остальная часть вершинного гребня уходит на юго-запад. Тютю-баши — весьма популярная вершина, на нее совершаются многочисленные восхождения из ущелья Адыр-су, и путь с востока или с запада по гребням, не представляющий технических трудностей, расценивается II-А категорией трудности. Траверс же всех пяти вершин классифицируется III-А категорией.

Северная стена Тютю-баши, от подножия до вершины имеющая высоту 1300 м, круто обрывается на ледник верхнего цирка Тютю-су. Нижняя часть на протяжении 150-200 м по высоте образована отвесными сглаженными скалами типа бараньих лбов, ограниченными с запада грандиозными хаотическими нагромождениями ледяных сбросов, сераков и трещин.

С востока нижняя часть стены обрамлена глубоким кулуаром, по которому грохочут камнепады. На высоте около 200 м скалы образуют неявно выраженное ребро, резко взмывающее вверх. Тут и там вкраплены пятна ледяных участков. Еще выше крутой ледяной склон подходит к верхней части снежного северо-восточного гребня, который теряется в скалах основания вершинной башни. Несмотря на большую крутизну, скалы сильно заснежены и залиты льдом, так как стена никогда не освещается лучами солнца.

Разведка окончена, и в душе осталось неясное чувство приподнятости и боевого волнения, как перед ответственным экзаменом.

На гребне морены Старостин и Дейкин уже установили палатку и встречают нас готовым ужином. Дейкин как наблюдатель получает последние указания. Завтра он будет весь день наблюдать за нами с морены и лишь к вечеру спустится в базовый лагерь.

Засыпаем с волнением. Завтра выход!

12 августа. Перейдя ледник, подходим к лавинному конусу и, надев кошки, быстро поднимаемся по плотному фирну. Кулуар сужается, превращаясь в ледяной желоб, наглухо закрытый громадным камнем. Приходится обходить его по ледяному склону.

В этот момент Веденикоv сообщает мне, что он чувствует себя нездоровым и не сможет идти на столь сложное восхождение в плохой спортивной форме. Положение осложняется, так как мы лишаемся опытного и сильного товарища, проверенного во многих совместных восхождениях. Идти далее втроем нецелесообразно из-за чересчур медленного темпа

продвижения, это недопустимо и с точки зрения безопасности, и после короткого совещания решаем вызвать Дейкина. Не без грусти расстаемся с нашим испытанным товарищем. На смену его фигуре, удаляющейся по леднику, появляется ликующий Дейкин, еще не вполне уверенный в своем счастье. Со всей молодой энергией штурмует он ледяной склон.

После выхода на сбросы справа, удается идти на передних зубьях кошек, но склон все круче, кошки уже не держат. Беремся за ледорубы. Медленно вытягивается бесконечный ряд ступеней. Страхуемся на всем этом участке через ледовые крючья. Выше ледяная стена переходит в сплошной отвес: пути нет. В своей нижней части северное ребро образовано гладкими скалами типа бараньих лбов, и, конечно, мы правильно сделали, обойдя этот участок по льду. Мы поднялись метров на 150-200 над лавинным конусом, теперь можно попытаться выйти на скалы.

После короткого, но очень трудного траверса влево, по отвесной стене, я добираюсь до вертикальной трещины между скалами и льдом. Только скальный крюк, забитый в расщелину и использованный в качестве искусственной опоры, позволяет вылезть на наклонную плиту. Здесь забиваю еще один крюк; еще несколько метров трудного лазания и, наконец, мною достигнута хорошая площадка, с которой можно организовать надежную страховку для товарищей.

Наконец-то мы могли собраться вместе на надежных скалах, отдыхая на площадке после трудного пути по ледяной стене. Наши взоры с надеждой обращаются вверх на скальный путь влево, вдоль ледяного кулуара, низвергающегося на запад, к пройденным нами сбросам. После 50-60 м сравнительно доступных скал путь осложняется, и Старостину, идущему первым, приходится, сбросив рюкзак, проходить это место с предельным напряжением, используя микроскопические зацепки на гладких обледенелых скалах. Под ногами его зияет бездонная пропасть, каждое движение требует непрерывной, тщательной страховки на крючьях.

Солнце уже близится к закату, когда мы вылезаем, наконец, на северное ребро. Здесь удается обнаружить подобие горизонтальной площадки, на которой после долгих строительных работ можно расставить палатку. Вера Шер, представительница «слабого» пола, была избавлена от мужской черной работы и занялась приготовлением ужина. Однако она не выгадала: мы уже лежим в палатке и наслаждаемся заслуженным отдыхом, в то время как бедная домохозяйка все еще возится на холоде с кухней «мета».

13 августа. Утром долго нежимся в спальных мешках, выжидая, пока солнце прогреет скалы, по которым нам предстоит идти. Выходим только в 9 часов. Нас окружает безмолвное царство льда и скал. Абсолютную тишину нарушают лишь крики горных галок. Под нами спадают вниз мрачные отвесы скал, переходящих в первозданный хаос ледяных сбросов. Где-то, неизмеримо далеко внизу, зеленеет лужайка, на которой разбит наш базовый лагерь. Речка кажется тонкой серебряной ниткой, а нашей палатки совсем не видно. Высоко над нами сверкает алмазами снежный гребень, уходящий к скалам вершинной башни. Но мы недолго наслаждаемся дикой красотой высокогорья: неприступная стена требует мобилизации всех наших сил, всей воли.

Звонкие удары молотка и пение забиваемого крюка чередуются с лаконичными возгласами: «Страхую, пошел!». «Осталось два метра!». «Дай слабину!». Путь преграждают отвесные монолиты. Пытаемся обойти их справа, прижимаясь к ледяным сбросам, но после нескольких десятков вырубленных во льду ступенек нависающие ледяные глыбы заставляют нас снова перейти на скалы. Первому часто приходится сбрасывать рюкзак, чтобы преодолеть гладкие обледенелые плиты.

«Поздравляю! Мы снова в тупике!», доносится из-за скалы иронический возглас Старостина, ушедшего вперед. Действительно, нам: преграждает путь внутренний скальный угол, образованный высокими отвесами мокрых плит высотой в 8-10 м. Старостин пытается форсировать препятствие, но верхняя часть плит образует навес, и даже «железные»

пальцы нашего товарища оказываются здесь бессильными. Признавая себя временно побежденным, он спускается к нам, будем искать обходный вариант.

Но что это там? Где-то наверху раздается грозный, нарастающий с каждой секундой гул. Сдавленный крик: «Камни!», и едва мы успеваем прилепиться к скалам, вобрав голову в плечи, как над нами с адским грохотом проносится грандиозный камнепад. Мощные «бомбы» ударяются в 1,5-2 м от нас и со свистом исчезают среди сбросов.

Отдышавшись, начинаем искать обход. Старостин подсаживает меня, и я, освобожденный от рюкзака, вылезаю на сглаженный камень, за которым обнаруживается вертикальный узкий желоб, заполненный ледяными сосульками. Лазанием в расклинку, как по камину, выбираемся на крутой ледяной склон.

Трудное лазание, ожесточенная борьба так захватили всех, что мы были искренне изумлены, обнаружив, что солнце уже склонилось к гребню Суллукол-баши и вскоре скроется, оставив нас в полной темноте. Еще час напряженного лазания по сильно разрушенным скалам, и мы выходим на узкий скально-ледовый гребешок, по другую сторону которого находим небольшую площадку.

В 20 ч. 30 м. ущелье было затянуто туманом, установить связь с лагерем не удалось.

14 августа. Как трудно вылезать рано утром из теплого опального мешка на леденящий холод. Перо не в силах начертать традиционную для таких случаев фразу о «свежем, бодрящем горном воздухе». Каждому хочется понежиться, но, пользуясь властью капитана команды, я безжалостно подымаю всех затемно. В 6 ч. утра, поеживаясь от утреннего морозца, группа выходит в дальнейший путь.

Ледяной склон, крутизной в 40-50°, преодолевается на кошках без рубки ступеней. Страховку удается с трудом организовать через уступы на редких скальных островках. В верхней части склон становится круче, но мы,

неожиданно для себя, выходим на горизонтальный участок ребра. Уютная ложбина между снегом и скалами позволяет как следует отдохнуть, снять рюкзаки, посидеть. Настроение самое бодрое. У Дейкина, столкнувшегося воочию с подлинными трудностями рекордного восхождения, значительно остыл его первоначальный энтузиазм, но признаков уныния он, во всяком случае, не подает.

С содроганием рассматриваем мы кулуар, круто спускающийся на северо-восток. Непрерывно грохочут по нему малые и большие камнепады. Подумать только, что этот явно самоубийственный путь фигурировал у нас как один из «возможных вариантов».

Нетрудный путь, 100-150 м по снежному гребню, подводит нас к большой подгорной трещине, над которой возвышается совершенно отвесная десятиметровая ледяная стена. Пока Вера Шер с Дейкиным отдыхают в трещине, пытаюсь подеяться на крючьях вверх. После целого часа рубки льда, убеждаемся в бесплодности наших попыток. Как жаль, что с нами нет двенадцатизубых кошек конструкции В.М. Абалакова!

Краткий «военный совет», решаем обходить стену далеко справа. Перебравшись по хрупкому снежному мостику через трещину, выходим на сравнительно пологий склон, покрытый плотным фирном.

Ликованию нет предела. «Шоссе, да и только!» — удовлетворенно констатирует Александр Старостин. Но наша радость недолговременна, через 40-50 м крутизна увеличивается, а толщина снежного покрова уменьшается. Приходится переходить на передние зубья кошек, применять для страховки ледовые крючья. Для того, чтобы сделать каждый шаг, нужно предварительно расчистить снег со льда, и только тогда можно зацепиться за него передними зубьями. Рубить ступени невозможно, тогда нам неизбежно придется заночевать на склоне, не дойдя до гребня, виднеющегося где-то далеко вверху.

Продолжаем идти на кошках, внимательно и надежно вбивая зубья: крутизна дошла до предела, кошки держат не очень надежно. К довершению

всех «удовольствий» поднимается ветер, с неба низвергаются потоки мокрой крупы, видимость пропадает. Приходится удивляться мастерству Веры Шер, которая ее только хладнокровно и уверенно продвигается вперед в этих трудных условиях, но и успевает страховать, ободрять и поучать менее опытного Дейкина, впервые в своей жизни попавшего в такой переплет. Время тянется мучительно медленно.

Еще одно последнее усилие, и мы выходим на гребень, примыкающий с востока к скалам вершинной башни. Это ледяной гребень, узкий, как нож, и по обе стороны его, как говорится, «есть куда падать!». Однако близость скал вливает в нас новые силы, и через 20 минут мы, наконец, наслаждаемся тем, что крепко держимся теперь за нечто вполне материальное, надежные крепкие уступы скал.

На юго-восточной стороне обнаруживаем «орлиное гнездо» — узкий каменный балкончик над стометровым обрывом. На зубьях кошек крепим палатки. Дейкину, лежащему с края, приходится спать привязанным к крюку, неосторожное движение во сне может привести здесь к нежелательным результатам.

15 августа. Просыпаемся полные жаждой боя. Погода чудесная, и до вершины, кажется, рукой подать. Анатолий Дейкин вновь полон энтузиазма и даже воинственно украсил свой вязаный шлем найденным им пером какой-то птицы, уверяя, что это не иначе как оперение горного орла; рассудительная Шер замечает, что подобный орел относится к виду галок, целые тучи которых с криком носятся над нами.

Возвратившись несколько назад по пройденному вчера пути, выходим на крутое, неявно выраженное ребро, ведущее к вершине. Накануне Старостин с пеной у рта доказывал, что отсюда до вершины «можно добраться бегом!», но первые же метры пути показывают, что даже ползком добраться не так-то просто.

Участки крутого натечного льда сменяются оледенелыми разрушенными скалами плитообразного сложения. В поисках каждой

зацепки требуется сколоть в нескольких местах лед. При забивке крюка отваливаются целые глыбы. Утомляет непрерывное нервное напряжение, все камни не надежны — браться за них нужно очень осторожно. Под ногами обрывающийся далеко вниз отвес. Сложность маршрута нарастает, вершина, перед тем как сдаться, мобилизует резервы. Темп движения падает.

Перед нами гладкая, наклоненная под 45° плита, а за ней нависающая скала. Скинув рюкзак, Старостин с полным напряжением сил выходит слева по узкой расщелине, забив по пути два крюка. Через десяток метров — моя очередь. Подтянувшись на руках, сажусь верхом на отвесный камень и вижу, что дальше пути нет. Круто вздымающаяся стенка в 10-12 м высотой с отрицательным углом явно непреодолима. Лихорадочно ищем обхода, близок вечер, а ночевать вчетвером на этом «пятачке» невозможно. Спустившись вниз по отвесной стенке, траверсирую вправо и по еле заметной полочке выхожу к узкому гладкому желобу, облитому льдом. Осторожно забивая крючья, метр за метром выхожу на всю веревку.

Вершина виднеется прямо над головой, следует очередной оптимистический возглас, рассчитанный на поддержание бодрости группы: «Ура! Вершина рядом! Путь прекрасный, можно въехать на ишаке!». В действительности триумфальный въезд на осле здесь вряд ли осуществим, а «прекрасный путь» оказывается самым трудным участком всего восхождения. Закрепиться негде, и мне приходится двигаться все дальше и дальше. Веревка кончилась, кричу Старостину, чтобы он надвязал вторую. Вот и долгожданные последние метры подъемна. Сняв рукавицу, одеревенелыми пальцами разгребаю снег, отыскивая незаметные зацепки, и медленно, до чего ж медленно, поднимаюсь, метр за метром. Но вот, наконец, стена резко кончается, и я, выжавшись на руках, переваливаюсь на вершинный гребень

С чем сравнить радостное чувство победы, сознание, что ты на ровном безопасном месте, и, по правде говоря, что падать некуда! Вершина

раскинулась широким, ровным, почти горизонтальным участком, покрытым мелкой осыпью. Здесь хватит места для многих палаток.

К несчастью, уже поздно. Быстро надвигается темнота. «Александр! — кричу я Старостину, — подходи ко мне, а Шер и Дейкин пусть остаются ночевать на месте. Они уже не успеют выбраться наверх, идти в темноте по такому маршруту невозможно!».

Уже в полной тьме выбирается на вершину Старостин, неся двухместный спальный мешок. Палатка осталась внизу. Осмотр рюкзака показывает, что все продукты также остались внизу, за исключением одной банки рыбных консервов. И на том спасибо! Мы собираемся с аппетитом съесть консервы, как вдруг... неосторожное движение Старостина, и наш желанный ужин, тихо позвякивая, катится по склону и бесследно исчезает где-то в ущелье Адыр-су. Остолбенев, мы с минуту молча глядим друг на друга, потом чувство юмора берет верх, и, дружно рассмеявшись, с философским спокойствием, другого нам не остается, укладываемся спать.

Ночь изумительная. Полный штиль, на небе ни облачка. Но здесь изрядно холодно! Ворочаясь в своем мешке, мы спим довольно плохо, а перед рассветом, не выдержав, вылезаем из мешка и начинаем бегать по вершине, пытаясь согреться.

16 августа. Погода снова безоблачная. Лишь только рассвело, я спустился вниз за оставленным рюкзаком. Вторая связка устроилась недурно: площадка оказалась достаточной для двоих, и наш арьергард спал прекрасно. Вскоре вся группа была на вершине. В этот момент, как стало известно потом, нас увидел в бинокль Веденников.

В туре лежит банка с запиской группы значкистов лагеря «Химик», совершившей в 1947 г. под руководством старшего инструктора П.И. Поварнина траверс всех вершин Тютю-баши. Торжественно вкладываем нашу записку и нежимся под горячими лучами солнца. Готовим бесконечное количество чая, просушиваем вещи и не без тайной гордости посматриваем на пройденный путь.

Какой разительный контраст между южными склонами, из легких, сильно расчлененных, лишенных снега скал, перемежающихся с пологими осыпями, и северной стороной в панцире натечного льда с отвесными стенами мрачных скал и хаосом ледяных сбросов. Два совершенно различных мира! После подъема по северной стороне спуск по юго-восточному гребню в сторону Адыр-су выглядел для нас легкой и приятной прогулкой.

Подъем длился 4 дня при тяжелой, беспрерывной работе, весь спуск потребовал 5 часов. В тот же день, в 7 часов вечера, мы уже входили в лагерь «Химик». Еще через два дня, вернувшись за два часа до окончания контрольного срока в ущелье Тютю-су, мы смогли обнять нашего друга Веденикова, который в течение недели вел жизнь отшельника в базовом лагере.

Наше восхождение, оцененное классификационной комиссией высшей V-Б категорией трудности, кладет начало альпинистскому освоению нового интересного района. Многие трудные маршруты на Джайлык, Суллукол-баши и тот же Тютю-баши никем еще не пройдены и ждут своих победителей.

А.С. ЗЮЗИН
ПОЛНЫЙ ТРАВЕРС ДОППАХА

Утро 17 августа 1937 г. выдалось на редкость погожим для этого района. Еще только 9 часов, а наша группа, поднявшись с севера на Западный Доппах, уже греется на солнышке. Игорь Федоровский нашел работу по своей специальности инженера-строителя, он занят устройством солидного тура, Георгий Федоров читает записку наших предшественников, группы А.С. Уварова (институт им. Баумана), которая коротко повествовала, что месяцем раньше на эту вершину впервые поднялась группа комсомольцев — участников III альпиниады ВЦСПС. Путь подъема — южный кулуар с ледника Доппах.

Пристально всматривался я в знакомые контуры вершин. На востоке панорама хребта начиналась группой гор, тесно обступивших белый конус Казбека, за ними правее резко выделялся характерный контур Тепли, еще ближе к нам раскинулись обширные фирновые поля Караугомского цирка с вершинами Уилпата-хох, Бубис-хох, Дубль-пик, Скатиком. Их громады я не мог забыть: в Цее мне довелось получить боевое альпинистское крещение четыре года назад.

В долинах Сванетии и верховьях Уруха, где еще не рассеялась молочная пелена утреннего тумана, выступали макушки вершин, пробившихся сквозь тучи. Прямо перед нами горели на солнце вершины группы Лабоды, на западе горизонт закрывался мощной громадой Коштан-тау — Дых-тау и Безингийской стеной. От наших ног уходил на восток длинный гребень Доппаха с острыми вершинами, огромными «жандармами», крутыми снежными и ледовыми склонами. Мы знали, что там не бывали еще люди, вершины ждут своих покорителей, и взоры всех еще раз пробегали по гребням и стенам, оценивая трудности. Уже тогда зародилась мысль пройти

весь гребень Доппаха, но ясно было, что это потребует много времени, сил, настойчивости, зрелого мастерства.

С этими мыслями мы и начали спуск с вершины по новому пути на запад.

День спустя группа совершила первое советское восхождение на Суган-баши, еще раз детально осмотрев с нее весь гребень центральной части Суганского хребта, на многих вершинах которого еще не было сложено туров[1].

Еще в 1939 г. автор этих строк вместе с Сергеем Тюленевым решил осуществить траверс. Ранним утром 13 июля мы вышли с верхнего бивуака на высоте 3600 м и к вечеру были уже на западной вершине Доппаха. Подъем происходил по северо-восточному гребню по пути 1937 г., на преодоление 800 м по вертикали ушло более 11 часов.

Наверху нас встретил глубокий рыхлый снег. Даже скалы вершинного гребня были покрыты толстым снежным покровом, и нам так и не удалось разыскать тур, хотя я хорошо помнил, где мы его сложили. После ночевки на вершине, мы увидели утром весь гребень Доппаха в необычайном зимнем убранстве: острые засыпанные снегом гребни с нависшими карнизами, крутые снежные склоны со следами лавин. Погода ухудшалась, и мы посчитали наиболее благоразумным отказаться от дальнейшего движения по гребню.

Только после Великой Отечественной войны нам удалось снова посетить ущелье Псыган-су. Экспедиция 1946 г. ограничилась разведкой новых путей выходов на гребень с востока, со стороны перевала Доппах.

Женская группа — в составе Л.Я. Ходюш, Н.Ф. Яковенко, В.Ф. Ковальчук — поднялась на вершину Суган-баши, а 7 участников (вся экспедиция состояла из 13 человек) совершили первое советское восхождение на вершину с отметкой 4050 м, расположенную севернее

[1] Интересующихся более подробным описанием района отсылаем к нашей статье «Суганский хребет» (Ежегодник, год 1949, стр. 103-116). — Л.З.

Малого Сугана, назвав ее «пиком Днепровской правды». В том же году окончательно был выбран вариант траверса гребня Доппаха с востока на запад, к осуществлению которого мы смогли приступить лишь в августе 1949 г.

Вот уже несколько дней подряд хмурится небо, идет мелкий дождь, и даже живописная дорога ущелья Черека кажется довольно неприглядной. Мои спутники заметно оживляются, когда мы въезжаем в каньон, где дорога проходит «мышиной тропой», полутуннелем, пробитым в совершенно отвесной стене, внизу которой на глубине 300-400 м глухо шумит бурный Черек. Река пробивается сквозь твердые породы Скалистого хребта, измельченные частицы углистых сланцев придают ее водам темную окраску. Для геолога здесь раскрывается воочию книга природы. Мы внимательно слушаем рассказ Людмилы Ходюш о геологическом прошлом и настоящем этого уголка горной природы.

Живописные скалы ущелья сложены толщами известняков и доломитов верхнеюрского возраста, мощность их в Скалистом хребте превышает 1000 м. Изредка попадаются окаменелые раковины, отпечатки которых пополняют коллекцию нашего геолога-альпиниста. Впервые попавшие сюда Иван Домашич и Борис Анохин восторгаются открывающимися из-за каждого поворота дороги видами. При помощи самых простых подручных средств — альпинистского молотка, осколков стекла, ножа, ногтя, спичек и кислоты мы определяем: породы и минералы.

Обнаружены обнажения доломита с включениями смолянисто-черного, углеобразного вещества, заполняющего поры и каверны. При горении оно выделяет резкий неприятный запах. Это твердые битумы, никем здесь не описанные и обычно сопровождающие нефть. По-видимому, они имеют связь с битуминозными известняками, обнажающимися выше по ущелью и описанными еще в 1928 г. проф. И.Г. Кузнецовым[1].

[1] Приводимые нами сведения по геологии района любезно предоставлены автору участницей похода, кандидатом геолого-минералогических наук Л.Я. Ходюш.

Несколько выше наше внимание привлекают жилы красивых крупных кристаллов кальцита: белого, желтого и нежно-розового. Никто из нас не может устоять, чтобы не набить ими карманы[1].

Вблизи селения Мухол долина вновь расширяется, и резко изменяется характер пород. Плотные известняки сменяются глинистыми сланцами и песчаниками с прослойками карбоната железа-сидерита. Дорога переходит на речную террасу, сложенную аллювием р. Черек: валунами, гальками, песками. Большую роль в образовании долины сыграл здесь древний ледник, доходивший до прорыва в Скалистом хребте, морены его прослеживаются по берегам реки, начиная от верховий.

К вечеру мы добираемся до селения Ишканты, утром, несмотря на моросящий дождик, группа с навьюченными лошадьми медленно двигается к ущелью Псыган-су. У входа в долину р. Курноят-су обнажаются кристаллические породы — граниты, гнейсы, кристаллические сланцы, выступающие из под мощных отложений валунного конгломерата, образующего в месте устьевого размыва реки огромные останцы.

Травянистый перевал Курноят (2100 м) и склоны вдоль дороги сложены средне- и нижнеюрскими отложениями, представленными углистыми и глинистыми сланцами с конкрециями сидерита и прослоями жерновых песчаников. Здесь оканчиваются древние осадочные породы, и выше по ущелью Псыган-су господствуют кристаллические породы, которыми сложены все наиболее высокие вершины Суганского хребта и ближних отрогов.

Лошадей мы оставляем у конца ледника Нахашбита. Сплошь усеянная цветами, закрытая со всех сторон солнечная поляна, расположенная на высоте 2700 м, создает хорошие условия для отдыха; перед серьезным штурмом. Отсюда близка центральная часть Суганского хребта, замыкающего верховья Псыган-су с юга. Хорошая видимость,

[1] Химико-минералогический анализ, проведенный в лаборатории Днепропетровского университета, подтвердил полевые определения указанных пород и минералов. — А.З.

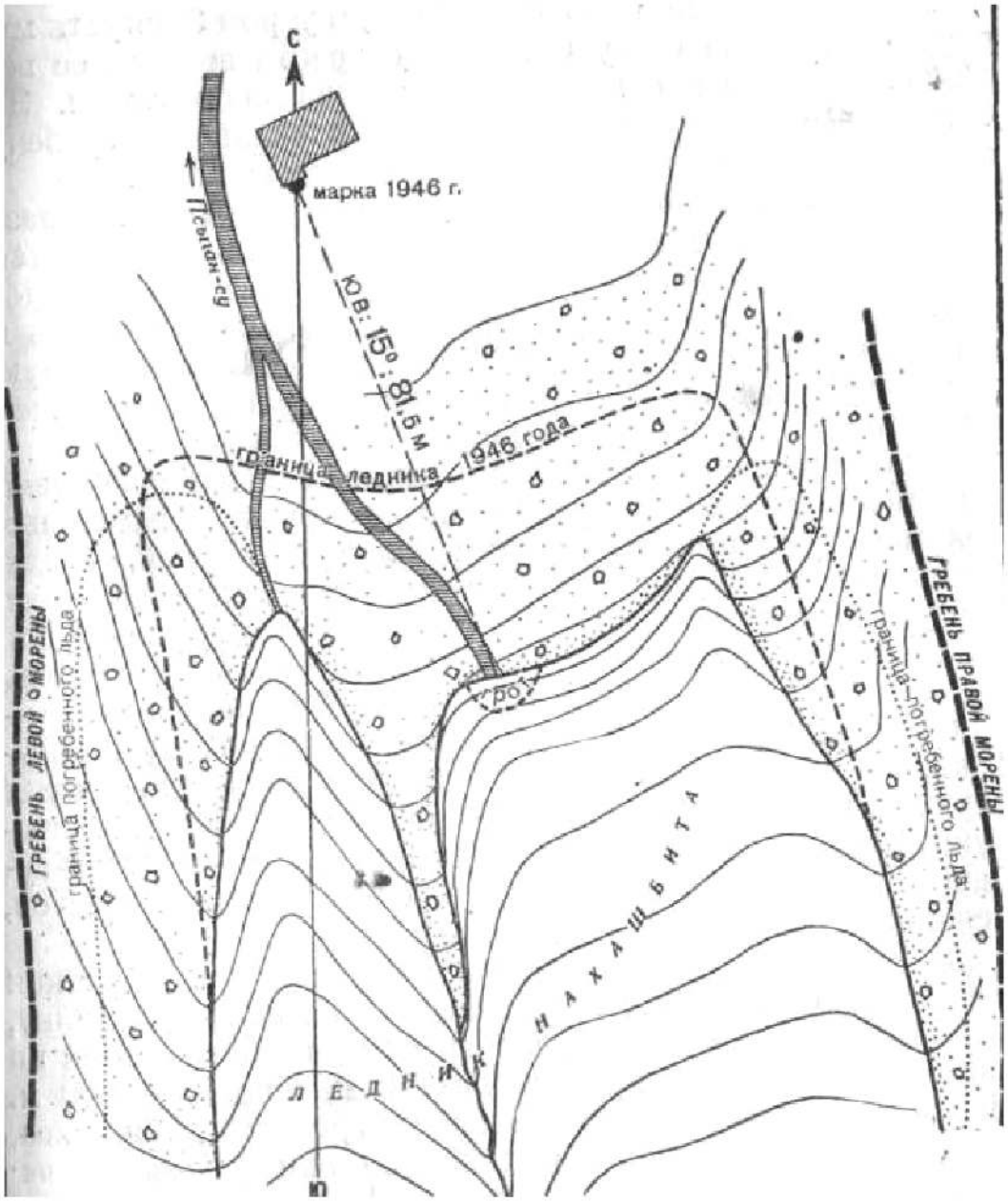
открывающаяся с площадки лагеря на гребень Доппаха, позволит вспомогательному отряду следить за продвижением штурмовой группы. Присваиваем поляне название «приюта днепропетровцев».

Уже 6 августа на ночном небе появляются островки голубого неба, разрывы в сплошной пелене облаков, барометр также предвещает улучшение погоды, хотя Суганский хребет еще ни разу не открывался. Наверху по-прежнему идет снег.

Всей группой мы предприняли прогулку к леднику Нахашбита. В 1946 г. я поставил здесь метку и произвел полуинструментальную съемку. Остальные участники вместе с Л. Ходюш разбрелись по моренам в поисках интересных образцов.

За три года ледник отступил на 36 м, средняя годовая скорость отступания 12 м. Совершенно изменился и внешний облик конца ледника. Тело его стало значительно тоньше; протекающая по поверхности ледника с левой стороны река отрезала длинную и широкую полосу льда. Под сплошным панцирем крупнообломочной морены он постепенно превращается в погребенный мертвый лед, первый признак интенсивного сокращения ледника (см. рис.). Грот ледника переместился к правобережной морене, значительно увеличившись в размерах по сравнению с 1946 г. С правой стороны также появилась большая площадь погребенного льда. Высота гребня правобережной морены над днищем ледника, определенная барометрически, равна 70 м, гребень левобережной морены на 30-40 м выше ее.

Петрографический состав морены полностью отражает строение окружающих вершин. Обломочный материал состоит преимущественно из кристаллических сланцев, гнейсов, гранито-гнейсов, аплитовидных гранитов, пегматитов, диоритов и диабазов. Некоторые обломки аплитовидных гранитов содержат кристаллы граната-альмандина, величиной до 1 см. Попадаются и сильно ожелезненные породы с признаками оруденения.



План конца ледника Нахашбита по данным 1949 г.

Составил А.С. Зюзин

В палатку Ходош в течение всего дня поступают новые образцы, заработала лаборатория. Борис Анохин нашел в осыпях несколько образцов с малахитово-азуритными корочками, они показывают присутствие меди. Большой интерес представляют склоны пика Шевченко; кристаллические породы настолько густо инъицированы здесь кварцевыми жилами, что образуют мигматиты. Обнаружены и здесь признаки оруденения пиритом и

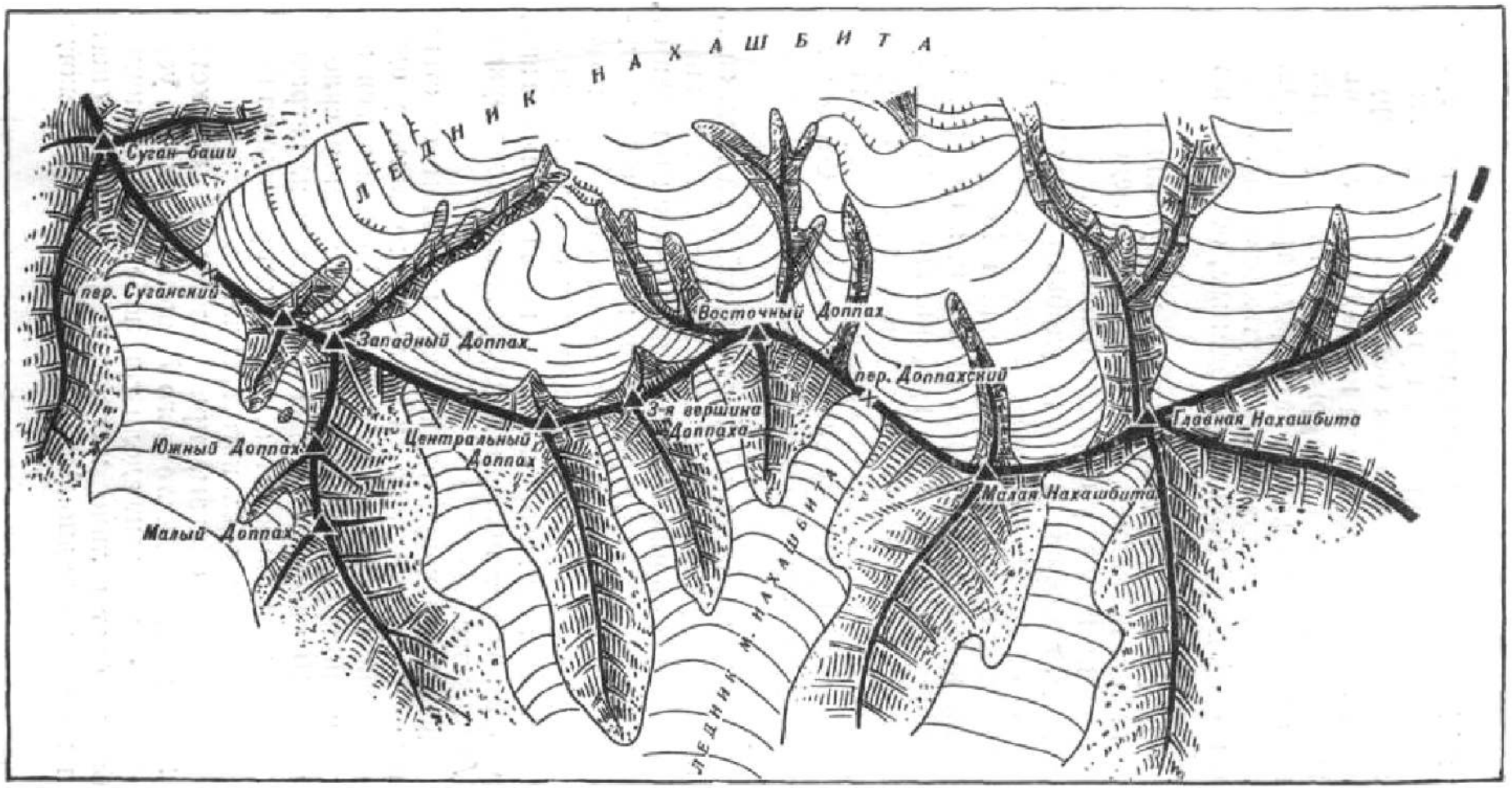
арсенопиритом. Граниты и гнейсы окрашены в яркий красно-бурый цвет окиси железа.

Ночью, наконец, небо очистилось, и утром 8 августа мы впервые увидели стену Суганского хребта во всем ее величии. Длительная непогода оставила свои следы. За 8 дней выпало много снега, и даже скальный гребень между пиком Шевченко и Туялой сплошь засыпан.

На этот гребень всей командой мы выходим на разведку. Ущелье, где расположен наш лагерь, замыкается узким крутопадающим каньоном, по дну его шумит водопад. Обойдя его слева (орографически), мы поднялись в верхнюю широкую часть ущелья, некогда выпаханную лежащим здесь ледником, остатки которого, значащиеся на карте, мы увидели впереди.

Все широкое ложе древнего ледника было заполнено огромными моренными завалами из крупных замшелых обломков. Огромные каменные шлейфы осыпей, следы интенсивного разрушения окружающих склонов, тянулись снизу и до верха гребней. По одной из утомительных для подъема осыпей мы выбрались на седловину между Псыган-су-баши и пиком Шевченко. Альтиметр показывал высоту 3 750 м. Несложный спуск в долину Хазны-дона, на восток, свидетельствовал, что седловина может служить удобным перевалом, который мы назвали Хазны-ауш. Поднявшись за 20 минут на вершину Псыган-су-баши, мы сняли с нее записку ростовских альпинистов, лежавшую с 1937 г.

В 200 м к югу от перевала находится самая низкая точка хребта (3700 м). Эта седловина вела к леднику, который оказался значительно меньше, чем он показан на карте; длина его не превышала 750 м, ширина — 600 м. Невдалеке от седловины показалось стадо диких коз, мгновенно исчезнувших, как только они услышали человеческие голоса. Через несколько минут на крутом снежном склоне пика Шевченко мы увидели цепочку быстро поднимающихся коз, напоминавших группу альпинистов.



Уточненная схема расположения вершин, ледников и отрогов в гребне Доппах, обследованном группой *А.С. Зюзина.*

9 августа. На вторую половину дня назначен выход штурмовой группы на траверс. Начальник вспомогательного отряда Илья Кацнельсон записывает в блокнот код сигнализации, сведения о гребне Доппаха, возможных путях спуска в непогоду. Намечаем контрольные сроки прохождения отдельных участков, устанавливаем часы сигнализаций, намечаем дополнительные пункты для наблюдателей.

Вот и 14 часов, время выхода, но снизу поднялся густой туман, видимости нет. Впрочем, путь по леднику Нахаш-бита настолько знаком, что мы без труда ориентируемся и в тумане. У крутого ледопада южной ветви ледника мы распрощались с друзьями, которые через минуту скрылись в тумане, а мы начали лавировать среди трещин, сераков, ледовых сбросов, взбираясь на крутые склоны. Ледопад изорван и стал более труднопроходимым, особенно в верховьях.

Лишь в сумерках, добравшись до причудливых нагромождений льда, последней, седьмой террасы ледопада, мы остановились на ночлег у фирнового бассейна.

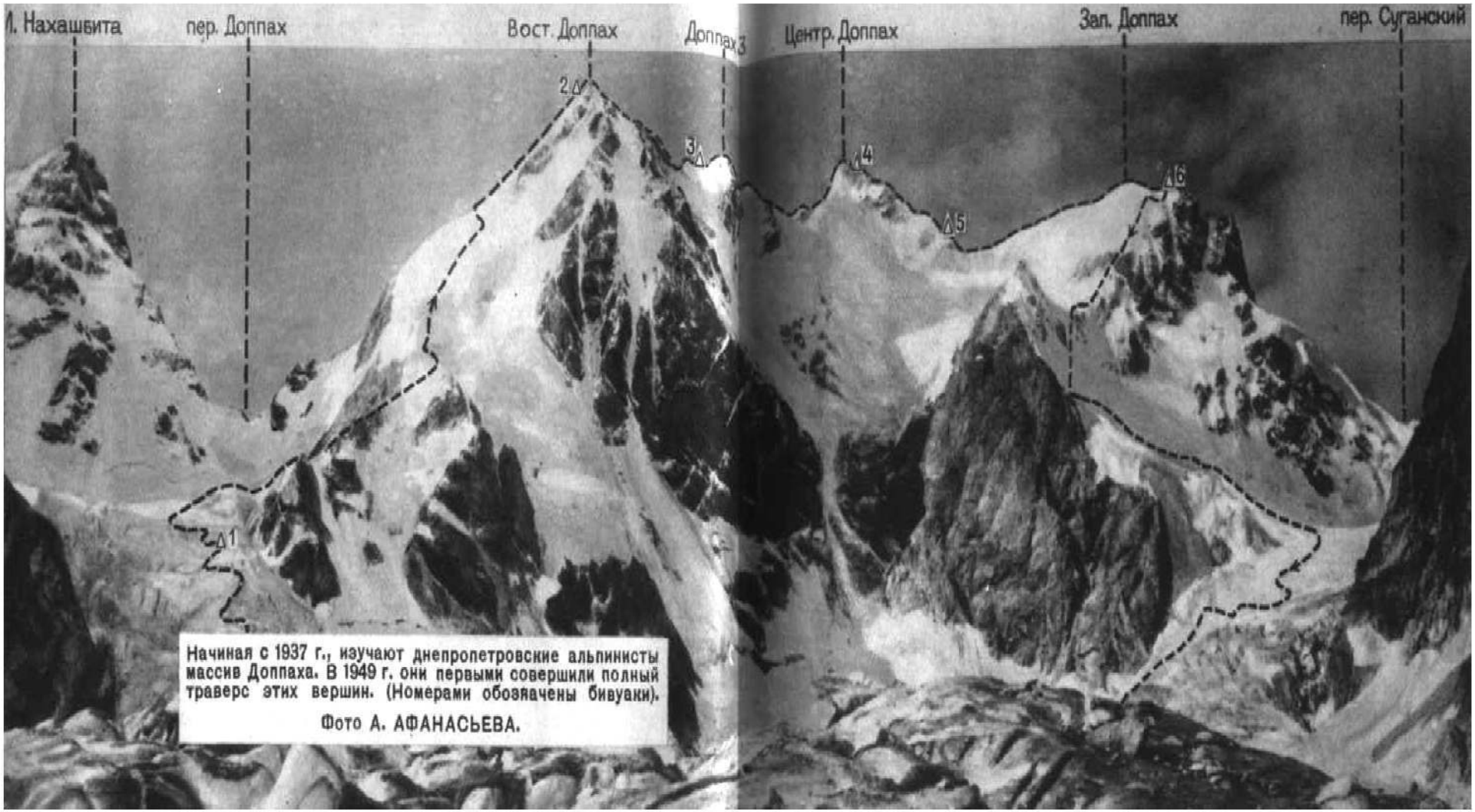
10 августа. Хороший отдых на удобном бивуаке, голубое небо и приятная утренняя прохлада вселяют бодрость и надежду на успех. Федоровский и Ходюш возятся у спиртовой кухни, укладывают рюкзаки, я еще раз прикидываю варианты выхода на гребень. После пятиминутного совещания принимаем решение, круто повернув вправо, выходить на короткий северный контрфорс, выводящий к громадному сбросу висячего ледника. Отсюда мы выйдем на крутой ледово-снежный склон плеча восточной вершины.

Скрипит под ногами плотно смерзшийся за ночь снег, кошки прекрасно держат на склоне и, несмотря на раннее утро, 6 часов, уже приходится защищать очками глаза от ослепительного света. Быстро выйдя на гребешок, подтягиваемся к сбросу. Перед нами выросла огромная, почти отвесная ледяная стена. Напрасно ищем обхода, придется пробиваться «в

лоб». Короткозубые кошки не помогают, жаль, что у нас нет новейшего снаряжения конструкции В.М. Абалакова.

Имя почетного президента Географического общества Союза ССР — Юлия Михайловича Шокальского носит ледник, где проводят учебные занятия участники лагеря „Металлург" (Казахстан).

Фото Ф. ЛЕМСТРЕМА.



Начиная с 1937 г., изучают днепропетровские альпинисты массив Доппаха. В 1949 г. они первыми совершили полный траверс этих вершин. (Номерами обозначены бивуаки).

Фото А. АФАНАСЬЕВА.

Люди впервые вступили на вершину Доппах № 3. И. Федоровский пишет записку, Л. Ходюш наблюдает вершины группы Лабода.

Фото А. ЗЮЗИНА.

Траверс пяти вершин Джугутурлючата. Ю. Широков и К. Туманов на подходах к западной вершине.

Фото П. ЗАХАРОВА.

Сильно разрушена порода гребня и «жандармов» Джугутурлючата. На фото: Константин Туманов обходит «жандарм».

Фото П. ЗАХАРОВА.

Перейдя на крюковую страховку, вползаем со стены в узкую вертикальную щель, и по ледяному камину один из нас выходит на всю длину веревки. Поднимаемся все выше и выше по крутому, расчерченному лавинами склону. Лишь после 10 часов непрерывного движения, встреченные сильными порывами ветра, достигли предвершинного, сильно заснеженного скального гребня.

Прижимаясь к скалам, при тщательной страховке, к 18 ч. 30 м. достигли Восточного Доппаха. Мокрые, усталые, голодные — так выглядели три победителя вершины; ветер больно бьет в лицо жесткими крупинками снега, впереди ничего не видно. Надвигалась ночь, и некогда было даже прочувствовать радость первовосхождения, надо было срочно устраиваться на ночлег, а подходящего места по пути мы не встречали. Спустившись на 10-15 м с вершины, мы нашли защищенный от ветра уступ, где и расположились сидя.

11 августа. Проведенная на уступе ночь не позволила выйти на маршрут рано утром, хотя погода и была хорошей. В 9 часов утра мы снова поднялись на вершину. Поиски чьих-либо следов ничего не дали. Было ясно, что за свои лишения мы были вознаграждены первовосхождением. Внизу мы ясно различали беленькую палатку товарищей, на взлетевшую с вершины ракету — сигнал о первой победе — немедленно был получен ответ. На запад тянулся длинный, технически сложный гребень с многочисленными «жандармами», сильно разрушенный, показывающий, что нам еще далеко до того момента, когда можно будет праздновать окончательную победу.

Вершина представляла собой трехгранную пирамиду с вертикально падающими на юг в долину р. Харвес склонами. Она сложена гранитогнейсами и мигматитами[1].

Любуемся центральной вершиной, своими отточенными гранями закрывающей весь кругозор. Спустившись через три часа с вершины на

[1] Мигматиты — кристаллические сланцы и гнейсы, густо пронизанные кварцевыми и другими жилами. — А.З.

запад, мы отдыхаем на снежном поле седловины перед подъемом на центральную вершину; отсюда она имеет грозный и неприступный вид. На юг уходит к леднику Малый Нахашбита несложный, но опасный из-за камнепадов снежный кулуар.

Наша цель — крутая ледяная стена северного склона, ведущая к седловине близ вершины. Снова пришлось пустить в ход ледовые крючья. Лед сменяется скалами из темного мелкозернистого диорита. Перед самой вершиной Федоровскому приходится подсаживать меня, иначе не найти удобную зацепку. Под бешеный свист ветра ползком добираемся мы до высшей точки. Мощная пигматитовая жила резко выделяется на темном фоне диоритов, как бы маркируя путь к вершине.

12 августа — день больших удач, дважды за день мы складываем тур. Но расположиться на отдых не приходится: шум ветра заглушает разговоры, погода быстро ухудшается, сыплется крупа, надо немедля начинать спуск. Работаем быстро, но аккуратно, чувствуется многолетняя сработанность в походах.

Организовав крюковую страховку, спускаюсь на всю веревку. Остановка! Дальше резко спадает острый гребень с навесом на южную сторону. Но отсюда видно, что весь гребень состоит из разрушенной породы. Попытка тронуть камни приводит в движение всю непрочную массу, и страшный грохот камнепада потрясает ущелье. Своеобразный запах бьющихся друг о друга камней чувствуется даже на вершине. Приходится подтянуться к большому «жандарму». Здесь порода прочнее, обходим скалу с юга и выходим на сравнительно широкий склон. Строим защитные стены от ветра и устраиваемся на ночлег.

Всю ночь крупа выбивала мелкую дробь по крыше палатки. Временами казалось, что ветер затихает, и тогда слышалось лишь тихое шуршание хлопьев снега, где-то на юге гремели раскаты грома, приближалась гроза.

13 августа. Мы уже совсем было примирились с мыслью о вынужденной передышке, но к утру засияло живительное солнце, и только с севера и юга неслись тучи. С нашей площадки мы видим, что гребень хребта от центральной вершины Доппаха снова резко повернул на северо-запад, на протяжении 600 м его скальная часть понижается на полкилометра, образуя глубокую седловину между центральной и западной вершинами.

Впереди нас ждет новое нагромождение обелисков, игл, «пальцев», вертикально поставленных гладких плит. Целый день уходит на преодоление этого, сравнительно небольшого, но крутого участка гребня. Солнце, как и следовало ожидать, баловало нас недолго, снова надвинулись тучи, шапки свежего снега на остром гребне увеличивали опасность срыва, тем более, что намокшая веревка потеряла эластичность и необходимую прочность.

К 16 часам мы подошли к последнему скальному привалу перед спуском на седловину, где и решили заночевать. Больше часа мои спутники трудились над планировкой площадки, в то время как я ползал по краю обрыва, выбирая место спуска. Наконец найдена надежная трещинка в скале, забит ледовый крюк, а в это время уже была установлена палатка и зашумела спиртовка.

14 августа. Около часа занял спуск на седловину. Несмотря на раннее утро, снег на крутом склоне западной вершины, обращенной к юго-востоку, оказался рыхлым и мокрым. На север нависали огромные карнизы, и сравнительно несложный путь потребовал все же страховки. К тому же сказывалась усталость, нервное напряжение ослабело, во всем чувствовалось, что траверс пройден, и мы подходим к финишу. К 12 часам мы вышли на южное плечо вершины в том месте, где примыкает гребень.

Здесь мы впервые увидели южный гребень, орография которого оставалась неясной. От понижения в точке примыкания в 200 м на юг поднималась резко выраженная высшая точка, к которой подходил несложный гребень. Возвышенность на 120-150 м уступала по высоте западной вершине Доппаха, имея примерно 4200 метров. Еще дальше на юг

обрывался глубокий провал и снова белел снежный конус на 50-60 м ниже первого.

Оставив рюкзаки, мы направились по гребню, достигнув через час первой вершины, на скалах которой не обнаружили ничьих следов. Эту вершину следует считать Южным Доппахом, а более южную — Малым Доппахом (на него поднимались М.И. Лепнев и Д.Н. Салов и др.).

В 16 часов наша группа уже стояла у тура на западной вершине Доппаха. Извлекаем консервную банку с запиской. Дрожащими от усталости руками разворачиваем станиолевую обертку, и вот перед нами клочок прекрасно сохранившейся, нетронутой временем ватмановской бумаги, на которой четким конструкторским шрифтом кратко излагается история восхождения.

С тех пор прошло ровно десять лет. Это были годы упорного труда, кровопролитной битвы за Родину, годы послевоенной сталинской пятилетки. Тяжело тогда было автору этих строк и его спутнику Сергею Тюленеву, когда им с горечью в сердце пришлось отступить, «посчитали благоразумным отказаться от дальнейшего траверса ввиду глубокого и рыхлого снега...», — говорилось в записке. Но сейчас, когда весь гребень был пройден, маршрут и его опасность изведаны, отрадно прочитать в этой же записке: «Траверс всего гребня, с четырьмя наивысшими точками, считаем серьезным мероприятием V категории трудности». За десять лет тур оказался сильно разрушенным, пришлось основательно его ремонтировать.

15 августа. Нужно спускаться. Всю ночь шел снег, и поэтому мы решили отказаться от спуска по скальному гребню в сторону Суганского перевала, выбрав ледовый вариант — северо-восточный контрфорс. Это был длительный и опасный путь. День лазания с тщательной страховкой можно было уподобить спуску в колодец. Особенно трудными были последние триста метров, где крутизна доходила до 70-75°. Немели и мерзли руки и ноги, негде было остановиться, чтобы отдохнуть и отогреться, ибо под ногами все время зиял глубокий провал. Лишь к 6 часам вечера мы, наконец,

встали на ноги, достигнув цирка юго-западной ветви ледника Нахашбита. Этот путь, дважды пройденный нами, был хорошо известен и в темноте; лавируя между трещинами, используя лавинные конусы, мы добрались до морены, где нам радостно мигали фонарики встречавших нас товарищей.

Полный траверс Доппаха завершен! Он потребовал большого морального и физического напряжения. Около трех километров сложного гребня было пройдено впервые, что дало возможность расшифровать его орографию, внести необходимые поправки и пополнить карты. Но в районе Суганского хребта альпиниста ждет еще немало интересных, непройденных маршрутов.

Днепропетровск.

ЛИТЕРАТУРА

Зюзин А.С. Суганский хребет. Ежегодник советского альпинизма, М., 1949, стр. 103-116.

Кузнецов И.Г. Основные черты геологии Кабардинской АССР, Сборник «Природные ресурсы Кабардинской АССР». Издание АН СССР, М., 1946.

Кузнецов И.Г. Месторождение битуминозных известняков в Балкарии (Северный Кавказ). Известия Геологического об-ва. 1928, № 8.

К.Г. МАКАРЕВИЧ, Ф.Б. ЛЕМСТРЕМ[1]

ТРАВЕРС ТАЛГАРА

Хребет Заилийский Ала-тау — северная граница огромнейшей горной страны Тянь-шаня, которая вместе с Кендык-Тасскими горами тянется в широтном направлении более чем на 400 км. Наибольшее оледенение хребта и самая высокая его часть расположены всего лишь в 30-50 км к югу от столицы Казахской ССР Алма-Ата.

В 40-50 км на юго-восток от утопающего в зелени города возвышается огромная вершина, покрытая вечными снегами, высшая точка Заилийского Ала-тау — Талгарский массив (5017 м). В этой части хребет круто поворачивает на север (сам Талгарский массив лежит почти в меридиональном направлении), но от вершины «Металлург» снова резко поворачивает на юго-восток, а затем опять принимает широтное направление.

Талгарский массив представляет собою редко встречающийся тип горных образований: его верхняя часть, протяженностью не менее 1000 т, образует довольно широкое (до 100 м), покрытое мощным ледово-снежным панцирем плато с несколькими огромными увалами. Вершиной массива нужно считать самый большой увал, возвышающийся над всеми другими и находящийся в середине массива.

Грозные, отвесные стены Талгара поднимаются на высоту 5000 м. Особенно грандиозен и величав Талгар с севера — отсюда он напоминает богатыря, высоко поднявшего свои могучие плечи.

От северной оконечности массива, увенчанной огромным снежно-ледовым куполом, отходят два гребня: один на восток, другой, в котором находится вершина Ийнь-тау[2] (4820 м), — на северо-запад. На гребне, в том

---

[1] Вводное описание принадлежит Ф.Б. Лемстрему (Ленинград); описание самого траверса — К.Г. Макаревичу (Свердловск). — Ред.

[2] Ийнь-тау в переводе на русский язык означает «Плечо-гора».

месте, где он поворачивает в направлении вершины «Металлург», возвышается ряд скал, названных группой Х. Рахимова в 1935 г. вершиной Копр. В 1947 г. группа Ф.Б. Лемстрема и В.Н. Неаронского, определившая настоящее положение вершины Копр в основном хребте между Талгаром и «Металлургом», переименовала эти скалы в «Приют пяти».

От высшей точки Талгарского массива на юго-восток отходит гребень. Массив круто обрывается на юго-запад скальными стенами к так называемому «Талгарскому провалу» и затем несколько отклоняется далее к югу, к вершине Юго-западный Талгар (4860 м). Далее хребет, понижаясь, идет к перевалу Ак-тюз (4200 м).

На юго-восток, врезаясь в ледник Корженевского, отходит довольно пологий отрог значительной протяженности.

Гребень отрога скалистый: южный склон, также скальный, прорезан многочисленными снежными кулуарами, северный склон — снежно-ледовый.

На юго-восток со склонов Талгарского массива спускается несколькими ветвями самый крупный во всем Заилийском Ала-тау ледник Корженевского (длина 12 км, ширина 5-6 км).

Восточный склон Талгар — крутой, скалистый, с множеством кулуаров, заполненных льдом; на запад массив обрывается скальными полуторакилометровыми стенами, на которых с трудом удерживается снег.

От вершины Ийнь-тау и южной оконечности массива отходят скалистые контрфорсы, как бы подпирающие массив с запада. Между ними заключен небольшой ледник Северный Талгар. От Талгарского провала свисает ледопад, который ниже переходит в ледник Южный Талгар. Ледник Копр сползает со склона между вершинами Копр и Ийнь-тау. Талые воды этих ледников впадают в реку Средний Талгар.

* * *

Хотя еще в прошлом веке великан Талгар привлекал внимание ученых-исследователей, начало его изучению подложил в первой половине

XX в. краевед С.Г. Дмитриев. Однако, огромное оледенение, излом главного хребта в этом районе и сложная система отрогов не позволили исследователю внести полную ясность в орографию Талгарского района. После многолетних изучений и исследований альпинисту и гляциологу В.Г. Горбунову удалось уточнить исследования, начатые Дмитриевым, и нанести на карту Талгар и окружающие его ледники.

С 1935 г. началась борьба за покорение Талгара, Летом этого года группа алма-атинских альпинистов, под руководством Х. Рахимова, пыталась взойти на Талгар с севера. Она достигла группы скал в основном хребте севернее Талгара и назвала их вершиной Копр. В этом же году с юго-запада поднялась на Юго-западный Талгар группа местных комсомольцев, руководимая В. Зиминым.

В 1938 г., по данным М.Э. Грудзинского (см. «К вершинам советской земли», Географгиз, стр. 497), по северо-восточному гребню зимой в тяжелых метеорологических условиях поднялась на купол группа новосибирца Е. Алексеева, летом по этому же пути достигла вершины другая группа сибирских альпинистов, в составе Л. Катухтина, Г. Макатрова и И. Кропотова.

В августе 1940 г. группа, в составе В. Пелевина, Г. Маслова, Г. Макатрова, поставив перед собой задачу траверса массива, поднялась по леднику Копр на основной хребет, оттуда по восточному гребню на купол Талгарского массива до вершины, и спустилась по юго-восточному гребню на ледник Корженевского, траверсировав массив с северо-востока на юг.

В трудных зимних условиях 1941 г. группа полковника Д. Горина (В. Радель, Н. Чекмарев и К. Гусев) поднялась на Талгар по юго-восточному гребню. Тура группа не обнаружила и, оставив записку да большом снежном увале, воткнув в снег ледоруб, спустилась по пути подъема.

Осенью 1943 г. полковник Д. Горин снова организовал восхождение на Талгар по тому же пути. Группа, в составе М. Аграновского, А. Ерохина, Ю. Менжулина, А. Томберга и П. Кривенцова, руководимая Д. Гориным,

поднявшись на этот раз на массив и пройдя несколько больших снежных увалов, достигла вершины Талгара и сложила тур в большой котловине на скалах.

После вторичного восхождения на эту вершину полковник Д. Горин, неутомимый исследователь Талгара, совершил несколько восхождений в верховьях ледника Корженевского; погиб при подъеме на Юго-западный Талгар. После окончания Великой Отечественной войны борьба за дальнейшее освоение массива разгорелась с новой силой. Несколько групп поставили своей целью траверс Талгарского массива с севера на юг.

В 1946 г. группа опытных альпинистов — В. Неаронский, В. Алексеев, М. Губерман, В. Зимин, Ю. Менжулин — задумала совершить грандиозный траверс дуги пиков Чекист, Саланова, Ак-тау и Талгарского массива через Талгарский провал, но, потратив много времени и усилий на первом этапе пути, вынуждена была отказаться от траверса Талгара, закончив маршрут на перевале Ак-тюз.

С 1946 г. в ущелье р. Средний Талгар возобновил свою работу альпинистский лагерь «Металлург». Группа инструкторов этого лагеря заинтересовалась проблемой траверса Талгарского массива с севера на юг. Сезон 1946 г. прошел в изысканиях и разведке путей для решения этой задачи. На будущий 1947 г. был намечен маршрут по леднику Копр на основной гребень севернее Талгара, далее на плечо и ледяной купол Талгара.

В начале августа 1947 г. группа мастера спорта и. рельса разведала ледник Копр, поднявшись до первой гряды выступающих скал и выяснила все возможные варианты пути. В начале сентября того же года группа в составе Ф. Лемстрема, Ю. Менжулина, В. Алексеева, В. Неаронского и И. Кельса, вышла на траверс Талгара. С ночевки у подножья ледово-фирнового склона ледника Копр альпинисты за 11 часов дошли до гребня.

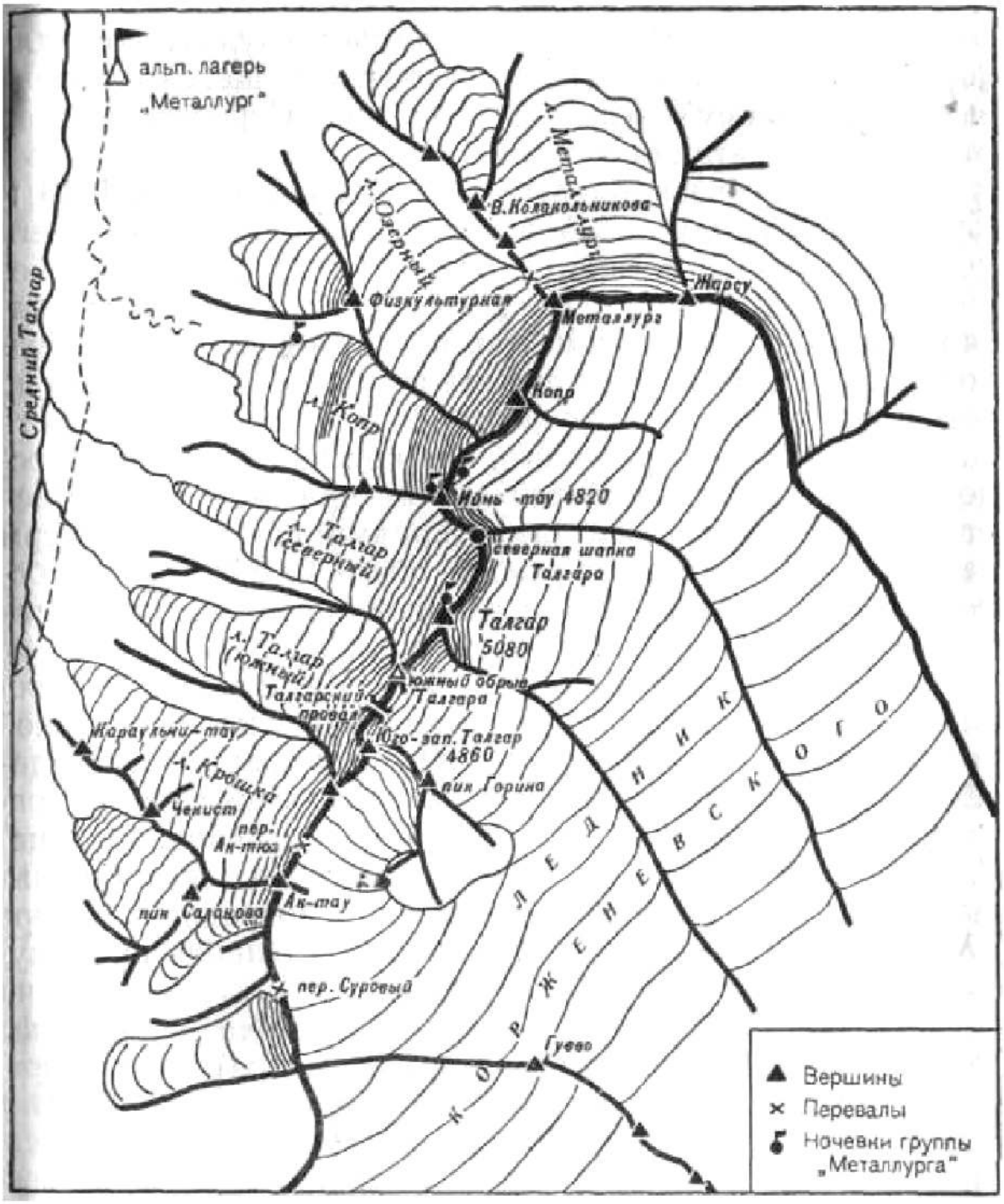


Схема Талгарского массива в Заилийском Ала-тау

На следующий день группа, после 8 часов движения по льду и скалам, вышла на северо-западное плечо Талгара. Высшая точка плеча (4820 м) была названа Ийнь-тау. Впереди возвышался голубой купол Талгара, разорванный лед на его склонах напоминал оскаленную голову собаки, словно высеченную неведомым скульптором для устрашения незваных гостей. Разбушевавшаяся непогода вынудила группу спуститься обратно. Суровый Талгар отбил первую атаку с севера.

Еще сильнее разгорелась борьба за Талгар в 1948 г. Сухое, жаркое, почти без осадков, лето очистило от снега ледовые склоны Талгара, что еще более усложнило и без того трудный маршрут. Первого сентября вышли на Талгар алма-атинские альпинисты, под руководством Д. Гудкова. На одном из крутых участков ледника Копр сорвался тяжело нагруженный В. Алексеев и, хотя В. Неаронский задержал его, оба они не смогли уже продолжать восхождения: всей группе пришлось отказаться от траверса. Вслед за алмаатинцами пошла на штурм четверка москвичей, под руководством Г. Ефимова, но болезнь одного участника на «Приюте пяти» заставила их также повернуть назад.

В 1949 г. альпинисты лагеря «Металлург» решили снова штурмовать Талгар с севера. В состав основной группы вошли ленинградцы: Ф. Лемстрем — руководитель группы, Б. Краснокутский, А. Бердичевский, свердловчанин К. Макаревич и алмаатинец Н. Дивари. Для наблюдения за ходом траверса были созданы две группы, одна из которых регулярно сообщала по радио в лагерь «Металлург» о ходе восхождения. Учтя ошибки предыдущих восходителей, выход на траверс был назначен на конец июля (в сентябре холодная погода еще более усложняет и без того трудное восхождение).

* * *

Уже много дней в горах стояла чудесная солнечная погода. Редкие кучевые облака появлялись лишь после полудня, растворяясь к вечеру в прозрачном воздухе.

28 июля наша пятерка покинула лагерь. Группы наблюдения следовали вместе с нами. Спустя пять часов, миновав крутую морену, мы были уже на высоте 3740 м. Со склона Ийнь-тау беспрерывно грохотали камнепады. Много раз повторяло их удары мощное эхо.

Когда ущелье скрылось в вечернем мраке, а на вершинах еще играл огонь заходящего солнца, появились длинные перистые облака, первые признаки ухудшения погоды. Утро не предвещало ничего плохого, но

необычайная для такого раннего часа высокая температура воздуха нам не нравилась.

Нас сопровождала одна из наблюдательных групп, которая шла до «Приюта пяти». Альпинисты из другой группы, остающиеся на бивуаке, с которого прекрасно виден весь предстоящий путь, решили поднести повыше наши увесистые рюкзаки. Медленно идет подъем по фирновому склону. Особенно тяжело Краснокутскому: его веса в сто с лишним килограммов не выдерживают даже хорошо утоптанные ступени.

Вот и нижняя гряда скал. Около нее образовался горизонтальный гребешок льда, и мы удобно рассаживаемся на нем, устроив живой конвейер для передачи продуктов. Подкрепляясь, изучаем возможные варианты пути подъема на гребень. Один из них хорошо знаком нам. Но на этом комбинированном маршруте чередуются лед и скалы и при первом же появлении солнечных лучей по склону беспрерывно летят камни. Выбираем другой путь, менее камнеопасный, целиком ледовый, с одним трудным скальным участком.

В первых лучах утреннего солнца отсвечивающие бирюзой крутые склоны ледника Копр заиграли мириадами искр. Быстро надеваем кошки, связываемся. В первой связке идут Бердичевский и Краснокутский, во второй — Дивари, Лемстрем, Макаревич. Сразу же от места нашего привала начинается подъем по крутому твердому фирну. Идем прямо «в лоб», пересекая подгорную трещину. За ней крутизна склона заметно увеличивается, его покрывает лишь тонкая снежная корка. Видимо вскоре вступим на голый лед. Наши предположения оправдались: передней двойке уже приходится рубить ступени на пятидесятиградусном склоне.

Со свистом летят сверху голубые осколки льда, с трудом увертываемся от них, стоя на месте, ибо маневрировать на крутом склоне почти невозможно. Наконец передняя связка выходит на продольный ледяной гребешок, за которым лежит слой фирна, толщиной в 50-70 см. Это позволяет нам ускорить движение, подстраховывая друг друга через ледоруб.

Но вскоре мы снова попадаем в зону льда. Крутой склон в нескольких метрах слева от нас переходит в почти отвесную четырехсотметровую ледяную стену, спадающую на ледник Озерный. Снова нужно рубить ступени и вбивать крючья в твердый натечный лед. Два десятка ступеней подводят нас к скальному выступу, на котором мы размещаемся, привязав себя к крупным вмерзшим камням.

В течение пяти часов мы были настолько поглощены восхождением, что не заметили, как весь западный сектор горизонта затянулся серовато-желтой пеленой слоистых облаков. Погода постепенно портится, но ухудшается так медленно, как будто собирается с силами, чтобы разом обрушить на нас комбинированный удар ветра, дождя, снега и холода.

Решаем сократить время отдыха, и вот первая связка уже обрабатывает вертикальный угол, образованный двумя гладкими плитами, покрытыми слоем льда. Приходится снимать рюкзак, чтобы вылезть по тесному углу на пологую узкую полочку, по которой удается подойти к скальному уступу в верхней части скалы. Этот уступ проезжаем «верхом», добираясь до плит, также покрытых снегом и льдом. Больше часа потребовало преодоление этого трудного участка, где страховке пришлось уделять особое внимание, ибо срыв грозил закончиться свободным падением вниз, до ледника Озерный.

От плит, повернув направо, лезем по наклонной, крутой гряде скал, покрытых размякшим под лучами палящего солнца снегом. Каждое движение вызывает падение потревоженных камней, которые, ударяясь о скалы и разбиваясь на куски, с огромной скоростью летят к нижней гряде скал. Кто-то пытается пройти по границе снега и скал, но снежная каша забивает зубья кошек, и «экспериментатор» сползает вниз после каждого шага.

Вступаем на фирновый гребешок. Слева от него — обрыв к леднику Озерному, справа — склоны, ведущие к леднику Копр. Мы смогли двигаться без рубки ступеней только первые полчаса. На этом крутом склоне над

колоссальными обрывами мы не можем подменять друг друга, и вся тяжесть рубки ступеней ложится на первую связку. Остальные стоят, согнувшись под тяжестью рюкзаков, томительно ожидая следующего шага. Наши фотографы пробуют запечатлеть напряженно работающих товарищей, но безнадежно закрывают объективы: так плоско и неинтересно выглядит место нашего подъема. Хочется, конечно, выбрать наиболее интересную точку для съемки, но для этого потребуется вырубить не один десяток ступеней.

Солнце уже описало дугу на запад и бросает на склон почти под прямым углом жаркие изнуряющие лучи. Невыносимо хочется пить.

По ледяному гребешку подходим к фирновому склону, крутизна которого уменьшается с высотой. Теперь можем идти одновременно, значительно ускорив движение. Нош по колена погружаются в снег, но после длительного подъема на ледяных участках даже это доставляет некоторое удовольствие.

Склон незаметно переходит в широкий снежный гребень. Справа от нас «Приют пяти» — цель первого дня. Обойдя слева громадный снежный увал, с явным удовлетворением сбрасываем рюкзаки, развязываемся. Намокшие веревки развешиваем на скалах. Разгоряченные тела быстро охлаждаются, приходится одеться потеплее. Приятно зашумел примус, разведенный Лемстремом. Из вырубленной во льду лоханки набираем кастрюлю воды, но скоро наш «водосбор» замерзает.

Утолив голод и жажду, рассматриваем дальнейший путь на Ийнь-тау. Узкое плечо, отходящее к северо-западу от Талгара, представляет собой снежно-скалистый, почти горизонтальный гребень. На север он обрывается крутыми скалами, нависшими над ледовыми сбросами ледника Копр, к востоку переходит в снежно-ледовую стену, перерезанную широкой подгорной трещиной. По ледовой стене можно идти либо все время «в лоб», либо, пройдя первую треть ее, пересечь трещину и свернуть на скалы. Мы выбираем второй вариант, он не потребует длительной рубки ступеней.

На западе зловеще накапливаются тучи. Появились снежно-дождевые облака, низко плывущие над потемневшими хребтами. Всю ночь идет снег. К утру ветер затихает, снегопад прекратился, только редкие серые тучки напоминают о ночной непогоде. Нужно ловить погоду, скорее идти наверх.

По широкому ледово-снежному гребню мы быстро подошли к скалам справа от подножия стены. Надеваем кошки. Бердичевский выходит первым, стремясь перейти трещину ближе к скалам; пройдя несколько десятков метров, он попадает на крутой участок натечного льда. Непосредственно от подножия стены перейти на скалы невозможно: они заглажены, не имеют ни зацепок, ни выступов.

Наша связка, возглавляемая Н. Дивари, берет значительно левее и удачно выходит на фирновый склон; здесь значительно легче подниматься, и через 30 минут мы уже подходим к подгорной трещине, местами засыпанной снегом. Верхний край ее переходит в шестидесятиградусный ледовый склон. Дивари, страхуемый через ледоруб Лемстремом, переползает трещину и сразу же забивает ледовый крюк. Плотный лед хорошо держит крючья, но рубить в нем ступени утомительно.

Теперь Дивари уходит метров на 10-12 вперед и снова забивает крюк. Мы движемся по слегка наклонной линии, пересекая склон в направлении скал, ограничивающих его справа. На протяжении 130-160 м Дивари рубит ступени и забивает крючья. Последним, идет Краснокутский, который вырубает крючья, навешивая их на грудную обвязку. Каждое его движение сопровождается звоном.

Переход на скалы нетруден, но сильно разрушенная порода требует большой осторожности. Дивари забивает скальный крюк и медленно лезет на скалу. Через несколько минут он принимает Лемстрема, следом: за которым вылезает Макаревич. Расположившись на выступе скалы, мы сбрасываем веревку вниз и помогаем подняться к нам второй связке. Вскоре все собираемся на скале. Нужно перекусить, отыскать наши наблюдательные группы. Вторая группа с рацией поднялась на вершину Физкультурная, и мы

слышим ее крики. Другая группа, поднявшаяся с нами на «Приют пяти», пошла в обход вершины Копр, чтобы по восточному гребню взойти на снежную вершину Металлурга. Миниатюрные фигурки, выделяясь на ослепительно белом склоне, медленно ползут к вершине.

Дальнейшее движение возглавляет Ф.Б. Лемстрем. Трудный скальный маршрут ведет нас к неясно выраженной вершине Ийнь-тау. Скалы сложны и разнообразны по прочности, от монолитных стен до совершенно разрушенных нагромождений, зыбко лежащих на плитах или вмерзших в лед. Все они обрываются на юго-запад совершенно отвесными стометровыми стенами: каждый неосторожный шаг грозит срывом. Встречаются участки, где не удается забить крюк или подыскать надежный уступ. Остается один выход: страховка через плечо, но, к счастью, таких участков немного. Благополучно преодолев их, выходим на снежную перемычку.

Короткий ледовый склон упирается в скальную стенку с вертикальной расщелиной. Удобный уступ прекрасно 31 меняет крюк, и Лемстрем, ловко расклиниваясь, вылезает наверх. Остальные следуют за ним. Впереди нас ждут крутые, сыпучие скалы, фирновый гребешок, и снова сплошная «сыпучка». Вот уже четыре часа идем мы по скалам, применяя лишь попеременную страховку, об одновременном движении нечего и думать. Еще несколько трудных скальных участков, и мы, наконец, достигаем вершины. За семь часов огромного напряжения мышц, воли и нервов мы преодолели трехсотметровую (по вертикали) стену Ийнь-тау. Пишем записку и спускаемся на гребень.

Намереваемся идти дальше к ледяной северной шапке Талгара, но «жандарм», грозно возвышающийся над гребнем, и свинцовые тучи на западе вынуждают нас отказаться от этого. Поглощенные скальной работой, мы и не обратили внимания на «гнилой угол», а теперь видим, что непогода спешит на помощь Талгару. «Собачья голова» изменила свою форму и напоминает теперь лягушку, приготовившуюся к прыжку. Налетает туман, и белые контуры купола растворились в стремительном снежном вихре. На миг все

стихло, снова открылся Талгар, но внизу уже заклубились плотные облака, быстро ползущие кверху.

Дружно беремся за установку палаток. Их днища лишь немногим уже гребня, и растяжки свисают на обе стороны. Сгладываем запас фирна, который будем растапливать, и спешно залезаем в пуховые мешки. Порывы ветра все чаще и сильнее, кажется, что скоро они сольются в единый мощный ураган, чтобы сбросить в бездну прижавшиеся к гребню палатки. Всю ночь яростно свистит и ревет ветер, швыряя на палатки ледяную крупу.

Утром двигаться дальше невозможно. В молочном тумане скрылся Талгар и поседевшие от снега скалы Ийнь-тау. С трудом откапываем занесенные снегом палатки, но холодный, леденящий ветер загоняет нас обратно в мешки.

Непогода свирепствовала около суток, и только к 1 августа буран стих, ослепительно засверкал на солнце побелевший от снега купол Талгара. Внизу, в глубоких долинах, неподвижно повисли облака, окружив царствующую над хребтом вершину. С трудом сворачиваем оледенелые палатки, откапываем снаряжение. Спешим использовать недолгое прояснение.

По крутому снежнику спускаемся к подножию «жандарма», охраняющего подступы к Талгару. На заснеженных оледенелых скалах двигаться опасно, освобожденный от рюкзака Бердичевский тщательно очищает зацепки и небольшие выступы, медленно продвигаясь вверх. Остальные влезают с верхней страховкой и сразу же опускаются по расщелине на другую сторону «жандарма», на его вершине едва хватает места для двух человек.

Острый снежный гребень с нависшими на восток карнизами ведет к крутым оледеневшим скалам. Преодолевая их с помощью крючьев, снова попадаем на снежный гребень. Огромные карнизы висят над ледяными сбросами Талгара. Гребень переходит в ледовый склон с вмерзшими в него камнями. Идущий впереди Краснокутский, вырубив ступени, встает на

страховку, поднимающийся следом Бердичевский внезапно бросается в сторону от края обрушившегося карниза и падает, но Краснокутский умело задерживает товарища: новое напоминание нам об опасности, о необходимости сугубой осторожности.

Крутизна склона увеличивается. Скал здесь меньше, организовать надежную страховку трудно, а опасность срыва увеличивается с каждым шагом.

Начинается непрерывная, утомительная на высоте 5000 м рубка ступеней, сразу же засыпаемых лавинками свежего снега. Шестидесятиградусная ледяная стена высотой более 100 м сверкает над бездонным западным обрывом Талгара. Из долины подымается холодный туман, сильный ветер неистово швыряет в лицо ледяные иглы. Кажется, что вершина совсем рядом, но проходят долгие часы, а контур купола все еще далек от нас в слепящей пелене тумана. Первым идет Краснокутский, неутомимо вырубающий уже шестой десяток ступеней. Наконец он радостно возвещает о выходе на вершинное плато Талгара.

В этот момент, словно по сигналу, расступаются облака, открывая до горизонта безбрежную казахскую степь с квадратиками полей и темной зеленью фруктовых садов. На ближних и дальних вершинах весело играют солнечные блики. В глубоких долинах светлеют реки, несущие воды на поля Казахстана. На юге и востоке ничего не видим, кроме снежных холмов Талгара да темных туч, повисших в воздухе. Ветер леденит тело. Пробуем идти быстрее, но глубоко проваливаемся в пушистый свежий снег.

Проходим два снежных увала, оставив позади себя глубокую траншею, и спускаемся к скальным обнажениям вершинного плато. Здесь, в 80 м ниже высшей точки массива, сложен тур. Сама высшая точка находится к югу от нас на громадном снежно-ледовом увале вершины Талгара.

Вечереет. Идти на вершину, где метет поземка, образуя снежные флаги, уже поздно. У ледяной площадки, похожей на замерзшее озерко, восточнее скал, ставим палатки.

Утром по твердому снежному насту поднимаемся на высшую точку Талгара. Мы первые совершили подъем на Талгар по самому трудному из всех пройденных до сих пор путей через Ийнь-тау, и как бы в награду перед нами открылась грандиозная, величественная панорама седого Тянь-шаня. Сверкает на синем фоне заснеженная Аламединская стена. Как на ладони, видны солнечные горы Кунгей Ала-тау, а за ними темнеющая огромная Иссык-кульская впадина и полузакрытый облаками Терскей Ала-тау. Далеко на юго-востоке громоздятся великаны Центрального Тянь-шаня: овеянная легендами ледяная пирамида Хан-тенгри и непокоренный еще пик Победы.

Поворачиваем к юго-восточному гребню и после нескольких часов спуска достигаем его основания. На леднике Корженевского на высоте 4250 м устраиваем привал. Наблюдательная группа, обошедшая вокруг Талгарского массива, поздравляет нас с успехом. Нам еще предстоит подъем к перевалу Суровому, ведущему в верховья Среднего Талгара, но этот знакомый, не раз пройденный маршрут, нас не беспокоит.

Основная задача — траверс Талгара с севера через Ийнь-тау — успешно выполнена. Воля к победе и настойчивость в достижении цели, высокая дисциплина всех участников группы, чувство товарищеской взаимопомощи — все это содействовало успеху.

Свердловск — Ленинград.

Н.М. ПОПОВ
АКСАУТ (1940-1949)

Под этим названием многие знают вершину в западной части Главного Кавказского хребта, многие слыхали об одноименной реке, текущей западнее Теберды и Домбая, но лишь очень немногие имеют представление о том, что под этим названием скрывается один из интереснейших районов высокогорного Кавказа, почти неосвещенный в литературе. Между тем горные узлы Аксаутского района включают несколько десятков вершин и перевалов всех категорий трудности, до рекордных включительно. Большие ледники, спускающиеся с этих вершин, дают начало сильно разветвленной системе речных долин, богатых альпийскими лугами, горными озерами, прекрасными водопадами и могучими лесами.

Приходится удивляться тому, что подавляющее большинство вершин Аксаутского района еще ожидает своих первовосходителей. Мы не будем пытаться установить причину столь малой освоенности района в спортивном отношении. Вероятно, одна из существенных причин заключалась в исторически сложившейся малой населенности долины Аксаута.

Если читатель мысленно проследит с востока на запад линию Главного Кавказского хребта, он увидит, что после Эльбруса хребет резко понижается, ледники мельчают. Миновав небольшое повышение в районе Гвандры и следуя вдоль хребта на запад, он, наконец, достигает района истоков р. Теберда, где горы опять становятся значительно выше, а ледники — мощней. Проследовав мимо группы Чотчи и Бу-ульгена, он увидит высочайшую вершину Западного Кавказа — Домбай-ульген. Миновав далее группы Джугутурлючата и Аманауза, а затем Белала-каи, он остановится на вершинах Эрцога и Джаловчата. Это — крайние западные вершины

Тебердинского района, у подножия которых расположен Алибекский альпинистский лагерь.

Бросив мысленный взгляд с Джаловчата еще дальше на запад, читатель увидит вереницы скалистых пиков, не уступающих по высоте высочайшим вершинам Западного Кавказа, — горы) Аксаутского района.

Здесь расположены самые западные горные узлы Главного Кавказского хребта, достигающие высот порядка 4000 м, здесь спускаются в живописные долины последние большие ледники хребта.

Не случайно самые западные большие долинные ледники Кавказа — Северный и Южный Марухские — стекают не перпендикулярно основному направлению Главного хребта, а параллельно, с юго-востока на северо-запад, что определяется общим понижением рельефа в эту сторону.

Автор этих строк начал систематическое изучение Аксаутского района с 1940 г. и посещал его в 1945, 1946, 1947 и 1949 гг. Во время всех этих походов и восхождений неизменно велась тщательная барометрическая нивелировка, производились тригонометрические засечки; обстоятельное изучение района сопровождалось обширной фотодокументацией.

В настоящей статье эти материалы использованы лишь частично: рамки «Ежегодника» не позволили нам дать полное освещение истории исследования, научных проблем и спортивных возможностей Аксаутского района. Приложенная схема и высотные отметки получены в результате наших маршрутных съемок, причем за базу принимались наиболее достоверные на существующих картах точки[1].

До 1949 г. мы приходили на Аксаут из Домбая, базируясь на Гуначхирский лагерь ЦДКА или же на Алибекский лагерь «Наука».

[1] Категории трудности проставлены по нашей оценке (без «надбавок» на первовосхождение), принимая в качестве шкалы вершины и перевалы, известные по официальной классификации. В тех случаях, когда мы встречались с объектом, ранее классифицированным, но, располагая более точными данными, не могли согласиться с существующей классификацией, мы указывали свою оценку. Поэтому автор просит считать в классификационном отношении публикуемый материал дискуссионным. — Прим. авт.

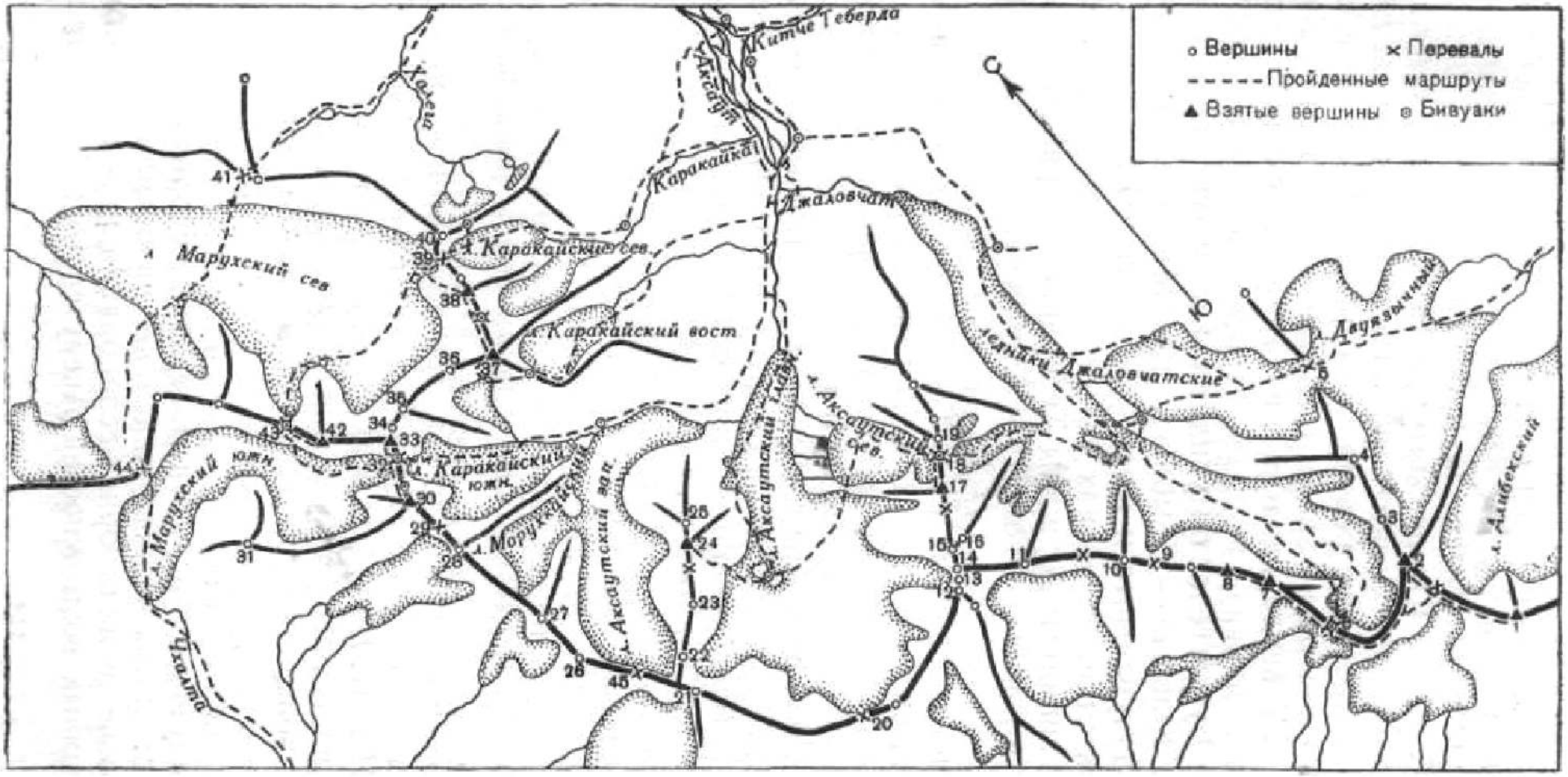


Схема вершин и перевалов Аксаутского района составлена Н.М. Поповым

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМЕ АКСАУТСКОГО РАЙОНА

Вершины

1	Эрцог	3 860	+
2	Джаловчат	3 870	+
3	Узловая	3 670	+
4	Сунахет	3 600	+
7	Туман-тау Юго-восточная	3 680	+
8	Туман-тау Главная	3 700	+
10	Аксаут Малый	3 620	+
11	Аксаут Восточный	3 700	+
12	Аксаут Главный	3 900	+
13	Аксаут Средний	3 870	
14	Аксаут Узловая	3 860	+
15	Аксаут Второй Северный	3 790	
16	Аксаут Северо-восточный	3 730	
17	Аксаут Северный	3 540	+
19	Аксаут Нижний	3 360	
21	Снежная Узловая	3 450	
22	Безымянная Южная	3 430	
23	Безымянная Северная	3 350	
24	Братцы Главная	3 400	+
25	Братцы Северная	3 360	
26	Малый Марух	3 480	+
27	Безымянная	3 450	
28	Марух-кая	3 700	+
30	Марух-баши Главная	3 790	
31	Западный Марух	3 490	
33	Двуушка Главная	3 620	+
34	Двуушка Восточная	3 610	
35	Дейто-кая	3 760	
36	Прото-кая	3 740	
37	Кара-кая Главная	3 890	+
38	Северно-Каракайская пила	3 480	+
40	Красная Гора	3 160	+
42	Кара-кая Западная	3 570	+

Перевалы

5	Джаловчатский	3 000	+
6	Туманный	3 530	+
9	Хамурза	—	+
18	Северно-Аксаутский	3 270	+
20	Аксаутский	3 180	+
29	Марухкайский	—	
32	Южно-Каракайский	3 300	+
39	Северно-Каракайский	3 080	+
41	Халега	—	+
43	Западно-Каракайский	3 000	+
44	Марухский	2770	+
45	Западно-Аксаутский	—	

Примечание. Знаком + обозначены взятые вершины и пройденные перевалы.

Многолетний опыт убедил, наконец, нас в том, что систематическая плодотворная работа по освоению Аксаутского района возможна только на основе солидного базового лагеря с доставкой снаряжения и продовольствия не через перевалы, а непосредственно из Черкесска, вверх по ущелью Аксаута.

В начале июля 1949 г. наша группа в составе 9 человек с 800 кг груза, наняв специальный автобус, выехала из Черкесска и через 6 часов прибыла в поселок Хасаут Греческий. До поселка в устье Китче-теберды, цели нашего путешествия, оставалось 55 км. Попутных машин не было, пришлось нанять в колхозе две пары волов с арбами и погонщиками. Переход до устья Китче-теберды длился два дня, но мы не жалели об этом, так как ущелье Аксаута на всем протяжении очень красиво.

Поселок из нескольких домов при впадении Китче-теберды в Аксаут возник совсем недавно. Он расположен в сосновом лесу, на правом берегу Аксаута.

Приняв любезное предложение местной администрации, мы заняли два пустых домика, одиноко стоявшие выше устья Китче-теберды на поляне между лесом из сосен, пихт и берез с одной стороны, и каменистой поймой реки — с другой. Высота этого базового бивуака около 1900 м.

ГОРЫ АКСАУТСКОГО РАЙОНА

Орографически горы Аксаутского района могут быть разделены на несколько узлов:

1. Узел Марки—между истоками рек Марка и Китче-теберда.

2. Узел Сулахата — между перевалами Алибек и Джаловчат.

3. Узел Джаловчата — между перевалами Джаловчат и Хамурза.

4. Узел Аксаута — между перевалами Хамурза и Главно-Аксаутским.

5. Узел Братцы — между перевалами Главно-Аксаутским и Западно-Аксаутским.

6. Узел Марух-баши — между перевалами Западно-Аксаутским и Южно-Каракайским.

7. Узел Кара-кая — между перевалами Южно-Каракайским и Марухским.

Горные узлы Марки и Сулахата содержат ряд вершин, представляющих известный спортивный интерес (не выше II категории), а также ряд перевалов, имеющих большое туристское значение (не выше I категории трудности). Описание этих узлов не входит в наши задачи, мы приводим описания остальных пяти горных узлов по материалам наших восхождений последних лет.

Джаловчатский узел

В него входят вершины:

1. Сунахет .....3600 метров
2. Узловая .....3670 метров
3. Джаловчат .....3870 метров
4. Эрцог. .....3860 метров
5. Малый Джаловчат (Туман-тау) юго-восточная .....3680 метров
6. Малый Джаловчат (Туман-тау) главная .....3700 метров

Главная вершина узла — Джаловчат, одна из самых высоких на Западном Кавказе.

«Большая дорога» из Алибекского лагеря через Джаловчатский перевал, Сунахет, Узловую, Джаловчат на Эрцог — хорошо известна. Проходя по этому пути, я обратил внимание на путаницу в высотных отметках на картах. Поэтому в 1947 г. альпиниада Московского университета под руководством автора поставила своей задачей не только освоение Джаловчатского узла со стороны Аксаутского ущелья, но и точное определение его высот.

Нами был открыт и пройден перевал Туманный (3530 м, II-Б), совершены первовосхождения на Эрцог с запада (II-Б), Джаловчат с запада

(II-Б)[1] и обе вершины Малого Джаловчата с востока (II-Б).

После нас были совершены восхождения на Малый Джаловчат с запада, с перевала Хамурза. Этот путь значительно легче, так как легче перевал, с которого ведется окончательный подъем, и на западном гребне вершины скальные участки пути отсутствуют.

Привожу далее выдержки из своих записей Джаловчатского похода 1947 г.

Восхождения в верхнем цирке Джаловчатского ледника

После многодневной утомительной переброски грузов из Алибекского лагеря через Джаловчатский перевал, мы разбили базовый лагерь на бараньих лбах Джаловчатского ледника (2660 м). Панорама вокруг лагеря могла бы удовлетворить самого разборчивого любителя горных видов: наша площадка была со всех сторон окружена снегом и льдом, под нами расстилался пересеченный трещинами большой ледник, ледниковый цирк слева замыкался заснеженными стенами Джаловчата и Малого Джаловчата, напротив нас уходила в небо стена Аксаута с выступающими черными ребрами, лавинными желобами и висячими ледопадами. Оттуда часто доносился рокот обвалов.

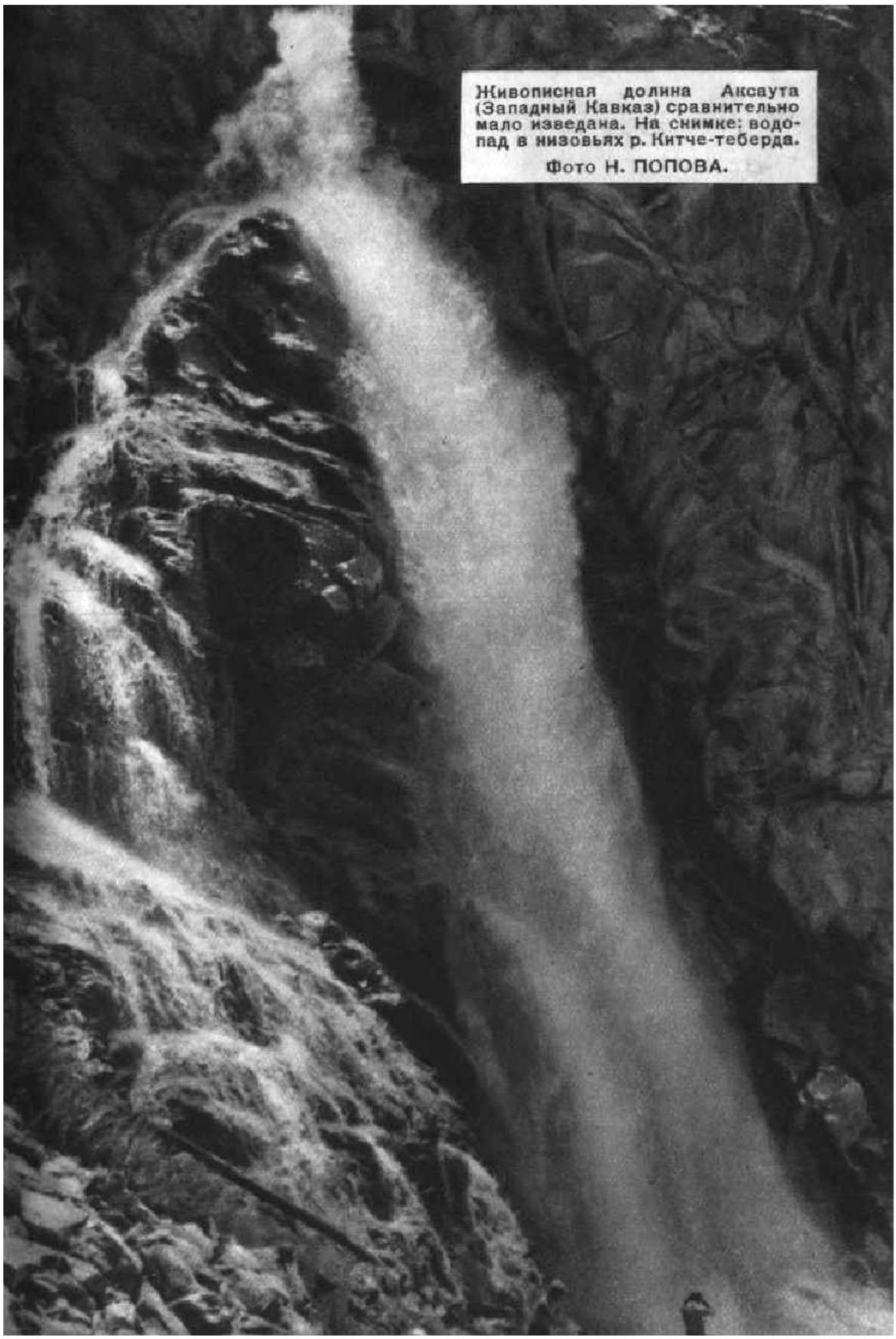
Ясным утром 24 июля все 16 участников похода спустились по крутым бараньим лбам и, перескочив через краевую трещину со скал на снежник, съехали по крутому снегу на ровную поверхность ледника.

Отсюда наш путь лежал в северо-восточном направлении вверх по пологому, не покрытому снегом Джаловчатскому леднику. Пройдя около 1,5 км, мы начали подниматься на кошках по крутым склонам, используя для обхода ледопадов систему лощин, забитых плотным снегом.

В верхней части ледопада, где уже намечался перелом к более пологому верхнему ледниковому цирку, мы встретили пояс очень широких

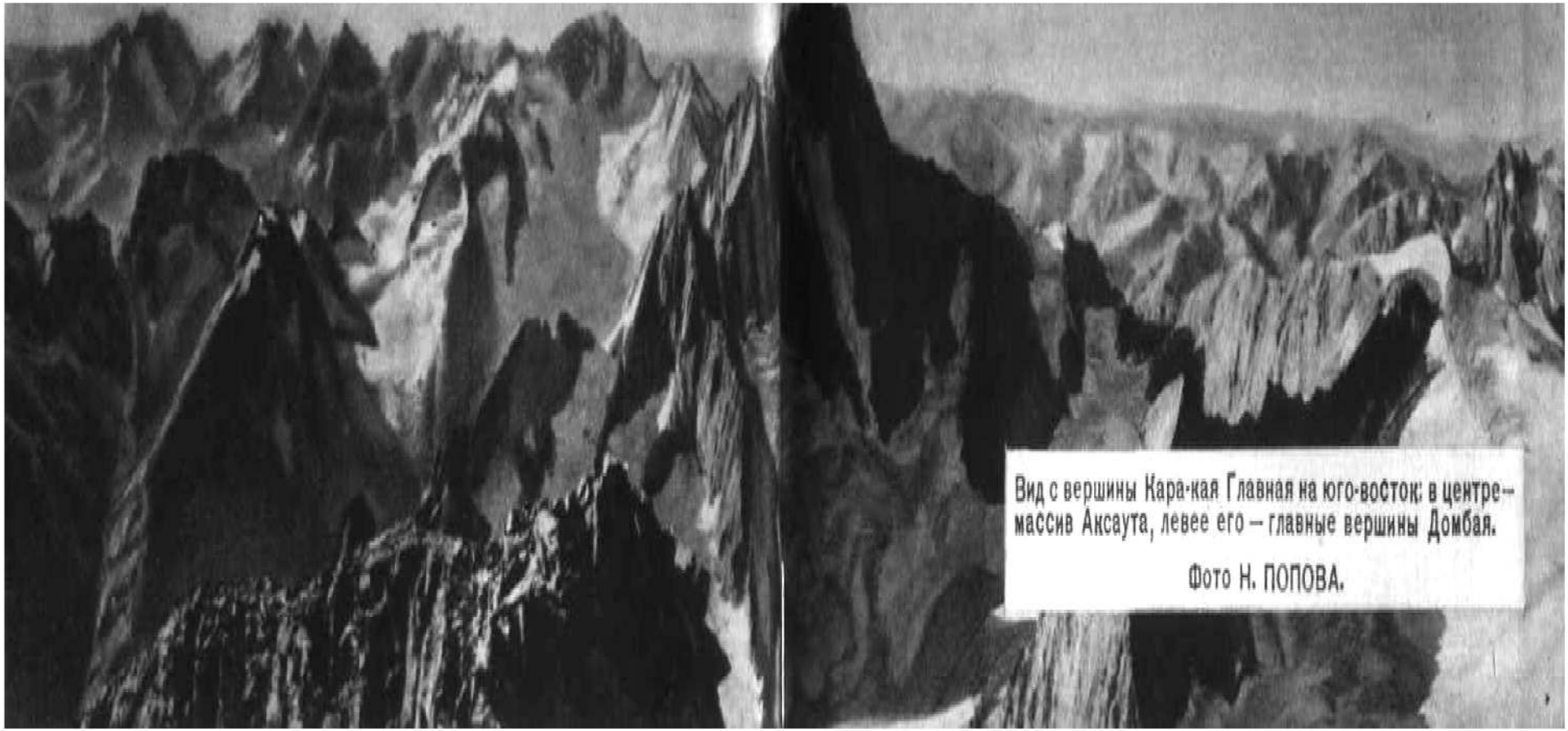
[1] «Ежегодник» уже находился в печати, когда были официально утверждены категории трудности по 8 вершинам и двум перевалам Аксаута (Классификационной комиссией Всесоюзной секции альпинизма). В ряде случаев утвержденные категории отличны от предлагаемых автором статьи. В конце статьи Н.М. Попова нами публикуются утвержденные категории. — Прим. ред.

трещин, достигавших нескольких десятков метров в ширину и более километра в длину. Противоположные края трещин обрывались отвесными ледяными стенками.



Живописная долина Аксаута (Западный Кавказ) сравнительно мало изведана. На снимке: водопад в низовьях р. Китче-теберда.

Фото Н. ПОПОВА.



Вид с вершины Кара-кая Главная на юго-восток: в центре — массив Аксаута, левее его — главные вершины Домбая.

Фото Н. ПОПОВА.

Мощной скальной крепостью выглядит с северо-запада группа вершин Аксаута с их крутыми бесснежными ребрами.
Фото Н. ПОПОВА.

В 1949 г. альпинистами МГУ взята вершина этого района — Западная Кара-кая (вид с Северно-Марухского ледника).
Фото Н. ПОПОВА.

Вид с Марухского перевала на Южно-Марухский ледник и Южно-Каракайский перевал. Слева вершины — Западная Кара-кая иДвуушка.

Фото Н. ПОПОВА.

Вид с Братцев на север. Справа налево: Кара-кая Главная, Прото-кая. Дейто-кая, Двуушка.

Фото Н. ПОПОВА.

Переправившись через трещину, преграждавшую наш путь, и выйдя в более пологий снежный цирк, мы повернули на юг. Подъем становился все круче, и, наконец, мы подошли к подгорной трещине, тянувшейся непрерывной линией вдоль водораздельного гребня Главного хребта, от подножия Джаловчата до подножия Малого Джаловчата.

Непосредственно под перевалом Туманным мы нашли не особенно надежный снежный мостик. На тщательной страховке один из участников, перейдя через мост, вырубил ступеньки для ног и захваты для рук в ледяной стене трещины и, поднявшись до нависающего ледяного карниза, начал прорубать в нем наклонную траншею наверх.

Прорубание карниза грозило затянуться, и я, передав руководство работами А. Косту, отправился с Н. Веревкиным на поиски обходных путей. Пройдя вдоль подгорной трещины, на северо-запад, мы поднялись по отвесным и сыпучим скалам на гребень Малого Джаловчата и спустились на перевал в тот момент, когда карниз был прорублен.

Рюкзаки пришлось переправлять через трещину по веревке.

Последние участники группы поднялись на перевал уже в темноте. Ночевали на открытом нами перевале Туманном (3530 м). На самой перевальной точке нашлось место только для двух палаток, остальные были установлены на скалах южного склона.

В дальнейшем нами было установлено, что, несмотря на весьма крутой скальный склон, спуск на юг в снежный цирк, расположенный под перевалом, возможен без применения веревки.

На утро всей группой мы вышли на Малый Джаловчат. Весь путь до юго-восточной вершины идет по скальному гребню, состоящему из «жандармов». Скалы местами отвесны, но технически несложны. Мы шли связками по двое. Путь от юго-восточной до главной вершины, несмотря на большое расстояние, занимает не более 15 минут.

После второго ночлега на перевале Туманном, группа в восемь человек под моим руководством совершила первовосхождение на Эрцог с

запада и вернулась на перевал, траверсируя Джаловчат, а группа в четыре человека, под руководством А. Коста, сделала первовосхождение на Джаловчат с запада.

Выйдя утром 26 июля по гребню Главного хребта на восток, мы подошли к крутому фирновому склону Джаловчата. Гребень от нашего бивуака на перевале до этого места изобилует чрезвычайно эффектными остроконечными «жандармами», большинство которых обходится слева по снегу. Надев кошки, мы поднялись на плечо Джаловчата. Исключительно благоприятное состояние фирна позволило проделать подъем без рубки ступенек. На плече мы оставили кошки и, траверсируя по полкам массив. Джаловчата, вышли на седловину между Джаловчатом и Эрцогом. На всем участке встретилось лишь одно препятствие: для пересечения ледяного кулуара под вершиной Джаловчата пришлось применить траверсирование «маятником» на веревке. Дальнейший путь до вершины Эрцога не представил никаких трудностей.

После третьего ночлега на перевале, мы приступили к спуску. Подгорная трещина у подножия гребня опять заняла много времени. Рюкзаки переправляли отдельно. При снятии веревок нам пришлось оставить один скальный и один ледовый крюк. Ледопадом спускались по новому маршруту, пройдя под самой стеной Малого Джаловчата и миновав труднопроходимый пояс трещин.

К вечеру мы уже расставляли палатки у нашего продовольственного склада на бараньих лбах Джаловчатского ледника с тем, чтобы после однодневного отдыха продолжать маршрут в долину Аксаута.

Аксаутский узел

Аксаут представляет собой мощный массив со множеством остроконечных вершин, очень своеобразных с точки зрения спортивной техники. Некоторые вершины расположены очень близко одна от другой и даже отделены не слишком глубокими седловинами, но эти седловины и

элементы предвершинных стенок при ближайшем рассмотрении оказываются почти непроходимыми или требуют высокого класса альпинистской техники.

Вот довольно полный перечень этих вершин:

1. Аксаут Малый ..... 3620 м
2. Аксаут Восточный ..... 3700 м
3. Аксаут Узловая ..... 3860 м
4. Аксаут Средний. ..... 3870 м
5. Аксаут Главный ..... 3900 м
6. Аксаут Северо-восточный ..... 3730 м
7. Аксаут Второй Северный ..... 3790 м
8. Аксаут Северный ..... 3540 м
9. Аксаут Нижний. ..... 3360 м

Взаимное расположение их установлено нами путем тщательных наблюдений с различных сторон. Беседы с В. Будановым подтвердили наши наблюдения. Высоты определены путем фотозасечек, причем вычисленная наибольшая вероятная ошибка не превышала +10 м, за исключением Малого и Восточного Аксаутов, где она может достигать +30 м.

Большинство вершин Аксаута могут быть объектами для весьма серьезных и интересных восхождений, но до сего времени наиболее интересные из них еще не осуществлены.

В 1935 г. было совершено первовосхождение на Главный Аксаут с юга (II-Б), впоследствии повторенное другими группами. Неоднократно был также взят Малый Аксаут с перевала Хамурза (II-Б).

В 1937 г. был взят Восточный Аксаут через Малый Аксаут (III-Б). Более легкий путь на эту вершину мало вероятен.

В 1948 г. группой В. Буданова был совершен траверс Малого, Восточного и Узлового Аксаутов, оцененный первопроходителями V-А категорией трудности.

В 1949 г. мы совершили первопрохождение с Аксаутского ледника на Джаловчатский через перевал, названный нами Северно-Аксаутским (3270 м), поднялись на вершину Северный Аксаут, трудность которой мы оценили III-А.

Остальные вершины Аксаута остаются невзятыми, не совершен и траверс Главного Аксаута ни в одном из возможных направлений.

Какие проблемы стоят перед нашими альпинистами по освоению Аксаутского узла?

Центральная группа вершин Аксаута (Главная, Средняя, Узловая, Вторая Северная и Северо-восточная) имеет четыре отходящих от нее гребня и два ясно выраженных контрфорса.

Логическим путем на Северо-восточный Аксаут является северо-восточный контрфорс. Вероятная трудность его не ниже IV-А категории.

Второй Северный Аксаут, являющийся предвершинным уступом Узловой, может быть взят по северному ребру от седловины между Северным и Вторым Северным Аксаутом. Достижение этой седловины само по себе уже представляет известные трудности. Восхождение на вершину может быть классифицировано не ниже IV-А (Северо-западный контрфорс, ведущий к вершине, по-видимому, еще более сложен).

Узловая вершина Аксаута, взятая В. Будановым с траверсированием Малого и Восточного Аксаутов, имеет только один самостоятельный подступ — по северо-восточной стене. Этот вариант, во всяком случае, не ниже IV-Б категории.

Значительная трудность перечисленных вершин обусловлена специфическим строением и крутизной скал. Круто поднимающиеся ребра Аксаута, сложенные монолитными «кристаллическими породами, часто образуют гладкие отвесные стены, перемежающиеся с необычайно острыми, наклоненными в одну сторону гребнями из почти вертикальных тонких плит. В этом мы убедились во время восхождения на Северный Аксаут.

Средний Аксаут по своему расположению не имеет логически целесообразного самостоятельного подступа.

Траверс Аксаута представляет, несомненно, одну из труднейших спортивных проблем Западного Кавказа. Можно рассматривать два основных варианта полного траверса. Один — с перевала Хамурза через Малый и Восточный Аксауты, Узловую, Среднюю, Главную вершины, со спуском по Главному хребту на Аксаутский перевал. Для облегчения возможен спуск на юг по пути II категории, этот маршрут, по-видимому, легче проходить в обратном направлении, с запада на восток.

Другой вариант — с седловины между Северным и Вторым Северным Аксаутом, через Второй Северный Аксаут, Узловую, Средний и Главный Аксаут, со спуском на Аксаутский перевал или на юг. Этот маршрут можно

изменить — подступ по северо-восточному контрфорсу через Северо-восточный Аксаут. Траверс северного ребра безусловно легче в обратном направлении, с юга на север.

Каждый из описанных траверсов Аксаута потребует не менее семи дней, при условии предварительной заброски снаряжения, питания, и представит рекордную трудность.

По словам В. Буданова, наиболее трудной частью пройденного им участка траверса Аксаута являлась «пила» между Восточным: Аксаутом и Узловой, состоящая из многочисленных, больших и весьма трудных «жандармов», а также гладкие стены при подходе к Узловой. Наиболее серьезным препятствием на дальнейшем пути можно считать северную стену Среднего Аксаута, представляющую собой гладкую отвесную плиту. Она была причиной отказа группы ленинградцев от продолжения траверса в 1948 г., заставив их спуститься на юг.

Исходя из общей структуры массива, а также судя по снимкам, сделанным с Кара-каи и Братцев, можно предположить, что подобная же стена ожидает траверсантов при последнем штурме Главного Аксаута. При

подъеме на Аксаут по северному ребру таких стен может встретиться несколько.

Если начинать траверс с Аксаутского перевала, следует иметь в виду, что на пути к Главной вершине Аксаута встретится большой отвесный скальный участок, однако о характере скал на этом участке никаких сведений нет.

Узел Братцы

Название «Братцы» я дал несколько лет назад красивой раздвоенной вершине, поднимающейся из самой середины громадной ледниковой котловины между массивами Кара-каи и Аксаута.

Наше внимание было привлечено к Братцам, как объекту первого тренировочного восхождения в начале сезона 1949 г. и, главным образом, как к кругозорному пункту с совершенно исключительной панорамой Главного хребта, от Аксаута до Кара-каи.

Главная вершина Братцев — южная — находится в 1,5 км от водораздельного гребня Главного хребта. Перемычка, связывающая Братцы с Главным хребтом и названная нами «хребтом Братцев», не имеет значительных понижений и включает две самостоятельные остроконечные скальные вершины. В точке примыкания хребта Братцев к Главному хребту подымается Узловая вершина, в виде широкой скальной стены, покрытой массивным снежником. Ее массив тянется более чем на 1000 м вдоль Главного хребта, от Аксаутского до Западно-Аксаутского перевала. Таким образом, в узел Братцев входят следующие вершины:

1) Братцы Северная ..... 3360 м
2) Братцы Главная. ..... 3400 м
3) Безымянная Северная. ..... 3350 м
4) Безымянная Южная. ..... 3430 м
5) Снежная Узловая. ..... 3450 м

Высоты определены тригонометрически, с погрешностью не более 10 м. На Братцев Главную мы совершили первовосхождение в 1949 г. (II-Б). Трудность остальных вершин узла, по-видимому, того же порядка (восхождения на них не совершались).

Восхождения на Братцы и Северный Аксаут

15 июля задолго до восхода солнца наша группа из восьми человек начала переправляться ©брод через многочисленные рукава Аксаута против впадения в него Китче-теберды. После сорокаминутных скитаний по колена в ледяной воде, мы двинулись вверх по левому берегу Аксаута.

Здесь река часто подмывает крутые склоны массива Кара-каи, покрытые посаленным весенними лавинами лесом. Пробираться с тяжелыми рюкзаками по такой местности очень трудно.

Через 2,5 часа после выхода с бивуака мы переправились по камням через р. Каракайку. (Впоследствии, когда нами были устроены переправы через Джаловчатский каньон и р. Аксаут выше ее слияния с Джаловчатом, до этого места можно было дойти за час, «включая и переправы — правый берег Аксаута легко проходим).

Дальнейший путь пролегал по полянам, покрытым густой травой выше человеческого роста. Под ногами попадались невидимые глазу крупные камни, двигаться было бы довольно тяжело, если бы не тропы, протоптанные медведями во всех направлениях. Выше по Аксауту дорога стала хуже; стараясь придерживаться галечной поймы реки, мы были вынуждены постоянно подниматься по крутым обрывистым берегам, углубляясь в заросли карликовой альпийской березы, растущей здесь почти горизонтально.

Нас выручил снежный мост через Аксаут, которым мы воспользовались для перехода на правый берег. Двигаясь по его каменистым моренам вверх по ущелью, мы вышли на засоренный камнями язык Аксаутского ледника и приблизились к средней части крутого ледопада, пересекавшего ледник во всю ею ширину.

Уступы ледопада все круче. Становится ясно, что в этом весьма трудном ледопаде вести сразу всю группу нельзя. Выделяем для разведки пути А. Романовича и К. Туманова, а группа спускается на левобережную морену у подножия Братцев.

Вернувшиеся разведчики сообщают, что, пытаясь подойти к бараньим лбам правого берега, они встретили большие трещины с сераками. Кроме того, крутые бараньи лбы, находившиеся под обстрелом камнепадов и ледяных обвалов с висящего над ними Северно-Аксаутского ледника, не вызывали желания познакомиться с ними поближе. Вторая разведка в направлении левого берега была удачнее: удалось найти обход по скалам Братцев. Ночевали мы на морене (2380 м).

Утром было принято решение штурмовать Братцы. Подойдя по осыпям к скалам, мы начали подъем по крутому скальному желобу. Поднявшись от бивуака метров на сто «в лоб», мы вышли на систему наклонных скально-травяных полок, пересекавших скалы над ледопадом. В одном месте наш путь преградил небольшой водопад, после которого мы перешли на довольно крутой снежный склон. Продолжая подъем с траверсированием снежников у подножия Братцев и двигаясь все время на юг мы вышли, наконец, в верхний цирк Аксаутского ледника. Прямо перед нами посредине цирка, несколько ближе к Братцам, виднелась пологая моренная площадка, пересеченная ручьем и чрезвычайно удобная для бивуака (2800 м). Это место, несомненно, лучшее для бивуака при любых восхождениях из верхнего цирка Аксаутского ледника. Хорошо изучив путь, тренированная группа может подняться сюда из долины Аксаута за один день. Оставив часть одежды и кошки на морене, группа двинулась вверх на северо-запад в направлении вершины Братцы. Путь шел сначала по крутому снежному конусу, затем переходил на легкие скалы, представлявшие, однако, опасность для большой группы обилием свободно лежащих камней. Скалы становились все круче, ближе к вершине подъем стал отвесным. Траверсируя скальную стену вправо, мы вышли к подножию камина, ведущего к вершине.

Трудность взятой вершины II-Б, высота 3400 м. Панорама удивительно хороша! Аксаут повис над белыми льдами, врезаясь в небо вереницей черных зубцов, напротив него из моря клубящихся облаков вздымаются башни Кара-каи. На севере виден Северный Братец, на юге сгрудились зубцы хребта Братцев. Несмотря на большое расстояние, ясно виден сложенный рукой человека тур из камней на Малом Марухе. Это — одна из немногих, окружающих нас вершин, на которую ступала нога восходителя.

Пребывание на вершине очень много дало для изучения Аксаута, хребта Братцев, групп Маруха И Кара-каи.

Спуск к бивуаку «2380» затянулся до полной темноты. Следующий день был употреблен на переноску бивуака в верхний цирк и на отдых. Рано утром 18 июля наша группа пересекла верхний цирк Аксаутского ледника в северо-восточном направлении, и, поднявшись на высокую правобережную морену, оказалась на висячем Северно-Аксаутском леднике.

Продолжая двигаться на северо-восток, мы поднимались к скалам Нижнего Аксаута. Ледник пересечен большими трещинами, но направление их было благоприятно. В средней части ледника пришлось рассредоточиться, так как висевший над нами на скалах уступ ледника угрожал обвалом.

Недалеко от перевала, после крутого подъема, путь преградила подгорная трещина, пересекавшая весь висячий ледник.

Высшая точка Северно-Аксаутского перевала (3270 м) представляет собой выпуклый смежник; на востоке из него выступает водораздельный скальный гребешок, на котором мы с трудом устроили площадки для двух палаток.

За водой пришлось ходить вниз по скалам, круто обрывавшимся на восток к небольшому снежнику.

В этот же день мы совершили восхождение на Северный Аксаут. От этой вершины отходят на север два слабо разделенных гребня, один из которых, более трудный, составляет продолжение перевального гребня,

другой спадает несколько западнее, мимо перевала. Мы выбрали второй из них. Для выхода на него пришлось траверсировать с перевала крутой фирновый желоб над висячим Северно-Аксаутским ледником, выбивая ногами ступеньки на протяжении примерно трех веревок, при тщательной страховке через ледоруб.

Самой трудной частью восхождения был последний вершинный гребень, образующий сильный отрицательный уклон в сторону Джаловчатского ледника и состоящий из гладких, ненадежных, почти вертикальных плит. Трудность Северного Аксаута мы расценили в III-А, трудность перевала — II-Б. Вероятная трудность Нижнего Аксаута через этот перевал — II-А. Не исключена возможность найти более легкие подступы к Нижнему Ак-сауту, но следует иметь в виду, что от своей северной предвершины он отделен глубоким и крутым провалом, могущим представить серьезное препятствие при восхождении с севера.

Переночевав на перевале приступили к спуску по сыпучим скалам. Мы держались правее скал, чтобы не попасть под обвалы с висячего снежника — Нижнего Аксаута. По мере спуска, скалы становились круче, образовав, наконец, пояс отвесных, довольно гладких стен с отрицательным уклоном внизу. Здесь пришлось спускаться по веревке к краевой трещине, а затем по снежному мостику выбираться на поверхность снежника. Дальнейший путь на кошках по крутому узкому леднику, забитому снегом от лавин, при менее благоприятной погоде может быть очень опасен, если не вовсе непроходим. Преодолев с рубкой ступенек несколько сераков и лавируя между трещинами, мы вышли на ледниковую террасу, по которой пришлось пройти около полукилометра на юго-восток в обход лежавших ниже ледопадов и скал. По крутому ледяному склону мы спустились на ровный лед главного русла Джаловчатского ледника, где с большим наслаждением сняли кошки и лишнюю теплую одежду. К ночи были уже в долине Аксаута, закончив первый разведывательно-тренировочный поход сезона.

Узел Марух-баши

Узлом Марух-баши мы называем группу вершин, окруженную ледниками — Южно-Кабаканским, Западно-Аксаутским, Южно-Марухским и двумя небольшими безымянными ледниками южного склона. Главная вершина группы — Марух-баши.

Вершины узла

1. Малый Марух ..... 3480 м
2. Безымянная ..... 3450 м
3. Марух-кая ..... 3700 м
4. Марух-баши Главная ..... 3790 м
5. Западный Марух ..... 3490 м

Высоты определены мною тригонометрически при восхождении на Братцы и вершины группы Кара-кая. Вое вершимы узла, кроме Западного Маруха, лежат на водораздельной линии Главного хребта.

Малый Марух — самая южная из вершин узла. Закономерным путем на нее из Аксаута должен быть Западно-Аксаутский ледник, вероятная трудность I-Б.

Далее в хребте находится скальная Безымянная вершина, не выше II категории трудности.

Марух-кая — красивая скальная вершина. На нее возможно несколько вариантов пути, в том числе с юга и с севера по Главному хребту и по восточному контрфорсу. Ориентировочная трудность от II до III категории. Путь с севера на Марух-кая лежит через довольно трудную седловину, не пройденный еще Марухкайский перевал через Главный хребет на Чхалту (не ниже II категории).

Все перечисленные вершины, несомненно, имеют подступы со стороны Чхалты, но достаточных сведений о склонах, противоположных Аксаутскому бассейну, я не имею.

Наиболее интересной вершиной узла является Марух-баши. Самый легкий из известных путей на нее (II-Б), по которому, по-видимому, и было

совершено первовосхождение, проходит по западному гребню, связывающему вершину с Западным Марухом. Выход на гребень возможен с Южно-Марухского ледника.

Водораздельная линия Главного хребта от главной вершины Марух-баши переходит на массив Кара-каи через Южно-Каракайский перевал, не образуя на северной стене пирамиды Марух-баши значительного гребня. Слабо выраженный контрфорс с перевала был использован нашей группой в 1949 г. для восхождения на Марух-баши (III-Б категория)[1]. Вершина не имеет восточных гребней, хотя северо-восточный контрфорс, поднимающийся из цирка Южно-Каракайского притока Западно-Аксаутского ледника, может быть использован для восхождения (III категория). Наконец, с юга по Главному хребту возможно восхождение на Марух-баши через Марухкайский перевал (примерно II категории). Вершина Западный Марух еще не взята. Трудность восхождения на нее с Южно-Марухского ледника и далее по восточному гребню, вероятно, II категории.

Узел Кара-кая

В узле Кара-кая широкой известностью пользуется Главная вершина Кара-каи, одна из высочайших на Западном Кавказе, одиноко возвышающаяся к западу от Аксаута. Обращенная к Домбайскому району юго-восточная сторона этой, в общем чрезвычайно недоступной башни, оказалась удивительно легко проходимой, что и позволило более десяти лет тому назад трем группам совершить восхождения на Главную Кара-каю.

В 1940 г., проходя через перевалы Хутый, Халега и Марухский на Чхалту с группой школы инструкторов ЦДКА и обойдя, таким образом, массив Кара-каи с севера и с запада, хотя и на значительном расстоянии, я обратил внимание на целый ряд неизвестных вершин, большей частью мало уступающих по высоте Кара-кае и Марух-баши. Тогда же и возникла у меня идея обхода массива Кара-каи в непосредственной близости для выяснения

[1] Данное восхождение расценено Классификационной комиссией — IV-А. — Ред.

орографии этого сложного узла, но осуществить не удалось только в 1946 г. с группой значкистов лагеря «Наука». При этом были открыты перевалы: Южно-Каракайский (II-А), Западно-Каракайский (I-Б) и Северно-Каракайский (I-Б).

Более подробно мы изучали вершины Каракайского массива в следующие годы. В 1947 г., при проведении альпиниады Московского университета, мы совершили первовосхождение на самую северную вершину узла, названную нами Северно-Каракайской пилой (II-А, при условии траверса до седловины перед Главной Кара-каей — III-А).

Тогда же мы вдвоем с Н. Булгаковым совершили первовосхождение на Главную Кара-каю с севера. Этот путь IV-Б категории (оценка III-Б, каким-то образом попавшая в классификационную таблицу, является совершенно очевидным недоразумением).

Окончательно разобраться в Каракайском узле удалось лишь в 1949 г., когда нами были взяты вершины — Западная Кара-кая с запада (II-А), Двуушка Главная (Узловая Кара-кая) с юга (III-А) и совершен полный траверс Главной Кара-каи через Северную пилу со спуском на юг (IV-Б).

Массив Кара-кая имеет большую протяженность и включает несколько вершин, значительно отдаленных одна от другой. Вот список этих вершин.

1. Северно-Каракайская пила ..... 3480 м
2. Кара-кая Главная ..... 3890 м
3. Прото-кая ..... 3740 м
4. Дейто-кая ..... 3760 м
5. Двуушка Восточная ..... 3610 м
6. Двуушка Главная (Узловая Кара-кая) ..... 3620 м
7. Кара-кая Западная ..... 3570 м

Высоты Западной Кара-каи и Главной Двуушки определены тщательной барометрической нивелировкой, остальных вершин —

фотозасечками. Наибольшая вероятная ошибка измерения во всех случаях не превышала ± 10 метров.

Собственно водораздельная линия Главного хребта проходит от Марух-баши через Главную Двуушку и Западную Кара-каю к Западно-Каракайскому перевалу. Остальные вершины массива, включая и главную, лежат вне Главного хребта, в его отроге, разделяющем долины Аксаута и Маруха.

Вершины — Прото-кая, Дейто-кая и Восточная Двуушка еще не взяты. Восточная Двуушка может быть взята с траверсированием Узловой, с преодолением разделяющего эти вершины провала или с юга из верхнего цирка Южно-Каракайского ледника (в обоих случаях не ниже III категории). Дейто-кая, эффектная остроконечная башня, может быть взята по юго-восточному ребру с Южно-Каракайского ледника (не ниже III-Б категории). Прото-кая не имеет достаточно безопасных самостоятельных подступов, единственный возможный путь — большой юго-восточный желоб со снежным лавинным полем наверху, слишком камне- и лавиноопасен. В этом мы убедились, посетив его истоми у седловины между Прото-каей и Главной вершиной во время траверса последней. Все седловины между вершинами недоступны снизу. Все вершины Каракайского узла образуют отвесную подковообразную стену, охватывающую верхний цирк Северного Марухского ледника. Любое восхождение по этой стене, за исключением Северно-Каракайской пилы, не ниже V категории.

Полный траверс Каракайского узла, от Северного до Западного Каракайского перевала, несомненно, имеет рекордную трудность. Наиболее серьезные препятствия на пути — провалы и «жандармы» на перемычке Двуушка — Западная Кара-кая. Для этого траверса, продолжительностью до 7 дней, следует предварительно забросить продукты и горючее на Главную Кара-каю и Двуушку.

Восхождения в узлах Кара-кая и Марух-баши

В полдень 26 июля 1949 г. семь участников нашей группы вышли из лагеря у устья Китче-теберды в поход, план которого включал восхождения на Западную Кара-каю, Марух-баши и Двуушку.

Не желая преодолевать брода через Аксаут, мы поднялись по правому берегу вверх по долине и, использовав устроенную нами ранее канатную переправу через Джаловчатский каньон и сосну, поваленную над руслом Аксаута, начали подъем вдоль правого берега речки Каракаики, то продираясь через кусты, то прыгая с камня на камень над каскадами водопада. Перебравшись на левый берег по каменным глыбам, мы начали весьма крутой подъем по травяной лощине, постепенно отходя от потока, а затем идя по склону, заросшему карликовыми соснами и березами.

Далее наш путь пролегал по лугам на запад, где ущелье замыкалось скальной стеной Кара-каи. Когда мы приблизились к языку ледника, наступил вечер.

Переночевав на заросших травой старых моренах (2590 м), с рассветом мы двинулись дальше, вдоль северных (орографически левых) морен ледника по узким снежникам к небольшому снежному цирку, в который впадал ручей. Поднявшись по снежнику, мы вышли в русло ручья, который вскоре вывел нас на другой, меньший ледник, стекающий с перевала. Ясно выраженная перевальная точка, зажатая между скалами Каракайской пилы и группой «жандармов», ориентирует направление подъема. Последние десятки метров проходим по мягким сыпучим скалам из черного шифера. Высота Северно-Каракайского перевала — 3080 м, трудность типична для категории I-Б. Непосредственно на перевале нет хороших бивуачных мест.

Преодолев большой надув снега, сразу за скальной перемычкой перевала, надеваем кошки и двигаемся вниз по довольно крутому открытому леднику, уклоняясь влево для обхода трещин.

Обширный цирк Северно-Марухского ледника (2 900 м) забит снегом, скрывающим трещины. На северо-запад от нас полого спадает очень широкий ледник, и далеко внизу, левее того места, где должен быть его язык, видны пологие плато Марухского перевала. С севера цирк ограничен высоким ровным гребнем из осыпей, на котором расположен перевал Халега.

С востока, юга и запада цирк охвачен подковой громадных гладких скальных стен с редкими прожилками натечного льда. У подножия стен снежные лавинные конусы пересечены подгорными трещинами. Далеко вверху на фоне неба многочисленные узкие провалы разделяют стену на остроконечные пики.

Это всё вершины Кара-кая. Отсюда и только отсюда можно охватить взглядом весь траверс Каракайского узла.

Обходим Западную Кара-каю, траверсируя снежники у ее подножия и продолжая постепенно спускаться, а затем поднимаемся в открывшуюся на юле снежную мульду, которая приводит нас к Западно-Каракайскому перевалу, у подножия массива Западной Кара-каи. На перевале (3000 м) много удобных мест для палаток, рядом сбегает со скал ручей. Трудность перевала I-Б. За ним на юге — глубокий провал, где лежит изломанный ледопадами Южно-Марухский ледник. Над ледником — скальные обрывы Западного Маруха, с которых постоянно идут камнепады. Налево в истоках Южно-Марухского ледника видна седловина Южно-Каракайского перевала, гигантская расселина, образованная крутыми контрфорсами Марух-баши и Двуушки.

Заглянув под обрыв с перевала, я увидел совсем близко несколько крупных серых птиц, поднявшихся со звонким курлыканьем. Это — гарные индейки, улары.

Было только 11 часов утра, и мы решили сегодня штурмовать Западную Кара-каю. Оставив рюкзаки и кошки на перевале, начали подъем по легким скалам на восток. Вскоре над нами появилась отвесная стена темных скал, и мы траверсировали на север с подъемом террасу крупных

осыпей, над которой лежал снежник. Выйдя на более легкое северо-западное ребро, продолжали подъем.

Весь массив здесь состоит из почти белого кристаллического камня; скалы стали круче. Далее мы оказались над отвесными скалами западного ребра, которые обходили в начале восхождения. Выйдя на вершинный гребень над фирном, мы повернули по острому гребню на восток и вскоре достигли вершины.

Кроме склона, по которому мы поднялись, вершина спадает во все стороны совершенно отвесными гладкими стенами. Вид с вершины много дал для изучения гребня Кара-каи и профиля Марух-баши, которые видны отсюда в новых ракурсах.

Утром следующего дня мы начали спуск на юг с перевала. Для этого нужно сначала траверсировать скалы по полкам на восток, а затем крутым скальным желобом спускаться на ледник. Группам, проходящим Западно-Каракайский перевал с целью спуска в долину Чхалты, следует иметь в виду, что ниже ледник пересечен трудным ледопадом, который следует обходить по скалам справа.

Надев кошки, мы повернули на восток и, маневрируя вверх по леднику, достигли подгорной трещины под перевалом. Легко перейдя трещину по снежному мосту, мы вышли на Южно-Каракайский перевал.

Остаток дня был употреблен на отдых и устройство бивуака на высоте 3300 метров. Вода в изобилии имелась на перевале.

Утром 29 июля наша группа разделилась на две части. Четверка во главе с Ю. Широковым должна была штурмовать Марух-баши с севера. Так как для нее было невозможно закончить восхождение за один день, участники подготовились к холодному бивуаку. Вторая группа состояла из автора этих строк и А. Романовича. Нашей задачей было первовосхождение на Двуушку с юга. Тактику нашего восхождения было решено построить на быстроте, поэтому мы выходили легко одетыми, в тапочках, с молотком и

крючьями. Обе группы вышли одновременно, взаимное наблюдение было основано на возможности звуковой и зрительной связи.

Наш путь на Двуушку начинался прямо вверх по крутым и сыпучим скалам средней трудности. Выше все чаще встречались отвесные участки трудных скал, где мы двигались, поочередно выходя вперед, что давало возможность реже менять позиции для страховки. Большого внимания требовало прохождение поясов отвесных сыпучих скал.

На этом восхождении мы еще раз убедились, как удобны тапочки при лазании по сухим скалам. Мы легко проходили места, которые показались бы весьма трудными, если бы участники группы шли в ботинках на триконях. Этому способствовало обилие крутых наклонных плит, встречавшихся на пути, где, вероятно, пришлось бы забивать крючья.

Ближе к вершине склон принял форму круто поднимающегося гребня с несколькими «жандармами». Вот и вершина! За весь подъем, проходивший в хорошем темпе, мы не сделали ни одного продолжительного отдыха.

На фотографирование панорамы, тригонометрические засечки и. записку истрачено ровно пять минут. Осмотрели гребни, идущие к Главной и Западной Кара-кае. «Восточное ухо» Двуушки торчало в нескольких десятках метрах немного ниже нас, отделенное провалом с отвесными стенами. Спуск на перевал закончили в пятом часу вечера. На половине спуска мы слышали слабо донесшееся «ура»! — наши товарищи достигли вершины.

Восхождение на Главную Двуушку мы квалифицируем III-А. По трудности оно отчасти напоминает Переднюю Белала-каю по северному ребру, которое я проходил сравнительно недавно.

В середине следующего дня вернулись с Марух-баши наши товарищи, сильно утомленные трудностями скалолазания и бессонной ночью.

* * *

Вот что рассказывает участница восхождения на Марух-баши Г. Ильичева:

«После первых же шагов по скалам Маруха, мы поняли, что идти нужно очень осторожно вследствие сыпучести скал. Приходилось очень тщательно проверять каждый камень.

От соседних контрфорсов справа и слева наш путь отделяют широкие желоба. По их гладким скалам время от времени со свистом, откуда-то сверху, проносятся камни.

Пологий гребень упирается в отвесную непроходимую стенку. Поэтому мы траверсируем вправо. Здесь скалы рассечены вертикальным полукамином. С большим напряжением поднимаемся по его гладким стенкам, используя трение. Потом переходим влево на отвесные скалы. Несмотря на то, что обе «двойки» (Широков — Кост, Усачев — Ильичева) часто движутся параллельно, подъем идет медленно. Одна скальная стенка сменяет другую, идти можно только с переменной страховкой.

Собравшись вместе, мы внимательно просматриваем склоны Двуушки, по которым поднимаются наши товарищи. Но на крутых рыжих и серых скалах трудно разглядеть маленькую человеческую фигурку.

Очередная нависающая стенка преграждает путь. Широков отправляется на разведку обхода слева по наклонным плитам, но возвращается обратно... обхода слева нет. Теперь уже Усачев пробует обойти стенку справа. Через несколько минут слышим его спокойный голос: «Скверно, но пройти можно!». Действительно скверно: на скалах крутизной около 60° все, за что ни возьмешься, шатается. С удвоенной осторожностью выбираемся на гребень и, пройдя по нему несколько десятков метров, снова подходим к стенке. По крутым гладким плитам траверсируем к основанию узкого наклонного камина, прорезающего нависшую скалу. Медленно выбираемся по нему наверх. Каждая стенка кажется нам последней, но, поднявшись на нее, мы вновь и вновь видим впереди лишь очередной взлет гребня.

Плиты остались внизу, далее узкий гребень представляет собой нагромождение отдельных глыб. Местами он весь просвечивает насквозь.

Перед нами (поднимается гладкая трехметровая отвесная скала. Упершись руками в стенку, самый высокий из нас — Усачев подставляет колено и плечо Широкову. Уцепившись за верхний край скалы, тот подтягивается на руках.

Выбравшись по веревке на верх стенки, мы видим очертания вершинного купола. Еще несколько десятков метров движения по узкому гребню и осыпям — и мы подходим к большому туру. Пять часов вечера. Для того, чтобы преодолеть 500 м по вертикали, потребовалось около 7 часов непрерывной напряженной работы.

Тщательные «раскопки» в туре и под ним приносят разочарование: ни банки, ни записки. Только между плитами сохранилось что-то, напоминающее следы истлевшей бумаги.

Спешить некуда, ночевка на гребне неизбежна, минут сорок отдыхаем на вершине. На юго-восток и на запад уходят очень острые, зазубренные, сыпучие, почти горизонтальные в верхней части гребни. На юг и юго-запад скалы круто обрываются вниз, в закрытую облаками долину Чхалты.

Теперь вниз! Быстро спускаемся до стенки, связываем веревки. Тридцатипятиметровый спуск по веревке приводит к камину. Спустившись по нему, выбираемся на сравнительно пологий участок гребня и после долгих поисков находим площадку для ночлега, величиной примерно с письменный стол, на которой полулежа можно разместиться вчетвером. Оборудуем холодный бивуак: забиваются крючья, расстилаются веревки. С большим энтузиазмом работает А. Кост — для него это будет первая холодная ночевка.

В 8 часов утра, несколько отогревшись, возобновляем спуск. Почти все время приходится опускаться по веревке. На смену ночному холоду приходит жара, особенно неприятная тем, что на всем гребне нет ни капли воды, ни куска льда или снега. Вот уже видны внизу, на снежном плато перевала, фигуры наших товарищей. Вскоре мы начинаем с ними переговоры. Спуск до перевала занял у нас около 6 часов.

На всем пути от перевала до вершины и назад мы не видели следов человека (крючьев, необходимых на этом маршруте, обрывков репшнура и т. д.). Очевидно, до нас никто не поднимался на вершину Марух-баши по северному контрфорсу. Трудность восхождения мы оцениваем III-Б».

Траверс Кара-каи

7 августа 1949 г. наша группа в составе пяти человек вышла на траверс Кара-каи с бивуака на Красной горе у Северно-Каракайского перевала (3080 м).

Красная гора — невысокий, проходимый во всех направлениях отрог Кара-каи, ограничивающий с севера верхний Северно-Каракайский ледник. Для нее характерны красноватые скалы с осыпями; это отличное место для палаточного лагеря; ниже находится маленькое озеро. Впервые это место было использовано нами для бивуака в 1947 г., когда было совершено первовосхождение на Кара-каю с севера. Теперь нам предстояло повторить это восхождение, продолжив его спуском с Главной вершины на юг. Моим заместителем был назначен А. Романович. Восхождение велось двумя связками: со мной шел К. Туманов, в связке Романовича — Л. Усачев и Ю. Широков.

* * *

Привожу ниже описание восхождения, составленное А. Романовичем.

«Спустившись с Красной горы по легким скалам в цирк ледника, мы перевалили на запад через седло Северно-Каракайского перевала и, перейдя небольшую краевую трещину между верхним фирном Марухского ледника и скалам пилы, начали подъем по несложным скалам, траверсируя западный склон пилы. Миновав первую ее вершину, мы вышли сразу на седловину между нею и второй вершиной пилы. С седловины начинаются скалы средней трудности.

С главной — третьей вершины пилы (II-А) открывается вид на цепь остроконечных «жандармов» (зубья пилы), отвесно обрывающихся направо и налево. Над ними вздымается северное ребро Кара-каи.

Первые два «жандарма» обходим справа по довольно трудным скалам. Затем следуют большие трудные «жандармы» с глубокими седловинами, требующие довольно напряженной работы с применением крючьев для страховки. Солнце зашло. Начинает темнеть. При сумеречном свете дотягиваем до последнего «жандарма» пилы. Опускаясь с него, находим старый крюк, забитый нами же в 1947 г. Ночуем на небольшой площадке над седловиной между пилой и северным ребром Главной вершины.

В 8 часов утра все готовы к выходу. Лазание «вверх-вниз» закончилось, крутое северное ребро ведет нас к Главной вершине Кара-каи. Однако до нее еще далеко, и главные трудности впереди.

От места ночевки продолжается лазание по крутым ломким скалам. Приходится соблюдать осторожность, чтобы не спустить камни на идущих ниже. Иногда второй связке приходится, спрятавшись под нависшими скалами, пережидать, пока первая минует опасное место. Но вот начинается самый трудный участок подъема.

Остроконечный гребень дальше имеет отрицательный уклон на запад и состоит из разобщенных плит различной величины. Требуется большая осторожность и тщательная страховка через уступы (на всем стометровом участке не удается забить ни одного крюка).

Круто поднимается вверх непроходимая стена, заканчивающаяся наклонным «ножом» из белого кварца. Предупрежденные Поповым, мы траверсируем метров на 20-25 влево и только после этого начинаем подъем по трудной стене. Ну и местечко: 60-70 м стены с общим уклоном не менее 70°, к тому же здесь довольно много ненадежных камней. Зацепки приходится выбирать особенно внимательно, забиваются крючья.

Наконец, стена пройдена, мы траверсируем вправо. Вот и «нож». Проходим по пятисантиметровой полочке отвесной стены, придерживаясь руками за острый гребень.

Дальше поднимается отвесная, а в верхней части нависающая стена большой башни. Стена рассечена в середине узкой трещиной, по которой в 1947 г. поднимались Попов с Булгаковым. Я выхожу сюда, но лезть по ней с рюкзаком не хочется. После долгого раздумья спускаюсь вниз и, сняв рюкзак, пробую подняться по более широкой трещине слева. Очень трудно, но физическое напряжение здесь меньше, чем при первом варианте. Вскоре вся группа собирается на вершине башни.

Теперь можно отдохнуть. За башней начинается вторая пила, но она легче первой; через час мы достигли Главной вершины. Пять часов вечера.

Вершина оказалась не очень удобной для ночлега: она представлялась снизу куполом, на самом деле — это неширокий гребень. Он сплошь усыпан камнями, оплавленными грозовыми разрядами.

Горизонт на востоке понемногу синеет. Синева распространяется выше, на востоке загораются звезды; свет круглого диска луны стал более ярким.

Солнце зашло. Лежащие далеко внизу облака похожи на море, вспененное и застывшее, освещенное серебристым светом луны. Могучими великанами стоят грозные вершины, пробившиеся сквозь облачный покров. На одной из вершин пятеро советских людей, добившихся своей цели. Есть от чего придти в хорошее настроение!

В восемь часов утра начали спуск на юго-запад по очень острому и ломкому, круто спадающему гребню. Через полчаса пришлось покинуть гребень и немного спуститься налево (небольшие, но острые и ломкие «жандармы» сильно затрудняли движение). Вскоре мы вышли к гладкой белой кварцевой стене, около 70 м высотой.

Пришлось, забивая крючья, устроить два тридцатипятиметровых спуска по веревке, траверсируя стену со страховкой на крюках. Обойдя несколько больших «жандармов», снова вышли на гребень.

К часу дня спустились к седловине между Главной вершиной Кара-каи и Прото-каей, узкому глубокому провалу с гладкими и отвесными

стенами. Ее можно обойти по трудным скалам слева. Прямой спуск вниз на юг был очень труден. Отвесные сыпучие скалы, на которых было трудно найти трещину для крюка, приводили к крутому кулуару, собирающему все камни с гребней Главной вершины и Прото-каи.

Решено было траверсировать стену в восточном направлении. Ветер все чаще и чаще нагонял облака. Уже в сумерках мы увидели внизу снежник. На площадке около него уместилось только трое; обладателям спальных мешков пришлось ночевать на наклонных полочках, вися на крючьях. Лежа в палатке, мы наблюдали разыгравшуюся над Центральным Кавказом грозу.

Утром оказалось, что накануне, в тумане, мы протраверсировали дальше, чем следовало бы; контрфорс, намеченный для спуска, остался позади, и нам пришлось вернуться. При выходе на него неожиданно попали на труднопроходимую стену. Спустившись по веревке, выходим на несложные скалы, но и здесь надо соблюдать осторожность. Один из нас наступил на казавшийся прочным камень. Он пополз вниз, увлекая за собой массу соседних. Быстрый прыжок, и альпинист вне опасности, а вниз в кулуар со страшным грохотом летит целый каменный поток.

Двухчасовой спуск по легким и средним по трудности скалам привел нас к скальной гряде, ограничивающей Восточно-Каракайский ледник. Еще один спуск по веревке, на этот раз на ледник. Отсутствие кошек и ледорубов затрудняет движение по крутому снегу, но все же через два часа мы выходим на травянистые склоны. Вечер застает нас в зеленой долине Аксаута.

Траверс Главной вершины Кара-каи с севера на юго-запад, пройденный за 5 дней (считая подходы), мы оцениваем как маршрут IV-Б категории трудности».

Особенностями района является незначительная высота, свойственная Западному Кавказу, чрезвычайное богатство скального рельефа, достаточно мощные и разнообразные в морфологическом отношении ледники, со-средоточенные на небольшом пространстве.

* * *

Заканчивая краткое описание наиболее интересных узлов Аксаутского района, автор полагает, что его труды и труды его товарищей по походам положат начало систематическому исследованию и спортивному освоению этого интереснейшего уголка Кавказа.

Дальнейшее развитие альпинизма в Аксауте пойдет по путям, свойственным всему советскому высокогорному спорту: пути массовых походов, исследовательских работ, рекордных достижений. Для каждого из них Аксаут открывает большие возможности.

В заключение нам хочется предостеречь от «гастрольных» вылазок на Аксаут с Домбайско-Алибекских баз. Такие вылазки приводили к неудачам. Для серьезного, а не случайного успеха нужно базироваться в Аксаутской долине.

Категории трудности

Маршруты Аксаутского района, утвержденные классификационной комиссией.

Вершины

(в скобках указаны категории, предложенные Н.М. Поповым).

1. Джаловчат с запада — I-Б (II-Б).
2. Джаловчат Малый с востока — II-А (II-Б).
3. Братцы Главная — II-А (II-Б).
4. Аксаут Северный II-Б (III-А).
5. Кара-кая Западная — I-Б (II-А).
6. Кара-кая Узловая — III-А (II.I-А),
7. Кара-кая траверс — IV-А (IV-Б).
8. Марух-баши — IV-А (III-Б).

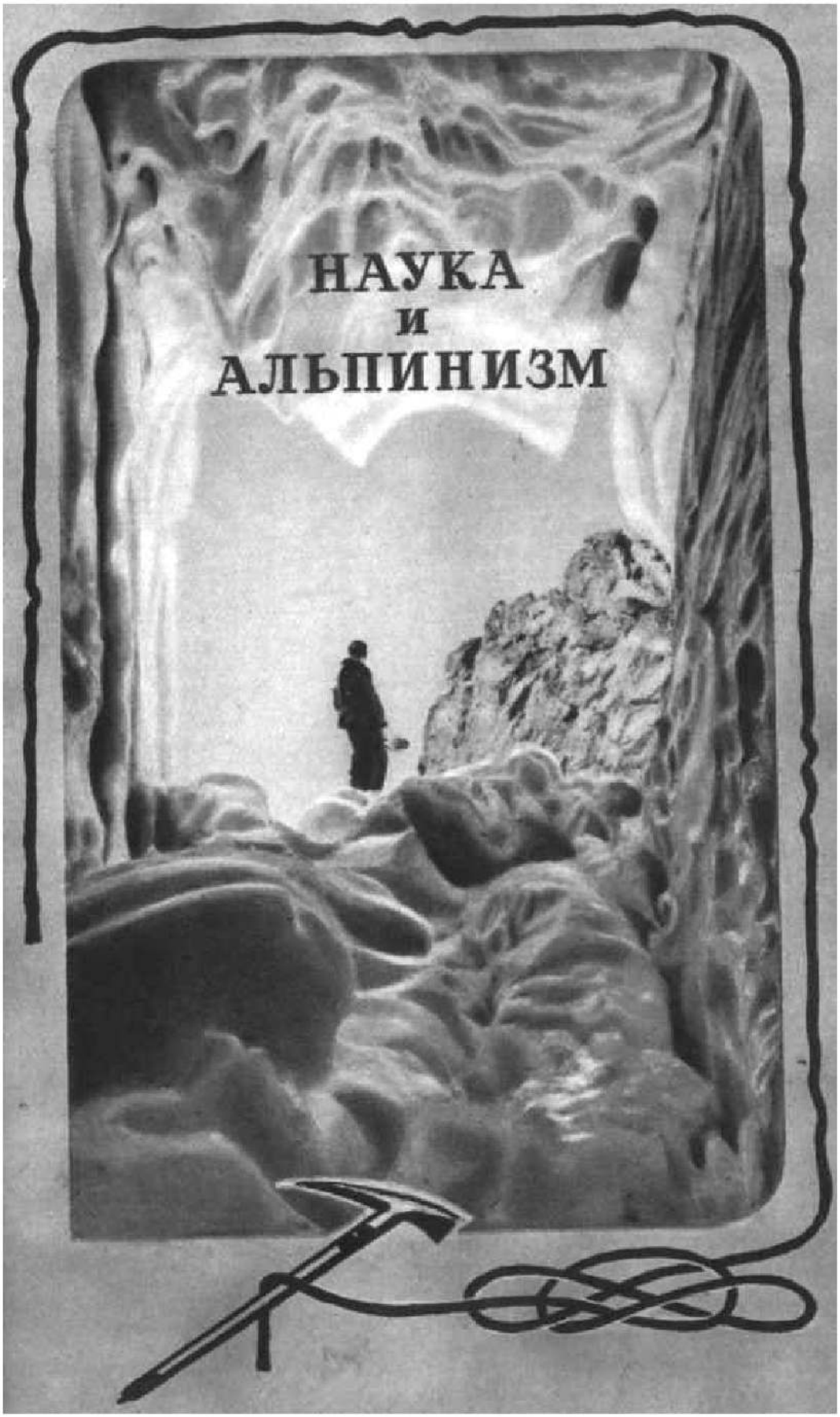
Перевалы

1. Каракайский южный — I-Б (II-А).
2. Аксаутский северный — II-А (II-Б).

Остальные вершины и перевалы, упоминающиеся автором, остались не классифицированными. — Прим. ред.

Крупнейший русский геолог, академик Иван Васильевич Мушкетов, писал: «Гляциологическое изучение немыслимо без известной альпинистской тренировки, отсутствие которой у русских путешественников часто пагубно отражается на успехе их начинаний и вызывало досадные, но справедливые попреки... Надо всячески побуждать и поддерживать учреждение горных обществ и клубов, хотя бы чисто туристского характера, ибо только при их помощи возможна подготовка кадров альпинистов, пользуясь которыми русская наука сможет завоевать пока недоступные для нее снежные громады». Ныне альпинизм стал достоянием многих тысяч людей. Неустанная забота партии и правительства создала все условия для широкого развития высокогорного спорта в СССР. Совершая сотни восхождений, альпинисты вносят свой вклад в изучение горных районов страны, о чем свидетельствуют материалы, публикуемые на страницах «Ежегодника». На фото: грот, обнаруженный альпинистами лагеря «Алибек» в западной ветви Джугутурлючатского ледника. Войдя под арку, скрытую зимними снегами, альпинисты увидели грот, уходящий в глубь этого ледника.

Фото П. ЗАХАРОВА.


НАУКА
и
АЛЬПИНИЗМ

Н.А. ГВОЗДЕЦКИЙ
ОРОГРАФИЧЕСКАЯ СХЕМА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Горная система Большого Кавказа, протянувшаяся поперек всего Черноморско-Каспийского перешейка с запада-северо-запада на восток-юго-восток, определяет географическую специфику всего Кавказа. Высоты Большого Кавказа значительно превосходят Южно-Кавказское нагорье[1]. Высокий горный барьер Большого Кавказа обусловливает климатические и ландшафтные различия территорий Северного Кавказа и Закавказья. Без Большого Кавказа ландшафты всего Черноморско-Каспийского перешейка были бы совершенно иными. Грузинское название «Кавкасиони» относится именно к Большому Кавказу. От названия этой горной системы произошло и название всей страны Кавказ, территории Черноморско-Каспийского перешейка, простирающейся от Кумо-Манычской впадины на севере до долины Аракса и западной оконечности иранского хребта Эльбурс на юге.

Большой Кавказ часто называют Кавказским хребтом. Эти два названия считаются синонимами, хотя, в действительности, Большой Кавказ представляет собой не единичный хребет, а довольно сложную горную систему из целого ряда горных цепей, хребтов и отрогов, поднимающихся на одном общем возвышенном остове (цоколе).

Большой Кавказ имеет длину около 1100 км. Ширина горной системы различна. У западной оконечности, близ Новороссийска, она не превышает 32 км. К востоку ширина увеличивается и в районе Эльбруса достигает своего максимума — почти 180 км. На меридиане Дзауджикау Б. Кавказ суживается до 110 км, вновь затем расширяясь в Дагестане до 160 км.

[1] Северные и северо-восточные окраинные цепи Южно-Кавказского нагорья часто называют Малым Кавказом, а иногда Антикавказом. Внутренние области Южно-Кавказского нагорья представляют часть обширного Армянского нагорья, заходящего в пределы Турции и Ирана.

Площадь горной системы составляет около 145 тыс. кв. км (И. Щукин, 1926, стр. 26).

Характерной особенностью Б. Кавказа является зависимость направления основных орографических линий[1] от простирания геологических структур. Именно, благодаря особенностям геологического строения, большинство орографических линий, выделенных на нашей схеме как основные (см. чертеж), протягивается с запада-северо-запада на восток-юго-восток, имея, как говорят, «общекавказское» простирание (соответствующее простиранию всей горной системы). Не являясь даже водоразделами значительных рек, они подчас на местности выделяются более резко, более отчетливо, чем поперечные хребты, составляющие водоразделы рек, стекающих по покатостям северного и южного склонов горной системы в разные стороны от ее главного водораздела.

Осевую часть горной системы составляют два хребта: так называемый Главный или Водораздельный хребет и сопровождающий его с севера Боковой хребет. Вместе они являются как бы позвоночным столбом орографического скелета Б. Кавказа.

Водораздельный хребет представляет собой сплошную горную цепь. Боковой же хребет имеет иной характер. В Центральном и Восточном Кавказе его составляет ряд массивов и коротких хребтов, располагающихся в общем на одной линии, параллельно Водораздельному хребту и поднимающихся иногда (а в восточной половине, как правило) выше соседних участков гребня Водораздельного хребта. Отдельные отрезки Бокового хребта разобщены узкими горными ущельями. Вместе с тем, они связаны поперечными перемычками с Водораздельным хребтом. Эти поперечные перемычки служат водоразделами между верховьями рек северного склона горной системы. Они обычно несколько снижены по сравнению с Водораздельным и массивами Бокового хребтов, благодаря чему

[1] Линии горных хребтов, или цепей, иногда сплошных, иногда разрезанных поперечными ущельями и слагающихся из отдельных звеньев, расположенных по одной линии.

последний, несмотря на расчлененность горными ущельями, орографически выделяется довольно отчетливо. В Западном Кавказе, к западу от Эльбруса, Боковой хребет носит в общем такой же характер, но там его звенья имеют меньшие высоты, чем Водораздельный хребет. В.Н. Робинсон в работах по геологии Западного Кавказа называет Боковой хребет Передовым хребтом[1].

Линию Главного или Водораздельного хребта обычно протягивали от одной оконечности горной системы до другой, именно от района севернее города Анапы до горы Ильхи-даг (Д—XIII — 2)[2] у устья р. Сумгаит-чай в Восточном Кавказе. Однако в западном отрезке Б. Кавказа, называемом Черноморской цепью или Черноморским Кавказом, нет единого хребта, служащего водоразделом рек северного и южного склонов горной системы. Там имеется несколько более или менее равноценных параллельных хребтов, причем главный водораздел рек северного и южного склонов в разных участках переходит с одного хребта на другой по пониженным поперечным, перемычкам, в зависимости от того, верховье реки какого склона врезалось глубже внутрь горной системы. В силу таких особенностей орографии для этого отрезка Б. Кавказа трудно говорить о Главном или Водораздельном хребте.

Восточнее известнякового массива с вершинами Фишт и Оштен (Б-III-1 и 2) главный водораздел более или менее выражен орографически, но далее к востоку осевая полоса горной системы пропиливается р. Березовой (правым истоком р. Белой) и, с наиболее высокого продольного гребня, совпадающего с полосой самых древних горных пород (т.е. с геологической осью горной системы), главный водораздел временно переходит на передовой хребет геологической зоны «южного склона», возвращаясь снова на наивысший («осевой») продольный гребень уже у вершины Чугуш (Б-IV-1).

---

[1] Л.С. Берг (1936, стр. 78-79) название «Боковой хребет» вообще считает неудачным, ничего не говорящим (не значащим) и предлагает заменить его названием «Передовой хребет» для всей горной системы. Нам думается, что название «Передовой» обычно ассоциируется с представлением о более низком хребте, поднимающемся впереди главного, наиболее высокого, поэтому для Бокового хребта Центрального и Восточного Кавказа оно не подходит.

[2] Клетка и номер вершины на нашей орографической схеме.

Только от этой вершины главный водораздел получает вполне отчетливое орографическое выражение, являясь целостным высоким хребтом, сложенным древнейшими породами. Район вершины Чугуш и следует считать началом Водораздельного хребта, к которому в Западном Кавказе вполне подходит также название «Главный», поскольку сопровождающий его с севера Боковой хребет имеет меньшие высоты. Очень отчетливо выражен Водораздельный или Главный хребет и далее к востоку — в Центральном Кавказе, до ущелья р. Ардон, хотя здесь, как говорилось выше, звенья Бокового хребта иногда превышают Водораздельный хребет.

Главный хребет пропиливается верховьем реки Ардон, вследствие чего происходит смещение к югу главного водораздела горной системы: через перемычку с Мамиссонским перевалом (В — VII — 7) водораздел переходит на следующую цепь, геологически принадлежащую уже к зоне «южного склона» и имеющую меньшие высоты, чем массивы осевой полосы. Начиная отсюда и до вершины Базар-дюзи (Г—XI—5) в Восточном Кавказе, хребет, занимающий осевую полосу горной системы, имеющий максимальные высоты и являющийся прямым продолжением Главного хребта западной половины Б. Кавказа, неоднократно пропиливается верховьями рек северного склона (Терека, Ассы, Аргуна, истоков Сулака, Самура), а главный водораздел проходит по протягивающейся южнее более низкой цепи. Следовательно, Водораздельный хребет восточной половины Б. Кавказа по отношению к Водораздельному хребту западной его половины является иной орографической линией[1], при этом термин «Главный» к нему уже не подходит, поскольку он значительно ниже массивов Бокового хребта[2]. Боковой же хребет восточной половины Б. Кавказа служит прямым

[1] Его западным продолжением служит передовой хребет южного склона, протягивающийся на запад-северо-запад от г. Козы-хох (В—VII—13), разрезаемый верховьем Риона, на котором за ущельем Риона поднимается вершина Шода (В—VII—12).

[2] Хорошо было бы, если бы альпинисты учли это замечание. В табл. «Перечня первовосхождений» (П.С. Рототаев, 1949) Водораздельный хребет восточной половины Б. Кавказа всюду назван «Главным Кавказским», а на схемах (№№ 3 и 4) выделен наиболее жирной линией. На нашей схеме, где толщина линии дана в зависимости от высоты хребтов (более и менее 3000 м), картина как раз обратная.

продолжением Главного или Водораздельного хребта западной половины горной системы[1].

К востоку от вершины Базар-дюзи Водораздельный хребет занимает господствующее положение, здесь он поднимается выше соседних массивов Бокового хребта. За вершиной Баба-даг (Г — XII — 2) он быстро снижается, распадаясь при этом на ряд ветвей. За главную ветвь, называемую Каспийской цепью, принимается хребет, оканчивающийся у г. Ильхи-даг (Д — XIII — 2).

Выше не раз употреблялись названия: «Западный Кавказ», «Центральный Кавказ», «Восточный Кавказ». Границами между этими тремя главными частями Б. Кавказа сейчас обычно считаются сечения, проходящие через массивы Эльбруса и Казбека.

Между Эльбрусом и Казбеком располагается наиболее высокая и наиболее оледенелая центральная часть горной системы. Многие вершины, поднимающиеся на Водораздельном и Боковом хребтах, имеют здесь более 5000 м абсолютной высоты (Эльбрус западный и восточный, Шхара западная и восточная, Дых-тау, Коштан-тау, Казбек, Джанги-тау северо-западная и юго-восточная). Около 15 вершин превосходят своей высотой высшую точку Западной Европы — Монблан (4810 м). Языки некоторых ледников имеют длину более 12 км (Дых-су, Безинги или Уллу-чиран, Караугом — на северном склоне, Лекзыр и Цаннер на южном склоне, в Сванетии).

Западный Кавказ, даже в отрезке, примыкающем к Эльбрусу, имеет меньшие высоты, чем Центральный Кавказ. Только одна вершина — Домбай-ульген в истоках Теберды, поднимается выше 4000 м над уровнем моря, остальные же не достигают этой высоты. Несмотря на это, оледенение Западного Кавказа значительное, хотя ледники и уступают по своим размерам ледникам Центрального Кавказа. Значительное развитие

[1] Не случайно в альпинистской литературе гребень с вершинами — Тепли, Архон, Джимарай-хох (Гимарай-хох), Казбек часто относят к Главному Кавказскому хребту (см., например, И.М. Найдич и Г.М. Ильичева, 1948). В географической литературе такое представление не принято, во избежание путаницы лучше от него отказаться. Названный гребень представляет собой первое звено Бокового хребта восточной половины Б. Кавказа.

современного оледенения объясняется влажностью климата и низким положением снеговой линии (2800-3200 м). В твердых кристаллических пародах прекрасно сохранились древние горноледниковые формы. Как и в Центральном Кавказе, очищенные от снега днища древних ледниковых цирков (каров) заполнены ныне водами живописных высокогорных озер.

Детальные исследования форм рельефа и других следов древнего оледенения позволяют расшифровать картину постепенного убывания ледникового покрова в конце четвертичного периода (Г.К. Тушинский, 1949).

Восточный Кавказ выше, чем Западный. Здесь многие вершины поднимаются выше 4 000 м. Высшими точками являются Тебулос-мта (4494 м, В — IX—3) на Боковом хребте и Базар-дюзи (4480 м, Г — XI — 5) — на Водораздельном[1].

Несмотря на большие высоты, Восточный Кавказ является менее оледенелым, чем Западный. Это связано с большей континентальностью климата и с значительной высотой снеговой линии, которая находится здесь на отметках свыше 3500 и до 3800-3900 м (С.В. Калесник, 1937, стр. 32-33; И.П. Герасимов и К.К. Марков, 1939, стр. 180), т.е. иногда на целый километр выше, чем на Западном Кавказе. Современное оледенение Восточного Кавказа проявляется в отдельных разрозненных центрах, приуроченных к наиболее высоким горным массивам.

Древние горно-ледниковые формы в сравнении с Западным Кавказом сильнее разрушены, поскольку юрские глинистые сланцы, слагающие хребты Восточного Кавказа, легче выветриваются и более подвержены размыву. Высокогорные каровые озера, столь типичные для Западного и Центрального Кавказа, здесь почти не встречаются (И. Щукин, 1926, стр. 119), они спущены врезавшимися в днища древних каров верховьями эрозионных долин.

---

[1] Против вершины Базар-дюзи, на линии Бокового хребта, поднимается высокий платообразный массив Шах-дага (Г—XII—1). В табл. «Перечня первовосхождений» (П.С. Рототаев, 1949, стр. 558) он причислен к «Главному Кавказскому», т.е. к Водораздельному, хребту ошибочно. На приложенной к его таблице схеме (№ 4) орография района вершин Базар-дюзи и Шах-даг показана совершенно неправильно.

Все же следы древнего оледенения в рельефе сохранились настолько хорошо, что позволяют, как и в Западном Кавказе, установить несколько стадий отступания ледников и уменьшения ледниково-фирнового покрова при постепенном повышении снеговой линии в конце четвертичного периода (Н.А. Нагинский, 1948, 1949).

Хочется обратить внимание альпинистов на значительно меньшую изученность высокогорных массивов Восточного Кавказа в сравнении с Западным и Центральным Кавказом. Работы, специально посвященные отдельным высокогорным массивам Восточного Кавказа, в научно-географической литературе представляют редкое исключение (О.М. Знаменская, 1936; А.В. Пастухов, 1894). Между тем, основное поле деятельности альпинистов на Кавказе представляют районы Западного и Центрального Кавказа[1]. В этом вопросе мы целиком присоединяемся к высказыванию Л.И. Маруашвили (1949, стр. 117), но не можем не отметить, что перечисленные в его статье восхождения относятся все еще к Центральному Кавказу (часто посещаемый Казбек расположен восточнее вершин Зекара и Халаца, а он, как отмечено выше, заканчивает собою Центральный Кавказ)[2].

Отчеты о высокогорных исследованиях альпинистов в Восточном Кавказе, для которых, мы надеемся, найдется место в следующих выпусках «Ежегодника», могли бы представить не малый географический интерес.

По топографическим, геолого-геоморфологическим и физико-географическим особенностям осевая часть Б. Кавказа может быть расчленена на 5 отрезков с 13 более мелкими подразделениями. Названия этих отрезков и границы показаны на таблице. На ней же показано соотношение нашего разделения с делениями других авторов

[1] Классификационная таблица вершин и перевалов в книге Б. Кудинова (1949, стр. 90-113), а также перечень вершин и перевалов в книге П.С. Рототаева и И.В. Юхина (1947, стр. 124-126) содержат только объекты Западного и Центрального Кавказа. Классификационная таблица «Ежегодника» (1949, стр. 493) содержит данные и по Восточному Кавказу, но очень неполные в сравнении с Западным и Центральным Кавказом.

[2] Аналогичная неточность имеется в книге Ал. Малеинова (1948, стр. 94-95), где Казбек (кстати, дана транскрипция «Казбек», узаконенная только для селения по Военно-Грузинской дороге) рассматривается при обозрении Центрального Кавказа, в то время как в разделе «Восточный Кавказ» речь идет о Южной Осетии.

(Михайловского, Мерцбахера, Деши). Обоснование границ и характеристику выделенных отрезков читатель найдет в специальной работе (Н.А. Гвоздецкий, 1948).

Хребты осевой полосы Б. Кавказа — Водораздельный и Боковой — окаймляются целым рядом передовых цепей и гряд, как правило, более низких.

В строении этих передовых хребтов как на северном, так и на южном склоне горной системы во многих случаях большую роль играют известняки, а иногда гипсоносные породы, благодаря чему здесь широко распространены явления карста (Н.А. Гвоздецкий, 1947). Районы распространения карстовых форм часто составляют сплошные полосы, окаймляющие высокогорную область Б. Кавказа.

Для орографии северного склона горной системы в Западном и Центральном Кавказе наиболее характерно наличие ряда резко асимметричных гряд общекавказского простирания, с крутым и обрывистым южным (юго-юго-западным) откосом и пологой покатостью с северо-северо-восточной стороны. Гряды эти выделились благодаря размыву серии осадочных пород, наклоненной в одну сторону и представляющей собой чередование более стойких (преимущественно известняков) и менее стойких, т.е. легче поддающихся размыву (песчанистых, глинистых) свит. На поверхности стойких пластов выделились плоские, полого наклоненные плато, обрывающиеся в обратную сторону крутым уступом. Такие гряды в геоморфологической литературе называются куэстами.

Поперечными ущельями рек бассейнов Кубани, Кумы и Терека гряды куэст разрезаны на отдельные массивы, имеющие характер плоских, сравнительно слабо наклоненных плато на западе и коротких с острым гребнем, хотя и резко асимметричных, хребтов на востоке[1].

[1] В районе Ардона односторонний наклон пластов осложняется надвигами, а в районе Терека также и складчатостью. Там передовые цепи являются уже не типичными куэстами, а структурно-тектоническими уступами.

Самая южная из куэстовых гряд имеет наибольшую высоту. Высшие точки ее в Центральном Кавказе поднимаются более чем на 3000 м над уровнем моря (г. Кара-кая — 3610 м, Б — VII — 5). Благодаря высокому скалистому (известняковому) обрыву с южной стороны, она получила название Скалистого хребта. Массивы Скалистого хребта в Центральном Кавказе в ледниковые эпохи четвертичного периода подвергались значительному оледенению.

Следующая к северу куэстовая гряда, отрезками которой, между прочим, являются хребты Боргустан и Джи-нал, поднимающиеся над курортом Кисловодск, имеет меньшие высоты (до 1200-1500 м). Эту гряду там, где она одета лесом, вместе с более северной и еще более низкой облесенной куэстовой грядой называют Черными горами. Иногда же ее называют Пастбищным хребтом, так как в значительной части гребень ее лишен леса и покрыт лугами; но это название неудачно, ибо главные пастбища северного склона Большого Кавказа располагаются на плато Скалистого хребта. Ни название Черные горы, ни название Пастбищный хребет не может быть распространено на всю куэстовую гряду, поскольку гребень ее то лесист, то безлесен.

Из карстовых форм области куэст очень интересно популярное среди туристов озеро Церик-кёль «ли Голубое озеро, расположенное в долине Черека. Это озеро представляет собой мощный карстовый источник, котловина озера разработана восходящими под напором (артезианскими) водами. При небольшой площади (235×125 м) оно имеет весьма значительную глубину (258 м), являясь одним из наиболее глубоких озер нашей страны и уступая по глубине, вероятно, только Байкалу, Каспию, Иссык-кулю, Сарезскому озеру на Памире и Телецкому на Алтае. В окрестностях этого озера имеются грандиозные карстовые воронки типа провалов (одна из них имеет глубину до 177 м).

ДЕЛЕНИЕ ХРЕБТОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Деление автора
Главные отрезки осевой полосы Б. Кавказа
Части отрезков
Крестовый пер. и Дарьяльск. ущ. Терека
Восточный Кавказ
IV
Хевсуро-Дагестанский Кавказ
V
Каспийский Кавказ
1
Ассино-Арагунские или Хевсурские горы
г. Б. Барбало и Зно
2
Тушинские горы
Кодорский пер. и Андийск. Койсу
3
Сулако-Самурские горы
Салатавский пер.
4
Ахты-Кусарские горы
Дибрарский пер. на восточн. склоне горы Баба-даг
1
Пирсагат-Гильгинские горы
г. Дибрар
2
Сумгаитские горы
Деление Михайловского (1894)
Дарьяльск. ущ. Терека
6
Хевсурские Альпы
Пер. Анатори
7
Алазанские Альпы
Салатавский пер.
8
Самурские Альпы
Седл. п. вост. от г. Баба-даг
9
Каспийская цепь
Деление Мерцбахера (1901)
Дол. Терека и Арагвы
III. Восточный Кавказ
1. Хевсурские Альпы
г. Б. Барбало
2. Тушинские Альпы
Кодорский пер.
3. Дагестанские Альпы
г. Сары-даг
4. Самурские Альпы
Дибрарский перевал вост. скл. г. Баба-даг
5. Каспийская цепь
Деление Деши (1907)
Крестовый пер.
III. Восточный Кавказ
1. Хевсурские Альпы
Пер. Андаки
2. Тушинско-Чеченские Альпы
Кодорский пер.
3. Дагестанские горы
Перевальн. седл. вост. г. Баба-даг
4. Каспийская цепь

В Дагестане северный склон Б. Кавказа сильно развит; хребты, образующие его, занимают обширное пространство.

Перед Водораздельным хребтом и высокими массивами Бокового располагается целая горная страна, имеющая сложную схему орографии и почти замкнутая хребтами Андийским и Салатау с севера, Гимринским и другими хребтами Сулако-Каспийского водораздела с востока.

Область внутреннего горного Дагестана рассекается четырьмя Койсу, истоками Сулака. В верховьях этих рек располагается сложно расчлененная эрозией полоса темных глинистых сланцев, при слиянии же Койсу большое значение получают известняки, создающие плоские плато в осевых частях «коробчатых» складок[1] и несимметричные хребты на их крыльях. За большой дугой Андийского — Салатау — Гимринского хребтов, т.е. во внешнем Дагестане, формы рельефа более округлые, мягкие.

Уже среди степных равнин Предкавказья, к югу от широтного отрезка течения Терека поднимаются сложенные третичными породами антиклинальные Терский и Кабардино-Сунженский хребты. Прорыв Кабардино-Сунженского хребта рекой Терек можно наблюдать из окна вагона, подъезжая по железной дороге к ст. Дарг-Кох.

Из окна вагона великолепно видны также островные горы Минераловодской группы, поднимающиеся при слиянии Кумы и Подкумка в окрестностях Пятигорска. Горы эти то простой куполообразной, то довольно причудливой формы (отсюда их названия — Бык, Верблюд и др.), в большинстве своем являются лакколитами, т.е. массивами, образовавшимися благодаря внедрению магмы в верхние толщи земной коры, при котором магма не вылилась на поверхность, а застыла под слоями осадочных пород, приподняв их в виде купола. На многих лакколитах осадочный покров уже смыт и их кристаллическое ядро обнажено. Есть здесь и дайки — узкие стенообразные массивы, образованные магмой, заполнившей когда-то трещины в осадочных породах и обнажившейся

[1] Складки, имеющие широкий уплощенный свод и круто падающие крылья.

позднее, когда осадочные породы были смыты. Такова, например, гора Кинжал, поднимающаяся у курорта Кума-горск близ ст. Минеральные Воды.

Южный склон Б. Кавказа «короче» северного, хотя и здесь, особенно в западной половине горной системы, перед Водораздельным хребтом поднимается целый ряд массивов, хребтов и гряд.

На западе располагаются хребты, тянущиеся от Водораздельного хребта к юго-западу и западу в сторону Черного моря. Эти хребты, часто сами по себе сложно построенные, имеют отроги и разбиваются на ряд массивов. Хребет, подходящий между реками Мзымтой и Бзыбью вплотную к морю, называют Гагринским. Дальше к востоку следуют — Бзыбский, Кодорский, Сванетский, Лечхумский, Рачинский хребты и, наконец, Сурамский, являющийся водоразделом бассейнов Черного и Каспийского морей. Отдельные массивы и участки этих хребтов, а также их отроги, имеют отчетливо выраженное общекавказское простирание. Наиболее высокий Сванетский хребет, оледенелый, достигающий в вершине Лайла (В — VI — 1) 4006 м, замыкает с юга котловину верховья Ингура, т.е. Верхнюю Сванетию. Остальные хребты ниже (2000-3000 до 3309 м), но имеют древние горно-ледниковые формы и во многих местах поднимаются значительно выше границы распространения лесной растительности.

Многие из перечисленных хребтов Западного Закавказья — Гагринакий, Бзыбский, Рачинский, отроги Кодорского и Сванетского — в значительной части сложены сильно закарстованными известняками. Геоморфологами здесь выделяется особая карстовая область с карровыми полями среди альпийских лугов, а иногда и под пологом леса, с воронками, котловинами, колодцами, сталактитовыми пещерами, исчезающими под землей и вновь появляющимися из пещер на поверхность реками.

К востоку от Сурамского хребта располагаются отходящие на юг и юго-восток от Водораздельного быстро понижающиеся Кахетинский и Карталинский хребты. Еще восточнее «южный склон, образованный здесь

продольным сбросом[1], отличается значительной крутизной и почти без отрогов поднимается стеною над аллювиальными равнинами долин Алазани и Куры» (И. Щукин, 1926, стр. 28). Здесь особенно резко проявляется асимметрия северного и южного склонов горной системы, прекращающаяся только в самой восточной оконечности Б. Кавказа, где происходит ветвление Водораздельного хребта.

Сложность орографического построения Большого Кавказа вызывает исключительное разнообразие физико-географической обстановки в разных его частях.

ЛИТЕРАТУРА

Берг Л.С. Рельеф Сибири, Туркестана и Кавказа. Ученые записки МГУ, вып. 5, география, 1936.

Гвоздецкий Н.А. Карстовые области Большого Кавказа. Тезисы докладов Молотовской карстовой конференции, 1947.

Гвоздецкий Н.А. О разделении осевой зоны Большого Кавказа. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 80, вып. 2, 1948.

Герасимов И.П. и К.К. Марков. Ледниковый период на территории СССР. Труды Института географии Академии наук СССР, вып. XXXIII, М.-Л., 1939.

Знаменская О.М. Оледенение Богосского хребта. Труды ледниковых экспедиций 2 МПГ, вып. V, Кавказ, Ледниковые районы, 1936.

Калесник С.В. Горные ледниковые районы СССР. Л.-М., 1937.

Классификационная таблица вершин СССР на 1 января 1949 г. «Побежденные вершины». Ежегодник советского альпинизма, год 1949.

Кудинов Б. Ф. Альпинистские лагери профсоюзов СССР. Профиздат, М., 1949.

[1] Строго говоря, здесь имеет место не просто сброс, а более сложное тектоническое соотношение. От Сигнахи до Куткашена «фронтальная часть» тектонической зоны южного склона погребена под покровом континентальных верхнетретичных и четвертичных отложений, на которые при четвертичных тектонических движениях был надвинут складчатый комплекс юрских сланцевых свит Б. Кавказа, что отразилось в образовании пологой складчатости молодых континентальных отложений (В.П. Ренгартен, 1939, стр. 420).

Малеинов А.А. Лыжные походы в горах. Издательство «Физкультура и спорт», М., 1948.

Маруашвили Л.И. На сланцевом Кавказе. «Побежденные вершины». Ежегодник советского альпинизма, год 1949.

Найдич И.М. и Г.М. Ильичева. От Эльбруса до Казбека. С прилож. «Схемы юбилейного траверса Главного Кавказского хребта». «Побежденные вершины». Ежегодник советского альпинизма, год 1948.

Нагинский Н.А. Вюрмское оледенение Дагестана. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 80, вып. 2, 1948.

Нагинский Н.А. Кары Дагестана. «Природа», № 9, 1949.

Пастухов А.В. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-даг. Землеведение, т. 1, кн. 2, 1894.

Ренгартен В.П. Общий очерк тектоники Кавказа. Труды XVII сессии Международного геологического конгресса 1937 г., т. II, М., 1939.

Рототаев П.С. Перечень первовосхождений. Сборник «К вершинам советской земли», М., 1949.

Рототаев П.С. и И.В. Юхин. Альпинизм. Техника передвижения в горах. «Физкультура и спорт», М., 1947.

Тушинский Г.К. Современное и древнее оледенение Тебердинского района. «Побежденные вершины». Ежегодник советского альпинизма гол 1949.

Щукин И.С. Очерки геоморфологии Кавказа, ч. I, Большой Кавказ. Труды НИИ географии 1 МГУ, вып. 2, М., 1926.

Н.Н. СИРОТИНИН
ГОРНАЯ БОЛЕЗНЬ И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА

Начало знакомства человека с горной болезнью теряется в глубокой древности. Древнегреческая легенда рассказывает, как охотник, гоняясь за ланью, заходит далеко в горы. Здесь его охватывает особое ощущение, подобное чувству нирваны, и он засыпает. В описании этого состояния нетрудно увидеть признаки горной болезни, связанной с предшествующим утомлением.

В сказаниях народов Кавказа также можно найти указания на это заболевание. В осетинских легендах вершина Казбека не доступна для простых смертных. При восхождении на нее развивается особое состояние: людей охватывают чары горы, мешающие им подниматься выше. Эти чары гор знакомы всем жителям высокогорных местностей. Наряду с легендами, уже в древней истории мы находим прямые указания на действие разреженной атмосферы. Древние греки считали, что на вершине Олимпа воздух так редок, что при восхождении на нее трудно дышать (хотя для горы высотой в 2973 м это мало правдоподобно. — Ред.). Давно была известна горная болезнь и на Востоке, где она называется «тутек». Этим термином обозначают здесь также состояние лошади, задыхающейся во время бега.

Точные описания горной болезни мы находим значительно позднее, после установления путей через высокие перевалы и завоевания больших вершин. Естественно, что это произошло в тех местах, где выше всего проходят горные пути, опять-таки на Востоке. Так, одно из первых упоминаний горной болезни мы находим у Мурзы Хай-дера (XVI в.), который называет это состояние «дам гари», объясняя его действием особых ядовитых выделений из скал. Для лечения этой болезни Мурза Хайдер разумно советует, как можно скорее спуститься в крепость или в ближайшее селение.

Европейцы ознакомились с горной болезнью по мере развития горных путей в связи с расширением потребности в рынках сбыта, а также по мере завоевания отдельных вершин исследователями, альпинистами.

Особенно подробно были описаны симптомы горной болезни после путешествий по горным вершинам Южной Америки. Тогда же появилось и самое выражение «горная болезнь» (1590 г.). С возникновением селений на больших высотах, где началась добыча руды, горная болезнь становится частым патологическим явлением. В Перу она получила название «сероче», у чилийцев — «пуна». Целый ряд исследователей связывает причины ее появления с пониженным атмосферным давлением.

Иначе объяснил ее происхождение известный естествоиспытатель Соссюр, испытавший ее на себе и наблюдавший течение болезни у своих спутников во время известного восхождения на Монблан в 1787 г. До этого Соссюр также считал, что это болезненное состояние вызывается пониженным атмосферным давлением, но после своего восхождения пришел к более справедливому заключению, что причина в недостатке кислорода на горных высотах. В 1820 г. русское правительство командировало на Монблан петербургского врача Дюгамеля с целью исследовать количество угольной кислоты в воздухе, выдыхаемом на вершине. Несчастный случай помешал русскому ученому осуществить свои наблюдения. Но мы видим, что уже 130 лет назад наша отечественная наука ставила вопрос о связи горной болезни с количеством выдыхаемой угольной кислоты.

Последующие исследования болезненного состояния при пониженном атмосферном давлении проводились главным образом в лабораторных условиях и в меньшей степени — в горах.

Много было сделано по изучению высотной болезни русскими исследователями. А. Католинский еще в 1862 г. писал в своей монографии о действии разреженного и сгущенного воздуха на организм человека. Щелков исследовал газы крови в норме, а Н. Афанасьев (1872 г.) и С.И. Чирьев (1874 г.) изучали нарушение обмена при недостатке кислорода. Основоположник

материалистической школы физиологии И.М. Сеченов много поработал над вопросами о газовом составе легочного воздуха и угольной кислоты крови, которая играет существенную роль в последствиях кислородного голодания. Первым с точки зрения физиологии великий ученый разобрал причину трагической гибели Сивеля и Кроче-Спинелли во время их полета на аэростате «Зенш» в 1874 г. В.М. Пашутин, основатель патологической физиологии в России, в течение ряда лет вместе с своими сотрудниками изучал кислородное голодание и тем пробудил интерес к этой области не только среди патологов, но и среди физиологов, главным образом школы Ивана Петровича Павлова. Дальнейший обзор отечественной литературы по кислородному голоданию на высотах изложен М. В. Раскиным в его статье «Физиология альпинизма»[1].

Первые отклонения от нормы на горных высотах могут появляться очень рано. Так, уже на высоте 900 м (Кисловодск) у некоторых лиц может возникнуть сонливость, преждевременная усталость и головные боли после физической работы. Болезни сердца и дыхательных путей сильно способствуют появлению этих патологических симптомов. Наиболее раннее учащение пульса может иметь место уже на высоте в 1000 м. Несколько чаще подобное состояние возникает на высоте 2000 м. На этой же высоте может наблюдаться, наряду с небольшим учащением пульса, также учащение дыхания. Последнее у некоторых лиц может иметь тенденцию к периодическому типу дыхания, который выражается в учащении, сменяющемся затем белее редким дыханием. Однако, как правило, эти явления наблюдаются с увеличением высоты.

На высоте 3000-3500 м атмосферное давление равняется 526-493 мм, соответственно этому падает и парциальное давление кислорода, в результате чего альвеолярное напряжение кислорода[2] уменьшается со 100 до 64-57 мм ртутного столба. По данным Г.Е. Владимирова и его сотрудников,

[1] «Побежденные вершины», год 1948. Ежегодник советского альпинизма, Географгиз, 1948, стр. 391.
[2] Количество кислорода, находящегося в альвеолах легких.

на высоте «Старого Кругозора» Эльбруса (3000 м) оно равняется даже 28 мм. Организм приспосабливается к недостатку кислорода за счет увеличения минутного объема дыхания. Это увеличение в большинстве случаев наблюдается за счет частоты дыхания, значительно реже за счет глубины без изменения частоты, еще реже наблюдается даже более редкое, но более глубокое дыхание; для части случаев оно продолжает оставаться нормальным. На высоте 3000 м может более четко выявляться периодический тип дыхания. Ограничение легочной поверхности вследствие различных заболеваний, естественно, усиливает кислородное голодание на высоте. При малом поражении легких этот дефект может не оказать существенного влияния на изменение дыхания.

Явления со стороны сердечно-сосудистой системы обычно выражены несколько сильнее, чем со стороны дыхания. На высоте 3000-3500 м пульс обычно учащается, в редких случаях наблюдается уменьшение числа ударов, обычно чаще он остается без изменения, минутный объем крови (количество ее, пропускаемое сердцем в минуту) увеличивается. У нетренированных людей это увеличение происходит преимущественно за счет учащения сердцебиения, у тренированных — в большей мере за счет увеличения ударного объема сердца. Кровяное давление меняется не резко и непостоянно; в большинстве случаев на средних высотах наблюдается его повышение (П.К. Горбачев, М.И. Аксянцев и др.). Обычно это связано с учащением сердцебиения. Реже наблюдается падение кровяного давления, что связано с состоянием вегетативной нервной системы, именно парасимпатической.

На высоте 3000 м в значительном большинстве случаев наблюдается ясное увеличение числа эритроцитов. В прежнее время считалось спорным, имеем ли мы дело с истинным увеличением или же только с перераспределением их, т.е. выходом эритроцитов из сосудов внутренних органов в периферические сосуды. Е.С. Лондон, Н.П. Кочнева и сотрудники

(1926 г.) установили на ангиостомированных[1] собаках, поднятых на высоты Швейцарии, что в данном случае речь идет о нарастании числа эритроцитов как в периферических сосудах, так и в сосудах внутренних органов. З.И. Малкина (1930 г.) в нашей экспедиции также нашла увеличение числа эритроцитов как в периферических сосудах, так и в полости сердца.

Обычно с нарастанием числа эритроцитов увеличивается количество гемоглобина в крови; процентный же рост последнего может несколько отставать. Это обычно наблюдается после нескольких дней пребывания на горных высотах, когда появляются молодые эритроциты, бедные гемоглобином.

В самом начале пребывания на горных высотах увеличение идет за счет выхода эритроцитов из «депо», главным образом из селезенки. Еще в 1865 г. Сабинский установил, что при задушении животных кровь селезенки поступает в общий кровоток. Лишь полвека спустя к этому же выводу пришел иностранный автор Баркрофт, придавший этому явлению большое значение в механизме нарастания эритроцитов на горных высотах. Уже в первые дни пребывания на горных высотах в крови появляются вновь образованные молодые эритроциты — ретикулоциты. Н.И. Вылегжанин (1933 г.) на высотах Казбека установил сдвиг формулы их зернистости влево, что указывает на их недавнее образование в костном мозгу.

Число лейкоцитов на высоте 3000 м мало изменяется: оно остается нормальным, слегка повышается или понижается тут же после восхождения.

Сама лейкоцитарная формула обычно не дает ничего характерного; чаще наблюдается небольшой лимфоцитоз[2] (К.М. Быков и Э.Э. Мартинсон, О.Н. Павлова); реже отмечается небольшая эозинофилия[3].

На высоте 3000-3500 м организм, приспосабливаясь к недостатку кислорода, развивает максимум компенсаторных реакций для нормального состояния; дальнейшее их усиление связано с патологией. Это состояние

---

[1] Ангиостамия — метод образования постоянного доступа к глубоколежащим сосудам.
[2] Увеличение лимфоцитов.
[3] Увеличение эозинофилов.

сопровождается нередко усилением основного обмена (К.М. Быков и Э.Э. Мартинсон). У тренированных и акклиматизированных людей не наблюдается такого повышения. Небольшое кислородное голодание и состояние усиленного приспособления к нему на границе нормы и патологии накладывает отпечаток и на высшую нервную деятельность. Часто при этом наблюдается возбужденное состояние, связанное с обострением хорошо выраженных психических функций (данные Ю.Н. Попова в нашей экспедиции на Эльбрус в 1930 г.).

В общем, согласно данным Ю.Н. Попова, на средних высотах хорошо выраженные функции обычно усиливаются, а слабо выраженные остаются без изменения или угнетаются. Эти данные были подтверждены в наших последующих экспедициях, правда, не столь постоянными результатами (В.А. Самцов, 1933). Возбужденное состояние проявляется в более оживленных движениях, большей склонности к жестикуляции, несколько ускоренной речи, нередко в необоснованном смехе. Эти явления давно знакомы альпинистам, но находили различные объяснения. Предполагалось, что на психику действует величественная картина гор, трудности предстоящего восхождения, особые метеорологические условия и другие факторы. Но уже сравнительно давно установлено, что на «средних высотах», в условиях барокамеры, где действует только пониженное атмосферное давление, главным образом за счет недостатка кислорода, могут наблюдаться подобные же явления, лишь выраженные менее отчетливо. Нам не раз приходилось наблюдать в нашей лаборатории на «высоте» 4000-5000 м подобную эйфорию[1].

В основе ее лежит небольшое кислородное голодание, сказывающееся на центральной нервной системе. Подобная или более резко выраженная эйфория может наблюдаться и при приеме алкоголя, при этом мы также имеем дело с небольшим кислородным голоданием центральной нервной системы в результате нарушения в ней окислительных процессов.

[1] Необоснованный смех, оживленность.

Высота в 4000-4500 метров (461-432 мм столба ртути) при воздействии в течение нескольких часов у большинства неакклиматизированных людей вызывает патологические симптомы, которые резко усиливаются при физической работе. Понижение атмосферного давления ведет к уменьшению жизненной емкости легких, что выступает особенно демонстративно при исследовании ее в барокамере при быстром подъеме. В горах это явление сказывается в меньшей степени, но все же его не раз отмечали Д.И. Шатенштейн, М.Д. Чиркин, К.С. Косяков и Г.И. Котов на высотах Эльбруса во время Альпиниады РККА в 1933 г. и другие исследователи на различных высотах.

Давно уже было обращено внимание, что на высоте 4000-4500 м дыхание, как правило, учащается. Мы неоднократно исследовали дыхание на разных высотах Кавказа, Памира, Тянь-шаня. Исследования обычно проводились на другой день после прибытия на определенную высоту, утром, в лежачем состоянии. При этом до 3000 м мы не могли выявить вполне закономерного учащения, выше же оно выявилось, как правило, у разных лиц различно, что видно из таблицы.

Высота	Частота дыхания						
3 000 м							
Эльбрус («Кругозор»)	18	14		15	12	11	
Казбек (Себерце)	12	11		10			
4 000 м							
Эльбрус («Приют одиннадцати»)	24	18		18	16		
Казбек (Ягорас Ниши, метеостанция)	17	18	16	17	30	18	22
Памир (Тенгиз-бай, Кзыл-арт)	18	17	14	22	19—20	19—20	22
Около 5 000 м							
Эльбрус («Приют Пастухова»)		18					
Казбек (Южное плато)		30					
Вершина Казбека	22	29		20	27		
5 600 м							
Эльбрус (вершина)	24	23					
Памир (Заалайский хребет)	30						

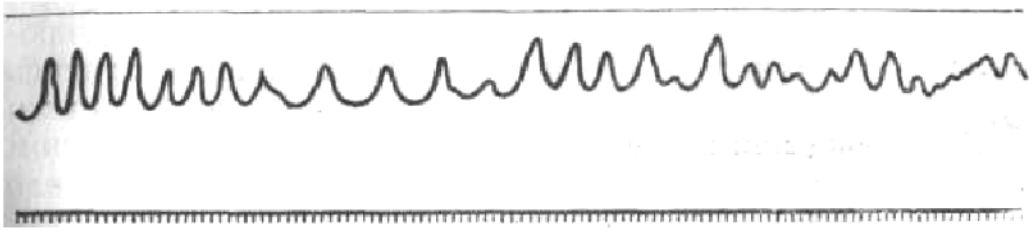


Рис. 1. Запись дыхания с помощью пневмографа на высоте: чередование глубоких вдохов, «периодический тип дыхания».

Как видно из таблицы, чем больше высоты, тем резче учащение дыхания; такие величины, как 22 и 30, часто бывают при признаках горной болезни. После первых дней пребывания на высотах дыхание становится реже, приближаясь к норме, иногда даже ниже ее. Так, у В.А.С. утром, на следующий день после приезда на автомобиле на Кзыл-арт (Памир, высота 4250 м), дыхание было 22, при этом сильно болела голова, наблюдались сильная разбитость и сонливость. На пятый день пребывания на этой высоте все указанные явления прошли, частота дыхания уменьшилась до четырнадцати.

Характер дыхания на высоте 4000-4500 м изменяется. По временам наблюдается удлинение выдоха с паузой в конце, после чего наступает периодический тип дыхания. Иногда периодичность выявляется главным образом в чередовании глубоких вдохов, что видно из кимограммы (рис. 1). Давно уже было высказано объяснение периодического дыхания уменьшением возбудимости дыхательного центра в результате кислородного голодания, в силу чего это дыхание и сопровождается субъективным ощущением недостатка воздуха.

Как уже отмечалось выше, мы наблюдали наклонность к периодическому типу дыхания у некоторых лиц даже на небольших высотах, однако она была выражена очень неясно. На высоте же 4000-4500 м у неакклиматизированных людей, особенно ночью, это явление встречается довольно часто. Особенно сильный периодический тип дыхания наблюдали мы ночью на седловине Эльбруса (5300 м) в день прибытия туда без

предварительной акклиматизации. При этом во время сна наблюдалось увеличение пауз, после чего испытуемый просыпался с чувством невыносимого удушья, дыхание при этом сразу учащалось; вскоре человек засыпал снова, пока не просыпался от такого же чувства удушья. Так повторялось много раз. Приблизительно то же самое было и у нас в лаборатории при исследовании в барокамере при сильном падении атмосферного давления, которое соответствовало высоте в 8000 м.

Повышенная возбудимость дыхательного центра сказывается и на времени, на протяжении которого можно задержать дыхание; на горных высотах оно сокращается. При медленном восхождении с акклиматизацией это уменьшение выражено слабее.

Как указывалось выше, организм приспосабливается к недостатку кислорода не только за счет частоты дыхания, но и за счет его глубины. У разных лиц компенсация проходит по-иному: у большинства за счет частоты, реже за счет глубины.

Более выгодным в отношении приспособления организма к пониженному атмосферному давлению надо считать более глубокое дыхание, чем более частое; лица с более глубоким дыханием лучше выдерживают кислородное голодание.

Легочная вентиляция зависит от ряда привходящих обстоятельств. Большое физическое напряжение неизменно вызывает усиление дыхания, в чем может убедиться каждый, находясь на горных высотах. Особенно сказывается это явление при восхождении по крутому склону. Чем на больших высотах производится физическая работа, тем интенсивнее легочная вентиляция. Она сильно зависит и от индивидуальных особенностей. Кроме того, большую роль играет акклиматизация: у жителей гор она обычно меньше; после продолжительного пребывания в горах она также уменьшается и у приезжающих из долин. Пребывание на больших высотах иногда даже в течение нескольких недель тем не менее не ведет к уменьшению объема легочной вентиляции. Повторное восхождение на горы

может привести к ее уменьшению, но нередко объем остается повышенным и в этом случае.

Объем легочной вентиляции связан с состоянием дыхательного центра, которое в свою очередь зависит от напряжения кислорода и углекислоты в альвеолярном воздухе.

Зависимость альвеолярного напряжения кислорода и угольной кислоты от высоты местности исследовалась многими авторами, у нас в СССР — Г.Е. Владимировым и сотрудниками. В общем альвеолярное напряжение кислорода и угольной кислоты уменьшается пропорционально снижению атмосферного давления. На больших высотах падение альвеолярного напряжения кислорода становится меньше по сравнению с падением атмосферного давления. Для угольной кислоты, наоборот, наблюдается увеличение падения. На высотах Эльбруса это было подтверждено Г.Е. Владимировым и сотрудниками. Они нашли, что при переходе от уровня моря до «Кругозора» (3000 м) альвеолярное напряжение CO_2 падало с 36 до 28 мм ртутного столба, по 3,5 мм на каждые 100 мм атмосферного давления.

При восхождении от «Кругозора» до «Приюта девяти» (4250 м) альвеолярное напряжение угольной кислоты достигало 25 мм, падение составляло уже 4 мм на каждые 100 мм атмосферного давления. Наконец, при подъеме с седловины на вершину (с 5300 до 5633 м) падение вырастает до 7 мм.

Кислотно-щелочное равновесие крови на горных высотах изучалось в течение полустолетия. Еще Моссо нашел в горах уменьшение угольной кислоты крови, что должно привести к падению титрационной щелочи[1] крови, это и было подтверждено его учениками. Экспедиция Цунца, Леви и сотрудников также нашла на больших высотах падение титрационной щелочности, но исследователи объясняли это накоплением в крови кислых продуктов неполного окисления в результате недостатка кислорода.

[1] Щелочи, полученной титрованием

Все дальнейшие исследования также подтвердили падение резервной щелочности на горных высотах. Е.С. Лондон, Н.П. Кочнева, Л.М. Рабинкова и сотрудники, как указывалось выше, изучали резервную щелочность крови у ангиостомированных собак на высотах Швейцарии. Они нашли, что уже на высоте 2450 м она падает с 49-48 до 30-29% CO_2. В 1930 г во время нашей экспедиции на высоты Эльбруса З.И. Малкина исследовала манометрически резервную щелочность крови участников экспедиции, а также и подопытных собак. На другой день после прибытия на высоты найдены следующие величины:

Название местности	Высота, в м	Давление, в мм	Резервная щелочность в % CO_2			
			А	Б	В	Г
«Кругозор»	2 970	505	48,4	56,04	43,1	31,0
«Приют одиннадцати» . . .	4 200	450	41,8	33,67	31,7	27,3
«Приют Пастухова»	4 800	380	33,2	31,28	20,27	17,26

В 1932 г. мы снова исследовали этот вопрос на высотах Казбека совместно с Е.М. Тимофеевой, пользуясь титрационным методом[1] и получили несколько большие величины; возможно, это зависело от того, что на этот раз симптомы горной болезни были выражены меньше. В 1933 г. Д.И. Шатенштейн, М.Д. Чиркин, К.С. Косяков и Г.И. Котов провели; аналогичные исследования на высотах Эльбруса во время Альпиниады РККА, пользуясь манометрическим методом[2], и получили примерно такие же данные, как и мы. Наиболее низкие цифры резервной щелочности мы получили при горной болезни: то же отмечают и Д.И. Шатенштейн, М.Д. Чиркин, К.С. Косяков и Г.И. Котов. С акклиматизацией величина резервной щелочности несколько возрастает. Позже такие же исследования резервной щелочности на Эльбрусе были проведены И.М. Дедюлиным в группе Г.Е. Владимирова (экспедиция Академии наук СССР и Всесоюзного института экспериментальной медицины) и также обнаружено значительное падение резервной щелочности.

[1] Определение содержания щелочности крови посредством количественного анализа.
[2] Определение содержания щелочности крови с помощью манометра.

Таким образом, пребывание на больших горных высотах ведет к значительному уменьшению угольной кислоты крови, к падению резервной и титрационной щелочности. Различная степень падения зависит от вентиляции легких: усиленная вентиляция ведет к более резкому падению, что, по-видимому, связано с горной болезнью; при акклиматизации наблюдаются меньшая вентиляция и меньшее падение резервной щелочности.

Если в отношении резервной щелочности и падения напряжения угольной кислоты наблюдается единообразие в полученных данных различных авторов, то этого нельзя сказать в отношении концентрации водородных ионов крови.

Цунц и сотрудники говорили о покислении крови на горных высотах. Этот взгляд затем поддерживался рядом авторов на основании непосредственного исследования pH1 крови[1] на горных высотах. Холден и сотрудники, отмечая гипервентиляцию[2], настаивали на том, что на больших высотах должно развиться пощелочение — алкалоз газовой формы, вследствие усиленного выделения угольной кислоты. Е.С. Лондон, Н.П. Кочнева, Л.М. Рабинкова отметили у ангиостомированных собак на небольших высотах Швейцарии в крови несколько большую концентрацию водородных ионов, чем близ уровня моря.

В 1930 г. во время экспедиции на высоты Эльбруса на высоте 4200 м мы нашли небольшое смещение pH в щелочную сторону, это совпало с малыми цифрами резервной щелочности и выявленными признаками горной болезни. В 1932 г. мы вторично исследовали этот вопрос на высотах Казбека вместе с Е.М. Тимофеевой. Кровь бралась на другой день после прибытия на высоту (за исключением вершины, где кровь была взята через несколько минут после восхождения на нее).

---

[1] Показатель концентрации водородных ионов.
[2] Усиленную вентиляцию.

На высоте 4200 м были нормальные цифры pH, лишь у одного участника экспедиции наметился сдвиг в сторону ацидоза[1]. Это совпало с удовлетворительным состоянием и лишь с незначительной головной болью, которая несколько напоминала боль при легком отравлении окисью углерода. В общем на этот раз на той же высоте, что и в предыдущей экспедиции, состояние ее участников было значительно лучше; возможно, поэтому и не наблюдалось сдвига в щелочную сторону. На высоте 5015 м актуальная реакция крови сильно изменилась в щелочную сторону. При этом пульс участился до 122, дыхание — до 22. Появились признаки горной болезни: тошнота, головная боль, цианоз. Алкалоз был менее выявлен у С., который чувствовал себя лучше других. Пульс у него имел меньшую частоту, дыхание было ровным. Сильнее других страдал В. Поэтому у него не удалось взять кровь, но, судя по pH после спуска, у этого участника, очевидно, был наиболее сильный алкалоз.

В 1933 г. мы исследовали pH на Памирских высотах (Кзыл-арт, 4250 м), куда приехали на автомобиле (исследования В.А. Самцова), а в 1934 г. — снова на тех же высотах Казбека (исследования А.Д. Адо). На высоте 4000 м в одних случаях мы получили сдвиг в сторону ацидоза, в других — в сторону алкалоза. На вершине снова получили алкалоз, что совпало с признаками горной болезни. В 1935 г. во время комплексной экспедиции Академии наук УССР и Украинского института экспериментальной медицины снова на тех же высотах Эльбруса исследовалась актуальная реакция крови Т.Г. Пашаевым. На этот раз исследования проводились до и после физического упражнения. В Киеве после 30 приседаний в минуту pH слегка смещалось в кислую сторону. На высоте 3000, 4200 и 5000 м после такого же упражнения наблюдалось смещение в щелочную сторону, что зависело от повышенной вентиляции легких. Исходные цифры pH на высоте 4200 и 5000 м были явно сдвинуты в щелочную сторону. Наиболее высокая цифра была у К. — 7,64, который страдал в сильной степени горной болезнью.

[1] Кислотности.

Из этих данных видно, что имеющаяся тенденция к ацидозу на горных высотах перекрывается алкалозом газовой формы вследствие усиленной легочной вентиляции. Когда гипервентиляция проходит, что наступает с акклиматизацией, выявляется тенденция к ацидозу. Таким образом эти исследования показали, что противоречие между «ацидотическим» и «алкалотическим» направлениями в истолковании кислотно-щелочного равновесия на горных высотах является лишь кажущимся: при медленном подъеме с акклиматизацией при отсутствии гипервентиляции имеет место сдвиг в кислую сторону, при наличии ее — в щелочную. Это вытекает также из исследований И.М. Дедюлина, проведенных в группе Г.Е. Владимирова (Г.Е. Владимиров и И.М. Дедюлин, Н. А. Кудрявцев, В.В. Оппель и З.А. Райко, 1938). Уже с высоты 3000 м и до 5300 м у неакклиматизированных И.М. Дедюлин находил сдвиг в щелочную сторону; после спуска наблюдался сдвиг pH в кислую сторону.

Мы остановились более подробно на данных кислотно-щелочного равновесия в условиях больших горных высот лишь потому, что это, как мы увидим дальше, имеет существенное значение для объяснения причины горной болезни и ее предупреждения.

Сердечная деятельность на высоте 4000-4500 м и выше усиливается, что прежде всего сказывается на пульсе. Восхождение пешком, как и всякая физическая работа, ведет к большой его частоте. Этим объясняется то, что разница между частотой пульса в лежачем и стоячем положении на высоте больше, чем внизу. Мы неоднократно исследовали частоту пульса на разных горных высотах и всегда получали примерно однотипные данные. Пульс учащался, особенно при восхождении; он оставался еще учащенным и в день прибытия на высоту, у некоторых участников становился реже на другой день после прибытия; на третий день у большинства был все же чаще нормы и лишь у меньшей части становился нормальным даже на высоте 4000 м. Такая нормализация пульса совпадает с истинным нарастанием числа эритроцитов и гемоглобина.

При медленном восхождении в течение нескольких дней, которое сопровождается акклиматизацией, пульс может оставаться нормальным до высоты 5000 м. При быстром же восхождении даже у акклиматизированных жителей гор пульс учащается. Физическая работа приводит к более сильному учащению, чем это бывает внизу, причем пульс более длительное время не приходит к норме (Н.Н. Сиротинин, В.А. Самцов).

Характер пульса на больших высотах может меняться, причем бывает дыхательная аритмия[1] чаще, а иногда и экстр асистолия[2]. Следует отметить, что частота пульса сильно зависит от состояния вегетативной нервной системы.

Мы уже говорили, что на горных высотах компенсация происходит как за счет усиленной легочной вентиляции, так и усиленного кровообращения; последнее может осуществляться в результате учащения сердечной деятельности, а также и увеличения ударного объема сердца, когда с каждым сокращением оно выбрасывает большее количество крови в общий кровоток. Последний вид компенсации чаще имеет место у тренированных и акклиматизированных лиц. В.А. Самцов при длительной работе на высоте 4000 м находил увеличение левой границы, что, однако, по его мнению, не противоречит данным о преимущественном изменении правого сердца, так как увеличение сердца влево могло зависеть и от расширения правого желудочка. А.А. Городецкий, исследуя сердце с помощью рентгенокимографии в барокамере на «высоте» 5000 м, пришел к заключению, что недостаток кислорода ведет у большинства исследуемых к увеличению правого желудочка. При длительном пребывании на высотах явно выступает гипертрофия правого сердца.

Увеличение ударного объема как на горных высотах, так и в барокамере отмечал Г.Е. Владимиров со своей группой.

---

[1] Повторяющееся ускорение и замедление частоты сердечных сокращений.
[2] Сокращение сердца, возникшее преждевременно и часто сопровождающееся удлиненной паузой.

При восхождении на значительные высоты на сердце падает большая нагрузка. Возникает вопрос, может ли оно дойти до такого состояния, что перестанет справляться с выпавшей на его долю работой. Небольшая степень такой декомпенсации часто может наблюдаться на высоте 4000-5000 м. Она выражается в небольших отеках на ногах. Но от таких симптомов до угрожающих признаков в отношении перегрузки сердца еще далеко. Все же следует иметь в виду, что сильное переутомление сердца может на больших высотах привести к смертельному исходу, однако для этого требуются большие нарушения в сердечной деятельности. По-видимому, этим следует объяснить смерть А.Т. Гермогенова на седловине Эльбруса, который перед восхождением проделал переход через один из перевалов. При явных признаках декомпенсации сердца (перебои пульса, отеки ног, синюшность) следует немедленно спускать такого больного вниз, а не оставлять его длительное время на высоте, как это было с А.Т. Гермогеновым. Может ли сама по себе высота в результате недостатка кислорода привести к остановке сердечной деятельности? Большое число литературных данных, а также наши собственные исследования говорят о том, что смерть на больших высотах (9000-10000 м и выше) возникает в результате паралича дыхательного центра, а не сердечной деятельности.

Кровяное давление на горных высотах меняется, но нерезко и непостоянно. Это зависит от ряда факторов (физическая работа при восхождении, ультрафиолетовое излучение, длительность пребывания на высотах и др.). В одних случаях кровяное давление продолжает повышаться, в других, дойдя до больших цифр на высоте 3500-4000 м, начинает медленно снижаться; у акклиматизированных людей оно не изменяется.

Во время высокогорной экспедиции (1930 г.) у нас обследовалось как максимальное, так и минимальное давление. На высоте 4200 м максимальное давление повышалось, а минимальное — немного снижалось. При физических упражнениях наблюдались более высокие цифры максимального давления (исследования М.И. Аксянцева). Состояние кровяного давления на

горных высотах зависит также от конституциональных особенностей организма, в частности от сердечно-сосудистой системы. У пожилых лиц с артериосклерозом чаще наблюдается повышение кровяного давления. При сильной степени артериосклероза такое повышение может привести к кровоизлияниям в мозгу. Известно несколько случаев смерти даже на небольших высотах людей, совершавших физическую работу.

Сосудистые стенки становятся на больших горных высотах более проницаемыми, в результате чего могут наступить кровотечения. Чаще всего они бывают на слизистой оболочке носа, полости рта, иногда в легких и реже кровь появляется в моче. Эти явления наблюдаются не у всех восходителей, а у лиц, более предрасположенных к таким кровотечениям вообще.

На высоте 4000-4500 м и выше количество эритроцитов в единице объема нарастает интенсивнее, чем на меньших высотах. Согласно нашим данным, число их на высоте 4000-4250 м обычно колеблется между 5100 и 6300 тыс.; на высоте 5000 м — 5425-6705 тыс.; на высоте 6000 м — свыше 6 миллионов. Несмотря на такое увеличение количества эритроцитов, их все же не хватает для полной компенсации.

У жителей гор, вследствие более длительного воздействия высокогорного климата, количество эритроцитов больше. О.Н. Павлова, исследовав количество эритроцитов у жителей гор на высоте 830 м, нашла среднее число их 4580 тыс.; на высоте 2200 м — 5300 тыс.; на высоте 3020 м — 5780 тыс. и на высоте 4220 м — 6990 тысяч.

Мышечная система на высоте 4000-4500 м и выше также изменяется в функциональном отношении, и работоспособность ее у неакклиматизированного организма сильно понижается. Это хорошо известно каждому альпинисту и каждому носильщику, оплата которого с увеличением высоты возрастает, а нагрузка уменьшается. Экспериментальное изучение мышечной деятельности на горных высотах показывает, что здесь наступает более раннее утомление. Ручная динамометрия, исследованная нами на высоте 4000-5000 м, не давала ничего

характерного, измерения становой силы показали на 4000 м некоторое уменьшение. При исследовании ее во времени (в течение 30 сек.) получилось значительно большее снижение, чем на уровне моря. Изучение утомления с помощью эго-графа показывает потерю работоспособности, возрастающую с высотой. Так на высоте 3000 м («Кругозор») у части обследованных нами утомление наступало раньше, у других же, — как в Киеве. На высоте 4250 м («Приют девяти») во всех случаях имелось значительное снижение работоспособности (в среднем на 30%). Лейбович производил испытание на переноску груза в горных и высокогорных условиях и пришел к заключению, что нагрузка в 26 кг на 25 км является чрезмерной, вызывает падение веса, спирометрии, становой силы, появление белка в моче. С акклиматизацией работоспособность возвращается к норме. В.А. Самцов, обследуя рабочих Памирского пути, работающих на высоте 4000 м, нашел, что в первые дни пребывания на такой высоте они вырабатывали лишь небольшую часть своей нормы, некоторые же совсем не могли работать; в дальнейшем они же перевыполняли задания.

На высоте 4000-4500 м и выше нарушается моторика, что сказывается на точности движения. Это можно наблюдать по записям, произведенным на большой высоте; почерк становится неровным, строчки выходят из горизонтального направления. Это нарушение моторики хорошо регистрируется следующим тестом. Испытуемому предлагается провести карандашом линию по прилагаемому рисунку, не касаясь края узора. Внизу этот тест выполняется легко (рис. 2), а на больших высотах испытуемый делает много ошибок, линии становятся неровными, часто выходят за края узора (рис. 3).

Особенно показательно меняется на больших горных высотах состояние центральной нервной системы. На это было обращено внимание в первых же описаниях горной болезни. Все авторы указывают на головную боль в области висков, реже в лобной и теменных долях.

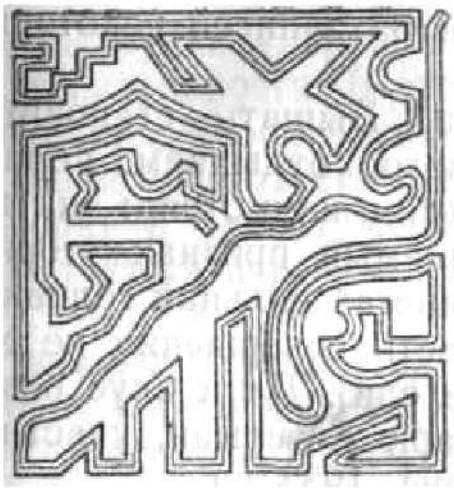


Рис. 2. Тест выполнен на высоте 56 м. Испытуемому предложено провести линию. Проведенная в середине линия почти не касается края узора.

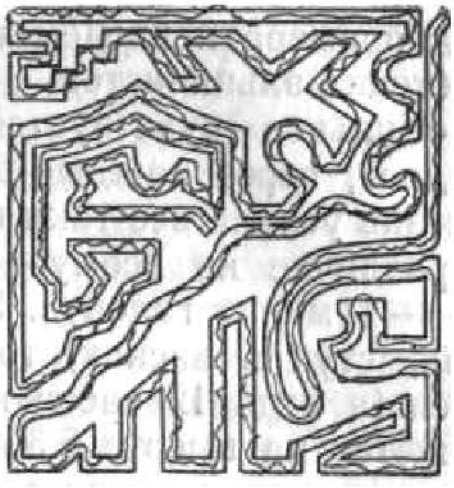


Рис. 3. Тест выполнен на высоте 5000 м; проведенная линия волниста, не только часто касается края узора, но и выходит из него: моторика нарушается.

Такая головная боль напоминает собой боль при легком отравлении угарным газом. К этому иногда присоединяется так же, как и при отравлении угарным газом, тошнота, иногда рвота. Вкусовые ощущения меняются. Общий тонус психического облика резко падает. Это особенно сказывается после мышечной работы, которая всегда сопровождается чувством удушья. Хочется лечь, ничего не делать и ни о чем не думать. Такое чувство апатии и отрешенности иногда доставляет удовольствие и вместе с тем таит в себе угрозу несчастных случаев: иногда вследствие этого альпинист, пренебрегая грозящими опасностями, погибает. Опасность на больших горных высотах усугубляется еще тем, что уменьшается точность движений, появляется депрессивное состояние, расстройство координации, приводящее к несчастному исходу[1].

Пребывание на горных высотах является хорошим испытанием силы воли. Настойчивое желание достигнуть поставленной цели приводит к устранению вышеописанной депрессии. В этом отношении высокогорный

[1] Следует заметить, что подобные состояния «отрешенности», «апатии», противопоставления горной природы всему земному отнюдь не характерны для советского альпинизма. — Прим. ред.

спорт является более трудным экзаменом, чем другие виды спорта. Для примера приведем выдержки из записей некоторых советских альпинистов.

«Сильнее чувствуется высота. Дышать становится труднее, через каждые 20-30 шагов отдыхаем. Горная болезнь успела все-таки прокрасться в наш отряд: апатия, безразличие ко всему — неотъемлемый признак «горянки» — туманит голову... У большинства сильная головная боль, стук в висках, тошнота. Есть совершенно не хочется (а ведь 12 часов ничего не ели). Да и вкус резко меняется на высоте 5300 м» (Марк Айзерман, участник массового восхождения на Эльбрус, 1933 г.).

«Какое-то бессознательное апатичное состояние напало на меня. Я шел и шел, а когда опомнился, то ничего, кроме глупо улыбающейся луны не обнаружил. Я остался один, не знаю пути... надо было идти вправо, а я взял влево... я падаю, поднимаюсь и снова падаю. Хочется прилечь и заснуть. Нет, только не это. За жизнь буду бороться до последней капли крови. Ведь она принадлежит не только мне, но и Красной Армии» (Из дневника врача П.В. Андринга, участника зимней альпиниады РККА, февраль 1935 г., цит. по Волкову).

«Я очень устал. Мне только что удалось проделать большой спуск, когда вдруг я потерял способность управлять своими движениями и полетел вниз, потому что я осмелился на прямой спуск, вместо того, чтобы прибегнуть к благоразумному спуску по диагонали... Я остановился на ничтожном расстоянии от смертельной пропасти. Странно подумать, что в тот момент я не испытывал никакого страха, но просто чувство полной отрешенности и вялости. Эта отрешенность от жизни, эта усталость — сколько раз мы испытывали их на горных высотах, где человеческий характер подвергается серьезному изменению» (из дневника участника английской экспедиции на пик Эверест, 1933 г.).

С целью изучения горной болезни мы поднимались на большие высоты без предварительной акклиматизации; много раз испытывали на себе это заболевание на высотах 5000-6000 м на Кавказе, Памире, Тянь-шане,

неоднократно ощущали болезнь высоты и в условиях барокамеры на «высоте» 7000-8000-9000 м, когда отчетливо наступает угнетение психики. Она при этом как бы перестраивается, возникают новые ощущения, которые трудно поддаются описанию. Это сумеречное состояние, когда трудно удержать свое «я», когда теряется чувство действительности. В это время испытуемый может совершить ряд необоснованных действий, причем обычно, не отдавая себе отчета в том, что психика его нарушена, он говорит и делает несообразности. Например, один наш испытуемый перекусил зубами стеклянный смеситель для счета эритроцитов. Обычно в барокамере на «больших высотах» испытуемый даже незадолго до потери сознания просит «поднять» его выше, недооценивая угрожающей ему опасности. Такое состояние наблюдается лишь на больших высотах у неакклиматизированных лиц, что трудно представить себе в альпинистской практике.

Но и на меньших высотах (4500-6000 м) психический облик изменяется. Он упрощается, и в поведении выявляется некоторая примитивность. Так, на этих высотах даже среди очень культурных людей могут возникнуть ссоры из-за пустяков, что трудно себе представить в обычной обстановке: могут возникнуть пререкания из-за того, кому разжигать примус, ссоры из-за последней папиросы. Альпинисты хорошо знают это «свойство высокогорного климата», но они же — советские люди — знают силу влияния коллектива, товарищеской среды, помогающей преодолеть подобные проявления психической неустойчивости.

Согласно данным наших экспедиций, природные черты человека на больших высотах усиливаются, а черты характера нерезко выраженные — сглаживаются. В этом отношении высокогорье помогает узнать самого себя и окружающих. Исследования Ю.Н. Попова показали, что на больших высотах снижается глазомер, весьма важная функция для альпиниста. Зрение и слух ослабляются. По данным А.П. Жукова, полученным на высотах Эльбруса, у лиц, хуже акклиматизировавшихся, на которых действие высокогорного

климата сказывалось сильнее, на больших высотах особенно резко повышались слуховые пороги к низким частотам. Ю.Н. Попов (1930) нашел на высотах Эльбруса (4100 м), что арифметические действия выполняются так же, как и внизу, быстрота счета, быстрота движения, локальная память, непосредственное запоминание сильно колеблются у различных лиц в зависимости от индивидуальности. Утомляемость внимания наступает быстрее. Обычно все эти патологические явления проходят по мере акклиматизации.

Мы остановились несколько более подробно на состоянии психики при горной болезни, выраженной в столь сильной степени, поскольку в практике нашего отечественного альпинизма редко бывает, чтобы опытный альпинист довел себя до такого состояния, не тренируясь предварительно и не акклиматизируясь к высокогорному климату. Альпинизм требует не только физической силы и ловкости, но и большой силы воли, умения рассчитать свои силы, взвесить предстоящие трудности, не только технические, но и связанные с изменением состояния организма в высокогорных условиях. Залогом успеха восхождений является твердая выдержка, упорная борьба, вера в свое дело.

Мы привели описания состояния неакклиматизированного организма на различных горных высотах. Первые уклонения от нормы могут наблюдаться уже на сравнительно небольших высотах (1000-2000 м), но обычно до 3000 м организм справляется с недостатком кислорода в атмосфере за счет своих компенсаторных реакций. Явные патологические симптомы развиваются обычно на высоте 4000-4500 м, они-то и составляют общий комплекс, известный под названием горной болезни. Среди них наиболее характерны: головная боль, сонливость, отсутствие аппетита, тошнотное чувство, иногда рвота, одышка, сердцебиение, нередко с перебоями и болезненностью в области сердца, иногда кровоизлияния, мышечная слабость и другие описанные выше симптомы.

Болезненные явления возникают на различных высотах в зависимости от вида подъема. При подъеме на горные высоты по канатной дороге они

появляются примерно при том разрежении атмосферы, которое наблюдается в барокамере. Обычно они достаточно ярко обрисовываются на высоте 5000 м. На высоте 6000 м пребывание в течение 10 минут не вызывает больших нарушений психики и моторной функции, однако более длительное пребывание на этой высоте ведет к значительному расстройству высшей нервной деятельности. Высота в 7000 м почти у всех испытуемых в нашей барокамере вызывала не только сильные нарушения моторики и психики, но часто приводила к потере сознания. До высоты 8000 м без потери сознания поднимается лишь меньшинство, до 9000 м — единицы. Через нашу барокамеру прошло более ста испытуемых, из них один человек потерял сознание на 5000 м, большинство — между 7000 и 8000 м. Мы испытывали в барокамере лиц различных профессий и представителей различного рода спорта. Наилучшие показатели дали, как и следовало ожидать, альпинисты, которым уступают даже летчики.

При подъеме на горные высоты верхом ясно выраженная горная болезнь развивается на высоте 4500-5000 м, при пешем подъеме у большинства неакклиматизированных людей — на высоте 4000-4500 м.

Горной болезни подвержены все возрасты. Раньше считалось, что высокогорный климат особенно неблагоприятно сказывается в раннем возрасте. По исследованиям А.З. Колчинской, проведенным в нашей лаборатории, дети переносят падение атмосферного давления до 5000 м лучше, чем их родители. Нам приходилось наблюдать детей в горах, и мы не могли отметить, чтобы высокогорный климат на них действовал хуже, чем на взрослых. Мне вспоминается девочка 14 лет, которая легко поднялась на «Приют одиннадцати», значительно обогнав взрослых.

В старческом возрасте от горной болезни страдают несколько больше, но это лишь в связи с тем, что в этом возрастном периоде обычны сердечно-сосудистые заболевания. Напрашивается вопрос, насколько же противопоказаны в этом возрасте высокогорные восхождения? Выше мы отмечали, что при наличии сильного артериосклероза, гипертонии, наклонности к

декомпенсации сердца восхождения на большие высоты являются рискованными. Известны случаи смерти на горных высотах от кровоизлияния в мозг, от паралича сердечной деятельности; правда, они единичны. При отсутствии же этих осложнений преклонный возраст сам по себе не служит противопоказанием для высокогорных восхождений. Например, проводник местечка Казбеги Гаха Циклаури был на вершине Казбека в возрасте 65 лет. До преклонных лет восходил на эту же вершину и Ягор Казаликашвили. Многие из проводников дожили до глубокой старости, продолжая восхождения на трудные вершины.

Как мы уже отмечали выше, в первых описаниях горной болезни патологическое состояние связывалось с пониженным атмосферным давлением. Однако, как выяснилось потом, само по себе падение барометрического давления может вызвать патологические явления только в том случае, если оно происходит в очень короткий срок и поэтому не играет никакой роли для горовосхождения.

В дальнейшем указывались и другие причины горной болезни. Это состояние связывалось с ионизированным воздухом; отмечалось, что горная болезнь чаще наблюдается в определенных местах без прямой зависимости от высоты. Действительно, она чаще возникает на северных склонах, чем на южных, но это связано не с ионизацией воздуха, а с высотой снеговой линии. Мы специально интересовались такими местами, где горная болезнь возникает особенно часто. По нашим сведениям, все эти места расположены на северных склонах и представляют физические трудности для восхождения, здесь возникает преждевременное утомление вследствие большого потребления энергии. Некоторые авторы объясняли возникновение горной болезни самим утомлением и его последствиями. В настоящее время твердо установлено, что физическая работа и преждевременное утомление способствуют возникновению горной болезни, так как при всякой добавочной физической работе расходуется значительно больше кислорода, чем при покое.

Горная болезнь связывалась и с состоянием центральной нервной системы на больших высотах. Следующие факты также говорят за большое значение состояния психики для проявления горной болезни. Она чаще возникает у лиц, которые впервые поднимаются в горы, чаще в группах туристов, которые идут без инструкторов или опытных альпинистов. Бессонная ночь также обычно увеличивает процент заболеваний. Отметим, что боязнь горной болезни всегда способствует ее появлению, без всяких изменений в крови, лишь от одного самовнушения можно вызвать это патологическое состояние. Такое состояние психики лишь усиливает горную болезнь.

Теперь считается, что в основном она вызывается недостатком кислорода на больших горных высотах. Подобно горной болезни, болезнь высоты примерно с такими же симптомами развивается у летчиков при длительных и высоких полетах и может быть вызвана экспериментально в барокамере с пониженным парциальным давлением кислорода. Все же горная болезнь выражена в более сильной степени и на меньших высотах, чем болезнь высоты при полетах и в барокамере. Это объясняется прежде всего тем, что при восхождении затрачивается большая физическая работа. При подъеме на горы по канатной дороге горная болезнь проявляется на больших высотах, причем она сразу дает себя знать при выходе из вагона или автомашины, когда путешественник пройдет несколько шагов, сделает несколько резких движений, т.е. когда ему потребуется кислород для добавочной физической работы.

Если в настоящее время по сути нет расхождения в объяснении первого звена цепи явлений горной болезни, то по поводу дальнейших причин патологических явлений до последнего времени не было единства мнений.

Было высказано предположение, что горная болезнь вызывается накоплением в крови азотистых веществ в результате неполного их окисления, вследствие недостатка кислорода (Моог). Мы пробовали

вызывать горную болезнь на высотах Казбека, давая испытуемому по 50 г желатина. При этом продукты белкового распада накапливались в таком количестве, что в моче были обнаружены аминокислоты, но признаки горной болезни не появились. Н.В. Лауэр исследовала остаточный азот в крови на высотах Эльбруса и не могла отметить значительного его нарастания. В барокамере при пониженном атмосферном давлении она находила некоторое увеличение его в крови, однако при этом не было признаков болезни высоты. Е.В. Колпаков у собак с экковской фистулой (соустье между печеночной и нижней полой веной, при котором кровь поступает в нижнюю полую вену, минуя печень) в условиях пониженного давления в барокамере не мог выявить более раннего появления болезни высоты. Отсюда следует, что продукты белкового распада не играют большой роли в патогенезе горной болезни. За это положение говорит также и то, что при накоплении в крови азотистых веществ в условиях нормального атмосферного давления не наблюдается признаков горной болезни.

Выше мы говорили о том, что в патогенезе горной болезни большое значение придавалось кислотно-щелочному равновесию на горных высотах. Моссо и его школа настаивали на том, что горная болезнь связана с усиленным выделением угольной кислоты из организма и недостатком ее в крови — акапнией. Угольная кислота раздражает дыхательный центр и необходима для нормальной функции сердца. Акапния ведет к нарушению дыхания и кровообращения, что и характеризует горную болезнь. Это положение школы Моссо было подкреплено многочисленными данными низкого содержания угольной кислоты в крови при пониженном атмосферном давлении. С другой стороны, школа Пфлюгера (Цуни, Леви, Каспари, Мюллер) связывала признаки горной болезни с накоплением в крови кислых недоокисленных продуктов вследствие уменьшенного парциального давления кислорода. Такое накопление должно резко усиливаться при физической работе, и отсюда естественно, что последняя должна вести к более быстрому появлению горной болезни. Среди этих недоокисленных

продуктов первое место занимает молочная кислота. Однако непосредственные исследования содержания молочной кислоты в крови на горных высотах, проведенные А.Д. Брусиловской и одновременно Г.Е. Владимировым и З.А. Райко на тех же высотах Эльбруса, показали некоторое увеличение ее, но не в такой степени, как можно было ожидать, чтобы увязать это накопление с симптомами горной болезни. Такие же результаты были получены и в барокамере. Выше мы говорили, что при негазовом ацидозе могут отмечаться лишь незначительные симптомы горной болезни, тогда как основные признаки ее связаны с газовой формой алкалоза в результате усиленного выделения угольной кислоты при гипервентиляции и пощелочении крови.

Итак, горная болезнь возникает не только при падении резервной щелочности, но и при сдвиге pH в щелочную сторону. Эти исследования советских авторов не только разъяснили противоречия, существующие в иностранной литературе, но и позволили наметить некоторые пути профилактики горной болезни, на чем мы остановимся несколько позже, а пока рассмотрим другие методы воздействия организма с целью предотвращения этого патологического состояния.

Если горная болезнь в основном вызывается недостатком кислорода, то предупреждение этого заболевания должно в первую очередь сводиться к вдыханию кислорода или, что лучше — смеси кислорода с угольной кислотой, для ликвидации не только недостатков кислорода, но и угольной кислоты (смесь из 95% кислорода и 5% угольной кислоты). Такого рода профилактика широко применяется в авиационной практике. В своей лаборатории мы не раз могли убедиться в ее большой эффективности. Без такой профилактики испытуемые в нашей барокамере достигали «потолка» в 7000-в 000 м и очень редко на очень короткое время 9000 м и затем теряли сознание, тогда как, применяя кислородную профилактику, без потери сознания достигали «высоты» 14500 м и даже на этой высоте в течение нескольких минут совершали небольшую работу. Кислородная профилактика также эффективна при подъеме на большие горные высоты по канатной до-

роге, но она совершенно неприменима при восхождении пешком. Попытка использовать ее при атаке Эвереста окончилась неудачей. Это объясняется тем, что она может оказать существенную помощь лишь при вдыхании большого количества кислорода, для чего требуется нести с собой тяжелый кислородный баллон, что в свою очередь требует большой физической работы, которая сильно способствует возникновению горной болезни. Итак, для альпинистов следует искать методы бескислородной профилактики горной болезни.

Сам собой напрашивается тот путь, которым идет организм, акклиматизируясь к высокогорному климату. В пользу этого можно привести данные экспедиций на Эверест. Во время этих экспедиций местные жители гор поднимались значительно выше, чем приезжие альпинисты. Носильщица-горянка легко донесла груз в 18 кг с 5300 до 6000 м и сверх этой ноши несла на себе своего двухлетнего ребенка (приведено по Ф. Ионгхезбенду). Нам не раз приходилось наблюдать, как сильные, хорошо тренировавшие свои мускулы, сердце и легкие, спортсмены-мужчины приходили в изнеможение от груза в 16 кг и меньше на высоте 4200 м, между тем по своей физической силе, а возможно, и по работоспособности сердца они не уступали носильщицам-горянкам. Единственное, что резко бросается в глаза, — это разница в числе эритроцитов, которых у жителей Гималайских гор почти в два раза больше, чем у жителей равнин.

Если окислительная поверхность крови играет такую важную роль в приспособлении организма к пониженному парциальному давлению кислорода, то, естественно, напрашивается мысль об использовании с этой целью переливания крови. В наших предварительных опытах на животных такое переливание дало некоторый положительный эффект. Во время комплексной экспедиции Украинской академии наук и Украинского института экспериментальной медицины на высоты Эльбруса в 1935 г. В.Н. Шамов пробовал применять переливание крови у собак для предотвращения горной болезни и получил положительный эффект. А.Г. Караванов проделал

такие же опыты над собаками, кошками и кроликами и нашел, что большее число их выживает при падении атмосферного давления в условиях барокамеры. А.Г. Караванов и И.Б. Блок установили, что изменение кислотно-щелочного равновесия, возникающее при недостатке кислорода после переливания крови, наблюдается на большей высоте, чем без такой трансфузии. Однако влитая кровь является добавочной нагрузкой для сердца, которое на высотах и без того проделывает большую работу, поэтому в этом отношении заслуживает предпочтения акклиматизация к высокогорному климату.

Мы пробовали выяснить, насколько акклиматизация к высокогорному климату увеличивает выносливость к кислородному голоданию. С этой целью группа лиц испытывалась у нас в лабораторной барокамере для выяснения возможной переносимости пониженного атмосферного давления. Критерием выносливости служили состояние дыхания, пульс, электрокардиограмма, состояние психики. Потеря сознания для нас являлась окончательным показателем достижения «потолка». Все испытуемые выехали на Казбек, где прожили в течение 10 дней на высоте 4000 м, а затем, не будучи альпинистами, легко взошли на вершину (5048 м). За это время число эритроцитов у них возросло на величину около миллиона. Затем они вернулись в Киев и снова испытывались в барокамере; при этом оказалось, что «потолок» их повысился больше, чем на 1500 м. Одновременно на Эльбрусе на той же высоте поставила подобные опыты группа Е.Г. Владимирова, получив примерно такие же результаты.

Более длительная акклиматизация в течение нескольких месяцев ведет к большему нарастанию числа эритроцитов, что сильно способствует восхождению на большие высоты. Нам приходилось наблюдать на высотах Эльбруса, Казбека и Памира сотрудников высокогорных метеорологических станций и местных работников, поднимавшихся одновременно с участниками нашей экспедиции. При этом они всегда переносили высоту

значительно лучше, чем мы даже после акклиматизации в течение нескольких дней.

Такой метод профилактики высотной болезни является более совершенным и потому, что организм приспосабливается к высокогорному климату не только за счет нарастания числа эритроцитов, но и другими способами: увеличивается жизненная емкость легких, глубина дыхания, ударный объем сердца. Отрицательной стороной этою метода является его длительность. Мы пробовали сократить этот срок, вводя вещества, стимулирующие кроветворение (мышьяк, препараты печени), и получили усиление кроветворения на высотах. Мы пытались усилить адаптацию (приспособляемость организма) к пониженному атмосферному давлению тренировкой в барокамере и одновременной стимуляцией кроветворения введением мышьяка и приемом гематогена. При этом получилось повышение «потолка» в барокамере с 7500 м почти до 10000 м.

Следующий вид профилактики горной болезни основывается на наблюдении над состоянием кислотно-щелочного равновесия на горных высотах. Если горная болезнь сопровождается алкалозом[1], то введение кислых веществ, подавляющих алкалоз, должно хотя бы частично предотвратить это заболевание. Еще в 1930 г., во время высокогорной экспедиции на Эльбрус, нами был поставлен следующий опыт. Были выбраны два участника экспедиции одного возраста, приблизительно одинаковой силы и конституции. В 1929 г. они совершили тем же путем восхождение на Эльбрус. Один из них (А.) тогда чувствовал себя значительно хуже, чем другой (Б.). В 1930 г. А. ежедневно принимал по 15 г лимонной кислоты в сахарном сиропе (200 г сахара), а Б. по 15 г двууглекислой соды с таким же количеством сахара. У Б. быстро развилась горная болезнь, в то же время А. чувствовал себя вполне здоровым, несравненно лучше, чем в предыдущем году. В 1933 г., во время альпиниады РККА, Д.И. Шатенштейном, М.Д. Чиркиным, К.С. Косяковым и Г.И.

[1] Повышением щелочности крови.

Котовым был поставлен опыт, подобный нашему. При восхождении на вершину Эльбруса ряд участников альпиниады принимал по 10,0 г соды в день, пять других — кислого фосфорнокислого натрия. Несмотря на то, что первая группа состояла из опытных альпинистов, на вершину взошел лишь один участник; во второй группе, сформированной из людей, которые были в горах впервые, взошло четверо из пяти.

Применяя такого рода профилактику, мы пробовали поднять «потолок» при действии пониженного атмосферного давления в условиях барокамеры. Сначала была определена выносливость подопытного лица в норме. Оказалось, что «потолком» для него являются 7000 м. На этой высоте появились угрожающие симптомы в виде нарушения видимости, похолодания конечностей, бледности, синюшности и затуманенного сознания. Спустя 3,5 месяца опыт был повторен с применением кислотной профилактики, только вместо лимонной кислоты применялся лимонный сок. Испытуемый съел за 28 часов 15 лимонов с 1 кг сахара. После этого он подвергся исследованию в барокамере. На этот раз испытуемый достиг благополучно 8000 м и на этой высоте чувствовал себя вполне хорошо. Давление было снижено, испытуемый достиг 8500 м; при этом появились угрожающие симптомы с потерей сознания. Таким образом, «потолок» был поднят на 1500 м. Дальнейшие исследования показали, что сахар сам по себе несколько улучшает психическую деятельность на высотах в условиях барокамеры. Н.В. Лауэр нашла, что глюкоза вместе с аскорбиновой кислотой (витамин С) усиливает выносливость к пониженному атмосферному давлению у животных в барокамере. Отсюда следует ожидать, что лимонный сок, богатый витамином С, в сахарном сиропе должен действовать несколько лучше, чем лимонная кислота в таком же сиропе.

Нами были поставлены опыты на животных с выяснением предела выносливости пониженного атмосферного давления под влиянием введения кислоты. И в этом случае кислотная профилактика несколько повышала «потолок», однако не столь эффективно, как этого следовало бы ожидать,

исходя из наших опытов на горных высотах. По-видимому, это объясняется тем, что алкалоз в барокамере выражен слабее, чем в горах; в последнем случае он усиливается за счет гипервентиляции, вызванной мышечной деятельностью при восхождении. Мы уже отмечали выше, что горная болезнь скорее возникает при физическом утомлении; некоторые авторы даже считают, что горная болезнь является следствием утомления. А.В. Палладин и Л.И. Палладина нашли, что при кислой диете работоспособность мышц повышается. По-видимому, этот факт может помочь разъяснению, почему кислотная профилактика при восхождении на горные высоты дает лучшие результаты, чем в барокамере.

Подобные исследования были проведены и за границей. Грин, поднимаясь в 1932 г. на гору Камет, принимал хлористый аммоний, который вызывает ацидоз. По его мнению, благодаря этому, ему удалось взять большие высоты. В том же году Дуглас, Грин и Керджин изучали мускульную работу в барокамере при 347 мм ртутного столба, применяя хлористый аммоний, и без него. Они нашли, что при приеме хлористого аммония был меньший цианоз, меньшая частота пульса и большее напряжение кислорода в крови, чем в контроле. Кристенсен и Смис (1936 г.) сообщили, что им удалось поднять «потолок» у испытуемых в барокамере на 1000-2000 м после приема хлористого аммония и достичь высоты 8000 м. Эти исследователи рекомендуют летчикам принимать перед высотными полетами по 15-25 г хлористого аммония.

Жители гор давно уже пользуются для предупреждения горной болезни при восхождениях различными растительными средствами: кислые фрукты, чеснок, листья какаового дерева, кофейные зерна. Часть из них является кислыми диететическими средствами, другая часть — тонизирующими, действующими на сердечно-сосудистую и нервную системы. Исследовались (Кэмпбелл) различные растительные диеты на крысах с целью изучения повышения их приспособляемости к пониженному атмосферному давлению. Так, при изучении действия моркови, пастернака,

свеклы, бананов, яблок и некоторых других пищевых веществ отмечалось особенно благоприятное действие моркови и яблок. Проделав подобные же опыты на крысах, мы нашли, что такая растительная диета лишь в небольшой степени повышает выносливость к недостатку кислорода.

Благоприятное действие возбуждающих средств — кофе, какао, крепкого чая хорошо известно альпинистам, и они давно применяются в практике высокогорных восхождений. Лечебные препараты, действующие на сердечно-сосудистую систему, были также испытаны с целью повышения выносливости при пониженном атмосферном давлении. Г.Е. Владимиров, И.М. Дедюлин, А.И. Острогорская и Я.А. Эпштейн показали, что кофеин на высотах увеличивает ударный объем сердца, облегчает этим приспособление организма к недостатку кислорода. А.П. Жуков, Н.Ф. Григорьев, Г.В. Пешковский и другие, испытывая действие кофеина на горных высотах Эльбруса, нашли, что он не только не предотвращает появления горной болезни, но, наоборот, способствует ее возникновению. С.И. Субботник исследовал действие кофеина и колы на людях в барокамере на «высоте» 5500 м и наблюдал благоприятный эффект, особенно от колы. Наши опыты на животных в барокамере на больших высотах не дали рельефных положительных результатов от введения кофеина, камфары; несколько лучшие данные были получены при введении настойки строфанта и стрихнина. Возлагались большие надежды на кардиазол, но в опытах на животных в условиях барокамеры получались отрицательные или неявно выраженные положительные данные.

Выше мы уже отмечали, что на больших высотах функции центральной нервной системы нарушаются; отсюда необходимость профилактики горной болезни в виде различных воздействий на центральную нервную систему. Мы уже говорили, что весьма характерны для горной болезни головные боли. Для устранения их альпинистами применяется фенацетин, аспирин, пирамидон. Согласно А.П. Жукову, в основе изменений организма в условиях пониженного барометрического

давления лежит длительное возбуждение высших вегетативных центров, воздействующее по симпатическим путям на обмен веществ и остальные процессы в организме; снятие необычного процесса возбуждения в центральной нервной системе предотвращает горную болезнь или, в случаях ее наступления, снижает ее проявление. А.П. Жуков, Н.Ф. Григорьев, Г.В. Пешковский и другие пробовали давать на высотах Эльбруса снотворное — люминал. Однако под его влиянием снизились показатели силы по динамометру, упала работоспособность, регистрируемая на эргографе; словом, усилились те нежелательные явления, которые и без того возникают на горных высотах. Для устранения их эти авторы применяли комбинацию люминала с кофеином. По их мнению, при совместном действии этих антагонистов не только не происходит взаимной нейтрализации их влияния, но благоприятное действие люминала значительно увеличивается, а неприятные свойства его устраняются. Они же испытали на высотах Эльбруса действие люминала с кофеином (смесь № 1) и бромистого натра с кофеином (смесь № 2). Одна группа принимала при восхождении на Эльбрус смесь № 2, другая — смесь № 1, и третья — оставалась контрольной. Головная боль после применения первой и второй смесей уменьшалась примерно в три раза; также становились менее выраженными другие симптомы. Особенно резко уменьшилось число тяжелых форм горной болезни при применении смеси № 1. К сожалению, на основании этих данных трудно учесть, насколько способствуют эти лекарственные вещества достижению больших высот, так как исследователями не учитывалась разница в достижении высот с применением этих веществ и без них.

На основании изложенных выше данных о симптомах и сущности горной болезни можно ожидать положительного эффекта от стимуляции центральной нервной системы. В последнее время для предотвращения утомляемости получил сравнительно широкое применение фенамин (бензедрин). И.И. Брехман и М.А. Розин в лаборатории проф. Н.В. Лазарева нашли, что фенамин положительно влияет на выполнение работы, связанной

с тонкой координацией движений и большим напряжением внимания. Напомним, что, по нашим данным, именно эти функции сильно страдают на больших горных высотах. В.В. Стрельцов и В.И. Федорова исследовали влияние фенамина на некоторые функции центральной нервной системы в условиях барокамеры при «подъеме на высоту» 4000-5000 м. В качестве критерия оценки состояния центральной нервной систем эти авторы выбрали исследование световой чувствительности темноадаптированного глаза[1] и особенности хода кривой адаптации остроты зрения (вернее, разрешающей силы глаза), а также гетероформии[2]. На высоте 4000-5000 м эти функции подавляются. Были проведены эксперименты на 10 студентах и двух летчиках; авторы пришли к заключению, что 20 мг фенамина, принятого на фоне уже развившихся явлений, обусловленных воздействием пониженного барометрического давления, восстанавливают остроту зрения. Действие фенамина наступает через 20-30 минут после приема, достигая наибольшей силы на сороковой-пятидесятой минуте, и продолжается 60-80 минут.

Мы остановились на целом ряде возможных мер предотвращения горной болезни. Какое же из них наиболее рационально и эффективно? Первое место занимает применение кислорода или еще лучше карбогена (смеси кислорода с угольной кислотой). Но такой метод применим лишь при подъеме на горные высоты по канатной дороге или другим механическим путем; для альпинизма он исключается.

Все методы бескислородной профилактики менее эффективны. Среди них на первое место, по-видимому, следует поставить длительную акклиматизацию с тренировочными восхождениями. Этот метод хорошо известен альпинистам и давно ими применяется. Отрицательная его сторона — продолжительность акклиматизации; более короткий срок дает худшие результаты, поскольку в меньшем количестве вырабатываются эритроциты и гемоглобин (выше мы указывали, что кроветворение на высотах можно

[1] Постепенное приспособление сетчатки глаза различать предметы в темноте.
[2] Баланс мышц, глазодвигателен.

стимулировать под влиянием некоторых воздействий и тем самым несколько сократить срок акклиматизации).

Когда появляются первые признаки горной болезни, следует устранять или подавлять ее, в зависимости от симптомов проявления. При усиленном дыхании (гипервентиляция), когда наступает алкалоз, помогает применение кислоты в сахарном сиропе, причем предпочтительно лимонного сока, который содержит вместе с лимонной кислотой витамин С. Далее следуют различного рода стимуляторы сердечно-сосудистой и нервной систем. Особенно осторожным следует быть при применении стимуляторов сердечной деятельности: всегда следует помнить, что чрезмерная перегрузка сердца может привести к несчастному случаю на больших горных высотах; такие стимуляторы следует применять лишь при врачебном контроле.

Для устранения головной боли, головокружения рекомендуются фенацетин, аспирин, пирамидон.

Применение средств как успокаивающих, так и возбуждающих центральную нервную систему, требует дальнейшего изучения.

В целом же рациональное пользование различными средствами профилактики горной болезни помогает достижению наибольших высот.

Киев.

ЛИТЕРАТУРА

Аксянцев М.И. Проблема пониженного барометрического давления в физиологии и патологии. Сборник работ Казанского государственного медицинского института, № 1, Казань, 1931.

Брусиловская Д.А. Молочна кислота при короткочасній роботі в умовах зниженого атмосферного тиску. Медицинский журнал Академии наук УРСР, VII, I, 1937.

Вылегжанин Н.И. Материалы к учению об изменении красной крови на горных высотах. Сборник работ Казанского государственного медицинского института, IX-X, Казань, 1933.

Лауэр Н.В. Питання кількості залишкового азоту крові при короткочасній утомі в умовах зниженого тиску. Медицинский журнал Академии наук. УРСР, VII, I, 1937.

Малкина З.И. Изменения крови при подъеме на высоты. Сборник работ Казанского государственного медицинского института, № 1, Казань, 1931.

Павлова О.Н. Картина крови в условиях высокогорного климата. Узбекский институт экспериментальной медицины, Ташкент, 1937.

Пашаев Т.Г. Лужно-кислотна рівновага і глютатіон крові при короткочасній втомі на гірських висотах. Медицинский журнал Академии наук УРСР, VII, I, 1937.

Самцов В.А. Материалы к вопросу о состоянии сердечно-сосудистой системы и психики в связи с условиями работы на горных высотах. Труды Татарского института теоретической и клинической медицины. Сб. I, Казань, 1934.

Сиротинин Н.Н. История развития учения о горной болезни. Сборник работ Казанского государственного медицинского института, № 1, Казань, 1931. Отчет экспедиции кафедры патологической физиологии Казанского государственного медицинского института, там же; К вопросу о действии пониженного атмосферного давления на животный организм, Сборник работ Казанского государственного медицинского института, IX—X, 1933; Отчет 4-й высокогорной экспедиции кафедры патологической физиологии Казанского государственного медицинского института, Труды Татарского института теоретической и клинической медицины, сборник № 1, Казань, 1934. Болезнь высоты и ее предупреждение, «Природа», № 5, 1934. Влияние дыхания при пониженном атмосферном давлении на состояние организма. Руководство по патологической физиологии, под ред. акад. А.А. Богомольца, III, Биомедгиз, 1936.

Сиротінін М.М. Звіт про роботу високо гірської експедиції Інституту клін. фізіол. Академії наук УРСР. Медицинский журнал Академии наук

УРСР, VII, I, 1937; Життя на высотах і хвороба висоти, Київ, издание Академии наук УРСР, 1939.

См. также литературу к статье М.В. Раскина «Физиология альпинизма». «Побежденные вершины», 1948, и в более полном виде в сборнике «Гипоксия», издание Академии наук УССР, Киев, 1949.

Я.И. ФРОЛОВ
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ОЛЕДЕНЕНИЯ ЭЛЬБРУССКОГО РАЙОНА

На летний период 1948 г. мы наметили осмотр оледенения склонов Эльбруса и прилегающей части Главного хребта. Ледники эти уже посещались Н.Я. Литником, Н.А. Бушем, В.П. Ренгартеном, С.П. Соловьевым, В.Я. Альтбертом, автором этих строк и рядом других исследователей. Было описано состояние ледников, получен цифровой материал, поставлены метки, по которым можно было получить представление о поведении ледников. Вместе с тем эти наблюдения не носили характера систематических гляциологических исследований. Так, Н.А. Буш занимался этим при своих работах по ботаническому обследованию Кавказа; В.П. Ренгартен и С.П. Соловьев — попутно с геологическими исследованиями; Н.Я. Динник, — проводя наблюдения в разнообразных областях науки.

С 1925 г. систематическую работу вела Главная геофизическая обсерватория совместно с Государственным гидрологическим институтом, в экспедициях которых принимали участие и мы. В последние же годы эта работа велась исключительно нашими силами.

Мы взяли на учет почти все ледники, спускающиеся со склонов Эльбруса, а также ледники долин — Адыр-су, Адыл-су, Шхельды, Юсеньги, Донгуз-орун, Чегем, Безинги, Черек. Время от времени, к сожалению, не вполне систематически, снимались нами показания, поскольку у конца каждого из этих ледников были поставлены метки. Если бы мы имели возможность более регулярно снимать эти показания, то располагали бы достаточным материалом, характеризующим динамику ледников Эльбрусского района.

Как известно, большая работа по изучению ледников Кавказа была проведена в период Второго международного полярного года (2 МПГ, 1932-

1933 гг.). Экспедиции работали все лето. Были детально просмотрены и описаны все ледники, составлены карты их конечных частей, у которых поставлены метки.

В это время были обработаны и данные по ледникам, намеченным нами к осмотру в 1949 г. По имеющимся у нас сведениям, после 1933 г. они никем не обследовались, если не считать случайных посещений, завершавшихся краткими заметками. Нам неизвестны, во всяком случае, цифровые материалы, полученные в результате использования меток: наших и 2 МПГ.

Отправляясь летом в Баксанское ущелье, мы предполагали использовать метки 1933 г., хотя надежд на их полную сохранность было немного, ибо, как правило, метки наносились красками, которые редко сохраняются дольше десяти лет. При отсутствии меток мы намеревались воспользоваться своими же фотоснимками различных лет.

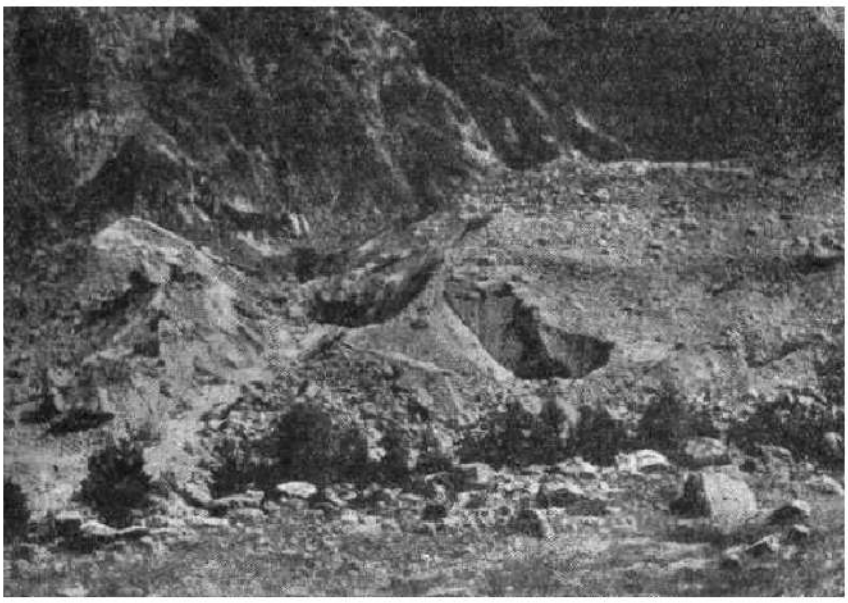
Нет нужды говорить о том, что гибель меток большая потеря для гляциолога, желающего определить динамику конца ледника. Потерянная метка может привести к тому, что нужно начинать работу сызнова. Впрочем, мы подготовились к этой возможной утрате, зная где, когда и кем были поставлены метки. Возможно, что уцелели хотя бы их остатки, и, воспользовавшись ими, мы смогли бы определить отступание или наступание ледника. Общую же картину конца ледников и их изменений можно было определить по имеющимся у меня фотографиям.

* * *

Первым был осмотрен ледник Шхельды, издавна поражающий исследователя необычайным видом. Мощный его каменный чехол остается загадкой, и происхождение его недостаточно выяснено по сей день. До 1932 г. имели хождение два взгляда. Представители одного из них (НЯ. Динник, Д. Фрешфильд, В.Я. Альтберг и др.) допускали, что каменный панцирь был образован грандиозным обвалом северных склонов Ушбы или лежащей в глубине долины стены Шхельды. Другие склонны были утверждать, что

каменный чехол ледника — результат разрушений склонов долины, и, следовательно, его надо считать обычной мореной, покрывшей всю поверхность льда. Приводились многочисленные доказательства в защиту обеих позиций. Работа, проведенная в 1932-1933 гг. Е.И. Орешниковой по изучению петрографического состава обломочного материала чехла, привела к выводу, что мы имеем дело с обоими случаями, причем обвал, по-видимому, сыграл немалую роль в образовании панциря, покрывающего нижний конец ледника.

Считаем небесполезным поделиться нашими наблюдениями. Петрографически разнообразный материал снесен на ледник с различных склонов долины на всем ее протяжении. В то же время на конце ледника лежит мощная толща однородного обломочного материала, убедительно говорящая о том, что в один из моментов жизни ледника на его поверхность упало очень много обломочного материала, обрушившегося громадными глыбами, которых не наблюдается в моренах верхней части. Падение такой массы обломочного материала — бесспорный результат катастрофы, обвала. Если теперь петрографический состав пород морен различен, то это результат добавления к основному материалу обвала пород с других склонов долины.



Правый конец ледника Шхельды, 1948 г.

Фото Д. Фролова.

В верховьях долины Баксана мы бывали почти ежегодно в течение не одного десятилетия. Об интересных явлениях много приходилось нам беседовать и с местным населением, со стариками, которые были живыми их свидетелями. Глубокий старик сообщил нам, что, будучи еще мальчиком, он пас стадо овец на правом склоне долины Адыл-су, напротив ущелья Шхельды. Во второй половине дня он услышал страшный гром, хотя небо было совершенно чисто. Долина Шхельды оказалась заполненной «дымом» (пылью). После того как пыль улеглась, поверхность ледника, дотоле достаточно чистая, оказалась покрытой камнями.

Если этот рассказ принять за действительность, то не приходится сомневаться в обвале. К материалу обвала, естественно, добавлялся обычным порядком и материал другого петрографического состава.

Сведения об интересующем нас леднике в литературе появляются с 1881 г., если не считать указаний Г.В. Абиха (1850-е гг.) по общему состоянию ледников Кавказа, который отметил их наступание. В 1881 г. Шхельду посетил Н.Я. Дияник. Он нашел ледник в стадии наступания, объяснив это мощной каменной покрышкой, которая задерживает процессы стаивания с поверхности. К сожалению, никакого цифрового материала исследователь не оставил. Не запечатлел он и картину конца ледника, что дало бы возможность сравнить его с современным положением. В 1897 г. ледник посещается И.В. Мущкетовым, который тоже констатирует его наступание на пастбища. Н.В. Поггенполь (1905 г.) определяет ежегодное наступание в 7 м.

В 1911 г. Н.А. Буш указывает, что «наступление его (ледника — Я.Ф.) не прерывалось в течение всего последнего периода отступания кавказских ледников», что это «наступление очевидно: ледник в своем поступательном движении дошел до сосняка в 15-20 саженях от нижнего конца, от места выхода главного истока ледника».

В.П. Ренгартен в 1913-1914 гг., работая по геологии района, одновременно осматривает ледники, ведет наблюдения над ними. Он также отмечает признаки наступания.

В 1925 г. ледник Шхельды посетили проф. В.Я. Альтберг и автор этих строк. После детального осмотра мы пришли к прямо противоположным выводам. В то время, как В.Я Альтберг утверждал, что ледник наступает, мы считали, что он отступает. Поставленная метка должна была разрешить спор. И вот нам довелось снова посетить Шхельду, правда, только в 1929 г. Проверка показала, что за четыре года ледник отступил на 24 метра, среднее годовое отступание — 6 м. Это подтверждается и показаниями, снятыми по нашей метке С.П. Соловьевым в 1931 и в 1932 гг.: по 3 метра в 1930 и 1931 гг. и 2 м за 1932 г.

Можно констатировать, таким образом, непрерывное отступание ледника с 1925 г. по 1932 г. с постепенным замедлением от 6 м до 2 м в год. Это, видимо, и дало повод С.В. Калеснику сделать в 1936 г. вывод, что «сейчас, вероятно, ледник или остановился, или опять начал наступать» (3). На самом же деле ледник продолжает отступать.

В 1932-1933 гг. ледник осматривался довольно детально экспедицией 2 МПГ, составлена была хорошая карта конца ледника, но, насколько нам известно, не поставлено метки, которой можно было бы воспользоваться для дальнейших наблюдений. Не указано в отчете, был ли произведен промер отступания ледника от метки: нашей или С.П. Соловьева (в 1933 г. обе метки безусловно были видны).

Упомянем в заключение, что происходило и стаивание ледника с поверхности, о чем говорят боковые морены по обеим сторонам его.

Таковы сведения по динамике ледника Шхельды, который с 1881 по 1920 г. (примерно) находился в стадии отступания.

Какими же особенностями характеризуется за этот период конец ледника?

Первое описание конца ледника, по имеющимся у нас сведениям, появляется у Н.А. Буша. Автор говорит, что ледник заканчивается в виде крупной и высокой стены из чистого льда (40-60°), на которой видна его слоистость. Приложенная к статье схема ледника показывает длину этого ледяного обрыва, который тянулся почти по всей ширине ледника, исключая, быть может, только небольшой части правой его стороны. Главный ручей вытекал из-под левой части. С правой стороны (она выше) струился небольшой поток. Слоистость льда и наличие ледникового грота отмечены на фотоснимке Н.Н. Щукина, приложенном к статье. У конца ледника была поставлена метка, которой, по-видимому, мало кто воспользовался.

В 1929 г. мы дали краткое описание ледника. Вместо сплошного ледяного обрыва, мы наблюдали лишь отдельные участки в форме ледяных срезов. Остальная часть ледника была засыпана обломочным материалом, образовавшим серый однородный склон. В конце ледника, ближе к правой стороне, зиял громадный ледяной грот, до 15 м шириной и до 7-8 м высотой.

Описывая ледник, Е.И. Орешников а (1933 г.) указывает, что конец его обрывист, имеет несколько крутых срезов, которые падают под различными углами: «Правая сторона ледника выдается вперед на несколько десятков метров» (4).

Из всех описаний конца ледника наиболее характерную картину дает Н.А. Буш. Крутой склон чистого льда почти по всей ширине ледника — яркий признак действительного наступания ледника. Кроме того, на снимке ледника того времени бросается в глаза малое количество обломочного материала у подножия ледяной стены — признак, также характеризующий наступание.

Остальные указания о наступании или отступании ледника, без описания картины его конца, почти ни о чем не говорят. Таково, к примеру, указание на то, что ледник находился в 15-20 саженях от «сосняка», или «подошел к березняку». Такие указания нельзя считать достаточно точными, если учесть, что рядом находился жилой кош, население которого вырубало

лес. Подобные естественные метки могут служить относительными приметами только в том случае, если осмотр ледника производится систематически, а не с перерывами в 5-10 лет.

Поляна между предполагаемым сосняком и концом ледника невелика. Если же принять во внимание, что ледник с 1881 по 1914 г., а возможно и до 1920 г., находился в стадии наступания (по Поггенполю до 7 м в год), то вся предледниковая площадь была бы не только залита льдом, но он спустился бы и в каньонообразное русло р. Шхельды. Но признаков этого не отмечается.

Ледник, действительно, переходил в наступание, но, по-видимому, лишь на короткий срок и на незначительное расстояние. Мы ведь не видим конечных морен, которые говорили бы о былом большом наступании ледника, а затем и о его отступании.

В 1948 г. мы снова посетили ледник. Детально осмотреть его за недостатком времени не удалось. Поставлена была новая метка.

Место старой метки (1925 г.) найдено без труда. Она находилась в 11 м от конца ледника, а в 1929 г. — в 35 м. Против глыбы, на которой была поставлена метка и от которой нужно вести измерение, образовалась большая и длинная рытвина до 3 м глубиной, обращенная вершиной в сторону верхней части ледника. Она завалена камнями, льда не видео. Поэтому провести промер, получить нужный цифровой материал не удалось.

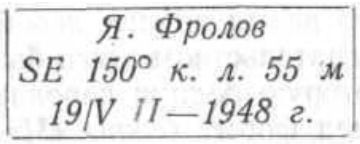
Нынешняя картина конца ледника такова. Левая половина стабилизировалась: она сплошь покрыта камнями и, по-видимому, стаивает только с поверхности. Сильно изменилась правая половина конца, где заметны значительные разрушения. Та часть, которая выдавалась на несколько десятков метров, отделена от конца ледника глубоким оврагом, направленным к вершине ледника и в сторону правого склона долины. В отделяющейся части еще сохранился лед, но недалеко время, когда и этот остров обратится в участок погребенного льда.

Если раньше ледниковые гроты находились в средней части ледника, перемещаясь иногда к левой стороне, то теперь они перемещаются ближе к правой половине. Самый крупный — левый грот (высота до 8 м, глубина до 10 м), несколько меньше — средний, и наименьший — третий. Выше по оврагу наметился четвертый грот. Лед в их стенках чистый, ярко-голубого цвета, с сильно выраженной косой слоистостью. Над гротами сохранились косые ледяные срезы, по которым почти беспрерывно скатываются камни.

Наиболее мощный поток мутной воды вырывается из второго грота. Левый грот дает меньший поток чистой воды. Дальше из правой половины ледника вытекают небольшие потоки, которые сливаются внизу, недалеко от ледника. Между левым и средним гротами виден покрытый обломочным материалом выступ льда. Вскоре он отделится от ледника, образовав также участок погребенного льда.

Вся правая часть ледника ярко говорит о его отступании.

Метка поставлена нами против крайнего левого грота, на большой серой глыбе с северной стороны:



Она нанесена черной краской. Считаем нужным указать, что при каждой метке мы ставим черный кружок, от которого следует вести измерения.

20 августа нами был посещен и ледник Терскол, который можно наблюдать уже с дороги, ведущей к поляне Азау, у подножия Эльбруса. Как ни странно, но он меньше привлекал внимание исследователей, чем другие ледники, например, Б. Азау или Шхельды. Между тем Терскол весьма интересен.

Отметим попутно, что ледники Кавказа, которые много раз посещались и описывались, фотографировались почему-то крайне мало. Снимков 1880-1890 гг. почти не найти. Описания же ледников, как бы ни

были они подробны, не дают полного материала для их характеристики. Терскольскому леднику повезло по части раннего его фотографирования известным русским горным фотографом Г.И. Раевым в 1881-1884 тт. и не менее известным фотографом того же времени Д.Н. Ермаковым. Снимки сделаны фотографами с разных пунктов, с разных точек, как по расстоянию, так и по высоте. Сравнение картины ледника того времени со снимками более позднего периода говорит о разительных переменах в его длине и мощности. При отсутствии же подробных описаний фотография, кроме картографического материала, является почти единственным документом, отражающим динамику ледника, хотя и не дающим нужного цифрового материала.

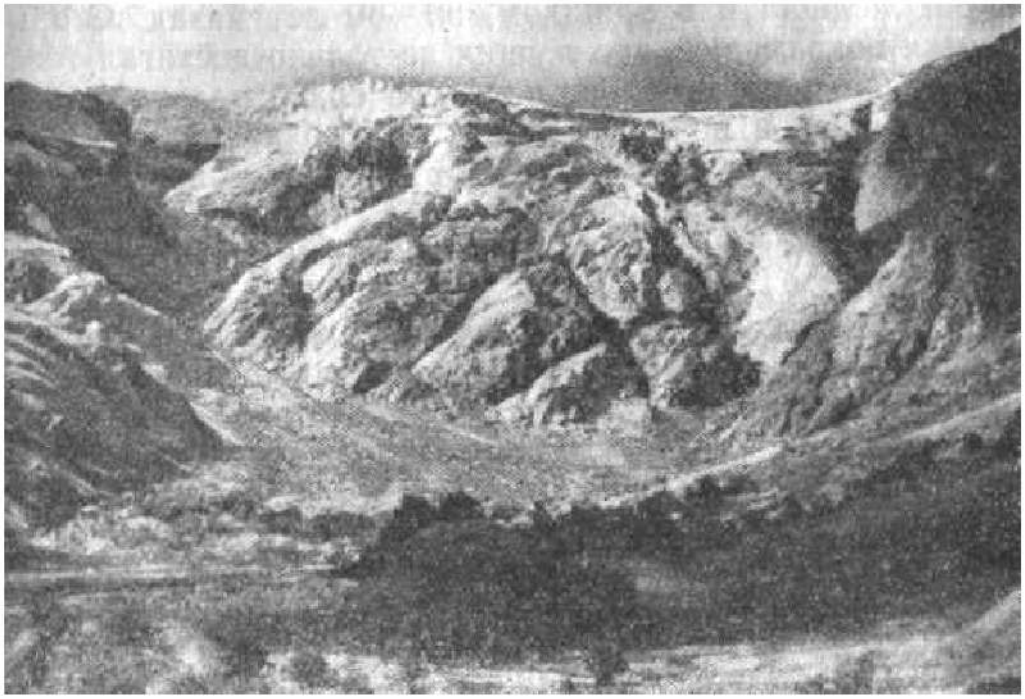
Как и все ледники Кавказа, Терскол отступал и наступал. С.В. Калесник приводит сведения о том, что в 1897-1898 гг. ледник отступил на 7 м, в 1911 г., видимо, наступал, а с 1914 по 1926 г. сократился на 96 м» (3).

Первое описание ледника, видимо, дано Н.Я. Динником. Ледник описан Н.А. Бушем (1911 г.): «Правая часть ледника висит на обрыве, а левая часть нижнего конца спускается гораздо ниже, до дна ущелья» (2). Отмечается, что в это время ледник левой частью перешел в наступание. Доказательством этого была небольшая конечная морена, которую ледник передвигал перед собой. Конец ледника имел форму буквы «Ч». Основной поток выливался из левой части ледника. Была поставлена метка, но неизвестно, чтобы кто-либо воспользовался ею.

В 1926 г. мы вместе с проф. В.Я. Альтбергом осмотрели и этот ледник. Признаков наступания мы не обнаружили, ледник явно отступал. Хотя левый язык его и достигал дна долины, но упоминаемой Н.А. Бушем морены у конца языка мы не нашли: она была размыта потоком воды. Левый язык был еще мощным, достаточной толщины, но уже ясно намечалось продольное его разделение на две части, что и произошло в дальнейшем. В верхней части, перед обрывом, был виден большой ледопад с громадными ледяными глыбами причудливой формы.

Осмотрен был Терскол и С.П. Соловьевым (1931 г.). При этом отмечено новое значительное отступание. Е.И. Орешникова (1932-1933 гг.) также отмечает, что ледник отступил, но левая часть его конца еще достигает дна долины. Кроме этого, имеются указания С.В. Калесника об отступании ледника с 1914 по 1926 гг. на 96 м.

Общий признак разных описаний ледника, резко бросавшийся в глаза, это динамика левой части его языка.



Ледник Терекол, 1948 г.

Фото Я. Фроловы.

Временами он достигает дна долины, временами отступает, вися на склоне. Осмотр ледника разными исследователями в пределах 1-2 лет дает иногда радикально изменившуюся картину. Мы же считаем невозможным столь значительные изменения ледника (Терскола) за такие короткие сроки объяснить климатическими причинами. Не является ли главным фактором, изменяющим картину положения конца ледника, не его наступание или отступание, как естественное увеличение или уменьшение массы льда в целом, зависящее от климатических причин, но обвал, сползание льда с крутой части обрыва, подстилающего ледник и создающее видимость наступания?

Ледник этот посещался нами несколько раз, начиная с 1926 г., и каждый раз фотографировался с определенного пункта. Сравнение этих снимков дает картину непрерывного изменения конца ледника, именно — стаивания с поверхности, уменьшения общей мощности.

Если же сравнить наши фотографии 1926-1948 гг. со снимками Г.И. Раева и Д.Н. Ермакова, сделанными в 1881-1882 гг., то можно говорить об усиленном отступании ледника и в прошлом, 50-60 лет назад. Старые снимки показывают, что ледник не только достигал тогда дна долины, но левая сторона его сравнительно далеко продвигалась и по дну долины. С того времени ледник, невидимому, начал усиленно отступать, стаивать с поверхности, возможно, в иные годы совершал небольшие наступания (скорее, обвалы), как об этом и сообщает Н.А. Буш.

В 1926 г. левая часть ледника выглядела еще мощным концом, упирающимся в долину. В дальнейшем с каждым годом мощность этой части уменьшалась, слой льда делался тоньше, язык уходил вверх, на обрыв.

Правая часть ледника и в 1881-1882 гг. находилась там же, где и теперь, на краю обрыва, но слой льда был мощнее. Возможно, что временами лед срывался с обрыва, который, по-видимому, давно освободился от льда.

Не приходится сомневаться в том, что он является местом сброса льда, так как хорошо выглажен, отшлифован. Значительная мощность ледяной массы во всей этой части наблюдалась еще в 1926-1927 гг.

Какова картина конца ледника теперь?

Прежде всего бросается в глаза, что нет прежней мощности, не видно и величественного ледопада. В 1881-1882 гг. ледник имел резко выраженные правую и левую части. Правая часть висела на обрыве, левая — широким мощным концом спускалась в долину. Масса льда в конечной части имела форму треугольника, вершина которого была обращена в сторону долины. Н.А. Буш (1911 г.) и определяет эту часть, как похожую на букву «Ч». Ныне большой ледопад совершенно изменился, почти исчезнув. Толща льда значительно сократилась. Вместо двух выраженных частей, мы увидели пять.

Конец ледника имеет вид лапы с пятью «пальцами», висячими ледничками. Левый «палец» — самый длинный, наиболее низко спускающийся, но он не достигает дна долины, а висит над ней. Остальные «пальцы» лежат высоко на обрыве. С правой стороны разрушение идет весьма интенсивно, захватывая все более высокие части ледника.

Особенно хорошо видна картина ледника с Нового Кругозора. Сравнение ее с фотографиями, сделанными нами в 1938 и 1948 гг., показывает изменения ледника за десять лет.

Вода сбрасывается с ледника шестью потоками. Самый мощный из них левый. Сливаясь, они образуют р. Терскол. Метка, поставленная в 1933 г. экспедицией 2 МПГ, нами не найдена.

Ледник Терскол в отдаленном прошлом спускался далеко вниз по долине. Доказательство этого — ряд моренных террас по левому склону долины, а в самой долине — отложенные старые морены, лежащие в значительном удалении от современного конца ледника.

Правый склон долины сложен андезитами, среди которых находятся столбчатые лавы в виде прослоек. Обычно упоминается о наличии этих лав лишь на одном участке долины. Между тем эти выходы наблюдаются во многих местах склонов долины. Положение столбов самое разнообразное: вертикальное, горизонтальное, наклонное.

* * *

Последним был осмотрен 22 августа ледник Ирик. Несмотря на то, что лежит он несколько в стороне, систематические посещения ледника начинаются с 1896 г., а до этого здесь бывали Н.Я. Динник и К.Н. Россиков. Более подробные описания оставляют Н.А. Буш, В.П. Ренгартен, С.П. Соловьев, Е.М. Попов, В.Я. Альтберг и Е.И. Орешникова. С.П. Соловьевым в его работе «Ирик» (8) дано подробное описание долины и ледника, К сожалению, из фотографического материала, характеризующего конец ледника, нам известны лишь снимки автора этих строк, помещенные в статье В.Я. Альтберга (1). Фотографий 1880-1890 гг. мы не встречали вовсе.

Все исследователи говорят о непрерывном отступании Ирика. Допускается на некоторые годы и наступательное его движение. Были периоды, когда ледник находился в стационарном состоянии. Так, в 1913-1914 гг. он занимал то же место, где был и в 1887-1889 гг.

До 1913-1914 гг. ледники Кавказа находились в стадии отступания. Это касается и ледников, спускающихся с Эльбруса. Если Ирик в 1913-1914 гг. находился там же (нет ли тут ошибки?), где он находился в момент составления карты района, это значит, что ледник переживал тогда стадию наступания или, что возможно, находился в стационарном состоянии. Сведения об отступании его имеются с 1896 г. по 1948 г.

Интересно отметить постепенное уменьшение отступания ледника по годам. С 1896 г. по 1931 г. оно равно 17 м в год, в 1931-1932 гг. — 16 м, в 1932-1933 гг. — 11,5 м, с 1933 г. по 1948 г. — 10,4 метра.

Несколько нарушается эта закономерность гари измерениях В.Я. Альтберга и Я.И. Фролова за 1923-1926 гг., когда среднее годовое отступание составило 7 м. Возможно, что ледник находился некоторое время в стадии наступания.

Казалось бы, при сокращающемся отступании ледника, катастрофическое разрушение его конца мало понятно. Не оказывается ли в этом случае его общая экспозиция? Дальнейшие наблюдения ледников должны дать материал для более определенных и достаточно обоснованных выводов.

Описание конца- ледника мы находим у ряда авторов. Н.А. Буш указывает, что конец ледника — высокая и очень крутая стена. В.Я. Альтберг говорит, что «язык ледника чист и изборожден канавками, по которым стекает талая вода» (1). По описанию С.П. Соловьева, конец ледника мощен, крутизна склона достигает 35°, лишь в средней части ледник несколько осел и прогибается.

Как мы видим, никто из авторов не упоминает о ледниковых гротах. Влага из-под ледника выходила в виде двух потоков, или же растекалась

грязной водой по всей ширине. Ряд наших снимков конца ледника с 1926 г. по 1948 г., вместе с записями в дневниках, дает достаточный материал для определения постепенного изменения конца его.

В первые годы он обрывался высокой и крутой, округлой сверху стеной почти по всей ширине ледника. Средняя часть всегда была несколько ниже боков. Поверхность ледника и склон были чистыми, за исключением боков. Днем со склона по многочисленным желобам сбегало много чистой воды. При южной экспозиции освещенные солнцем потоки производили сильное впечатление.

Количество и величина ледяных гротов изменились. Бока конца ледника всегда были загрязнены, темны. Подняться на ледник можно было только по боковым моренам. Подняться по стене без рубки ступеней нельзя.

Ледник Ирик, 1948 г.

Фото Я. Фролова.

Начиная с 1931 г., средняя часть конца ледника заметно оседает. Размеры оседания можно заметить при сравнении фотографий, снятых за несколько лет. Моренный материал на поверхности ледника располагался по краям ледника, и бока, прикрытые обломочным материалом, предохраняющим от усиления стаивания с поверхности, оставались приблизительно на одной высоте. Средняя часть была чистой, белой.

Катастрофического разрушения конца ледника не наблюдалось. Обломочный материал конечной морены располагался у самого конца ледника.

Осмотр Ирика в 1948 г. показал большие изменения. Ледник сильно разрушился, не производит того внушительного впечатления, которое раньше привлекало туристов и исследователей. В этом отношении можно его сравнить лишь с катастрофическим разрушением Б. Азау. Если раньше только намечалась продольная впадина в средней части ледника, то ныне вся она превратилась в глубокую котловину. Белая чистая средняя часть обратилась в своего рода клин, спускающийся острием к концу ледника. При этом чистый клин до конца не доходит.

С правой и левой сторон, у очень крутых срезов видны сбросы в виде оползшей, покрытых обломочным материалом. По среднему оврагу можно легко выйти и а поверхность ледника. Значительно стаяла вся поверхность конца ледника, который очень загрязнен по всей ширине. Если раньше ледник заканчивался чистым льдом, то теперь здесь тянется сплошная черная масса, льда почти не видно, даже в самом конце. Два ярко выраженных грота расположены по краям среднего оврага, давая начало мощным потокам.

Поражает еще одно явление. Перед концом ледника, вплотную к нему, располагался ранее моренный материал, часто из довольно крупных глыб, которые были существенным препятствием при подходе ко льду. В 1948 г. перед концом ледника мы увидели гладкую, покрытую мелким песком площадь длиной до 180 м. Все крупные обломки вынесены с нее или занесены песком.

При общем отступании ледника на этом месте должен был отложиться моренный материал, которого раньше было здесь достаточно. В 1948 г. его не оказалось. Можно предполагать, что между 1933 г. и 1948 г., ближе к последней дате, ледник выделил массу воды, которая и «вынесла весь обломочный материал вниз или же засыпала его песком. Площадка здесь настолько ровна, что при измерении мы отмечали конец рулетки не

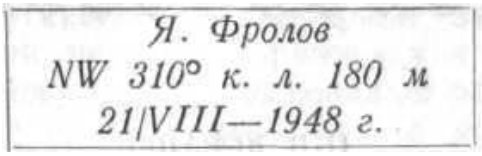
камнем, а чертой на песке. Лишь у конца ледника попадаются отдельные крупные глыбы.

Перед ледником нам удалось найти метку 1933 г. (2 МПГ). Описание ее дано точно. Глыба велика и не могла быть перенесена или же засыпана. Поток не изменил здесь своего места. Читать метку трудно.

Несколько слов об ее положении. В 1932 г. метка была поставлена в 76 м от конца ледника. В 1933 г. перенесена ближе к леднику, который за год отступил на 11,5 м. Новая цифра, указывающая расстояние до конца ледника, должна быть меньше 76 м. В статье же дана цифра — 315 м. Здесь, по-видимому, допущена опечатка: должно быть не 315, а 31,5 м, хотя листка с опечатками не приложено (см. Кавказ. Ледниковые районы, вып. V).

При измерении расстояния от метки 1933 г. до конца ледника в 1948 г. нами получена цифра — 188 м. Ледник отступил за 15 лет на 156,5 м, что дает среднее годовое отступление в 10,4 м.

У конца ледника нами поставлена метка, нанесенная черной краской:



Метка установлена на западной стороне громадной серой глыбы гранодиорита, на левом берегу потока ближе к левой стороне ледника.

* * *

Все ледники, осмотренные нами в 1948 г., находятся в стадии отступания, значительного стаивания с поверхности и общего разрушения. Особенно ярко проявляется это на леднике Ирик.

Пятигорск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтберг В.Я. О состоянии ледников Эльбруса и Главного Кавказского хребта в бассейне р. Баксан в период 1925-1927 гг., Известия Государственного гидрологического института, № 22.

2. Буш Н.А. О состоянии ледников северного склона Кавказа в 1907, 1909, 1911 и 1913 гг. Известия Русского Географического общества, т. L, вып. VIII, 1914.

3. Калесник С.В. Горные ледниковые районы СССР. Гидрометеоиздат. М.-Л., 1937.

4. Орешникова Е.И. Ледники Эльбрусского района по исследованиям 19 2-1933 гг. Кавказ. Ледниковые районы. Труды ледниковых экспедиций, вып. V, Л., 1936.

5. Попов Е.А. Некоторые черты режима ледника Ирик. Исследования ледников СССР, вып. 1, 1934.

6. Соловьев С.П. О состоянии ледников Эльбрусского района и к вопросу о причине их отступания. Известия Государственного Географического общества, т. LXV, вып. 2, 1933.

7. Соловьев С.П. Изучение ледников Северного Кавказа 8а 25 лет (1907-1932). Известия Государственного Географического общества, вып. IV, 1934.

8. Соловьев С.П. Ирик. Известия Государственного Географического общества, 1931, т. XIII, вып. 2-3.

9. Фролов Я.И. Результаты обследования ледников летом 1929 г. Исследования ледников СССР, вып. 1, 1934.

П.В. КОВАЛЕВ
О СИЛЕВОМ ПОТОКЕ В ДОЛИНЕ АДЫР-СУ

Наука знает немало страшных явлений природы, влекущих за собой большие человеческие жертвы и разрушения. К их числу относятся и сили, или сели, распространенные в южных горных районах СССР, особенно в горах Средней Азии и в восточной части южного склона Главного Кавказского хребта.

Силь — стремительно вытекающий грязевой поток, несет обычно большое количество крупного обломочного материала и обладает поэтому большой разрушительной силой. Он разрушает встречающиеся на его пути строения и мосты, сносит целые крупные поселения, уничтожает людей и животных.

О масштабе бедствий, наносимых силями, можно судить по тому, что во время известного силя в г. Алма-Ата (на р. Малой Алматинке) 8 июля 1921 г. было разрушено 65 домов, погибло около 500 жителей, уничтожено более 500 голов домашнего скота.

«Широкой быстрой лавиной, переполненной бревнами и камнями, налетела река на дачи, — писал очевидец. — Напрасно испуганные детские крики звали родителей, напрасно и они метались, прижимая к себе детей; недолго дома дрожали как в лихорадке: под ударами камней они вдруг ожили, сдвинулись с места, перевернулись — и только дикий шум реки раздавался в ответ на вопли о помощи. Всё — грязь, камни, деревья, материал разрушенных домов, люди, животные и даже птицы (куры, гуси, утки), — смешавшись в дикую кучу, неслось с головокружительной быстротой, захватывая все новые и новые жертвы... Падали, как карточные домики, сараи, амбары, заборы. Дома сбивались с фундаментов и либо растрепывались по бревнам, либо целиком спокойно, порой без больших

повреждений и иногда даже с обитателями, сносились краем течения и его новым разветвлением на другие места» (6).

Можно привести другие примеры разрушительной деятельности силей.

В 1934 г. в Лос-Анжелосе (Северная Америка) под силевым потоком погибло 40 человек и было уничтожено до 400 домов (7). За 24 года до этого во время силя на р. Шин-чай (Закавказье) погибло 400 жителей селения Баш-Гейнюк (7).

Мы не станем умножать приводимые примеры. Общеизвестны разрушения и бедствия, приносимые силями, что в свою очередь убеждало в необходимости научного их изучения и выработки наиболее эффективных мер борьбы. Несмотря на очевидность этого, в царской России не уделялось должного внимания изучению силей и борьбе с ними, хотя убытки, наносимые разрушением дорог, оросительных систем, населенных пунктов были весьма значительны. На пути планомерно организованной борьбы вставали такие, непреодолимые в то время, препятствия, как частная собственность на землю, лесные угодья, предприятия; передовые ученые не получали поддержки со стороны правительственных органов и буржуазной общественности.

Из работ дореволюционного периода: следует указать лишь на исследование известного геолога К.И. Богдановича «Два пересечения Главного Кавказского хребта» (2), где разбираются вопросы образования силей и описывается несколько силей Восточного Кавказа.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции изучению разрушительного влияния силей начали уделять большое внимание. Снаряжаются специальные экспедиции, как, например, горно-мелиоративная экспедиция Академии коммунального хозяйства в Заилийский Ала-тау. Вырабатываются меры обеспечения безопасности поселений и технических сооружений. К этому периоду относятся работы А. Бриллинского (3), Н. Ситковского (16) и В. Городецкого (6), наряду с

описаниями отдельных силевых потоков Средней Азии и Закавказья, освещающие и теоретические проблемы предмета.

Осуществляемый ныне великий сталинский план преобразования природы ставит одной из своих задач борьбу с эрозией почв. Нет сомнения, что борьба с силями, как одним из видов эрозии, явится составной частью выполняемых работ.

Следует отметить, что мы располагаем многочисленными описаниями силей Восточного Кавказа и Закавказья. Для Центрального же Кавказа таких описаний очень мало, хотя на склонах имеются ясно выраженные следы их проявления. Стремясь посильно заполнить пробел, мы хотим дать описание мощного силя, наблюдавшегося нами в долине Адыр-су (северный склон Центрального Кавказа).

Долина р. Адыр-су, относящаяся к бассейну Баксана, расположена на северном склоне центральной части Главного Кавказского хребта. Сейчас она служит административной границей между Грузинской ССР и Кабардинской АССР. Река принимает ряд притоков, главные из них — Куллумкол-су и Суллукол-су — образуют довольно значительные долины.

С юга долина Адыр-су замыкается участком Главного хребта с вершинами Гумачи, Чегет-тау-чана, Лацга, Уллу-тау-чана и Сарыкол-баши. Особенно эффектна белоснежная стена Уллу-тау-чана, замыкающая ущелье. Два перевала ведут отсюда в Верхнюю Сванетию, сравнительно легкий Местийский перевал и более трудный — Гарваш.

С запада долина ограничена относительно невысоким хребтом с вершинами Кой-авган-баши, Виа-тау, Курмычи, Андырчи. Северная часть хребта имеет довольно сложное строение; здесь подымается ряд интересных в альпинистском отношении скальных вершин (пики Монгольской народной республики, Авиации и др.). Несколько легких перевалов (Гумачи, Кой-авган-ауш в др.) ведут в соседнюю долину Адыл-су.

С востока долина замыкается Адырским хребтом, отрогом Бокового хребта. Адырский хребет имеет сложное строение. Здесь имеется ряд

высоких вершин, в том числе Джайлык-баши — одна из красивейших на Кавказе, наиболее высокая в районе Адыр-су (4533 м). Сравнительно сложные перевалы ведут в долину Чегема: Грановского, Голубева, Фрешфильда, Донкина, Чегемский.

Склоны долины сложены серыми гранитами Главного Кавказского хребта, возраст которых большинство исследователей считает допалеозойским. В устье Адыр-су хорошо выражена зона мигматитов, образовавшихся благодаря проникновению гранитной магмы между отдельностями докембрийских кристаллических сланцев. Непосредственно на допалеозойских гранитах лежат четвертичные отложения: древний и современный аллювий, продукты выветривания горных пород, моренный материал.

Корытообразный поперечный профиль и ступенчатый продольный профиль ясно указывают на ледниковое преобразование долины. О крупном древнем оледенении свидетельствуют и моренные отложения, обнаруженные в устье реки на высоте 150 м над ее уровнем (17) и, особенно, мощная конечная морена в 8 км от устья напротив глубокой рытвины Джаловчата.

Долина Адыр-су при впадении в долину Баксана образует высокую устьевую ступень. Это указывает на большую мощность древнего Баксанского ледника относительно некогда впадавшего в него ледника Адыр.

Многочисленные береговые морены, спускающиеся па долине значительно ниже современных ледников, следы сглаживания ледников на склонах долины, которые можно наблюдать на высоте до 120 и более метров над уровнем реки, подтверждают большую мощность древнего оледенения.

В нижней части, врезаясь в дно долины, река образует глубокий и узкий каньон.

Оледенение долины Адыр-су имело в период наибольшего развития сетчатый характер (ледники боковых долин и балок вливались в ледник Адыр, соединяясь между собой) и один общий язык. По мере отступания происходило расчленение на отдельные самостоятельные ледники. Этот

процесс, связанный с отступанием ледников, продолжается и поныне. Все же и современное оледенение долины Адыр-су еще довольно значительно, превышая площадь в 34 кв. км.

Мощный фирновый покров склонов Главного хребта дает начало трем долинным ледникам, которые у альпинистов чаще всего называются: Адыр-су, Гарваш и Гумачи; по Орешниковой (10) соответственно: Восточный, Адыр-су и Чегет-тау-чжана (чана). Значительны и ледники притоков Адыр-су: Куллумкол-су, Кой-авган, Джаловчат.

В долине Адыр-су отчетливо заметны многочисленные остатки прежних силевых выносов. Морфологически они выражены в виде крутых валов из довольно крупного материала или же плоских участков более мелкого материала.

Нижняя часть склонов долины примерно до высоты 2300 м над уровнем моря покрыта густым сосновым лесом, выше за альпийскими лугами идут скалы, морены, осыпи и вечные снега.

Хотя, как мы уже указывали выше, следы грязекаменных потоков указывают на их разрушительную деятельность в Адыр-су, но наиболее крупным, насколько нам известно, был силь в августе 1940 г., начавшийся на левом склоне в цирковидном углублении Джаловчата.

В вершине углубления расположены два небольших ледника — Безымянный и Джаловчат. У конца языка Безымянного ледника, поверхность нижней части которого покрыта поверхностной мореной, находятся конечноморенные отложения. Они ограничены с обеих сторон довольно мощными валами береговых морен, спускающихся ниже конца ледника.

Участок склона долины ниже морен сложен материалом мощного конуса выноса, который образован размывом моренных отложений.

С севера к левой береговой морене этого ледника примыкает мощная конечная морена ледника Джаловчат, скрытого за скалой, имеющей форму зуба. Из глубокой рытвины вытекают три ручья. Средний ручей проложил свое русло в моренных отложениях Безымянного ледника, моренные

отложения которого были основным материалом питания потока, ринувшегося отсюда в долину.

Силь начался в ночь на 1 августа 1940 г., когда в лагерях услышали грохот, доносившийся из цирковидного углубления Джаловчата. Утром грязекаменная масса вырвалась из узкого оврага в широкую долину Адыр-су и, ломая вековой лес, направилась к руслу реки, запрудив ее. Река приостановилась, образовав озеро, но вскоре прорвала каменную плотину и под напором хлынувших сверху потоков, вышла из основного русла и, бешено крутясь между деревьями и скалами, устремилась через лес к правому склону долины.

Широко разлившимся потоком река заполнила ровную поляну крупного альпинистского лагеря «Сталь», подмывая крутой правый склон долины, вызывая на нем небольшие оползни. По новому, образовавшемуся на глазах альпинистов рукаву, река хлынула через территорию лагеря, разрушая палатки и служебные постройки. Вдоль изгороди лагеря вода через каменные ворота вышла наружу, соединившись с другим рукавом реки, протекавшим ближе к силю.

Силь двигался мощными грязекаменными валами, достигавшими высоты 4-5 м ниже лагеря он запрудил русло реки каменной плотиной из принесенных огромных камней и, разливаясь дальше, широким потоком хлынул влево от основного русла реки на расположенный в лесу благоустроенный лагерь «Молния».

Медленно, неуклонно и неотвратимо надвигался мощный вал на лагерь, где уже закипела авральная работа по спасению имущества. Сравнительно медленное движение потока и самоотверженная работа альпинистов позволили спасти лагерное имущество. Люди продолжали работать перед самым краем силевого потока. «По пояс в ледяной воде, под натирающим силевым потоком они эвакуировали оборудование электростанции» (1). На спасание лагерного имущества пришли и альпинисты ближайших лагерей. Они перетаскивали имущество лагеря на

высокий склон, где уже были установлены походные палатки, задымила кухня. Приближение силя все же не позволило завершить эвакуацию всего имущества.

Вот первая мутная волна ударила в фанерные домики лагеря. Вот они сорваны с площадок, некоторое время двигаются впереди силевого потока, а затем бесследно исчезли в густой темно-желтой массе. Силь подошел к двум капитальным зданиям, и гигантская сосна, точно копье, протаранила стену дома, потолок, выйдя через крышу. Еще один нажим и стены домов рухнули, исчезли в грязи. По временам на поверхности появляются обломки зданий, но скоро и они исчезают в глубине потока. Днем была уничтожена половина лагеря, вечером разбушевавшаяся стихия продолжала свою разрушительную работу, и к утру на месте одного из лучших альпинистских лагерей Кавказа расстилалась лишь ровная желтая поверхность.

В ночь на 2 августа движение силя прекратилось. Похолодание уменьшило таяние. Но с наступлением жаркой солнечной погоды в 11 часов утра поток снова пришел в движение.

Силь действовал циклически: то его густая кашеобразная масса останавливалась неподвижно, то через 3-5 минут начинала пузыриться от прибывающей воды, вздымалась мощным валом и, скрежеща, ломая громадные сосны, бросалась на 15-20 м вперед, снова останавливалась, чтобы снова броситься в наступление.

Эта цикличность обусловливалась, по-видимому, неравномерным поступлением материала в области питания, где происходили обвалы стенок оврага.

Перегруженный твердым, преимущественно крупным материалом, поток двигался с небольшой скоростью, отдельные участии шириной от 5 до 50 м мощными языками выдвигались вперед.

Густая масса, насыщенная крупными обломками камней, обладала исключительной разрушительной силой; там, где прошел силь, был начисто уничтожен старый сосновый лес. Временами на поверхности движущейся

массы появлялись огромные сосны с обломанными ветвями и ободранной от трения о камни корой, но чаще они затягивались в глубь потока, где и размалывались на мелкие обломки, которые можно было увидеть между камнями после застывания силевой массы.

Поверхность потока была неровной из-за постоянно вздымавшихся мощных валунов, между которыми иногда поднимались на высоту полуметра фонтаны жидкой грязи, образованные давлением камней, быстро сжимавших находившуюся между ними жидкую массу. На месте зарождения силя у конца Безымянного ледника эрозионной деятельностью потока был образован огромный овраг с крутыми склонами, глубиной до 80 м. Ручей в вершине оврага спадал мощным водопадом, производя также большую эрозионную работу, непрерывно углубляя и удлиняя овраг.

Непрерывные обвалы склонов оттесняли ручей то в одну, то в другую сторону; русло его извивалось.

В средней части овраг сузился, это было обусловлено значительным сопротивлением размыву вскрытых силем коренных пород.

В новом овраге, образованном силевым потоком, можно было наблюдать все обычно выделяемые части — воронку питания, канал стока и конус выноса. Воронка питания представляла собой котловинообразное углубление с крутыми склонами и вогнутым дном. Особенно круто подымалась задняя стенка, замыкающая овраг и прилегающая непосредственно к леднику. Сам ледник образовал здесь карниз, с которого водопадом низвергалась вода, образуя на дне оврага глубокое эрозионное углубление.

Воронка была основным участком питания силя. Вода эрозионными бороздами отчленяла от склонов участки морены, обрушивавшейся на дно оврага, где они, смешиваясь с водой, образовывали силевую массу. Каждый новый обвал поставлял материал для очередной силевой волны. Издалека был слышен глухой шум, грохот обвалов.

Форма вершины оврага постоянно менялась. Если 2 августа она имела в плане вид конуса, то 4 августа, когда стихия успокоилась, вершина имела вид колбы с широким основанием. Каналом служил глубоко врезанный, сравнительно узкий и извилистый овраг. В поперечнике он имел форму трапеции с очень крутыми, до 80°, склонами, причем его глубина и крутизна склонов к воронке возрастали. В области канала стока склоны оврага, обваливаясь, поставляли твердый материал в общий поток.

Выходя из круто падавшего канала стока на пологое днище долины Адыр-су, силевая масса в значительной степени теряла живую силу, образовывая конус выноса. Ближе к устью оврага откладывались наиболее крупные валуны, а сравнительно мелкий материал относился дальше, растекаясь широкой ровной поверхностью, из которой торчали крупные валуны, ветви и стволы изломанных деревьев.

Конус выноса образовал огромную «плешь» среди леса. Нельзя было поверить, что только сутки назад здесь подымался густой высокий лес.

Силь прекратился на третьи сутки (3 августа), продолжаясь около 60 часов. После остановки грязекаменная масса почти немедленно затвердела, поверхность ее растрескивалась формами, напоминающими полигональные грунты.

Было вынесено огромное количество твердого материала. Произведенный нами приблизительный расчет кубатуры оврага дает цифру в 3000000 куб. м.

* * *

Основной причиной большинства силей, описанных на Кавказе и в Средней Азии, считают ливневые дожди (2, 3, 5). Для долины Адыр-су мы не склонны принять эту причину. Повышение уровня воды в реках началось здесь с 25 июля 1940 г. при солнечной и жаркой погоде и, постепенно усиливаясь, достигло максимума в первых числах августа. В это время были сорваны мосты через реки Куллумкол-су и Адыр-су, начался силь в обеих до-

линах. Перед его наступлением можно было наблюдать явления, служившие до некоторой степени его предвестниками.

Постепенное увеличение количества воды в реках усиливало их эродирующую и транспортирующую силу. Вода стала мутной от большого количества взвешенных частиц, превращаясь иногда в жидкую грязь; реки стали более шумными, поскольку с увеличением количества воды они перемещали большие тяжелые валуны. Мы отметили явную связь между суточным ходом температуры и активностью силя: он почти прекращался ночью и снова усиливался днем, но максимум его несколько запаздывал против максимума суточной температуры.

Отмеченное выше значительное увеличение количества воды в сухую и жаркую погоду и связанное с этим превращение рек и ручьев в бурные силевые потоки мы связываем с усиленным таянием снега и льда. Весьма возможно, что причиной особенно сухой и жаркой погоды на северном склоне Кавказа явились фёновые ветры, созданные воздушными массами, переваливавшими с Закавказья через Главный Кавказский хребет.

Вода — продукт таяния снега и льда — накапливалась в понижениях рельефа, напитывая до предела почву и горные породы, поднимая уровень воды в реках, которые начинали сильнее эродировать, стремясь приспособить продольную форму своего русла к новым гидрологическим условиям.

Повышение эродирующей деятельности реки с увеличением количества воды само по себе могло послужить прямой причиной силя. Достаточно было сорвать с русла поверхностный слой из крупного материала, чтобы обнажился мелкий материал, более удобный для транспортировки. Возникновению силя способствовали также оползни и оплывины в реку, обвалы подмытых берегов. Известную роль сыграл и небольшой дождь, вызвавший усиленное таяние льда.

Летом 1947 г. в верховье долины Адыл-су (правый приток Баксана, впадающий выше упомянутой Адыр-су) нам пришлось наблюдать начало

возникновения небольшого силя. С наклонного конца ледника Джан-куат-чиран в ручей сползло большое количество сильно напитанного водой моренного материала, который запрудил ручей. Через несколько минут, смешиваясь с прибывающей водой ручья, он начал двигаться вниз по долине в виде небольшого вала, который присоединял к себе по пути новые и новые массы обломочного материала. Однако этот силь не мог развиться до значительных размеров; на пологом участке долины он потерял свою живую силу.

ВЫВОДЫ

Силъ 1-3 августа 1940 г. отмечен интересными особенностями. Обычно сили продолжаются от нескольких минут до нескольких часов, силь же в Адыр-су длился более двух суток (около 60 часов). Ночью он, как уже сказано выше, почти прекращался, с восходом солнца снова активизировался.

Большинство исследователей силей указывает, что на Восточном Кавказе и в Закавказье твердый материал для их питания дают осыпи; в описываемом нами силеосновная масса твердого материала транспортировалась с древних морен.

Основной причиной силя мы считаем сильное таяние снега, возможно, обусловленное сухими фёноподобными ветрами, а не ливнеподобные дожди.

Наблюдаемый нами поток был очень густым и, вследствие этого, двигался медленно.

Силь оставил заметные следы в рельефе и в растительном покрове. На склоне углубления Джаловчата был образован огромный овраг, под мощным конусом выноса уничтожена значительная площадь леса, разрушены два альпинистских лагеря.

Харьков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалаков В.М. Под силевым потоком. Газета «Советский туризм и альпинизм», 1940, 20 октября.

2. Богданович К.И. Два пересечения Главного Кавказского хребта. Труды геологического комитета, т. XIX, 1902.

3. Брилинский А. Горные потоки, их природа и меры борьбы с ними. Тифлис, 1936.

4. Васильев В. Реферат на книгу Хертеля и Винтера «Борьба с горными потоками и лавинами». Журнал «Гидростатическое строительство» 1935, № 8.

5. Гвоздецкий Н.А. и Муратов М.В. Наблюдения над современными физико-геологическими процессами в бассейнах Хасаута и Эшкакона. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1948, № 12.

6. Городецкий В. Алмаатинская катастрофа 8-9 июля 1921 г. Вестник центрального музея Казахстана, 1930, № 1.

7. Дюрнбаум Н. Силевые потоки. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». 1940, 31 октября.

8. Зюзин А.С. Схема Адырского хребта. Рукопись.

9. Левин Э.С. Перевалы Центрального Кавказа. М., 1938.

10. Орешникова Е.И. Ледники Эльбрусского района по исследованиям 1932-1933 гг. Кавказ. Ледниковые районы. Труды ледниковых экспедиций. Вып. 5, Л., 1936.

11. Петров Н. Меры защиты от наводнений в Закавказье. Ежегодник отдела земельных улучшений, 1910.

12. Погребецкий М.Т. Силь в Адыр-су. Журнал «На суше и на море», 1941, № 1.

13. Рощин И. К вопросу о методах борьбы с силевыми потоками и наводнениями в Закавказье. Бюллетень Закавказского опытно-исследовательского института водного хозяйства, 1931.

14. Саваренский Ф.П. Инженерная геология, М.-Л., 1939.

15. Светов А. Силь. Журнал «Знание – сила». 1948, № 1.

16. Ситковский Н. К вопросу изучения силевых потоков бассейна реки Белокан-чай, Баку, 1935.

17. Соловьев С.П. Экскурсии по Эльбрусскому району, Пятигорск, 1935.

18. Щукин И.С. Общая морфология суши, т. 1, М.-Л., 1934.

19. Щукин И.С. Исследования в Центральном Кавказе летом 1927 г. «Землеведение», т. XXX, вып. 3, 1928.

20. Чиракадзе Г.И. Силевые потоки в Закавказье и их значение для Закавказской железной дороги. Сборник «Специальные геофизические исследования на транспорте». Сборник 5 Гидролого-гидротехнического института, вып. 109, М., 1930.

М.В. РАСКИН
ОТМОРОЖЕНИЯ, ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ

Одной из опасностей гор, с которой приходится серьезно считаться не только альпинисту, н)о и ад>графу, топографу, геологу, является низкая температура, в условиях которой совершается большинство восхождений, нередко и ночевки происходят при температуре воздуха ниже 0°.

В горах средняя температура воздуха понижается, как известно, е зависимости от высоты; в среднем при подъеме на 1 км температура снижается на 5,5°. Снижение не везде и не всегда одинаково и зависит от времени года, от экспозиции склона и ряда других обстоятельств. Снижение температуры воздуха по мере подъема тем значительнее, чем теплее это время года, а также чем сильнее нагревается склон, по которому совершается восхождение. Так, летом, когда совершается большинство восхождений, понижение температуры воздуха на каждые 100 или 1000 м подъема оказывается более значительным, чем в другие времена года, подъем по южному склону сопровождается большим падением температуры воздуха по сравнению с северным склоном.

Все шире развивается и зимний альпинизм. Для успеха зимних походов нужно хорошо знать особенности горного климата в это время года. Прежде всего следует учесть, что между средними температурами воздуха, измеренными в одно и то же время дня в июле и в январе, имеется существенная разница, составляющая для высот до 2000 м над уровнем моря 20 и больше градусов.

Необходимо также иметь в виду, что с высотой уменьшается содержание в воздухе водяных паров. Это уменьшение абсолютной влажности воздуха с высотой имеет место как летом, так и зимой, но чем

выше, тем эта разница между июлем и январем меньше. Относительная же влажность воздуха и летом и зимой, несмотря на изменение высоты, колеблется в сравнительно небольших пределах и зимой более значительна, чем летом. В этом заключается вторая особенность горного климата зимой. Наконец, следует обратить особое внимание и на третью особенность — изменение силы и скорости ветра зимой по сравнению с летом[1].

Альпинистам следует учитывать все эти особенности, ибо недостаточно продуманная организация и проведение восхождений могут привести к тяжелым последствиям.

Трагически, например, окончилась попытка 9 альпинистов взойти на вершину Алагеза в ноябре 1935 г. Во время восхождения разразилась снежная метель. Участники похода растерялись, не приняли нужных мер против начавшегося обмораживания. На следующий день погибавших альпинистов нашли работники метеорологической станции, расположенной на высоте 3025 м, и с трудом доставили их на свою базу. Из Еревана был спешно направлен спасательный отряд, который поднялся на станцию через два дня, и забрав наиболее пострадавшего, начал спуск, но пострадавший по дороге скончался.

Еще через пять дней отряд пограничников спустил всех пострадавших вниз, где они немедленно были помещены в больницу. Несмотря на все принятые меры, еще три участника этого неудачно организованного восхождения умерли, остальные долго испытывали последствия отморожений.

Выяснилось, что группа направилась на восхождение без теплой одежды и обуви, без палаток и спальных мешкав. Участники не имели понятия об особенностях зимнего альпинизма, не знали, как предохранить себя от отморожений. Организаторы похода не поинтересовались даже метеорологическими сводками и прогнозом погоды.

---

[1] Более подробные данные по особенностям горного климата зимой читатель найдет в статье автора «Физиология альпинизма» («Альпинизм», под общей редакцией мастера спорта И.А. Черепова, «Физкультура и спорт», 1940). — Ред.

Последствием грубейших нарушений и была гибель четырех альпинистов и тяжелые травмы пяти других. Не будь на склонах горы метеорологической станции, работники которой, несмотря на продолжавшуюся метель, вышли помочь погибавшим, исход похода был бы еще более трагичным.

Человеческий организм обладает замечательной способностью регулировать количество тепла в нем с тем, чтобы поддерживать ту температуру, при которой лучше всего работают его органы. Эта регуляция идет двумя путями: с одной стороны увеличивается или уменьшается производство тепла в организме — теплопродукция; с другой стороны меняется количество тепловой энергии, отдаваемой организмом окружающей его среде — теплоотдача.

Все многочисленные химические процессы, совершающиеся в нашем теле имеющие результатом распад сложно построенных веществ на более простые, сопровождаются выделением скрытого в этих веществах тепла. Особенно много образуется его при тех химических реакциях, которые вызывают мышечные сокращения и сопутствуют им. Поэтому мышечная деятельность согревает нас.

Потеря тепла организмом происходит через проведение и конвекцию, излучение и испарение (главным образом пота с поверхности кожи). Некоторое количество тепла затрачивается также на согревание вводимых в тело холодных воздуха, жидкости и пищи.

Теплоотдача меняется при перераспределении крови, циркулирующей в теле. В одних случаях ее притекает к поверхности кожи больше, и тоща отдача организмом тепла увеличивается; в других случаях кровеносные сосуды кожи суживаются, большая часть крови сосредоточивается во внутренних полостях нашего тела, сохраняя тепло, уменьшая теплоотдачу, предупреждая переохлаждение организма.

В результате всего этого при низкой температуре воздуха мы стремимся двигаться, чувствуем большую потребность в пище, чем находясь в теплой среде.

Основной фактор, вызывающий отморожение, — низкая температура воздуха. При воздействии холода на наше тело или на какую-нибудь часть его вначале происходит сужение кровеносных сосудов, расположенных в коже, внешним выражением чего служит ее побледнение. Затем это уменьшение просвета кровеносных сосудов сменяет их расширение, кожа краснеет, возникает ощущение тепла. При продолжающемся действии холода может возникнуть второй спазм сосудов, ощущение озноба, «гусиная кожа», дрожь.

Чаще всего поражаются холодом такие части тела, как пальцы ног и рук, стопы, кисти, уши, щеки, нос. Так, поражения стоп и пальцев ног встречаются в 70-90%, кистей и пальцев рук в 5-20%, лица в 5-10% всех случаев отморожений; поражение других частей тела встречается значительно реже.

Внешним признаком наступившего отморожения служит побеление кожи. Обычно этому предшествует ощущение покалывания, которое, однако, может отсутствовать. Поэтому более характерным, постоянно встречающимся признаком наступившего или наступающего отморожения следует считать сильное ослабление или даже полную потерю чувствительности. Пострадавший человек перестает ощущать свои пальцы, их движения, теряет болевую и холодовую чувствительность, стопы не передают ощущения почвы, по которой ступают, становятся «ватными».

Имеется много теорий, объясняющих возникновение отморожения, но наиболее правильной, очевидно, нужно считать ту, которая рассматривает возникновение при этом повреждения не как результат непосредственного действия холодового фактора на ткани, а как результат нарушения кровообращения и обмена веществ в тканях.

Все теории, в основе которых лежит замерзание и оттаивание клеточных соков, должны быть отвергнуты хотя бы потому, что отморожение может наступить и при температуре выше 0°, когда о замерзании внутриклеточной жидкости не может быть и речи.

Для возникновения патологических процессов, имеющих место при отморожении, ©овсе не нужно замерзания в полном смысле. Для этого вполне достаточно более или менее значительного снижения внутренней температуры данного участка тела, так как уже при 18° тепла кровообращение в тканях уменьшается вдвое, а при +10° и + 11° оно прекращается. Понятно поэтому, что при внутренней температуре ниже + 20° жизненные процессы становятся невозможными. Отсюда же следует, что для отморожения не нужно замерзания, так как гибель отдельных тканей при охлаждении возникает задолго до их замерзания. Различные ткани, правда, способны разное время переносить недостаток кровообращения. Например, нервная ткань претерпевает необратимые изменения даже при сравнительно непродолжительном прекращении снабжения ее кислородом и питательными веществами. Результатом этого является гибель ее клеток, нарушение жизнедеятельности ряда органов тела, которую она регулирует, а следовательно, и состояния всего организма в целом.

Поэтому нервной системе принадлежит решающая роль в возникновении, развитии и исходе процессов отморожения.

Процессы, характерные для отморожения, могут возникнуть не только при очень низкой температуре воздуха. Они наблюдаются даже при —3° и —7°, при длительном пребывании в сырости, сильном ветре и других условиях, благоприятствующий: наступлению отморожения.

Мы можем разбить все условия, которые облегчают наступление этого болезненного состояния, на три группы.

В первую группу мы включаем те причины, которые уменьшают образование тепла в организме. Сюда относятся утомление, недоедание, низкое качество питания, вынужденное пребывание в малоподвижном

положении, невозможность размяться, слабость после перенесенных заболеваний и продолжительной голодовки.

Во вторую группу входит все то, что способствует увеличению теплоотдачи организмом: недостаточно теплая или промокшая одежда[1], обувь, носки, рукавицы, плохая изоляция концов металлических гвоздей и шурупов, выступающих на внутреннюю поверхность ботинок, холодный ветер, повышенная влажность воздуха, резкая смена температуры воздуха, недостаточная закаленность организма, опьянение.

Третью группу составляют условия, препятствующие нормальному кровообращению: тесная одежда и обувь, туше завязки и перетяжки (шнурки обуви, фитили кошек и т.д.), грубые рубцы от заплат, плохой штопки, давление лямок рюкзака, темляка ледоруба, сбившейся в комки бумаги (если она употребляется для утепления ног).

В ряде случаев приходится еще сталкиваться с недостаточно серьезным отношением к отморожениям и их последствиям альпинистов, не сознающих всю их опасность. Речь идет не только о тех неприятных, нередко болезненных и мучительных ощущениях, с которыми связано отморожение, и не только о временной потере работоспособности окоченевших рук и ног — существеннее сказываются подчас последствия отморожения.

При достаточно длительном и сильном воздействии холода поврежденными оказываются не только отмороженные части тела. Кроме клеток кожи и расположенных непосредственно под ней тканей, могут оказаться поврежденными и ткани, лежащие довольно далеко от этого места. Болевые ощущения при наступлении отморожения, и особенно после согревания, могут держаться до месяца и больше, но еще более серьезны повреждения костей и суставов в случаях глубоких поражений тканей: рассасывание, разрыхление костного вещества. В некоторых случаях при отморожении пальцев ног были обнаружены серьезные изменения в костях

[1] Теплозащитные свойства влажной одежды уменьшаются в 5-7 раз по сравнению с сухой, причем безразлично, промокла ли одежда от дождя, растаявшего снега или стала влажной от пота. Это в равной мере относится и к носкам.

голени и выше. Перерождение хрящевой ткани суставов в результате отморожения может повести к ее рассасыванию.

На почве отморожения могут начаться воспаления нервов (невриты) более широкой области, чем область действия холода. Отмечались изменения даже в клетках межпозвоночных нервных узлов и спинного мозга на уровне тех сегментов, которые нервируют пораженную конечность, причем эти изменения оказывались тем резче, чем ближе к этим клеткам находилось пораженное место и чем сильнее было разрушение отходящих от них отростков. Достаточно существенные изменения наступали в таких органах, как почки, печень, селезенка, легкие и сердце. У поврежденных из-за отморожения тканей значительно уменьшается сопротивляемость их различным инфекциям.

Нельзя забывать, наконец, о том, что очень трудно бороться с длительно остающимися последствиями бывших отморожений: повышенной чувствительностью к холоду, припухлостью и синюшностью кожи на поврежденных местах, появлением беспокоящего зуда при снижении температуры воздуха, меньшей устойчивостью тканей, более склонных к повреждениям, затруднительностью и большей длительностью излечения при новом действии холода.

Исход, тяжесть и распространенность последствий отморожения зависят от ряда факторов, наиболее существенными и решающими из которых являются: длительность и сила действия холода, с одной стороны, состояние защитных сил организма — с другой. Чем сильнее холод, чем длительнее воздействует он на тело, чем меньше защитных сил у организма, тем значительнее нарушается кровообращение, тем тяжелее последствия.

В зависимости от соотношения между этими основными факторами и развивается та или иная степень отморожения.

Понимание причин, вызывающих отморожение, и условий, способствующих возникновению этого поражения, определяет те меры, которые могут предупредить его появление и развитие.

Основными мерами, предупреждающими отморожение, следует считать уменьшение теплоотдачи, увеличение теплопродукции, устранение помех правильному кровообращению в организме.

Каждый альпинист должен иметь теплую, не стесняющую движения, одежду, пригнанную по ноге, не тесную и не промокаемую обувь, соответствующий условиям и проницаемый для испарений головной убор, достаточно теплые, не мешающие работе рукавицы. Следует также позаботиться о защите от холода ушей, носа, подбородка, щек, а также наружных половых частей. Теплая одежда не дает еще абсолютной гарантии против отморожения. Следует напомнить, что пренебрежение «мелочами» может также привести к печальным последствиям.

Наименее подвержена отморожению здоровая, сухая кожа. Поэтому следует заботиться об ее чистоте. Чрезмерная потливость ног ведет к увлажнению носков и чулок, сильно снижая их способность сохранять тепло. Следует иметь в резерве несколько пар сухих носков, которыми при первой же возможности сменять промокшие.

На пальцы ног полезно одевать дополнительный чехол из мягкой теплой ткани. Не следует обвертывать стопу бумагой: при длительной ходьбе, и особенно при влажной коже, она стирается, сбивается в комки. Ботинки должны быть снабжены теплыми стельками для утепления подошвы и изоляции тех концов металлических гвоздей и шурупов на внутренней поверхности ботинка, которые могут оказаться хорошими проводниками тепла. Алкоголь вызывает длительное расширение кровеносных сосудов кожи, ведущее к большой потере тепла; употреблять его во время восхождения нельзя.

Необходимо обратить особое внимание на защиту от сильного ветра, так как холодный ветер в горах является частой причиной отморожений и замерзаний.

Существенное значение имеет устранение помех свободному кровотоку (ботинки, шнурки, завязки белья и одежды, носки, чулки).

Установлено, что не следует смазывать части тела, закрытые одеждой. На открытые части, в частности на лицо, мазь, не содержащая раздражающих составных частей, может накладываться (тонким слоем) только в том случае, если восхождение совершается в сырую погоду и при сильном ветре.

При ослаблении чувствительности, побелении кожи и других признаках отморожений необходимо немедленно, само собой разумеется, исключая те особые условия, в которых может оказаться альпинист, приступить к растиранию пострадавшей части мягким, сухим и чистым шерстяным носком, перчаткой и пр., согреть ее. Растирают, пока не потеплеет и не покраснеет кожа, не восстановится ее чувствительность. Для растирания не следует пользоваться снегом. Первая помощь в этом случае должна быть оказана не только пострадавшей конечности, но и другой, ибо в ней рефлекторно также уменьшается кровоток.

Особые меры предосторожности должны принимать те альпинисты, которые уже хотя бы однажды перенесли отморожение. Эти меры распадаются на две части. Одну из них следует проводить предварительно, и заключается она в особо тщательном, планомерном и настойчивом закаливании пострадавших участков. В частности, хороший результат получается от использования с этой целью ванн с перемежающейся температурой воды. Кроме того, следует добиться уплотнения и уменьшения чувствительности кожи на этих участках. Во время же самого восхождения эти альпинисты должны особенно внимательно отнестись ко всем «мелочам», которые могут способствовать возникновению отморожений, быть особо щепетильными в отношении личной гигиены.

Если, несмотря на все меры предосторожности, отморожение произошло, нужно немедленно оказать первую помощь: чем длительнее действие холода, тем тяжелее последствия. Первая помощь преследует три цели: добиться общего и особенно местного согревания, восстановить нарушенное кровообращение, предупредить проникновение инфекции в поврежденные ткани.

Раньше практиковалось медленное, постепенное отогревание, так как предполагалось, что отморожение связано с замерзанием клеточных соков. Быстрота же их оттаивания может якобы повести к ряду тяжелых последствий. Исследования советских ученых показали, что нечего бояться быстрого «оттаивания», что успех в значительной мере зависит от того, как скоро будет согрета поврежденная часть. Поэтому необходимо защитить пострадавшего от действия холода, сделать все возможное для согревания всего организма и отмороженной части. Надо укутать заболевшего, давать ему горячее питье и пищу, ввести небольшое количество алкоголя, обкладывать грелками с горячей водой, энергично, но не грубо растирать чем-нибудь сухим, мягким и чистым. Недопустимо только растирать поврежденную часть снегом или погружать ее предварительно в ледяную воду, которая последовательно заменяется прохладной и теплой водой. Все это приводит лишь к тому, что удлиняется время действия холодного фактора, отдаляется срок применения действенных средств.

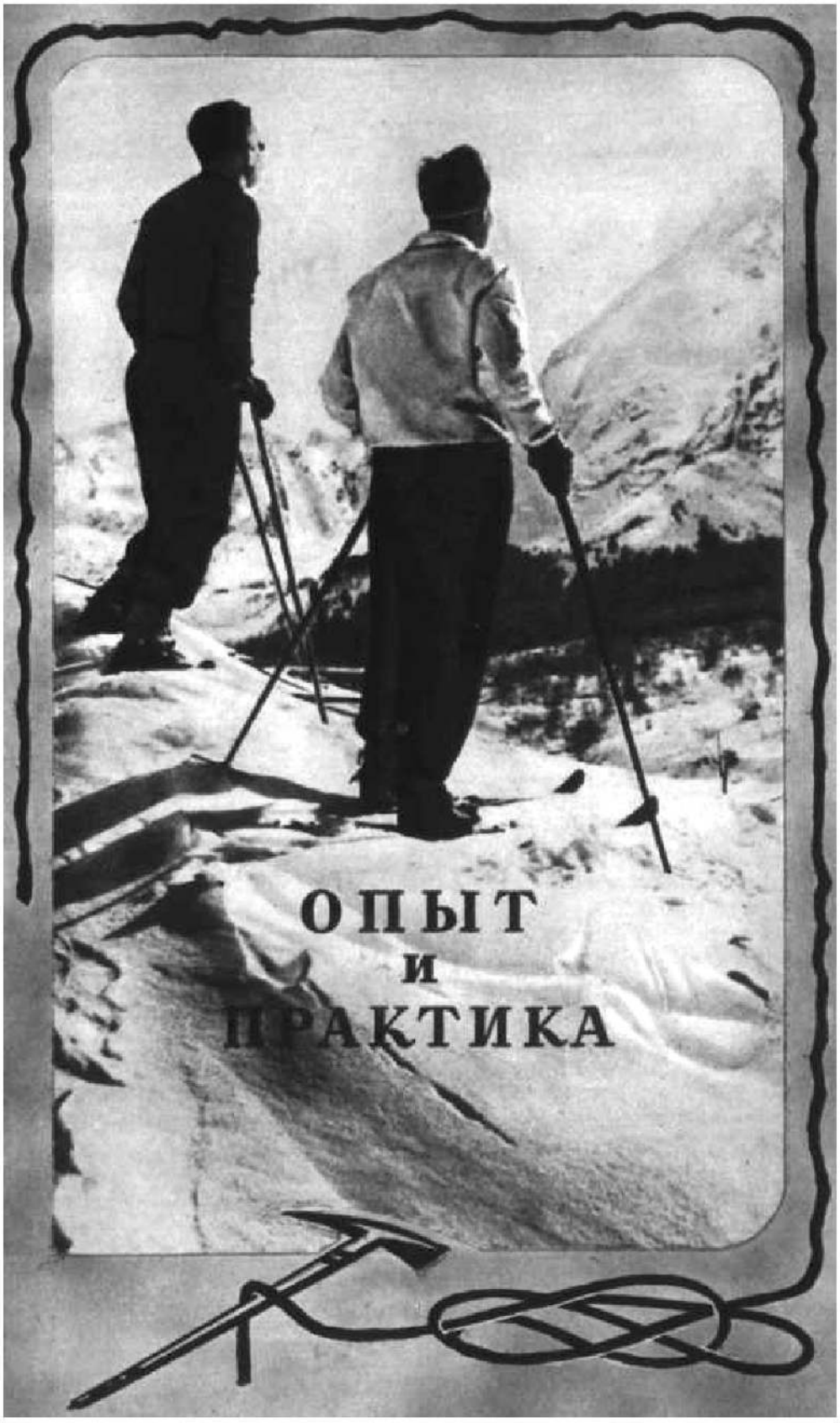
Растирание продолжается до покраснения и потепления пострадавшей части, до восстановления в ней чувствительности. Растирание не следует прерывать при возникновении болевых ощущений, продолжая его до нужного результата. После этого отмороженные места покрываются повязкой с мазью и утепляются.

Все это частично разрешает и задачу восстановления кровообращения. Соответствующие средства — горячий крепкий натуральный кофе, медикаменты — помогут усилить сердечную деятельность.

Осторожное, хотя и энергичное растирание без нарушения целости кожного покрова, восстановление кровообращения в пострадавшей части тела, наложение повязки помогают добиться третьей цели — предупредить проникновение инфекции в ткани, сопротивляемость которых вследствие отморожения значительно снижена.

Почти 20 лет назад, в 1931 г., был проведен первый горнолыжный переход через Главный Кавказский хребет, организованный Обществом пролетарского туризма (перевал Твибер). Советские альпинисты год спустя переходят зимой через высочайший перевал Кавказа — Цаннер (около 4000 м), организуют лыжные экспедиции на Эльбрус, грузинские восходители успешно проводят большие походы через перевалы Главного хребта в Южную Осетию и Хевсуретию. Так было положено начало зимним горнолыжным походам в горах Советской страны. Крупным спортивным достижением был спуск на лыжах с пятикилометровой высоты восточной вершины Эльбруса (1939 г., В.Е. Гиппенрейтер). Зимние перевальные походы были пройдены в горах Заилийского и Киргизского Ала-тау, Алтая, Урала, Хибин. В послевоенные годы горнолыжный спорт культивируют лагери «Локомотив», «Спартак», «Большевик» и др. На снимке: заслуженный мастер спорта А.И. Сидоренко и инструктор А.В. Дмитриев перед выходом на лыжное восхождение в районе ущелья Адыл-су. На заднем плане видна заснеженная вершина Джан-тугана.

Фото В. РУЙКОВИЧА.


ОПЫТ
И
ПРАКТИКА

Б.А. ГАРФ
ПО НОВЫМ МАРШРУТАМ

На четверть века своего существования советский альпинизм прошел большой путь, создав новые, доселе неведомые буржуазному спорту массовые формы работы. По массовости, по количеству восхождений на сложнейшие вершины мы далеко оставили за собой все зарубежные страны. Нашими мастерами пройден ряд маршрутов самого высокого класса, многие из которых оказались не под силу лучшим буржуазным спортсменам.

Покорение почти всех основных вершин Кавказа привело отдельных альпинистов к выводу: в этих горах можно лишь повторять уже пройденные маршруты. По этому поводу заметим, что даже в Центральном Кавказе (например, в ущелье Дых-су, не говоря уже о Дигории, Хевсуретии и других малопосещаемых районах) найдется немало высот, на которые не ступала нога человека.

Мнение об «исчерпанности» альпинистских объектов Кавказа совершенно необоснованно, и мы склонны отождествить его с вредной и осужденной всей творческой практикой советской спортивной школы «теорией» ничейной смерти шахматного искусства.

Конечно, на Памире или на Тянь-шане десятки и сотни неизведанных вершин ждут еще своих победителей и эти горные страны до сих пор остаются «обетованной землей» альпиниста. Однако для жителей Москвы, Ленинграда, большинства городов европейской части СССР эти районы в силу своей отдаленности доступны лишь в условиях хорошо оснащенных экспедиций. Подавляющее же большинство горовосходителей выезжает и будет выезжать каждое лето на Кавказ, где, к слову сказать, имеется для них достаточно широкое поле деятельности. Десятки и сотни маршрутов от I до

V категории трудности никем еще не пройдены и остаются весьма интересными объектами для восхождений.

Мы не можем спокойно пройти мимо некоего нездорового явления, которому, к сожалению, отдала дань часть наших восходителей. Речь идет о том, что в погоне за максимальным количеством очков, будь то для зачета в Альпиниаде ВЦСПС или для получения спортивного разряда, иные спортсмены пренебрегают исследовательской стороной высокогорного спорта, основным и наиболее ценным качеством, существенно отличающим его от любых других видов спорта.

Специфика альпинизма заключается в творческой борьбе человека с природой в отличие от соревнования одного спортсмена с другим на беговой дорожке, теннисном корте, футбольном поле. Это качество в значительной мере определяет и спортивное содержание альпинизма. В первые годы его развития восходители СССР ставили обычно перед собой лишь одну задачу: взойти на вершину; избираемый путь не играл существенной роли, обычно это был наиболее легкий из вариантов, чаще всего по одному из гребней.

После того как были покорены все основные кавказские вершины, на повестку дня встал вопрос о всестороннем изучении горных массивов, прохождении новых маршрутов к уже взятым вершинам. Это творческое начало и связанные с ним пытливые искания оплодотворили всю дальнейшую практику развития альпинизма в СССР.

В 1931 г. братья Е.М. и В.М. Абалаковы и В.П. Чередоча совершают первое советское восхождение на Дых-тау по северному гребню. В 1935 г. Ал. Ал. Малеинов поднялся сюда же с юга, в 1937 г. группа Б.А. Гарфа — по западному гребню.

В 1933 г. группа Ал. А. Малеинова взошла на Коштан-тау по северному гребню, два года спустя группа ленинградцев (И. Федоров и др.) траверсирует этот же массив с юга на север со спуском на Уллуаузский ледник.

В 1938 г. Е.М. Абалаков и В.В. Миклашевский в рекордном траверсе массива Дых-тау — Коштан-тау поднялись на последнюю с запада у Крумкольского провала и, наконец, группа Б.А. Гарфа траверсировала в 1948 г. вершину, сделав первовосхождение по восточному гребню и спустившись по северному гребню в цирк Мижирги.

Поучительный пример всестороннего изучения одной вершины!

В приведенных нами примерах степень трудности, равно и характер различных маршрутов, примерно одинаковы; это подъем по более или менее трудным скальным или ледовым гребням. Примерно таковы же и различные маршруты на Шхару (Г.В. Прокудаева, Ал. А. Малеинова, С.И. Ходакевича) или на Шхельду (О.Д. Аристова, Ф.А. Кропфа, Л.В. Надеждина, В.Ф. Нестерова, В.А. Кизеля и др.).

Однако нередко различные пути на одну и ту же вершину в корне отличны по степени их трудности. Так, восхождение на пик Щуровского с Ушбинского плато оценивается как II-А категория трудности, подъем же по северной стене группы В.М. Абалакова в 1947 г. был рекордным достижением V-Б категории трудности[1].

Последнее обстоятельство может отчасти объяснить, почему подавляющее большинство альпинистов поднимается на ту или иную вершину по маршрутам, не раз хоженным, основательно проработанным. Иной путь на вершину может быть не под силу начинающему или не вполне овладевшему мастерством горовосходителю. Однако это никак не оправдывает тех мастеров и перворазрядников, которые предпочитают проделывать в десятый раз многократно пройденный траверс Ушбы, нежели искать новые, неизведанные, но бесконечно интересные пути; нередко это делается только потому, что вдруг новый, никем не проходившийся, путь не будет классифицирован как «пятерка».

Особняком стоят так называемые «стенные» маршруты. Так обычно называют маршруты, проходящие не по ребрам, а по граням вершин, условно

[1] См. «Ежегодник». Год 1948, стр. 60-68. — Ред.

рассматривая последние как некие пирамиды. При этом очевидно, что средняя крутизна их должна превышать 45°, иначе здесь даже условно неприменимо название «стен».

Восхождение по стене, как правило, значительно сложнее и опаснее, хотя и короче, чем подъем по гребню. Горная стена редко бывает гладкой, имея облик стены в буквальном смысле слова. Чаще всего и здесь проходят более или менее явно выраженные ребра, ведущие непосредственно на вершину или же «вливающиеся» в главные гребни. Умело выбирая путь по таким ребрам, удается в значительной степени снизить объективную опасность от камнепадов и лавин.

Советский альпинизм, ставящий в основу основ безопасность восхождения, проводит резкую грань между авантюристическими, неоправданно-опасными маршрутами и технически сложными, но логически обоснованными и грамотно выбранными путями по стенам. За последние годы нашими восходителями, как известно, успешно осуществлен ряд восхождений на труднейшие стены, не уступающие таким широко разрекламированным маршрутам на Западе, как северные стены Гранд-Жорас или Эйгер. Сюда относятся: северная стена пика Щуровского и западная Шхельды (группа В.М. Абалакова, 1947 г.), северо-западная стена Ушбы (группа Ал.А. Малеинова, 1946 г.), юго-восточная стена Домбай-ульгена (группа К.К. Кузьмина, 1948 г.), северная стена Тютю-баши (группа Б.А. Гарфа, 1949 г.). Нет сомнения, что этот перечень будет значительно расширен в ближайшие же годы.

Все рассмотренные нами примеры относятся к маршрутам высших категорий трудности. Если же обратиться к вершинам II и III категорий, наиболее посещаемым средним звеном наших альпинистов, то следует, к сожалению, отметить укоренившуюся в отдельных лагерях вредную тенденцию устраивать из таких хорошо изученных вершин нечто вроде «конвейера» по выпуску разрядников. На такие вершины, как Уллу-кара, Бжедух, Тот-тау, Галя-тау, пики Монгольской народной республики, Эрцог,

Белала-кая, поднимаются ежегодно многие группы (что само по себе не так плохо!), причем неизменно по одному и тому же, проторенному и в буквальном смысле избитому маршруту (что уже значительно хуже).

Причину этого мы усматриваем в наблюдающейся у отдельных альпинистов тенденции быстрее, наименьшей «ценой» набрать очки, нужные для повышения разряда. Иные молодые альпинисты в погоне за очками знают лишь, что им надлежит сделать столько-то «двоек» или «троек», не интересуясь даже тем, каковы избранные вершины, что они собой представляют, как связаны с общей орографией района. Только из-за этого многие интересные вершины, на которые были сделаны первовосхождения, оказались ныне незаслуженно забытыми. Зачем же нужны они, если есть другие вершины той же категории, но расположенные ближе и более доступные? Очевидно, так рассуждают некоторые молодые альпинисты.

Мало кто ходил, например, в 1949 г. на Бжедух по классическому пути из ущелья Шхельды, большинство предпочитало взойти на перемычку, с Кашкаташского ледника, откуда представляется возможность «сбегать» за какие-нибудь 30 минут на Бжедух, спуститься снова «а перемычку, затем тем же «галопом» обегать за 1½ часа на пик Вольной Испании, чтобы в тот же день вернуться в лагерь «Локомотив», записав себе без лишних трудов две «тройки». Что дает такая «рационализация?» Ничего, кроме извращения основных идей альпинизма, превращения этого благородного, полного романтики и творческого начала спорта в бухгалтерский подсчет очков и баллов, где счеты, быть может, нужнее, нежели ледоруб.

Как с исследовательской, так и с чисто спортивной точки зрения восхождение по новому пути значительно более ценно, так как требует от альпиниста не только более высокой техники, но и правильной тактики, выбора пути, умения ориентироваться в горном рельефе. Можно ли считать новым, оригинальным маршрут, проходящий на 30 или 40 и левее или правее ранее пройденного пути? Что вообще можно назвать «новым» путем? Если на вершину ведет несколько гребней, то впервые пройденный путь по

одному из них безусловно явится первовосхождением. Если по стене проходит несколько явно выраженных ребер (контрфорсов), то первопрохождение каждого такого ребра также будет первовосхождением. Так, по одной и той же стене можно проложить несколько совершенно различных и полноценных путей. Таковы, например, маршруты на Восточную Шхельду с севера — путь Л.В. Надеждина, 1937 г., или восхождение сюда же по кулуару группы «Локомотива» в 1949 г.

Так «зарабатывается» слава первовосходителя буржуазного альпинизма! Юго-восточная стена вершины Дом-де-Мишабель (Валезанские Альпы). Каждый из показанных пунктиром вариантов одного маршрута (1869-1945 гг.) считается здесь классным «первовосхождением».

Характерно, что в зарубежном спорте поиски «новых» путей неизбежно приняли самые уродливые формы. Общее разложение, культуры капиталистического мира сказывается и на таком здоровом в своей основе спорте, как альпинизм.

Уже в прошлый выпусках «Ежегодника» мы отмечали, что эти поиски «нового» в буржуазном спорте превращаются в погоню за сенсацией во что бы то ни стало.

В Альпах, как известно, высоко ценятся первовосхождения. Од-како все гребни и стены давно здесь исхожены и погоня за «новыми» путями привела ныне к тому, что любители острых ощущений, чтобы только не идти по следам предыдущего восходителя, отклоняются от его маршрута на десяток-другой метров вправо или влево, выбирая иногда совершенно бессмысленный и зачастую смертельно опасный путь.

Наглядным примером этому может служить печатаемый нами снимок, на котором показаны различные пути на одну из вершин Валезанских Альп, «Мишабель»[1]. Вряд ли можно присвоить название «новых» путей всем этим, поистине бесконечным, вариантам подъема по одной и той же восточной стене с незначительными отклонениями один от другого. Отметим, что добрая половина этих вариантов является недопустимо опасной и авантюристичной. Описывая свое восхождение, некая мадам Маргарита Деферер признает: «Благополучное завершение восхождения явилось исключительно делом счастливого случая, а не заслугой альпинистов» (Разрядка наша. — Б.Г.). Группа действительно несколько раз попадала под камнепады и уцелела чудом.

Своего рода рекордом извращенности является сравнительно недавно проделанный траверс Маттергорна... по горизонтали: вокруг вершины, не заходя на последнюю. Этот «новый» маршрут столь же опасен, сколь и бессмыслен. Мы можем, впрочем, утешить альпинистов капиталистического мира, что здесь они не одиноки; какую бы область буржуазной культуры ни

[1] Швейцарский ежегодник «Вершины мира», 1946.

взять, от философских трудов и до спортивных соревнований, на всем лежит эта тлетворная печать маразма и разложения.

Советским восходителям чуждо и непонятно такое отношение к альпинизму. Безопасность восхождений в значительной мере решает выбор варианта. Совершенно очевидно, что северное ребро Шхары или стена пика Щуровского значительно труднее, чем приведенные на фото маршруты, но вместе с тем наши пути — это логичные, объективно проходимые маршруты, где успех решает не слепой случай, не удача в азартной игре с опасностями, а такие факторы, как стоящая за человеком, вступившим в борьбу с горами, вся отечественная школа советского альпинизма, весь его многолетний опыт борьбы и побед. Огромную роль играет и знание гор, их природы, их опасностей, их уязвимых мест. Никак нельзя недооценивать и морального фактора, ибо сплоченные в единой семье, воспитанные партией и советским государством патриоты-спортсмены и исследователи стоят неизмеримо выше любого прославленного клубмена капиталистического мира.

Советские альпинисты должны стремиться к всестороннему исследованию и освоению знакомых вершин, прокладке новых маршрутов. В качестве примера, мы хотим рассказать о попытке команды «Локомотив» в летнем сезоне 1949 г. освоить новые пути на близлежащие вершины, на которые были сделаны сотни восхождений по обычным путям.

Базовый лагерь был установлен нами в горной хижине близ слияния ледников Башкары и Джан-куата. Из этой «зеленой гостиницы» группа вышла 12 июля для восхождения по новому пути на пик Гермогенова (Шуцбунд). Поднявшись по спускающемуся с перемычки между пиком Гермогенова и Чегет-кара-баши широкому фирновому кулуару, примерно до его середины, группа Начала подъем по восточной стене. Выйдя на скалы вправо от камнепадного кулуара, альпинисты на протяжении 100-120 м преодолевали трудные гладкие плиты со страховкой на крючьях. Плиты заканчивались небольшим кулуаром с ручейком. Через 40-50 м кулуар перешел в камин с вертикальными мокрыми стенками, который был пройден справа

по отвесной стенке высотой в 60-60 м. Над стенкой поднимался фирновый гребешок около 45° крутизны. Перемежающиеся группы крутых скал и ледяных склонов привели альпинистов к узкому карнизу, на котором пришлось заночевать сидя.

Утром восходители вышли с рассветом. После небольшого траверса вправо-вверх, трудные, расчлененные скалы привели локомотивцев ко второму снежному кулуару крутизной около 50°. Пройдя 100-150 м, группа вышла на юго-восточный гребень вблизи вершины.

Обычный путь на пик Гермогенова классифицирован как II-Б, проделанный же локомотивцами маршрут по юго-восточной стене оценен IV-А категорией.

Через два дня из той же «зеленой гостиницы» другая группа «Локомотива» вышла по северо-западному гребню на Джан-туган. На эту вершину совершено множество восхождений, обычный путь на нее с Джантуганского плато классифицируется II-А категорией. По северо-западному гребню со стороны Башкаринского ледника восхождений не совершалось.

Путь от «зеленой гостиницы» ведет сначала по ложбинке между правой (орографически) мореной ледника Башкара и скалами массива Джан-туган. Пройдя до конца морюны, группа свернула влево и, траверсировав пологий ледник, начала подъем по крутому 35-40° фирновому кулуару к западному гребню. Кулуар был! еще в тени, что облегчило возможность подняться на кошках по подмерзшему фирну. Быстро набирая высоту, группа вышла к 8 часам утра к вершине кулуара.

Отсюда по крутым снежным склонам альпинисты за час подошли к основанию северо-западного гребня, скопищу отвесных «жандармов». Начало гребня обошли с юга, со стороны Башкары. Миновав затем короткий ледяной склон (45°), группа подошла к основанию стены, ведущей на гребень с юга.

По узкой полочке локомотивцы пересекли первый, неясно выраженный кулуар и вышли во второй кулуар, частично покрытый льдом. Придерживаясь левой (по ходу) его стороны, группа поднялась до развилки кулуара. На трудных скалах (где мало уступов) пришлось пустить в ход крючья. После короткого траверса влево альпинисты вышли к стене высотой около 50 м. Преодоление этого трудного участка потребовало двух часов: зацепок было очень мало, страховались на крючьях.

Около 12 часов 30 минут альпинисты вышли, наконец, на гребень. Но трудности еще не кончились. После небольшого, но крутого ледяного склона группа оказалась у второго скального массива, который обошла с юга, вначале по ледяному кулуару, затем по скальному ступенчатому желобу, выводящему на предвершинную часть гребня. Гребень сильно разрушен, продвижение требовало крайней осторожности. На всем протяжении маршрута одновременное движение связок было почти невозможно; идущие впереди при всей своей аккуратности и опыте неизбежно сбрасывали отдельные камни вниз. Группа была на вершине в 16 часов 30 минут, затратив на подъем около 11 ходовых часов. Маршрут классифицирован III-Б категорией трудности.

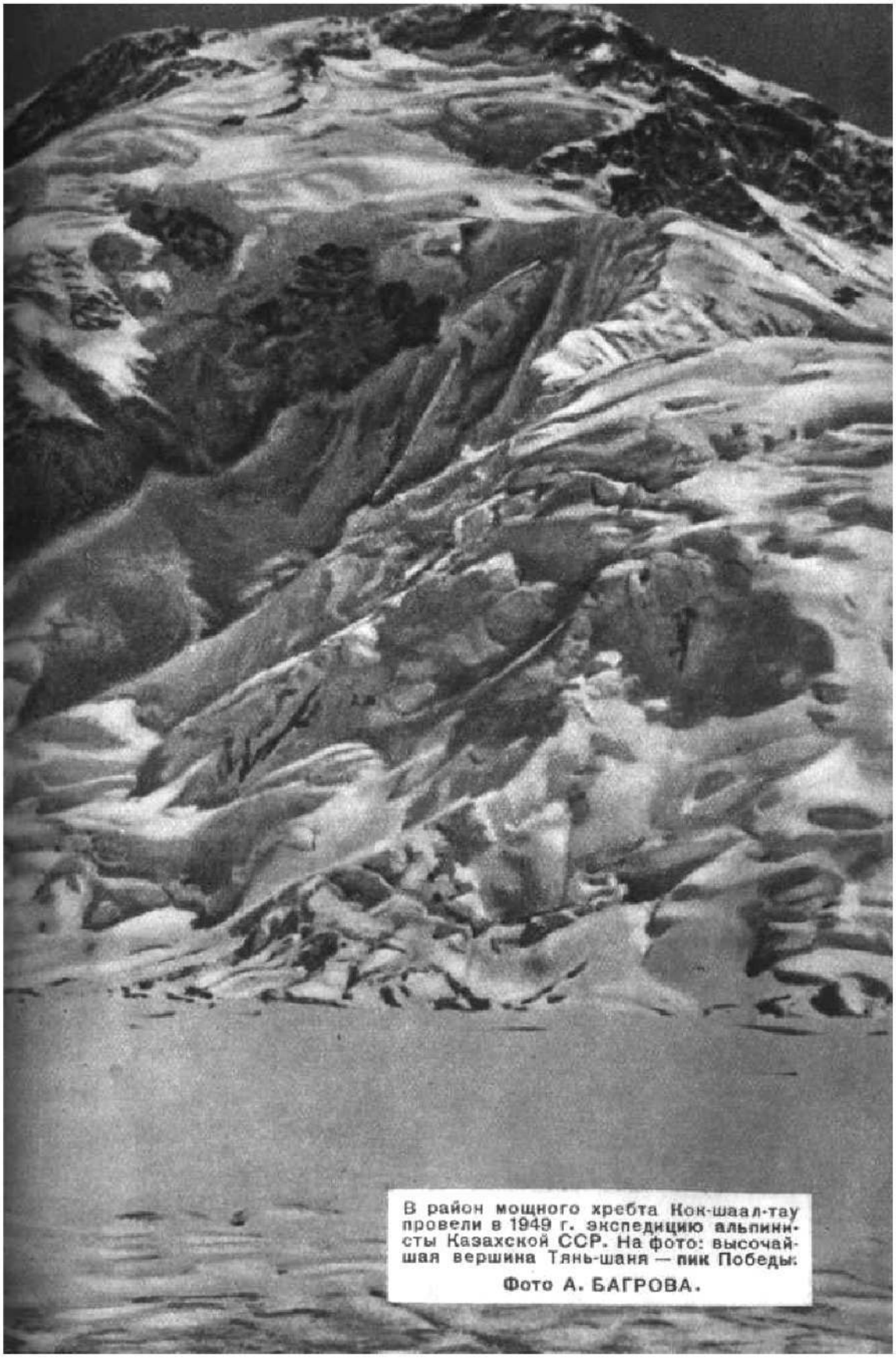
Несколько дней спустя другая группа лагеря под руководством В.С. Нефедова прошла последний не исследованный еще путь на эту же вершину, взойдя на нее с юго-восточной, перемычки между Джан-туганом и Башкарой (III-А).

Из приведенных примеров видно, что каждый лагерь может найти в своем районе достаточно новых путей на давно знакомые вершины. Освоение их значительно расширит возможности совершенствования альпинистов. Более полное исследование горных вершин будет содействовать уточнению орографии горных районов. Поле деятельности для этого поистине безгранично.

В качестве примера таких путей на вершины II и III категорий трудности можно назвать только по району Адыл-су непройденные еще пути

на Гадыл, Башкару и Уллу-кару с ледника Лекзыр, на Уллу-кару с ледника Башкара, на пик Гермогенова по северо-восточному гребню. Из числа рекордных по трудности маршрутов можно назвать подъем на Дых-тау и Мижирги из цирка Мижирги, на Коштан-тау по западной стене, на Южную Ушбу по северо-западному гребню (параллельно маршруту Ал. Малеинова на северную вершину, 1946 г.), на Уллу-тау-чану по северной стене, на пик Монгольской народной республики из Баксанского ущелья, вторую Западную Шхельду с севера и ряд других вершин.

Каждый такой маршрут будет выдающимся спортивным достижением и одновременно ценным вкладом в дело изучения горных районов страны.



В район мощного хребта Кок-шаал-тау провели в 1949 г. экспедицию альпинисты Казахской ССР. На фото: высочайшая вершина Тянь-шаня — пик Победы.

Фото А. БАГРОВА.

Осторожно, прощупывая скрытые снегом трещины, двигались участники экспедиции 1949 г. по леднику Звездочка, притоку Инылчека.

Фото А. БАГРОВА.

Огромный камень укрыл от солнца ледяную подставку, хотя кругом нее весь лед уже стаял.

Фото А. БАГРОВА.

Е.А. БЕЛЕЦКИЙ
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ВЫСОТНЫХ ВОСХОЖДЕНИЙ

Советский высотный альпинизм имеет уже свою историю, представляющую интерес не только для спортсменов-альпинистов, но и для всех, кто связан с исследованием высокогорных районов нашей Родины. Более двадцати лет назад было положено начало большим работам по тщательному изучению окраинных горных районов Советского Союза. Первый же опыт, приобретенный советскими исследователями Памира и Тянь-шаня, убедительно показал, что работы по географическому и геологическому исследованию этих районов, особенно в высокогорной их части, лежащей выше 5600-6000 м над уровнем моря, были затруднены или становились просто невозможными без специальной альпинистской подготовки.

Оказалось, что недостаточно обладать навыками альпинистской техники и тактики горовосхождений, приобретенными в зоне средних альпийских высот Кавказа, Алтая или среднеазиатских предгорий (4500-5500 м). Альпинисты-исследователи советского Памира и Тянь-шаня должны были овладеть техникой и тактикой подъемов на высоты до 7500 м. При этом надо было решать ряд сложных задач, связанных с организацией высотных походов, с трудностями и опасностями работы на больших высотах.

Деятельность первых советских альпинистов-высотников М.Т. Погребецкого, А.А. Летавета, Е.М. Абалакова, Д.И. Гущина, Ю.В. Шиянова и многих других убедительно показала, что применение техники высотного альпинизма при изучении высокогорных районов значительно расширяет область географических исследований. Работая в топографических и геологических отрядах памирских и тяньшанских экспедиций, наши

альпинисты-высотники оказали исследователям высотных зон нашей земли неоценимую и общепризнанную помощь.

При активном участии альпинистов были расшифрованы «белые пятна» на картах Центрального и Юго-западного Памира, а также отдаленных районов Тянь-шаня, открыты и впервые нанесены на карту высшие точки СССР — пик Сталина (7495 м) и пик Победы (7439 м), изучен ряд оледенений, проложены) многие маршруты в высокогорной зоне. Высотники-альпинисты принимали активное участие и в геологическом изучении Памира и Тянь-шаня, где им принадлежит честь открытия нескольких крупных месторождений ценных ископаемых, имеющих промышленное значение.

Высотные восхождения открыли перед советскими альпинистами новую увлекательную область спорта. Чувство глубочайшего удовлетворения альпинистов-первоисследователей, впервые вступавших на ледники и вершины среднеазиатских хребтов, обогащалось новыми, необычайными спортивными впечатлениями. Многодневные караванные переходы, марши у подножий гигантских семитысячных вершин, одинокие ночевки на острых предвершинных гребнях, грохот грандиозных ледяных обвалов и лавин, радость побед, завоеванных в многодневной и труднейшей борьбе с грозными силами природы — все эти трудности и опасности высотных походов оставляют в сознании альпиниста-высотника неизгладимый след. Проходит немного времени, воспоминания о перенесенных лишениях отодвигаются на задний план, и тогда огромное чувство полного удовлетворения вознаграждает каждого исследователя высокогорных районов за все испытания, неизбежно выпадающие на его долю.

Высокие моральные качества советских альпинистов, разработанная ими тактика и техника высотных восхождений позволили в сравнительно короткие сроки установить ряд выдающихся спортивных достижений. После того как в 1933 г. была достигнута высшая точка Советского Союза — пик

Сталина, советские альпинисты не прекращают дальнейшей работы по высотным восхождениям. Были совершены выдающиеся восхождения на пик Ленина, Хан-тенгри, покорен ряд вершин, лежащих выше 6000 м над уровнем моря. После Великой Отечественной войны авторитет советских альпинистов в высотных восхождениях подтвержден победами над пиком Мраморной стены на Тянь-шане и памирскими вершинами — пиками Карла Маркса, Патхором, Гармо, Маяковского и другими.

Все эти выдающиеся советские восхождения были осуществлены в результате напряженных коллективных усилий, проявленных как выдающимися нашими альпинистами-высотниками, так и рядовыми членами высотных альпинистских экспедиций. Победы эти были достигнуты нередко ценою неудач, ошибок, иногда и жертв; их необходимо избежать при работе будущих высотных экспедиций.

Наша задача сформулировать и обобщить некоторый организационный и тактический опыт советских восхождений на Памире и Тянь-шане.

* * *

Тактика альпинистского восхождения, его организация могут меняться в зависимости от условий, степени трудности и опасности вершины. Поэтому отличительные особенности высотных восхождений подлежат самому внимательному изучению всеми, кто рассчитывает проложить свои маршруты выше 6000 м над уровнем моря.

Высотные восхождения заслуженно относятся к категориям наиболее трудных. Сложность их зависит не только от технических препятствий, определяемых формами горного рельефа; последние далеко не всегда могут быть отнесены к категории труднейших. Бесспорно, на пути к вершинам Памира и Тянь-шаня можно отыскать много маршрутов высшей технической трудности, значительно более сложных, чем наиболее известные альпинистские маршруты к вершинам Кавказского хребта. К таким сложнейшим альпинистским задачам, еще ожидающим своего разрешения,

могут быть отнесены высотные восхождения на пик Ворошилова с юга, по его двухкилометровой скальной стене; на пик Сталина из верховий ледника Фортамбек; на пик Энгельса из верховий ледника Шабой; преодоление северных стен вершин Алтын-мазарского хребта и многие другие. Однако до сих пор альпинисты-высотники обходят подобные маршруты, стремясь прокладывать пути к высшим вершинам нашей страны по технически наиболее легким путям. Даже в этих условиях им приходится преодолевать отдельные сложные участки: крутые перепады ледяных склонов, трудные скалы. Большое искусство и опыт нужны при выборе маршрута восхождения, особенно при преодолении крутых, нередко лавиноопасных склонов.

Как главные препятствия перед альпинистами-высотниками встают два новых могучих противника, незнакомые горовосходителю зоны альпийских высот: высоты, превышающие 6000 м над уровнем моря и большие расстояния. Не будь их, даже труднейшие высотные восхождения нашего времени в большинстве своем были бы так же доступны, как восхождения средней трудности на вершины Кавказского хребта.

При подъеме на пик Сталина с востока, на скалистом участке гребня, лежащем на высотах от 5600 до 6400 м восходитель не встречает скал, сложность которых превышала бы технические трудности вершин III-Б или IV-А категорий трудности. В условиях обычной высоты и нормального груза они были бы вполне доступны для альпинистских групп средней квалификации. Предвершинный гребень этого же пика, лежащий на высоте 7400-7490 м, в условиях кавказских высот также не представил бы особого препятствия. Его склоны была бы в силах преодолеть без особых затруднений группа альпинистов, способная правильно организовать продвижение и взаимную страховку на ледовых склоках 45-50° крутизны. По свидетельству участников восхождений на пик Хан-тенгри, скальное лазание на его предвершинном гребне также не выходит за пределы средней трудности, необходимость в страховке на крючьях встречается редко.

Однако в высотных условиях эти препятствия преодолеваются самыми опытными альпинистами с большим трудом. Перемещение по крутым ледовым и снежным склонам, скальное лазание под воздействием высоты и тяжелого груза становятся все более затруднительными, возрастает и опасность передвижения.

Участники второй английской экспедиции на Эверест оценили вершину ее с точки зрения технических трудностей как «легкую скальную вершину». Однако в условиях высот, лежащих выше 8000 м над уровнем моря, эти трудности оказались непреодолимыми для лучших английских альпинистов, с их тактикой высотных восхождений. Несколько британских экспедиций на Эверест, оснащенных лучшим снаряжением, располагающих сотнями носильщиков и цветом альпинистов своей страны, последовательно терпели поражения и, несмотря на понесенные жертвы, так и не достигли цели.

Организация и тактика высотных восхождений должны поэтому, в первую очередь, внимательно учитывать особенности поведения и работы человеческого организма на больших высотах.

Известно, что длительное кислородное голодание, являющееся следствием пониженного атмосферного давления на высотах, оказывает свое влияние, начиная с высоты 3500-4000 м. С высотой возрастают кровяное давление, частоты пульса и дыхания. Работоспособность по мере подъема заметно понижается, замедляется восстановление деятельности сердечно-сосудистой системы, даже когда бывает полностью снята нагрузка.

Советские физиологи пришли к важному выводу, что длительное пребывание на больших высотах оказывает сильное воздействие на центральную нервную систему, из-за чего изменяются процессы, протекающие в организме, нарушается нормальная деятельность не только сердца, но и других органов. Степень этих изменений различна и зависит также от общего состояния организма и его тренированности. Она нарастает пропорционально высоте и сказывается особенно сильно, начиная с 4500-

5000 м, т.е. на высотах, предельных для кавказских вершин и начальных при высотных восхождениях.

При достижении этой высоты возникают иногда такие симптомы кислородного голодания, которые в понятии альпинистов являются признаками горной болезни. Пульс и дыхание не приходят в норму, работоспособность быстро падает, усталость переходит в состояние полного безразличия, теряется аппетит, возникают головные боли, тошнота, сопровождающаяся иногда рвотой, наблюдается кровотечение из носа и ушей. В особо острых случаях горная болезнь может привести к смертельному исходу. Единственным радикальным способом ее лечения остается спуск вниз, на нормальную высоту. Здесь функции организма обычно быстро приходят в норму.

При оценке трудностей высотных восхождений принято иногда утверждать, что воздействие высоты на организм альпиниста на Кавказе и Памире или Тянь-шане различно, что, например, достижение высоты в 5500 м на склонах Эльбруса значительно труднее, чем подъем на эту же высоту где-либо в Заалайском хребте. Эти утверждения кажутся нам неосновательными, они опровергаются фактами.

Наблюдения на Восточном Памире на высоте 4500 м установили, что показатели деятельности сердечно-сосудистой системы у местных жителей и у жителей долин одинаковы. У всех же вновь прибывающих на эту высоту обнаружены значительные изменения в величине кровяного давления и поведении пульса после нагрузки, что является обычной реакцией организма на кислородное голодание. Во время памирских экспедиций нам приходилось неоднократно наблюдать типичные признаки горного недомогания у многих участников экспедиций на высотах в 3600-3800 м. Практика не может не считаться с этими важными фактами при оценке трудностей высотных восхождений.

Быстрый подъем на высоту 4000 м человека, постоянно живущего на нормальных высотах, представляет для него значительную опасность.

Поэтому экипажи самолетов, совершающих полеты выше 4500 м, для предупреждения горной болезни прибегают к вдыханию кислорода, пользуясь специальными приборами. Для альпинистов-высотников этот способ борьбы с кислородным голоданием не пригоден. Пока что не удалось создать достаточно легкие приборы, которые вместе с запасами кислорода для многодневного восхождения смог бы транспортировать на себе альпинист сверх своего обычного груза, достигающего веса 20-25 кг. Пользование же кислородными приборами только на отдельных этапах восхождения вряд ли достигнет цели, не говоря уже о риске, в случае порчи аппаратуры.

Реальным оружием альпиниста в борьбе с кислородным голоданием остается высотная акклиматизация, основанная на способности человеческого организма, после достаточно продолжительного пребывания на высоте, приспосабливаться к разреженной атмосфере и сохранять эту способность на некоторое время после высотного подъема. Применяя высотную акклиматизацию, альпинистам удалось опровергнуть установившееся мнение о «потолке» высотного подъема без кислородных приборов в 6000 м и показать примеры большой приспособляемости организма к разреженной атмосфере.

Группа участников экспедиции на пик Сталина (1937 г.) в период подготовки штурма вершины свыше полутора месяцев находилась в базовом лагере на леднике Сталина на высоте 4600 метров. Высотная акклиматизация их была настолько успешной, что группе удалось совершить в этот период несколько подъемов по пути восхождения до высоты 6400 м, подготовить на этом участке путь к штурму и забросить необходимые грузы.

Штурмовая группа той же экспедиции, застигнутая бурей на высоте 6900 м, вынуждена была приостановить подъем и отсиживаться на этой высоте около пяти суток. Но и после этих испытаний альпинисты сохранили достаточно сил для дальнейшего подъема и достижения высшей точки пика.

Отметим, однако, что никакая система высотной акклиматизации не в состоянии полностью устранить влияние высоты на организм. Воздействие ее увеличивается при подъеме с каждой сотней метров, темп продвижения при этом неизбежно замедляется.

В условиях средней трудности пути и нормального груза альпиниста-высотника в 22-25 кг, тренированная группа на высотах от 5000 до 6000 м может набрать за один день подъема 700-800 м высоты. На седьмой тысяче метров эта величина падает до 500-600 м в день. Выше 7000 м величина подъемов, совершавшихся в нашей практике без груза (последний день штурма), уже не превышала 50-60 м в час. Ветер, понижение температуры, снегопад, неожиданные технические трудности на пути могут еще больше замедлить продвижение. Как мы уже указывали, трудности пути, легко преодолимые группой на средних высотах при одновременном движении в связке, могут вынудить на большей высоте ту же группу замедлить темп, двигаясь с тщательной попеременной страховкой.

Можно утверждать, что большие высоты в условиях многодневного напряжения физических и моральных сил оказывают непрерывное воздействие на психику, могут значительно ослабить волю альпиниста и способность его правильно оценивать окружающую обстановку. Только этим можно объяснить неожиданные серьезные тактические ошибки и просчеты опытных альпинистов на последних этапах высотного штурма.

В 1937 г. при продвижении восходителей на пик Сталина по опасному предвершинному гребню не были приняты необходимые меры безопасности (движение в связке), хотя в нормальных условиях безусловная необходимость этого была бы очевидна. Эта ошибка стоила жизни начальнику штурмовой группы, одному из опытнейших альпинистов того времени О. Аристову.

При спуске с вершины во время одного из высотных восхождений на Тянь-шане альпинисты достигли места своего высотного лагеря, где были оставлены палатки, спальные мешки и продукты. Один из участников

штурма высказал мнение, что лагерь принадлежит другой экспедиции, которая, как было известно, совершала восхождение на ту же вершину несколькими неделями раньше. Возник нелепый спор, в который были вовлечены все участники штурма. Часть альпинистов предприняла поиски мнимого места своего лагеря по пути подъема к вершине в условиях непогоды; это потребовало значительных усилий. Время для устройства бивуака было потеряно. Тяжелая ночевка подорвала силы штурмовой группы, часть участников восхождения получила обморожения.

Неблагоприятная метеорологическая обстановка, столь нередкая в условиях высотных восхождений, также вносит в их организацию значительные затруднения. Альпинисты-высотники должны быть готовы к работе при низких температурах и неустойчивой погоде. В верхних лагерях при штурме пика Сталина и Хан-тенгри были отмечены в августе минимальные ночные температуры в —32—35°, днем до —25°. Морозы осложнялись снежными бурями, обычными в верхних слоях атмосферы. Неустойчива в июле — августе погода в районах пика Ленина (Заалайский хребет), хребта Петра I (Западный Памир), пиков Хан-тенгри и Победы (Тянь-шань). В эти месяцы периоды хорошей, ясной погоды перемежаются с ухудшениями погоды, сопровождающимися снегопадами.

Многочасовые снежные бури в высотных районах не затихают и после прекращения осадков. При ясном небе и значительном понижении температуры сильный ветер переметает свежевыпавший снег с вершинных гребней в цирки ледников. В этих условиях продвижение по снеговым склонам, покрытым сухим порошкообразным снегом, становится исключительно трудным, иногда приходится прокладывать путь по пояс в снегу. Возрастает опасность лавин, которые могут возникать на относительно пологих склонах крутизной в 25-30°.

Климатические особенности высотных восхождений, учет возможностей непогоды и значительных понижений температуры обязывают к применению специального снаряжения. Альпинист-высотник должен

располагать соответствующим запасом теплой одежды, хорошим штормовым костюмом, утепленными рукавицами и подходящим головным убором.

Применение обычных высокогорных ботинок на последних этапах высотных восхождений часто приводит к обмораживанию ног. Опыт говорит о том, что самая лучшая кожаная обувь не предохраняет от низких температур, свойственных большим высотам. Об этом свидетельствует ряд примеров.

Так, группа немецких альпинистов, предпринявшая в 1928 г. попытку восхождения на пик Ленина в кожаной обуви, поплатилась за это на вершинном гребне серьезными обморожениями ног. Тяжелые обморожения ступней обеих ног получил известный советский альпинист А. Джапаридзе, пытавшийся в 1936 г., в обычной обуви, совершить восхождение на пик Евг. Корженевской.

Неудовлетворительно зарекомендовала себя также фетровая валяная обувь, применявшаяся в тяньшанских высотных экспедициях в 1936 и 1938 годах, при длительных походах она быстро намокала, сокращалась в размере и была причиной нескольких серьезных обмораживаний.

Поэтому применение кожаной обуви при высотных экспедициях обычно ограничивается высотами в 6000-6200 м[1]. В более высоких зонах многие экспедиции успешно применяли специальную обувь из теплого войлока с брезентом, импрегнированным (пропитанным солями металлов с последующим восстановлением) верхом и твердой окованной подошвой, включающей в себя прослойки войлока и пробки. Такою обувью пользуются, начиная с высот, отличающихся устойчивой отрицательной температурой, но следует помнить, что, намокнув, она теряет все свои преимущества.

Особенно тщательно должно быть подобрано бивуачное снаряжение альпинистов-высотников. Тесные и легко продуваемые «гималайские» палатки для высотных восхождений оказались совершенно непригодными.

[1] Отступление от этого правила может быть сделано только для вершин Юго-западного Памира, где восхождения производятся при относительно более высоких температурах. — Авт.

Их следует заменять бивуачными двухскатными палатками («полудатки»), изготовляемыми из легкой, но плотной материи. Как показал опыт, альпинист-высотник должен располагать достаточно легким, но теплым индивидуальным спальным мешком. При высотных бивуаках на снегу вполне оправдало себя применение надувных резиновых матрацев, заменяемых часто с успехом войлочными подстилками из среднеплотной кошмы.

Выше 5000 м альпинист-высотник при самой благоприятной погоде не может найти талой воды. Единственное средство получения ее — растапливать снег или лед на переносных спиртовых или бензиновых кухнях. Лучшим горючим в условиях больших высот оказался сухой прессованный спирт. Он не требует специальной упаковки при переноске, спиртовые кухни безотказно горят на любых высотах и при низких температурах, чего нельзя сказать о керосиновых или бензиновых примусах.

Ассортимент продуктов питания и нормы его потребления такие же, как и при обычных восхождениях. Важно, чтобы питание высотников было достаточно разнообразным и обильным, особенно при подготовке штурма вершины и на первых этапах восхождения, когда еще сохраняется нормальный аппетит.

Необходимость применения специального снаряжения в условиях многодневных маршей значительно отягощает груз высотника. Вес его рюкзака при транспортировке грузов, длинных разведывательных походах и на первых этапах штурма вершины доходит до 25 и даже 30 кг.

Степень трудности высотных восхождений значительно снижается для вершин в 000-6500 м. Более благоприятны условия для восхождения в высокогорных районах Восточного и Юго-западного Памира, отличающихся устойчивой погодой и относительно более высокими температурами. Однако и здесь высотные и климатические особенности также определяют основы организации и тактики высотных восхождений.

В соединении с техническими трудностями эти особенности диктуют детали планирования тактики и сроков штурма вершины.

* * *

Организация и подготовка высотных восхождений требуют большого опыта и напряженного труда всех организаторов и участников экспедиции. Штурм вершины — только заключительный этап экспедиции, успешность его полностью зависит от всей предшествующей подготовительной работы.

Подготовка экспедиции начинается за много месяцев до выезда участников в горы. Внимательно изучаются все сведения о районе будущей работы экспедиции, планируются маршруты, определяется продолжительность отдельных этапов работы, тщательно рассчитываются запасы продовольствия, личное и экспедиционное снаряжение, транспорт. Много времени и сил в этот период отнимают изготовление снаряжения, закупка продовольствия, упаковка и транспортировка его к месту формирования экспедиции, организация экспедиционного транспорта. Параллельно ведется отбор и тренировка личного состава.

Продолжительность и успех этой важной подготовительной работы во многом зависят от ее руководителей. Важно, чтобы этот этап экспедиции был завершен без опоздания к выступлению экспедиции в горы.

Как показывают данные продолжительности собственно-экспедиционных этапов отдельных высотных восхождений (см. табл.), непосредственный штурм вершины укладывается в сравнительно короткие сроки: от 6 до 17 дней. Ликвидация работы экспедиции и возвращение ее состава к месту формирования занимают, в зависимости от района работы, от 8 до 15 дней. Значительно более трудным бывает определение сроков двух этапов, предшествующих штурму вершины: этапа передвижения на подходах от места формирования экспедиции к ее базовому высотному лагерю, а также этапа разведки района высотной работы и подготовки к штурму, вершины.

Первый из этих важнейших этапов должен обеспечить своевременную доставку грузов в базовый лагерь у подножия вершины. Продовольствие и

снаряжение экспедиции должны быть доставлены в количестве, достаточном для бесперебойной разведки района подготовки и проведения штурма, а также обратного пути к месту формирования.

Пополнение основных продовольственных запасов обычно затруднено тем, что экспедиция действует в малонаселенных высокогорных районах. Еще сложнее это в условиях базового лагеря, расположенного обычно в 4-10 днях пути от ближайшего населенного пункта. Результаты случайной охоты не могут существенно пополнить запасы. Поэтому при расчете веса продовольствия и снаряжения, а следовательно, всех грузов, подымаемых в базовый лагерь, надо исходить из всего срока работ экспедиции: транспорт экспедиции должен доставить примерно 2 кг продовольствия в день на человека и 60 кг снаряжения на каждого альпиниста-высотника. При средней продолжительности пребывания высотной экспедиции в горах 45-60 дней и 10-12 участниках общий груз экспедиции может составить 1600-2300 кг. Труднодоступность районов высотных восхождений серьезно затрудняет транспортировку такого груза, отнимает много времени и составляет до 60 процентов всех расходов на экспедицию.

Высокогорные районы советского Памира и Тянь-шаня расположены на окраинах Киргизской, Казахской и Таджикской ССР. Несмотря на значительные успехи дорожного строительства в этих республиках, переброска грузов высотных экспедиций автомобильным транспортом может быть произведена только на части пути. Основным средством транспортировки на подходах к базовому лагерю бывает вьючный транспорт: лошади, ишаки, верблюды, а в высокогорной части — яки.

Базовые лагери высотных экспедиций, рассчитывающих достигнуть высот, лежащих около 7000 м, должны располагаться возможно ближе к подножию массива вершины, у склонов ее предвершинных гребней, с тем, чтобы облегчить разведку пути восхождения, подготовку и штурм вершины.

Такие лагери организуются обычно на высоте 4200-4800 м вблизи снеговой линии, значительно выше языков главных ледников.

В экспедициях к пику Сталина в 1933 и 1937 гг. базовые лагери были созданы на леднике Сталина в 35 км от языка ледника Федченко, в экспедиции к пику Победы в 1949 г. — в 40 км от языка ледника Инылчек.

Часть ледникового пути к базовому лагерю после прокладки тропы иногда бывает доступна вьючным лошадям, тогда доставка грузов значительно облегчается. Следует учитывать, однако, что транспорт в высотной экспедиции большую часть пути должен будет двигаться вне вьючных троп, переходя опасные броды горных рек, пересекая ледники. Быстрота продвижения каравана зависит здесь не столько от протяженности пути, сколько от его проходимости.

Из семитысячных вершин Советского Союза ближе всего к автомобильной дороге расположен пик Ленина. Перевод каравана к языкам ближайших его ледников требует 2-3 дней. Еще 3-4 дня уйдет на устройство ледниковой тропы и переход каравана к моренной террасе в верховьях ледника Ленина, места расположения базовых лагерей всех высотных экспедиций, предпринимавших попытки восхождения на пик с севера.

Подход к оледенениям пика Сталина, пика Победы и прилегающих к ним хребтов еще более затруднен и отнимает от 12 до 25 дней, не считая времени, необходимого для организации каравана и непредвиденных задержек в пути.

Подступы к ледникам Памира и Тянь-шаня, условия продвижения по ним иногда настолько затруднительны, что возможность применения вьючного транспорта полностью исключается и все грузы несут на себе сами участники. Альпинистская экспедиция к пику Патхор на Юго-западном Памире в 1946 г. смогла закончить доставку грузов к языку ледника Марковского лишь на восьмой день работы, хотя расстояние до него по прямой от автомобильной дороги составляло всего 13 километров. Большую часть времени отняла переноска грузов.

В тех случаях, когда транспортировка грузов по леднику к подножию вершины бывает особенно затруднительна, а высота вершины менее 7000 м, — можно применить другую схему подготовки штурма вершины.

В этом случае базовый лагерь разбивается ниже языка ледника, по возможности в зоне растительности, с тем чтобы обеспечить лагерь топливом, вьючных животных подножным кормом и предоставить лучшие возможности для отдыха альпинистов перед штурмом вершины.

Базируясь на этот лагерь, альпинисты ведут разведку вверх по леднику и, одновременно, транспортируют грузы по направлению к одному из промежуточных лагерей, который избирается как опорный для решающего штурма вершины. По такому плану были, в частности, организованы восхождения на пики Патхор, Карла Маркса и Гармо.

Утомительная работа по переноске грузов выпадает на долю каждого альпиниста-высотника как по пути к базовому лагерю, так и при подготовке к штурму вершины. Простой подсчет показывает, что невозможно поднять одновременно за один выход весь груз, необходимый для разведки пути и штурма вершины. Участники высотных экспедиций вынуждены совершать ряд переходов для переноски грузов и только после этого могут переключить все силы экспедиции на непосредственную подготовку штурма вершины.

Для ускорения этих работ некоторые наши высотные экспедиции прибегали к помощи носильщиков-горцев, общее число которых не превышало 5-7 человек для самых трудоемких транспортных операций. Их самоотверженный труд, проводимый всегда на равных правах с альпинистами-высотниками, значительно облегчал и ускорял работу.

Иногда выгодно организовать переноску грузов к базовому лагерю по частям, на расстояние однодневного перехода. После того, как в результате двух или нескольких рейсов всех участников экспедиции цель достигнута всеми, совершается следующий подъем груза на однодневный переход и т.д. При таких «челночных» транспортных операциях участники их, после переброски грузов, возвращаются для ночевки в исходный лагерь налегке.

Подобная система увеличивает относительный вес экспедиционного груза, переносимого за один рейс участниками, дает возможность силами небольшой передовой группы вести непрерывную разведку пути на один переход.

Высотные памирские экспедиции 1937 г. на пики — Сталина, Ленина и Корженевской, а также экспедиция на пик Победы в 1949 г. широко применяли для подъема грузов и даже участников транспортную авиацию. Несмотря на большие трудности и опасности полетов в горах, наши отважные летчики оказали существенную помощь альпинистам. Грузы экспедиции, главным образом продовольствие, успешно доставлялись к лагерям и сбрасывались на грузовых парашютах. Часть грузов, упакованных в ящики, удавалось сбрасывать без парашютов на снежные склоны пика Ленина, возле высотных лагерей на высотах в 5200 и в 6200 м.

Схема пути восхождения на пик Сталина (1937 г.).

Схема выполнена участником восхождения Н.А. Гусаком.

Применение транспортной авиации позволило значительно сократить число вьючных лошадей и уменьшить грузы, переносимые самими восходителями. Все же это не сократило продолжительности этапов, предшествовавших штурму вершины, и время самого штурма. Транспортировку обычными средствами пришлось продолжать непрерывно, на случай невозможности очередного вылета, а также учитывая неизбежные потери части грузов при их сбрасывании. При подъеме в высотные лагери вес рюкзаков у альпинистов оставался обычным.

Как мы видим, тактические возможности использования транспортной авиации при этих высотных восхождениях оказались ограниченными. Организация специальных полетов в горы обходится дорого и по силам только для крупных экспедиций.

Таким образом, продвижение высотных экспедиций к базовым лагерям у подножия вершин связано прежде всего с многодневной трудоемкой работой по транспортировке грузов, которая может быть выполнена в намеченные сроки при наличии экспедиционного опыта у руководителей и участников, а также их энергии и работоспособности. Этот этап всех экспедиций, намеревающихся совершить восхождения на вершины, близкие к 7000 м, в условиях Памира или Тянь-шаня, должен быть завершен не позднее 15-20 июля. Тогда у альпинистов останется достаточно времени для подготовки штурма вершины к середине августа, периоду наиболее благоприятной погоды и устойчивого снежного покрова. Опоздание в транспортировке грузов и организации базового лагеря может тяжело отразиться на всей дальнейшей работе экспедиции. Так, например, задержки в продвижении участников экспедиции к пику Победы в 1949 г. (базовый лагерь на леднике Звездочка был разбит лишь 9 августа) исключили, по сути дела, всякую возможность достичь вершины пика. Участники были в состоянии предпринять лишь неудовлетворительно подготовленную попытку подъема по нижней части высотного гребня и достигнуть наибольшей высоты всего в 5700 м.

Подготовка штурма вершины из базового лагеря экспедиции начинается с разведки района и поисков наилучших путей восхождения.

Географическое изучение Памира и Тянь-шаня в наши дни настолько продвинулось вперед, что исследователи высокогорных районов располагают описаниями маршрутов многочисленных высотных экспедиций, богатым картографическим материалом, фотографиями отдельных хребтов и вершин, материалами аэрофотосъемок. Несмотря на всю ценность этих данных, их бывает недостаточно для точного выбора пути в высотной зоне, особенно при первовосхождениях в малоисследованных районах, орография которых требует добавочного изучения. Альпинистам известно также, что проходимость новых маршрутов в горах и степень их опасности для горовосходителей можно определить только непосредственной разведкой пути, силами опытных спортсменов. Только непосредственные наблюдения позволяют собрать данные для достаточно полного географического описания высотного района, выбора пути будущего восхождения, мест высотных лагерей, для определения тактики штурма.

'Из всех возможных вариантов восхождения выбирается наиболее легкий по техническим трудностям и, безусловно, самый безопасный. При выборе пути следует избегать участков, которым угрожают ледяные обвалы и снежные лавины со склонов и верхних полей ледников. Надо учитывать также возможность возникновения лавин после новых снегопадов. Все опасные участки следует обходить, пусть даже за счет удлинения пути будет правильнее избрать более трудный, но зато более безопасный путь.

Практика высотных восхождений, как мы упоминали, избегает преднамеренного усложнения пути подъемов и преодоления стен. Типичный высотный маршрут проводится по схеме: верхние фирновые поля ледника, выход на гребень массива вершины через седловину или по одному из контрфорсов гребня, достижение предвершинного гребня и отсюда высшей точки вершины (см. схему пути восхождения на пик Сталина в 1937 году). Спуск в базовый лагерь — по пути подъема.

Общая высота подъема от базового лагеря до вершины составляет (см. табл.) от 2500 до 3200 м. Это расстояние можно преодолеть только после разбивки нескольких промежуточных лагерей, расположенных, по возможности, на расстоянии однодневного перехода один от другого. Число таких лагерей по пути к вершине высотой около 7000 м доходит до четырех и даже пяти.

Продолжительность отдельных этапов работы высотных альпинистских экспедиций[1]

Цель восхождения	Год	Высота вершины в м	Высота базового лагеря в м	Продолжительность в днях			Наибольшая высота подъема
				Подход от места формиров. к базовому лагерю	Разведка пути и подготовка штурма	Штурм вершины	
Пик Сталина . . .	1933	7 495	4 600	52	25	17	Вершина
Пик Ленина . . .	1937	7 127	3 700	10	16	9	»
Пик Сталина . . .	1937	7 495	4 600	22	21	13	»
Пик Дзержинского	1936	6 713	4 200	10	14	6	»
Пик Корженевской	1937	7 100	3 800	28	11	10	6 800
Пик Гармо	1948	6 615	4 000[1]	12	15	7	Вершина
Пик Карла Маркса	1946	6 700	4 200	11	6	6	»
Пик Победы . . .	1949	7 439	4 200	22	1	11	5 700

Весьма важной и наиболее сложной задачей разведки путем наблюдения будет правильное определение трудности пути в верхней части подъема у вершины, на тех участках пути, которые преодолеваются на последнем этапе штурма, когда силы альпинистов уже значительно ослаблены. Недооценка трудностей на этом решающем этапе восхождения приводит к серьезной ошибке в плане штурма: последний перед вершиной высотный лагерь разбивается слишком низко.

Так, при восхождении на пик Дзержинского (Заалайский хребет) восходители в день решающего штурма вершины встретили на вершинном гребне непредвиденные препятствия и убедились, что невозможно достичь высшей точки пика за переход. Лишь организовав еще один высотный

[1] Промежуточный штурмовой лагерь при восхождении на пик Гармо был создан на гребне хребта Академии наук на высоте 5550 метров. — Авт.

лагерь, они смогли достичь вершины, но продолжительность штурма увеличилась на два дня против первоначально намеченного срока.

Однако штурмовая группа высотников не всегда в состоянии на ходу перестроить план штурма. Этому могут препятствовать отсутствие резерва продуктов и горючего, сильная усталость и другие причины. Например, в последний день штурма пика Корженевской в 1937 г. восходители обнаружили, что высшая точка пика расположена на расстоянии однодневного перехода от возвышенности, первоначально принятой за вершину. Альпинисты были уже не в силах продолжать штурм и могли совершить лишь восхождение на вершину, лежащую на сотню метров ниже, чем наивысшая точка пика[1].

Во избежание таких ошибок при подготовке штурма следует предпринимать походы на панорамные пункты и вершины для определения профиля вершинного гребня и возможно более точной оценки его трудностей.

Продвижение штурмовой группы от базового лагеря до вершины редко происходит без задержек из-за непогоды и различных происшествий. Поэтому время штурма семитысячников занимает в среднем от 9 до 17 дней, а вершин высотой около 6500 м — от 6 до 10 дней. Штурмовая группа не в состоянии нести с собой непосредственно из базового лагеря все запасы продовольствия и снаряжения, необходимые для успешного восхождения. Это обязывает высотников при подготовке штурма создавать промежуточные высотные базовые лагери, лежащие при штурме семитысячных вершин, обычно на высоте около 6200-6400 м в двух-трех днях пути от вершины. На площадку промежуточного базового лагеря следует доставить перед штурмом 5—6-дневный запас продовольствия и горючего, утепленную высотную обувь, часть личных теплых вещей и бивуачного снаряжения.

[1] По последним данным, высота этого пика равна 7100 м. Таким образом, достигнутая точка (6800 м) лежала на 300 м ниже собственно вершины. — Прим. ред.

Путь к такому лагерю прокладывается одним, а чаще несколькими рейсами из нижнего базового лагеря. Одновременно с заброской грузов участники этих походов производят тщательную разведку пути, очистку скальных участков от непрочно лежащих камней. На трудно проходимых местах навешиваются веревки и веревочные лестницы, вырубаются ступени, устраиваются площадки для промежуточных лагерей. Эти работы имеют целью в наибольшей степени облегчить и сделать наиболее безопасным продвижение штурмовой группы на первом этапе пути к вершине, а также превратить этот участок пути в более проходимый для вспомогательной группы в случае выхода ее на помощь штурмующим.

В походах, связанных с подготовкой штурма вершины, завершается главный этап тренировки альпинистов перед восхождением и заканчивается их высотная акклиматизация.

* * *

Явление высотной акклиматизации человеческого организма было отмечено достаточно давно в первых опытах горовосхождений в Швейцарских Альпах. С тех пор практика альпинизма давала все новые примеры удивительной способности человеческого организма приспосабливаться к длительному кислородному голоданию. Высота подъемов при восхождениях в Гималаях, Каракоруме, на Памире росла с каждым десятилетием. В 1907 г. было совершено первое восхождение на вершину, высотой выше 7000 м над уровнем моря. Позже на склонах Эвереста была доказана возможность достижения человеком высот, превышающих 8000 м. Замечательные возможности высотной акклиматизации показывает опыт высотных восхождений советских альпинистов; в нашей практике число альпинистов, одновременно достигавших высот более 7000 м, неизменно возрастало, доходя на пике Ленина до 10 человек. Однако до сих пор единственным критерием в постановке высотной тренировки остаются практика, опыт прошлых экспедиций. Альпинисты-высотники не имеют еще научно обоснованной

системы высотной акклиматизации, устанавливающей наиболее эффективные приемы, позволяющей в кратчайший срок достигнуть наибольшей акклиматизации, при условии наименьшей затраты сил. Продолжительность акклиматизационного периода, наибольшая высота походов при высотных тренировках, чередование их с отдыхом — все эти вопросы решаются по-разному и не всегда удачно. До сих пор мы не располагаем также возможностью объективно определить степень высотной акклиматизации, достигнутой во время тренировочных походов, чтобы обеспечить подъем на вершину большинства участников.

Тем более важно возможно полнее учесть опыт высотной акклиматизации, накопленный нашими многочисленными экспедициями.

Непременным условием подготовки альпиниста-высотника к восхождению должна быть предварительная общая физическая тренировка, подготавливающая его к длительной, тяжелой нагрузке и неизбежным лишениям. Система ее не отличается от общепринятой у альпинистов: зимние и весенние горнолыжные походы, кроссы, тренировочные восхождения в легкодоступных горных районах с подъемами на возможно большие высоты. Тренировка строится из расчета возрастающей нагрузки.

Непосредственная высотная акклиматизация начинается с началом экспедиции, при продвижении на высотах в 3800-4000 м, т.е. на первом этапе работы при подходах к базовому лагерю. Необходимо отметить, что признаки акклиматизации наступают только после достаточно продолжительного, исчисляемого несколькими днями, пребывания на высоте. Поэтому сомнительна возможность высотной акклиматизации альпинистов в барокамерах или путем краткосрочных высотных полетов.

Тренировка на высотах до 5 000 м, осуществляемая при подходах к базовому лагерю, недостаточна для подготовки к подъему на высоты в 7000 м и выше. Перед штурмом семитысячников обязательны предварительные тренировочные походы на высоты до 6200-6400 м. Они осуществляются с одновременной целью устройства высотного базового лагеря. На этой высоте

следует провести перед спуском вниз возможно больше времени, даже одна ночевка здесь принесет составу будущей штурмовой группы только пользу.

Буржуазные теоретики и практики высотного альпинизма, признавая необходимость специальных акклиматизационных походов для альпинистов, готовящихся к высотным восхождениям, вместе с тем выдвигают положение о том, что во время этих походов следует всячески сберегать силы участников для предстоящего штурма. С этой-то целью немногочисленная группа буржуазных альпинистов-высотников обычно обслуживается целой армией носильщиков из местного населения, число которых в иных гималайских экспедициях доходило до 600 человек (!!). Упорным трудом носильщиков осуществлялись все транспортные операции не только на подходах. Специальные группы наиболее выносливых носильщиков сопутствовали альпинистам вплоть до последнего высотного лагеря, перенося все их личные вещи, продовольствие и бивуачное снаряжение.

Однако такая система не оправдала себя в достижении наиболее эффективной высотной акклиматизации. Неоднократные попытки буржуазных альпинистов совершить на основе такой тактики восхождения на вершины выше 8000 м не принесли им ни одной победы. Все участники штурмовых групп на последних этапах восхождений, когда приходилось рассчитывать только на свои силы, оказывались не подготовленными к решающей атаке вершины.

Следует отметить примечательный факт: носильщики, обслуживающие английские экспедиции на Эверест, совершали подъемы с грузом до 16 кг на высоту 8170 м со значительно меньшим напряжением сил, чем передвигавшиеся налегке альпинисты[1]. В лучшей спортивной форме по сравнению с участниками штурма оказались и некоторые альпинисты

[1] Не лишено вероятия, что если бы наиболее выносливые и одаренные носильщики — непальцы — были привлечены к штурму Эвереста в качестве равноправных участников, то высочайшая вершина мира была бы побеждена еще в 1924 г., а гибель альпинистов Мэллори и Ирвина, пропавших без вести при штурме участка пути между высотою 8630 м и вершиной Эвереста, можно было бы предотвратить. Но даже мысль о такой возможности чужда буржуазному альпинизму. Организаторы гималайских экспедиций, вопреки фактам, неизменно говорят о «моральной неполноценности» местного населения и якобы непригодности его к альпинизму. — Автор.

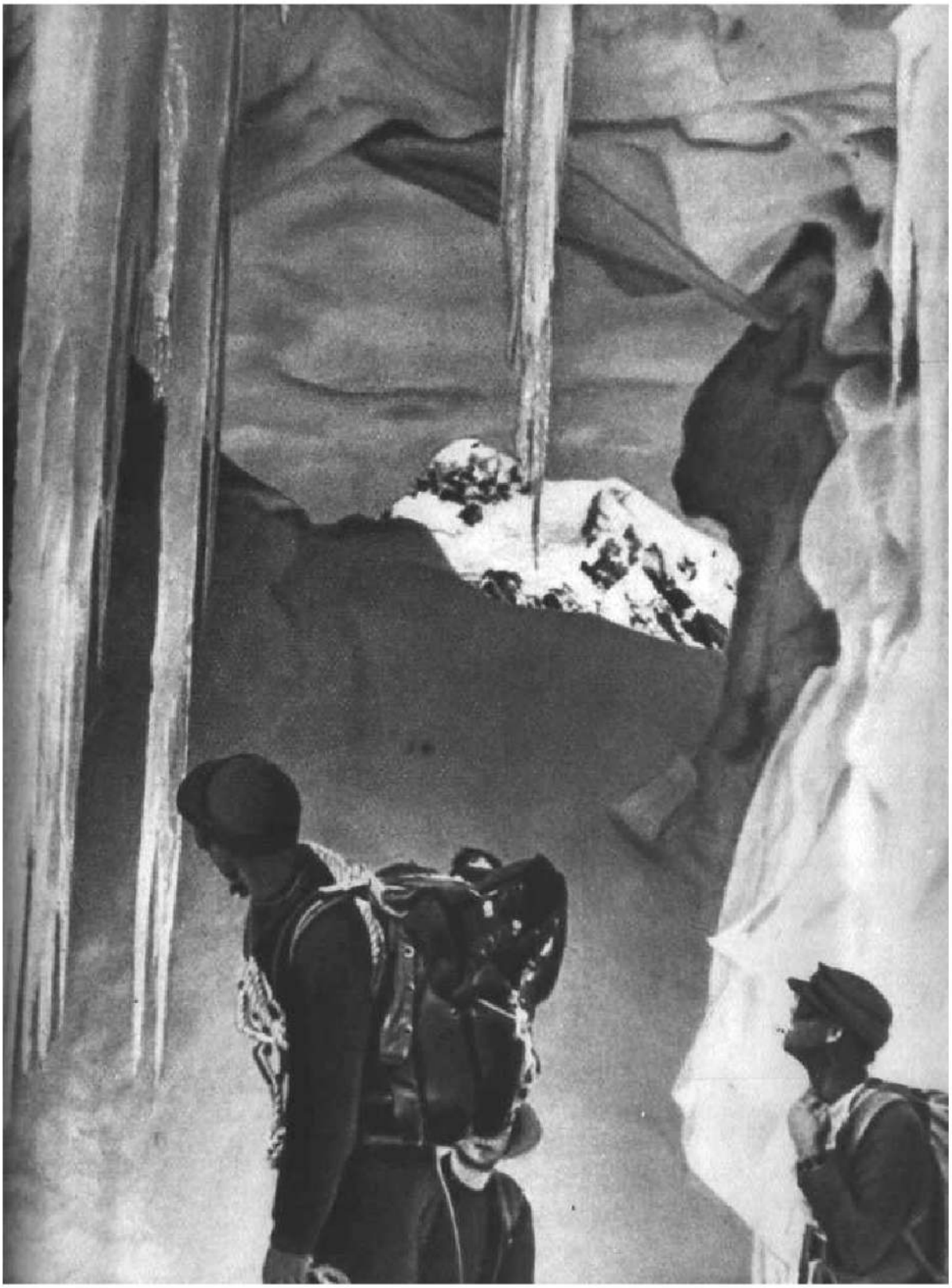
вспомогательной группы, продолжительное время занятые устройством высотных лагерей.

Практика советских высотных восхождений позволяет дать объяснение этим фактам. Высотная акклиматизация достаточно эффективна, если акклиматизационные походы проводятся в условиях, близких к обстановке штурма, с обычной для последнего нагрузкой. Как мы указывали выше, привлечение носильщиков иногда оправдано в тех случаях, когда надо сократить сроки трудоемких работ по транспортировке грузов. Однако полное освобождение будущих участников штурма от переноски грузов в период их высотной акклиматизации приносит только вред. Восхождение налегке, в ненормальных для штурмовой группы условиях, оттягивает сроки полной акклиматизации альпинистов, не подготавливает их в должной степени к тому, чтобы переносить трудности высотного восхождения. Высотная акклиматизация должна носить активную форму. В интересах наилучшей акклиматизации деятельное участие альпинистов-высотников во всех транспортных операциях при подготовке к штурму является обязательным.

Напряженная работа на всех этапах высотной экспедиции должна перемежаться с периодами короткого отдыха, а за физическим состоянием альпинистов во избежание перетренировки постоянно должен наблюдать врач.

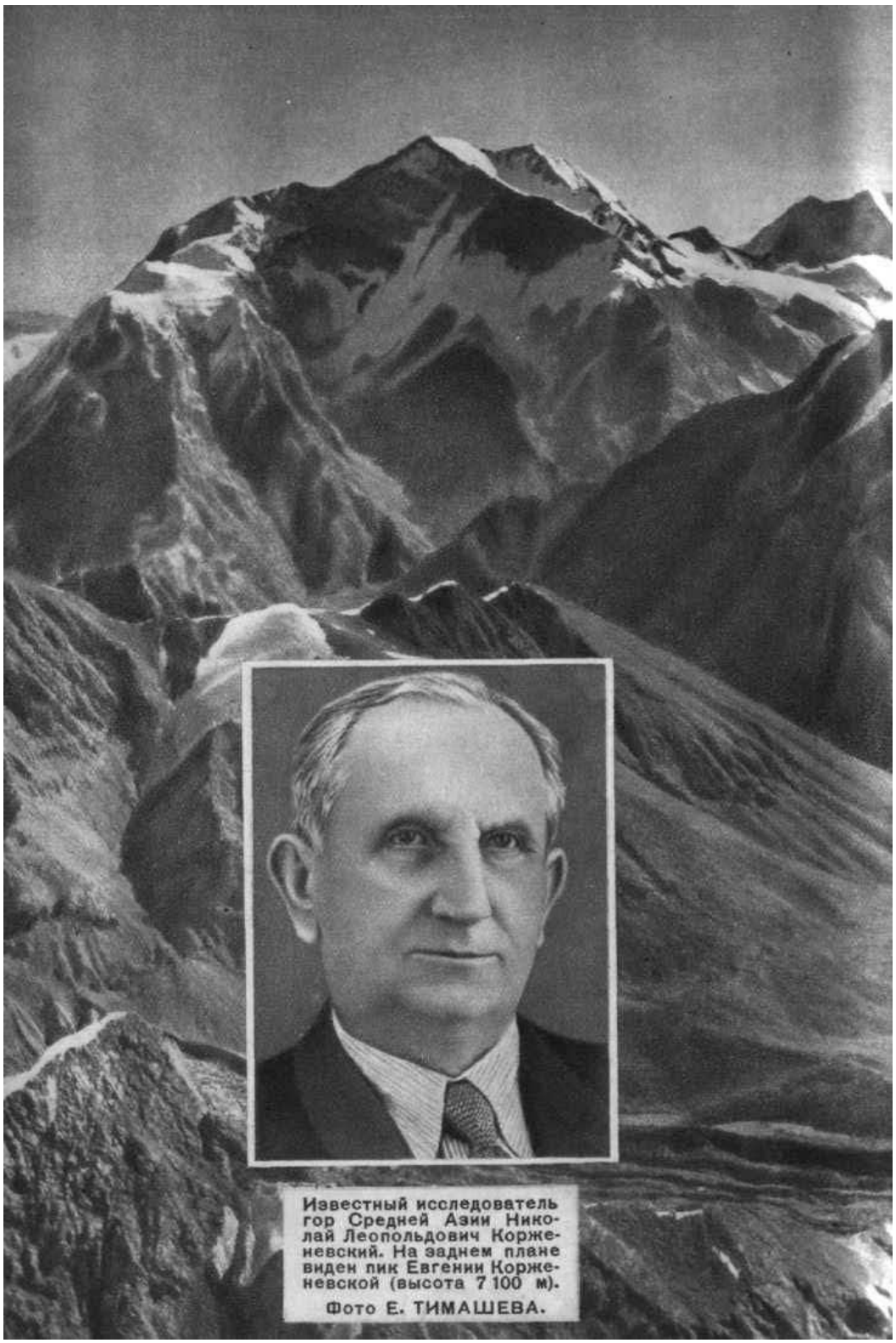
Штурму вершины обычно предшествует 2—3-дневный отдых всех участников; передышка перед штурмом приносит пользу и не отзывается отрицательно на достигнутой высотной акклиматизации.

Альпинизм — спорт коллективный. Восхождения на вершины осуществляются силами единой группы спортсменов не только для того, чтобы предупредить срыв или падение одного из них или оказать помощь пострадавшему. Длительное продвижение по труднопроходимым участкам горного рельефа, организация полноценных бивуаков и правильного питания непосильны для одиночек, они становятся возможны только в результате коллективных усилий сплоченной группы.



Ледовый грот на ребре пика Победы.

Фото А. БАГРОВА.



Известный исследователь гор Средней Азии Николай Леопольдович Корженевский. На заднем плане виден пик Евгении Корженевской (высота 7 100 м).

Фото Е. ТИМАШЕВА.

Неизмеримо велика сила воздействия коллектива, не раз бывшая решающей в тех случаях, когда следует укрепить волю к победе у тех альпинистов, которые ослабели в борьбе с трудностями. Вот почему высокие моральные качества советского человека, воспитываемого нашей партией в

духе коллективизма и взаимопомощи, становятся решающей силой, позволяющей альпинистам нашей страны достигать высоких спортивных показателей. Советскому альпинизму чужд дух буржуазного индивидуализма, эгоистичности и саморекламы, наложивших свой пагубный отпечаток и на организацию высотных восхождений, предпринимаемых силами спортсменов капиталистических стран.

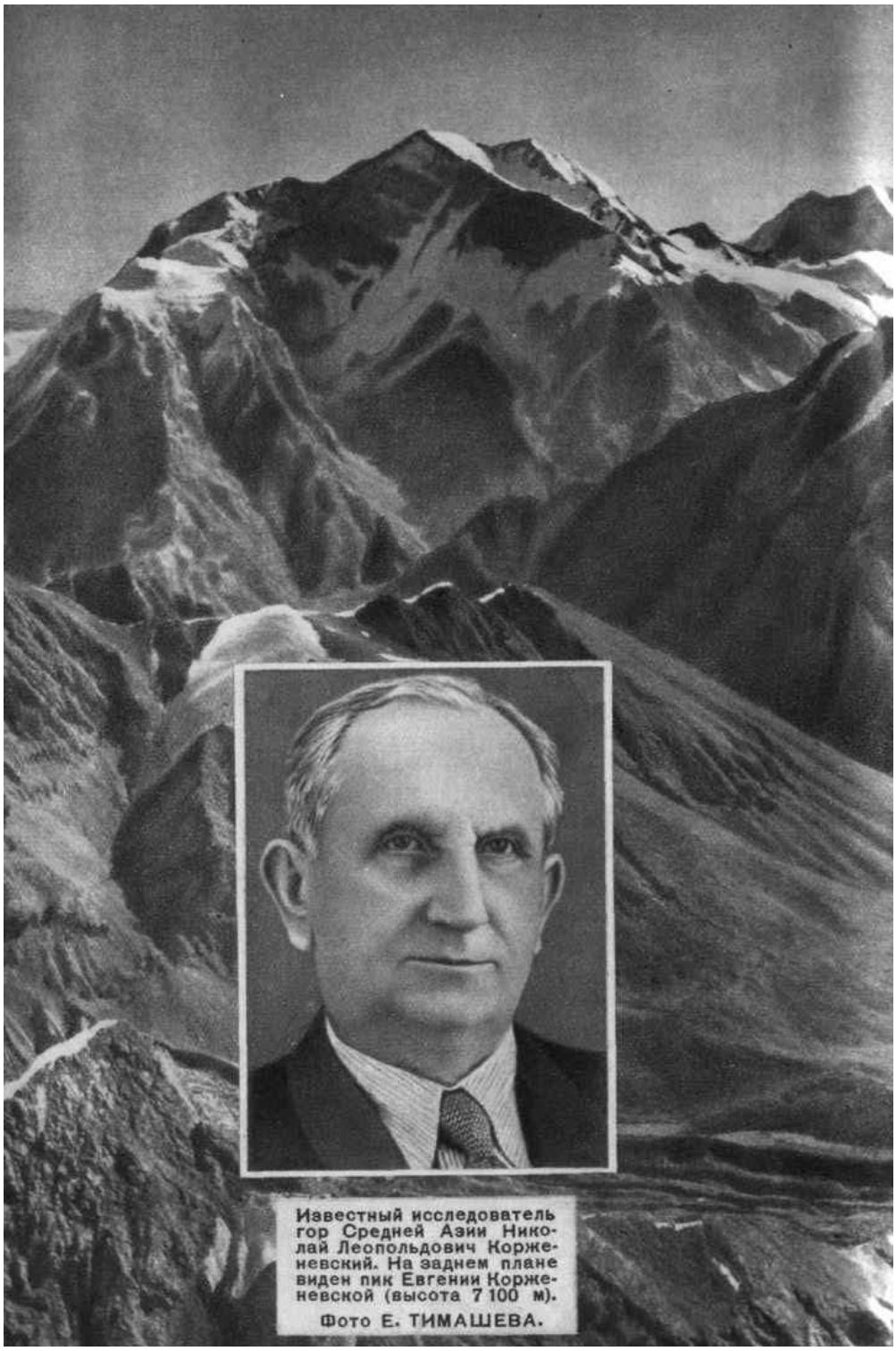
Высотные восхождения, организуемые буржуазными спортивными организациями и клубами, ставят перед собой определенную цель — достижение вершины силами немногочисленной группы избранных одиночек из числа лучших спортсменов. Вся ставка делается на их индивидуальные усилия на последних участках штурма вершины; организаторы высотных восхождений не заботятся о создании достаточно мощного коллектива альпинистов, совместные усилия которых могли бы преодолеть последствия неудач отдельных восходителей, даже из числа самых опытных альпинистов, выбывающих нередко по разным причинам из штурма. Сама идея подобной коллективной работы чужда природе буржуазного альпинизма, рассматривающего в высотных восхождениях, прежде всего, средство достижения личной славы наличной выгоды.

История высотных восхождений в Гималаях дает многочисленные примеры порочности такой тактики, приводившей к жертвам и неизменным неудачам в попытках победить хотя бы одну из вершин, превышающих 8000 м над уровнем моря[1].

Все попытки восхождения на Эверест предпринимались на последних этапах штурма группами из двух-трех альпинистов, выступавших на свой страх и риск, ибо вспомогательные группы, на помощь которых они могли бы рассчитывать, отсутствовали. Недомогание одного участника вынуждало весь состав к отступлению, а попытка Мэллори и Ирвина достигнуть вершины двойкой закончилась их гибелью. Резервные группы отсутствовали

[1] Нам известны 11 неудачных попыток совершить восхождение на восьмитысячники Гималаев — Эверест, Нанга-парбат и «К-2».— Авт.

также при попытке восхождения немецких альпинистов на Нанга-парбат (8115 м); штурмовая группа действовала разобщено, застигнутая жестокой непогодой на вершинном гребне начала беспорядочное отступление. При спуске к нижнему лагерю уцелевшие альпинисты не предприняли никаких попыток оказать помощь замерзавшим спутникам, несмотря на их отчаянные призывы.



Известный исследователь гор Средней Азии Николай Леопольдович Корженевский. На заднем плане виден пик Евгении Корженевской (высота 7 100 м).

Фото Е. ТИМАШЕВА.

Типичное для буржуазного альпинизма прославление одиночных хождений на вершины привело к бессмысленной и авантюрной попытке одиночного восхождения на Эверест, предпринятой в 1935 г. английским альпинистом. Как и следовало ожидать, восхождение того, чтобы предупредить срыв или падение одного из них или оказать помощь пострадавшему. Длительное продвижение по труднопроходимым участкам горного рельефа, организация полноценных бивуаков и правильного питания непосильны для одиночек, они становятся возможны только в результате коллективных усилий сплоченной группы. Неизмеримо велика сила воздействия коллектива, не раз бывшая решающей в тех случаях, когда следует укрепить волю к победе у тех альпинистов, которые ослабели в борьбе с трудностями. Вот почему высокие моральные качества советского человека, воспитываемого нашей партией в духе коллективизма и взаимопомощи, становятся решающей силой, позволяющей альпинистам нашей страны достигать высоких спортивных показателей. Советскому альпинизму чужд дух буржуазного индивидуализма, эгоистичности и саморекламы, наложивших свой пагубный отпечаток и на организацию высотных восхождений, предпринимаемых силами спортсменов капиталистических стран.

Высотные восхождения, организуемые буржуазными спортивными организациями и клубами, ставят перед собой определенную цель — достижение вершины силами немногочисленной группы избранных одиночек из числа лучших спортсменов. Вся ставка делается на их индивидуальные усилия на последних участках штурма вершины; организаторы высотных восхождений не заботятся о создании достаточно мощного коллектива альпинистов, совместные усилия которых могли бы преодолеть последствия неудач отдельных восходителей, даже из числа самых опытных альпинистов, выбывающих нередко по разным причинам из штурма. Сама идея подобной коллективной работы чужда природе

буржуазного альпинизма, рассматривающего в высотных восхождениях, прежде всего, средство достижения личной славы и личной выгоды.

История высотных восхождений в Гималаях дает многочисленные примеры порочности такой тактики, приводившей к жертвам и неизменным неудачам в попытках победить хотя бы одну из вершин, превышающих 8000 м над уровнем моря[1].

Все попытки восхождения на Эверест предпринимались на последних этапах штурма группами из двух-трех альпинистов, выступавших на свой страх и риск, ибо вспомогательные группы, на помощь которых они могли бы рассчитывать, отсутствовали. Недомогание одного участника вынуждало весь состав к отступлению, а попытка Мэллори и Ирвина достигнуть вершины двойкой закончилась их гибелью. Резервные группы отсутствовали также при попытке восхождения немецких альпинистов на Нанга-Парбат (8115 м); штурмовая группа действовала разобщено, застигнутая жестокой непогодой на вершинном гребне начала беспорядочное отступление. При спуске к нижнему лагерю уцелевшие альпинисты не предприняли никаких попыток оказать помощь замерзавшим спутникам, несмотря на их отчаянные призывы.

Типичное для буржуазного альпинизма прославление одиночных хождений на вершины привело к бессмысленной и авантюрной попытке одиночного восхождения на Эверест, предпринятой в 1935 г. английским альпинистом. Как и следовало ожидать, восхождение закончилось гибелью альпиниста на высоте около 7000 метров. В 1939 г. восхождение на высшую точку Каракорумских Гималаев — «К-2» (8620 м) отмечено еще одной нелепой попыткой одиночного восхождения на последнем этапе штурма. На этот раз восходителю, потерпевшему неудачу в достижении вершины, посчастливилось благополучно спуститься в высотный лагерь.

[1] Нам известны 11 неудачных попыток совершить восхождение на восьмитысячники Гималаев — Эверест, Нанга-парбат и «К-2». — Авт.

Следует отметить, что практика высотных восхождений силами небольших групп предпринимается буржуазными альпинистами вовсе не из-за недостатка средств у экспедиций, щедро субсидируемых буржуазными спортивными клубами и организациями.

Советские альпинисты-высотники разработали свою отечественную тактику подготовки штурма, высотной акклиматизации и проведения самого штурма вершины, осуществляя их такими силами, которые обеспечивают полную безопасность восхождения и безусловное достижение цели, в результате коллективных усилий всех участников экспедиция. Советские альпинисты стремятся и к личным успехам в этих восхождениях: у нас высоко ценят личные достижения альпинистов-высотников страны. Однако советские альпинисты знают, что честь спортивных достижений, выпадающих на долю непосредственных восходителей на высочайшие вершины, заслуженно разделяют все участники высотных экспедиций, в том числе и те, которые по разным причинам должны были ограничиться вспомогательными работами по подготовке штурма. Во имя общих интересов достижения вершины силами сильнейших, наши альпинисты-высотники не раз проявляли примеры подлинного самопожертвования.

Коллективная сплоченность советских альпинистов ярко проявлялась и в тех случаях, когда трудности высотного восхождения подвергали самой суровой проверке их моральные качества. Известно, что при восхождении группы Е.М. Абалакова в 1936 г. на Хан-тенгри некоторые ее участники во время непогоды получили серьезные обморожения рук и ног. Положение группы при спуске еще более осложнилось после несчастного случая с Л.А. Гутманом, который сорвался на крутом склоне и сильно расшибся о камни. Однако все это не деморализовало группу и не подорвало ее товарищеской сплоченности. Оказывая помощь друг другу, проявляя самопожертвование во имя спасения пострадавших товарищей, группа восходителей в полном составе спустилась к базовому лагерю.

Высокое понимание товарищеского долга проявила также в 1937 г. штурмовая группа восходителей на пик Евг. Корженевской. Рискуя своей личной безопасностью, ее участники в течение 5 суток заботливо транспортировали вниз с вершинного гребня тяжело заболевшего товарища и спасли ему жизнь.

Ни разу советские альпинисты-высотники не запятнали свою честь отказом придти на помощь заболевшему товарищу, даже если это ставило под угрозу возможность восхождения или личную безопасность альпинистов.

Численный состав высотной экспедиции должен соответствовать задачам успешного и безопасного штурма вершины. При этом следует учитывать возможность выхода из строя по разным причинам части альпинистов как при подготовке штурма, так и при штурме вершины. При восхождении на пик Сталина в 1933 г. на штурм вершины выступили из базового лагеря «4600» 6 альпинистов. Трое из них смогли достигнуть высоты около 7000 м и вынуждены были из-за обморожений и заболеваний спуститься вниз, в базовый лагерь. Вторая «тройка» не смогла в полном составе продолжать подъем, один из альпинистов вышел из строя вследствие сильного расстройства сердечней деятельности. Оставшаяся «двойка» продолжала штурм, но только Е.М. Абалаков достиг высшей точки пика 7495 м, его спутник прервал подъем в 50-60 м от вершины.

Следующие высотные экспедиции, накопившие опыт организации высотных восхождений, уменьшили этот отсев, но с возможностью его нельзя не считаться. Поэтому при штурме вершин в 7000 м альпинистская часть экспедиции должна состоять из 10-12 опытных здоровых спортсменов, способных по всем личным показателям принять участие в штурме вершины.

Неправильно заранее предопределять, как это иногда принято, будущую роль каждого альпиниста в штурме и разделять альпинистский состав до завершения подготовки штурма на штурмовую и вспомогательную группы. Такое преждевременное разделение не оправданно, ибо состав

наиболее сильных альпинистов, состояние их здоровья и степень тренированности окончательно определяются в практической работе высотной экспедиции и не всегда зависят от опыта восходителей и их прошлых альпинистских заслуг. Кроме того, важно, чтобы каждый рядовой участник альпинистского ядра экспедиции был уверен в возможности выдвинуться в состав штурмовой группы.

Окончательное решение о ее составе принимается после подготовки штурма, исходя из степени подготовленности альпиниста к испытаниям предстоящего восхождения. В штурмовую группу выделяется 6-8 альпинистов; не менее половины из них должны иметь опыт высотных восхождений. Свободные от штурма 3-4 альпиниста остаются в базовом лагере, образуя вспомогательную группу, наблюдая за ходом восхождения. Они выходят в случае необходимости на помощь восходителям.

Для связи между группами в ряде экспедиций успешно применялись портативные коротковолновые радиостанции, не отягощавшие своим весом альпинистов.

Физическая и моральная подготовка участников высотных экспедиций должна полностью соответствовать трудностям и опасностям предстоящего восхождения. Альпинист-высотник должен иметь большой опыт преодоления самых сложных технических препятствий, правильно оценивать степень опасности пути, уметь организовывать страховку в разнообразных условиях. Альпинист-высотник должен быть способен к многодневному напряженному труду, не теряя работоспособности в самых неблагоприятных условиях, включая и перебои в питании. Не менее важна его моральная стойкость, ровный характер, способность сохранять самообладание и рассудительность при неожиданных происшествиях, высокоразвитое чувство товарищества.

Можно утверждать, что все эти качества в лучшей мере вырабатываются у достаточно опытных альпинистов в возрасте, близком к 28-32 годам. Это вовсе не исключает участия в высотных восхождениях более

молодых способных альпинистов. Большую пользу в высотных экспедициях могут принести представители более старшего поколения альпинистов, носителей богатого опыта восхождений на Памире и Тянь-шане.

Ответственность за все решения, связанные с работой экспедиции на всех, ее этапах, возлагается на начальника. От его опыта и организационных способностей в значительной степени зависит конечный успех восхождения, весьма желательно, чтобы он был непосредственным участником штурма вершины. Роль начальника экспедиции вовсе не должна ограничиваться приказами; полное единодушие альпинистского коллектива, весьма важное для успеха работы, обеспечивается только дружным коллективным участием всех членов экспедиций в обсуждении важнейших вопросов ее работы. На обязанности начальника экспедиции лежит также ответственная задача правильного использования сил и способностей каждого альпиниста, особенно во время штурма. Он принимает решения о порядке чередования головных групп восходителей, на долю которых выпадает наиболее трудная работа по прокладке пути. Им же определяются, в случае необходимости, все изменения в технических приемах, тактике штурма, мерах обеспечении безопасности при подъеме и спуске, местах промежуточных высотных лагерей. В тех случаях, когда предлагаются два решения, авторитет начальника экспедиции должен быть решающим.

Альпинистские высотные экспедиции включают, кроме восходителей, также и врача, желательно имеющего опыт альпинистских подъемов, радиста, работников каравана.

Некоторые высотные экспедиции с большой пользой для дела включали в свой состав небольшую группу метеорологов-наблюдателей, составлявших местные прогнозы погоды, и специалистов-топографов.

Перечисленные выше отличительные особенности организации и тактики высотных восхождений определяют главные вопросы, которые должны быть разрешены альпинистами — исследователями высокогорных районов. Несмотря на значительные достижения советских альпинистов в

области высотных восхождений и их богатый опыт, им предстоит еще много работы по дальнейшему совершенствованию тактических и технических приемов высотных восхождений, улучшению высотного снаряжения, лучшей организации высотных экспедиций.

Около ста лет назад великий русский географ и один из первых исследователей высокогорного Тянь-шаня Петр Петрович Семенов писал: «Стремлением каждого ученого, если он не желает остаться холодным космополитом, а хочет жить одной жизнью со своими соотечественниками, должно быть, кроме старания подвинуть абсолютно вперед человеческое знание, еще и желание ввести его сокровища в жизнь народную» (из предисловия к «Землеведению Азии» К. Риттера).

Советские альпинисты-высотники с чувством глубокого удовлетворения видят, что результаты их исследований широко используются в интересах народного хозяйства и науки, широко вводятся «в жизнь народную».

Некогда глухие горные районы живут одной жизнью со всей родной страной. На склонах горных массивов, на величайших ледниках созданы высотные научные обсерватории. Из года в год уходят в высотные районы экспедиции, участники которых (ученые и спортсмены) вносят свой вклад в познание родной земли.

Всестороннее исследование высотных районов нашей Родины продолжается, и нет никакого сомнения, что альпинисты-высотники примут в этой работе активное участие. Перед ними стоят новые увлекательные исследовательские и спортивные задачи: покорение второй по высоте вершины СССР — пика Победы, восхождения на ряд непокоренных вершин Памира высотою от 6500 до 7000 м над уровнем моря, исследование новых маршрутов через высочайшие хребты Памира и Тянь-шаня. Недалеко и то время, когда можно будет реально решать вопрос о спортивных восхождениях на некоторые высочайшие вершины центрально-азиатских

хребтов, испытать силы советских альпинистов в восхождениях на восьмитысячники.

Неустанно совершенствуя свой опыт, советские альпинисты-высотники имеют все основания с успехом разрешать новые задачи, чтобы прочно закрепить за нашей страной мировое первенство в области высотных восхождений.

К.К. КУЗЬМИН
ЭКСПЕДИЦИЯ «МОЛНИИ» В ГВАНДРУ

Кругом нас беспрерывно снуют рыжеватые куцехвостые суслики, их здесь несметное множество.

Каждый из них, завидев машину, останавливается посередине дороги, мгновение смотрит на нас и затем убегает в сторону.

— Куда же вас теперь везти? — спрашивает Артем Сергеевич Поясов, начальник лагеря «Молния».

— Поедем до тех пор, пока пройдет машина, — отвечаю я, и наш грузовик ползет вверх по ущелью Уллу-кам.

Склоны, сначала голые, покрываются все более густым и мощным сосновым лесом, появляются снежные шапки вершин боковых хребтов. Ущелье ведет к северо-западным склонам Эльбруса.

Сравнительно ровная дорога резко идет на подъем. Справа открывается живописное ущелье, а дальше, как бы запирая его, поднимается грандиозная скальная башня, огромный черный обелиск на мощном постаменте. Никто из нас не бывал еще в этом районе, но неоднократно виденные фотографии позволяют узнать Далар, одну из наиболее высоких и красивых вершин Гвандры.

Ее появление означает, что мы уже близки к цели, ведь наша задача в 1949 г. — исследовать и покорить вершины Гвандринского района. Альпинисты «Молнии» решили обновить содержимое гвандринских туров, уже девять лет не принимавших дани отваги и мужества советских восходителей.

Сегодняшняя наша поездка носит разведывательный характер. Со мною Б. Упенек (сотрудник сектора альпинизма ВЦСПС) а два курсанта спортивной школы — Б. Бычков и Ю. Антипов.

Цель нашей поездки — подыскать базу, опираясь на которую мы будем проводить освоение нового района.

До войны в верховьях Узункольского ущелья работал благоустроенный лагерь «Локомотив», здесь находилась и хорошо оборудованная спасательная станция, но во время боев за Кавказ в 1942-1943 гг. сюда прорвались фашисты и варварски разрушили все эти сооружения, построенные нашим государством для советских альпинистов.

У развилки Уллукамского и Узункольского ущелий мы расстались с автомашиной и двинулись вверх по Узунколу.

Послевоенные альпинистские сезоны автор этих строк провел в Домбае, до войны немало ходил в Центральном Кавказе и Цее, но, попав сюда, мы все увидели особый ландшафт, не Домбайский и не Эльбрусский, хотя в то же время он носил типичные черты и того и другого районов. Мы были на стыке растительности Западного и Центрального Кавказа. Узункольское ущелье напоминало ущелье Адыр-су с его поросшими сосной склонами и хвойными перелесками в пойме реки; с бурным, прорывающимся через узкий каньон потоком, местами разлившимися тихими плесами; с конусами выносов боковых ущелий, перекрывающих главное. Только здесь все это предстало перед нами в миниатюре, а вместо грандиозной белой Уллу-тау-чана стояла черная башня Далара.

За три часа мы поднялись до Узункольской поляны, на которой мы увидели развалины строений лагеря, но залитая солнцем площадка была достаточно привлекательна. Мы решили обосновать здесь свой базовый лагерь. Место привлекало и тем, что, находясь на развилке рек Кичкинекол и Морды, оно могло служить удобным исходным пунктом для восхождений на все вершины района.

Утром следующего дня мы решили подняться по обоим ущельям, рассмотреть в натуре те вершины, на которые собирались совершать восхождения, выяснить основные пути подходов к ним, начав с ущелья реки Кичкинекол. Эта река берет начало от Большого Кичкинекольского ледника,

который, в свою очередь, питается из цирков, образованных вершинами Фильтр, Замок, Двойняшки и Далар.

От Узункольской поляны мы вышли выше леса и, поднявшись к повороту ущелья направо, оказались перед ровной пойменной террасой, по которой спокойно извивалась река Кичкинекол. Отсюда были хорошо видны все вершины; лишь Восточный Кичкинекол оставался закрытым хребтами левее нас.

Первое, что нас поразило, это — не имеющая себе подобных вершина Двойняшки, стоящая в центре ущелья. Это — миниатюрная скальная Ушба, отвесной стеной обрывающаяся на север, крутые гребни отходят от обеих вершин. На седловине между вершинами гладким столбом высится огромный «жандарм», называемый «пальцем». Отвесные северные стены отграничены от ледника трещинами, всюду видны следы камнепадов. Было очевидно, что путь на Двойняшки с севера представляет значительные трудности и весьма опасен. Ещё более внушительные северные стены Далара, расположенные правее, объективно они менее опасны и безусловно представляли собой интересный объект для стенного восхождения.

Левее Двойняшек начинается снежный гребень, подводящий к скальным «жандармам», за которыми, в углу цирка, вздымается красивая вершина Замок, крутыми стенами обрывающаяся к леднику. Вершина действительно напоминает развалины старинной крепости. Северный гребень .ее переходит после седловины в массив вершины Фильтр, имеющий из ущелья вид большой снежной подушки; на северо-восток уходит скальный гребень, ведущий к Восточному Кичкинеколу.

Таковы вершины Кичкинекольского ущелья. Высота их порядка 3800-4000 м; сравнительно большая высота расположения лагеря (2100 м) сильно сокращала подходы и делала восхождения здесь физически более легкими, чем в любом другом районе Кавказа.

Все ледники Гвандринского района имеют ныне незначительную протяженность, хотя в большинстве ущелий сохранились долинные ледники,

в отличие от висячих ледников, присущих Домбаю. Размеры их малы (не более 3-4 км), о мощности былого оледенения свидетельствуют лишь огромные (сравнительно с ледниками) конечные морены.

На другой день мы посетили также и долину р. Морды, по которой проходят пути подхода к вершинам — Кирпич, Далар, Двойняшки, Гвандра и ряду других. Долина представляет собой типичный трог с плоским дном и расположена на высоте 2300 м. Двумя крупными ступенями она спускается к Узунколу. Река Морды, берущая начало из одноименного ледника, протекая по верхней террасе, принимает множество притоков, главным образом слева. Медленное течение этих небольших речек, а также незначительный расход воды способствуют тому, что они теплее, чем горные реки.

Несколько иную картину представляют ущелья рек Западный Кичкинекол, Индрюкой и Гондорай. Здесь уже не найдешь плоских пойменных террас и спокойно текущих рек. Троговые долины этих ущелий поднимаются вплотную к ледникам. Продольные уклоны долин довольно значительны, а реки на всем их протяжении имеют бурное течение.

Район гвандринских ущелий имеет исключительные возможности для скотоводства и охоты, и после войны он снова начинает постепенно' обживаться. Жители расположенных ниже сванских селений поднимают сюда на лето свои коши. Через перевалы налаживается связь с Верхней Сванетией. Сваны-охотники промышляют здесь тура, порой и медведя. Альпинисты долгое время не появлялись здесь, но теперь и они наполняют вершинные туры своими записками победителей.

Общее впечатление, оставшееся у нас в результате разведки, было самое отрадное. Красивый район с разнообразными, еще не знакомыми маршрутами пробуждал желание новых побед над суровыми и в то же время зовущими к себе вершинами. Через несколько дней ущелья оживились, альпинистская молодежь лагеря «Молния» начала освоение района, В ущелье Морды направилась команда заслуженного мастера спорта В.Ф. Нестерова, в Гондорай-Индрюкой — команды старших инструкторов И.А. Галустова и

В.А. Костер, в ущелье Кичкинекол начала свою работу команда мастера спорта К.К. Кузьмина. На всех вершинах долины мы решили оставить теперь только записки «Молнии»

* * *

В предвоенные годы, а также в первые спортивные сезоны после Великой Отечественной войны, вписано немало замечательных страниц в славную историю советского альпинизма, немалых выдающихся достижений добилась ведущая группа наших мастеров. Такие замечательные достижения, как траверс Дых-тау — Коштан-тау, проделанный в обоих направлениях, двухкратное покорение пика Сталина, неоднократные траверсы Шхельды, траверс Безингийской стены с подъемом по северному ребру Шхары и целый ряд других маршрутов могут по праву войти в сокровищницу мирового альпинизма. Но если мы посмотрим: на состав участников всех этих замечательных восхождений, то, к сожалению, должны будем констатировать, что он в основном от года к году очень мало изменяется. Спортивная молодежь недостаточно пополняет ряды наших рекордсменов и исследователей высокогорья. Больше того, знакомясь с восхождениями IV категории трудности, мы убеждаемся, что и их совершают в своем подавляющем большинстве «старички» с довоенным альпинистским стажем.

Слабость нашего спортивного роста заключается в том, что Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, отдел физкультуры и спорта ВЦСПС, а также добровольные спортивные общества не уделяют должного внимания плановой подготовке альпинистов высших спортивных разрядов, не организуют спортивного обучения молодежи, не используют в достаточной мере для этого опытные кадры мастеров я заслуженных мастеров спорта. Не показательно ли, что спортивная команда общества «Спартак» состоит сплошь из альпинистов старше 30 лет, известных задолго до войны. Члены этой команды, заслуженные мастера и мастера спорта, с именами которых в предвоенные годы связана подготовка

подавляющего большинства инструкторов и спортсменов, за весь послевоенный период не воспитали ни одного молодого спортсмена-альпиниста.

Постановление ЦК ВКП(б) о дальнейшем развитии физкультуры и спорта ясно говорит о необходимости широкого привлечения спортивной молодежи и ставит задачу — на массовой основе добиваться новых рекордов.

В этой связи безусловно интересным является опыт общества «Молния», где по инициативе Центрального совета и благодаря целеустремленной энергичной деятельности мастера спорта СССР Ф.А. Кропфа уже два года подряд проводятся регулярные занятия спортивной школы по альпинизму.

Первая группа спортивной школы была скомплектована зимой 1947-1948 гг. из молодых связистов, главным образом студентов Московского политехникума связи, сдавших к этому времени нормы на значок «Альпинист СССР» 1 ступени. Зимние их тренировки были организованы таким образом, чтобы к сезону летних восхождений все они пришли в хорошей спортивной форме. Программа была построена на основе сдачи норм на значок «ГТО» 2 ступени. Проводились систематические (2-3 раза в неделю) тренировки по слалому и бегу на лыжах, весной — кроссы. Все участники школы регулярно выступали в соревнованиях по лыжам и «россу за свои низовые коллективы. В процессе зимних и весенних тренировок из 15 кандидатов было отобрано для поездки в горы 10 наиболее способных спортсменов.

Центральный совет спортивного общества в соответствии с программой, разработанной альпинистской секцией, утвердил срок пребывания школы в горах — 40 дней. Программа первого периода предусматривала проведение скальных и ледовых занятий, длительных переходов, во время которых отрабатывались навыки разбивки бивуаков, переправ через горные реки, воспитывались тактические навыки ориентировки в условиях горного рельефа, проведения несложных походов и восхождений. Особое внимание

было обращено на организацию безопасности и усвоение методов страховки в органической связи со всей техникой и тактикой горовосхождений.

Второй период занятий школы в горах заключался в практике восхождений на вершины II категории трудности в объеме 3-го спортивного разряда и одного-двух восхождений III категории. Работа школы проводилась под руководством тренеров, имевших звание старшего инструктора и зарекомендовавших себя в организации и проведении восхождений. Работа школы целиком базировалась на альпинистский лагерь «Молния» в Домбайском районе.

Работа спортивной школы в 1948 г. была первым опытом в этой области. Мы не только выполнили программу намеченного объема за 40 дней, но было очевидно, что 6 участников могут полностью выполнить нормы 2-го спортивного разряда (по классификации 1948 г.). Шесть этих альпинистов успешно провели самостоятельные восхождения II и III категорий трудности.

Работа в 1948 г. убедила нас, что общество «Молния» (как и любое другое) имеет способную альпинистскую молодежь, из рядов которой нужно растить высококвалифицированных спортсменов и исследователей, способных в недалеком будущем еще выше поднять спортивную честь своего общества. Этот логический вывод и был сделан Центральным советом общества, решившим в 1949 г. продолжить работу школы, увеличить ее состав, создать более широкие возможности для спортивного совершенствования ее участников.

Было решено проводить работу школы в районе Гвандры, где не совершалось восхождений, начиная с 1940 г., и в котором отсутствуют альпинистские базы. Для руководства работой школы были выделены заслуженный мастер спорта В.Ф. Нестеров, мастер спорта К.К. Кузьмин, старшие инструктора-перворазрядники И.А. Галустов и В.А. Костер. Начальником школы был утвержден В.Ф. Нестеров.

Работа школы фактически началась задолго до выезда в горы. Еще в декабре 1948 г. альпинистская секция решила, что каждый кандидат спортивной школы, помимо сдачи норм ГТО 2 ступени, должен выполнить нормы 3-го спортивного разряда по одному из смежных видов спорта (лыжи, слалом, легкая атлетика, вело, гимнастика, игры). Соответственно этому и проводилась тренировка зимой и весной 1949 г., лыжами же и кроссами занимались все без исключения.

Готовясь к восхождениям в новом районе, руководители и участники школы, используя все имеющиеся описания, не только опубликованные в печати, но и накопленные бывавшими здесь путешественниками, изучали ущелья, хребты и вершины Гвандринского района, составляли детальные описания маршрутов восхождений.

В 1949 г. школа была скомплектована в составе 36 человек. Ее участники проходили зимнюю тренировку в городах по месту своей работы или учебы. Школа состояла из двух групп: участников сезона 1948 г. и нового набора.

Программа предусматривала для первого периода — проведение совместных походов и несложных восхождений, сочетающихся с 'Практическим изучением разных форм гарного рельефа, отработкой элементов техники преодоления различных форм скал и снежно-ледового покрова. Эти походы и восхождения на вершины I и II категорий совершались группами от 10-12 до 36 альпинистов под руководством трюнеров. Школа базировалась еще на лагерь «Молния» в Домбайском ущелье, ко четыре участника разведывательной группы выехали в район Гвандры, где провели рекогносцировку и вьюками перебрасывали продукты в новый базовый лагерь.

Второй «семестр» был наиболее ответственным и решающим. За 20 дней, совершая, главным образом, самостоятельные восхождения II и III категорий в новом районе, участники школы должны были выработать навыки организации и проведения горовосхождений. В это же время

«студенты», имевшие к этому времени опыт нескольких восхождений III категории, должны; были под руководством тренеров совершить ряд восхождений на «четверки». План был выполнен полностью.

Приехав в Гвандру, все мы, начиная от участников и кончая тренерским составом школы, увидели совершенно неизведанный нами район, лишь некоторые из его вершин и ущелий узнавались по кратким описаниям и фотографиям, которыми мы располагали. Пути восхождений представлялись загадкой, которую надо было разрешить.

Из бесед с альпинистами и географами, бывавшими в этом районе до войны, из малочисленных описаний мы сумели почерпнуть лишь самые общие сведения, которые были к тому же очень противоречивы как в отношении оценок характера и сложности маршрутов, так и во времени, нужном для восхождений. О целых районах, как-то: ледниках Западный Кичкинекол, Гондорайский и некоторых других невозможно было почерпнуть никаких сведений. Вершины были указаны лишь в классификационной таблице с оценками их трудности.

Мы решили, что в таких условиях наиболее правильно провести первые восхождения под руководством тренеров с тем, чтобы все участники школы могли видеть, как организуют восхождения в новом районе, выбирают пути, рассчитывают время опытные альпинисты, какой тактики придерживаются они при восхождении на незнакомые вершины. Объектами первых восхождений были выбраны вершины III-Б категории — Замок, Далар и Западный Кичкинекол.

Хотя все восхождения прошли с вынужденными ночевками при штурме вершин, тем не менее, основная задача была выполнена — раскрыт главный «секрет» тактики восхождений для этого района.

Особенности строения вершин Гвандры таковы, что общепринятая тактика 'восхождений по гребням повлекла бы необходимость проходить более сложные маршруты, в то время как многочисленные здесь полки позволяли значительно облегчить и ускорить восхождения.

После первого тура восхождений и детального разбора достижений и недостатков отдельных походов, мы перешли к восхождениям небольшими группами по 4-6 человек. Руководителями их сначала были слушатели, занимавшиеся в школе второй год и имеющие большой опыт. Впоследствии руководили восхождениями наиболее способные спортсмены молодого поколения. Такая система обучения — путем передачи опыта более старших и более опытных спортсменов молодым и растущим — вполне себя оправдала. К концу сбора Ю.Н. Жуков, И.С. Черняев, Г.А. Руденко и некоторые другие, начавшие сезон значкистами «Альпинист СССР» I ступени, уверенно и в хорошем стиле самостоятельно проводили восхождения III-Б категории.

В это же время большая группа проводила восхождения IV категории. В этих восхождениях, по условиям требований к руководителям, неизменно участвовали тренеры школы. Для тоге, чтобы и здесь воспитывать навыки самостоятельных восхождений, тренера как правило, шел во второй связке и не вмешивался (по мере возможности) в выбор пути и организацию движения группы — эту задачу выполняла первая связка. Такие молодые альпинисты, как В.К. Ноздрюхин, Ан.А. Зюзия, Б.С. Бычков, В.А. Гаель, Е.В. Кряковкин, вынося всю тяжесть прохождения по «четверочным» маршрутам, к концу сезона зарекомендовали себя вполне зрелыми восходителями. За время работы школы ими были совершены) траверсы — Замка, Двойняшек, башни Кичкинекола и, наконец, Джугутурлючата от Западной его вершины до пика Митникова, маршруты IV категории трудности. (Заметим, что траверс башни Кичкинекол, классифицированный IV-А, s действительности вряд ли может быть оценен выше, чем II-Б или III-А).

Все восхождения на вершины были посвящены непрерывной учебе, освоению наиболее эффективных способов преодоления различных форм горного рельефа, наиболее целесообразной тактике и организации восхождений, правильного и своевременного применения различных технических приемов. Присутствие на всех восхождениях, являвшихся переходными ступенями от менее сложных к более сложным, тренера —

опытного горовосходителя, не замедлило сказаться на результатах обучения. Участники школы научились ходить правильно, надежно организуя страховку, передвигаясь при этом быстро и четко.

Примером слаженности и грамотности работы группы может служить траверс Джугутурлючата, итогового восхождения школы (уже в районе Домбая). В нем участвовало 10 человек и, несмотря на необычно большее для такси категории трудности (IV-Б) количество участников, участок гребня от Западной вершины до пика Митникова был пройден за 7 ходовых часов, в то время как в среднем на этот участок группа из 4 альпинистов затрачивает 12-14 часов.

Серьезным недостатком в учебной работе школы было слабое внимание, уделенное теоретической учебе, безусловно необходимой для расширения географического кругозора, учитывая специфичность альпинистского спорта. Не все областные организации (например, ленинградская) подошли достаточно серьезно и к подбору кандидатов в школу.

В итоге нужно сказать, что путь спортивных школ, на который встало общество «Молния», открывает широкие возможности подготовки значительного количества высококвалифицированных альпинистов-спортсменов и исследователей. Он дает возможность передать опыт, накопленный старшим поколением советских восходителей, широким кругам молодежи. Наконец, он открывает возможности для завоевания новых альпинистских рекордов, уже недоступных для старшего поколения, хотя и обладающего большим опытом, но достигшего достаточно солидного возраста.

Ряд спортивных обществ, учтя полезный опыт «Молнии», приступил к комплектованию своих спортивных школ, ставя перед ними задачи круглогодичной работы. Это положит конец вредной «сезонщине» и поднимет альпинизм на более высокую ступень.

Хотя на восхождения, а тем более в разного рода исследовательские экспедиции выходят в горы не только летом, но и в зимние месяцы,

некоторые спортивные организации продолжают относиться к альпинизму как к летнему виду спорта.

* * *

В результате работы школы был полностью освоен район Гвандры. В альпинистском отношении он имеет ряд особенностей. Короткие подходы со сравнительно малым набором высоты, о чем говорилось выше, облегчают и ускоряют восхождения. Разорванность водораздельного гребня на отдельные массивы (Гвандра, Кирпич, Далар, Фильтр и т.д.) ведет к тому, что объектов восхождений здесь относительно мало и нет возможности сильно разнообразить маршруты. В общем же восхождения в Гвандринском районе представляют немалый интерес, хотя при правильном выборе пути они и являются более доступными по сравнению с теми же категориями трудности других районов Кавказа. Выбор же правильного пути, часто проходящего здесь по полкам южных стен, довольно сложен и требует хорошей ориентировки от восходителей.

Следует заметить также, что целый ряд вершин имеет явно завышенную классификацию трудности. Это, в первую очередь, относится к вершинам Западно-Кичкинекольского цирка. Поразила нас также абсолютная альпинистская неисследованность верховьев Гондорайского ущелья. Несмотря на наличие в предвоенные годы альпинистских лагерей «Энергия» и «Золото» вблизи ущелья, вершины водораздельного гребня к востоку от Южного Нахара и господствующие над ущельем Гондорай, как оказалось, не видали восходителей, хотя и представляют безусловный интерес для альпинистов. Вершины, как и ледник, который они окружают, не имеют даже названий. Ограниченность времени, к сожалению, заставила нас удовлетвориться лишь восхождением на самую восточную и, вероятно, наиболее легкую вершину этой группы, названную нами пиком «Молния» (3600 м).

«Молнийцы» уходили из Гвандры победителями. За время своего пребывания в этом районе они взяли 24 вершины, на одну из них совершив

первовосхождение, прошли все имеющиеся в районе маршруты III и IV категорий и, что самое главное, приобрели опыт самостоятельных побед и ... временных поражений. Впрочем, после временных отступлений мы неизменно переходили к успешному контрнаступлению, воспитывая у молодежи черты замечательного стиля советских горовосходителей.

Штурмовая стена лагеря «Накра»

В ущелье реки Накры, одном из живописнейших ущелий Сванетии, на высоте 1770 м над уровнем моря, расположен альпинистский лагерь спортивного общества «Наука» (Украина).

Среди многочисленных построек лагеря — уютных и удобных домиков, снабженных всем необходимым для отдыха альпинистов, большого и хорошо оборудованного клуба, светлой столовой мы увидели необычайное сооружение. У реки под гигантской пихтой высился поражающий каждого прибывшего в лагерь большой, около девяти метров в высоту, деревянный щит с большим количеством полукруглых выемок и набитыми на него короткими планками. Каждый из сотрудников лагеря, любой альпинист, пробывший в лагере несколько дней и считающий себя почти что его старожилом, с готовностью и некоторой гордостью сообщают вновь прибывшему подробности этой необычайной конструкции, штурмовой стены, построенной по проекту младшего инструктора альпинизма Петра Тимофеевича Собенко.

Занимаясь с молодыми альпинистами, П.Т. Собенко еще в довоенные годы пришел к выводу, что срок пребывания новичка в горах очень краток и поэтому необходимо проводить занятия и тренировки по альпинизму в городе и во внесезонный период. Как и в любом другом виде спорта, восходителю нужна регулярная и упорная тренировка независимо от времени года. Нужно было разработать специальную гимнастику для альпинистов, спроектировать специфические спортивные снаряды и сооружения.

Предложенная П.Т. Собенко методика была одобрена научной конференцией Украинского института физической культуры еще в 1940 г., и лишь нагрянувшая война помешала ее внедрению в практику. Только в 1949 г. П.Т. Собенко при поддержке начальника лагеря удалось построить на площадке альпинистского лагеря «Накра» основной из разработанных им снарядов — штурмовую стену для занятий с альпинистами.

Тренировка значкистов и новичков на подобной стене перед выходом на скальные занятия развивает в молодых спортсменах силу, ловкость, смелость, уверенность в надежности страховки, уверенность в товарище, его страхующем, прививает навыки скалолазания, помогает вырабатывать необходимые психофизические качества.

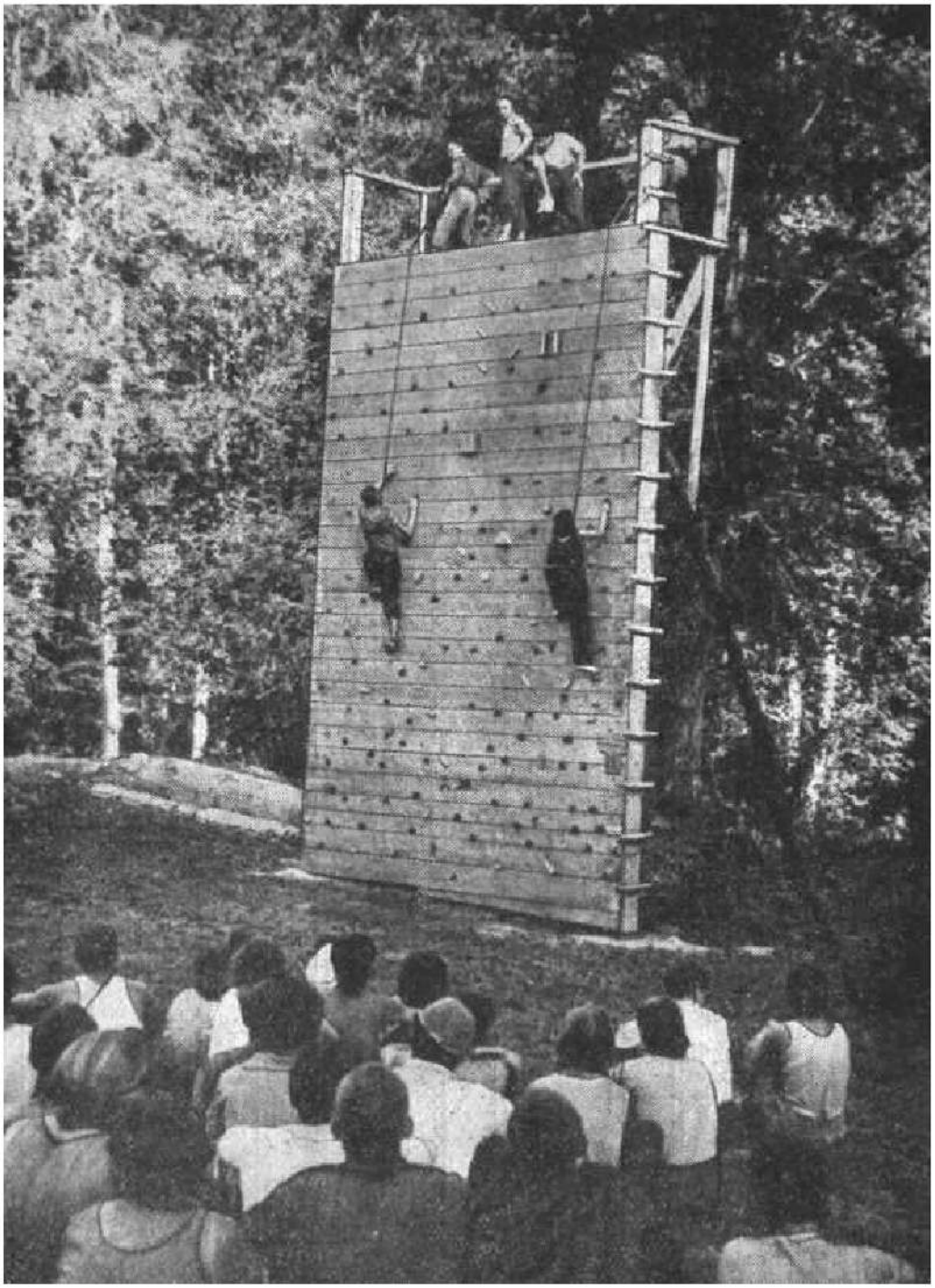
За один лишь сезон в лагере «Накра» более 300 молодых альпинистов проходят тренировку на штурмовой стене перед выходами на скальные занятия. Впервые в практике советского высокогорного спорта здесь были проведены соревнования на штурмовой стене. Победителями в соревновании III смены лагеря оказались: среди женщин тов. Саму сева — 1-е место, среди мужчин тов. Чайковский — 2-е место (первое место осталось неприсужденным).

По отзывам новичков, тренировки на штурмовой стене значительно облегчают усвоение основ скалолазания, укрепляют веру в свои силы и возможности, упрощают проверку снаряжения. По отзывам многих молодых альпинистов» регулярные занятия на стене — прекрасная тренировка.

Постройка штурмовых стен конструкции П.Т. Собенко во всех городах, где работают альпинистские секции, позволит новичкам и значкистам не прекращать тренировок во внесезонное время, поможет лучше готовиться к летним восхождениям.

Ниже мы помещаем чертежи штурмовой стены, выполненные бригадой Львовского Политехнического института под руководством автора конструкции.

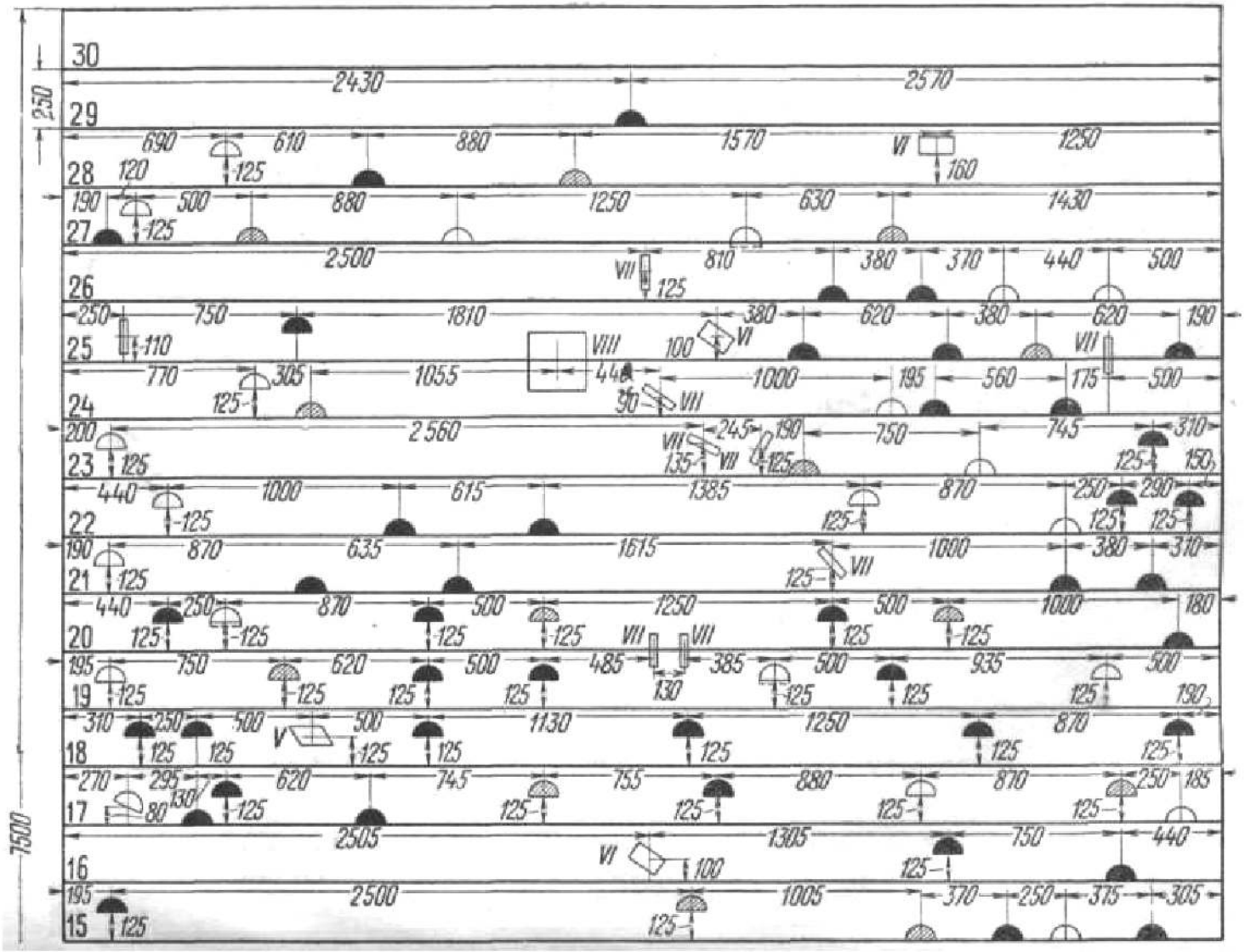
Е.М. Езерский

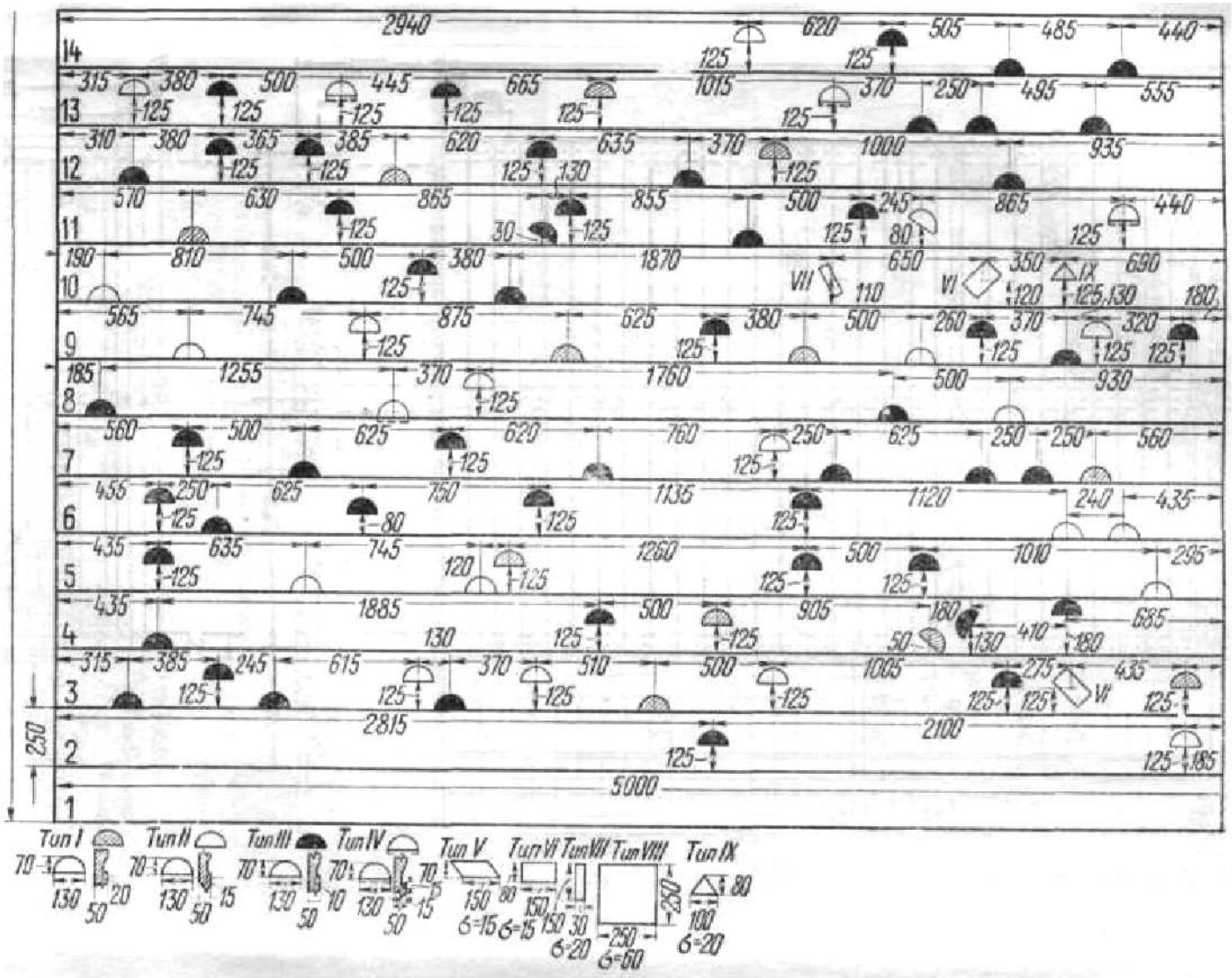


Штурмовая стена. Конструктор П.Т. Собенко.

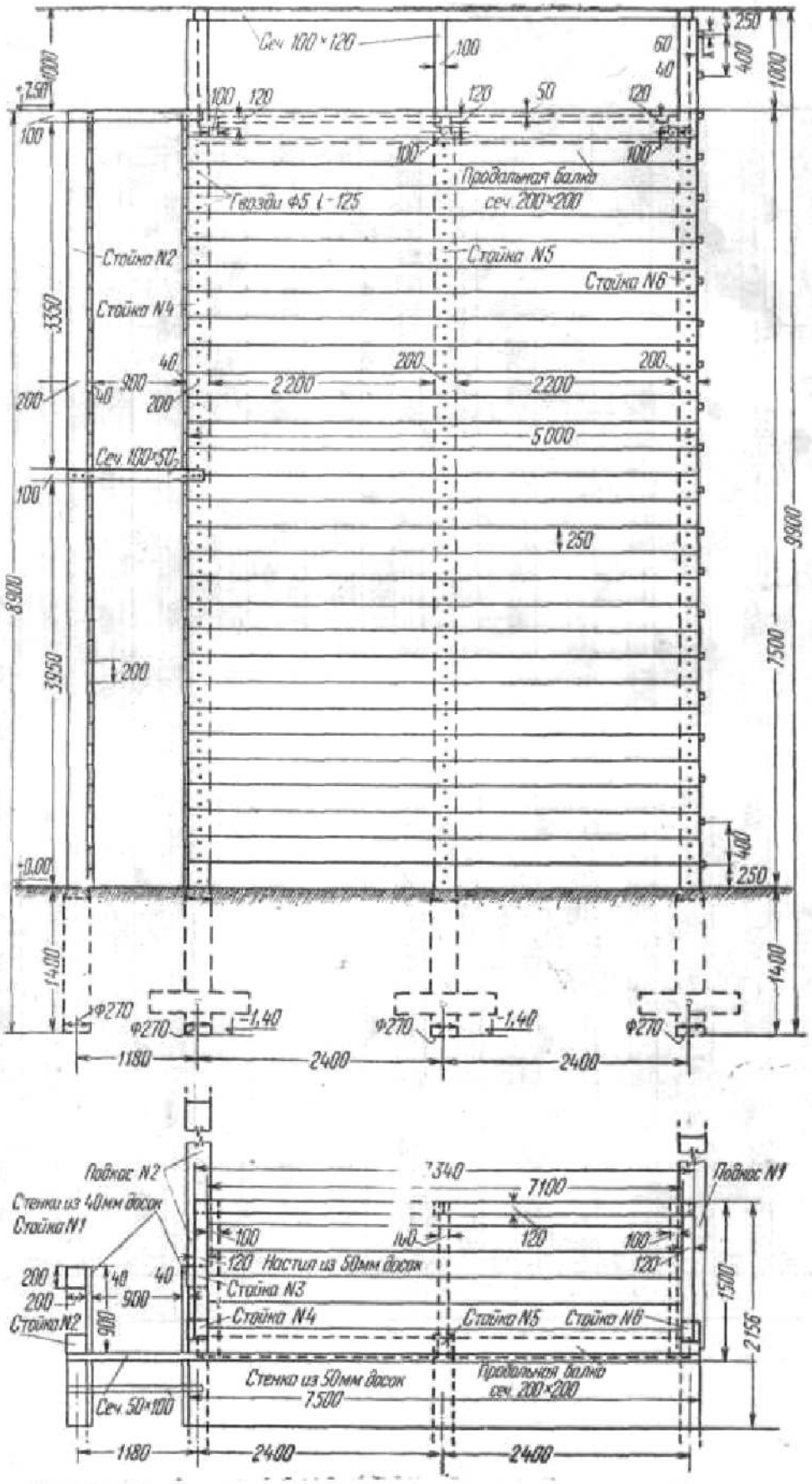
Фото Г. Зайцева.

Расположение зацепов на штурмовой стене

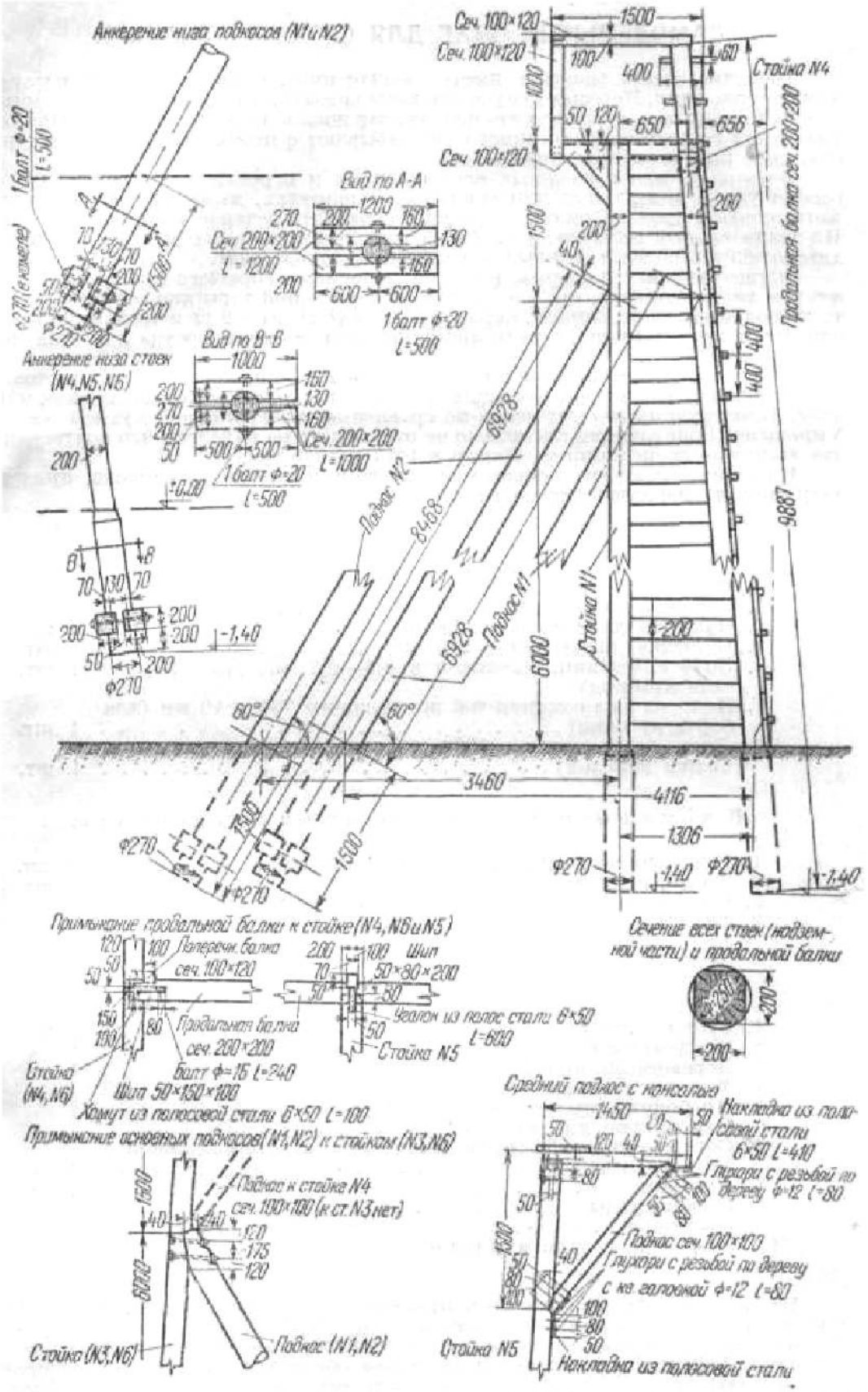



14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
250
5000
Тип I
Тип II
Тип III
Тип IV
Тип V
Тип VI
Тип VII
Тип VIII
Тип IX

Чертежи штурмовой стены



ПРИМЕЧАНИЯ: 1. Все деревянные части, соприкасающиеся с грунтом и выше грунта на 30 см, осмолить горячей смолой за 2 раза.



2. На сооружение стены применять лесоматериалы хвойных пород (сосна, ель). М = 1/25

САМОДЕЛЬНЫЙ ОЧАГ ДЛЯ СУХОГО ГОРЮЧЕГО

Известно, какое значение имеет горячая пища в горном походе, на трудном восхождения. Побудет преувеличением сказать, что длительное отсутствие горячей пищи может поставить под угрозу жизнь горовосходителя. Поэтому участники горных походов никогда не забывают о необходимости иметь такой очаг для приготовления пищи.

Ведь даже при несложных восхождениях и перевальных маршрутах, не говоря уже о длительных или скальных маршрутах, далеко не всегда можно взять с собой дрова. Приятно, конечно, скоротать вечерок в горах у огонька. Но значительный вес дров, неудобства транспортировки их заставляют восходителя искать более надежный и удобный в походе очаг.

Существующие походные кухни для жидкого горючего (спиртовка, примус) не вполне удобны, так как требуют специальной тары для горючего (денатурированный спирт, бензин, керосин). Примус весит 0,9 кг и требует футляра; спиртовка неэкономична, а ведь кроме них нужна еще и посуда для приготовления пищи.

Предложенный нами очаг для приготовления пищи может быть изготовлен из алюминиевых чашечек, имеющихся в продаже в любом хозяйственном магазине. Конструкция его упрощена по сравнению с заграничной кухней «мета». Упрощение конструкции нисколько не отразилось на качестве, что подтвердили две высотные экспедиции на Памир в 1947 и 1948 годах.

Каждому, знающему основы слесарного или жестяного ремесла, придется затратить на изготовление очага немного времени.

Для очага нужны:

1. Чашечка диаметром в 195 мм.....1 шт.
2. Чашечка диаметром в 225 мм.....2 шт.
3. Чашечка диаметром в 230 мм.....1 шт.
4. Лист алюминия, толщиной в 0,5-0,7 мм, 240×240 мм (для крышки).....1 шт.

5. Полоска из алюминия той же толщины 750 × 40 мм (для борта крышки) .....1 шт.
6. Лист белой жести 200 × 200 мм (для изготовления частей горелки) .....1 шт.

В домашнем хозяйстве нужно подобрать:

1. Консервную банку диаметром в 100 мм .....1 шт.
2. То же, в 65 мм .....1 шт.
3. Стальную проволоку диаметром в 1,2-1,5 мм, длиной в 500 мм
4. Гвозди длиной в 10 мм, диаметром в 0,6-0,7 мм.....50 грамм

Необходимый инструмент

1. Зубило 10-12 мм.....1 шт.
2. Крейсмейсель .....1 шт.
3. Деревянный молоток.....1 шт.
4. Молоток слесарный 200 г. .....1 шт.
5. Пробойник диаметром в 0,8 мм .....1 шт.
6. Наковальня или кусок стали.....1 шт.
7. Обрезок газовой трубы диаметром в 50 мм, длиной в 500-600 мм.....1 шт.
8. Кусачки.....1 шт.
9. Плоскогубцы .....1 шт.
10. Посатижи .....1 шт.
11. Развертка тонкая или шило .....1 шт.

Из чертежа будет ясен весь процесс изготовления очага. Необходимо учесть при изготовлении, что алюминиевым чашечкам необходимо придать с помощью деревянного молотка конусную форму; это увеличит литраж чашечек для варки пищи, подставки и надставки обеспечат нужную портативность.

Вес очага около 0,6-0,7 кг. Стоимость всех материалов 30-35 рублей.

С.Г. Успенский

Крепление палатки на ледорубах.

Фото Г. Зайцева

КРЕПЛЕНИЕ ПАЛАТКИ НА ЛЕДОРУБАХ

В дополнение к складной рамке, рекомендованной, в прошлом выпуске «Ежегодника» и особенно полезной, когда в палатке ночует больше жильцов, чем положено, мне хотелось бы ознакомить альпинистов с другим способом, не раз проверенным в нашей личной походной практике. Особенно он оправдал себя на массовых бивуаках.

На выставленные на метр сзади и спереди палатки и связанные по высоте ледорубы натягивается палатка. Вход ее так же, как и при рамке, не будет загорожен, а выставленный сзади ледоруб позволит равномерно растянуть ее.

На фото ясно видна наша система. Следует заметить, что снимок сделан в обычных условиях при уходе с бивуака, поэтому одну из палаток укладывали, а растяжка второй несколько провисла за ночь. Веревку от колька палатки мы к ледорубам не подвязываем, достаточно одного оборота растяжки вокруг штычка.

Киев

Г.И. Зайцев

Величественный массив Казбека замыкает с востока центральную часть Большого Кавказа. Двуглавый «страж востока», Мкинвари (грузинское название Казбека), Урс-кох (осетинское название) — одна из популярнейших вершин, с освоением которой связаны имена В. Козьмина (1873 г.), А.В. Пастухова (1889 г.), братьев Безуртановых из селения Гвелеты (1868-1912 гг.), С.М. Кирова (1910 г.), Ягора Казаликашвили (1910-1935 гг.) и др. Особое место в летописи этой вершины занимает имя владикавказской учительницы Марии Павловны Преображенской. Первая русская альпинистка более 20 лет своей жизни отдала изучению массива Казбека. В 1900 г. М.П. впервые восходит на вершину Казбека. В 1920 г. поднимается на ледяной купол в девятый раз, отмечая 20-летие своей альпинистской деятельности. Преображенская установила на вершине первую метеорологическую будку, многие годы изучала ближние хребты и ущелья (см. очерк В. и Е. Зариных). Публикуемое нами фото Казбека заснято около полувека назад одним из первых русских высокогорных фотографов-альпинистов Григорием Ивановичем Раевым (Пятигорск).

Фото Г. РАЕВА.

ИЗ ИСТОРИИ
ВЫСОКОГОРНОГО
СПОРТА

С.Я. БЕЙ-МАМИКОНЯН
ПЕРВОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ В ЗИМНИХ УСЛОВИЯХ

В 1949 г. исполнилось сто лет со дня первого документально засвидетельствованного восхождения, совершенного в зимних условиях. Молодой офицер корпуса военных топографов С.Т. Александров с командой «нижних чинов» отдельного кавказского корпуса поднялся на вторую (после Тебулос-мта, 4494 м) по высоте вершину Восточного Кавказа — Базар-дюзи (4480 м) в начале октября 1849 г. (по старому стилю). По современному календарю это — середина октября. Таким образом, хронологическую таблицу первых зимних восхождений следует начинать не с восхождения на Клейнглокнер (3764 м) австрийца Ф. Францией (1853 г.) и (тем более!) не с восхождения на Финстерааргорн (4275 м) А. Мура и М. Андерегга (1866 г.), а с восхождения С.Т. Александрова на Базар-дюзи (1849 г.)[1].

Но подвиг русских топографов оказался незаслуженно забытым, как и многие другие достижения отечественных восходителей прошлого столетия. Дело в том, что историографии альпинизма в царской России не существовало, хотя первая книга альпинистского характера на русском языке вышла в свет еще в 1801 г. («Путешествие господина Бури по альпийским горам»). За все 116 лет, отделяющих эту дату от Великой Октябрьской социалистической революции, русская литература обогатилась лишь двумя небольшими историческими очерками, посвященными особенно популярным в те годы вершинам — Арарату и Казбеку.

[1] Опыт наших восходителей показал, что в высокогорье Кавказа зима начинается в начале октября, поэтому всякое восхождение, совершаемое после 1 октября, практически проходит в зимних условиях. См. «Альпинизм. Руководящие материалы», Государственное издательство «Физкультура и спорт», М., 1946, раздел «Зимние походи и восхождения» (стр. 25). — Ред.

Первый из них, «Большой Арарат и попытки восхождения на его вершину», известного кавказоведа Е. Вейденбаума был издан в 1884 г. в Тифлисе; его продолжение, написанное другим кавказоведом проф. А.Ф. Ляйстером, в 1912 г., в Эривани. Казбек нашел своего историографа в лице А. Сипягина, одного из первых русских восходителей на эту вершину. «Краткий очерк истории восхождений на гору Казбек» А. Сипягина был издан брошюрой в 1901 г. в Одессе (отдельный оттиск из № 3-4 «Записок Крымского горного клуба»).

Тринадцать выпусков «Ежегодника Русского горного общества» прибавили кое-что « скудному перечню фактов, из которых слагается обычное представление об истории русского альпинизма в XIX столетии, но это были лишь отдельные, случайные эпизоды, которые трудно воспринять как фрагменты единой исторической картины.

Одной из причин этого было то раболепное преклонение перед всем иностранным, которому были подвержены многие русские альпинисты, в большинстве своем представители господствовавших классов. Когда же зарубежные альпинисты занялись подведением итогов того, что было сделано в высокогорных зонах Центрального и Восточного Кавказа, то тут наши отечественные восходители тем более оказались обойденными.

Достаточно сказать, что одеяние «альпинистского Колумба» Восточного Кавказа, в которое еще при жизни нарядили, например, Мерцбахера, было явно заимствовано из русского гардероба. Факты и документы показывают, что штурм Кавказского хребта был начат задолго до Мерцбахера, задолго до Фрешфильда, и ко времени появления на Кавказе зарубежных спортсменов в альпинистском формуляре русских восходителей значилось по меньшей мере двадцать восхождений на такие вершины, как Базар-дюзи (4480 м), Шах-даг (4250 м), Ацунтас-мта (4035 м), Амуго (3815 м), Зилга-хох Западная (3853 м), Чаухи (3689 м) и др.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что именно вершины Восточного Кавказа оказались объектом первых попыток русских восходителей. Ведь более полувека именно эта часть хребта являлась ареной самых драматических перипетий кавказской войны, и здесь русские войска чаще всего оказывались поставленными перед необходимостью проникать в самые труднодоступные горные районы.

Трудной, суровой школой была для русских солдат и офицеров борьба с изворотливым, фанатически ожесточенным врагом. Зато и многому они в ней научились: тактике и стратегии горной войны, гибкости и находчивости, искусству наносить внезапные, точно нацеленные удары, а также и тому, что еще нередко упускают из виду— навыкам скалолазания и хождения по горам, без которых успех многих прославленных в свое время операций и маневров был бы немыслим.

Не только за границей, но и среди альпинистов нашей страны довольно широко известно имя Г. Мерцбахера. А многие ли знают, что еще за 47 лет до восхождений, совершавшихся этим немецким путешественником в Богосском хребте, вершина Гек-нардивани в крайней юго-восточной части этой группы была взята с боя восемью эскадронами спешенной русской конницы под командованием майора Чавчавадзе? В том же 1845 г. батальон грузинских волонтеров кн. Левана Меликова, поддержанный батальоном русской пехоты, штурмом взял другую труднодоступную гору — Анчи-меер. При взятии Гуниба в 1859 г. штурмовые колонны полковника Тер-Гукасова применяли скальные крючья. А ведь задолго до того, как кавказские батальоны, эскадроны и батареи проводили свои операции, пути их продвижения в горы разведывали и набрасывали на карту смельчаки из штаба кавказских войск и корпуса военных топографов.

Многие из этих смелых разведывательных поисков, на языке официальных документов того времени именовавшиеся «тайными обозрениями местностей», не говоря уже о связанном с ними риске,

представляли собой длительные и сложные путешествия. От исполнителей их неизменно требовались не только мужество и ловкость, но и немалое профессиональное умение восходителя. Однако в глазах кавказского командования такие «обозрения», по-видимому, были делом вполне обычным, если судить по тому, сколько заданий возлагалось на единственную роту топографов, сформированную в составе 48 человек при отдельном кавказском корпусе в 1832 году.

Вот как выглядит, например, перечень лишь наиболее значительных поисков одного, 1836 г. Топограф Фейзулин, выйдя из Белакан, через Хинзрук, Ункратль, Карах и Андалял, прошел в Гергебиль и Темир-Хан-Шуру. Кавказский ветеран полковник Гене дошел до аула Чох, был здесь узнан и схвачен, он сумел бежать. В крайней западной части Восточного Кавказа топограф Белкин был убит при выполнении трудного и опасного задания в массивах, смежных с Военно-Грузинской дорогой. На Западном Кавказе прапорщик Чуркин, перевалив через Кавказский хребет, прошел из Карачая в Цебельду. Наконец, в Сванетии и Абхазии, под руководством капитана генерального штаба Индрениуса была произведена съемка целого ряда труднодоступных районов. Уместно упомянуть и о другом генштабисте Шаховском, первым прошедшем ранее Местийский перевал (в 1834 г. с юга на север), а вслед затем и один из ледниковых перевалов в верховьях Уллу-кама[1].

Таковы были рабочие будни первых военных топографов Кавказа — этой горстки стойких и самоотверженных исполнителей воинского долга, создавших первую точную карту Грузии, Армении, Азербайджана и северо-кавказских земель; своими съемками и рекогносцировками оказавших неоценимые услуги боевым частям своего корпуса, а также давших своей стране многих, в том числе и лучших, из первых ее горовосходителей.

[1] По-видимому, Чиперазау. — С.Б.-М.

6 апреля (ст. ст.) 1847 г. в долине Куры, у Шамхори, начались полевые работы по триангуляции Кавказа. Проводившиеся многие годы, они были для кавказских военных топографов не только проверкой их профессионального умения, но и на редкость трудным, по тому времени, альпинистским экзаменом. Ведь при построении сети тригонометрических пунктов I класса нужно было базироваться на некоторые из высших точек Большого и Малого Кавказа. А это почти всегда означало необходимость взойти на вершину, соорудить на ней триангуляционную пирамиду, произвести наблюдения.

К чести руководителя триангуляции полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Иосифа Ивановича Ходзько (1800-1881 гг.) и состоявших под его командованием офицеров и солдат, следует отметить, что исключение в постройке триангуляционных знаков было сделано лишь для вершин Тепли, Адай-хох и, как это ни странно, для Казбека.

В соответствующем месте таблицы треугольников построенной тогда первоклассной сети об этом сказано:

«В треугольниках №№ 126, 127 и 128 измерены были углы на сигналах Зыльга (Sic!)-хох и Криу (Sic!)-хох, из коих взяты направления на вершины недоступных снежных гор: Адай-хох, Тепли и Казбек».

В наше время нет нужды напоминать об относительной «легкости» Адай-хоха (II-Б) и особенно Казбека (I-Б). В том, что сто лет назад на этот счет держались иного мнения, также нет ничего странного. Непонятно другое: очевидное согласие И.И. Ходзько с. этим мнением, хотя сам он в 1850 г., т.е. незадолго до того как были написаны процитированные выше строки, достиг высшей точки Арарата (5156 м) во главе целого отряда, причем сам он и П.И. Шароян провели на вершине почти неделю. Между тем, Д. Фрешфильд и его спутники в 1868 г., добившись успеха на Казбеке, потерпели неудачу на Арарате.

Необходимо при этом отметить, что английские путешественники были первоклассными альпинистами своего времени. Кроме того двадцать лет, отделяющие эти восхождения от восхождений кавказских топографов

старшего поколения, — срок немалый для тех темпов, какими отмечено развитие альпинизма во второй половине XIX столетия. Уже в 1891 г. кавказский топограф Г.М. Кавтарадзе блестяще опроверг мнение своих предшественников о недоступности Адай-хоха, а его достойный собрат Н.В. Жуков примерно тогда же поднялся на вершинный гребень Шхары.

Выходцы из народных низов, в большинстве своем — бывшие кантонисты, «из солдатских детей», рядовые военные топографы середины прошлого века были скромными тружениками, за малыми исключениями почти не писавшими и (тем более) не печатавшими очерков о своих восхождениях. Лишь в официальных, не предназначенных для широкой публики, отчетах руководителя триангуляции И.И. Ходзько отдавалось должное их подвигам. Отчеты эти, опубликованные затем в печатном органе Топографического депо Генерального штаба, и явились тем источником, с помощью которого нам удалось восстановить детали первовосхождения на Базар-дюзи и имя первовосходителя — прапорщика Сергея Тимофеевича Александрова.

Упоминания об Александрове находим в четырех годовых отчетах Кавказской триангуляции (1848-1851 гг.).

«На треангуляции[1], — повествуется в отчете за 1850 г., — находились: Полковник Ходзько, Корпуса Топографов Капитан Оберг, Поручик Александров и Прапорщик Александров, Армии Подпоручик Ступников, Прапорщик Нестеров и 6 топографов. ...Отправив первоначально прапорщика Александрова для избрания и постройки сигналов на горах Карабахского уезда, Полк. Ходзько с остальными чинами, назначенными во 2-е отделение, перешел к городу Шуше. При этом отделении находились: Прапорщики Александров и Нестеров и три топографа.

Перейдя из знойной степи в Карабахские горы, чины 2-го отделения нашли снег на первом хребте, круто возвышающемся над долиною р. Куры. Столь резкая перемена климата имела вредное влияние на здоровье...

[1] Мы сохраняем в документах орфографию и транскрипцию подлинника. — Ред.

Вначале число больных значительно увеличилось, но в скором времени свежий горный воздух оказал спасительное действие; занемогшие стали поправляться, все ободрились, безостановочно и усердно продолжая занятия. По мере того, как на избранных пунктах строились сигналы, Полковник Ходзъко измерял углы.

...В конце Августа, Начальник треангуляции, исполнив возложенное на него Г. Начальником Главного Штаба поручение... и предоставив Прапорщику Александрову продолжать измерение первоклассных углов и заведовать 2-м отделением, переехал в окрестности города Нухи, где застал капитана Оберга, под руководством коего производилась треангуляция от города Шемахи до Баку.

...Во 2-м отделении Прапорщик Александров в Сентябре месяце, с полным успехом продолжал измерение углов, но в первой половине Октября на высоких хребтах, в окрестности города Нахичевани, перепадал снег и начались сильные морозы, от которых пострадала вся команда. Перейдя на плоскость, неудобства эти прекратились...».

В отчетах 1847-1849 гг. даны перечни пунктов, главным образом гор, с которых производились наблюдения. Это и позволило нам с полной достоверностью установить, какие именно значительные вершины были взяты в 1848 г. Александровым и возглавлявшимся им 2-м отделением на пространстве от (говоря словами цитированного выше отчета) «первого хребта, круто возвышающегося над долиною р. Куры», и до «высоких хребтов в окрестности города Нахичевани». Вершин выше 3500 м в перечне за 1848 г. пять[1].

Слава первого, документально засвидетельствованного восхождения на две из тех вершин, перечень которых читатель найдет на следующей странице, бесспорно принадлежит С.Т. Александрову и солдатам его отделения. На одной из упоминаемых нами вершин, именно Капуджихе,

[1] Высоты в отчетах даны в саженях и несколько отличаются от данных как первой 5-верстной карты Кавказа, так и последующих ее изданий. — С.Б.-М.

побывал в 1851 г. и И.И. Ходзько: «...в конце сентября ...с несколькими казаками взошел на скалистую гору Капуджих — 13450 футов (?! — С.Б.-М.), совершенно уже покрытую глубоким снегом» (из отчета за 1851 г.).

Гезалдара[1] .....1661,37 саж. = 3545 м

Михтюкян .....1696,93 саж. =3621 м

Гемиш .....1756,30 саж. = 3748 м

Ишихли .....1673,08 саж. = 3570 м

Капуджих .....1837,07 саж. = 3920 м

* * *

Полевые работы, начатые отделением Александрова весной 1848 г., закончились только в феврале 1849 г. В мае он уже стоял на вершине Базар-дюзи.

Этому восхождению своего мужественного и стойкого подчиненного Ходзько в отчете за 1849 г. уделил большое внимание.

«...Корпуса топографов прапорщик Александров должен был поставить пирамиды на 4-х вершинах главного Кавказского хребта, покрытых вечным снегом (Визир-чале, Базар-дюзе, Баба-даге и Дибраре)[2]. Возле высочайшей из них, Базар-дюза (14700 футов), обыкновенно пролегала внизу, через перевал, горная тропа, по которой жители проходили с легкими вьюками, но в ненастное время этот проход завалило сверху снегом, а внизу вода совершенно испортила тропинку. С неимоверными трудами, делая значительные обходы, едва успели втащить на гору инструменты, разработав кое-как новую дорогу.

Когда в первых числах Июля месяца Прапорщик Александров взошел на Базар-дюз, то нашел, что сигнал, выстроенный в Мае месяце, был уже более чем до половины занесен снегом; расчистив место для инструмента,

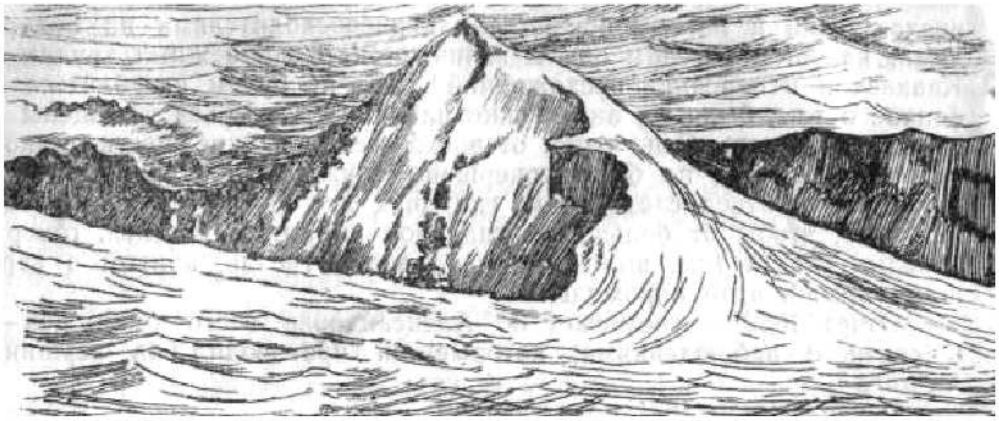
---

[1] Сигнал на Гезалдара был поставлен еще в предшествующем, 1847 г. Был ли Александров на этой вершине также и при первом восхождении на нее военных топографов, мы судить не можем, поскольку фамилии топографа в отчете не названо. По той же причине мы ничего не знаем и, вероятно, никогда не узнаем об участии Александрова (или его неучастии) в восхождении Ходзько на Арагац (Алагез), совершенном в августе того же 1847 г. — С.Б.-М.

[2] Высоты (по Ходзько): Визир-чал — 11,389 ф = 3472 м, Базар-дюзи — 14722 ф = 4488 м, Баба-даг — 11934 ф = 3638 м, Дибрар — 7252 ф = 2211 м (покрыт вечным снегом?!). — С.Б.-М.

нужно еще было прорезать канавы в снегу, чтобы видеть пункты, лежащие в долине. Прожив 18 дней в палатке при беспрерывной непогоде, он заболел! и должен был сойти в долину. Рассчитывая, что с началом морозов, туманы будут менее препятствовать работам, Александров в 3-й раз взошел на гору Базар-дюз в Сентябре месяце, но тоже без успеха. Наконец, в четвертый раз взобравшись на эту гору в начале Октября (Разрядка наша. — С.Б.-М.) и оставшись там с двумя рядовыми, он был застигнут метелью, при сильных морозах, заболел вторично, спустился в долину и отправился в Нухинский госпиталь, успев окончить наблюдения на всех точках кроме Базар-дюза...».

Таким образом, совершив первое в мире зимнее восхождение, Александров не ограничил время своего пребывания на вершине несколькими светлыми часами, а остался на ней и спустился вниз лишь после тяжелой борьбы с непогодой.



Вершина Базар-дюзи.

Зарисовка художн. Т. Исаковой.

Окончить свои наблюдения на Базар-дюзи Александрову так и не пришлось. Это сделал в 1851 г. его сослуживец М.П. Близнецов.

«...Прапорщик Близнецов, преступив к продолжению сети к Дербенту, нашел, что сигнал, построенный на горе Баба-даг в 1849 г., был сорван бурею, а пирамида на горе Базар-дюз совершенно занесена снегом так, что остался только виден гвоздь, вбитый в вершину крыши этой пирамиды; новый сигнал поставили над этим гвоздем. Самая постройка была сопряжена с теми же затруднениями, как в 1849 году, хотя она и производилась во

второй половине Июня месяца. В продолжение наблюдений на Базар-дюзе (14700 ф) снег часто заносил сигнал, нужно было прорывать канавы, чтобы видеть пункты, на долине лежащие. Почти постоянные туманы задержали Прапорщика Близнецова на этой горе 32 дня, а на горе Баба-даг, при двухкратном на нее восхождении — 20 дней. Продолжительное пребывание на этих горах тем более представляло затруднения, что вовсе не имелось топлива, и не было возможности доставить туда достаточного количества продовольствия для людей.

Успешному ходу работ также много препятствовали и самые переезды по едва проходимым тропам, пролегающим часто по отвесным скалам, доступным одним только пешеходам, в ущельях же Базар-дюза и Баба-дага тропы эти проложены по ледникам; люди должны были переносить все тяжести на руках...».

Был ли Близнецов последним русским военным топографом, побывавшим на Базар-дюзи или же он нашел себе преемника среди участников одноверстной съемки Кавказа? До сих пор это не установлено. Последнее кажется нам более вероятным, хотя потребуются длительные работы в архивах, чтобы доказать это. Молчание же на этот счет закавказских газет и краеведческих изданий ни о чем еще не говорит: остались же незамеченными восхождения Александрова и Близнецова.

Не больше доказательной силы и в том факте, что английские альпинисты Елд и Бэйкер, поднявшиеся на Базар-дюзи в августе 1890 г., не нашли на вершине никаких следов предшествующих восхождений и потому почли себя первовосходителями на Базар-дюзи, каковым титулом они и величаются в зарубежных трудах о Кавказе и в перечнях восхождений[1]. Мы не будем углубляться в вопрос о том, были ли английские альпинисты всерьез убеждены в своем приоритете. Ясно одно: от восхождения их

[1] Венгерский альпинист М. Деши, которому принадлежит второе иностранное восхождение на Базар-дюзи (летом 1902 г.), отдавая незаслуженную дань своим английским предшественникам, уверяет: «Вершина Базар-дюзи была достигнута смертными лишь один единственный раз... в 1890 г., когда гг. Бэйкер и Елд из Лондонского альпийского клуба совершили свое смелое восхождение с юга из самой верхней котловины долины Ятуха» (М. Деши, Кавказ, т. II, стр. 296).

предшественников (если только оно не было совершено буквально накануне) легко могло не остаться следов там, где двух лет оказалось достаточно для того, чтобы от большой сигнальной пирамиды остался, говоря словами отчета (см. выше), «только виден гвоздь, вбитый в вершину крыши этой пирамиды».

Отчет 1850 г. упоминает об Александрове всего один раз — в связи с наблюдениями, которые он производил на вершине Ах-дага[1].

О следующем 1851 г. мы читаем:

«...Полевые работы разделены были на два отделения. Первое отделение (Полковник Ходзько, Подпоручик Нестеров и Прапорщик Александров), начав в мае месяце полевые работы от Мцхета, перешло в половине июня в горную Осетию...

Снег, лежащий на самых высоких скалистых пиках, растаяв от действия солнечных лучей, образует потоки, которые, струясь по снеговым массам, наполняющим верховья ущелий, разрезывают их на бесчисленные снеговые овраги, едва соединенные узкою полосою. С крайнею осторожностью люди, особенно обремененные тяжелыми ношами, могли проходить по этому скользкому и опасному пути. Неоднократно трещина преграждала совершенно сообщение, тогда накидывали через нее наскоро мостик, и потом, разобрав его, уносили далее до нового случая. Вечером же и утром, когда замерзает снеговая полоса, покрывающая поверхность ледников, нельзя было ступить ни одного шага, не вырубив прежде на льду ступенек[2]. Проведя более двух месяцев в самых недоступных горах главного хребта, первое отделение успело составить 17 треугольников, связывающих оборонительную башню Владикавказской крепости с пунктами, избранными на правом берегу Куры в Тифлисском уезде...

---

[1] Над озером Севан; высота, приведенная в отчете, 1676,01 сажени. Сигнал был поставлен еще в 1847 г., вероятнее всего при участии Александрова.

[2] Как показывают таблицы наблюдений за 1851 г., вершина, на которой топографам пришлось столкнуться с описанными условиями, — это Зилга-хох Западная (3853 м). В следующем, 1852 г., на нее поднялся сам начальник триангуляции И.И. Ходзько. В своем описании восхождения он упоминает о сигнале, уже стоявшем на вершине. Вывод напрашивается сам: первовосхождение на Зилга-хох Западную было совершено не Ходзько (1852 г.), а С.Т. Александровым и его командой (1851 г.). — С.Б.-М.

Прапорщик Александров расстроил свое здоровье и, оказавшись совершенно не способным к продолжению триангуляционных занятий, переведен был на службу в Сибирские Линейные Батальоны».

* * *

Биографические данные о первовосходителе на Базар-дюзи, которыми мы располагаем в настоящее время, весьма скудны. Обнаруженные нами в старом сборнике кратких сведений об офицерах его корпуса, они сводятся к шестнадцати строкам:

«Александров, Сергей Тимофеевич.
Из солд. дет., род. в 1824.
В сл. вступил писарем 1839, Дек. 2.
Топогр. 1840, Сент. 3.
За отл. Прапорщик 1848, Февр. 8.
Подпоручик в Сибирск. Линейн. № 4 батал. 1852, Февр. 10.
Поручик 1854, Яне. 26.
Перев. в Корп. Топ. Подпоруч. 1858, Ноября 24.
Поручик 1859, Апр. 2.
Шт.-Капит. 1863, Апр. 17.
Кап. в Сибирск. Линейн. № 6 батал. 1864, Марта 18.
1842-46 наход. на Кавказе, где произв. различи, съемки.
1847 наход. на триант. Закавк. края.
1852-59 наход. при войск.
1860 назн. в отд. Сибирски Корп.
Кавал. орд. Св. Станисл. 3 ст.»

* * *

Наша страна с гордостью и любовью воздает должное памяти незаслуженно забытых в прошлом отечественных ученых и исследователей. И недалек быть может тот день, когда терпеливые и умело направленные архивные розыски дадут в руки советских историков альпинизма новые документы, которые смогут больше рассказать о жизни мужественного русского топографа, совершившего первое зимнее восхождение.

Тбилиси

В. и Е. ЗАРИНЫ

ОТВАЖНАЯ РУССКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА КАЗБЕКА

Пятьдесят лет назад, 1 августа 1900 г. первая русская женщина поднялась на одну из высочайших вершин Грузии, пятитысячный Казбек. Это была учительница Мария Павловна Преображенская, замечательная русская исследовательница гор.

Двадцать лет своей жизни посвятила Мария Павловна освоению и изучению массива Казбека. Ей принадлежат первые туристские описания Кистинского ущелья, фирновых полей и ледников, расположенных вокруг вершины. Во время Кистинского похода она впервые зафиксировала на фотопластинке прихотливые извивы одной из живописнейших кавказских речек — бурной Кистинки, красивые панорамы вершин Шино, Куру, виды Казбека и его ледников.

«И чего, чего только не видно отсюда, — описывает Преображенская вид, открывшийся ей с вершины Малая Куро — величественный Казбек с его ледовиками Девдораком, Блота[1] и Чхеры[2], далее горы Грузии, ущелье и речка Чхери, впадающая в Терек подле Военно-Грузинской дороги, узкая ленточка которой красиво извивается рядом с Тереком на дне ущелья, селения Казбек и Гергети, а на одном из контрфорсов Казбека видна церковь Цминда-Самеба (Святая Троица). Под нами же чернеет Бешеная Балка... Вид отсюда так дивен, что не может не нравиться... Можно было снять вид на хребет Шан, который тоже очень красив, же еще красивее вершины, окружающие ледовик Кибиша... Вообще трудно решить, в какую сторону лучше виды, так все красиво и величественно кругом, начиная от самой вершины Малой Куро, представляющей собою замечательно

[1] Абано.
[2] Орцвери.

причудливую форму. На площадке ее мы нашли вулканический песок и шлаки, залетевшие сюда, вероятно, во время извержения Казбека, с чем мои люди никак не хотели согласиться, находя, что это слишком далеко, хотя Яни[1], показывая мне их, говорил: «Посмотри, какие странные камни, ведь таких скал здесь нет»[2].

Не будучи ученым, М.П. Преображенская была прирожденной исследовательницей, и это позволяло ей часто делать важные в научном отношении сопоставления и догадки.

Преображенская первая начала метеорологические наблюдения на Казбеке. Во время своих неоднократных восхождений (девять — за 20 лет) она в 1902 г. установила термометр на вершине, а затем в 1912 г. подняла на Казбек первую метеорологическую будку.

Не получив специального образования, Мария Павловна, однако, с большой научной глубиной вела все свои взыскания и сборы коллекций. Ее работами интересовался знаменитый геолог и путешественник Иван Васильевич Мушкетов, которому Преображенская направляла свои отчеты, фотографии исследованных мест и образцы горных пород.

Мушкетов, обремененный большой научной работой, экспедициями, преподавательской и общественной деятельностью, находил все же время руководить работами первой русской альпинистки.

В ответ на запрос Русского Географического общества, после внезапной смерти И.В. Мушкетова, Преображенская в письме от 12 июня 1902 г. пишет: «Спешу исполнить ваше желание и посылаю вам отчет о моей экскурсии 1901 г. В октябре 1901 г. я отправила такой отчет незабвенному Ивану Васильевичу и имела от него ответ, что отчет получен, а также 22 фотографических снимка и камни, которые он хотел определить. Вероятно, вы все это найдете в бумагах Ивана Васильевича»[3].

---

[1] Яни и Исаак Безуртановы были постоянными проводниками М.П. Преображенской. Отец их Цоголь Безуртанов сопровождал первую группу, поднявшуюся на Казбек в 1868 г.
[2] Ежегодник Русского горного общества, М., 1903 г., часть III, стр. 59.
[3] Архив Всесоюзного Географического общества.

В те далекие годы, когда русский альпинизм не имел никакой поддержки от государства, большинство восходителей должно было организовывать экскурсии за свой счет. Преображенская также принуждена была совершать свои восхождения на собственные средства. Преподавая во владикавказском женском епархиальном училище, она старательно экономила скудный заработок, чтобы иметь возможность время летних каникул посвящать исследованию кавказских гор. Материальная необеспеченность сильно тормозила ее работу. Иногда ей не удавалось завершать свои исследования только из-за отсутствия необходимого технического оснащения — у альпинистки не бывало с собой даже прибора для точного определения высот. Отсутствие денег на покупку часто выходивших из строя термометров сводило на нет все усилия Марии Павловны организовать регулярные метеонаблюдения на вершине Казбека.

Царское правительство, безразлично относясь к работам женщины-альпинистки, если изредка и присылало кое-какое оборудование, то всегда оно было самого низкого качества. Так, например, в 1915 г. Преображенская получила термограф с шестимесячным заводом, который прибыл в негодном состоянии и поэтому не был установлен на Казбеке.

Съемку кавказских ландшафтов Марии Павловне приходилось производить несовершенными, допотопными аппаратами, большей частью взятыми напрокат. Готовясь к одному из своих путешествий, давших новые данные для научного изучения фирна и ледников Кавказа, Преображенская не имела денег для оплаты проката фотоаппарата и принуждена была расплачиваться с предприимчивыми дельцами фотонегативами труднодоступных мест Кавказа.

Но материальные затруднения никогда не обескураживали альпинистку, она умела находить выход из самых затруднительных положений. Ее главным образом всегда занимал вопрос, как организовать работу в экскурсии так, чтобы принести как можно больше пользы науке. «Экскурсию

думаю начать, — делится М.П. Преображенская своими планами[1], в одном из писем в Географическое общество,— как и прошлый год, в конце июля или начале августа. Предполагаю подняться опять на вершину Казбека, чтобы осмотреть хорошенько общий вид ледников и потом обойти, насколько возможно, кругом конусов по фирновым полям. Если останутся средства, то побываю на одном из прошлых ледников. Буду очень вам благодарна, если вы сделаете мне указания, чем именно могу я принести больше пользы обществу. Фотографический аппарат хочу взять у фотографа с тем, что негативы останутся ему, а мне он сделает отпечатки для Географического общества».

В своих отчетах Преображенская не раз отмечает досадные затруднения, которые возникают при съемках горных пейзажей плохой аппаратурой. Особенно трудно было запечатлевать быстро окутываемые туманами вершины гор, освещение которых беспрестанно меняется. В самом начале путешествия вокруг Казбека Марию Павловну поджидала неудача, последствия которой удалось ликвидировать только благодаря изобретательности альпинистки.

«В 3 часа 35 минут достигли перевала Сорцио-Цвери (Саарциво-цвери. — Авт.) на высоте 2400 метров,— описывает Преображенская начало восхождения 1901 г. — Туман скрыл от нас Казбек и вершину Арч-корт. Погода стала нам изменять, и к 4 часам пошел маленький ленивый дождик... Достигнув скалы Модалис, мы были встречены овчарками, что дало знать о близости пастухов, и, действительно, скоро мы увидали баранту и решили спуститься к пастухам для ночлега. Расположившись на траве между камней, сейчас же зажгли спиртовую лампочку, чтобы вскипятить воду для чая. По моему расчету, мы могли иметь только по одному стакану чая каждый, иначе могло нехватить взятого мною спирта. Пока готовился чай, я взяла фотографический аппарат, чтобы переменить пластинку и тут заметила огромное несчастье: без того уже плохой аппарат оказался окончательно

[1] Письмо от 12 июня 1902 г. Архив Всесоюзного Географического общества.

испорченным, так как прорвался мешок. Говорят нужда учит, так вышло и со мной. Я решила, что буду каждый раз залезать под бурку и менять таким образом пластинки. Правда, это очень трудный маневр, сопряженный с риском испортить снимок окончательно, но другого исхода быть не могло...»[1].

Мария Павловна все же умудрялась и полуиспорченными аппаратами делать прекрасные снимки, затрачивая, конечно, на каждый из них столько энергии и времени, сколько могло бы хватить на десятки, при наличии исправных фотоаппаратов.

«Третьего августа погода опять отвратительная, — продолжает путешественница свое описание, — нам виден в тумане какой-то ледник. За ледником временами виднеется Казбек. В этот раз сначала мы шли по хребту, который казался мне ни чем иным, как старой ледниковой мореной: так типично обрывался он у слияния двух ледниковых потоков... Потом мы шли по склону хребта, вершина которого имеет снежные пятна; шли на высоте 3300 метров, под густым туманом... идя далее, уже в более прозрачном тумане, мы достигли фирнового поля. Тут-то началась награда за трудное и невеселое утро. Нам начали открываться одно чудо природы за другим.

Встреченное нами фирновое поле представляло из себя небольшую котловину, в средину которой с юга и запада ровными грядами спускался фирн, а на южной вершине этой котловины находился дивный ледник, растянутый, как огромный гамак какого-то великана, с одной стороны скалы до другой...

Достигнув Куртинского перевала, мы очутились на высоте 3600 метров и перед нами опять картина, не поддающаяся описанию. Мы в заколдованном царстве ледников и фирна. Как описать и сосчитать ледники! Я сделала несколько снимков, из них уцелели два. При виде чудес природы невольно забываются и усталость и холод»[2].

---

[1] Из отчета М.П. Преображенской. Архив Всесоюзного Географического общества.
[2] Ежегодник Русского горного общества, 1902 г., ч. II, стр. 56-61.

В отчетах и письмах М.П. Преображенская, без всяких прикрас, описывает опасности и необыкновенную прелесть восхождений. Невольно поражает та целеустремленность и преданность избранному пути, которые чувствуются в каждом слове и действии первой «казбекистки».

Так, например, экскурсия по Кистинскому ущелью из-за целого ряда случайностей была проведена Преображенской почти без всякого продовольствия, но это не помешало ей не только наслаждаться красотами природы и запечатлевать их на снимках, но и с подлинным интересом исследователя наблюдать быт пастухов, отмечая замечательные душевные качества обитателей гор, которых царское правительство заклеймило кличкой «диких» племен.

В одном из эпизодов Кистинской экскурсии особенно выявилось свойственное Марии Павловне дружелюбие в общении с людьми. Эту экскурсию Преображенская совершила со своими неизменными проводниками Алексеем Абзи и Яни Безуртановым. В походе также принимал участие юный турист Б.

«...У подножия хребта Шан, — пишет Преображенская,— есть огромные, друг на друга нагроможденные камни, оторванные от хребта каким-то страшным разрушительным переворотом, вот среди этих-то камней и образовались пустоты, называемые горцами пещерами... Пока я была занята выбором пещеры, Алексей сбросил поскорее вещи с ослика и, не сказав мне даже слова, исчез. Этим исчезновением я была очень недовольна, так как предполагала идти далее, а без Алексея это было невозможно... Но каково было наше состояние, когда оказалось, что Алексей захватил с собой все спички и мы не можем даже развести костра, к нам пришлось, холодным и голодным, дежурить почти до заката солнца... Тут еще точно на зло остановились мои часы, и время тянулось еще мучительнее. Наконец, в ущелье начало темнеть... Невольно являлась тревожная мысль, найдет ли нас Яни. И вот вдруг раздался радостный крик Б. «Яни, Яни!» ...действительно на верху хребта, на фоне голубого неба, ясно вырисовывалась фигура Яни. В

два голоса старались мы привлечь к себе внимание Яни, и, убедившись, что он нас заметил, мы, как маленькие дети, наперегонки бросились к нему навстречу. Б. уверял меня, что наш охотник идет с двумя турами. В это же время внизу появился и Алексей. Настроение духа было уже радостное, и мне приходилось всеми силами удерживать смех, чтобы показать сердитый вид... Яни действительно принес двух туров... Быстро запылал яркий костер, озаряя повеселевшие лица моих спутников, хлопотавших около туров. Я, утомленная пережитыми волнениями, напилась поскорее чаю и, не дождавшись шашлыка, уснула крепким сном. Долго еще пировали мои друзья, но, наконец, уснули и они»[1].

Люди, знавшие Марию Павловну в детстве и юности, с трудом могли бы предположить, что ее призванием станет высокогорный спорт. Преображенская была на редкость болезненной и слабой, но, по воспоминаниям родных, даже в ту пору можно было заметить несоответствие между сильным духом и слабым телом ребенка. Этот «сильный дух» доставлял немало хлопот окружающим. «Любимым ее занятием, — вспоминает сестра Марии Павловны, — было лазанье по заборам; вообще у нее проявлялись мальчишеские наклонности»[2]. С самых ранних лет Преображенская росла под влиянием отца, привившего ей горячую любовь к природе. Как только Мария Павловна достигла школьного возраста ее поместили в один из московских институтов. Ее юные годы связаны с бесконечными заболеваниями, чаще всего легочными. Окончив институт, девушка недолго пожила в родном доме. В один год умерли ее родители, и она уехала в Петербург, где получила скромное место счетовода. Но Мария Павловна тяготилась городской жизнью.

Преображенская была современницей многих замечательных русских ученых и путешественников, прививавших молодежи горячую любовь к исследованиям неизведанных местностей, к широкому и всестороннему

[1] Ежегодник Русского горного общества, 1902 г., ч. II, стр. 57-58.
[2] Архив Всесоюзного Географического общества.

изучению природы. В это время начинал завоевывать себе признание и молодой русский альпинизм. Преображенская была современницей также и первых русский альпинистов Козьмина и Пастухова, покоривших вершину Казбека.

С каждым годом все сильнее влекут будущую «казбекистку» горные просторы Кавказа, с каждым годом глубже и яснее осознает она свое подлинное призвание. Но только в 1895 г., после восьмилетней конторской работы в Петербурге, Преображенской удается, наконец, получить место конторщицы кисловодского курзала на Кавказе.

План дальнейших действий был ею выработан точно: заработав немного денег, совершить поездку по Военно-Грузинской дороге до станции Казбек. Но заработанных денег на поездку не хватило. Мария Павловна не пала духом и, устроившись на работу по постройке Владикавказской железной дороги, она начинает первые тренировочные восхождения. Вначале даже самые несложные подъемы губительно отзывались на ее здоровье и окружающие отговаривали ее от походов, советовали не подвергать свою жизнь опасности, продолжая мучительные попытки преодолеть прирожденную слабость организма.

Поставив своей задачей — покорение горных вершин, Преображенская продолжает тренировки. Постепенно ей начинают удаваться подъемы на небольшие скалы, и, наконец, в 1896 г. она совершает первый длительный подъем на Девдоракский ледник. Возвращаться с ледника ей пришлось босиком, так как не приспособленная для этого обычная обувь расползлась за время горного похода, и несмотря на это постоянно мучивший ее кашель прошел бесследно. Отныне Преображенская начинает серьезно тренироваться в высокогорных восхождениях.

Четыре года проводит она в этой неустанной работе, и в 1900 г. с проводниками Исааком Безуртановым и Алексеем Абзи Мария Павловна отправляется к подножию Девдоракского ледника, где до 27 июля выжидает благоприятных условий для подъема на вершину Казбека. 27 июля начинает

Преображенская свое первое восхождение. Несмотря на поднявшуюся вскоре метель, альпинисты достигают зоны вечных снегов. Но усиливавшийся буран заставляет их вернуться назад. Снежная буря продолжается три дня, — и только 1 августа Преображенская со своими проводниками во второй раз штурмует Казбек. На этот раз вершина побеждена и первая русская женщина вступает на купол Казбека. Тщательно исследовав вершину. Преображенская приходит к заключению, что на южной стороне площадки, защищенной невысокими скалами, на высоте 5048 м, необходимо организовать метеорологическую станцию.

Настойчиво добиваясь осуществления задуманного, она в 1902 г. получает, наконец, минимальный термометр и 13 августа, снова поднявшись на вершину, устанавливает его на выступе скалы.

В Тифлисском отделении Географического общества Преображенская делает доклад о необходимости устройства высокогорной метеостанции в районе образования облаков. Директор геофизической обсерватории хотя и дает на это согласие, но проходит долгих 10 лет, пока Преображенской удается получить метеорологическую будку для наблюдений. За эти годы альпинистка совершает интересные экскурсии вокруг Казбека, по Кистинскому ущелью и к западным истокам Арагвы, которые дали ей богатейший материал для наблюдений. В своих описаниях арагвинской экскурсии Мария Павловна с большой теплотой вспоминает о встрече с горцами, неизменно радушно приветствовавшими отважную путешественницу.

«Около озера Кель живут 19 пастухов, имеющих несколько тысяч рогатого скота и табуны лошадей, — начинает Преображенская повествование о быте пастухов; — для охраны от волков и медведей, часто заходящих в эти места, они держат 23 овчарки. Жизнь этих людей вся проходит под открытым небом, и два маленьких кутана служат им кладовыми, где хранится хлеб, сало и кожа. Суровые на первый взгляд, пастухи оказались чрезвычайно добрыми и гостеприимными хозяевами.

Сейчас же устроили они мне в одном из кутанов постель из овечьих шкур и позаботились, чтобы мне было тепло и покойно»[1].

В общедоступных лекциях по горному туризму, которые Преображенская читала перед самой разнообразной аудиторией, она знакомила своих слушателей с флорой Кавказа, с бытом горцев, с их обычаями и легендами. Рассказывая о красотах горных пейзажей, Мария Павловна часто приводила легенды, связанные с этими местностями.

В популярной и увлекательной форме, демонстрируя фото и диапозитивы, рассказывала Преображенская и о тех, ни с чем не сравнимых ощущениях, которые испытывают победители горных вершин, когда все тяготы и лишения остаются позади и восходитель оказывается лицом к лицу с грандиозными горными панорамами. Своих многочисленных слушателей Мария Павловна старалась заинтересовать и приохотить к высокогорному спорту.

Наступил 1912 г., когда, по заданию геофизической обсерватории, Преображенская с носильщиками и грузом — метеорологической будкой — начинает подъем на Казбек от Ермоловской хижины. Несмотря на специальное научное задание, снаряжение экспедиции из-за ограниченных средств все-таки было неполным — у альпинистов не было с собой даже ледоруба. Ермоловская хижина оказалась занятой швейцарскими альпинистами, и холодную ночь перед подъемом русским восходителям пришлось провести на скалах Первой Вольгишки. В 2 часа ночи термометр показывал — 3°—5° С.

В 4 часа утра неотдохнувшие, озябшие путники начали восхождение со своей неудобной ношей. Погода мало благоприятствовала подъему. Сильный ветер сбивал с ног, одного из носильщиков сбросило вниз вместе со стеной будки. Хотя человек не пострадал, напуганные носильщики, побросав вещи, решили спускаться обратно. Но хладнокровие и настойчивость и на этот раз не изменили Преображенской, она сумела уговорить людей

[1] Ежегодник Русского горного общества, 1903 г., ч. III, стр. 66-67.

подняться на вершину. Несмотря на ветер и холод, метеорологическая будка на вершине Казбека была установлена, закреплена, и Мария Павловна запечатлела на фотоснимке эту самую высокую в те годы горную метеостанцию в Европе.

Настойчивость и смелость Преображенской вызывали неизменное уважение горцев в те времена, когда казалось таким необычным хождение женщины по горам.

В своем отчете об арагвинской экскурсии Преображенская приводит характерный случай.

«...Вьюга свирепствовала еще с большей силой, казалось, что вот-вот сорвет нашу палатку и всех нас сбросит в пропасть... Я несколько раз порывалась идти, бездействие меня и утомляло и раздражало, но меня положительно не пускали. Больше всего меня останавливало то, что все горцы... уверяли в один голос, что спуск в ущелье страшно труде». 21 августа я проснулась в 4 часа утра. Палатка дрожала еще сильнее, выйти из нее было прямо страшно; возникал вопрос, что лучше: умереть здесь голодной смертью или рискнуть спуститься в ущелье. Я, конечно, остановилась на последнем... Спуск оказался не трудным и не таким опасным, как говорили горцы, хотя довольно крутым. На мое замечание, что напрасно нас вчера пугали, Муса[1] отвечал: «Я не знал, что ты ходишь, как человек — т.е., как мужчина».

В 1913 г. Главная физическая обсерватория в Петербурге приняла под свое покровительство станцию на вершине Казбека и прислала Преображенской термограф с месячным заводом. Установив его на вершине, Мария Павловна вплоть до 1920 г. не раз поднималась на Казбек для проверки приборов, но несмотря на все старания, ей так и не удалось наладить регулярную съемку показаний с приборов. Только в 1925 г. группа советских альпинистов, во главе с проф. А.И. Дидебулидзе, установила на вершине Казбека самопишущие приборы.

---

[1] Муса — горец.

С 1920 г. Преображенская становится хранителем музея Северо-Кавказского института краеведения. Преклонный возраст (57 лет) и большая загруженность по новой работе заставили Марию Павловну передать будку на вершине Казбека метеорологам. Вместе с ними в 1920 г. Преображенская совершает свое последнее восхождение.

В советские годы, когда исследование высокогорья, спортивные восхождения и научные исследования получают поддержку государства, отважная путешественница на склоне лет могла наблюдать осуществление своих заветных деланий. Мария Павловна становится свидетельницей первых восхождений на вершину Казбека советских альпинисток. В 1923 г. по маршруту Преображенской, через Девдоракский ледник, на вершину Казбека поднялась пионерка советского высокогорного спорта Александра Бичиевна Джапаридзе. Ее брату Симону удалось наладить съемку показаний с приборов, установленных на вершине. В 1926 г. с сестрой и тремя товарищами Симон поднялся на вершину и снял показания приборов.

До последних дней своей жизни М.П. Преображенская, не совершая больше восхождений на Казбек, передавала свой опыт молодежи, приветствуя широкое развитие альпинизма и туризма в нашей стране.

Скончалась Мария Павловна Преображенская 28 декабря 1932 г., оставив навсегда о себе славную память в дружной семье советских альпинистов.

Более чем на 70 км протянулся в юго-западной части Болгарии Рила-Родопский горный массив. Горы его, сложенные гранитами, гнейсами и слюдяными сланцами, поднимаются на высоту более 2000 м. Хребты Рилы и Пирина в этом массиве наиболее популярны у болгарских альпинистов, скалолазов, горнолыжников. Хребет Рилы сильно поднят над ближними долинами. Величественной зубчатой стеной высятся его скальные вершины с главной из Них — Малевичей (2731 м). Обилие цирков, снежные поля, не стаивающие под палящим солнцем юга, около ста прозрачных горных озер — таков типично высокогорный пейзаж этого уголка Балкан. На востоке Рилы поднимается вершина Сталин, высшая точка Болгарии и всех Балкан (2925 м). В Риле насчитывают более десяти вершин, превосходящих высоту 2700 м, среди них — Манчо (2771 м) и Овчарец (2769 м). На фото: горы Рилы и прославленный в истории Болгарии Рилский монастырь, древний очаг национальной культуры, один из центров борьбы за независимость страны от поработителей.

ЗА РУБЕЖОМ

В.И. ПАЩЕНКО
В ГОРАХ БОЛГАРИИ

Пятьдесят лет назад известнейший народный писатель Болгарии Иван Вязов, один из зачинателей туризма в своей родной стране, писал: «И вот, с высоты (массива Витоша. — Ред.) открывается феерическая панорама, которую редко где в другом месте увидит посетитель. Как на ладони, внизу раскинулась вся Софийская долина с Софией. Дальше — Стара Планина с главными вершинами Ком, Лакатник, Ржана, Мургаш, Св. Илья, Баба, окруженные синеватой прозрачной дымкой; видны Лозенские горы и Плана, и чудесная Самоковская котловина, снежные вершины Рилы, а далеко на горизонте — величественная Мусала... На юг и на запад открывается волнующая картина гор Люлина, видны горы Вискера и Осоговские вершины... Бесконечное пространство, волшебная и незабываемая картина...

И глубоко восхищенный зритель невольно восклицает: «Поклон, о моя прекрасная Болгария, поклон, чудесная классическая Фракия, поклон, грустная и дорогая сердцу Македония! Родина, как ты хороша и как я тебя люблю!»

И действительно, немного найдется стран, где на сравнительно небольшой территории поднимается такое количество красивых гори живописно разделенных глубокими, утопающими в зелени долинами и ущельями.

Горные хребты пересекают страну преимущественно в широтном направлении и только на западе, образовав сложный узел, они вытянулись с северо-запада на юго-восток.

Главная и самая большак горная цепь Болгарии — это простирающиеся с запада на восток на протяжении почти 550 км Балканы, или, как ее называют болгары, Стара Планина, в нескольких местах превышающая

2000 м. В центральной части Балкан возвышается главная вершина Юмрукчал (2376 м), неподалеку — более низкие: Триглав (2273 м), Вежен (2198 м), Левски (2166 м). Это куполообразные возвышенности («чалы»), сложенные древними кристаллическими породами, покрытые почти до самого верха густыми лесами и пестрыми альпийскими лугами, используемыми для пастбищ.

В некоторых ущельях и теснинах обнаженные скалы уходят вверх почти отвесными стенками. Это характерно для южных склонов средней части хребта. Его пересекают до 30 проходимых перевалов.

К югу от Балкан и параллельно им, отделенная цепочкой котловин, тянется более чем на 250 км Средна-Гора. Ряд ее невысоких горных хребтов разделяется на три части реками Стряма и Тополница, образуя Ихтиманску Средну-Гору, Сыштинску Средну-Гору и Сырнену-Гору (или Караджа-даг). Высшая точка хребта — вершина Богдан (1574 м).

В юго-западной части Болгарии с северо-запада на юго-восток простирается более мощный по высоте Рило-Родопский массив, состоящий из Рилы, Пирина, Родоп и других горных районов. Эти горы сложены гранитами, гнейсами и слюдяными сланцами. Многие вершины этого горного массива поднимаются выше 2000 м. Наиболее высокогорный и интересный для альпинизма район лежит в западной части массива — это сильно расчлененные хребты Рилы и Пирина.

Рила-Планина по своей средней высоте (1470 м на площади свыше 2700 кв. км) — наиболее высотный горный район на всем Балканском полуострове. Хребты Рилы тянутся на 70 км, достигая в ширину 52 км.

Рила — высокоподнятый над остальной местностью и очень разветвленный массив. Его скалистые конусообразные вершины имеют вид высокой зубчатой стены. Северо-западная его часть — Малевица — состоит из одного кряжа длиной свыше 20 км. Высшая его точка — одноименная вершина — поднята на высоту 2731 м. Для северных склонов Малевицы характерно обилие цирков с крутыми склонами. Заостренные вершины

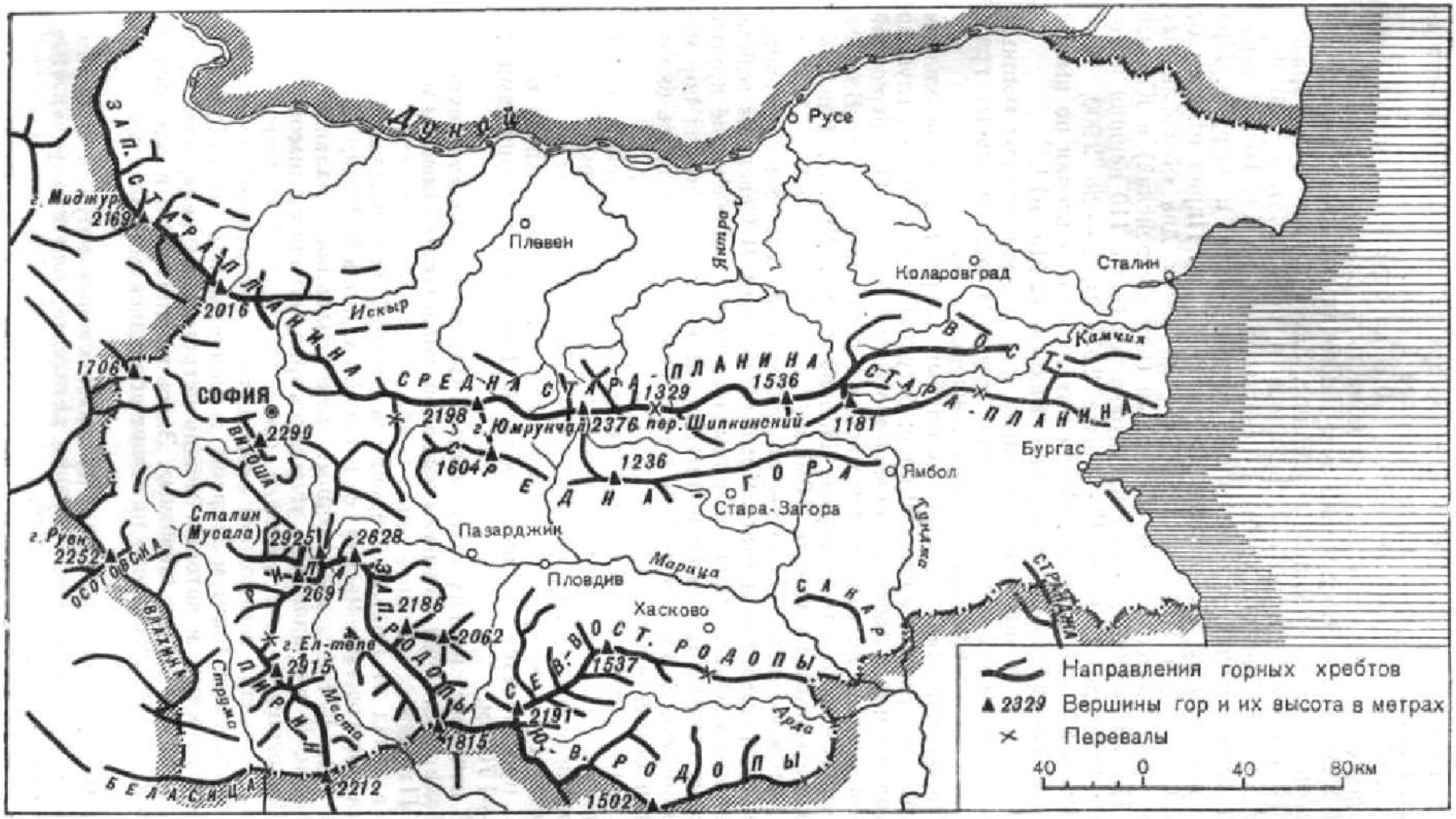
Рилского массива с отвесными стенами, множество снежных полей, не стаивающих даже в самое жаркое лето и дающих начало бесчисленным бурным потокам, около сотни живописных горных озер придают этой части Болгарии своеобразный облик альпийского высокогорного района.

В восточной части Рилы особенно красив массив Мусалы с его длинным гребнем. Здесь поднимается высшая точка Болгарии и Балканского полуострова — вершина Сталин (Мусала) высотой в 2925 м. В этом же районе находятся немного уступающие ей по высоте вершины Манчо (2771 м) и Овчарец (2769 м). Крутые стены Мусалы спускаются в долину р. Бели Искыр — естественный резервуар лавин, срывающихся с Рилы. В восточной части много цирков, нередко заполненных глубокими озерами. Для южной части нужно отметить вершины Скакавец (2734 м) и Ангелов врх (2715 м). В Риле насчитывается десять вершин высотой более 2700 м.

В глубине массива на высоте 1100 м на берегу пенящейся реки расположен исторический Рилский монастырь, самый большой и красивый в Болгарии. Это древний очаг национальной культуры, где находилось церковно-славянское училище. Здесь сохранились образцы древней стенописи и резьбы, рукописи и первопечатные книги.

К югу от Рилского хребта с северо-запада на юго-восток вытянулся хребет Пирин, ограниченный реками Места и Струма. При длине в 60-70 км его ширина достигает 40 км. Пирин отделен от Рилы седловиной Предел (1000 м). Он имеет два обособленных района: более высокогорный Северный (или Вихренский) и Южный (или Папазгиолский). В нем насчитывается более 110 вершин высотой от 2600 до 2900 м (2 — выше 2900 м, 9 — до 2900, 12 — до 2800 и 87 — до 2700 м). Среди них находится вторая по высоте вершина Болгарии — Ел-тепе, или Вихрен (2915 м)[1].

[1] Эта мраморная вершина славится своими ветрами и бурями, откуда и получила свое название «Ел-теле», или «Вихрен»: «Вершина бурь», «Бурная». — Ред.



Орографическая схема Болгарии.

В далеком прошлом: массив Пирин был частично покрыт мощным ледяным панцирем, оставившим свои следы в виде моренных гряд,, цирков и озер ледникового происхождения.

Пирин известен как край «голубых озеро, где на небольшом пространстве расположено 160 озер; бегущие из них потоки глубоко прорезают горный массив, вливаясь в Месту и Струму. Под вершиной Кралив двор на высоте 2660 м сверкает самое большое на Балканском полуострове высокогорное Попово озеро. Другое, Газейское озеро, находится на высоте 2680 м.

Высотная часть Пирина — это монолитный массив с ярко-выраженными хребтами и отдельными вершинами. В Северном районе преобладают известняковые породы и мраморы, образующие крутые отвесные стены. Многие вершины Пирина считаются до сих пор не-приступными. В Южном районе преобладают граниты; здесь склоны хребтов более пологи.

Вблизи столицы — Софии — находится кристаллический горный массив Витоша, высокое и широкое плато с несколькими пирамидальными вершинами (высшая из них — Черни врх, 2290 м). Он соединяется с Рилой хребтом Верила-Планины. К северо-западу от Витоша простирается гористая область Краиште с вершинами до 1600-1700 м.

С наиболее высоких точек массива Витоша открывается чудесная панорама на столицу, вершины западной части Стара Планины и горы Рила Планины.

На запад от Рилы и Пирина, за долиной реки Струмы, возвышается Осоговский массив с главной вершиной Руен, или Руй (2252 м). Южнее его — горные цепи Влахина, Малашевска и Огражден. В юго-западном углу Болгарии находится высокий гребень Беласицы.

На Балканах в основном преобладают лиственные породы деревьев. Массивы Рилы и Пирина в значительной части покрыты хвойными лесами, в которых можно встретить медведя, волков, кабанов и других диких

животных. Здесь можно найти и эдельвейсы, которых местное население называет «балканскими звездами».

* * *

Болгарский народ сложил много пески и легенд о высоких горах родной страны, о смельчаках, которые уходили сюда, чтобы с оружием в руках бороться за свободу и независимость своей Родины.

С каждой горой связаны предания о лучших сынах народа, отдавших жизнь за освобождение Болгарии от ярма турок или немецкого рабства. Рила и Пирин, Балканы и Родопы имеют своих героев. Вершины Пирина издавна воспеваются как «хайдушка-планина», «горы удальцов», «мстителей» — места пребывания болгарских повстанцев. Их революционная борьба против османских янычаров и навязанной народу монархии Кобургов неразрывно связана с легендарными подвигами Хаджи Димитра, Христо Ботева, Чаадара, Инд-жа Караджата, Гоце Делчева, Сандaнского.

«Настанет вечер — месяц встанет,
Усеют звезды весь свод небесный.
Подует ветер и горы вспрянут —
Поют Балканы удалых песни...»

пишет Христо Ботев, болгарский поэт-революционер в своем знаменитом стихотворении «Хаджи Димитр».

В период борьбы против немецко-фашистского ига в районах Рилы и Пирина действовал отряд Николы Папунова, в Родопах — отряд имени Антона Иванова, который, насчитывая всего 200 партизан, долго сражался против 10000 монархо-фашистов. Из оставшихся в живых героев выросли затем партизанские бригады «Георгий Димитров» и «Чепенец». Память о павших героях свято чтит болгарский народ:

«Кто в грозной битве пал за свободу.
Тот не погибнет: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают».

* * *

Альпинизм в Болгарии зародился сравнительно недавно, шире был развит здесь горный туризм, пятидесятилетие которого отмечалось болгарскими спортсменами в июле 1949 г.

В 1899 г. усилиями известных болгарских писателей Алеко Константинова и Ивана Вазова была создана первая болгарская туристская организация. Алеко Константинов ставил перед туризмом задачи нравственно-воспитательного, научного и оздоровительного характера. Он стремился также пробудить в народе интерес к познанию родной болгарской природы. Именно ему удалось полвека назад, в трудные годы реакции, поднять 300 первых туристов на вершину Черни врх в массиве Витоша. С группами любителей горной природы проникал он в неисследованные районы Рилы, Витоша, Искырского ущелья.

Передовые демократические взгляды Константинова, его сатирические фельетоны и памфлеты вызывали злобу правящей верхушки Болгарии, и «Счастливец» (псевдоним Константинова) был застрелен наемным убийцей.

Несмотря на широкий интерес к туризму, он развивался в Болгарии очень слабо, ибо государство не помогало его развитию. В горах не было выстроено ни одного приюта, ни одной хижины. Туристские организации работали без поддержки. Лишь в 1904 г. на личные средства членов туристских организаций были заложены две горные хижины на Витоше и Капаклиевце. Неудивительно, что вплоть до начала первой мировой войны горы Болгарии оставались почти неисследованными и многие из них считались недоступными. Буржуазная общественность рассматривала туристов-энтузиастов как чудаков, неразумно рискующих жизнью ради непонятного стремления проникнуть в неизведанные высотные районы. В своих походах туристам приходилось носить с собой тяжелые лагерные палатки или строить шалаши, специального снаряжения не было, В альпийский клуб, созданный по образцу клубов Западной Европы, доступ

был строго ограничен. Альпинизм оставался спортом избранных, и не случайно, что первое зимнее восхождение на Мусалу было совершено лишь в 1923 г., на Каменицу — в 1937 г. В дальнейшем малочисленные альпинистские группы проводили несложные лыжные походы и отдельные восхождения в высокогорье.

В это же время в горах Болгарии можно было встретить многочисленных французов, англичан, немцев, австрийцев, проявлявших непомерный интерес к рудным богатствам страны. Под обликом туристов проникали они в неизведанные районы, чтобы, пользуясь поддержкой правительства монархо-фашистской диктатуры, расхищать природные богатства. Хотя разработки запасов бурого угля, антрацита, медной руды и марганца формально велись болгарскими промышленниками, но в их предприятиях значительную, нередко решающую, роль играли зарубежные капиталисты. Из года в год они все больше прибирали к своим рукам болгарскую промышленность. Достаточно сказать, что в 1938 г. добычей полезных ископаемых было занято 38 иностранных концессий.

Передовая демократическая интеллигенция не оставляла своей работы по развитию отечественного высокогорного туризма и альпинизма. Так, в 1922 г. была, наконец, закончена постройка первого туристского приюта в западной части Рилы, а вскоре и второго — «Алеко», названного по имени основоположника туристского движения в Болгарии — Алеко Константинова.

С 1925 г. несколько окрепшие туристские организации начинают массовый сбор средств для строительства горных приютов и хижин; за 25 лет было построено свыше 80 туристских баз и горных приютов. В постройку было вложено 400 миллионов левов, собранных населением и сельской кооперацией. Многие из этих приютов были хорошо оборудованы, некоторые из них могли одновременно принять до 200 человек.

Патриоты из горных туристских организаций внесли свой вклад и в развитие отечественной науки. Помимо неустанного исследования высотных

районов Болгарии, преодолевая большие материальные трудности и сопротивление реакционного правительства, патриоты — туристы и альпинисты принимали активное участие в создании сети высокогорных наблюдательных станций. Совместно с болгарскими метеорологами они выстроили три большие станции в главных горных районах страны: на «первенце» Болгарии — Мусале, на вершинах Черни врх и Юмрукчал. Эти метеостанции, самые высокие на Балканском полуострове, ведут со дня своего основания большую научную работу — наблюдения за явлениями и процессами, происходящими в атмосфере, дают регулярные прогнозы погоды, собирают данные о климате в горах, о возможности использования горных потоков для электрификации и орошения.

В мрачные дни фашистского нашествия многие хижины служили приютами для болгарских партизан. При изгнании Советской Армией гитлеровских банд фашисты разрушили почти половину всех построек в горах. Опираясь на помощь правительства Отечественного фронта, туристские организации, создав молодежные бригады, за три года восстановили и построили вновь более 25 зданий. Почти в каждом из них имеются постели со всем необходимым для ночлега, буфеты; многие располагают телефонной связью с ближними селениями.

День 9 сентября 1944 г., когда было свергнуто монархо-фашистское правительство, навсегда вошел в историю Болгарии. Власти навечно перешла к народу. Впервые в истории болгарский народ, перенесший тяжелое почти 500-летнее турецкое иго, а за ним долги гнет монархического правительства, болгарских и иноземных капиталистов, террор и ужасы гитлеровской оккупации, обрел, наконец, долгожданную свободу. Болгария вступила в новый период своего развития, она стала государством подлинно народной демократии, где сам народ строит свою жизнь. Отечественный фронт, возглавляемый Болгарской коммунистической партией, непоколебимо ведет страну по пути социализма.

В едином порыве поднялся по всей стране освобожденный народ, своим созидательным трудом, повсеместным строительством возрождающий новую Болгарию. Всюду создавались добровольческие трудовые бригады, в которых главная роль принадлежит молодежи, показавшей образцы самоотверженности. Иной характер приобрело и физкультурное движение страны. Народный физкультурный союз объединил новые массовые спортивные организации.

В 1947 г. при союзе созданы центральные комитеты по туризму и альпинизму. Почти в каждом городе возникли свои туристские комитеты и секции, поставившие первоочередными задачами массовый рост организаций, проведение походов, маркировку наиболее важных маршрутов, строительство хижин в горах и клубов в городах.

Если в 1947 г. была еще только поставлена задача вовлечь в туризм 150 тысяч человек, то к концу 1949 г. это было почти выполнено.

Туризм и альпинизм, как и остальные виды спорта, пользуются широкой поддержкой народного правительства. Знаменательно, что в день пятидесятилетнего юбилея научно-исследовательской деятельности неутомимого болгарского туриста Павла Делирадева, посвятившего всю свою жизнь изучению Болгарии и особенно ее горных районов (широко известна его двухтомная монография «Рила»; труды: «Мусала — балканский первенец», «Исследование Болгарии»; книги: «Витоша», «От Черного моря до Пирина», «Огни свободы» и др.), правительство Народной республики Болгарии наградило его орденом «За гражданские заслуги».

Широкий, подлинно массовый характер приняли ежегодные весенние агитационные «месячники туризма» под лозунгом «Путешествуй и изучай свою родину!». В дни месячника (май — июнь) совершаются многодневные походы и восхождения на вершины, организуются слеты в горах, походы к могилам героев-партизан и русских солдат-освободителей. Так, месячник в Софии в 1947 г. открылся в крупнейшем кинотеатра «Левски» докладом о роли высокогорных приютов для партизанского движения. Собравшиеся

туристы и альпинисты участвовали в факельном шествии на братскую могилу в Парке свободы. В эти же дни были проведены слет в хижине «Владко» и горный поход по следам партизанской бригады «Чавдар» с восхождениями на вершины. Болгарская печать широко отмечала проведение месячника, были устроены многочисленные выставки, выпущены плакаты.

В 1947 г. центральные комитеты по туризму и альпинизму организовали первый массовый лыжный переход через хребты Пирина и Рилы в зимних условиях. Небезынтересно напомнить, что почти 35 лет никто не проходил этого маршрута полностью. Первое же зимнее прохождение Рилы и Пирина совершили в 1901 г., а затем повторили в 1903 г. участники Илинденского восстания за независимость Македонии под руководством «Пиринского орла» Яне Сандanского и Гоце Делчева. Летом вожди повстанцев обучали свои дружины на обширных полях под вершиной Елтепе, а зимой укрывались в недоступных пещерах Пирина, откуда и производили партизанские налеты.

В доходе 1947 г., продолжавшемся более восьми суток, участники совершенствовали свою альпинистскую и горнолыжную технику, разведывали доступность вершин обоих массивов для зимних восхождений больших групп, проводили научные наблюдения. Первая проба сил болгарских альпинистов и туристов закончилась успешно.

Зимой 1948 г. было проведено там же несколько новых походов; в частности, в зимнем восхождении на Мусалу участвовало 45 спортсменов.

В середине марта того же года в честь II конгресса Народного физкультурного союза был организован новый большой лыжный переход через Рилу и Пирин. Более 100 спортсменов, разделившись на группы, самостоятельно разработанными маршрутами подошли к приюту «Заврачица». Переход был нелегким: отдельные группы из-за метели и ветра вынуждены были разбивать бивуаки в снегу, ориентировку в Великой Рилской пустыне (так образно называют болгарские писатели горный массив Рилы) затрудняли облачность и туманы. Но главной опасностью были

лавины, срывавшиеся с крутых склонов после обильных снегопадов. Особенно сложными были маршруты около вершин Безбог в Пирине и Овчарец в Риле. Но хорошая подготовленность и твердая дисциплина, а также и возросшее мастерство позволили благополучно завершить поход массовым восхождением всех участников на вершину Чамкория.

Зимние высокогорные переходы через хребты стали ныне традицией болгарских альпинистов. Последний, самый большой из них — «Поход Свободы» проводился в марте 1949 г. в память семидесятилетия освобождения Болгарии от турецкого ига.

Еще больше участников привлекают летние туристско-альпинистские круговые, или звездные походы. Их можно сравнить с нашими альпиниадами, когда большие группы спортсменов, насчитывающие иногда не одну сотню участников, идут по разработанному горному маршруту, совершая восхождения на вершины. В 1949 г. была, например, проведена высокогорная звездная эстафета через самые высокие вершины Болгарии Ел-тепе, Мусала и Черни врх, в которой участвовали туристы и альпинисты городов София, Разлог, Горна-Джумая, Банско. Большой интерес вызвали походы, посвященные годовщине Апрельского восстания 1876 г., ежегодные походы по следам ополченцев и русских солдат — защитников Шипки, павших за освобождение Болгарии, по следам прославленных партизанских Отрядов, заканчивавшиеся слетами-митингами над могилами павших героев; походы к местам, связанным с народно-освободительной и революционной борьбой: по следам отрядов Христо Ботева, Антона Иванова, бригады полковника Демиревского.

В 1949 г. в один из таких походов вышло по шести маршрутам до тысячи участников, завершивших его восхождениями на вершины Стара Планины. Массовый поход по следам партизанских отрядов, действовавших в Рилском массиве, насчитывал свыше 3000 туристов.

* * *

С ростом массовости в многочисленных высокогорных переходах повышалось и спортивно-техническое мастерство альпинистов. В стране нет возможностей, для высотных восхождений, что заставило болгарских альпинистов обратить особое внимание на восхождения в зимних условиях, когда значительно повышаются трудности даже сравнительно легко достигаемых летом горных вершин, в летние месяцы практикуются скальные маршруты, ведь многие горы Пирина, Рилы и Родоп известны своими отвесными стенами с небольшим количеством трещин и зацепок.

Болгарские альпинисты добились здесь особенно значительных спортивных успехов. За прошедшие сезоны были взяты, считавшиеся доселе неприступными, северо-восточная стена Злого Зуба, «Желтая стена» Лакатника, северные стены Малевицы, Ел-тепе и другие.

В конце сентября 1947 г. болгарские скалолазы Константин Дюлгеров и Михаил Костов впервые поднялись по стене вершины Злой Зуб, расположенной в Рилском хребте, неподалеку от Малевицы, Иглы Еленни врха. Восхождение осложнялось редкими трещинами для крючьев и незначительными, едва заметными зацепками. В одном участке стена имеет отрицательный наклон и состоит из плотного мрамора с вкраплениями других пород. Вооруженные ледовыми и скальными крюками, альпинисты дважды начинали восхождение, но оба раза вынуждены были отступить. Только через три дня после установившейся, наконец, хорошей погоды, длившейся «почти двое суток, штурм завершился успехом. За первой серьезной победой болгарских скалолазов последовали и новые достижения.

23 октября 1948 г., когда вся спортивная Болгария праздновала День альпинизма, были совершены новые многочисленные восхождения и альпиниады. Сорок пять юношей и девушек под руководством Ивайло Владигерова поднялись на Злой Зуб. Кандидаты в инструктора Дюлгеров, Тодоров, Романов и Шопов взошли на непобежденную до тех пор скальную вершину в массиве Братца, посвятив свое восхождение V съезду Болгарской

коммунистической партии. В массовых соревнованиях по скалолазанию на горе Лакатник, организованных обществом «Спартак», участвовало более 150 человек.

Из сложных восхождений 1948 г. следует отметить подъем по северной стене Малевицы, когда по ней поднялись в августе кандидаты в инструктора Дюлгеров и Бангиев, а несколько позже — Саваджиев и Стоименов. До этого стену удалось пройти лишь в 1938 г. (Саваджиев и Стоименов), хотя давно уже она была предметом многочисленных попыток лучших иностранных альпинистов. По новому, еще более сложному маршруту, эту же стену штурмовали в сентябре альпинисты Атанасов и Костов, а поднимавшимся вслед за ними спортсменам общества «Академик» пришлось заканчивать восхождение в полной темноте, под дождем. Взявшие знаменитую «Желтую стену» Лакатника, кандидаты в инструктора Петров и Камбуров посвятили свое восхождение памяти болгарских коммунистов, погибших в 1923 г.

Начало 1949 г. было ознаменовано выдающимся восхождением старейшего альпиниста, одного из основателей Болгарского альпийского клуба, Александра Белковского и его спутника, девятнадцатилетнего кандидата в инструктора Владимира Лободина, на самую высокую в Пиринском массиве (одном из наиболее высоких и трудно доступных массивов Балканского полуострова), вершину Ел-тепе (Вихрен). Эту вершину сравнивают с коварной Ушбой.

Северная ее стена высотой в 450 м еще до войны привлекала к себе внимание болгарских и зарубежных альпинистов. Так, в 1936 г. по ней пыталась взойти группа итальянцев, в 1937 г. ее атаковали австрийцы, но попытки и тех и других были безуспешны. Только баварским альпинистам удалось, не поднимаясь по стене, штурмовать ее правое ребро. Неоднократные попытки болгарских альпинистов также не заканчивались успехом. Готовясь к своему штурму, долго и упорно изучали стену члены Болгарского альпийского клуба Телчаров и Стоичков. После неудачного

летнего подъема, они предприняли вторую попытку в декабре 1939 г. Дойдя до наиболее трудного участка — Большой Казан, альпинисты вынуждены были начать спуск.

Лишь 15 февраля 1949 г. Белковский и Лободин после девятнадцати часов непрерывного напряженного подъема развенчали ореол неприступности северной стены Вихрена. Выйдя на восхождение в 3 часа утра, альпинисты, преодолев юго-восточное ребро вершины, достигли подножия стены. Скалы сплошь обледенели, что потребовало подъема с помощью молотка и крючьев. Движение усложнялось поднявшимся бураном, температура упала до —20 градусов. Несмотря на все трудности, воля болгарских спортсменов взяла верх над силами природы.

13 августа 1949 г. была покорена и северо-восточная трехсотметровая стена пиринской вершины Синаница, по которой первыми поднялись альпинисты спортивного общества «Академик» Андрей Тодоров и Василий Настев (последний участвовал и в восхождении по северной стене Малевицы). Тринадцать часов поднималась смелая двойка к вершине по мраморной стене с ее немногочисленными зацепками.

В 1949 г. болгарский народ потерял своего испытанного вождя и учителя, непоколебимого борца за торжество коммунизма — Георгия Димитрова. Комитет по альпинизму принял решение водрузить на самых высоких вершинах Болгарии траурные знамена и венки. Лучшие альпинисты должны были во главе больших групп, невзирая на непогоду, совершить восхождения на Ел-тепе, Малевичу, Юмрук-чал и Злой Зуб. Задача была выполнена полностью. На каждую вершину взошли десятки альпинистов; на состоявшихся здесь траурных собраниях восходители принесли торжественную клятву неуклонно следовать по пути, указанному великим сыном болгарского народа, жизнь которого вечно будет примером для всех трудящихся свободной Болгарии.

Широкое участие молодежи в высокогорных походах стало возможно благодаря подготовке кадров инструкторов альпинизма и горного туризма.

Характерно, что созданные Комитетом по альпинизму в районе Рилского массива республиканские курсы носили имя Евгения Абалакова. Главным руководителем курсов был назначен опытный альпинист Константин Дюлгеров. Участники жили в лагере, построенном по образцу и распорядку советских лагерей. Будущим инструкторам читались лекции по снаряжению, основным принципам скалолазания, об опасностях в горах и т.д. Практические занятия сочетались с учебно-тренировочными восхождениями. После экзаменов участникам были присвоены звания кандидатов в инструктора.

Большое значение придается организации спасательной службы в горах и предупреждению несчастных случаев. По данным альпийского клуба, с 1921 по 1949 г. в горах Болгарии погибло 24 альпиниста. Первые попытки организации спасательных отрядов относятся еще к 1932 г., но отсутствие средств не позволяло создать регулярную горно-спасательную службу, и помощь пострадавшим в горах оказывалась отдельными группами добровольцев.

В 1946 г. по инициативе Болгарского альпийского клуба и Народного туристского союза (последний и был реорганизован в центральные комитеты по туризму и альпинизму) была впервые создана горно-спасательная служба. Впервые организованные в 1947 г. курсы по оказанию помощи в горах закончили 80 человек, среди них 23 инструктора. По первому требованию каждый член клуба обязан принимать участие в спасательных работах. Невыполнение этого влечет за собой потерю членства.

Рост технического мастерства болгарских альпинистов сказался и на увеличении числа квалифицированных спортсменов и разрядников. Если в 1947 г. в Болгарии насчитывалось только 11 альпинистов первой категории и 29 второй, то к концу 1948 г. было уже 5 кандидатов в мастера и 33 первокатегорника. За 1949 г. число их почти удвоилось. Многие болгарские альпинисты достигли высоких результатов по скалолазанию, и некоторых из них можно смело поставить в ряды альпинистов мирового класса.

На рост технического мастерства болгарских альпинистов большое влияние оказывают достижения советских спортсменов, чья новая техника и тактика горовосхождений изучаются с неослабным вниманием. В газете «Народен спорт», журнале «Народен турист», в спортивной печати регулярно помещаются статьи и очерки о восхождениях мастеров советского альпинизма В.М. Абалакова, В.А. Носковой, экспедициях А.А. Летавета, о научных трудах.

Руководимые Отечественным, фронтом во главе с испытанной в боях коммунистической партией, болгарские спортсмены плечом к плечу со всем народом строят социализм.

Замечательные преобразования совершил болгарский народ в политической, экономической и культурной жизни страны. Все эти преобразования были осуществлены при бескорыстной помощи и поддержке великого Советского Союза, под руководством Болгарской коммунистической партии, опирающейся на великое учение Ленина — Сталина.

Болгарский народ спаян вечной дружбой с народами Советского Союза, «...вместо старой Болгарии, являвшейся придатком гитлеровской военной машины, Советский Союз имеет верного друга в лице Болгарской народной республики» (Г.М. Маленков).

В знак своей глубокой преданности и любви к вождю и учителю всего трудового человечества, 22 сентября 1949 г. 40 лучших альпинистов и туристов софийского спортивного общества «Динамо», после двухдневного восхождения на Мусалу, от имени всего благодарного народа установили на самой высокой вершине Болгарии большой бюст Иосифа Виссарионовича Сталина.

В связи с 70-летием великого Сталина, 19 декабря 1949 г. Указом Президиума Великого народного собрания Болгарии вершина Мусала была переименована в вершину Сталин.

В.Г. ВЛАДИМИРОВ

ВОЕНИЗАЦИЯ АЛЬПИНИЗМА В АМЕРИКЕ

Американская печать сообщает: «Каждый хороший солдат в какой-то мере связан со спортом...», «из спортсмена легче и быстрее сделать солдата, чем из солдата — спортсмена». Таков лейтмотив разнузданной пропагандистской кампании, ведущейся на страницах спортивной и около спортивной реакционной печати Соединенных Штатов.

Такую пропаганду, разумеется, никак нельзя считать случайным явлением. Она целиком и полностью выражает настойчивее стремления империалистических агрессивных кругов США использовать спорт для подготовки новой войны. Внушительная цепь фактов свидетельствует о том, что в США продолжается начавшийся сразу же после окончания второй мировой войны процесс милитаризации спорта.

Весьма немногочисленные специальные спортивные колледжи и другие учебные заведения Америки переключены частично или полностью на подготовку тренеров и инструкторов для нужд армии, флота, военно-воздушных сил. Расширено преподавание спортивных дисциплин в крупнейших военных учебных заведениях (Уэст-Пойнт, Аннаполис) и в подразделениях американской армии. Усилен военно-прикладной элемент в программе физической подготовки подростков, учащихся школ и колледжей. В значительно больших масштабах, чем прежде, проводятся соревнования между армейскими и гражданскими спортивными клубами, носящие рекламно-пропагандистский характер и служащие целям демонстрации «мощи» армии и флота США.

Нечего и говорить, что важное место отводится альпинизму, а также и горному туризму и горнолыжному спорту. Нового в этом не так уж много. Практика империалистических агрессоров накопила многолетний опыт

шпионско-разведывательной работы под маркой «невинных» занятий альпинизмом. Как известно, этим охотно пользовалась гитлеровская шпионская агентура в годы, предшествовавшие второй мировой войне, и во время самой войны.

Вдохновители Атлантического пакта, Западного союза и прочих агрессивных военных блоков и не пытаются скрывать тех целей, для которых они используют альпинизм. Еще в 1946 г. реакционный американский сенатор Эрвин Джонсон выступил с воинственной речью, в которой он, между прочим, призывал использовать альпинизм и туриэм для насаждения американской шпионско-разведывательной сети во всех уголках земного шара. Этот призыв осуществляется на деле.

Для усиления этой «туристско-альпинистской» экспансии в Париже и Вашингтоне были созданы специальные учреждения, подчиненные... министерству торговли США. О размахе их деятельности говорит тот факт, что только та одну рекламу им было ассигновано 75 тысяч долларов.

Альпинизм в США, как и другие виды спорта, является дорогим удовольствием, доступным, в основном, состоятельным, кругам населения и некоторой части студенчества. Широкие массы трудящихся, рабочие и фермеры! о занятиях альпинизмом не смеют и мечтать. Что же касается буржуазных альпинистских клубов, то наиболее известны да них «Аппалачский горный клуб», «Клуб любителей горного спорта в Сиэтле», «Клуб альпинистов Америки» и «Клуб Сиэрра» в Сан-Франциско. В систему подготовки альпинистов вовлечены и отдельные организации бойскаутов, объединяющие молодежь 16-20 лет,

Характерно, что за последнее время наибольший интерес американских альпинистов вызывают горные массивы Европы. Именно туда устремился все возрастающий поток паломников из Соединенных Штатов. Если в 1946 г. в западноевропейских странах побывала 91 тысяча американских «истинных туристов», в том числе «альпинистов», то в 1947 г. их было уже 154 тысячи, в 1948 г. — 300 тысяч. Цифры за 1949 г. еще не

опубликованы, но известно, что американские туристские конторы намечают довести ежегодное число своей клиентуры до полумиллиона.

Американские любители горовосхождений стекаются главным образом в Швейцарские Альпы, причем особенно охотно посещают районы, пограничные с Германией и Францией. Весьма знаменательно в связи с этим заявление швейцарского начальника отдела по развитию путешествий некоего г-на Поцци (отдел этот подчинен администрации экономического сотрудничества). На специальной пресс-конференции Поцци отметил, что лучшими клиентами его отдела являются американские военные, оставляющие в Швейцарии наибольшее количество долларов.

Однако Швейцарией и прилегающими к ней странами интересы американских разведчиков, то бишь альпинистов, не ограничиваются.

По сообщениям зарубежной печати, гости из США, прибывающие под видом альпинистов, путешественников, экскурсантов, любителей охоты, буквально наводняют такие страны, как Финляндия, Норвегия, Дания.

Широкую известность приобрела нашумевшая американская экспедиция Смита, безуспешно искавшая «Ноев ковчег» на горе Арарат, в непосредственной близости от границ СССР. Отметим попутно, что для географической общественности не ясно, из какого же источника поступили 25 тысяч долларов, израсходованных, по заявлению Смита, на это псевдонаучное предприятие. Американцы появлялись в районах Персидского пограничного хребта (Курдистан). По-прежнему особое внимание заокеанских горовосходителей привлекают Гималаи и районы Тибета, граничащие с Кашимиром, Индией, Непалом, Бутаном. Как ни маскируются все эти экспедиции, каким густым покровом тайны они ни окутываются, всему миру ясно, что не случайно американских альпинистов прежде всего привлекают районы, имеющие важное военно-стратегическое значение, богатые ценным промышленным и стратегическим сырьем.

Помимо использования альпинизма в шпионско-разведывательных целях, американские поджигатели войны оказывают ему огромное внимание

в целях подготовки «пушечного мяса» — людских резервов для армии. И альпинизм и горнолыжный спорт полностью приняты, как говорится, на вооружение в армии США.

Солдаты горных частей проходят суровую тренировку в специальных лагерях, расположенных в горах Колорадо и других районах страны. Обучение альпинизму и горнолыжному делу с явным военно-прикладным уклоном развернулось и в оккупационных частях американских войск, находящихся в Европе. Для этой цели арендуются многочисленные горнолыжные станции, альпинистские отели и приюты. Нередко в качестве тренеров и проводников используются бывшие гитлеровские инструкторы.

Но всего этого милитаристам мало. Им нужен дополнительный резервуар, из которого можно было бы черпать квалифицированные силы для ведения горной войны. Отсюда широко развернутая пропаганда альпинизма и горнолыжного спорта среди гражданского населения США и, в первую очередь, среди молодежи призывного и допризывного возраста. Правда, эта сторона дела тщательно вуалируется болтовней об «аполитичности» спорта, умильными сентенциями о том, что «нет большего удовольствия, чем глубокое волнение, охватывающее тебя, когда ты доходишь, наконец, до вершины горы», о «волшебных чарах скалистых утесов» и т.д. и т.п. Но шила в мешке не утаишь! Достаточно ознакомиться со всевозможным изданиями для «гражданских» альпинистов США, чтобы убедиться, что от них за версту несет духом военщины.

Перед нами «Руководство по горнолыжному спорту», дополненное, исправленное и модернизированное издание этого ежегодника. Книга, как будто рассчитанная на гражданского потребителя, чуть ли не на каждом шагу упоминает о прошлой или будущей войне.

Многозначительно звучит уже самое предисловие, в котором военные мотивы слышатся с первых же строк.

«Национальная лыжная ассоциация США, — сообщается в предисловии, — выпустила руководство, составленное для того, чтобы в сжатой

форме изложить учение о том виде спорта, который не только является развлечением для отдельных лиц, но и служит интересам страны (!), особенно в деле подготовки горнолыжных частей». Комментарии, как говорится, излишни! Если перевести на язык правды эту туманную формулу об «интересах страны», станет очевидным, что основное назначение современного горного спорта в США — служить интересам агрессоров. Чтобы не было никакого сомнения в задачах этого спортивно-учебного пособия, автор предисловия заявляет несколькими строками ниже, что «новое издание со всеми изменениями и дополнениями содержит передовой опыт тех лыжников и альпинистов, которые, находясь в составе горных частей, многому научились в Колорадо, в Апеннинах и Альпах...».

Сравнивая новое издание с прежними, автор предисловия отмечает, что ряд глав был пересмотрен и дополнен данными о последних технических приспособлениях и усовершенствованиях, разработанных во время войны в результате специальных исследований по линии квартирмейстерской службы (служба тыла) горнолыжных частей США. Один перечень авторов этого руководства красноречиво свидетельствует об истинном его назначении.

Один из авторов — некий Дэвид Р. Броуэр — является офицером-топографом и инструктором в тренировочном центре горнолыжных частей. Соавторами его выступают Артур Аргиевич-младший и Мильтон Гильдебрант — ветераны горной дивизии, а также Ричард Леонард Эйнард Нильсон и другие «сотрудники штаба генерал-квартирмейстера, где они работали над проблемой боевого снаряжения вооруженных сил в горах».

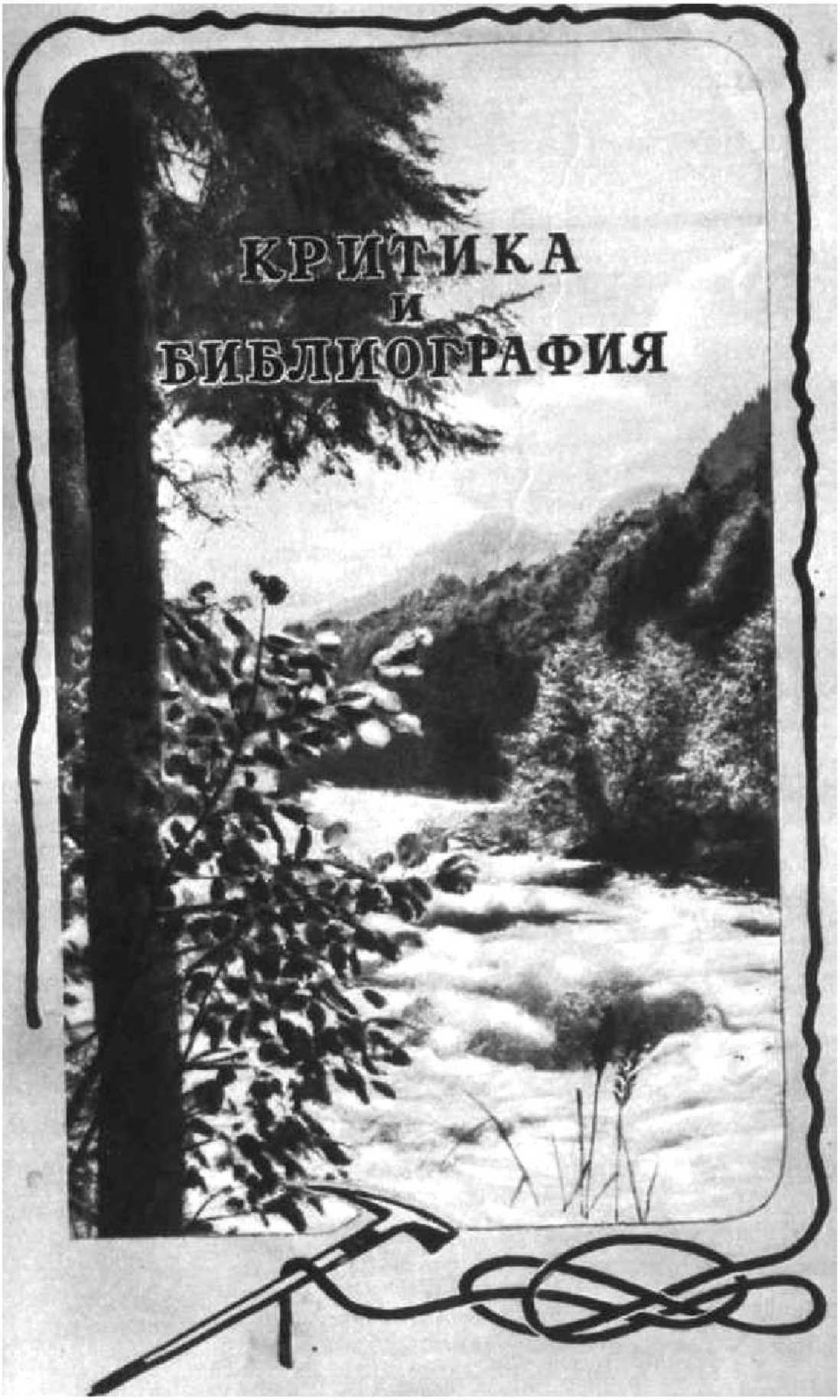
Цель этого руководства состоит в том, чтобы вооружить горнолыжников и альпинистов США чисто воинским опытом, выжать из этого опыта все то, что может быть использовано для создания резерва лыжников и горовосходителей. Начиная от кошек на горных ботинках и кончая самыми сложными предметами альпинистского обихода, — все рассчитано на военную подготовку.

В качестве другого примера можно привести популярный справочник американского альпиниста Гендерсона, где военная пропаганда начинается уже с суперобложки. Об альпинизме, как о таковом, говорится очень мало. Зато сугубое внимание уделяется вопросам массовых ночных восхождений, комбинированным пешевоздушным восхождениям с использованием самолетов, причем автор, не без наивности, подчеркивает, что применение самолетов вызывается, в первую очередь, необходимостью добиваться экономии во времени и материальных расходах. Целые главы посвящены детальному описанию того, каким образом следует упаковывать на вьючных коней различного вида воинское горное снаряжение, какие седла для этого употреблять и т.д. Характерно, что справочник, предназначенный для гражданских альпинистов, не забывает упомянуть о предпочтительности использования принятого в армии США седла Филиппа из металла и кожи, взамен ныне распространенного в Скалистых горах и Канаде обычного деревянного седла.

Знакомясь со всей этой литературой, видишь, что она удивительно напоминает изданную много лет назад книжку гитлеровского специалиста горной войны майора Паульке под идиллическим названием «Катехизис любителя гор». Разница лишь в языке, сущность — одна. Отдавая для маскировки дань восторженным эпитетам и романтическим аксессуарам, обе книжки вкушают читателю, что альпинист и горнолыжник — это «солдаты гор». Впрочем, американские милитаристы заимствуют альпинистский опыт фашистских агрессоров не только из литературных источников. Известны факты беззастенчивого использования в оккупационных войсках, да и на территории самих США, многочисленных нацистских кадров альпенфюреров, альпинистов и горнолыжников. Резолюция Информационного бюро коммунистических партий указывала, что подобно фашистским агрессорам англо-американский блок ведет подготовку новой войны по всем направлениям. Наглядной иллюстрацией этого является милитаристская направленность, современного американского альпинизма.

Лишь одной группе удалось 18 лет назад полностью пройти ущелье Ненскрыры, самой западной реки Сванетии. Путь этот столь труден, что даже горцы предпочитают двигаться боковыми ущельями, хотя для этого им приходится преодолевать два перевала. Однако это ущелье полно своеобразной прелести и, бесспорно, интереснее много раз хоженного Донгуз-оруна. Суровые пейзажи высокогорья сменяются цветущими альпийскими лугами и буйной растительностью субальпийской зоны. Папоротники в рост человека, двухметровой высоты травы, буковые леса, 50 – 60-метровые пихты, образующие темно-зеленую кровлю своими сплетающимися кронами, — все это встречают на своем пути турист и альпинист. Участники похода 1949 г. (вторая группа, полностью прошедшая все ущелье после 1932 г.) видели на пути многочисленные следы медведей, кабанов, лисиц. На фото: среднее течение реки Ненскрыры после впадения одного из ее притоков, Манчахаули. Вдали видны вершины у перевала Хида. За ним лежит Абхазия, ущелье текущей к морю реки Сакен.

Фото П. ШВЕДОВА.


КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

А.Г. БАННИКОВ
ТРУДЫ ВЕЛИКИХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГОРНЫХ РАЙОНОВ. ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В середине прошлого века знаменитыми русскими путешественниками было положено начало изучению далеких горных районов Азии. В историю географических открытий трудами русских исследователей горных стран вписана одна из самых ярких страниц. Еще в середине прошлого века сведения о горах Центральной и Средней Азии черпались из немногих правдивых, но очень коротких описаний первых русских путешественников XVII и XVIII вв., а также старых китайских летописей и рассказов католических миссионеров. В книгах К. Риттера «Землеведение Азии» и Гумбольдта «Центральная Азия», построенных больше на замечательных догадках, чем на достоверном научном материале, «белые пятна» заполнялись фантастическими хребтами, а представления о целом ряде стран был» очень далеки от действительности.

Известные русские исследователи П.П. Семенов-Тян-Шанский, Н.М. Пржевальский, Н.А. Северцов, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, В.В. Сапожников, В.А. Обручев и другие совершили подлинный переворот в знаниях о целом ряде стран, положив основу научному их изучению. Многие районы, куда первыми проникали эти ученые, ныне районы советской Средней Азии, преобразились: шахты и заводы покрыли склоны гор; железные дороги, автомобильные тракты проложены по ущельям, где еще недавно тянулись лишь вьючные тропы и бродили тигры; ежегодные богато оснащенные комплексные экспедиции пришли на смену малочисленным отрядам первых отважных исследователей.

Вместе с тем путешествия П.П. Семенова и Н.М. Пржевальского, Н.А. Северцова и Г.Н. Потанина, М.В. Певцова и В.И. Роборовского не утратили своего значения и поныне. Исследователи горных районов — альпинисты могут многому научиться у этих славных русских исследователей.

Наш обзор посвящен серии трудов знаменитых исследователей Центральной и Средней Азии, опубликованных Географгизом[1].

В ряду русских путешественников-ученых особое место принадлежит Петру Петровичу Семенову-Тян-Шанскому, многолетнему руководителю Русского (ныне Всесоюзного) Географического общества. Полное описание путешествия П.П. Семенова в Тянь-шань издано впервые.

П.П. Семенов родился в 1827 г. Уже в университетские годы он увлекается географией и в 1849 г. избирается действительным членом возникшего в 1845 г. Русского географического общества, а через год секретарем отделения физической географии. В первые же годы деятельности в обществе проявилась многосторонность научных интересов П.П. Семенова. В 1850 г. общество поручает П. П. перевод считавшегося до работ русских путешественников классическим труда К. Риттера «Землеведение Азии». В «Предисловии переводчика» молодой исследователь формулирует свое определение географии как науки, и, между прочим,

[1] Семенов-Тян-Шанский П.П., Путешествие в Тянь-шань, 1-е издание, просмотренное Л.С. Бергом, со вступительной статьей Н.Г. Фрадкина, М., 1946; Северцов Н.А., Путешествия по Туркестанскому краю, 2-е издание. Под редакцией и со вступительной статьей Р.Л. Золотницкой, М., 1947; Пржевальский Н.М., Монголия и страна тангутов. Под редакцией и со вступительной статьей Э.М. Мурзаева, М., 1946; Пржевальский Н.М., От Кульджи за Тянъ-шань и на Лобнор. Под редакцией и со вступительной статьей Э.М. Мурзаева, М., 1947; Пржевальский Н.М., Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Под редакцией и со вступительной статьей Э.М. Мурзаева. М., 1948; Пржевальский Н.М., От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарим. Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Э.М. Мурзаева, М., 1948; Потанин Г.Н., Путешествия по Монголии. Сокращенное издание. Научная редакция и комментарии В.В. Обручева, вступительная статья акад. В.А. Обручева, М., 1948; Певцов М.В., Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Я.А. Марголина, М., 1949; Грумм-Гржимайло Г.Е., Описание путешествия в Западный Китай. Изд. 2-е, сокращенное, под редакцией А.Г. Грумм-Гржимайло, М., 1948; Роборовский В.И., Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Нань-шань. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Б.В. Юсова, М., 1949, Козлов П.К., Монголия и Кам. 2-е изд. Под редакцией и со вступительной статьей В.П. Козлова. М., 1947; Козлов П.К., Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, 2-е сокр. изд. Под редакцией и с примечаниями Б.В. Юсова. Вступительная статья В.П. Козлова, М., 1947; Козлов П.К., Путешествие в Монголию. 1923-1926 гг. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой. Ред. и вступительная статья Э.М. Мурзаева, М., 1949; В.В. Сапожников, По Русскому и Монгольскому Алтаю. Сокр. издание под научной редакцией и с комментариями В. В. Обручева. Вступительная статья Н.В. Сапожниковой, М., 1949.

впервые вводит в научный обиход такие термины, как: «нагорье», «плоскогорье», «горная цепь».

Петр Петрович изучает в эти годы геологию и геологическую съемку, побывав в Гарце, Семигорье, Вогезах, дважды посетив Швейцарию, где им были пройдены многие пешие маршруты, особенно в Бернских Альпах. Эти годы имели большое значение в формировании П.П. как исследователя горных стран. Он вспоминал, как «...притягивали к себе горы, которых я, изучивши вполне географию в теории, не видал в своей жизни».

Работа над географией Азии, скудость сведений о Тянь-шане и родили смелую мысль о необходимости исследований в этой неведомой для науки горной стране. Он писал: «Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских горных хребтов — Тянь-шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника и который был известен только по скудным китайским источникам... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недосягаемого хребта… вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом».

Мечты о подвиге воплотились в жизнь, и 1856-1857 гг. — годы путешествия П.П. Семенова в Тянь-шань — занимают особое место в истории географических исследований Азии.

Территория северного склона Заилийского Ала-тау была присоединена к России незадолго до этого путешествия; вокруг озера Иссык-куль не прекращались военные действия, что делало нелегкими научные исследования. Все же, приехав осенью 1856 г. в только что построенный пост Верный (ныне Алма-Ата), П.П. совершает две поездки к озеру. В первой он достигает восточной оконечности Иссык-куля, пройдя через Заилийский Ала-тау. Маршрут второй поездки проходит через Кастенский перевал и Буамское ущелье, дикое и величественное, где сейчас проложена железная дорога, но во времена Семенова вилась лишь узкая тропинка, едва доступная вьючному каравану.

Семенов писал: «...тропинка каша исчезла на самом берегу стремительной реки, утесы падали к ней отвесной стеной с изумительной высоты... Мы должны были идти вброд вверх по течению, прижимаясь к стене утесов, забрызганных пеной... Раза три нам случалось слышать и видать, как скалы с треском отрывались от каменного обрыва почти над нашими головами и с тяжелым грохотом окатывались в долину, увлекая с собою целую груду мелких каменьев... Ночь становилась темнее, а долина теснее... К счастью, порывистый ветер разметал темные тучи, и молодая луна не только представила нам все трудности нашего пути в самом поэтическом свете, но и спасла от гибели наши вьюки и наших верблюдов... Спустившись, мы остановились на ночлег на самом берегу Чу».

Проникнув первым из исследователей к западной оконечности Иссык-куля, Семенов выяснил, что р. Чу начинается не из озера, а из Горной долины к западу от него и, не доходя Иссык-куля, круто поворачивает в противоположную сторону, врываясь затем в Буамское ущелье.

Весной 1857 г. П.П. Семенов предпринял новую поездку, стремясь проникнуть в глубь горной системы Тянь-шаня. Через плоскогорье Санташ экспедиция прошла к южному берегу Иссык-куля. Достигнув Заукижжой долины, Семенов пересек Терскей Ала-тау и через перевал Зауку — древний горный проход в Кашгарию — проник к истокам Нарына. «...Перед путешественниками расстилалось обширное плоскогорье — сырт, но которому разбросаны были небольшие полузамерзшие озера, расположенные между относительно уже невысокими горами, однако же покрытыми на вершинах вечным снегом, а на скатах роскошной зеленью альпийских лугов. С вершины одной из таких гор путешественники видели очень отчетливо текущие из расстилавшихся у их ног сыртовых озер верховья притоков Нарына, главный исток которого находился на Ю-Ю-В отсюда. Таким образом впервые были достигнуты европейским путешественником истоки обширной речной системы Яксарта».

Вскоре была предпринята не менее удачная поездка в глубь Тянь-шаня по совершенно неизведанным местам. Поднявшись по одному из притоков Или, Каркира, а затем по Кок-джару, путешественники вышли на перевал, разделяющий Кок-джар и Сары-джас, принадлежащий уже к системе Тарима, главной водной артерии Центральной Азии. Здесь П.П. Семенов вышел к группе Хан-тенгри, посетив истоки Сары-джаса, и открыл обширные ледники северного склона Хан-тенгри. Один из них впоследствии был назван именем П. П. Семенова. Перевалив Терскей Ала-тау по новому маршруту и спустившись по р. Текеса, экспедиция после нескольких трудных переходов вернулась в Верный.

Летом того же 1857 г. П. П. исследовал Заилийский Ала-тау, посетил Илийскую равнину, Джунгарский Ала-тау, хребет Тарбагатай.

Несмотря на то, что свои поездки П. П. Семенов с присущей русским ученым скромностью оценивал как «научную рекогносцировку», они внесли величайший вклад в мировую науку.

В результате этих поездок был отрицательно решен вопрос о вулканическом происхождении Тянь-шаня, до того считавшегося несомненным. Была впервые определена высота снеговой линии Тянь-шаня и впервые же описаны его ледники. В последовавшей затем полемике с Гумбольдтом П.П. дал выдающийся образец применения сравнительного метода в географии.

Значительными были и другие научные результаты. Так, два поперечных геологических разреза положили основу для дальнейшего геологического изучения «Небесных гор». Наряду с топографическим исследованием посещаемых районов П.П. придавал особое значение изучению общих черт орографического и геологического строения страны, зональному распределению растительности, чем значительно опередил географическую науку своего времени. «Несомненно, — писал Ю.М. Шокальский, — что именно географический талант Петра Петровича

подсказал ему то, что тогда было неясно еще многим, даже и выдающимся деятелям в области географии».

Почти полвека П.П. возглавлял Русское географическое общество в тот период, когда были осуществлены экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова, братьев Грумм-Гржимайло, Кропоткина, Мушкетова, Обручева и ряда других русских исследователей, имена которых вписаны золотыми буквами в летопись отечественной и мировой науки. Большинство экспедиций состоялись лишь благодаря неизменной поддержке П.П. Семенова.

К пятидесятилетию знаменитого путешествия к фамилии ученого — Семенов была по заслугам добавлена приставка — Тян-Шанский.

* * *

Книга «Путешествия по Туркестанскому краю» принадлежит перу Н.А. Северцова, про которого его ровесник П.П. Семенов говорит, что он был «...одним из первых русских путешественников, занимавшихся исследованием столь интересной колоссальной горной системы Тянь-шаня, одним из пионеров географической науки в странах неведомых и в течение стольких веков не поддающихся научным исследованиям».

К 1857 г., когда Н.А. вступает на тропу своих двадцатилетних путешествий, он был уже известным ученым-зоологом. Первая его экспедиция в низовья Сыр-дарьи и полупустыни на восток от Аральского моря была предпринята в тот год, когда Семенов впервые пересекал Терксей Ала-тау. Сырдарьинская экспедиция Северцова не только принесла науке огромные зоологические материалы, но и показала разносторонность интересов, присущую русским путешественникам.

Об условиях, в которых пришлось работать, красноречиво говорит эпизод у озера Джарты-куль, где исследователь столкнулся с шайкой кокандцев, грабивших казахские кочевья, восставшие против деспотической власти хана. Северцов был сбит пикой с седла. Ударом шашки рассекли скулу, глубоко ранили в шею, почти напрочь отрубили ухо. В таком виде

Н.А. Северцов был привязан к седлу, и его повезли в Яны-курган, а затем в город Туркестан. Несмотря на тяжелое состояние, истинный ученый находит еще силы наблюдать окружающую природу: «Птиц не оказалось, — спокойно пишет он, — только позднее, в сумерках, я заметил небольшую сову, но не разглядел какую, утративши очки в сражении... Поверхность степи тут волнистая... Почва везде суглинок: ближе к Угуз-миазу красный, железистый, как под Оренбургом (ныне Чкалов. — Ред.), а далее желто-буроватый и везде с галькой, только с лошади я не разглядел, из каких горных пород она состоит... жаль, потому что эта галька могла бы хоть намекнуть на геогностическое построение Кара-тау...».

Северцов был освобожден лишь через месяц. Не успели еще затянуться раны, как ученый уже снова путешествовал, вернувшись лишь поздней осенью.

Несмотря на уговоры близких и друзей после первой своей, чуть не окончившейся трагически экспедиции, Н.А. в 1864 г. предпринимает новую поездку в Тянь-шань, заложившую основы для научного изучения западной части этой горной системы. Через Семипалатинск, Копал, Верный он проехал до Кастекского укрепления у подножья Заилийского Ала-тау. От Кастекского перевала, спустившись в долину Чу, у Киргизского хребта, Н. А. составляет первую карту геологических формаций района. Обогнув хребет с запада, он вышел к р. Кара-бура и далее к верховьям Чаткала. Вернувшись к Аулие-ата (Джамбул), Северцов предпринял экскурсии в Кара-тау, где обнаружил каменноугольные месторождения.

Кроме трех экспедиций, которым посвящена книга «Путешествие по Туркестанскому краю», Северцов совершил четыре экспедиции: в низовья Урала, в Амударьинскую область, на Памир. В год своего пятидесятилетия (1877 г.) Н.А. возглавил один из отрядов «Ферганской ученой экспедиции», «главным делом которого, — по словам ученого, — явилось изучение Памира и его отношения к Тянь-шаню». В 1878 г., обследовав совершенно неизвестный до того район Северного Памира, Северцов пришел к

принципиально новому в науке выводу: «Памир — самостоятельная горная система, «колоссальный горный узел, соединяющий Высокую Азию с Передней». По древним и новым поднятиям Н.А. установил, что соединение Памира и Тянь-шаня — результат недавнего, еще продолжающегося подъема. Геологические работы, огромные зоологические и ботанические наблюдения при общей комплексности работ сделали памирские исследования Северцова классическими, П.П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Памирское путешествие достойным образом увенчало его труды». За Памирскую экспедицию Н.А. был удостоен в 1878 г. одной из высших наград Географического общества — медалью Литке.

Ученому удалось обработать и опубликовать лишь незначительную часть тех огромных материалов, которые были собраны этим замечательным, беззаветно преданным науке, русским исследователем. Нелепая смерть (он провалился в прорубь) в январе 1885 г. помешала осуществлению больших замыслов ученого.

* * *

Среди имен знаменитых путешественников всех времен и народов одно из первых мест принадлежит нашему великому соотечественнику Н.М. Пржевальскому. Имя это стало синонимом бесстрашия и храбрости, энергии и целеустремленности в служении родной науке.

Новое издание четырех путешествий Н.М. Пржевальского в Центральную Азию существенно пополнило нашу географическую литературу.

Уже в ранней юношеской любви к природе сказались своеобразные черты будущего исследователя сурового Тибета и пустынь Гоби. Севастопольская кампания, совпавшая с окончанием гимназии, окрепшее стремление защищать родную землю от посягающих захватчиков привели шестнадцатилетнего юношу в военное училище. За ней следует Академия генерального штаба, упорная работа над военными науками, историей, естественными науками. Поданная Н.М. переходная работа «Военно-

статистическое обозрение Амурского края» обратила на себя внимание ученых. В Варшаве, куда он был назначен преподавателем географии, Н.М. создает учебник географии, в котором нашли свое воплощение новые идеи, утверждавшие, что география не простое собрание фактов, а наука, вскрывающая взаимосвязь явлений и познающая законы устройства земной поверхности.

Молодой ученый усиленно хлопочет о переводе его в Восточную Сибирь, где он сможет заняться географическими исследованиями, осуществить свои заветные мечты о путешествиях.

Уссурийское путешествие 1867-1869 гг., бывшее серьезным испытанием сил и талантов Н.М. и столь богатое по своим научным результатам, сделало его имя широко известным в географических кругах России, определив всю дальнейшую деятельность великого исследователя.

Хотя Н.М. Пржевальский и не был первым путешественником по этому району, его «Путешествие в Уссурийский край» показало, что автор, владея оригинальной методикой полевых работ, умеет завершить их широкими обобщениями. Подробными и достоверными сведениями об Уссурийском крае мы в значительной мере обязаны Пржевальскому.

В 1870 г. Н.М. отправляется в свое первое центрально-азиатское путешествие, принесшее ему мировую славу. От пограничной Кяхты через Ургу (ныне Улан-Батор) и однообразную северо-восточную Гоби он двигается в Калган и далее в Пекин. Отсюда совершает экскурсию к озеру Далай-нор, и после небольшой передышки отряд двигается на запад вдоль хребта Ин-шань к р. Хуанхэ. В ее излучине лежит пустынная страна Ордос, почти не затронутая исследованиями, а западнее — еще более пустынный Алашань, где «на многие десятки, даже сотни верст одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом... В них нигде нет ни капли воды, не видно ни птицы, ни зверя, и мертвое запустение наполняет невольным ужасом душу забредшего

сюда человека». На юго-востоке Алашаня лежит одноименный хребет. Пржевальский провел, здесь две недели, исследуя неизвестные горы.

Отсутствие средств заставило его вернуться в Пекин, откуда весной следующего, 1872, года Н.М. вновь достигает Алашаня и через восточную часть Нань-шаня добирается к озеру Куку-нор. Величественный Нань-шань поразил Пржевальского. «Поднявшись тысячи на 3 футов выше нашей стоянки, — писал он, — я взобрался на желанную вершину, откуда передо мной раскрылась дивная панорама. Долина Тэтунга, узкие ущелья, прихотливо сбегавшие к ней со всех сторон. Северный хребет и его снеговые вершины далеко на западе, — все это явилось в такой чудной картине, какую невозможно передать словами. Я первый раз в жизни находился на подобной высоте, впервые видел под своими ногами гигантские горы, то изборожденные дикими скалами, то оттененные мягкой зеленью лесов, по которым блестящими лентами извивались горные речки. Сила впечатления была так велика, что я долго не мог оторваться от чудного зрелища, долго стоял, словно очарованный и сохранил в памяти этот день как один из счастливейших в целой жизни».

В октябре, достигнув озера Куку-нор, лежащего на высоте 3200 м, Пржевальский первым из европейцев произвел его исследование.

Отсюда через восточную часть высокого болотистого Цайдама экспедиция проникла в Тибет. Зимний путь был поистине героическим. Голодные, в изорванной одежде, страдая от большой высоты, напрягая последние силы, путешественники шли, не прекращая работы, определяя высоты, ведя глазомерную съемку, собирая коллекции. Лишь достигнув верховий великой китайской реки Янцзы-цзян, Пржевальский повернул обратно и то лишь потому, что иссякли деньги. Обратный путь был не легче: путешественники шли от Алашаня на Ургу, пересекая Гоби, испытав все лишения похода в безводных пустынях.

Монгольское, или первое центрально-азиатское путешествие не случайно принесло Н.М. Пржевальскому славу великого путешественника.

На карту было положено более 11000 км пути, значительная часть которого пролегала по неизведанным землям, определено множество астрономических широт и высот. Метеорологические наблюдения позволили впервые уверенно судить о характере климата. Коллекции растений и особенно животных, поразительные по точности и глубине наблюдения, впервые познакомили с фауной и флорой Монголии, Ордоса, Алашаня, Цайдама и Северного Тибета. Географическое общество присудило Пржевальскому золотую медаль, французская Академия — «Пальму академии». Золотую медаль прислало Парижское географическое общество, почетную грамоту — Международный географический конгресс.

В 1876 г. Пржевальский отправился в новое путешествие от Кульджи за Тянь-шань, на озеро Лоб-нор. Несмотря на тяжелую, изнурительную болезнь и бессонные ночи, Пржевальский ни на минуту не оставлял исследований.

Был исследован неизвестный европейской науке бассейн Лоб-нора: на берегах этого легендарного кочующего озера первым побывал Н.М. Пржевальский. Другим поразительным открытием был хребет Алтын-таг протяжением в 700 км, до того совершенно неведомый. Это открытие определило границу Тибета, «отодвинув» ее более чем на 300 км к северу. Сорок дней проработала экспедиция в Алтын-таге, невзирая на морозы и безводье. Хотя экспедицию пришлось прервать из-за болезни участников и обострившихся отношений царской России с Китаем, за год с небольшим была проведена глазомерная съемка 4000 км, собраны уникальные коллекции, большие этнографические материалы.

Третье центрально-азиатское, или первое тибетское путешествие 1879-1880 гг. — одно из самых плодотворных и интересных исследований внутренней Азии, — началось из города Зайсанека. Через Джунгарскую впадину, восточный Тянь-шань и Цайдам экспедиция прошла в Тибет.

Уже за Нань-шанем путников ждали крупнейшие открытия — два неизвестных науке снеговых хребта. «Никогда еще до сих пор я не

поднимался так высоко, — писал Н.М., — никогда в жизни не оглядывал такого обширного горизонта. Притом открытие разом двух снеговых хребтов наполнило душу радостью, вполне понятной страстному путешественнику».

Тибет — основная цель экспедиции Пржевальского, — по природным условиям одно из самых труднодоступных и неизвестных мест в мире. Только находчивость и бесстрашие, воля и решимость великого исследователя помогли русской экспедиции проникнуть почти до Лхасы. От бескормицы и тяжелых переходов один за другим пали караванные животные. Но ни глубокие снега и морозы, ни постоянные нападения разбойников, ни противодействие китайских чиновников — ничто не могло остановить русских путешественников.

«Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне заарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек... В сухой прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом. А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...».

Четвертое путешествие в Центральную Азию и второе тибетское было и последним. Выйдя из Кяхты по известному уже пути, Пржевальский прошел на Куку-нор, откуда сделал большой кольцевой маршрут к истокам Хуан-хэ и Янцзы-цзяня. Н.М. пересек далее Цайдам, Алтын-таг, вышел к Лоб-нору, прошел вдоль северных склонов Алтын-тага и через пустыню Такла-макан и Тянь-шань вышел к Караколу (ныне Пржевальск). Основной целью экспедиции было исследование истоков Хуан-хэ, изучение Алтын-тага и Кашгарии.

Исключительно богат открытиями был путь по северному Тибету. Пржевальский обнаружил в системе Куэнь-луня сложную, огромную горную страну. Были открыты хребты Русский, Московский с вершиной Кремль, Колумба, гора Шапка Мономаха и хребет Загадочный, названный впоследствии но решению Географического общества «хребтом Пржевальского».

В истоках Хуан-хэ были найдены два озера, названных «Русским» и «озером Экспедиции». «Пусть первое из этих названий, — писал Пржевальский, — свидетельствует, что к таинственным истокам Желтой реки впервые проник русский человек, а второе — упрочит память нашей здесь экспедиции...».

Неутомимый путешественник, едва закончив обработку материалов четвертого путешествия, мечтает о новом — пятом — путешествии. Но 20 октября 1888 г. великого путешественника не стало. На охоте за фазанами близ Пишпека он заразился брюшным тифом. Умирая, Пржевальский просил похоронить его на берегу Иссык-куля, где высится теперь величавый памятник, увенчанный бронзовым орлом, стоящим на карте Азии. В клюве его оливковая ветвь — эмблема мирных завоеваний науки. «В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своей могилой на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним», — писал П.П. Семенов.

Исследования Н.М. Пржевальского произвели несомненный переворот в современной ему науке. Только работы Н.М. сорвали покрав таинственности, облекавший Центральную Азию. На месте огромных «белых пятен» на картах Азии в результате работ Н.М. появились колоссальные снежные хребты и плоскогорья. Его путешествия заставили забыть ложные представления о Гоби как о море песков, как пришлось забыть и сетку взаимно перпендикулярных хребтов Центральной Азии, рисовавшуюся до его путешествий. Метеорологические наблюдения, проводимые Н.М. с

удивительной точностью, не устарели и поныне. На их основе крупнейший русский климатолог А.И. Воейков произвел анализ климата Центральной и Внутренней Азии. Среди огромных ботанических коллекций Пржевальского более 200 новых форм растений, что дало возможность придти к важнейшим выводам об истории развития растительности Азии. Для зоологии, которую великий путешественник особенно любил, он сделал исключительно много.

«Окиньте взглядом, — писал Ю.М. Шокальский, — все сделанное Н.М. Пржевальским, и он встанет перед вами во весь богатырский рост, поразит и увлечет вас громадной совокупностью своих искренних стремлений открыть науке истинную картину природы Центральной Азии».

* * *

В эти же годы совершил свои путешествия в Монголию, Китай и Тибет другой замечательный русский ученый и путешественник Г.Н. Потанин.

Родившись в 1835 г., Г.Н. был отдан в казачье училище в Омске. Семнадцати лет он — офицер казачьего полка в Семипалатинске. В походах на Алтай, в Копал, Иссык, Чу и Кульджу зародилась у него любовь к исследованиям природы; географическая литература и особенно встреча с П.П. Семеновым определили дальнейшую судьбу Потанина. Выйдя в 1859 г. в отставку, Г.Н., не имея средств, добирается до Петербурга с караваном золота. Университет, куда он поступил, был после волнений 1862 г. закрыт, но П.П. Семенов помогает Потанину весной 1863 г. принять участие в экспедиции астронома Струве на Зайсан и Тарбагатай. Но это путешествие было лишь подготовкой к тем большим самостоятельным экспедициям, которые впоследствии совершает Потанин.

В 1876 г. Г.Н. отправляется в экспедицию в северо-западную Монголию, в районы, лежащие между хребтами Тянь-шань и Танну-ола.

Результаты этого путешествия, а также экспедиций в Монголию и Урянхайский край, переизданные ныне Издательством географической литературы, крайне интересны. Почти не затронутая исследованиями северо-

западная Монголия открылась перед Потаниным во всем ее многообразии и величии.

В 1883 г., когда Пржевальский снаряжал свою четвертую экспедицию в Тибет, Потанин, по предложению Географического общества, также направился во Внутреннюю Азию для исследования восточных окраин Тибета и соседних провинций — Ганьсу и Сычуань.

Приняв должность правителя дел Восточно-сибирского отделения географического общества, Потанин до 1892 г., когда была организована вторая китайская экспедиция, работает в Иркутске.

Задачей экспедиции было продолжить изучение восточных окраин Тибета и соседней провинции Сычуань. Однако экспедиция эта осталась незавершенной. На окраине Восточного Тибета умерла жена Г.Н. Потанина, Александра Викторовна — первая русская женщина-путешественница, проникшая в Центральную Азию.

Только шесть лет спустя, в 1899 г., Потанин смог отправиться в свое последнее путешествие к хребту Большой Хинган. Всестороннее описание этого малоизвестного района, переизданное Географгизом вместе с очерками северо-западной Монголии, и по сей день представляет большой интерес.

Академик В.А. Обручев, принимавший участие во второй экспедиции Потанина в Китай и написавший исключительно интересную книгу о Потанине, так охарактеризовал его роль: «Когда будет написана история географических открытий и исследований во Внутренней Азии во второй половине XIX века, на ее страницах займут почетное место и будут поставлены рядом имена трех русских путешественников — Г.Н. Потанина, Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова... Трудно даже решить вопрос, кто из них сделал больше другого, кому отвести первое место, кому второе, кому третье как исследователям Внутренней Азии»[1].

[1] В.А. Обручев, Григорий Николаевич Потанин Издательство АН СССР, М.-Л., 1947.

* * *

М.В. Певцов, чье имя академик В.А. Обручев поставил в одном ряду с Потаниным и Пржевальским, был исследователем иного склада, чем, например, Пржевальский. В равной мере интересовали Певцова как неведомые земли, так и районы, через которые уже проходили до него путешественники. Из всех географов, работавших в прошлом столетии в Центральной Азии, самые точные астрономические вычисления были даны Певцовым. Ему же принадлежит новый метод астрономического определения широт. Его описания погод, Тщательные исследования отдельных районов до сих пор не утеряли научного интереса. Вместе с тем М.В. Певцов был достойным преемником Пржевальского в открытии новых земель и неизвестных хребтов.

Первому путешествию Певцова способствовал благоприятный случай. Ему предложили командовать охраной торгового каравана, направлявшегося в город Гучен. Певцов воспользовался предложением, чтобы собрать материалы о местах, по которым он будет следовать.

Первое путешествие сразу же выдвинуло Певцова в число выдающихся исследователей Внутренней Азии. В «Путевых очерках Джунгарии» им мастерски описан бассейн озера Улюнгура, юго-восточные окраины Алтая и Длунгарская Гоби. До Певцова между Булун-тохоем и Гученом не бывал никто из путешественников, и М.В. не только дал превосходное описание пройденных мест, но и положил свой маршрут на карту.

В 1878-1879 гг. Географическое общество помогло Певцову осуществить новую, более значительную экспедицию с торговым караваном. От ст. Алтайской через город Кобдо в крупный торговый город Хуху-хото, расположенный к северу от огромной излучины Хуан-хэ, лежал путь, который ни разу не был пройден исследователями. Певцов двинулся вдоль Монгольского Алтая и по южному Хангаю, пересек затем северную и восточную Гоби. Вернулся он через Калган на Ургу и далее через Хангай и

котловину Больших Западных озер на Алтай. Весь этот огромный путь был положен на карту: были барометрически измерены 44 высоты, определены координаты 28 пунктов. Результатом путешествия было и научное объяснение различий ландшафтов Русского и Монгольского Алтая.

Два первых путешествия по Джунгарии и Монголии поставили Певцова в число выдающихся исследователей Внутренней Азии. Не случайно поэтому, что в 1888 г., после гибели Н.М. Пржевальского на пороге пятого его путешествия, Географическое общество возложило руководство экспедицией на М.В. Певцова. Задачей экспедиции было исследование хребта Куэнь-лунь и прилегающих районов Кашгарии и Тибета.

Экспедиция оставила берега Иссык-куля веской 1889 г. Помимо М.В. Певцова, в нее входили ученики Пржевальского — В.И. Роборовский, П.К. Козлов и геолог К.И. Богданович. Перевалив Тянь-шань, Певцов вступил в Кашгарию; по окраине огромной пустыни Такла-макан экспедиция прошла в Яркенд, один из крупнейших древних городов Кашгарии. Певцов не пошел прямо на Хотон, другой обширный оазис, а провел полтора месяца в северных отрогах Куэнь-луня (урочище Тохта-хон). Зимуя в селении Ния, путешественники установили первую метеорологическую станцию в глубине Центральной Азии. Собранные ею данные были поистине неоценимы.

Помимо инструментальных сведений, экспедицией были собраны интереснейшие материалы о пылевых туманах, силевых потокам, многообразных явлениях погоды. Через полгода Певцов выступил в апреле к Куэнь-луню, названному в этой части Н. М. Пржевальским хребтом Русским.

В Кара-сае М.В. вел обширные климатологические, магнитные и этнографические наблюдения. Впервые наблюдает и дает он объяснение восходящим снизу из пустыни дневным таком воздуха большой силы, что представляло немалый интерес для науки. В это же время П.К. Козлов и В.И. Роборовский совершают экскурсии к югу, в глубь Куэнь-луня, и собирают там первые сведения о местности за Русским хребтом, которую Н.М. Пржевальский обозначил на картах как «совершенно неизвестную».

Вернувшись к июню, они вместе с Певцовым отправились в глубь Куэнь-луня, пересекли Русский хребет и стали лагерем на равнине, лежащей на высоте 4000 м на берегу озера Даши-куль. Отсюда был сделан исключительно интересный маршрут на окраине Тибета; поднявшись на перевал, расположенный на 1000 м выше равнины, т.е. на высоте около 5000 м. Певцов увидал перед собой землю, покрытую цепью холмов и лежащую всего на 100-150 м ниже перевала.

Певцов не только был первым исследователем лежащей на юг суровой тибетской пустыни, но, возможно, первым человеком, посетившим ее. «Тщетно мы искали в этой невыразимо печальной стране, — писал он, — каких-либо признаков временного посещения ее людьми. Их нигде решительно не оказалось. В этой пустыне можно было видеть, как снежные бури сопровождаются раскатами грома и яркими молниями, как под нестерпимо жаркими солнечными лучами на следующий день тает выпавший ночью глубокий снег».

Куэнь-лунь — эта окраина Тибета, после исследований М.В. Певцова предстала на картах в совершенно новом виде, а отчет об этом путешествии, переизданной ныне Географгизом, подобно грудам Пржевальского и Потанина, стал классическим.

В наши дни, когда Тибет — эта неотъемлемая часть Китайской народной республики — привлекает большое внимание читателей, труды М.В. Певцова приобретают особую актуальность.

* * *

Выдающимся исследователем Внутренней Азии был и Г.Е. Грумм-Гржимайло. Свои исследования в Центральной Азии он начал в те годы, когда Н.М. Пржевальский совершал последнее путешествие в Тибет.

Г.Е. Грумм-Гржимайло принадлежал к школе русских географов П.П. Семенова-Тян-Шанского и Н.М. Пржевальского — географов с универсальными широкими знаниями.

Окончив Петербургский университет, Г.Е. с увлечением занимается энтомологией. Изучение бабочек осталось на всю жизнь любимым занятием ученого. Даже в первой своей экспедиции в Среднюю Азию (1884 г.) он ставил главной целью сборы насекомых. Однако, пройдя через Алайский и Заалайский хребты, путешественник не только собрал богатые зоологические коллекции, но и произвел значительные географические работы. Следующие его экспедиции: в Каратегин, Дарваз, Гиссары, Куляб, Бальджуан и юго-западные припамирские станы (1885 г.), а также путешествие 1886 г. и Памирская экспедиция 1887 г., где на р. Танымас была открыта неизвестная группа ледников, отодвинули на задний план зоологические исследования.

Совет Географического общества, куда обратился в 1888 г. Г.Е., предложил ему избрать для исследования Восточный Тянь-шань и Нань-шань, продолжив дело, начатое Н.М. Пржевальским. Разработанный при ближайшем участии П.П. Семенова маршрут охватывал 7250 км пути, из которых 6000 км пролегали по местностям, не посещенным еще никем из европейцев.

В Восточном Тянь-шане экспедиция открыла горный узел Досмеген-ула, образующий, подобно Хан-тенгри, группу снежных вершин, превышающих 6000 м. Исследовав впервые хребет Богдо-ула, поднимающийся тремя огромными снежными шатрами, путешественники определили границу снегов, произвели геологическое описание склонов. В Турфанской области Грумм-Гржимайло обнаружил Люк-чунскую впадину, лежащую на 130 м ниже уровня моря. Это открытие в центре азиатского материка вызвало большой интерес в научном мире. Не менее интересной и значительной была «находка» и описание пустынного хребта Бэй-шанъ, связывающего Тянь-шань с Нань-шанем. «Описание путешествия в Западный Китай», переизданное ныне в несколько сокращенном виде, полно красочных эпизодов и ярких характеристик посещенных районов. Русское географическое общество за описанные в этой книге путешествия присудило Г.Е. Грумм-Гржимайло премию Н.М. Пржевальского. В 1903 г. ученый

предпринял свою последнюю большую экспедицию в Западную Монголию и Урянхайский край.

За свою долгую плодотворную жизнь (умер Г.Е. Грумм-Гржимайло в 1936 г.) ученый написал много работ, затрагивающих все стороны жизни Внутренней Азии. Они посвящены общей географии и монографическому описанию ряда областей, экономике, этнографии, зоогеографии и, наконец, истории азиатских народов. Выход в свет третьего тома «Описание путешествия в Западный Китай» был отмечен Константиновской медалью — высшей наградой Географического общества.

* * *

Достойным учеником Н.М. Пржевальского показал себя В.И. Роборовский. Участник третьей экспедиции Пржевальского, он в следующей экспедиции был ближайшим помощником Николая Михайловича, окончательно сформировавшись как путешественники исследователь.

В 1893 г., отправившись в порученную ему Географическим обществом экспедицию, В.И. прошел через Тянь-шань в Джунгарию. Достигнув восточной части Большого Юлдуса, никем еще не изученного плато, он провел здесь обстоятельные исследования. Вторым достижением было изучение Турфанской впадины, где Роборовский организовал двухлетние метеорологические наблюдения. Из Люкчуна, через «долину бесов», рискуя оказаться погребенным под песками во время свирепствовавших здесь бурь, В.И. прошел к Хами. В Хамийской пустыне, где бурей разносило дрова из костра, а юрту приходилось привязывать к тяжелым вьюкам, экспедиция добыла дикого верблюда, одного из редчайших животных. Все следующее лето экспедиция изучала Нань-шань, собрав исключительно интересные материалы по орографии, растительности и животному миру почти неизвестного огромного горного района. На последнем этапе экспедиции у хребта Амне-мачин Роборовского разбил паралич, пришлось возвращаться на родину. Несмотря на то, что экспедиция не выполнила всех намеченных задач, результаты ее были значительны: исследованы — Б. Юлдус,

Турфанская котловина, Хамийская пустыня, Нань-шань, хребет Амне-мачин. Только топографической съемкой было охвачено почти 18000 км. Отчет об этой экспедиции ныне переиздан Географгизом.

* * *

П.К. Козлов — другой талантливый ученик великого путешественника Пржевальского, — всю свою жизнь посвятил исследованиям Центральной Азии и его основные труды — «Монголия и Кам», «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» — подлинные образцы географических исследований неведомых стран.

Деятельность Козлова как путешественника началась в 1883 г., когда двадцатилетний юноша был включен Пржевальским в состав его четвертой экспедиции. Работа под руководством великого исследователя явилась для Козлова высшей школой познания природы.

Преждевременная кончина Н.М. Пржевальского на пороге пятого путешествия глубоко потрясла Козлова. «Мне казалось, такое горе пережить нельзя... да оно и теперь еще не пережито, — много лет спустя писал он, — однако эта боль не убила во мне волю к жизни; она содействовала моему духовному росту, ибо я сразу понял, что ныне остаюсь один и должен свято хранить заветы своего учителя».

В третье свое путешествие П.К. отправился в 1893 г. как помощник В.И. Роборовского. Стремясь охватить исследованиями возможно более обширные пространства, Козлов и Роборовский часто шли различными путями. Особенно интересной была поездка на Лоб-нор и в оазис Санчжоу. На плоскогорье Юлдус Козлов, покинутый проводником, один взбирался на ледник, с риском достигнув его верховий.

В 1899 г. П.К. отправился в первую самостоятельную экспедицию. Вдоль Монгольского Алтая он прошел на юго-восток, пересек поперек Гоби, Алашань, перевалил Нань-шань, обследовал берега Куку-нора и через Цайдам вступил в высокий Тибет.

Отсюда начался самый ответственный и интересный путь экспедиции по восточному Тибету (Каму), изучение-которого было основной задачей путешественников. Через северо-восточную часть Тибета П.К. проник к верховьям Меконга, одной из самых больших рек Южной Азии. После сурового Северного Тибета с его холодными плато, где пасутся лохматые яки, перебегают сурки и с тревожным посвистом перелетают улары, путешественники вступили в дикие скалистые ущелья, поросшие роскошными рододендронами и пышными цветами, в зарослях которых прятались пестрые фазаны, кустарницы, камские обезьяны. Путешествие по восточному Тибету продолжалось больше года.

Тибетское путешествие было отмечено Константиновской медалью.

«Монголо-сычуанская экспедиция» 1907-1909 гг., результаты которой изложены в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото», получила всемирную известность, благодаря открытию мертвого города Хара-Хото, погребенного в песках около 7000 лет назад. Козлову удалось отыскать здесь следы исчезнувшего тангутского государства Си-Ся, почти неизвестного науке. В числе других находок была огромная библиотека в 2000 томов, а также бесценный словарь древнетангутского языка, благодаря чему удалось прочитать книги и восстановить историю исчезнувшего государства.

Первая мировая война задержала очередную экспедицию Козлова, которая должна была дойти до заветной Лхасы, столицы Тибета. В 1923 г. советское правительство утвердило план этой экспедиции. Далай-лама прислал пропуск, шелковую карточку, собственноручно им написанную и разрезанную на две половины в форме пилы: одна из них была вручена Козлову, другая осталась у стражей горного прохода на подступах к Лхасе. Протест Англии сорвал экспедицию, Козлов был вынужден ограничиться изучением Монголии. Дневники этой экспедиции впервые опубликованы Географгизом в 1949 г.

В 1933 г. семидесятилетний Козлов, за два года до кончины, предполагал взять на себя руководство новой комплексной экспедицией в Тянь-шань.

Ученый и путешественник, достойный ученик Н.М. Пржевальского, он отдал всю свою жизнь делу науки, во имя своей родины.

* * *

Экспедиции Пржевальского и других русских путешественников в Центральную Азию обычно быстро проходили пограничные окраинные районы, почти не затрагивая их своими исследованиями. В числе таких районов был и Алтай.

Систематическое изучение горного Алтая было начато только В.В. Сапожниковым. Профессор Томского университета, «крупнейший ученый и блестящий исследователь», ученик К.А. Тимирязева, он начал свои работы по Алтаю в 1895 г. Первоначальной целью путешествия было изучение растительности, но с первых же шагов В.В. убедился, что общегеографическая неизученность Алтая не позволяет ему ограничить себя рамками ботанических изысканий.

В этот период господствовало мнение о слабом оледенении Алтая; достаточно сказать, что до его экспедиции было известно только два ледника Белухи: на южном и юго-западном склонах. Важнейшим результатом рекогносцировочной экспедиции 1895 г., охватившей большой район, был вывод о значительном оледенении Алтая. Посетив Катунский и Барельский ледники и обнаружив, что они значительно больше, чем предполагалось, В.В. Сапожников, здесь же, близ Катунского ледника, открыл ледник Черный и несколько мелких ледников в истоках Кончала. По всему своему маршруту, более 1000 км вьючного пути, собирал он богатейший гербарий и сделал около 150 определений высот. Книга «По Алтаю», составившая первую часть изданного сейчас труда Сапожникова, написана ярко и красочно. Отметим, что сам автор особенно любил ее, выражая сожаление, что впоследствии перешел к более строгому научному стилю изложения.

Основным районом работ 1897-1899 гг. были Белуха и центральная часть Чуйского хребта. Составленные В.В. Сапожниковым карты показали, что здесь имеются не отдельные небольшие ледники, а десятки их; высоты оказались также совсем иными, чем полагали ранее; так выяснилось, например, что Белуха на 1200 м выше. Написанная ученым книга «Катунь и ее истоки» включена в нынешнее издание как ее 2-я и 3-я части.

После исследования Русского Алтая, В.В. Сапожников в 1902 и 1904 гг. предпринял ряд экспедиций в Семиречье и Тянь-шань. Несмотря на то, что к этому времени плеяда выдающихся путешественников посетила Тянь-шань (Семенов, Северцов и др.), В.В. Сапожников и здесь сделал ряд интересных общегеографических открытий, особенно в Джунгарском Ала-тау.

В 1905 г. начались едва ли не самые интересные экспедиции В.В. Сапожникова по Монгольскому Алтаю, продолжавшиеся с перерывами до 1909 г. Монгольский Алтай почти не был известен. Г.Н. Потанин и П.К. Козлов лишь пересекали его или проходили у подножий; здесь не было известно ни одного ледника.

Первое же путешествие привело к открытию мощного оледенения в истоках Цаган-гола. Результаты работ, изложенные в книге «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо», составили 4-ю часть нового советского издания. Академик В.Л. Комаров писал: «Книга эта является бесспорно одной из наиболее выдающихся новинок в географической литературе последнего времени и заслуживает награждения большой золотой медалью». (За свою работу В.В. Сапожников был удостоен золотой медали П.П. Семенова).

Несмотря на то, что после первооткрытий В.В. Сапожникова в вопросах современного и древнего оледенения Алтая очень много сделано советскими учеными и альпинистами, его исследования высокогорья остаются ценным вкладом в развитие отечественной науки; по выражению

акад. П.П. Сушкина, они «знаменуют собой целую эпоху в исследованиях Азии».

Многое изменилось в советском Алтае. Горно-Алтайскую область прорезают автомобильные дороги, Кош-агач, описанный Сапожниковым как невзрачный поселок, превратился в цветущий районный центр, там, где были лишь одинокие юрты, возникли новые населенные пункты, в горные поселения пришли учителя, врачи, ветеринары, агрономы, зоотехники. Еще прекраснее стал Алтай — край золота и цветных металлов, край заоблачных вершин, альпийских лугов, тайги и чудесных рек.

Одна из примечательных особенностей работ наших путешественников состоит в том, что их книги могут с неослабевающим вниманием читать как ученые самых различных географических специальностей, находя здесь неисчерпаемый материал, так и не специалисты, особенно молодежь, видящая пример патриотизма, подвигов во славу родины и отечественной науки. Несомненна и огромная познавательная ценность этих работ, давно уже ставших библиографической редкостью. Географгиз, выпустивший за последние годы серию трудов русских путешественников — исследователей Азии, выполнил работу большого культурного значения, тем более, что ряд книг — путешествие П.П. Семенова в Тянь-шань или последнее путешествие П.К. Козлова в Монголию — опубликованы впервые.

Следует отметить, что изданы книги, к сожалению, разнородно; это касается как характера вводных статей, так и комментариев и примечаний. В трудах Семенова, Пржевальского, Северцова, Сапожникова, Потанина, Певцова, Козлова, в вводных статьях охарактеризована сущность научных результатов путешествий, даны биографии путешественников, отмечена их роль в развитии науки. В комментариях и примечаниях совершенно правильно подчеркивается соответствие взглядов путешественников современному уровню наших знаний в данной области. Но этого не сделано или сделано в недостаточной мере в других книгах. В этом отношении особенно выделяется книга Г.Е. Грумм-Гржимайло, что уже отмечалось

другими рецензентами. Неясно, почему Географгиз издал серию столь пестро и в полиграфическом отношении. Для путешествий Потанина и Грумм-Гржимайло Избран почему-то иной формат. Одни книги, например некоторые тома Козлова, оформлены очень хорошо, другие, как Потанин, оставляют желать лучшего.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть большое значение выпускаемых Географгизом серий путешествий, заслуживающих самого широкого распространения и пожелать, чтобы скорее были изданы другие труды путешественников и особенно В.А. Обручева. Немало еще скрыто тайн в горных странах Азии, которым уделяли такое пристальное внимание русские путешественники. В их книгах советские альпинисты найдут не только увлекательные описания, но и богатейший познавательный материал о горных странах.

Е.Д. СИМОНОВ
ГОРЫ И ИХ ПОБЕДИТЕЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ТИХОНОВА

Горы — их уходящие в заоблачную высь вершины; ледяные поля, питающие жизненной влагой луга и долины, скрытые в недрах хребтов сокровища земли издавна влекли к себе жителей нашей страны, пытливых и отважных исследователей горной природы.

Масштабы развития высокогорного спорта и высокогорных исследований, успехи лучших дореволюционных восходителей несопоставимы, несравнимы с достижениями сынов и дочерей советского народа. Изучив все лучшее, что выработал классический альпинизм, советские мастера создавали год за годом свою отечественную школу высокогорного спорта. В суровой борьбе с горной стихией утверждался советский стиль в альпинизме.

Советский альпинизм по праву зовут школой мужества и патриотизма. В трудном горном походе, помимо физической закалки, формируется характер борца и исследователя, воспитываются качества, необходимые патриотам нашей социалистической отчизны.

Сравнивая развитие альпинизма б советские и дореволюционные годы, поэт Николай Семенович Тихонов, большой знаток и ценитель этого вида спорта, писал в 1936 г., что в старое время «в пестром списке исследователей имя русского альпиниста встречалось чрезвычайно редко... После Октября развитие советского альпинизма приняло не только массовые размеры, но и в искусстве покорения высочайших вершин воспитало мастеров, не уступающих западным»[1]. Несколько лет спустя, Н.С. Тихонов отмечал, что в нашей стране «альпинизм занял выдающееся место»[2], «имена

[1] Н. Тихонов. Беглые заметки. Газета «Школа мужества» от 4 августа 1936 г., № 4 (8), лагерь Тегенекли, стр. 2-3.
[2] Н. Тихонов. Литературные заметки. «Советская книга», № 1, 1946, стр. 45-48.

советских альпинистов, покоривших вершины:, восхождению на которые позавидовали бы лучшие альпинисты Запада, уже известны миру»[1].

Советский читатель хорошо знает имя Н. Тихонова, его произведения, в которых он выступает как мастер баллады, страстный публицист, автор волнующих корреспонденции из осажденного Ленинграда, но прежде всего как замечательный лирический поэт. Лирика Тихонова глубоко патриотична, это поэзия больших и благородных чувств. Его художественные средства выразительны, богата поэтическая палитра.

Личная биография самого писателя, участника четырех войн и двух революций, неотделима от жизни народа, служению которому он отдает всю свою жизнь.

Уже в ранних своих произведениях — балладах «Перекоп», «Дезертир», «Баллада о синем пакете» — Николай Тихонов выступает как поэт-борец, отдающий весь свой большой и своеобразный талант родному народу, его борьбе за свою свободу и счастье. Нового, советского человека, преобразующего отчизну, воспевает он в стихах, показывает в своих прозаических произведениях. Неутомимый путник и пытливый наблюдатель, объехавший всю советскую страну от «Хладных финских скал до пламенной Колхиды», побывавший на границах Ирана, Турции и Афганистана, в долине Арарата, на озерах Карелии, в колхозах Кахетии, на ледяных хребтах Эльбруса, в селениях Сванетии, в пустыне Кара-кумы, Тихонов рисует нам новую географию страны.

Тихонов, как и подобает литератору Сталинской эпохи, здесь меньше всего созерцатель, певец уходящей в предание экзотики Востока. Он воспевает великих вождей народа — Ленина и Сталина, указавших миллионам простых людей путь к светлому будущему. По-новому свежи сегодня строки стихотворения «Сами», написанного 30 лет назад, в котором дано одно из лучших поэтических изображений образа В.И. Ленина. Маленький индус Сами служит жестокому белому Сагибу. Господин не

[1] Н. Тихонов. Литературные заметки. «Советская книга», № 1, 1946, стр. 45-48.

считает Сами человеком, смотрит на него одним глазом, никогда не скажет спасибо, больно дерется стэком. Уйдя от Сагиба, мальчик семь дней ищет дорогу к тому, кто даст ему совет, как погубить всех сагибов.

«Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленин».

И Сами уходит с победой от Сагиба.

В произведениях, посвященных путешествиям по Европе и Азии, Тихонов неизменно обращается к этой теме борьбы эксплуатируемых со своими поработителями.

Знаменательно, что писатель стал во главе Советского комитета защиты мира и голос его призвал миллионы и миллионы честных людей сплотиться для отпора поджигателям новой войны.

Поэзия Тихонова, как зеркало, отражает жизнь родного народа, родной страны, от первых лет борьбы за утверждение советского строя и вплоть до наших дней, когда все прогрессивные демократические силы сплачиваются в борьбе против поджигателей новой мировой войны.

По характеру нашего «Ежегодника», ограниченного определенными тематическими рамками, мы не касаемся всей многогранной деятельности писателя. В наш обзор не входит цикл стихов «Тень друга», посвященных предвоенной Европе (1935-1936); стихи, очерки и рассказы периода Великой Отечественной войны, которую поэт провел в блокированном Ленинграде. Мы также не разбираем удостоенной Сталинской премии поэмы «Киров с нами», которой, — по словам А.А. Суркова, — историей суждено войти в круг самых волнующих произведений, порожденных великими потрясениями войны»[1].

[1] «Поэт-гражданин», «Правда» от 7 марта 1946 г.

В наш обзор входят лишь произведения Н. Тихонова, посвященные Кавказу, победоносной борьбе советского человека с суровой горной природой.

Для творчества Н. Тихонова в целом характерно пристальное внимание к советским людям, к тем новым качествам, которые воспитывают у них коммунистическая партия, социалистический общественный строй. Глубокая любовь к Родине, великое чувство патриотизма, вера в свое дело воодушевляют советских людей на героические подвиги в труде и в бою, в науке и спорте. Об этих чертах характера говорил товарищ Сталин в своем приветствии туркменским спортсменам-конникам, совершившим невиданный переход из Ашхабада в Москву:

«Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славную победу.

Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной родины».

Эти качества призвана воспитывать у нашей молодежи и советская физическая культура, эти качества характеризуют и советский альпинизм, .занимающий немалое место в творчестве Н. Тихонова. В нем поэт видит школу мужества и отваги, могучее средство воспитания сильных духом' и телом строителей нового коммунистического общества.

«Я считаю этот спорт (Альпинизм. — Е.С.), — писал Тихонов, — самым мужественным, полным глубокого, почти философского содержания. Он поэтичен и точен, требует отваги и знаний, способствует развитию чувства товарищества, преданности и высокого патриотизма. Достижения советского альпинизма поставили наших восходителей, совершивших выдающиеся восхождения, наравне с самыми знаменитыми альпинистами мира.

Я очень рад, что этому спорту снова уделяется большое внимание. У нас есть еще много неизведанного в таких районах, как Тянь-шань и Памир с их мощными горными хребтами, высочайшими каменными узлами нашей родины»[1].

Уже в одной из ранних своих повестей «Клятва в тумане» (1931 г.) писатель рисует столкновение в горах представителей советского альпинизма и буржуазного спорта, показывает глубокую коренную разницу их взглядов, интересов и стремлений.

Сам неутомимый путешественник, турист и альпинист Николай Тихонов обошел и объехал многие десятки ущелий и перевалов горного Кавказа: от живописных долин Домбая до суровых ущелий Дагестана. «Больше всего я совершил горных пеших путешествий, — рассказывает поэт, — и без скромной гордости могу сказать, что знаю Кавказ довольно прилично до всех его самых отдаленных уголков. Жизнь между скал, снегов, среди лесов, на берегах бурных рек, среди горцев, спокойных, сильных охотников и пастухов заключала в себе столько очарования, что я всегда возвращался в город освеженным и полным сил»[2].

«Горы Кавказские для меня священны»... Эти слова М.Ю. Лермонтова избирает Н. Тихонов эпиграфом своего поэтического цикла «Горы» (1938-1940). И это не случайно. Величественная природа горного Кавказа, люди этого края и то новое, что преображает некогда глухие горные районы, — об этом рассказывают стихи поэта.

Перелистайте страницы лирического дневника «Стихи о Кахетии» (1935 г.), и за певучими строфами встанут пройденные поэтом каменистые тропы, зеленоватые потоки вздыбленных ледников, царящие над этим миром горные великаны... Гомборы, Мамисонский перевал, снега Осетии, ущелья — Чанчахи, Джугани, Алазани, вершины — Шалбуз-даг, Донгуз-орун, Эльбрус, Шах-даг, Шхельды, селения Телав, Алла-Верды, Цинандали, Лагодехи и

[1] «Физкультура и спорт», 1946, № 7, стр. 12.
[2] Там же.

множество других «географических пунктов» находит свое поэтическое воплощение в стихотворных циклах Тихонова, отмеченных не только тонким поэтическим восприятием действительности, но и великолепным знанием тех деталей уклада жизни горцев, которое обычно присуще представителю науки — географу, этнографу, историку, краеведу.

Как верно отмечает виднейший представитель грузинской советской литературы Симон Чиковани: «Тихонов прекрасно знает нашу республику. В продолжение 20 лет он исходил Грузию вдоль и поперек; собственными глазам» видел он, как грузинский народ при поддержке великого русского народа и братских народов всего Советского Союза строил новую социалистическую жизнь. Не зрителем... прошел по Грузии Н. Тихонов, а непосредственным участником созидания, каждое новое явление в жизни республики становилось предметом его поэтического вдохновения»[1].

Особое место в творчестве Тихонова занимают его переводы Георгия Леонидзе, Карло Каладзе, Ило Мосашвили, Симона Чиковани, Галактиона Табидзе, Сандро Шаншиашвили и других грузинских поэтов. Как отличны эти вдохновенные стихи, доносящие до русского читателя живое ощущение образной грузинской речи, от тех ремесленных, выполненных по подстрочникам переводов, с которыми нам еще, к сожалению, приходится время от времени встречаться. Как бережно передает Тихонов мысли, чувства и образы грузинского поэта, переводя, например, патриотические стихи Ило Мосашвили, — «Вот она, Москва!»

«Так вот Москва и Кремль узорный.
Устой отчизны, сердце, щит —
Река, небес синее горных,
Тиха, но скрытый гнев таит.
Вот также в Картли[2] непокорно
У Гори стен река шумит.

[1] Симон Чиковани. Песня дружбы, «Литературная газета», 1949, № 27 (2514), стр. 3.
[2] Картли — Восточная Грузия.

Так мост навеки перебросив,
Сроднив простор полей и гор,
Москва и Картли — словно сестры, —
Солнцеподобен их убор,
И две реки, струясь, как косы,
Бегут вдоль плеч у двух сестер».

(«Вот она, Москва»)[1].

Двадцать лет назад Тихонов перевел стихи-песни своеобразного певца гор, старого мохевца[2] Ягора Казаликашвили (1881-1935).

«Среди новой плеяды горцев-альпинистов Грузии особо ярко выделяется известный своими восхождениями на многие вершины всех частей Кавказского хребта отважный альпинист, мохевец — поэт Ягор Казаликашвили», — сообщал в своем докладе I Всесоюзному слету альпинистов (декабрь, 1934 г.) И.А. Аслакишвили.

Казаликашвили, с 1905 г. работавший в шахтах Девдоракских медных рудников, прославился как смелый и опытный проводник, награжденный ЦИК СССР значком почетного альпиниста. В 1908 г. под руководством Яни Безуртанова (который водил на вершину известного Фрешфильда) Казаликашвили впервые поднялся на Казбек. Он был участником первого советского восхождения на эту вершину (1923 г.), участвовал в известном штурме Ушбы (1934 г.). Более тридцати раз побывал он на Казбеке. Бедняк из малоземельного селения, он, одним из первых вступивший в колхоз, любил повторять: «Только в дни Великой революции мы поняли настоящий смысл жизни». В списке покоренных им вершин — Адай-хох, Эльбрус, Тетнульд, Марух. Вечером у очага в горной хижине под перезвон трехструнной пандури[3] колхозник-поэт слагал свои песни-стихи.

Николаем Тихоновым переведены его стихи: «Сванетия», «Похвала Казбеку», «Памяти Симона Джапаридзе и Пимена Двали».

---

[1] Гамарджвеба. Стихи грузинских поэтов 1941-1944. Под редакцией Петра Скосырева и Симона Чиковани. «Советский писатель», М., 1944, стр. 97.
[2] Житель горных ущелий, от хеви — ущелье.
[3] Трехструнный музыкальный инструмент типа балалайки.

«Привет, сванские ущелья,
Леса, чащи, склоны-щели,
Вам привет лугов цветенье,
Голубых цветов веселье.
Поседевшие вершины
По бокам твоим осели,
В рощах — дичи легкой тени.
Скалы — туров новоселье,
Седины нежней кудели.
Смотрит с запада и Ушба,
Царь страны, грозней метели,
И по плану Ушбы — башни
Сваны выстроить сумели»[1].

(«Сванетия»)

Удостоенный в прошлом году Сталинской премии первой степени новый цикл стихов Н. Тихонова «Грузинская весна» посвящен послевоенной Грузии, ее людям и их делам. Еще в дни блокады Ленинграда Тихонов получил от грузинской женщины посылку с печением — када. Он пишет об этом подарке как о знаке любви и нерушимой дружбы между народами нашей страны. После «Кады», — поэтического (Предисловия цикла, поэт развертывает перед нами широкую панораму новой Грузии: в древнем ее Рустави гремит стройка металлургического завода, хорошеет «город Сталинского века» — Тбилиси, тысячи советских людей идут осматривать скромный домик в Гори.

В числе героев нового поэтического цикла — секретаря райкома, строителя Храмгэса, сборщицы чая, пастуха, — мы видим и альпинистов. Это бойцы горных отрядов, обороняющих перевал Санчаро; это — Александра Джапаридзе, первая женщина, поднявшаяся на вершину Ушбы, ныне заслуженный мастер спорта; это боец с Урала, который после гибели друга-грузина занимает его место на стройке в Рустави. К мирному созидательному труду вернулись вчерашние бойцы, отстоявшие горные

[1] Поэты Грузии. В переводах Б.Л. Пастернака и Н.С. Тихонова. Закгиз, Тифлис, стр. 37.

рубежи, и сам Казбек с уважением смотрит на пастуха в солдатской шинели, защитившего родной Кавказ.

«Будто сам Казбек безбрежный
Обнялся с бойцом простым,
Обнялся с приветом нежным —
Снежный маршал высоты».

(«Майское утро»)

Рядом с грузинами, осетинами, армянами сражались за Кавказ москвичи, рязанцы, уральцы, казахи. Не раз добрым словом вспоминали они тех, кто обучал их умению двигаться по скальным кручам и ледяным сбросам.

Это были альпинисты, спортсмены, вставшие на защиту родной земли.

«Шел боец хребтом Кавказским,
Через льды и тучи,
По снегам глухим и вязким.
По недобрым кручам.
Повисал он на веревке,
Бездны презирая,
Знал свирепые ночевки, —
Хуже не бывает».

(«Песня о дружбе»)

Героической страницей в летопись Отечественной войны войдет защита перевала Санчаро, по которому фашисты стремились прорваться к морю, чтобы разрезать надвое группировку советских войск. «Здесь враг хотел пробиться в Грузию кратчайшей из дорог, огня и камня грозный узел он перерубить не мог». Кичившиеся своей «непобедимостью» гитлеровские альпийские дивизии получили еще один урок. Здесь снова было продемонстрировано бесспорное превосходство сталинского военного искусства над дефективной стратегией гитлеровского командования. В операциях на перевалах сыграли свою роль и альпинисты, бойцы и офицеры горных подразделений Советской Армии.

«Высоко в небе, над Абхазией —
Санчарский перевал,
Там путник разве что с оказией
Случайно побывал.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи.
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи,

И он — ничем не примечательный,
Тот каменистый вал —
Стал местом битвы замечательной —
Санчарский перевал».

(«Санчарский перевал»)

В этой битве, как и во всей невиданной в истории человечества войне, одержал победу советский народ, единодушно сплотившийся вокруг партии большевиков, вокруг своего вождя и величайшего из полководцев товарища Сталина.

Одно из стихотворений цикла «Грузинская весна» посвящено С.М. Кирову. Поэт описывает августовский день 1910 г. С.М. Киров, сотрудник владикавказской газеты — Сергей Миронов — совершил свое восхождение на Казбек. Сорок лет назад, вспоминал впоследствии Сергей Миронович, «число бывших на вершине Казбека было настолько ограничено, что их знали наперечет»[1]. Некоторые спутники С.М. Кирова по восхождению не нашли в себе сил и воли для борьбы за вершину. Но молодой революционер упорно продолжал подъем к намеченной им цели.

«Не сокрушить их,
Вихрю — не смести,
Уже вершина,
Дальше нет пути!

[1] С.М. Киров (С. Миронов). Восхождение на Казбек. Газгта «Терек», № 3815 от 2 сент. 1910 г., см. также: «Ежегодник советского альпинизма». Год 1948, стр. 207-280.

Снежок, пыля,
Летит в ущелий дым,
Какой земля
Раскрылась перед ним?

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,
Как будто куст
Костров горит на нем.

Дых-тау с Ушбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков...»

(«Киров на Казбеке.
9 августа 1910 года»)

(Об этом периоде жизни и деятельности Сергея Мироновича, в частности о работе Владикавказского политехнического общества и организованных им походах и восхождениях, мы рассказывали в первом выпуске нашего «Ежегодника»).

Интересно отметить попутно, что еще четырнадцать лет назад Н.С. Тихонов поднимал вопрос о необходимости изучения восхождений тех, кто, подобно С.М. Кирову, армянскому просветителю Хачатуру Абовяну или русскому топографу А.В. Пастухову, были зачинателями высокогорного спорта в нашей стране. В своей страстной статье «Беглые заметки», напечатанной в альпинистской газете «Школа мужества», выходившей в горах Кавказа, Н.С. Тихонов призывал к борьбе с иноземным засильем в историографии, альпинистской литературе, к созданию советской литературы. Поэтическое описание восхождения Кирова на Казбек воскрешает одну из замечательных страниц истории высокогорных исследований, показывая многогранную личность будущего верного ученика и соратника товарища Сталина.

Горы Кавказа, образы советских альпинистов, сменивших в дни войны ледоруб на автомат и вставших на рубежах перевалов Главного Кавказского хребта, нашли вдохновенного певца в лице Тихонова.

Годы войны были великим испытанием, еще раз подтвердившим несокрушимость сталинской дружбы народов. Те, кто в мирные дни в связке альпинистов покоряли вершины, шли через перевалы, теперь плечом к плечу встали в обороне горных рубежей. Эти чувства воинской дружбы и братства народов ярко рисует новый цикл Тихонова.

«Здесь пушки скатывались в пропасти,
Сорвав лавины ком,
Здесь альпинист делился доблестью
С бывалым моряком.

И вихрь, как чернь орлиных перьев,
Дым битвы уносил,
Отсюда рапортовал Берия,
Вождю советских сил.

Что с перевала враг подкошенный
Сметен в снегов провал...
И Сталин видел в небо брошенный
Санчарский перевал».

(«Санчарский перевал»)

Как известно, самонадеянное гитлеровское командование делало ставку на «неизбежную», по его расчетам, национальную рознь, оно предполагало, что не встретит сопротивления на Санчаро и других перевалах, что в советской стране нет соединений, способных принять бой в высокогорье. Враг жестоко просчитался. В огне сражений закалились боевые соединения Закавказского фронта, в рядах которых сражались мастера и инструкторы альпинизма, рядовые спортсмены. Воинов Советской Армии вдохновляло чувство патриотизма, вера в правое дело, сознание своего превосходства над армией захватчиков и грабителей.

«Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадежно глупыми были их расчеты на раскол и столкновения между народами Советского Союза, — говорил товарищ Сталин 6 ноября 1943 года. — Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков»[1].

В обороне перевалов Большого Кавказа зародилась и окрепла дружба уральского паренька с грузином из Тбилиси, о которой задушевно рассказывает Тихонов.

«Он грузинским — удивитесь —
Научился песням,
Был дружок его тбилисец,
Был его ровесник.

Так провел в горах он осень,
Вьюги уж клубили —
И с хребта он немца сбросил,
А дружка убили».

(«Песня о дружбе»)

Уралец, закончив войну, решает идти заменой убитому дружку.

«То, что друг мой верный начал,
За него докончу... —
И пошел в беях маячить,
Драться днем и ночью.

Где он только не был с боем,
Где бивак не ставил...
Но вчера нашел его я
Техником в Рустави».

(Там же)

От скромного домика в Гори поэт ведет читателя к строительству гидростанции на реке Храми; в новый Тбилиси с его заводами, проспектами,

[1] И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1946, стр. 118.

стадионами; в Месхетию, где 180 лет назад грузинские воины разгромили турецкие полчища.

Глубокое впечатление оставляет стихотворение «Александра Джапаридзе на Ушбе». Оно посвящено драматическому эпизоду первого восхождения советских альпинистов на эту вершину (1934 г.). Восхождение на Ушбу не было рядовым спортивным предприятием. Выходя на штурм этой горы, самое имя которой переводят как «вертеп ведьм», «роковая», грузинские альпинисты вступали в заочное соревнование с лучшими альпинистами Европы и Америки. Штурмовавшие ее восходители писали: «Она представляет картину страшной дикости и горной неприступности»[1] (Пфанн, 1904), а альпинист А. Долгушин в 1900 г. уверял, что «вершина Ушбы может быть достигнута лишь по воздуху, т. к. стены ее отвесны со всех сторон»[2].

С 1930 г. по 1934 г. группа Алеши (Александра) Джапаридзе упорно осаждала Ушбу, пока не настал тот счастливый день, когда Алеша Джапаридзе и его сестра Александра, Ягор Казаликашвили и сван Гио Нигуриани вступили на вершину.

Тихонов взял темой своего стихотворения лишь один эпизод восхождения... Усталые, бесконечно изнуренные альпинисты оказались перед вертикальной щелью, «камином», который они так и не смогли преодолеть. Близится ночь и надо думать с ночлеге, но на крохотных уступах отвесной стены мог примоститься лишь один человек. Алеша Джапаридзе рассказывает: «Мы (я и Гио) сильно устали от напряженной работы при подъеме и в особенности при нашей безрезультатной попытке подняться. Если бы даже оставалась маленькая надежда преодолеть скалы в этом месте, все равно было бессмысленно повторять эти попытки при нашей усталости.

Гио уловил удобный момент и начал развивать столь обычную теорию о недоступности вершины Ушбы, о том, что «ее никто не достигал,

---

[1] Ганс Пфанн. Ушба. Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1904, вып. 3-4.

[2] Через Сванетию к Эльбрусу. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1900, стр. 159.

невозможно достигнуть, а если кто говорит, что достиг, то врет» и т.д. Ни разу за время штурма вершины победа над Ушбой не была такой сомнительной, как это нам казалось теперь». Александра предложила остаться здесь на стене с тем, что, переночевав на нижнем бивуаке, спутники с утра поднимутся за ней.

«Привязана, клинья[1] забиты в скалу,
Веревка натянута крепко,
Над нею стена убегает во мглу,
А горы — как мертвые слепки.

— Прошу вас, исполните просьбу мою, —
Сказала, одета закатом.—
На выступе этом я ночь простою,
Смотрите, друзья мои, брат мой».

«Александра являлась как бы залогом, который заранее исключал возможность появления каких бы то ни было сомнений и колебаний и делал обязательной для нас попытку восхождения на следующий день. Путь к отступлению был отрезан» (Ал. Джапаридзе)[2].

Александра знала, что, если она остается здесь, спутники, как бы они ни были измучены подъемом, непременно вернутся за ней, чтобы продолжать штурм вершины, и тогда победа увенчает подвиг советских спортсменов. Вопреки всем увереньям иноземных клубменов. Ушба будет покорена советскими людьми.

«По этой стене она все же пройдет —
Пусть всеми отвесами блещет, —
И первая женщина вступит на лед
Вершины ушбинской зловещей.

Лишь вверх альпинисту дорога одна,
И эти дороги умножь ты.
А жизнь — не такая ли точно стена,
Которую штурмом берешь ты?

[1] Здесь было бы лучше воспользоваться термином «крючья», не нарушающим ритмики стиха и более отвечающим действительности, чем архаичные «клинья».
[2] Ал. Джапаридзе. Штурм Ушбы. Издательство «Физкультура и спорт», М., 1940. стр. 75-78.

И слышны ей снизу друзей голоса,
И ветер какой-то хороший,
И вот и Алеша уж к ней поднялся
— Прекрасное утро, Алеша»!

Вершина была взята!

Два года назад в журнале «Огонек» появился очерк Н. Тихонова «Тайна пещеры Бетлеми» (1948, № 16, стр. 21-22), рассказывающий об открытии, известном читателям по нашему «Ежегоднику». Год 1948. Любовь к грузинской старине, краю богатой и древней цивилизации, к ее памятникам материальной и духовной культуры пронизывает небольшой по объему, но обильный по своему материалу очерк. Не ограничиваясь изложением истории открытия пещеры, сделанным, как гласит авторская ремарка, «по рассказу Александры Джапаридзе», Н. Тихонов проводит широкие исторические параллели, намечая дальнейшие пути открытий памятников старины. Он напоминает о неудаче вскрытия первой пещеры гробницы Тутанхамона в Египте, где лишь под давно обследованным саркофагом был обнаружен ход в настоящие залы подземных склепов фараона. Он указывает также, что хроники грузинских монастырей и рукописи, некогда вывезенные из Грузии завоевателями и находящиеся в ташкентских хранилищах, могут указать археологам пути изысканий. Сокровища Мцхета, место, погребения царицы Тамары, древние пещеры, — немало еще неизвестных страниц в истории Грузии.

«Так или иначе, для археологов и их верных друзей — альпинистов, — район пещер Бетлеми представляет очень большой интерес, и чем скорее будут предприняты новые исследования, тем больше мы получим новых материалов для окончательного раскрытия тайны пещеры Бетлеми» (Н. Тихонов).

* * *

Недостаток места не позволяет нам сколько-нибудь полно охарактеризовать другие стороны деятельности Н.С. Тихонова, — прозаика,

публициста, общественного деятеля, неутомимого борца за мир, страстного патриота великой социалистической державы. Заметим, что всегда, во всех своих произведениях, писатель выступает как человек, страстно любящий родную землю, ее преображающийся облик. Он пишет:

«Ощущение родной природы! Так мало в наших журналах пишется о красоте нашей земли, о наших морях, реках, горах, лесах. Так мало пишется о любви к родному городу, к родному краю. Так мало представлены необъятные богатства наших недр, открытия наших путешественников и исследователей.

Наши заповедники, красивейшие места нашего Союза, почти неизвестны широкому читателю. Книги, посвященные этим темам, за последнее время встречаются редко, старые не переиздаются...

Это особо относится сейчас к местам нашей земли, по которым прошла Великая Отечественная война. Совсем по другому звучит нынче описание Сталинграда, описание Крыма и Кавказа, белорусских лесов и карпатских перевалов. Советская Прибалтика, Закарпатская Украина, Молдавская республика ждут своих описателей.

Альпинизм — эта школа мужества, давшая Родине множество прекрасных бойцов, школа, воспитывающая дружбу, смелость, решительность — не нашел отражения в нашей литературе. А между тем с ним связаны великолепные ощущения, полные поэтической прелести»[1].

Людям, побеждающим ледяные крепости горных твердынь, разведывающим их тайники, помогающим поставить богатства земных недр на служение народу, так же как и тысячам и тысячам советских читателей, близко и дорого творчество Николая Тихонова.

[1] Литературные заметки. «Советская книга», 1946, № 1, стр. 47-48.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ЗА ВЕРШИНЫ

Чувство законной гордости охватывает каждого бывалого восходителя, вложившего свой вклад в развитие советского высокогорного спорта, когда он берет в руки этот объемистый, нарядно оформленный том, рапорт альпинистов СССР о своей борьбе и достижениях за 25 лет (1923-1948).

Мы считаем немалой заслугой Географгиза выпуск ряда изданий, широко популяризирующих и всесторонне освещающих этот ценный вид спорта, имеющий широкое прикладное применение. Издание книг, брошюр, «Ежегодников» 1948 и 1949 гг. и, наконец, рецензируемого нами сборника «К вершинам советской земли»[1], несомненно, повысит интерес советской молодежи к путешествиям в горах, к их познанию и освоению, к выявлению таящихся в них богатств. Молодежь узнает о благородных примерах мужества советских людей, ведущих борьбу за вершины, узнает о том, как благодаря широкой поддержке партии и правительства развился и окреп высокогорный спорт, как стал он доступным широким массам трудящихся.

Следует отметить, что несмотря на наличие специализированного издательства «Физкультура и спорт» (ранее «Физкультура и туризм»), освещение достижений советского альпинизма, по праву вышедшего на первое место в мире, носило зачастую случайный характер и нередко зависело не столько от ценности результатов восхождений или экспедиций, сколько от энергии авторов описаний. Сведения о восхождениях первых лет, рассеянные в периодике, оказывались не всегда доступными широким читательским кругам. Поэтому особенно отрадно отметить, что в рассматриваемом нами сборнике не только подведены общие итоги прошлого, но и освещены результаты вплоть до последних лет. Подбор материала в сборнике следует считать хорошо продуманным. Даже не

[1] К вершинам советской земли. Сборник, посвященный 25-летию советского альпинизма. Под редакцией Д.М. Затуловского. Географгиз, М,, 1949, 580 стр. Тираж 10000 экз. Цена 16 р. 50 к.

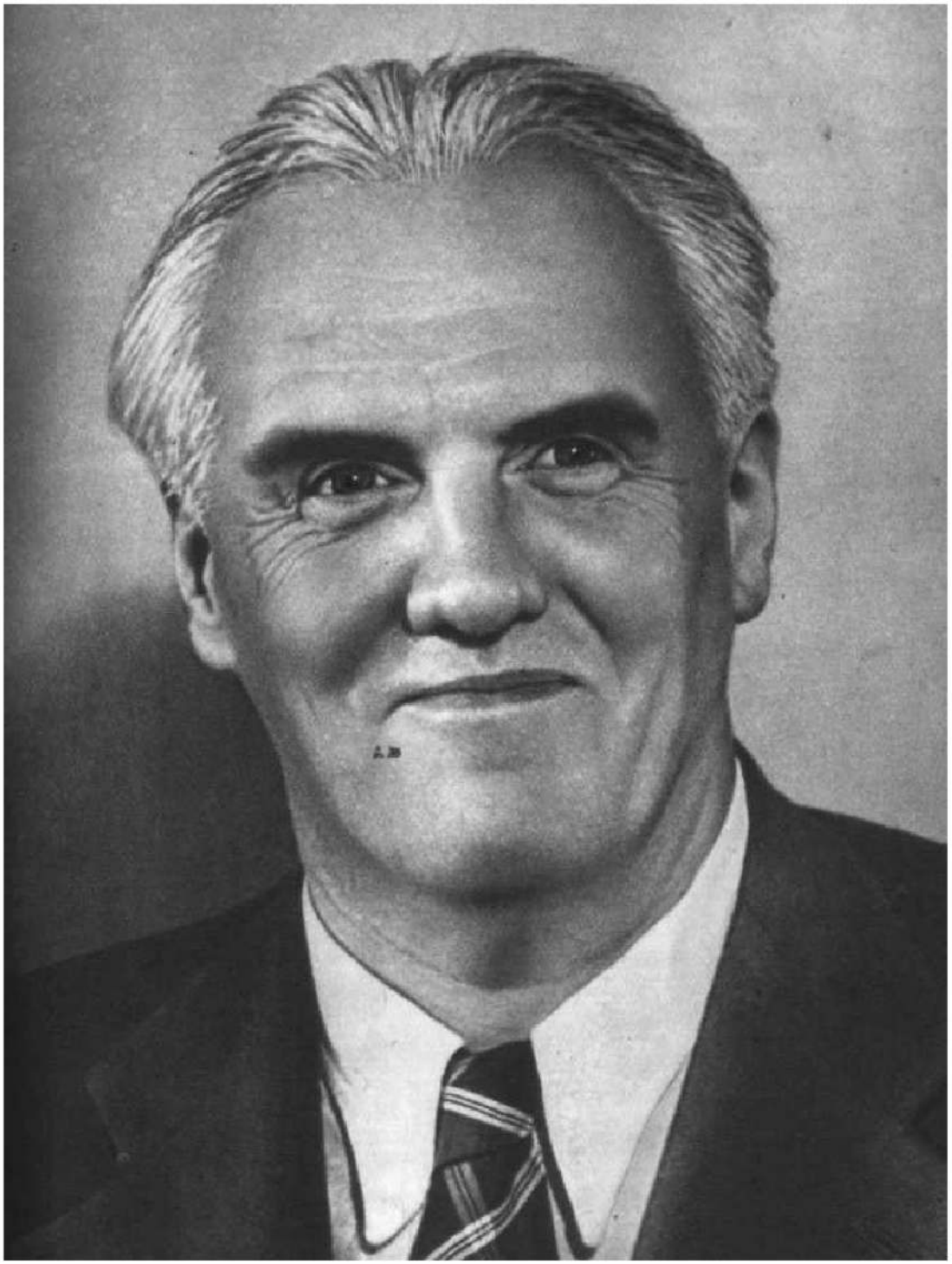
знакомый с альпинизмом и его историей читатель получит достаточно полное и всестороннее представление о многообразных сторонах применения альпинизма в СССР.

Много интересного для себя найдут здесь бывалый спортсмен и участник исследовательских экспедиций в высокогорье. Мы могли бы, конечно, упрекнуть составителя в том, что следовало бы включить дюжину-другую статей, но, памятуя мудрое изречение Козьмы Пруткова «Никто не обнимет необъятного», не станем делать этого. Несмотря на это, при общей положительной оценке Сборника, отметим некоторые упущения в его содержании.

Помимо обзора Б.Ф. Кудинова и В.С. Нефедова («От спорта одиночек к массовому советскому альпинизму»), достаточно обстоятельно рассказывающих о развитии массового советского альпинизма, хотелось бы видеть в рецензируемой работе, быть может, изложенные в беллетризованной форме воспоминания о людях и делах одного из первых лагерей 1931-1934 гг. Необходимо было, хотя бы в краткой заметке, рассказать об «обработке» Оловянной стены группой В.М. Абалакова, приведя и технику этих работ. Об этом лишь кратко упомянуто в статьях Д.И. Щербакова и Г.М. Ильичевой, между тем техника такого рода прикладного альпинизма весьма интересна и поучительна.

Обращаясь к описаниям спортивных восхождений, отметим, что отсутствие одного из лучших восхождений последних лет, подъема группы Ал. Малеинова на северо-западную стену Ушбы[1], может быть объяснено тем, что оно помещено в «Ежегоднике» 1948 г. Зато вовсе не оправдано отсутствие восхождения Малеинова на Коштан-тау в 1933 г., бывшего, как говорится, в том же юбилейном Сборнике «наиболее значительным событием... сезона» (стр. 109).

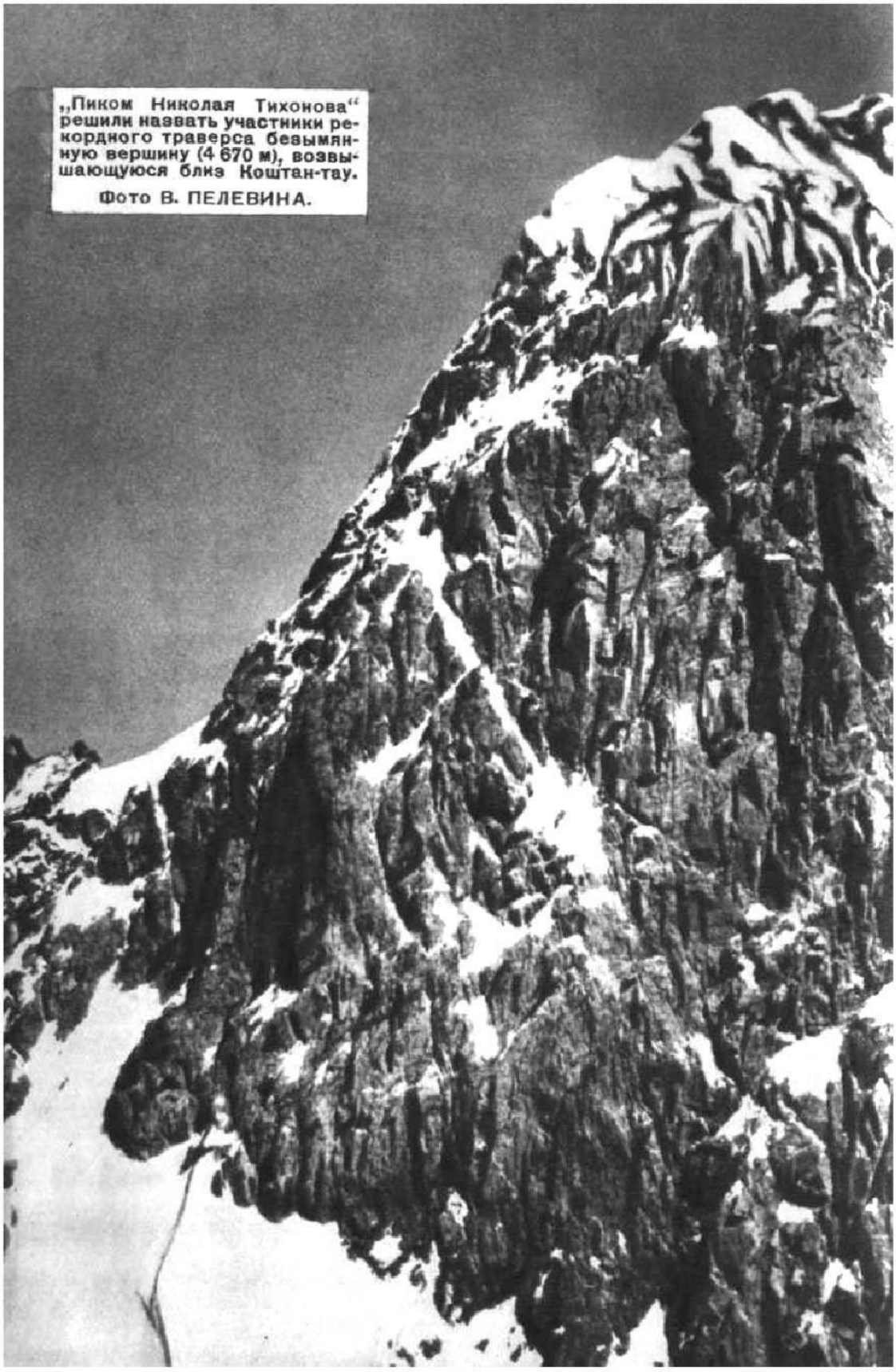
[1] Равно и подъем группы В.Ф. Нестерова на южную стену Домбай-ульгена.



Николай Никонов

Сравнительно доступная с юга вершина Тютю-баши обрывается на север отвесными скально-ледовыми стенами (снимок в центре). В сезоне 1949 г. альпинистам «Локомотива» впервые удалось в отличном стиле и темпе преодолеть стену и подняться на вершину с севера. На левом снимке: участники кольцевого перехода через 5 перевалов Главного хребта поднимаются на Бангурьян.

Фото Г. ВЕДЕНИКОВА (в центре), П. ЗАХАРОВА (слева).



„Пиком Николая Тихонова" решили назвать участники рекордного траверса безымянную вершину (4 670 м), возвышающуюся близ Коштан-тау.

Фото В. ПЕЛЕВИНА.

Обидно, что лишь мимоходом в статье Г.М. Ильичевой, посвященной разведкам горных хребтов, упомянуты работы Эльбрусской экспедиции Академии наук СССР. Многие альпинисты серьезно помогали здесь ученым, немало научных работников приобщилось к альпинизму. Вовсе забытыми оказались и многолетние работы на Алагезе.

Остается пожелать, чтобы в дальнейших изданиях, в частности в очередных «Ежегодниках», были бы заполнены эти пробелы в отношении освещения прошлого нашего альпинизма.

Перейдем к отдельным статьям сборники. В большой статье Б.Ф. Кудинова и В.С. Нефедова изложена история развития высокогорного спорта. Подробно охарактеризованы основные пути и этапы развития, отмечены те энтузиасты-общественники, работа и энергия которых помогли развивать массовый альпинизм. Статья дает достаточно полное представление о затронутом вопросе. Это особенно ценно, поскольку печатные материалы довольно скудны. Все же статья не свободна от фактических упущений. Нет сомнения, что авторы далеко не использовали всех возможностей, не привлекли все необходимые материалы.

Слишком слабо ими освещена и недостаточно подчеркнута серьезная работа, проделанная Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта и альпинистской общественностью, с Всесоюзной секцией альпинизма во главе, по государственной регламентации альпинизма, выработке единых норм и правил, унификации методов и программ обучения. К сожалению, эта работа вовсе выпала из поля зрения авторов. Существенным недостатком следует считать и отсутствие показа достижений женских альпинистских групп (начало им, насколько известно рецензенту, было положено группой М.М. Потаповой — К.И. Нарбут — Н.М. Сидоровой в 1936 г. на Домбай-ульгене). Следовало бы отметить и большую роль школ инструкторов ВЦСПС, ЦДКА, равно и инструкторского состава лагерей и всех альпинистов в создании новой советской техник» альпинизма.

Отметим попутно несогласованность в приводимых здесь фактических данных (что вообще характерно для многих приводимых в сборнике сведений).

Так, если на стр. 22 говорится: «с 1938 г. ежегодно проводились курсы по подготовке инструкторов, организованные ВЦСПС», то на стр. 31 это же сказано о «школе инструкторов», между тем уже в 1936 г. работала именно школа, выпустившая таких мастеров, как И. Леонов, А. Боровиков и др. В 1936 г. она уже работала под руководством Вит. Абалакова.

Вряд ли можно считать проявлением скромности тот факт, что на протяжении статьи Б.Ф. Кудинов и В.С. Нефедов 7 раз приводят свои собственные фамилии с лестными эпитетами («наиболее опытные альпинисты», стр. 13, «энтузиасты альпинизма», стр. 19 и т.д.).

В упомянутом выше обзоре Г.М. Ильичевой кратко, несколько конспективно рассказано о серьезной работе альпинистов по разведке и исследованию труднодоступных районов страны. Этот обзор удачно дополняет статья Д. И. Щербакова «Альпинизм в помощь советской науке», оценивающая значение альпинизма для географии и геологии, приводящая ряд фактов умелого использования восходителей для научных исследований. Особенно отрадно, что воспоминания принадлежат видному ученому, не раз пользовавшемуся в своих экспедициях сотрудничеством советских спортсменов.

С радостью встретит каждый любитель горной природы включенные в сборник стихи Николая Тихонова, единственного крупного поэта, понимающего своеобразное очарование гор и красоту альпинизма, поэта, которого так любят и уважают советские восходители, с понятным нетерпением ожидающие каждое новое его произведение о горах. Особенно сильное впечатление производит стихотворение «Санчарский перевал».

Сжато, последовательно и отчетливо изложены этапы развития и достижений альпинизма в Советской Армии подполковником В.А. Благовещенским. Рецензенту, в течение четырех лет работавшему

начальником учебной части школы инструкторов ЦДКА, хотелось бы увидеть в статье знакомые ему фамилии и характеристики наиболее значительных восхождений армейских альпинистов (В.Н. Маркелова — Донгуз-орун, В.П. Цыбиногина — Далар, В.А. Тихонравова — Накра-тау, И.В. Юхина — Тихтенген, траверс), нет в обзоре и достижений 1945-1948 гг.; в целом же статья оставляет самое лучшее впечатление.

Обзорную статью В.А. Благовещенского удачно дополняет В.Г. Клементьев. Зачинатель альпинизма в рядах Советской Армии живо рассказывает о своих горных походах, составивших славную страницу в истории отечественного спорта.

Б.А. Гарф публикует широкий обзор развития техники и тактики советского альпинизма. Приурочивая начало развития советской техники и тактики к 1930-1931 гг., автор рассматривает их состояние к концу 1935 г., подводит итоги развития вплоть до наших дней, оценивая как спортивный, так и высотный альпинизм. Сравнение здесь советской и зарубежной техники еще раз убеждает в бесспорном превосходстве нашей школы альпинизма. Рассматриваемая работа, являясь первым критическим обзором развития техники советского альпинизма, обобщает богатый личный опыт автора, крупного мастера; она весьма содержательна и этим особенно ценна.

Вместе с тем нельзя не отметить того, что многие положения автора весьма дискуссионны, а иные из них представляются даже сомнительными. Положительное значение выступления Б.А. Гарфа заключается в том, что оно заставляет каждого мастера высокогорного спорта подытожить свой опыт, сформулировать свои взгляды, внести свой вклад в дальнейшее развитие отечественной спортивной школы, в ее укрепление.

Другой недостаток этой статьи мы видим в избытке общих соображений и в тех отвлеченных рассуждениях, которые идут в ущерб конкретному анализу и примерам, подкрепляющим положения автора. Это относится, например, к сравнению нашей советской школы с иностранной техникой и тактикой, где хотя и поставлены острые вопросы спортивной

морали, но не проведено достаточно конкретного сравнения техники и тактики. Нам представляется также, что автор недостаточно подчеркнул творческий процесс создания собственной технической школы в советском альпинизме.

Переходя к частностям, следует отметить, что слишком сгущены Б.А. Гарфом краски и характеристика недостатков техники периода 1934-1935 гг. Общеизвестно, что уже к 1935 г. мы имели достаточно широкий по своим массовым масштабам альпинизм, немалый круг спортсменов, хорошо овладевших техникой, критично подходивших к иностранным источникам, создавших собственную школу высокогорного спорта.

Автор говорит: «мы знали о «правиле трех точек опоры» при скалолазании..., но применение даже этих элементарных правил не было доведено до необходимого автоматизма» (стр. 77); «преодоление отвесных скальных стенок с малым количеством зацепок... являлось для многих непосильной задачей» (там же); «наилучшим способом страховки считалась плечевая страховка» (стр. 78). (Последнее просто неверно, применение ее расширялось много позже. — В.К.); «простейшие приемы страховки были общеизвестны, но применялись они альпинистами неохотно» (?, стр. 78. — В.К.) и т.д.

Если бы все эти категорические утверждения мастера полностью соответствовали фактическому положению, вряд ли бы мы имели к 1935 г. те достижения, о которых читатель может узнать из других статей того же сборника.

Переход от туризма к альпинизму рецензент, в полном согласии с примечанием редактора, считает лишь положительным обстоятельством.

На стр. 77, где говорится о массовых походах, не сказано достаточно четко, что именно в советском альпинизме (и нигде более!) была исчерпывающе разработана особая техника передвижения больших групп, состоящих из людей, не имеющих достаточного опыта горных походов и восхождений (приспособления для прохождения трудных участков и

массовой страховки, техники обработки и предварительной подготовки путей и т.д.).

Безусловно правильно указание, что для многих копотких и сложных маршрутов наиболее (а возможно, и единственно) верным и безопасным вариантом формирования группы является «двойка». Эта тактическая истина, к сожалению, многими еще не постигнута. Весьма своевременна постановка вопроса о школах спортивного мастерства. Ныне, после получения 3-го спортивного разряда, альпинист не имеет должных возможностей для планомерной теоретической и практической учебы.

Рецензент высоко оценивает роль самостоятельных восхождений для роста альпиниста и считает умение ходить самостоятельно (а не на веревке сильнейшего) основным показателем спортивного класса, тем более если сочетать такие восхождения с неустанной шлифовкой личной техники. Осуществить это на сложном восхождении, совершаемом вместе с мастером, невозможно, поскольку темп восхождения и его условия не позволяют младшему напарнику проследить за работой, за приемами мастера, не говоря уже о том, что в этой обстановке нельзя неоднократным повторением закрепить навыки. Поэтому школы повышенного типа необходимы для дальнейшего спортивного роста альпинистов.

На стр. 85 Б.А. Гарф рекомендует попеременное движение одной нижней «двойки» по веревке, протянутой другой (верхней) «двойкой», как по своего рода перилам. Этот ценный прием непрерывного подъема все же никак не освобождает от необходимости страховки, как это склонен утверждать автор. «При такой системе каждая связка половину всего пути проходит без потери (?! — Б.К.) времени на устройство страховки» (стр. 85).

В целом же работа Б.А. Гарфа, как нами уже говорилось, имеет большую ценность, и хотелось бы, чтобы она была развита автором в самостоятельное руководство по тактике альпинизма, необходимость в котором давно уже назрела.

Статья Е.С. Рокотяна знакомит читателя с историей альпинизма на Кавказе. Ее недостатком, что, впрочем, относится не столько к авторам отдельных работ, сколько к редакции сборника, следует считать перегрузку общими моментами истории альпинизма, к тому же не раз и не два повторяющимися на протяжении книги. Читая Е.С. Рокотяна, мы вспоминаем, что об этом уже говорили Б.Ф. Кудинов и В.С. Нефедов и, частично, Б.А. Гарф. Вряд ли нужно было в общих обзорах повторять подробные описания восхождений, которым уже посвящены специальные статьи этого же сборника (Шхельда, Ушба и т. д.). Укажем и на фактические ошибки: на Бжедух восходила не «группа Н. Старосельского» (стр. 111, впрочем, в этом же восхождении он фигурирует и как «Старооскольский», стр. 531, № 125), а Староскольского, Мамиссон-хох имеет не II-Б (стр. 111), а III-А категорию трудности (см. «Классификацию 1949 г.», стр. 419, № 22). На стр. 109 не указано, что А.Б. Джапаридзе был на западной вершине Уллу-тау-чана. Трудность Тихтенгена с запада не V-А (стр. 113), а IV-Б («Ежегодник», 1949, стр. 485, № 80). Видимо, автор, лично не знакомый с этим массивом, явно завысил трудности восхождения, руководствуясь лишь описанием Н. М. Попова: «Почти полтора месяца «осаждали» альпинисты эту мрачную «крепость»... (стр. 113). Нужно ли уверять, что можно считать «примером продуманного и тщательно подготовленного альпинистского мероприятия» подобную «осаду», длившуюся дольше, чем штурм пика Сталина?

Автор умалчивает, что восхождение на Дых-тау (стр. 115) в 1935 г. было связано с гибелью Александра Малеинова из-за ошибок, допущенных руководителем. Не отмечено, что восхождение группы Е.А. Белецкого и Д.И. Гущина на Безингийскую стену (стр. 120) сопровождалось серьезными нарушениями дисциплины. Не безупречна корректура и редакционная вычитка статьи, что, впрочем, характерно для сборника в целом. Так. Мауэр назван Маудром (стр. 123); перевал Кундюм-Мижирги — «Курдюм-мижирги» (стр. 140) и т.д.

Продолжением статей Б.Ф. Кудинова — В.С. Нефедова и Е.С. Рокотяна служит обзор И.М. Найдича — итоги юбилейного 1948 г. Автор деловито и всесторонне освещает достижения, ставит задачи на будущее, достаточно критически вскрывая трудности и недочеты в работе. Недоумение вызывает лишь его трактовка аварии на пике Гармо. Если в аварии, происшедшей в результате камнепада или лавины, мы можем (и то далеко не всегда) усмотреть известный элемент случайности, то печальное происшествие с И.В. Мирошкиным заставляет весьма жестко оценить организацию восхождения, работу медицинской части (тем более что Мирошкин выбывал из строя еще в 1938 г., при штурме пика 20-летия Комсомола, плеча пика Победы). Автор же не дал анализа этого происшествия упомянув о нем буквально в скобках, и то в весьма невразумительной форме («Через два дня, на спуске, на высоте 5400 м И. Мирошкин скончался. Именем погибшего назван пик»... стр. 137).

С большим интересом читаются статьи-воспоминания Я.И. Фролова, Г.Н. Николадзе, А.А. Жемчужникова.

Один из старейших наших альпинистов Яков Иванович Фролов, здравствующий и продолжающий поныне свою плодотворную деятельность и успешно обучающий молодежь, делится своими воспоминаниями о дореволюционном альпинизме в России. Ярко показывает он энтузиастов развития высокогорного спорта, тот труд, который приходилось проделать, чтобы преодолеть преграды, чинимые царскими властями. Достаточно напомнить, что после восхождения на Эльбрус Я.И. Фролов был прежде всего вызван к... полицейскому приставу. С чувством уважения и признательности к смелым одиночкам — топографам, учителям, безвестным проводникам, — прочитает альпинист нашего времени эти воспоминания.

Большой интерес представляют и впервые появившиеся в печати на русском языке воспоминания зачинателя советского альпинизма проф. Г.Н. Николадзе о первом восхождении на Казбек (1923 г.). Его описания

трудностей и страхов вполне соответствуют впечатлениям первых советских людей, наперекор стихиям пробивавшихся к вершине.

А.А. Жемчужников увлекательно рассказывает о большом не только для альпинистов, но и для всех жителей отрезанной в зимние месяцы Сванетии, событии, первой лыжной экспедиции, перешедшей зимой через главный хребет. Отметим лишь, что формулировка... «тем, кто проходит первым, обычно сопутствует удача» (стр. 192) представляется нам не слишком убедительной, тем паче, что автор тут же признается «...ошибок при снаряжении экспедиции было достаточно».

Глубокое впечатление оставляет очерк В.М. Абалакова «На Дых-тау». Отчетливо представляешь себе одну из высочайших вершин Кавказа и оставленный на ней Евг. Абалаковым студенческий билет, который в 1938 г. рецензент еще застал на вершине; вспоминаешь, как ударом грома прозвучало известие о взятии грозной Дых-тау никому еще неведомыми сибиряками, державшими с тех пор в своих руках знамя лучших побед советского альпинизма.

В серии статей восходители рассказывают об основных победах: А.М. Гусев — о зимнем восхождении на Эльбрус; А.Б. Джапаридзе — об Ушбе; А.М. Боровиков и С.И. Ходакевич — о Безингийской стене, заканчивая очерк рассказом о траверсе стены девятью альпинистами «Спартака».

Богатый материал содержат и другие очерки этого раздела: Е.М. Абалакова о поразительном траверсе Дых-тау — Коштан-тау (повторенном в 1949 г. В.М. Абалаковым с восемью спартаковцами), Ю.Н. Губанова (траверс Шхельды), В.Ф. Нестерова (Птыш — Акбекский гребень — Джугутурлючат).

Перед читателем проходят правдиво и красочно изложенные этапы побед советского альпинизма; прочитав эти очерки-рапорты, воочию видишь стремительный рост высокогорного спорта в СССР. Этими описаниями заканчивается раздел, посвященный альпинизму на Кавказе.

Известна плодотворная деятельность советских спортсменов и в горах Азии. Статья Е.А. Казаковой знакомит с историей покорения Алтая. (По

неизвестным нам соображениям редакторы сборника отнесли этот район к «горам Кавказа», географическое новшество, которое вряд ли будет принято наукой, см. стр. 285 и 577). Живо изложена история восхождений до 1935 г. включительно, однако обидно мало сказано о походах 1937 г. Последующий же этап (1938-1948 гг.) Е.А. Казакова вовсе обходит молчанием. Ничем не оправданный пробел. Заметим также, что по нашему мнению, некоторое недоумение в среде физиков и метеорологов вызовет термин «электрическая буря» (стр. 293).

Общий обзорный очерк В. А. Тихонравова и Д. М. Затуловского дает обстоятельную сводку достижений советских альпинистов, составленную в основном по книге Затуловского «На ледниках и вершинах Средней Азии»[1].

С чувством глубокого волнения читаются искренние рассказы Е.М. Абалакова и Н.А. Гусака, посвященные крупнейшей победе советского альпинизма — двукратному штурму пика Сталина, ведь если в 1933 г. на вершину взошел 1 человек, то в 1937 г. их было уже пять.

Статья В.М. Абалакова[2] о восхождении на пик Ленина, воспоминания Е.А. Белецкого о штурме пика Дзержинского, обстоятельное повествование М.Т. Погребецкого об экспедициях на Тянь-шань и покорении Хан-тенгри знакомят читателя с другими замечательными высотными восхождениями. С большим интересом читается и статья руководителя 10 экспедиций А.А. Летавета о его путешествиях в горах Тянь-шаня. Работы В.В. Немыцкого, Э.С. Левина, В.Ф. Гусева посвящены альпинистам-исследователям «белых пятен» Средней Азии, освещают исследовательскую работу советских спортсменов.

Отрадно встретить в сборнике довольно полное освещение истории возникновения и работы местных секций. Ведь даже многие опытные альпинисты Москвы и Ленинграда, зная до тонкостей историю альпинистского освоения Кавказа, зачастую не знакомы даже с основными

---

[1] Географгиз, М., 1948.

[2] В сборнике почему-то принято фамилии одной части авторов давать с полными инициалами, а другой — дается только начальная буква имени. — Ред.

этапами развития альпинизма на местах, где также достигнуты немалые успехи. Этот раздел книги, насколько известно рецензенту, впервые в нашей литературе составлен с такой полнотой, он освещает работу научной и альпинистской общественности Ленинграда (В.А. Буданов), Грузии (Г. Элиашвили), Украины (М.Т. Погребецкий), Казахстана (М.Э. Грудзинский), Киргизии (Б.Р. Маречек).

Отметим все же, что нам не вполне ясно, сколь «новым» маршрутом является восхождение группы Хергиани на Южную Ушбу в 1937 г., видимо, это всего лишь вариант основного пути. Следует здесь отметить, что нашу неуверенность по указанному восхождению разделяет и автор помещенного в сборнике «Перечня первовосхождений» П.С. Рототаев. Обращаясь к статье М.Т. Погребецкого, укажем, что остается неясным, о каком восхождении на Коштан-тау в 1933 г. говорит (не указывая фамилий) автор (стр. 486), ибо группы Ал. Малеинова или В. Корзуна, поднявшиеся в указанном году на эту малопосещавшуюся тогда вершину, вряд ли могут считаться украинскими

Сборник заканчивается «Перечнем первовосхождений», составленным П.С. Рототаевым. Значение предпринятой им работы трудно переоценить. Несомненно, что из-за огромных трудностей в сборе материалов (учет восхождений страдал серьезными погрешностями, и только в 1949 г. Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта предприняты меры по его упорядочению) список не является и не может быть исчерпывающим[1].

Нам все же представляется, что количество пропусков и неточностей не столь уж велико, а коллективные усилия альпинистов помогут вовсе устранить их[2].

---

[1] Из наиболее серьезных недочетов отметим пропуск траверса Светгара (стр. 537) в 1938 г. группой Л. Богородского.

[2] Следует указать, что, несмотря на наличие ряда научно-исследовательских институтов физической культуры (Москва, Ленинград, Тбилиси) и соответствующих отделов и секторов наших физкультурных организаций, итоговые материалы восхождений, представляющие собой бесценный источник сведений, распылены, пользование ими затруднено. Всесоюзному комитету по делам физической культуры и спорта давно пора навести порядок в альпинистском хозяйстве. — Прим. ред.

Внешнее оформление сборника удачно; несколько стилизовано, по нашему мнению, изображение альпинистского значка на корешке переплета. Грубо воспроизведены в печати выразительные по замыслу рисунки шмуцтитулов на стр. 5, 95, 471, 511. Качество фотоиллюстраций не безупречно. Маловыразительно фото на стр. 121. Шхельде посвящены три фото (стр. 256, 257, 496), но ни одно из них не передает величественного вида этой примечательной стены.

Подводя итоги сказанному, следует сделать вывод, что книжная полка советского альпиниста обогатилась обстоятельной работой, которую можно рекомендовать каждому, кто интересуется горами и историей их покорения.

Ташкент

В.А. Кизель

ВДОХНОВЕННЫЕ ДНЕВНИКИ ГРУЗИНСКОГО АЛЬПИНИСТА

Славная альпинистская семья Джапаридзе широко известна не только в Грузии, но и среди восходителей и географов всего Советского Союза. Она дала Грузии трех виднейших ее альпинистов — братьев Симона и Алешу (Александра) и сестру — Александру. С именами Джапаридзе связаны наиболее выдающиеся победы грузинских мастеров высокогорного спорта.

Алеша Джапаридзе до 1930 г. и не помышлял о высокогорном спорте. Молодой инженер-гидравлик, пользовавшийся репутацией хорошего специалиста, не разделял стремлений брата Симона и сестры Александры, которые с первых же лет развития советского альпинизма активно участвовали в битве с вершинами родного Кавказа.

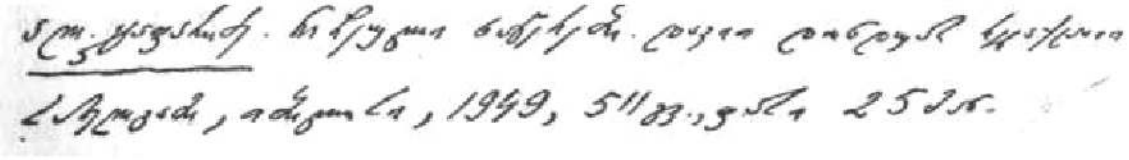
В 1929—1930 гг. в жизни Алеши Джапаридзе произошел решительный перелом, превративший его в страстного альпиниста. В 1929 г., при попытке восхождения на Тетнульд, погибли брат Алеши — Симон и Пимен Двали. Это были первые жертвы советского альпинизма. Брат и сестра

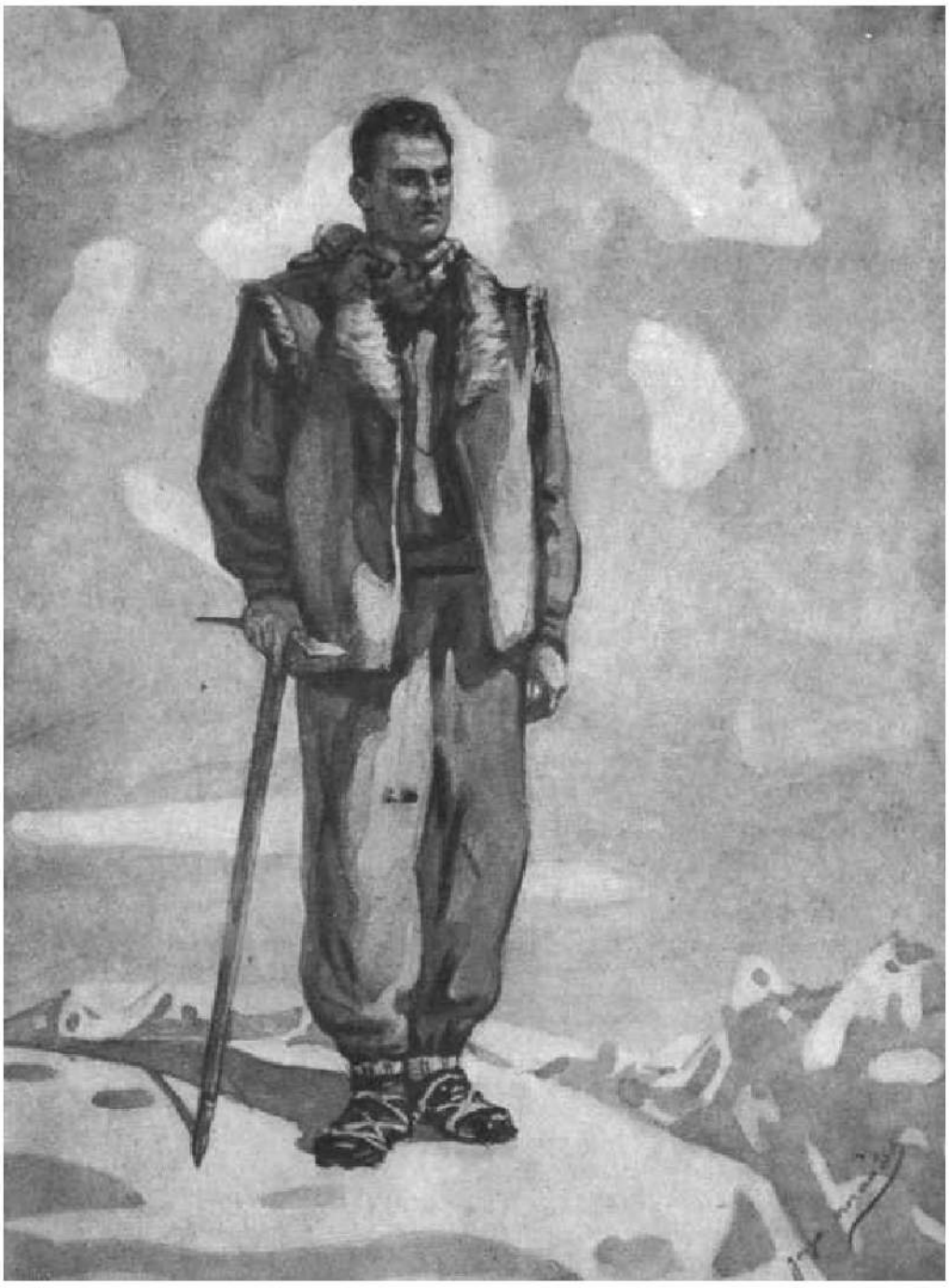
погибшего Симона Джапаридзе решают в память о нем совершить восхождение на Тетнульд. После первого своего восхождения Алеша становится подлинным энтузиастом альпинизма и вскоре завоевывает славу ведущего мастера Грузии. Кипучая деятельность его в области высокогорного спорта отмечена множеством успешных восхождений на вершины Кавказа и отчасти Памира, причем многие из них имели значение крупнейших завоеваний всего советского спорта. Ушба, Джимарай-хох, Шан, Тепли-тау, траверсы труднейших участков Главного Кавказского хребта в верховьях рек Цхенис-цхали и Ингуря, таков вклад Алеши Джапаридзе в сокровищницу советского альпинизма. Кроме того, Ал. Джапаридзе известен как смелый исследователь хранилищ труднодоступных пещер Грузии — Хвамли, Орхви и других.

В 1945 г., яри попытке траверса вершин Ушбы и Шхельды, Ал. Джапаридзе и его спутники К. Ониани и Н. Мухин погибли на Тульском леднике, снесенные снежной лавиной.

В рецензируемой нами книге[1] собраны основные произведения Алеши Джапаридзе, характеризующие его альпинистскую деятельность. Основное место занимают описания первых советских восхождений на Тетнульд и Ушбу, первого зимнего восхождения на Ушбу, Памирской экспедиции 1936 г., «Большого траверса Центрального Кавказа». В книге любовно собраны также материалы о выполнявшихся под руководством Ал. Джапаридзе массовых мероприятиях, исследовании пещер, его статьи, заметки, выступления, дневники. Редактор приложил к книге перечень правительственных наград, которых был удостоен Ал. Джапаридзе, и сводку его альпинистских походов, тексты снятых им с различных вершин Кавказа и оставленных им самим записок, снабдил книгу редакционными примечаниями и географическим указателем.

[1] Ал. Джапаридзе. Избранные произведения. Под редакцией Давида Дондуа. Гос. издательство Грузинской ССР, Тбилиси, 1949, 511 стр., цена 25 руб., на грузинском языке.





Александр (Алеша) Бичиевич Джапаридзе

1901—1945 г.г.

Рис. художника Г. Тотибадзе

Таково содержание книги.

«Тетнульд» — повесть о первом советском восхождении на эту сванетскую вершину, совершенном в 1930 г., когда автор очерка Алеша Джапаридзе впервые взялся за ледоруб. На фоне горной природы и своеобразного быта горцев рисует автор свое восхождение, представляющееся нам переходным звеном от зачаточной фазы развития советского альпинизма к его первым крупным успехам. Здесь же описана и первая попытка Ал. Джапаридзе подняться на Ушбу.

В статье «Восхождение на вершину Казбека» дано описание первовосхождения по новому, дотоле неизвестному пути — гребню, разделяющему ледники Абано и Девдорак (1931 г., группы в составе: Ал. Джапаридзе, Ив. Юхин, проводники-мохевцы Ягор Казаликашвили и Нико Кирикашвили).

Очерк «Высокогорная экспедиция в Верхнюю Сванетию» знакомит нас с поездкой 1933 г. в район ледников Лекзыр, Чалаат и Твибер, организованной Грузинским географическим обществом. Участниками были совершены восхождения на Сарыкол-баши, Уллу-тау-чана, Лацгу, Гумачи и др. Экспедиция засняла в масштабе 1 : 2000 нижние оконечности ледников (топограф Ак. Белиашвили), собрала гербарий растений альпийского и нивального поясов (ботаник Анна Харадзе) и т.д.

С волнением читается очерк «Ушба» об экспедиции 1934 г., когда советские альпинисты впервые одержали победу над грозной скалистой громадой Верхней Сванетии. На южную вершину ее 31 августа 1934 г. поднялись Алеша и Александра Джапаридзе, Ягор Казаликашвили и первый из сванов Гио Нигуриани. Во время этого памятного восхождения население Сванетии впервые в истории получило бесспорное доказательство победы человека над Ушбой. Тем самым был положен конец суеверным взглядам, связанным с этой вершиной, слывшей неприкосновенным для людей «обиталищем духов».

В кратком отчете «На вершине Штавлера» мы знакомимся с восхождениями 1935 г., когда Ал. Джапаридзе участвует в работах геодезической экспедиции. Как известно, экспедиции удалось осуществить давнишнюю задачу кавказской триангуляции, проведение ряда первого класса для привязки северокавказской триангуляции к закавказской системе. Значительная доля заслуг в успехе геодезической экспедиции принадлежит грузинским альпинистам, которые своим опытом немало способствовали успешному разрешению этих задач.

Как известно, в 1936 г., Алеша посещает горы Азии, о чем повествует его очерк «В горах Памира», где описана попытка массового восхождения на пик Ленина, первовосхождения Ал. Джапаридзе совместно с Н. Гусаком на безымянную вершину 6570 м, западнее пика Евгении Корженевской. Во время этого восхождения Ал. Джапаридзе обморозил пальцы обеих ног и вынужден был пролежать полтора месяца в Ферганской больнице.

Немалый интерес представляет и отчет «Казбекская районная альпиниада», посвященный массовым восхождениям мохевцев. В этой альпиниаде участвовало более 250 человек, среди них 50 женщин. Под общим руководством Ал. Джапаридзе были совершены восхождения на Казбек, Джимарай-хох, Кабарджие, Орцвери, Шино, Шан, Куро, а также на безымянную вершину южнее Шана, названную именем Л.П. Берия.

В «Большом траверсе Центрального Кавказа» автор повествует о сложнейшем переходе от Цурунгала до Шхары включительно, проделанном в 1940 г. группой, руководимой Александрой Джапаридзе. Траверсу предшествовал тренировочно-квалификационный поход в районе Лекзырского ледника с траверсом Главного хребта от перевала Джан-туган до Уллу-кары.

Труднейшим испытанием явилось первое зимнее восхождение на Ушбу в 1943 г., когда семь суток группа отсиживалась на южной вершине Ушбы, в палатках. Этим отчетом заканчивается первая, наиболее обширная (288 стр.) часть книги Ал. Джапаридзе.

Вторая часть ее посвящена исследованиям труднодоступных пещер, куда удалось проникнуть с помощью альпинистской техники. Описываются походы автора в пещеры Уплис-цихе, Хвамли, Орхви, Твиши по заданию Отдела охраны памятников грузинской культуры (1939 г.).

Третью часть книги составляют статьи и заметки Ал. Джапаридзе по вопросам развития альпинизма в Грузии. Следует отметить его заметки о проводнике Ягоре Казаликашвили, об организации альпинистского клуба, участии советских женщин в альпинистском спорте, соображения о восхождении на Демавенд (Иран), статью о роли альпинистов в обороне Кавказа и т.д.

Написана вся книга простым образным языком.

Алеша Джапаридзе предстает перед читателем книги как большой патриот и передовой гражданин Советского государства, проникнутый высоким сознанием долга. Книга отражает основные этапы и вскрывает закономерности развития грузинского и советского альпинизма в целом.

Большое значение труда побуждает нас поднять вопрос об издании ее на русском языке.

Выпуском рецензируемой книги мы во многом обязаны ее редактору Д.Д. Дондуа, известному в Грузии географу и общественному деятелю.

Несмотря на некоторые технические недочеты (особенно в иллюстративном материале), книга издана удовлетворительно. Нет сомнения, что альпинистская литература получает ценное пополнение.

Тбилиси

Л. И. Маруашвили

НАХОДКА НА ВЕРШИНЕ

В год XX-летия советского альпинизма (1943 г.) экспедиция грузинского альпинистского клуба (начальник — Алеша Джапаридзе, участники: К. Ониани, Г. Райзер, Н. Мухин, Г. Зуребиани, Телемак Джапаридзе) в трудных зимних условиях предприняла траверс вершин Ушбы и Шхельды.

Как видно из текста записки, оставленной на южной вершине Ушбы, группа намерена была продолжать свой траверс, но с 6-го по 12 ноября — шесть дней и шесть ночей — оставалась на вершине (!), после чего вынуждена была начать спуск к Гули.

Ниже приводится полный текст записки с сохранением транскрипции автора, в прямые скобки [] взяты слова, зачеркнутые или исправленные рукой начальника экспедиции, память которого чтут все восходители Советской страны, и чье имя по праву носит ныне клуб альпинистов Грузии — родины высокогорного спорта в СССР.

РУССКИЙ ТЕКСТ ЗАПИСКИ

«9/X/ 1943 г.

Рекордно-юбилейная экспедиция Грузинского альпийского Клуба в составе:

1. Джапаридзе Алексей (нач-к) — (Ал. Джапаридзе).
2. Ониани К. — (Ониани).
3. Райзера Г. — (Г. Райзер).
4. Мухина Н. — (Мухин).
5. Зуребиани Г. — (Г. Зуребиани).
6. Джапаридзе Телемака — (Т. Джапаридзе).

Посвящая свой поход XX-летию советского альпинизма совершила восхождение на южную Ушбу по обычному пути с Тульского ледника, откуда вышла l/XI-го, а вершины достигла 6/XI-го поздно вечером.

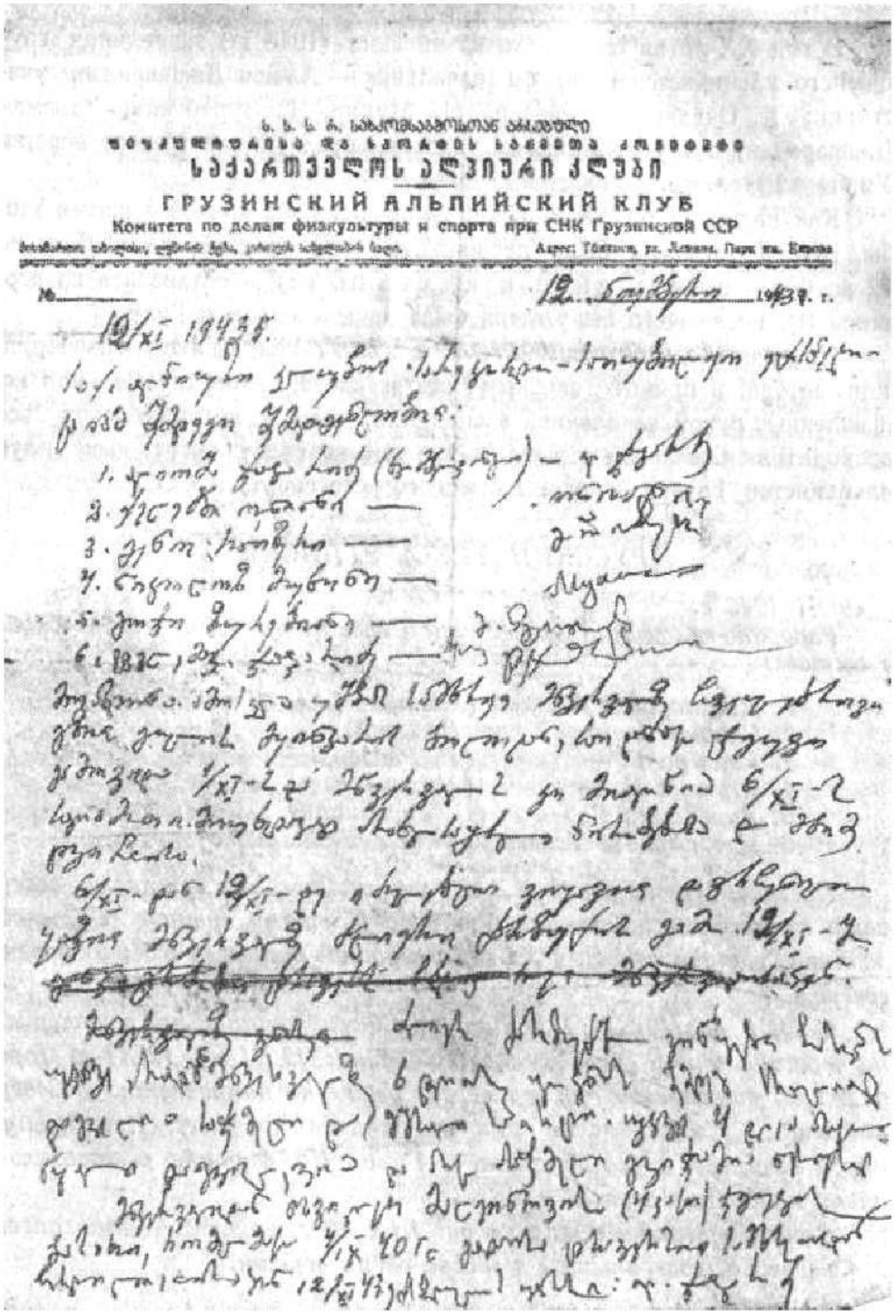
С 6/XI по [19/XI] 12/XI группа была принуждена оставаться на вершине ввиду сильной снежной бури. [9/XI-го] 12/XI-го [продолжала]

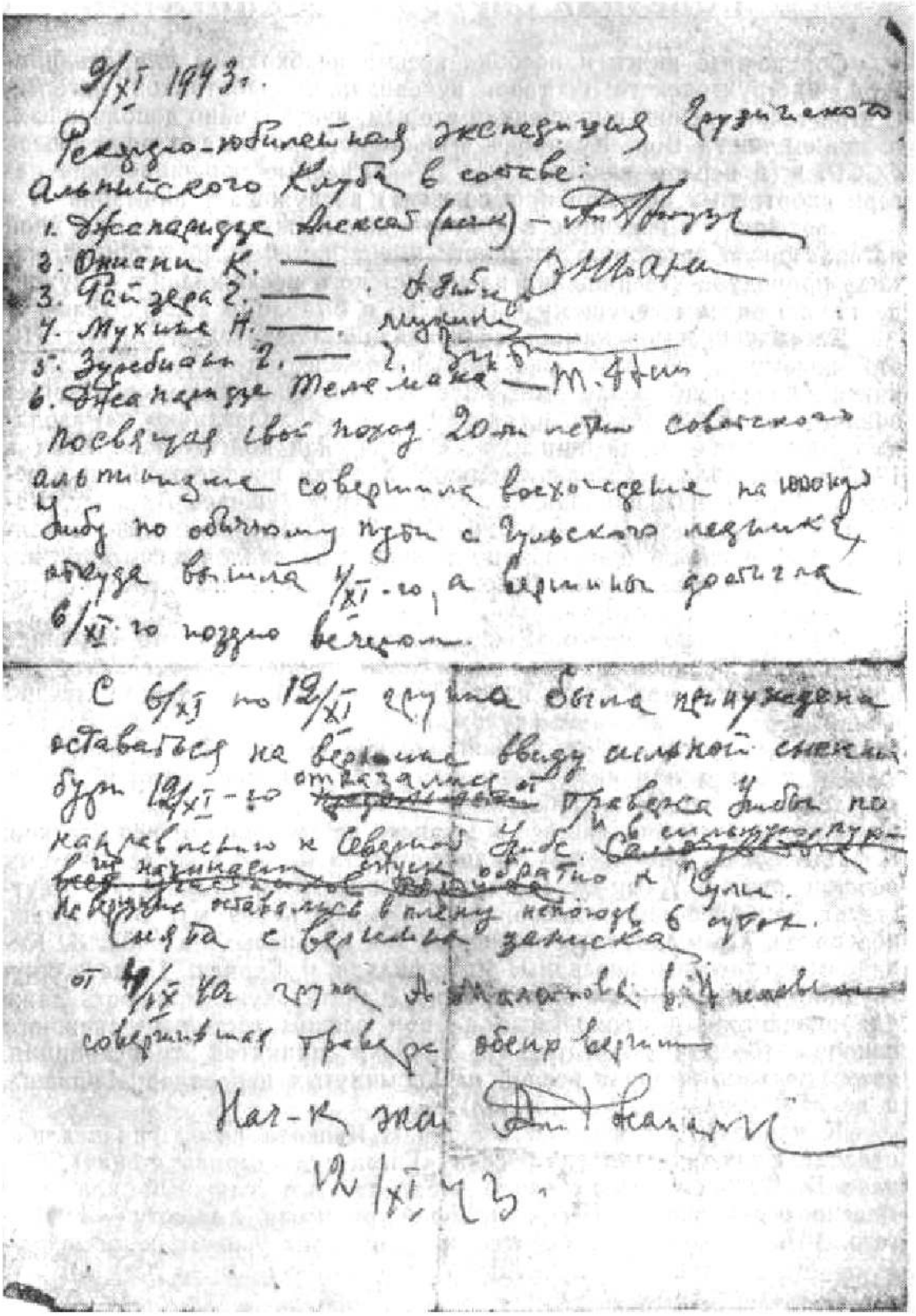
отказалась от траверса Ушбы по направлению к Северной Ушбе. [Самочувствие всех участников хорошее]. И в сильную пургу начинаем спуск обратно к Гули. На вершине оставались в плену непогоды 6 суток.

Снята с вершины записка от 4/IX 40 г. группы А. Малеинова, в 4 человека, совершившей траверс обеих вершин.

Нач-к эксп. Ал. Джапаридзе

12/XI 43 г.





9/XI 1943 г.

Ретроспективная экспедиция Грузинского альпийского клуба в составе:

1. Джапаридзе Алексей (Леша) — А. Бичиевич
2. Ониани К. — К. Ониани
3. Гайдара Г. — Г. Гайдара
4. Мухина Н. — Н. Мухина
5. Зурабиани Г. — Г. Зурабиани
6. Джапаридзе Телемака — Т. Джапаридзе

посвящая свой поход 20-ти летию советского альпинизма совершили восхождение на вершину Ушбу по обычному пути с Гульского ледника, откуда вышли 4/XI-го, а вершины достигли 6/XI-го поздно вечером.

С 6/XI по 12/XI группа была принуждена оставаться на вершине ввиду сильной снежной бури. 12/XI-го ~~отказались от~~ отправились Ушбы по направлению к Северной Ушбе. ~~Самостоятельно~~ ~~не нащупывая~~ ~~путей~~ ~~обратно к Гульчи.~~ ~~Не будучи~~ ~~оставались в плену непогоды в пути.~~

Снята с вершины записка от 4/IX на груп. А. Джапаридзе [illegible] совершившая траверс обеих вершин

Нач-к экс. А. Джапаридзе

12/XI, 43 г.

Записка Алеши (Александра) Бичиевича Джапаридзе от 9 ноября 1943 г., снятая 6 лет спустя с южной вершины Ушбы группой К.Д. Толстова, совершившей траверс Ушбы (текст ее см. на стр. 419). Факсимильное воспроизведение документа выполнено А. Хлебниковым.

ПОЛЕЗНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА

Справочные книги и пособия весьма необходимы для альпинистов, инструкторского состава, руководящих работников лагерей. С этой точки зрения, выпущенная вторым, существенно дополненным, изданием книга Бор. Кудинова «Альпинистские лагери профсоюзов СССР»[1] (в первом издании 1947 г. — «Учебные альпинистские лагери спортивных обществ профсоюзов») заслуживает внимания.

Сведения, помещенные в книге, — как проехать в тот или иной лагерь, какую категорию трудности имеет намеченный маршрут, какова процедура утверждения альпинистского восхождения, — нужны не только впервые едущему в горы, но и бывалому восходителю.

Рассматриваемое нами второе издание (Издательством ВЦСПС это почему-то не оговорено, как положено, на титульном листе книги) дополнено разделами: «Всесоюзная альпиниада спортивных обществ профсоюзов», «Соревнования по скалолазанию», «Разрядные требования по альпинизму», «Физическая подготовка». Если в 1947 г. речь шла о 12 альпинистских лагерях профсоюзов, то в сезоне 1949 г. к ним прибавились «Металлург» (ущелье Адыр-су, Кабарда) и «Торпедо» (ущелье Цей, Сев. Осетия). Значительно пополнена классификационная таблица вершин и перевалов в соответствии с последними указаниями Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта.

На страницах нашего «Ежегодника»[2] отмечалось, что «внешнее оформление брошюры оставляет желать лучшего». Рецензенту отрадно отметить, что новое издание оформлено неизмеримо лучше: изящный рисунок обложек (художник Б. Уханов), более десяти выразительных фотоснимков, четкий, хорошо читающийся шрифт, грамотная верстка

---

[1] Бор. Кудинов. Альпинистские лагери профсоюзов СССР. Издательство ВЦСПС. Профиздат, М., 1949, 132 стр., цена 1 руб. 50 коп., тираж 8000 экз.

[2] О.Д. Гринфельд. О полезном справочнике и неряшливой редакции «Ежегодник». Год 1948, стр. 388-390.

изменили к лучшему облик книги, которой будут пользоваться многие альпинисты и туристы.

Вместе с тем издание все же далеко не свободно от недостатков. К фактическим неточностям следует отнести то, что в числе зачетных вершин района Адыр-су (лагери «Химик» и «Металлург») отсутствует наиболее часто посещаемая Гумачи (3809 м). В перечень перевалов, рекомендуемых новичкам для кольцевых походов, Б. Кудимовым отнесены перевалы Фрешфильда и Гарваш II категории трудности (стр. 16), представляющие значительную сложность даже для значкистов и проходимые не при всяком состоянии снежного покрова. (Заметим, кстати, что вопреки принятой транскрипции, автор дважды именует второй из упомянутых перевалов «Горваш», а не «Гарваш», см. стр. 16, 123).

К наиболее интересным вершинам Кавказа автор справедливо относит Уллутау-чана (по-русски «Гигантская горная стена»). Однако Б. Кудинов незаслуженно «обидел» этот сложный красивый массив, ограничив его II-Б категорией трудности, а высоту — 4201 м (стр. 16). На 103 странице этой же книги мы узнаем из помещенной Кудиновым «Классификации вершин», что II-Б—это трудность 1-й западной вершины, кроме которой имеются другие, от III-Б до V-А категории трудности (стр. 104, №№ 91-93). Кстати говоря, и высота массива достигает в главной вершине 4353 м.

Из зачетных вершин Цейского района автор счел достойным упоминания только пик Николаева, забыв такие достаточно популярные вершины, как Тур-хох. В Цейском районе имеются маршруты вплоть до V категории трудности, а не только «от 2-й до 4-й», как это утверждает автор (стр. 25).

Несмотря на то, что Б. Кудинов и издательство имели достаточно возможностей выпустить тщательно выверенную книгу, неточности, подобные отмеченным выше, щедро разбросаны по всей книжке. «Пятитысячник» Талгар, восхождение на который оценивается от III-Б до V-Б категории трудности, попал в «...вершины 3-й категории трудности» (стр.

45). На другую тянь-шанскую вершину Ак-тау также ведет лишь один «троечный» маршрут, все же остальные, имеющие более высокую категорию, — забыты.

Сведения по лагерям, на наш взгляд, чрезмерно кратки, они не содержат сколько-нибудь полной характеристики районов. Автор иногда некритически переносит сведения из издания 1947 г., не учитывая, что за прошедшие 2-3 года положение изменилось. Он механически повторяет, что лагерь «Адыл-су» спортивного общества «Локомотив» — «один из лучших альпинистских лагерей страны» (стр. 11), хотя во всесоюзном социалистическом соревновании первые места в течение двух последних лет занимали лагери «Молния», «Химик» и «Металлург», при описании которых автор подобного замечания не делает.

Автор не всегда последователен. Так, говоря об одних вершинах (Юсеньги, Чегет-тау-чана, пик Вуллея), он указывает их высоты, вместе с тем другие перечисляемые им наиболее интересные вершины Эльбрусского района (Эльбрус, Шхельда, Ушба) или Цея (Адай-хох, Уилпата, Лагау) оказались в этом отношении обойденными. Не всегда соответствуют данным последних съемок высоты лагерей, указанные Б. Кудиновым. Они завышены для Тянь-шаня, занижены по отдельным районам Кавказа.

Особой тщательности от составителя, да и от редактора книги, требуют помещаемые ими официальные документы. С этой стороны также не все благополучно в рецензируемом нами справочном издании. «Порядок утверждения альпинистских маршрутов» — один из таких документов, регламентирующих наиболее ответственную сторону деятельности лагерей и спортивных групп. В отличие от процветающих в буржуазном альпинизме анархии и бесконтрольности восхождений, советский высокогорный спорт создал свой кодекс, твердо определяющий порядок восхождений. Однако в соответствующей главе книги Б. Кудинова не изложен с должной полнотой порядок утверждения, который больше всего интересует участника восхождения. На законные вопросы: «Как оформить заявку? Куда ее

представить? Как она рассматривается и утверждается?» исчерпывающего и внятного ответа книга не дает. Ссылаться на инструкцию 1946 г., как это неосмотрительно делает автор, значит вводить в заблуждение читателя: этот документ не имеет силы. Вместе с тем мы можем выразить удивление по поводу того, что в книге, подписанной к печати в августе 1949 г., не приводится, хотя бы в изложении, инструкция Всесоюзного комитета «О порядке разрешения учебных и спортивных альпинистских мероприятий», утвержденная в мае 1949 г.

Заметим, что в перечне лиц, правомочных разрешать восхождения, пропущен уполномоченный Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта по лагерям Тянь-шаня, которому предоставлено право утверждать маршруты до V-А категории включительно.

В искаженном виде изложены принципы постепенности восхождений. «Альпинистам, не совершившим восхождения на вершины предыдущей категории трудности или совершившим их более года назад, разрешение не выдается», — пишет Б. Кудинов (стр. 73). Выходит, что альпинист, ходивший на одну вершину II категории трудности, имеет право пойти на маршрут III категории трудности, но тот, кто совершил три восхождения на «двойки» в июле прошлого года, не сможет восходить на «тройку» в августе следующего года.

Говоря о мастерах, автор не указывает, что их группы не могут идти на восхождения без проверки в спасательном отряде одного из лагерей. Немало ошибок в «Классификационной таблице», в которых повинна в первую очередь соответствующая комиссия Всесоюзной секции альпинизма. В комплекс «Готов к труду и обороне» нормы по альпинизму ныне не входят (см. стр. 5).

* * *

Отметим в заключение, что книга повторяет ошибки предыдущего издания: «величайшая» вершина Европы Эльбрус (стр. 11), вместо — «высочайшая»; советы тренироваться в туристских походах с «ночевками вне

помещения и без ночевок» и т.д. По-видимому, редакция при переиздании книги совершенно не учла справедливых замечаний рецензии О.Д. Гринфельда.

Указанные недостатки нетрудно выправить при дальнейшей работе над книгой, которая получит тогда все основания, чтобы стать необходимым карманным справочником каждого альпиниста.

И.М. Найдич

УДАЧНЫЙ ОЧЕРК ПУТЕШЕСТВИЙ В ФАНСКИХ ГОРАХ

Когда мы слышим, что разговор идет о путешествии в горы Средней Азии, в нашем представлении возникают большие караваны вьючных животных, многодневные трудные пути по величайшим ледникам.

У альпинистов, да и у более широкой читательской аудитории, уже создалось довольно определенное представление о характере высокогорных экспедиций. Тем более отрадно показать, что не только путешествие в интереснейшие горные районы Средней Азии, но и некоторая исследовательская работа там вполне по силам даже небольшой, но хорошо подготовленной и слаженной группе альпинистов.

Географическое издательство выпустило в серии литературы о советском альпинизме новую книгу «Фанские горы», принадлежащую перу А.С. Мухина и В.Ф. Гусева[1]. Авторы книги были инициаторами и основными участниками альпинистского обследования интересной части Памиро-Алайской горной системы — Фанских гор. Их усилиями были значительно пополнены и уточнены сведения об орографии этого горного района. Они же совершили во время своих походов несколько интересных первовосхождений.

[1] А.С. Мухин и В.Ф. Гусев. Фанские горы. Под общей редакцией Г.М. Ильичевой. Географгиз, М., 1949, 152 стр., тираж 20000 экз., цена 2 руб. 50 коп.

Книга состоит из двух частей: в первой описаны походы, проделанные авторами вдвоем, в 1937 г.; во второй — маршруты, пройденные уже более многочисленной группой (5 человек), также возглавлявшейся авторами рецензируемой работы.

Живое и красочное описание передает картины трудной работы, проделанной альпинистами, их общие впечатления о природе этого края. «Фанские горы богаты контрастами, часто пейзаж при одном лишь повороте долины меняется до неузнаваемости: тесное мрачное ущелье уступает место светлой, полной жизни зеленой долине; за просторной котловиной бирюзового озера следует темное безжизненное ущелье, заполненное ледником» (стр. 36).

В книге описаны маршруты, охватившие почти весь узел Фанских гор. Путевые впечатления описаны подробно, быть может, даже слишком насыщены мелкими и несущественными деталями, относящимися не столько к окружающей местности или к характеристике пути, сколько к весьма личным впечатлениям и настроениям авторов. Весьма уместны заключающие обе части книги разделы, подводящие итоги каждой поездки. Без этого непосвященному читателю было бы нелегко разобраться в логике выбора маршрутов и тех задачах, которые ими разрешались. Три схемы, помещенные авторами, наглядно показывают результаты их работы.

Хочется отметить последовательность авторов, не ограничившихся (как это нередко бывает с альпинистами) лишь общим знакомством с районом да несколькими восхождениями.

Подводя итоги своей первой поездке, они отмечают: «...фланги центральной части главного хребта Фанских гор — узлы пересечения его с обоими меридиональными хребтами — были исследованы, но пятитысячники северной группы — Чапдара, пик «5304», вершины южного отрезка западного меридионального хребта — пик «5183» и другие — остались в стороне от маршрутов 1937 г.» (стр. 85).

Логическим выводом было решение продолжить альпинистское обследование района. Авторы посвятили этой задаче свое следующее путешествие (1939 г.).

Следует отметить, что книга хорошо издана: нарядная и выразительная обложка, хорошая печать, множество фотографий (правда, далеко не всегда достаточно четких), несколько картосхем.

Вместе с тем мы не можем обойти молчанием и некоторые недостатки книги.

В описании местности недостаточно внимания уделено характеристике форм поверхности. Авторы ограничиваются общими, довольно однообразными фразами вроде: «выжженная солнцем каменная долина бурной реки Сары-таг» (стр. 36); «Наконец, я добрался до места, откуда было видно ущелье правого верхнего Зиндона после его крутого поворота к востоку. Оно шло узким коридором между крутым склоном главного хребта с правой (орографически) стороны и отвесной скалой в несколько сот метров высотою — с левой; с обеих сторон на дно ущелья спускались осыпи, особенно мощные под скалой слева» (стр. 70); «...шли по широкой долине, постепенно поворачивавшей на юг. По ее плоскому дну тихо струился прозрачный поток, небольшие лужайки с густой зеленой травой подходили к самой воде, как где-нибудь на русской равнине, голубенькие незабудки дополняли сходство» (стр. 72); описание подъема к седловине у пика Амушут я спуска с нее — «Подъем к седловине, отнявший у нас лишних 40 минут, был не безопасным: местами под тонким слоем осыпного грунта лежал крутой гладкий лед, зато спуск к седловине по мягкой сланцевой осыпи был очень приятным» и т.п. (стр. 139-140).

Вряд ли этих описаний достаточно для путешественника, называющего себя исследователем.

Излишне много места уделено описанию перипетий с получением вьючных животных. Ретроспективные описания рассказчиком действий

отсутствующих товарищей в обеих частях явно выпадают из общего стиля изложения.

Слишком часто описывается процесс приготовления и принятия пищи. Строки, посвященные собаке, приставшей к путешественникам, иногда находятся на грани анекдота, например: «Недалеко от водопада мы сели передохнуть и увидели перед собой нашу спутницу — собаку. — Ты куда? — спросил я ее. Захмо дружеским вилянием хвоста выказала решимость идти вместе с нами куда угодно» (стр. 37); «Стало ясно, что дальше за нами она не пойдет, высота 4700 метров была, очевидно, ее «собачьим потолком» (стр. 46).

Встречаются явно неудачные обороты вроде «прыгая по громадным обточенным водой камням, низвергался поток...» (стр. 41); «Тропа по мостику перешла с левого берега на правый. Там к ней присоединилась телеграфная линия...» (стр. 98); «Страшно плотное население на крошечной «жилой» площади!» (стр. 51). На стр. 28 написано: «в северный угол (озера Искандер-куль. — Д.З.) впадает речка Серима...», а несколькими строками ниже: «Из северного угла вытекает Искандер-дарья...» Следовало быть точнее.

Приходится пожалеть, что авторы не обратили должного внимания на ледники Дукдонского перевала. Сравнение их современного состояния с описанием, сделанным в 1905 г.[1], было бы весьма интересным и поучительным.

Несомненно, авторы проделали немалую работу, изложив свои впечатления и описав маршруты. Фактический материал представит интерес для читателя, интересующегося горами, и пополнит более чем скудную литературу о Фанских горах, этом интереснейшем районе. Мы считаем, что А. Мухин и В. Гусев написали в целом хорошую и полезную книгу, которая будет с интересом встречена читателем — географом, краеведом, альпинистом. Может быть, пример авторов побудит к организации новых

[1] «Известия Русского географического общества», том XLII 1906, стр. 85.

групп альпинистов и экскурсантов в этот, уже довольно доступный в наши дни горный район.

Д.М. Затуловский

РАССКАЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ВЕЛИЧАЙШЕГО ЛЕДНИКА

За последнее время библиотека альпиниста значительно пополнилась. Однако это пополнение шло главным образом по линии специфически альпинистской, исторической или технической литературы. Книг по смежным с альпинизмом дисциплинам по-прежнему появляется еще слишком мало.

В этом свете большой интерес представляет недавно вышедшая брошюра В.А. Бугаева «На леднике Федченко»[1], Хотя автор ее видный советский ученый-метеоролог (удостоенный Сталинской премии) и не является альпинистом-спортсменом, его книгу с живейшим интересом прочитает каждый любитель гор и горного спорта.

В рамках небольшой по объему брошюры В.А. Бугаеву удалось вкратце изложить историю открытия и исследования ледника Федченко, организацию, задачи и деятельность высокогорной метеорологической и гляциологической станции, созданной в 1933 г. на этом леднике и, наконец, ознакомить читателя с работой небольшой экспедиции в верховьях ледника, проведенной автором в 1946 г.

Особенно ценной и интересной для альпиниста будет вторая часть брошюры — «Высокогорная ледниковая обсерватория». Если история открытия и исследования ледника Федченко неоднократно освещалась как в географической, так и в альпинистской литературе, если высокогорной обсерватории на Эльбрусе посвящено немало книг («Эльбрус» А.М. Гусева, «Три года на Эльбрусе» В.Б. Корзуна и др.), то ее «сверстница» —

[1] В.А. Бугаев. На леднике Федченко. Гидрометеоиздат., Л., 1948, 48 стр. Тираж 10000 эта. Цена 2 р. 50 к.

обсерватория на леднике Федченко — оказалась незаслуженно забытой. Книга В.А. Бугаева заполняет этот пробел.

Живо и красочно описывает автор задачи, стоявшие перед строителями обсерватории, трудности, которые им пришлось преодолеть в своей работе, увенчавшейся созданием научного форпоста на одном из крупнейших ледников мира. Автор знакомит нас с деятельностью и бытом зимовщиков — ее обитателей, с их самоотверженным трудом, трудом маленького, но сплоченного коллектива советских людей. В.А. Бугаев заключает эту часть коротким климатическим обзором района ледника Федченко. При этом автор отмечает, что ...«район ледника Федченко отличается от других высокогорных районов Памира и по температурным условиям » по осадкам». Это является еще одним доказательством того, что метеорологические условия даже в двух соседних районах могут быть весьма различны, что климатическое описание одного ущелья может быть только приблизительно, ориентировочно распространено на другие.

Тем не менее краткие итоги наблюдений, приводимые В.А. Бугаевым, могут быть с успехом использованы альпинистами при восхождениях в данном районе. Некоторые же результаты — связь резких ухудшений погоды с арктическими вторжениями, наблюдения над высотой и сроками таяния снегового покрова и т. д. имеют значение и для всего высокогорного Памира.

Третья часть книги — «Экспедиция в верховья ледника» несколько менее интересна как в своей описательной части, не представляющей для альпиниста чего-либо нового, так и по результатам.

В целом книга написана простым, но выразительным языком и неплохо иллюстрирована, хотя типографское исполнение фотографий оставляет желать лучшего.

Отметим отдельные замеченные нами недостатки, которые могут быть легко исправлены при переиздании.

Главный из них — это отсутствие карт района, хотя бы схематических. Наличие их сделало бы книгу еще более ценной, а ее первую часть —

более наглядной. Следует упрекнуть автора и в том, что в целях придания своей книге большей занимательности, он уделил слишком много внимания и места эпизоду срыва в трещину радиста зимовки С. Буракевича. Сам по себе этот эпизод никак не заслуживает столь подробного и красочного описания.

Наконец, последний упрек, который приходится сделать, относится уже не к В.А. Бугаеву — автору брошюры, а к В.А. Бугаеву — начальнику экспедиции. Плохое физическое состояние участников экспедиции, обусловленное явно недостаточной их акклиматизацией, заставившее сократить сроки пребывания в верховьях ледника, неумело подобранное тяжелое снаряжение (меховые спальные мешки и т.д.) значительно снизили результаты экспедиции. Бели бы В.А. Бугаев внимательнее отнесся к альпинистской стороне экспедиции, ее результаты были бы более значительными. Этот упрек в равной степени относятся и к А.В. Чудайкину, единственному участнику экспедиции — альпинисту, обладающему немалым стажем горовосхождений.

Все эти недостатки, конечно, не умаляют основной ценности книги, уже нашедшей свое признание среди читателей-альпинистов.

А.М. Боровиков

ПО СТРАНИЦАМ СЛОВАРЕЙ

> Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе дозволяют: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое бы не было глупо и неосновательно.
>
> *(Из «Мыслей и афоризмов» Козьмы Пруткова)*[1]

«Однажды несколько человек захотели подняться на вершину снежной горы. Взяли с собой проводников. Проводники приготовили

[1] Козьма Прутков. Полное собрание сочинений, Academia, М.-Л., 1933, стр. 166 (№ 41).

длинные палки (Подчеркнуто и выделено всюду нами. — Г.И.), веревки, лестницу, ломы и съестные припасы. Запаслись также теплым платьем. Было знойное лето, цвели цветы, зрели персики и виноград, а наши путники укладывали в свои котомки теплые шарфы, плащи, меховые рукавицы, шерстяные чулки.

...На другой день путешествие стало трудным, подъем стал круче, тропинка извивалась между уступами, то и дело попадались (видимо, на тропинке? — Г.И.) трещины и камни обсыпались под ногами. Попадались низкие приземистые сосны с раскидистыми верхушками да мелкий кустарник...

...Третий день был самый трудный. Путники дошли до начала снегов. Солнце сияло ослепительно ярко; путники надели темные очки и глазные зонтики, и все-таки у всех заболели глаза от сверкания снега. Градусник доказывал градус мороза, но от сильного ветра мороз казался сильнее, и путники надели все свои теплые вещи...

...Через трещины и ущелья они пробирались по лестнице, которую перекидывали с одного края скалы на другой; в иных местах приходилось вырубать ступени во льду. В опасных местах они связывали себя веревкой и шли гуськом...

...Воздух был редок, и дышать было трудно. Чтобы набрать достаточно воздуха, надо было дышать часто; сердце билось до боли, из ушей и носа показывалась кровь, тело припухло. Голос человека был едва слышен на этой высоте, а пистолетный выстрел напоминал детскую хлопушку»...

Что это? Описание первой попытки подъема на Монблан, заимствованное из хрестоматии начала прошлого века? Вариации на старую тему «Тартарен в горах»? Пародия на рассказ о восхождении?

Разочаруем читателя — приведенный нами отрывок не претендует ни на историчность, ни (тем более!) на юмор. Он сочинен с благой целью разъяснить юному читателю, каким образом люди поднимаются на высокие

горы, и помещен в книге для чтения в третьем классе начальной школы[1], а иллюстрирован в высшей степени поучительным рисунком «Зоны горной растительности», где ледники помещены... на вершине остроконечной горы.

Итак, в 1948 г., из цитированного выше очерка «На вершину горы» ребенок узнает, что для восхождения на вершину горы нужны ломы, лестницы, глазные зонтики и т.п. У него, привыкшего верить авторитету старших, не возникает сомнения в правдивости прочитанного. Но ведь эта книга неизбежно попадает и в руки взрослого читателя — учителя. Желая получить более подробные сведения о горах, он, естественно, обратится к наиболее близкому для него материалу — хрестоматии «По нашей родине»[2]. Но там (на стр. 535-539) он найдет описание восхождения на Хан-тенгри, из которого станет ясно, что альпинисты якобы поднимались на вершину под руководством проводника, связанные канатом, и вбивали под выступы костыли. Несмотря на указание составителей хрестоматии «по М. Погребецкому», мы не без основания предполагаем, что сам победитель Хан-тенгри до сих пор не подозревает о таких подробностях. Из статьи «Пик Победы» (стр. 539-540, по В. Рацеку) невозможно понять, кем и когда была открыта высочайшая вершина Тянь-шаня и определена ее высота.

«Начинаясь в заоблачных ледяных пустынях Эльбруса, Кубань бешено вырывается из-под ледника Улука-ма», — прочтет читатель на стр. 128 хрестоматии («Река Кубань», по А. Круберу). Если он не бывал в горах, то у него создастся неверное представление о том, как реки берут начало с ледников (кстати, ледник, о котором идет речь, называется Уллу-кам, а не Улукам). А ведь книга предназначена для учителей географии!

Больше всего географических погрешностей содержит статья «Горная Сванетия» (стр. 422-425, по С. Кузнецову), где упоминаются долины рек

---

[1] Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, Л.А. Карпинская, В.И. Волынская, А.А. Канарская. «Родная речь». Книга для чтения в третьем классе начальной школы. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, М., 1948, «На вершину горы», стр. 218-220.

[2] «По нашей Родине». Хрестоматия по географии для учителей семилетней и средней школы. Составили Кащенко Б.П., Рауш В.А. и Юзефович Е.Ф. Утверждено Министерством просвещения РСФСР. Издание второе. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, М., 1949.

Ненскрыты (очевидно, Ненскры?) и Долла — Чалы (Долры? Гули-чалы?). Долины реки Долла-чала, «изголовье которой сторожит грозная Ушба», ни на одной карте мы не нашли, так же, как не существует и гигантских ледников на склонах Сванетского хребта. «С севера ее (горную Сване-тию. — Г.И.) обступили дикие вершины, из которых некоторые поднимаются выше 5000 м. Это — Ушба, Тетнульд, Дых-та у, Коштан-тау, Шхара»... — читаем мы там же (стр. 422). Но высота Ушбы и Тетнульда менее 5000 м (4710 м и 4853 м), если Тетнульд и «обступает» Сванетию, то с востока, а не с севера, Дых-тау и Коштан-тау, тоже расположенные к востоку от Сванетии, находятся не в Главном Кавказском хребте, а в его северных, противоположных Сванетии отрогах. Совершенно непонятна фраза: ...«могуче высится вся белоснежная масса десятигорья — Дых-тау, Коштан-тау, Гистола (очевидно, Гестола? — Г.И.) и других белоголовых великанов» (стр. 424). О каком десятигорье идет речь? Что общего между Гестолой и Коштан-тау, расположенных в разных горных узлах, остается тайной составителей хрестоматии.

Однако существуют более солидные источники для выяснения вопроса о том, как люди поднимаются на горы. Что же найдет в них читатель?

Смутно припоминая, что люди, поднимающиеся на горы, называются альпинистами, читатель прежде всего захочет выяснить, что же такое альпинизм. Но ни из «Толкового словаря русского языка»[1], ни из «Словаря русского языка»[2], где «альпинизм» определен как «горный туризм», он не узнает, что основным содержанием альпинизма (в отличие от любого вида туризма, в том числе и горного) являются восхождения на вершины гор.

---

[1] «Толковый словарь русского языка», т. I—IV, под ред. проф. Д.Н. Ушакова, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, М., 1935-1940. В дальнейшем тексте называется «Толковый словарь».

[2] «Словарь русского языка». Составил С.И. Ожегов Главный редактор акад. С.П. Обнорский. Академия наук СССР. Институт русского языка. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, М., 1949. В дальнейшем указывается «Словарь».

Не внесет ясности и Большая Советская Энциклопедия, где альпинизмом называется «практическая деятельность, направленная для исследования высоких гор, а также восхождения на горы с целью эстетической, врачебной, спортивной и т.д.» (т. II, стр. 323-324).

В более тяжелом положении окажется читатель, обратившийся к первому изданию Малой Советской Энциклопедии, где (т. I, стр. 246) он прочтет:

«Альпинизм — горный спорт, спортивно-туристическая и научная деятельность в высокогорных областях. Цель альпинизма — не только спортивные (восхождения на вершины, лыжный и саночный спорт и т.п.), но и научные и практические задачи»...

Перед взорами неискушенного читателя невольно возникает идиллическая картина: люди, давно вышедшие из дошкольного возраста, развлекаются катанием на санках с высоких «снеговых гор»[1]. Ему и в голову не придет, что единственное (к счастью, весьма редкое) применение «санок» в альпинизме связано с транспортировкой пострадавших при несчастном случае в горах.

Но, может быть, удовлетворись правильным (в основном) разъяснением слова «альпинизм» во втором издании Малой Советской Энциклопедии (т. I, стр. 289), любознательный читатель захочет узнать значение других терминов, широко применяющихся в нашей спортивной и географической литературе.

В этом случае он убедится в том, что переиздание энциклопедий не всегда способствует уточнению сообщаемых в ней сведений. Дав в первом издании Малой Советской Энциклопедии (т. VI, стр. 405) правильное определение перевала как понижения в горном хребте, используемого в

[1] О том, что следует писать «снеговые» (а не снежные) горы, хребты, вершины и т.д. мы недавно с удивлением узнали из «Толкового словаря» (т. IV, стр. 318). Оказывается, что говорить «снежная гора» следует только о горе, «сделанной из снега» (там же, стр. 320). Поскольку альпинистам не приходится иметь дело с таковыми, то, очевидно, с точки зрения составителей «Толкового словаря», выражение «снежная вершина», столь распространенное среди наших восходителей, не имеет ни малейшего права на существование. — Г. И.

качестве пути сообщения (в полном согласии с Большой Советской Энциклопедией, т. XLIV, стр. 800-801), ее составители во втором издании изменили свою точку зрения. Отныне, следуя Малой Советской Энциклопедии, мы должны считать, что перевал — это:

«Наивысшая точка горной дороги, соединяющей противоположные склоны хребта. Высота перевала зависит от высоты и формы хребта... Различны перевалы и по доступности: через одни проведены шоссейные... и даже железные дороги..., через другие ведут лишь тропинки, доступные только для вьючных животных» (т. VIII, стр. 91). А что говорят словари?

«Перевал — дорога через горный хребет», — уверяет автор «Словаря» (стр. 521); «перевал — горная дорога через хребет. Крестовый перевал (через Кавказский хребет, по Военно-Грузинской дороге)», — вторит ему «Толковый словарь» (т. III, стр. 99). Комментарии излишни!

Остается лишь задать вопрос: как же быть с теми перевалами, через которые нет не только «горных дорог», но и никаких, тем более «доступных для вьючных животных», тропинок? Ведь далеко не исчерпывающая «Классификационная таблица вершин и перевалов СССР (1949 г.)» насчитывает только на Кавказе семьдесят перевалов, через которые не только нет дорог, но и (в огромном большинстве случаев) даже пешеходных троп. Перевалы это или нет? «Нет! — разъясняют нам словари — пока нет дороги, нет и перевала!».

Из солидных томов словарей и энциклопедий читатель с удивлением узнает, что бараньими лбами называются «округлые вершины гор (!) со следами деятельности ледника» (т. IV, стр. 693, «Большая Советская Энциклопедия»), или, что лавина — это «снежная глыба, низвергающаяся с гор. Лавина катится с горы»[1] («Толковый словарь», т. II, стр. 14).

«Ущелье — узкая и глубокая расселина, трещина между горами», — сообщает ему «Толковый словарь» (т. IV, стр. 1044). О том, что ущельем

[1] Если учесть, что низвергнуться означает попросту «упасть сверху» (там же, стр. 574), то впредь каждую падающую сверху снежную глыбу надлежит именовать лавиной. — Г.И.

обычно называется только такая расселина, по дну которой течет (или текла) река или ручей (часто так и говорят: «ущелье реки такой-то»), очевидно, не подозревают и сами уважаемые составители словаря.

«Ледоруб — топорик, кирка для вырубания ступенек во льду при восхождении на ледники», — читаем мы там же (т. II, стр. 38). Оставив на совести автора уподобление ледоруба топорику (с которым, по нашему мнению, он имеет сходство весьма и весьма отдаленное), мы можем поздравить его с обогащением отечественной спортивной терминологии. Альпинисты до сих пор в простоте душевной считали, что восхождения совершают только на вершины, оказывается, их можно совершать и на ледники.

Но ледорубу еще повезло по сравнению, например, с кошками. Поскольку энциклопедии — и «Большая Советская» и «Малая Советская» — альпинистского значения этого слова вообще не приводят, обращаемся к другим источникам. «Словарь» указывает: «кошки, — ...2. Обувь с шипами для лазания по отвесным местам» (стр. 304); «Толковый словарь» разъясняет более подробно: «...5. Обувь с острыми шипами для лазания на стол бы. То же (!) для хождения по ледникам» (т. I, стр. 1493). Очевидно, обычную в описаниях восхождений (на вершину, а не на ледник, конечно) фразу «Крутизна ледовых склонов возросла, и нам пришлось надеть кошки» составители словаря понимают совершенно превратно.

Из словарей мы узнаем далее, что существуют ущелистые горы («Толковый словарь», т. IV, стр. 1044), что палатка — это «временное летнее помещение из ткани, шкуры, натянутой на остов» (там же, т. III, стр. 21), что плита — это «большой плоский и ровный четырехугольный[1] кусок камня или металла» (там же, стр. 300). Не может не вызвать интереса и категорическое заявление о том, что пик — «заостренная вершина горы с очень крутыми склонами. Пик Сталина на советском Памире» (там же, стр.

[1] Если этот «кусок камня» будет, например, треугольным, то он, видимо, уже не может представлять собой плиты. — Г.И.

256). Оно в корне уничтожает широко распространенное (особенно, среди альпинистов) «заблуждение» в том, что пиком Сталина называется весь массив горы, а не только его «заостренная вершина» (которая к тому же, в данном случае, не столь уже заострена). «Большая Советская Энциклопедия», отмечая, что «высочайший пик (именно высочайший пик, а не высочайшая вершина. — Г.И.) в СССР — Сталина пик» (т. XLV, стр. 348), заставляет невольно задуматься — уж не открыта ли в нашей стране «незаостренная» вершина, превышающая 7495 м.

Читатель, желающий выяснить, что такое «снеговая линия», должен решить заранее, чему он будет верить — «Большой» или «Малой Советской Энциклопедии». Дело в том, что в первой он прочтет «снеговая линия или линия «вечного снега», высота в горах, выше которой снег и лед не стаивают в течение всего года» (т. LI, стр. 501), а во второй, в статье «Ледники», совершенно справедливо указывается, что «обычно ледники спускаются гораздо ниже снеговой линии» (т. VI, стр. 120-121).

Если утомленный чтением мелкого шрифта читатель начнет просто рассматривать помещенные в энциклопедиях иллюстрации, то и здесь он рискует получить некоторые ложные представления. В самом деле, на стр. 79 тома «СССР» «Большой Советской Энциклопедии» помещены два рисунка, на одном из которых, по мысли составителя, изображен «Эльбрус. Высшая точка Кавказа», а на другом «Аманаузский ледник и троговая долина в верховьях Теберды». Однако на первом рисунке острые зубья Шхельды-тау явно доминируют над расположенными в глубине снежными куполами Эльбруса, а на втором Аманаузского ледника вообще не видно, зато сразу бросается в глаза изображенный на первом плане Софруджинский ледник. Заметим кстати, что неудачно подобранная фотография «ледниковые трещины» нарушает общее хорошее впечатление от «Словаря-справочника по физической географии» А.С. Баркова[1], изображение альпинистов с

[1] А.С. Барков. «Словарь-справочник по физической географии». Пособие для преподавателей географии. Издание второе. Учпедгиз, М., 1948. Рецензию А.Н. Вознесенского «Полезный справочник» см. «Ежегодник», 1949 г., стр. 448-450.

длинными палками в руках, перебирающихся через трещины по лестнице (рис. 66) более подходит к цитированному выше отрывку из «Родной речи», чем к солидному научному справочнику.

Но не хватит ли перечислять все те «полезные сведения», которые можно почерпнуть из словарей и которые, к нашему сожалению, далеко не исчерпываются приведенными выше примерами? Заметим лишь в заключение, что некоторые необходимые сведения в них найти нельзя. Приведя пять значений слова «траверс» (в том числе, и «бег лошади боком»), «Толковый словарь» (т. IV, стр. 765) не указывает альпинистского значения этого слова. Среди шести значений слова «тур» (там же, стр. 829) вы не найдете разъяснения того, что же такое тур, который складывается на вершине. Для слова «снежник» не нашлось места в «Толковом словаре», зато его составители считают необходимым сообщить, что в некоторых областях нашей страны «снежурой» называется «снег, пропитанный водою, или снежная масса, образующаяся при выпадении снега на охлажденную воду» (т. IV, стр. 320). Среди 85 289 (не считая 5053 ссылочных) слов «Толкового словаря» нет «камнепада», «ледопада», «силя», «триконя», нет альпинистского значения слов: «кулуар», «камин», «карабин», «контрфорс», «карниз» и многих других. Однако огорчаться этим не следует, — ведь, пожалуй, лучше обойти Предмет молчанием, чем «растолковывать» его в превратном смысле. Поистине прав был Козьма Прутков: «Иногда слова, напечатанные курсивом, много несправедливее тех, которые напечатаны прямым шрифтом»[1].

Г.М. Ильичева

НЕНАДЕЖНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ТЯНЬ-ШАНЮ

В результате работ экспедиции 1943 г. в районе Хан-текгри, были получены новые данные по орографии и оледенению Тянь-шаня.

[1] Ibid, стр. 181 (№ 43).

Обнаружение Меридионального хребта и определение такой высотной отметки вершины, как 7439 м, представляют выдающиеся географические открытия. Совершенные в грозные дни Великой Отечественной войны, они являются замечательным достижением нашей науки, заслугой Военно-топографической службы Советской Армии. Превышая Хан-тенгри (6995 м) на 444 м, пик с отметкой 7439 м оказался высочайшим на Тянь-шане и вторым по высоте в СССР, уступая вершине Сталина на 56 м, за этим пиком было утверждено название «пик Победы».

Впервые сообщение об определении на Тянь-шане высотной отметки вершины, равной 7439 м, было опубликовано в 1944 г. руководителем отмеченной выше экспедиции инженером П.Н. Рапасовым. В своей обстоятельной работе 1944 г. он изложил ход полевых и камеральных исследований, привел таблицы основных вычислений, давших отметку — 7 439 м. В работе[1], опубликованной в 1946 г., П.Н. Рапасов кратко повторил свое сообщение об определении высоты пика Победы.

Позже в периодической печати появились статьи В.И. Рацека, рисующие ход работ той же экспедиции. Рецензируемая статья[2] может рассматриваться как суммирующая материалы предыдущих публикаций В.И. Рацека. Она содержит некоторые интересные и ценные сведения (хотя основная часть их уже известна читателям из указанных выше работ П.Н. Рапасова и из печатных сообщений самого В.И. Рацека).

Весьма большую самостоятельную ценность в статье представляет «Таблица 2» (стр. 62), озаглавленная: «Сравнительные размеры ледников района пика Победы, площади, занятой ими, и сравнительные географические координаты нижней точки ледникового языка». В таблице даны совершенно новые цифровые сведения о 19 крупнейших ледниках массива Хан-тенгри. Несмотря на отсутствие в ней всех ледников района

---

[1] П.Н. Рапасов. Съемка района Хан-тенгри, журнал «География в школе». М., Учпедгиз, 1946, № 1, стр. 40-44.

[2] В.И. Рацек. Новейшие исследования Центрального Тянь-шаня и открытие пика Победы. Труды Узбекистанского географического общества, т. II (XXI), 1948, Ташкент, Издательство Академии наук Узбекской ССР, стр. 46-63.

Мраморной стены, она позволяет впервые определить многие качественные и количественные характеристики и особенности оледенения наиболее высокогорной части Тянь-шаня.

К сожалению, наряду с этим ценным материалом, автор включил в свою статью ряд недостаточно проверенных, неверных и просто невежественных утверждений. Приведем примеры.

В описании истории открытия пика Победы В.И. Рацеком допущены крупные искажения. В.И. Рацек не мог не знать, что первые упоминания в печати о наличии к югу от пика Хан-тенгри Другой высочайшей вершины Тянь-шаня имеются в статье А.А. Летавета «Экспедиция в Тянь-шань» («На суше и на море», № 6, 1938). 5 сентября 1937 г. автор отмеченной статьи со спутниками поднялся на пик Карпинского в восточной части хребта Куйлю и в описании панорамы говорит вполне определенно: «Но больше всего привлекла наше внимание вершина, расположенная к югу от Хан-тенгри (очевидно, в одном из южных притоков ледника Инылчек), которая по своей высоте вполне может спорить с Хан-тенгри» (стр. 7)[1]. В следующем, 1938 г., Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта под руководством того же А.А. Летавета организует специальную экспедицию к этой вершине. Экспедиция совершенно правильно находит вершину в верховьях ледника «Звездочка», а трое из участников экспедиции — Л. Гутман, А. Сидоренко, Е. Иванов, преодолевая при восхождении исключительные трудности, достигают высоты 6 930 м, определенной по альтиметру (см. Л. Гутман. «Экспедиция на Тянь-шань», «На суше и на море», № 1, 1939).

[1] В связи с приведенным выше нельзя не обратить внимания на одну из последних печатных публикаций В.И. Рацека, в которой мы читаем столь знакомые нам строки: «Но больше всего привлекла внимание вершина, лежавшая к югу от пика Хан-тенгри и, казалось, спорившая с ней по высоте» (В. Рацек, «Загадка Хан-тенгри». Объединенное издательство «Правда Востока» и «Кзыл Узбекистан», Ташкент, 1949, стр. 4). Сходство с приведенными выше строками А.А. Летавета бесспорное, хотя автор цитируемого текста не берет цитаты в кавычки, он дается в его контексте как плод размышлений самого Рацека в момент обзора им вершин с пика Сталинской Конституции. Впрочем, это же почти дословно повторено автором (также без ссылок на А.А. Летавета) в очередном его очерке о пике Победы («Глобус», Географический ежегодник для детей, Детгиз, М., 1949, стр. 279). Однако в последнем случае В.И. Рацек идет еще дальше, утверждая теперь, что именно у него (и его Рацека — спутников) 7 сентября 1937 г., когда они «обнаружили огромный снежный массив», который «по высоте спорил с Хан-тенгри», возникли «первые сомнения» в том, что Хан-тенгри является «главной в Тянь-шане» вершиной. — Ред.

До этого восходители на Хан-тенгри в 1936 г. также видели эту вершину и зафиксировали ее на своих фотоснимках, но, не имея масштаба для сравнения, не считали ее столь выдающейся по высоте.

Рассуждения В.И. Рацека о том, что вершина все время скрывается в облаках и не видна для «непосвященного» наблюдателя, фантастичны и лишены всяких оснований. Они опровергаются описаниями и многими фотографиями и панорамами, начиная с известной фотопанорамы Мерцбахера, опубликованной им в 1904 г., и фото в Трудах Украинской научной экспедиции (т. II, Харьков, 1935 г.).

Действительно, представления о высоте вершины были неправильны, и большой заслугой топографов, работавших под руководством П.Н. Рапасова, является произведенное впервые инструментальное определение высоты вершины.

Другое же утверждение В.И. Рацека о том, что открытие пика Победы «является одним из последних выдающихся географических открытий крупного масштаба, которые возможно сейчас совершить в пределах суши земного шара», не только является преувеличением, но и принципиально неверно. Получается, что советский Тянь-шань — это столь мало исследованный горный район, что в нем единственно «в пределах суши земного шара» можно делать крупные географические открытия. Неужели Тибет, Куэнь-лунь, верховья р. Амазонки и т. д. более исследованы, чем советский Тянь-шань? Это грубое и притом клеветническое утверждение.

Ссылка В.И. Рацека на авторитет газеты «Правда» совершенно не основательна, так как в номере газеты «Правда» от 23 марта 1946 г., в котором сообщается о пике Победы, ничего подобного изложенному не говорится и не могло говориться.

Автор приписывает пику Победы роль главной вершины Тянь-шаня, к которой будто бы «сходятся многочисленные отроги хребтов и главные их цепи: Сары-джас, Инышьчек, хребет Сталина...» (стр. 56). Неправильность этого утверждения (повторяемого В.И. Рацеком уже в третьей статье)

наглядно видна даже на схеме, помещенной этим же автором на стр. 48. В действительности, хребты Сарыджасский и имени Сталина, протягиваясь параллельно хребту Кок-шаал-тау, элементом которого и является пик Победы, полностью отделены от последнего глубокими долинами ледников Северного и Южного Инылчека, а хребет Инылчекский отделен от пика Победы тремя долинами ледников Комсомолец, Турист, Дикий. Отсутствие вершины, которой можно бы приписать роль центрального узла главных хребтов Тянь-шаня, было отмечено в нашей работе[1], опубликованной в 1948 г.

В.И. Рацек сообщает также, что со склонов пика Победы, находящегося якобы в 16 км южнее Хан-тенгри (стр. 55), стекают ледники Кара-гюль и Тугбельчи (стр. 56). Оба эти утверждения, неутомимо повторяемые автором уже в третьей статье, неверны, в чем легко можно убедиться, проверив их по схеме, опубликованной самим же В. И. Рацеком в 1946 г. («Вопросы географии», сборник первый, стр. 87). В действительности: 1) ледники Кара-гюль и Тугбельчи стекают с восточных склонов Меридионального хребта и вследствие этого, отделенные его водораздельным гребнем от пика Победы, никак не могут стекать со склонов этой вершины; 2) от Хан-тенгри пик Победы отстоит в 20 км, а не в 16 км.

Утверждение автора о продолжении Сарыджасского хребта на восток за Меридиональный хребет (стр. 59 и стр. 48 — схема) не соответствует действительности. Находясь в 1946 г. на вершине пика Мраморной стены, автор рецензии непосредственно наблюдал, что Сарыджасский хребет протягивается от Меридионального хребта лишь на запад (см. схему на стр. 187 в работе, цитированной выше).

В.И. Рацек явно преувеличивает роль экзарации. По его сообщениям, долины в Центральном Тянь-шане деятельностью ледников углублены на 600-800 и даже 1200 м (стр. 60). По-видимому, в подтверждение, что это не

[1] А.А. Летавет и Е.В. Тимашев. Покорение пика Мраморной стены, Ежегодник «Советского альпинизма», М., 1948, стр. 206.

ошибочное заключение, основанное на визуальном наблюдении в поле, автор тут же в скобках поясняет: «(Вычисления глубины выпахивания произведены по фототеодолитным пластинкам, с некоторым округлением цифр)». Однако до опубликования В.И. Рацеком разъяснения, каким же путем он сумел вычислить подобные глубины выпахивания по фототеодолитным пластинкам, нужно признать, что цифры 600 и 1200 м резко противоречат данным современной геоморфологии о возможных масштабах воздействия горных ледников на рельеф.

Совершенно незаслуженно умаляет В.И. Рацек значение работ украинских экспедиций 1929-1932 гг. Ток, на стр. 50 он пишет: «...топографы не воспользовались топографическими итогами украинской экспедиции...» и якобы «материалы, с таким трудом собранные участниками экспедиции 1929-1932 гг., служили лишь узкому кругу людей...». В действительности, опубликованные работы и особенно «Труды украинских экспедиций в Центральном Тянь-шане» широко известны научной и альпинистской общественности, а на листах топографических карт, изданных до 1945 г., указано использование материалов этих экспедиций.

Автор непомерно преувеличивает набор предметов (не учтя их веса), которые приходится носить на своих плечах топографам, работающим в высокогорье. На стр. 53 автор рисует такую картину: «Взбираясь наверх, каждый нес, кроме постоянного в этих условиях альпинистского рюкзака, туго набитого десятком необходимых вещей, тяжелый фототеодолит с треногами, фотопластинки и другие приборы». Невольно возникает изумление «каждый нес... фототеодолит с треногами»? Зачем же нужно так много теодолитов и треног? Но уже получившийся вес, несомый участником восхождения, показался В.И. Рацеку недостаточным, и он подчеркивает: «Геодезисты подчас прибавляли ко всему этому грузу трехметровое бревно (Разрядка всюду наша. — Е.Т.) для установления на вершине геодезического знака». Автор статьи, по-видимому, не учел, что если подсчитать вес фототеодолита с треногами, трехметровое бревно, пластинки, другие

приборы и туго набитый рюкзак, то суммарный вес окажется не под силу даже знаменитому сочинителю невероятного — Мюнхаузену.

Досадное чувство вызывает весьма небрежное литературное оформление работы, путаная, неправильная транскрипция географических названий. Так, на стр. 56, при перечислении ледников, написано «Кара-гуль» и «Токбельчи», а на стр. 62 «Карагюль» и «Тугбельчи»; на протяжении всего текста статьи хребты называются: «Меридианальный» и Кок-шалл-тау», тогда как нужно писать «Меридиональный» и «Кок-шаал-тау». Встречаются вычурные, непонятные выражения: «После своей депрессии в прорыве реки Сары-джаса хребет Кок-шалл-тау примыкает к массиву пика Победы сравнительно небольшими высотами...» (стр. 59). Что такое «депрессия в прорыве реки» автор не пояснил.

В статье имеются и просто невежественные утверждения.

Так, на стр. 47 В.И. Рацек утверждает, что «...реки, стекающие с южных склонов Терскей ала-тау и остальных хребтов, расположенных от него на юг, относятся к бассейну великой реки Центральной Азии — Тариму». Между тем уже весьма давно достоверно известно, что многочисленные реки южных склонов центрального и западного Терскея, а также хребтов Чакыр-корума, Борколдоя и многих других, расположенных к югу от Терскея, принадлежат к бассейну Нарына и никакого отношения к «бассейну великой реки Центральной Азии — Тариму» не имеют.

Далее автор статьи позволил себе заявить: «Хребет Меридианальный от пересечения им хребта Сары-джас следует к югу высотами 6276 м (пик Пржевальского, на картах старого издания — пик Николай Михайлович)...» (стр. 59). Не узнав истории происхождения названия вершины и основываясь на случайном совпадении, В.И. Рацек заменил имя и отчество, принадлежащие одному лицу (в данном случае великому князю, который с 1892 г. по 1917 г. состоял председателем Русского Географического общества), фамилией другого человека (прославленного русского

путешественника)[1]. На стр. 50, карту масштаба 1 : 84000 В.И. Рацек, в пояснении, называет «(одноверстка)», тогда как в действительности это «двухверстка».

Автор статьи сообщает, что в VII в. нашей эры вершина «которую мы теперь называем пиком Хан-тенгри, Сюань-Цзянь назвал «Властелином духов» (стр. 47). Эта «историческая справка» вызывает только недоумение: почему же еще в VII веке китайский путешественник назвал вершину по-русски — «Властелин духов», а «мы теперь называем» ее на ином языке — «Хан-тенгри»? До В.И. Рацека было известно, что название «Властелин духов» — это лишь одно из толкований нерусского имени (Хан-тенгри) в переводе на русский язык[2].

В связи с вышесказанным, особенное сожаление вызывает то обстоятельство, что, публикуя свое сообщение в сборнике научных работ, автор не счел нужным пояснить, на основании чьих же трудов написаны все его сообщения. Читателю остается неясным, где же в своей статье В.И. Рацек освещает результаты собственных исследований, а где он лишь популяризирует чужие материалы. Во всем тексте дана лишь единственная ссылка (стр. 51), да и то без указания названия работы и ее автора. В конце статьи нет даже списка литературы, поэтому читатель лишен возможности узнать подробнее, или хотя бы уточнить, столь неожиданные сведения, сообщенные автором, как, например из истории географических названий.

---

[1] О переименовании этой вершины («пик Николая Михайловича») в «пик 100 лет ВГО» см. «Известия Всесоюзного Географического общества», т. 82, вып. I, 1950, стр. 88. — Е.Т.

[2] Заметим здесь, что по-монгольски «тенгри» означает «небо», а не «духи»; поэтому, «Хан-тенгри» правильнее пояснить — «Властелин неба» или «Властитель неба», как переведено в статье выдающегося географа Д.Н. Анучина («Землеведение», кн. 4, 1911, стр. 2).

Несколько более свободное толкование «Хан-тенгри» — как «Царь духов» (видимо, основанное на беседах с местным населением) было предложено первым исследователем Тянь-шаня П.П. Семеновым. Пораженный видом Хан-тенгри и окружающими его вершинами, которые он наблюдал с Кок-джарского перевала, знаменитый географ записал, что всей этой горной группе, местные жители ...«метко дал» поэтическое название Тенгри-тага (Хребет духов), уподобляя эти снежные вершины небесным духам, а увенчивающего их и подавляющего своим величием исполина, — Хан-тенгри, то есть царю этих небесных духов. Отсюда произошло и китайское название всей горной системы Тянь-шань (Небесные горы)» (П.П. Семенов-Тян-Шанский. Путешествие в Тянь-шань в 1856-1857 гг. Географгиз, М., 1948, стр. 297). — Е.Т.

Между тем извлечения из статьи В.И. Рацека без должной критической проверки и отбора, уже помещены в учебной географической литературе[1].

Подводя итоги, приходится сделать вывод, что рецензируемая статья в целом (особенно ее текстовая часть) не может служить надежным источником сведений по такой серьезной теме, как «Новейшие исследования Центрального Тянь-шаня и открытие пика Победы».

Е.В. Тимашев

В ПОМОЩЬ АЛЬПИНИСТУ

Библиографический указатель литературы за 1949 год.

ГЕОЛОГИЯ

Белоусов В.В. Общая геотектоника. М., Геологиз, 1948, 599 стр. с илл. и вкл. картами.

Книга дает критическую сводку современных данных в области геотектоники, приводит их в систему и выявляет основные закономерности структурного развития земли. В книге освещается методика геотектонического анализа и дается критический обзор прежних и современных геотектонических концепций.

Беляевский Н.А. Альпийская тектоника Западного Куэнь-Луня. Известия Академии наук СССР, серия геологическая, 1949, № 2, стр. 19-42.

Бублейников Ф.Д. Земля, ее строение и развитие. Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. члена-корреспондента Академии наук СССР Д.И. Щербакова. М., Учпедгиз, 1949, 176 стр. с илл.

В главе «Изменения поверхности земли» рассказывается о влиянии ледников на изменение поверхности земли, о землетрясениях и вулканических явлениях.

---

[1] По нашей Родине. Хрестоматия для учителей. Составили Кащенко Б.П., Рауш В.А. и Юзефович Е.Ф. Издание второе. Учпедгиз, М., 1949.

Бублейников Ф.Д. Как устроена земля. М., Геологиз, 1949, 219 стр. с илл.

Автор рассказывает о том, что такое земля, каковы ее поверхность и внутреннее строение, как меняется земная кора под влиянием геологических сил из чего она состоит и т.д.

Отдельные главы освещают вопросы разрушения гор, разрушения земной поверхности льдом; дано описание гигантского горного ледника Федченко в горах Памира, а также краткие сведения о вулканических извержениях.

Геология, тектоника и полезные ископаемые Грузинской ССР. Сборник статей. М.-Л., Геологиз, 1948, 42 стр. (Министерство геологии Союза ССР Грузинское геологическое управление).

Докучаев В.В. Сочинения, т. 1. Работы в области геологии. М.-Л., изд-во Академии наук СССР, 1949, 496 стр. с илл.

В данном томе помещены важнейшие геологические и геоморфологические работы, относящиеся к первому периоду научной деятельности автора.

Максимов К.К. Годовой и суточный ход давления атмосферы на станции Тянь-шань. Труды Центральной аэрологической обсерватории 1949 вып. 4, стр. 175-180.

Маруашвили Л.И. Закономерности гипсометрического развития горных областей. Природа, 1949, № 8, стр. 16-24.

Михайлов Д. Я. Тянь-шань как область интенсивной эрозии-Известия Всесоюзного географического о-ва, 1949, вып. 1, стр. 105-106.

Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. – Л., изд-во Академии наук СССР, 1931-1949 (Академия наук СССР. Труды комиссии по истории знаний).

Период первый, обнимающий XVII и XVIII вв. (Гмелин, Даллас Георги). 1931, 153 стр.

Период второй (1801-1850). (Гельмерсен и Гофман, Миддендорф Чихачев, Щуровский, Эрман). 1933, 257 стр.

Период третий (1851-1888). (Кропоткин, Маак, Меглицкий, Чекановский, Черский, Шмидт). 1934, 354 стр.

Период четвертый (1889-1917). (Систематических государственных исследований). 1937, 573 стр.

Период пятый (1918-1940).

Вып. 1. Введение. Общий обзор исследований Сибири с 1918 по 1940 г. и их результатов. Краткие биографии главных исследователей. Указатели к выпускам II-VIII. 1949, 50 стр.

Вып. 2. Западно-Сибирская низменность, Восточный склон Урала и Тургайская впадина. 1947, 63 стр.

Вып. 3. Северная или Сибирская часть Казахстана. 1947, 108 стр.

Вып. 4. Алтайско-Саянская горная страна. 1944, 240 стр.

Вып. 5. Сибирская платформа. Таймырский край и Восточный Саян 1945, 126 стр.

Вып. 6. Прибайкалье, Байкальское нагорье, Забайкалье и Алданская плита. 1945, 118 стр.

Вып. 7. Амурский край, Южное Приморье и остров Сахалин. 1946, 115 стр.

Вып. 8. Северо-Восточная область. 1946, 79 стр.

В этом огромном пятитомном труде академик В.А. Обручев широко излагает историю и библиографию изучения геологии Сибири от XVII в. до предвоенного периода — 1940 г.

Автору этого научного исследования присуждена Сталинская премия в 1949 г.

Обручев В.А. Деятельность Академии наук в области геологического и географического изучения нашей страны. В сб. Юбилейная сессия Академии наук СССР, 15 июня — 3 июля 1945 г., т. 1, М.-Л., 1948, стр. 87-100.

Обручев В. А. Происхождение гор и материков. Изд. 2-е доп. Гос. изд. техн.-теорет. литературы, 1949, 36 стр. с илл. (Научно-популярная библиотека).

Автор в популярной форме рассказывает, из чего состоят горы, как они образовались и почему происходит разрушение гор.

Соколов Д.В. Карадаг в Крыму. Геологическое описание. Материалы Азово-Черноморского геологического управления по геологии и полезным ископаемым. 1948, Сб. 23, стр. 3-68.

Сулаквелидзе Г.К. К вопросу об образовании и движении снежных лавин. — Труды Института физики и геофизики (Академия наук Грузинской ССР), 1949, т. XI, стр. 101-110.

Тихомиров И.К. Кто был первым исследователем Хибин? Известия Всесоюзного Географического о-ва, 1949, вып. 4, стр. 427-428.

О первом посещении Хибинского массива в 1834 г. работником русской геологии капитаном корпуса горных инженеров Широкшиным.

Тушинский Г.К. Лавины. Возникновение и защита от них. Под ред. д-ра геогр. наук проф. К.К. Маркова. — М., Географгиэ. 1Р49, 213 стр. с илл., 2 вкл. илл. (Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова. Научно-исследовательский институт географии).

В книге, на основании изучения Хибин и горных районов Кавказа, теоретически разработан вопрос о причинах образования лавин. В отдельной главе даны прогнозы о лавинной опасности и о способах борьбы с нею. Книга полезна для альпинистов, участников горных экспедиций. В приложении даны: «Организация работ по исследованию лавин», «Правила поведения на лавиноопасных склонах» и список литературы.

Яговкин В.И. К вопросу об истории развития рельефа хребта Чингиз в Восточном Казахстане. — Вестник Академии наук Казахской ССР, 1949, № 8, стр. 43-48.

Яковлев Д.А. Жизнь земли. Под ред. члена-корреспондента Академии наук СССР Д. И. Щербакова. 2-е изд. М. —Л., Гостоптехиздат, 1649, 283 стр. с илл. и карт., 2 л. илл.

В книге рассказывается о происхождении земли, о горных породах и их участии в строении земной коры, о появлении и развитии жизни на земле, о работе воды и льда, о деятельности человека, преобразующей лик земли, о вулканах и землетрясениях.

Яковлев С.А. Общая геология. 9-е изд., перераб. по программе геолого-развед. техникумов. М.-Л., Геологиз, 1948, 722 стр. с илл., 5 л. илл. и карт.

ГЕОМОРФОЛОГИЯ

Валян С.П. О происхождении горы Арагац в свете новых морфологических данных. Известия Академии наук Армянской ССР. Физико-математические, естественные и технические науки, 1949, № 1, стр. 53-60.

Результаты исследования.

Горн Н.К. О геоморфологии горного Крыма. Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 36-45.

Григорьев А.А. О путях развития геоморфологии в СССР. Труды Института географии Академии наук СССР, 1948, вып. 39, стр. 5-7.

Марков К.К. Методика составления геоморфологических карт. Труды Института географии Академии наук СССР, 1948, вып. 39, стр. 278-290.

Сваричевская З.А. О геоморфологическом картировании. Труды Института географии Академии наук СССР, 1948, вып. 39, стр. 274-277.

Скворцов Ю.А. Методы геоморфологического анализа и картирования. Труды Института географии Академии наук СССР, 1948, вып. 39, стр. 265-273.

Солнцев Н.А. Снежники как геоморфологический фактор. М., Географгиз, 1949, 92 стр. с илл. (Московский ордена Ленина

Государственный университет имени М.В. Ломоносова. Научно-исследовательский институт географии).

Содержание: К истории вопроса. Снежный покров и снежники. Генетический ряд — «снежник — ледник». Работа снежника. Нивальные формы рельефа. Роль снежников в географическом ландшафте.

Тимашев Е.В. Маршрутные геоморфологические наблюдения в верховьях ледника Сагран летом 1947 г. Известия Всесоюзного Географического общества, 1949, вып. 4, стр. 386-401.

Автор — участник альпинистской экспедиции на Северо-западный Памир в верховья ледника Сагран, организованной Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта. Руководитель альпинистской части — В.М. Абалаков.

Труды Института географии. Вып. XXXIX. Проблемы Геоморфологии. М.-Л., 1948, 319 стр. с илл. и карт.

Переработанные и дополненные материалы геоморфологической конференции 1941 г.

В сборник вошли различные доклады по разделу «Основные проблемы геоморфологии гор»: — Шульц С.С. Роль тектонических процессов и образование современного рельефа Тянь-шаня и др.

Цамерян П.П. и Аванесян С.Н. О возрасте метаморфических сланцев северного склона хребта Мургуз (Армения). Известия Академии наук СССР, серия геологическая, 1949, № 6, стр. 215-216.

ПЕТРОГРАФИЯ

Афанасьев Г.Д. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг о приоритете русских петрографов. 26 лет со дня выхода книги «Успехи петрографии в России». Известия Академии наук СССР, серия геологическая, 1949, № 6, стр. 9-12.

Белянкин Д.С. Отечественная петрография и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. К 10-летию со дня кончины. Известия Академии наук СССР, серия геологическая, 1949, № 6, стр. 3-8.

Лучицкий В.И. Петрография. 6-е перераб. изд., т. 2. Горные породы. М.-Л., Госгеологиздат, 1949, 437 стр. с илл. и карт.

Книга является учебником для кузов. Подробно рассматриваются процессы образовании горных пород, их географическое распределение, а также изложены главные этапы развития петрографии.

Титов А.Г. Минералогия и петрография. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников пед. институтов. М., Учпедгиз, 1949, 103 стр. с илл. (Главное Управление высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. Научно-методический кабинет по заочному обучению учителей).

Швецов М.С. Петрография осадочных пород. 2-е перераб. изд. М.-Л. 1948. 388 стр. с илл. и карт.

Книга является пособием для геологических специальностей вузов.

ВУЛКАНОЛОГИЯ

Бончковский В.Ф. Землетрясения, их причины» изучение и способы борьбы с их последствиями. М.-Л., 1949, 86 стр. с илл., 2 вкл. карт. (Академия наук СССР. Научно-популярная серия).

В книге описываются наиболее характерные землетрясения, включая Ашхабадское (1048 г.). Рассматриваются причины землетрясений, географическое распространение и возможности предсказаний землетрясений и ослабления их разрушительных последствий. Книга иллюстрирована фотографиями, схемами, чертежами и картами географического распределения горных систем и областей землетрясения.

Бончковский В.Ф. Землетрясение в Ашхабаде. Вестник Академии наук СССР, 1948, № 12, стр. 18-19.

В статье описывается ашхабадское землетрясение, происшедшее в октябре 1948 г.

Влодавец В.И. Вулканы Советского Союза. М., Географгиз 1949, 162 стр. с илл. и карт. (Явления природы).

В популярной форме объясняются причины вулканических явлений; описаны типы извержений, кратко излагается история исследования вулканов нашей Родины, начиная со времен первого исследователя Камчатки С.П. Крашенинникова (XVIII в.). Основной раздел книги дает представление о вулканической деятельности на нашей территории с древнейших времен. Приведена главнейшая литература о вулканах Советского Союза.

Гаряев Л. Там, где изучаются землетрясения. На сейсмической станции «Москва». «Московский комсомолец», 1949, 11 января.

Горшков Г.П. Землетрясения на территории Советского Союза. М., Географгиз, 1949, 120 стр. с илл. и карт. (Явления природы).

Научно-популярная книга характеризует различные сейсмические области в СССР, особенно Крым и Кавказ, Среднюю Азию (в частности, Туркмению) и др. Приводятся данные об особенностях наиболее значительных землетрясений, их причинах. Автор делает выводы о возможностях предсказаний землетрясений.

Губин И.К. Землетрясения в Гармской области. М., 1949, 96 стр. с илл. и карт. (Академия наук СССР. Труды Геофизического института, № 8. Гармская экспедиция).

Набоко С.И. Новый побочный кратер Ключевского вулкана, прорвавшийся 23 октября 1946 г. Бюллетень Вулканической станции на Камчатке, 1949, № 16, стр. 12-16.

Автор описывает место прорыва, морфологию вулкана, рассматривает характер извержения и дает характеристику продуктов извержения.

Обручев В.А. Молодая вулканическая область Большого Хингана. Вопросы географии, 1949, сб. 12, стр. 17-28.

Обручев В.А. Новые данные о вулкане Парикутин. Природа, 1949, № 5, стр. 40-42.

Саваренский Е.Ф. Землетрясения, их причина и изучение. Стенограмма публичной лекции. М., Издательство газеты «Правда» 1949, 23 стр.

с илл. и карт. (Всесоюзное о-во по распространению политических и научных знаний).

Кратко охарактеризованы наиболее сильные землетрясения, их особенности и географическое распределение землетрясений.

Семенов П.Г. Причины землетрясений в Средней Азии. Коммунист Таджикистана, 1949, 20 марта.

Чернявский Е. Землетрясения и пути их предсказания. Правда Востока, 1949, 19 июля.

В статье рассматриваются причины землетрясений и даны выводы о возможности их предсказания.

ГЛЯЦИОЛОГИЯ

Бугаев В.А. На леднике Федченко. Л., Гидрометеоиздат, 1948, 48 стр. с илл.

Брошюра рассказывает о леднике Федченко — одном из интереснейших географических объектов Памира, о высочайшей в мире высокогорной геофизической обсерватории, о жизни зимовщиков на ней и о некоторых результатах их работы. См. ред. А.М. Боровикова в нашем «Ежегоднике».

Зюзин А.С Ледник Кашка-таш. Известия Всесоюзного географического о-ва, 1949, вып. 4, стр. 429-430.

Иванов А.Х. Об оледенениях северо-восточной части Монгольского Алтая. Труды Монгольской комиссии Академии наук СССР. Комитет наук Монгольской Народной Республики, 1949, вып. 38, стр. 29-40.

Кузнецов М.А. Снежные хижины «иглу». М.-Л., изд-во Главсевморпути, 1949, 100 стр. с илл.

В книге даны сведения, необходимые работникам экспедиций, о строительстве снежных жилит полевого типа.

Содержание: Строительный материал. Постройка, оборудование и эксплуатация снежных хижин. Некоторые особенности снежных хижин.

Инвентарь, необходимый для постройки и оборудования снежных хижин. Из опыта применения снежных построек в полярных экспедициях.

Олюнин В.Н. К истории оледенения массива Фишт и Оштен. Труды Института географии Академии науЯТССР, 1949, вып. 43, стр. 104-113.

Пальгов Н.Н. Крупнейший узел современного оледенения в Джунгарском Ала-тау. Известия Всесоюзного географического о-ва, 1949, вып. 1, стр. 3-16.

Автор — руководитель экспедиции Академии наук Казахской ССР 1947 г. — приводит свои наблюдения и исследования в области гляциологии в районе Джунгарского Ала-тау.

Рацек В.И. Ледник имени Г.Е. Грумм-Гржимайло. Известия Всесоюзного географического о-ва, 1949, № 1, стр. 103.

О переименовании ледника Нотгемейншафт на Памире.

Тронов М.В. Очерки оледенения Алтая. М., Географгиз, 1949, 375 стр. с илл. и карт. (Записки Всесоюзного географического о-ва. Новая серия, т. 9).

Автор дает описание ледников и общую физико-географическую картину оледенения Алтая, анализ орографических и климатических условий оледенения, типизацию ледников Алтая и характеристики оледенения отдельных хребтов Алтая. В приложении дан сокращенный список ледников Советского Алтая. Книга удостоена Сталинской премии в 1949 г.

ГЕОГРАФИЯ

Анучин Д.Н. Избранные географические работы. Под общ. редакцией акад. Л.С. Берга. М., Географгиз, 1949, 337 стр. с илл. Сборник статей.

Содержание. География. Картография и географические карты. География XVIII в. и Ломоносов. Землеведение в России. География в Московском университете за первое столетие его существования. Суша. Краткие сведения по орографии. О землетрясениях. Землетрясения и вулканические извержения последнего времени.

Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., Географгиз, 1949, 52 стр. (Русские путешественники).

Брошюра посвящена первым русским землепроходцам — пионерам исследования Монголии и Северного Китая — Василию Тюменцу, Ивану Петлину и Федору Байкову.

Берг Л.С. Достижения советской географии (1917-1947). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1947 г. в Ленинграде. Л., Лениздат. 1948, 48 стр. (Всесоюзное о-во по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение).

Стенограмма лекции состоит из следующих разделов: Успехи страноведения (История землеведения). Успехи физической географии (Геоморфология. Метеорология. Гидрология. Океанография. Мерзлотоведение. Гляциология).

Берг Л.С. Очерки но физической географии. М.-Л., 1949, 339 стр. с илл., 2 вкл. с карт. (Академия наук СССР. Серия «Итоги и проблемы современной науки»). Отдельный очерк «О предполагаемой связи между великим оледенением и горообразованием» представляет интерес для альпинистов.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд., испр. и дополн. М.-Л., изд-во Академии наук СССР, 1949, 465 стр. с илл., 2 вкл. и карт. (Академия наук СССР. Серия «Итоги и проблемы современной науки»).

Очерки: «Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский как географ» (стр. 320-328); «Н. М. Пржевальский как путешественник» (стр. 329-336); «В.В. Докучаев и учение о географических зонах» (стр. 337-348).

Добрынин Б.Ф. Физическая география Западной Европы. М., Учпедгиз, 1948, 416 стр. с илл., с вкл. картами.

Учебное пособие по курсу физического страноведения. В книге проведен региональный и комплексный (ландшафтный) метод, соответствующий основным принципам физического страноведения с описанием и характеристикой отдельных частей и областей Западной

Европы. Отдельные главы дают описания Альп, Юрских гор, Карпат — их рельефа, основных черт геологического строения, орографии, климата и растительности. В книге много иллюстраций и карт. Приведен список важнейшей литературы и алфавитный указатель географических названий.

Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и Б.Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М., Географгиз, 1949, 93 стр.

Очерки о жизни и географической деятельности двух выдающихся ученых.

Калесник С.В. Человек и географическая среда. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в 1949 г. в Ленинграде. Л., 1949, 33 стр. (Всесоюзное о-во по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение).

Автор рассматривает вопрос о взаимодействии человеческого общества с географической средой и показывает на ряде факторов огромное влияние человека на преобразование природы.

Лебедев Д.М. География в России XVII в. (допетровской эпохи) Очерки по истории географических знаний. М.-Л., Изд-во Академии наук СССР, 1949, 236 стр. с илл., 1 вкл. картой. (Академия наук СССР. Институт географии. Серия «Итоги и проблемы современной науки»).

Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.-Л., Изд-во Академии наук СССР, 1948, 210 стр. с илл., 2 вкл. карт.

Книга представляет обзор географических исследований Монголии. Автор рассказывает в главе «Замечательные русские исследования Монголии» (стр. 50-119) о выдающихся путешественниках: Н.М. Пржевальском, Г.П. Потанине, М.В. Певцове, П.К. Козлове и др. Даны описания горных маршрутов и географических исследований и достижений русских экспедиций в Монголии.

Счастнев П.Н. и Терехов П.Г. Общее землеведение. Учебник для пед. училищ. Изд. 2-е, доп. М., Учпедгиз, 1949, 352 стр. с илл., 2 вкл карты.

В главе «Внутренние силы, изменяющие поверхность земли» и «Внешние силы, изменяющие поверхность земли» (стр. 117-142), рассказывается о происхождении гор, о вулканических явлениях, о землетрясениях и о работе ледников. Отдельная глава «Горные области» (стр. 331-338) дает краткие сведения о Гималаях, Альпах, Андах и горных областях СССР.

Тихомиров Г.С. Русская литература по истории географии. Вып. первый (А.Б.В.). М., Изд. МГУ, 1948. 121 стр. с илл. (Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Аннотированный указатель литературы по истории географических открытий и истории русской географии.

Чистовский О. В Алайской долине. Советская Киргизия, 1949, 15 янв.

Очерк об одной из самых больших высокогорных долин — преддверии Памира.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Арсеньев В.К. Сочинения, т. 1. По Уссурийскому краю – Дерсу Узала. (Примечания Н. Рогаль). Хабаровск. Дальгиз, 1948, 537 стр. с илл., 1 вкл. карт.

Автор — выдающийся путешественник, исследователь Дальнего Нортона — в художественной форме описывает природу Уссурийского края, дает географическое описание хребта Сихотэ-Алиня.

Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. Вступительная статья Н.Е. Кабанова «Владимир Клавдиевич Арсеньев». М., Географгиз, 1949, 551 стр. с илл., 8 вкл. илл. и карт.

Автор — известный исследователь Дальневосточного края, путешественник и писатель. В книгу вошли два известных произведения Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» — которые знакомят с природой и жизнью населения дальневосточной тайги. Вступительная статья

Н.Е. Кабанова кратко знакомит с научной деятельностью В.К. Арсеньева. В приложении дана карта маршрутов В.К. Арсеньева.

Гвоздецкий П.А. Путешествия В.Л. Комарова. М., Географгиз, 1949, 112 стр. с илл. и карт. (Русские путешественники).

О жизни и деятельности выдающегося ученого — ботаника и географа исследователя Средней Азии В.Л. Комарова.

Григорьев А. и Лебедев Д. Труды знаменитых русских путешественников. Большевик, 1948, № 24, стр. 64-75.

Обзор литературы, выпущенной Географгизом.

Козлов П.К. Путешествие в Монголию. 1923-1926. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой. Ред. и вступ. статья Э.М. Мурзаева «Экспедиция П.К. Козлова в Монголию» (1923-1926). М. Географгиз, 1949 236 стр. с илл. (Записки Всесоюзного географического о-ва, новая серия, т. 1).

Крупеников И. Выдающийся русский географ. Советская Молдавия, 1949, 13 апреля.

К 110-летию со дня рождения П.М. Пржевальского — выдающегося исследователя Центральной Азии.

Михайлов И.Н. Над картой Родины. Изд. 2-е, перераб. и допол. М., Молодая гвардия, 1949, 288 стр. с илл., схем. и карт., 9 л. илл.

В художественной форме, приводя факты и цифры, лауреат Сталинской премии писатель-географ И.Н. Михайлов рассказывает о преобразованиях, изменивших за 30 лет советской власти нашу Родину.

Михайлов П.II. Слава наших путешественников. Литературная газета, 1949, 1 июня.

Мурзаев Э. В сердце Азии. Вечерняя Москва, 1949, 13 апреля.

К 110-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского.

Н.М. Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. (К 60-летию со дня смерти). Вестник Академии наук СССР, 1948, № 11, стр. 92-98.

Оленич-Гнененко А. В горах Кавказа. М., Молодая гвардия, 1949, 246 стр. с илл.

В путевых записках писателя-натуралиста рассказывается о Кавказском заповеднике, о его горах, об альпийских лугах, о стремительных реках и о разнообразном мире животных.

Оленич-Гнененко А. Через Белореченский перевал. Вокруг света, 1949, № 3, стр. 34-38.

Очерк о Кавказском заповеднике.

Певцов М.В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. Под ред., со вступ. статьей «Михаил Васильевич Певцов» Я.А. Марголина. М., Географгиз, 1949, 325 стр. с илл., 22 вкл. карт.

Автор — один из крупнейших русских исследователей Центральной Азии (1843-1002) — описывает предпринятое им путешествие по Кашгарии и Кунь-Луню. Даны описания маршрутов, которые проходили большей частью по совершенно неисследованным местам Центральной Азии.

Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Нань-шань. Труды экспедиции Русского географического о-ва по Центральной Азии в 1893-1895 гг. Под ред. со вступ. статьей «В.И. Роборовский – исследователь Центральной Азии» Б.В. Юсова. Сокр. изд. М., Географгиз, 1949, 492 стр. с илл. и 13 вкл. л. карт.

Автор — ученик и участник экспедиции знаменитого русского путешественника Н.М. Пржевальского. В книге описана экспедиция автора, предпринятая им в 1893 г. по малоисследованным местностям Центральной Азии. В конце тома — список работ Р.И. Роборовского.

Русские географы и путешественники. Под ред. Л.С. Берга, А.А. Григорьева и Н.Н. Баранского. Вып. 1. М.-Л. Искусство, 1948, 42 отд. л. илл. (Академия наук Союза ССР. Институт географии и Географическое о-во Союза ССР).

В альбом включены данные о 42-х выдающихся русских путешественниках и географах. Приведены краткие сведения о знаменитом

исследователе Тянь-шаня Петре Петровиче Семенове-Тян-Шанском, об исследователе гор Средней Азии Алексее Павловиче Федченко, о научной деятельности по исследованию гор Тянь-шаня, Алая, Памира Николая Алексеевича Северцова, о великом русском путешественнике, первом исследователе Центральной Азии Николае Михайловиче Пржевальском, о замечательном русском путешественнике Григории Николаевиче Потанине — исследователе Восточной Монголии, о Петре Кузьмиче Козлове, исследователе. Центральной Азии и ряде других. В альбоме даны также маршруты многих путешественников.

Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. Сокращ. изд. под научн. редакц. и с коммент. В. В. Обручева. Вступит, статья Н.В. Сапожниковой «В. В Сапожников» (9/XII—1861—11/VIII—1924). М., Географгиз, 1949, 580 стр. с илл. и карт.

Книга содержит дневники экспедиций автора в 1895, 1897-1899 и 1905-1909 гг., а также систематическое описание Монгольского Алтая. К книге приложена биография В.В. Сапожникова, составленная его дочерью — участницей в последних экспедициях — Н.В. Сапожниковой, список трудов автора, а также схемы и карты его путешествий и обследованных территорий. Книга иллюстрирована большим числом фотографических снимков, сделанных автором.

Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары, т. 2. Путешествие в Тянь-шань в 1856-1857 гг. М., Географгиз, 1948, 380 стр. с илл., 3 л. портр. и карт. Описание наблюдений знаменитого русского географа П. П. Семенова над орографией и геологическим строением Заилийского Ала-тау и характеристика озера Иссык-куль. Особенно много внимания уделено описанию горных проходов и растительности неизученной еще в те времена страны. В конце тома — список печатных работ П.П. Семенова-Тян-Шанского. В начале книги вступительная статья Н.Г. Фрадкина — «П.П. Семенов-Тян-Шанский».

АЛЬПИНИЗМ

Общие вопросы

Альпинизм — спорт отважных. Советский спорт, 1949, 2 августа.

Передовая.

К вершинам советской земли. Сборник, посвященный 25-летию советского альпинизма. Под ред. Д. М. Затуловского. М., Географгиз, 1949, 578 стр. с илл. 15 вкл. л., 3 отд. карт.

Побежденные вершины. Ежегодник советского альпинизма. Под общ. ред. Е.Д. Симонова. М., Географгиз, 1948, 467 стр. с илл. и карт., 17 вкл. л. и карт.

Побежденные вершины. Ежегодник советского альпинизма. Под общ. ред. Е. Д. Симонова. Год 1949. М., Географгиз, 1949, 553 стр. с илл. и карт., 37 л. илл. и карт.

Абалаков В. Рождение нового вида спорта. Физкультура и спорт, 1949, № 6, стр. 20. О скалолазании.

Арутюнов Н. Новый вид спорта приобретает популярность. Коммунист (Ереван), 1949, 18 ноября.

Соревнования по скалолазанию на первенство Армении.

Васильев В. Эльбрус. Спортивные научно-популярные фильмы. Советский спорт, 1949, 9 августа.

О создании цветного документального фильма «Эльбрус», в котором будут показаны все этапы подготовки и восхождение на Эльбрус.

Дмитриев Е. Возрожденная традиция. Физкультура и спорт, 1940, № 19, стр. 27.

Затуловский Д.М. Советские альпинисты в горах Средней Азии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории о-ва в Москве. М., 1948, 32 стр. с илл. и карт. (Всесоюзное о-во по распространению политических и научных знаний).

Лекция председателя Всесоюзной секции альпинизма.

Кудинов Б. Альпинистские лагери профсоюзов СССР. М., Профиздат, 1949, 132 стр. с илл.

Об организации альпиниад и их значении в развитии советского альпинизма.

Павлова Е. За массовый горный спорт. Советская Киргизия, 1949, 8 июля.

О мероприятиях, необходимых для развития альпинизма в Киргизии.

Погребецкий М. За массовость туризма и альпинизма на Украине. Правда Украины, 1949, 20 марта.

Погребецкий М. Альпинисты в горах. Правда Украины, 1949, 18 ноября.

Очерк об украинской школе инструкторов альпинизма в ущелье Адыл-су (Кавказ).

Симонов Е.Д. С фотоаппаратом в горах. Фотовыставки альпинистов. Советский спорт, 1949, 26 февраля.

Симонов Е.Д. Рожденный для гор. Вечер памяти Е. Абалакова. Советский спорт, 1949, 2 июня.

Симонов Е.Д. Горы и годы. Советский Спорт. 1949, 2 августа.

Очерк о заслуженном мастере спорта В. Абалакове.

Тольятти П. Письмо Пальмиро Тольятти альпинистам Пржевальска. Советская Киргизия, 1949, 16 января.

В связи с присвоением покоренной безымянной высоте Терской Ала-тау имени Пальмиро Тольятти.

Пащенко В. Покорители горных вершин. Заметки об альпинизме в Болгарии. Советский спорт, 1949, 26 мая.

ВОСХОЖДЕНИЯ

Абалаков В. Коштан-тау — Дых-тау. Физкультура и спорт, 1949, № 12, стр. 24-25.

Абалаков В. К труднейшим вершинам. Физкультура и спорт, 1949, № 11, стр. 26-27.

Итоги альпинистского сезона 1949 г.

Белецкий Е.А. По юго-западному Памиру. Известия Всесоюзного Географического о-ва, 1949, выл. 1, стр. 69-80.

Итоги работы Памирской альпинистской экспедиции 1946 г.

Борисов И. Смежные вершины. Советский спорт, 1949, 30 июня.

Очерк о Е. Казаковой.

Лемстрем Ф. и Найдич И. Штурм Талгара. Советский спорт, 1949, 23 августа.

Мухин А.С. и Гусев В.Ф. Фанские горы. М., Географгиз, 1949, 152 стр. с илл. и карт., 3 вкл. л. карт.

Нуштаев К. По пути первовосходителя. Советский спорт, 1949, 13 августа.

О восхождении группы советских альпинистов на Эльбрус в 1949 г. по пути первовосходителя Киллара (1829 г.).

Промптов Ю. На высшую точку Тувы. Физкультура и спорт, 1949, № 4, стр. 13.

О восхождении на вершину Монгун-тайга.

Рацек В. Загадка Хан-тенгри. Ташкент, 1949, 48 стр. (Библиотека, «Комсомолец Узбекистана»).

О работе экспедиции советских топографов, открывшей пик Победы.

Рацек В. Пик имени Поля Робсона. Советская Киргизия, 1949, 11 октября.

О восхождении советских альпинистов на вершину Алаарчинского ущелья Киргизского Ала-тау и установлении бюста на вершине пика имени Поля Робсона.

Симонов Е.Д. Пик Ленина. География в школе, 1949, № 1, стр. 41-46.

Экспедиции советских альпинистов на Памир.

Симонов Е. Кавказ альпинистский. Советский спорт, 1949, № 100, 6 сентября.

В статье подведены итоги альпинистскому сезону 1949 г. на Кавказе и описаны достижения Кабардинской альпиниады.

Симонов Е.Д. 14 дней на ледяной стене. Советский спорт, 1949, 13 сентября.

Восхождение команды альпинистов «Спартака» на вершины Главного Кавказского хребта. Траверс Коштан-тау — Дых-тау.

Хороших П.П. Иик-ту — высочайшая вершина Южно-Чуйских Альп. Природа, 1949, № 7, стр. 46-51.

Автор — научный консультант Алтайской школы инструкторов альпинизма, работавшей в 1937-1938 гг. в районе Чуйских Альп. В статье дается описание Южно-Чуйских Альп и краткие сведения о первом восхождении на вершину Иик-ту в 1933 г. заслуженного мастера альпинизма В. Абалакова и о последующих восхождениях советских альпинистов на эту вершину.

ГОРНОЛЫЖНЫЙ СПОРТ

Аграновский М.А. Последовательность в обучении подъемам и спускам на лыжах. Теория и практика физической культуры, 1949, вып. 9, стр. 679-685.

Андреев В.А. Спортивно-вспомогательная гимнастика лыжника-прыгуна. Теория и практика физической культуры, 1948, № 12, стр. 564-567.

Воронов В.А. Разметка дистанции слалома. Теория и практика физической культуры, 1949, вып. 8, стр. 619-622.

Воронов В. Тактика слалома. Советы молодому спортсмену. Советский спорт, 1949, 1 февраля.

Динов В. Лыжная неделя Монблана. Советский спорт, 1949, 19 февраля.

Соревнования по горнолыжному спорту в Западной Европе.

Мауэр В.Э. Скоростной спуск. Теория и практика физической культуры, 1949, вып. 1, стр. 14-20.

Мауэр В. Осенняя тренировка горнолыжника. Советский спорт, 1949, 29 сентября.

Мауэр В. Подъемник на трассе слалома. Советский спорт, 1949, 15 октября.

Нагорный В.Э. Слалом и скоростной спуск. 2-е изд., перераб. и доп. М.-Л., Физкультура и спорт, 1949, 104 стр. с илл.

Нагорный В.Э. Спуски с гор. Физкультура и спорт, 1949, № 10, стр. 24.

Чередова В.П. Горнолыжный спорт среди детей и подростков. Теория и практика физической культуры, 1949, вып. 1, стр. 52-56.

Черепов И.А. Обучение и тренировка горнолыжника. М., Воениздат, 1949, 184 стр. с илл.

В книге изложены основы техники передвижения в горах на лыжах и даны указания по методике обучения. Отдельные главы посвящены соревнованиям по слалому, скоростному спуску и прыжкам на лыжах.

ЛЕЧЕБНАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Дубатова Л.А. К вопросу о методах оценки физического развития. Труды Государственного центрального научно-исследовательского института физической культуры, т. VI, 1949, стр. 78-89.

Котов Г.И. Сердце и спорт. Ученые записки Государственного института физической культуры им. Лесгафта, 1949, вып. 3, стр. 133-145.

Крестовников А. Источник здоровья. Физкультура и спорт, 1949, № 7, стр. 11.

О влиянии физкультуры на организм человека.

Летунов С.П. Характеристика функционального состояния сердечно-сосудистой системы у лиц, тренирующихся к физическим напряжениям на выносливость. Труды Государственного научно-исследовательского института физической культуры, 1949, т. VI, стр. 90-112.

Лившиц А.И. Значение приёма углеводов при длительных спортивных упражнениях. Труды Государственного центрального научно-исследовательского института физической культуры, 1949, т. VII, стр. 93-112.

Раскин М.В. Изменение частоты сердечных сокращений и артериального кровяного давления при длительных спортивных упражнениях. Труды Государственного Центрального научно-исследовательского института физической культуры, 1949, т. VII, стр. 172-192.

Саркизов-Серазини И.М. Основы закаливания (с избранными разделами физиотерапии). Изд. 3-е, перераб. М.-Л., Физкультура и спорт, 1949, 280 стр. с илл. (Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры им. Сталина).

Отдельные главы: «Особенности закаливания солнцем в спортивной практике», «Аэротерапия и закаливание воздухом» представляют интерес для альпинистов.

Саркизов-Серазини И.М. Самоконтроль физкультурника за здоровьем. М., 1949, 31 стр.

Фарфель В.С. Выносливость как физиологическое понятие. Труды Государственного центрального научно-исследовательского института физической культуры, 1949, т. VII, стр. 5-12.

Фарфель В.С. и Лившиц А.И. Углеводное питание лыжника на длинной дистанции. Теория и практика физической культуры, 1949, вып. 1, стр. 27-34.

СПРАВОЧНИКИ

Беляев Г. и Гарт Б. Справочник спортсмена. Под ред. Лазеба. 2-е переработ, и дополн. изд., Л., Лениздат, 1949, 559 стр. с илл.

В разделе «Альпинизм и туризм» (стр. 73-89) даны краткие сведения об альпинистском спорте в СССР, о рекордных восхождениях советских альпинистов, о классификации и разрядных требованиях в альпинистском

спорте; перечислены главные восхождения 1948 г. и приведен список альпинистов Ленинграда, имеющих спортивные звания.

Справочник путешественника и краеведа. Т. 1. Составлен группой авторов под редакцией лауреата Сталинской премии С.В. Обручева. М., Географгиз, 1949, 808 стр. с илл.

В справочник включен материал, полезный для альпиниста. Приведены краткие сведения о подготовке экспедиции, об организации летнего лагеря, о переходах в горах, о высокогорных восхождениях, об опасности в горах (стр. 207-212), а также дано описание некоторых узлов, наиболее применимых в альпинистских походах (стр. 250-252).

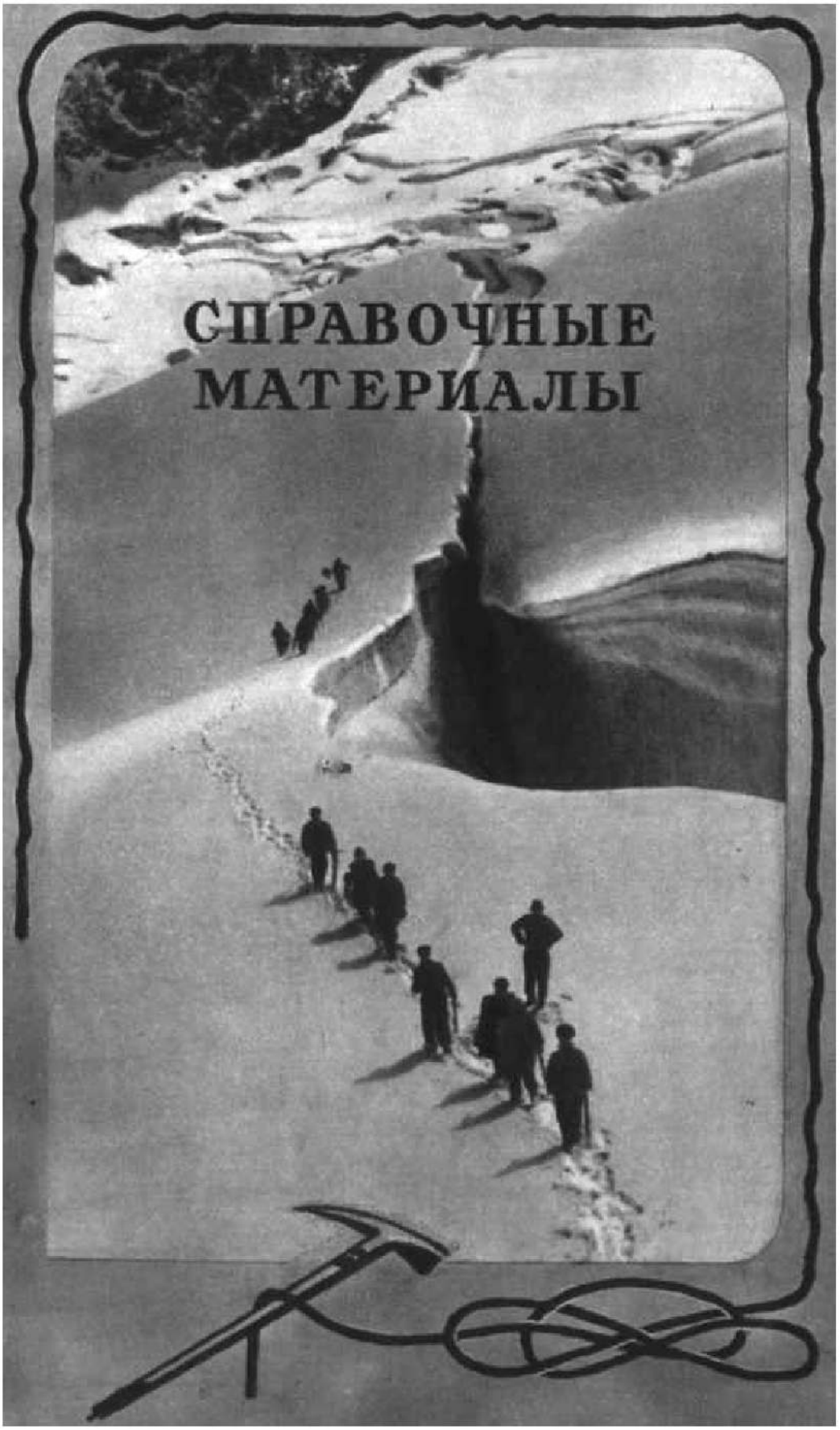
Спортивный ежегодник. 1948. Соревнования, победители, результаты, рекорды. М., Физкультура и спорт, 1949, 336 стр. с табл.

В разделе «Альпинизм» (стр. 322-324) приведена таблица восхождений на вершины IV-й и V-й категорий трудности, совершенных в 1948 г.

Р.И. Стомахина

Тринадцатое сентября. Альпинисты лагеря «Алибек» (спортивное общество «Наука») закрывают летний сезон на Западном Кавказе восхождением на Софруджу. На подступах к одноименному с вершиной перевалу, куда поднимается цепочка спортсменов, уже лег полуметровый слой свежего зимнего снега. Приходится прокладывать тропу, которой, впрочем, смогут воспользоваться также и группы лагеря «Молния», идущие следом. В числе участников зачетного восхождения «Науки» — студенты и научные работники московских институтов (геологоразведочного, нефтяного), университета, студенты из Грозного и Ленинграда. Обычно нетрудный путь по Софруджинскому леднику в этом сезоне осложнили многочисленные разрывы ледяных полей. Изменилась сама вершина, на подступах к которой появились новые провалы, открылись скальные гребни. Ледники здесь, как и на всем Кавказе, усиленно отступают, рельеф высокогорья изменяется на глазах. Альпинисты, из года в год посещающие горные районы, наблюдая эволюцию оледенений, могут собрать немало ценных сведений для географов.

Фото П. ЗАХАРОВА.


СПРАВОЧНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ
К «ЛЕТОПИСИ СОВЕТСКОГО АЛЬПИНИЗМА»
1949 ГОД

Как и в двух первых выпусках «Ежегодника», нами публикуются сведения о всех восхождениях на вершины III, IV и V категорий трудности, о некоторых, пройденных впервые, маршрутах II категории, а также сведения об основных массовых восхождениях.

В приводимых сведениях вершины распределены по районам и расположены в той же последовательности, как и в «Классификационной таблице вершин СССР на 1949 год», опубликованной в «Ежегоднике». Год 1949 (стр. 476).

Категории трудности маршрутов, не классифицированных ко времени выхода настоящего «Ежегодника», проставлены условно, с добавлением к показателю трудности знака вопроса (например, «? III-Б»).

В перечнях восходителей первыми проставлены фамилии руководителей групп.

Значок * перед фамилией руководителя означает, что группой совершено первое прохождение данного маршрута.

«Материалы к летописи» составлены на основании отчетов альпинистских лагерей, комитетов по делам физической культуры и спорта и других спортивных организаций.

«Хроника» составлена по материалам Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР и по сведениям, опубликованным в печати.

Западный Кавказ

Главный хребет от перевала Марух до перевала Нахар и его отроги

Аксаут, северная вершина (II-Б)*. Я. Попов, Д. Виноградов, Г. Ильичева, Г. Кост, А. Романович, К. Туманов, Л. Усачев, Ю. Широков («Наука»)

Аманауз, главная вершина (III-Б).

1. Н. Булгаков, В. Верков, И. Долгова, Г. Дульнев, И. Король, Ю. Кузин, О. Тимофеева («Наука»).

2. Г. Ильичева, Л. Козлова, В. Криппа, А. Наумов, Я. Олехнович, Р. Соколовская («Наука»).

3. В. Вакешин, Б. Муравкин, В. Прядилов («Наука»).

4. Б. Симагин, Г. Воскресенская, Л. Литвинова, С. Лупандин, Е. Сидорова, Е. Строганов, А. Царева («Красная звезда» и «Крылья Советов»).

5. В. Полторацкий, Д. Иванов, Я. Карский, П. Скоробоватов («Крылья Советов»).

6. А. Бейлин, З. Вегле, Ю. Голиздра, К. Леонова, А. Тимофеев («Молния»).

Аманауз, траверс узловой и главной вершины (IV-Б).

В. Макаров, И. Скоробогатова, Ю. Трайнов («Крылья Советов»).

Белала-кая, по южному ребру (III-А).

1. И. Третьяк, И. Бойчева, А. Репнипов, Г. Сипайлов, Т. Сорокина («Наука»).

2. С. Репин, М. Заруди, Б. Уткин, Р. Федоров, Ф. Щиголь («Наука»).

3. А. Царева, И. Батюнин, П. Скоробогатов («Красная Звезда»).

4. Б. Симагин, В. Головлев, Я. Карский, Л. Литвинова, Б. Николаевский, Е. Новикова, Е. Сидорова, О. Тимофеева, А. Фролов («Крылья Советов»).

5. А. Волжин, В. Кобец, А. Королев, В. Кружнов («Молния»).

Белала-кая, траверс (III-Б).

1. Е. Тимашев, А. Аверина, Л. Музылев, А. Фоминых («Красная Звезда»).

2. К. Биллевич, Г. Ильичева («Наука»).

3. В. Качалов, Г. Ганшин, С. Елаховский, Е. Кухаркин, Е. Подольский, А. Хлебников («Наука»).

4. С. Калинкин, Ю. Коломенский, Г. Кузнецова, Е. Родина, М. Стельмах, В. Устинов («Наука»).

5. В. Макаров, И. Скоробогатова, Ю. Трайнов («Крылья Советов»).

6. А. Лапин, В. Головлев, И. Долгова, К. Костромина («Крылья Советов»).

7. А. Бейлин, К. Леонова, А. Тимофеев («Молния»).

8. Ю. Гализдра, Н. Богородская, З. Вегле, А. Токарев («Молния»).

«**Братцы**», главная вершина (II-А)*. Я. Попов, Д. Виноградов, Г. Ильичева, Г. Кост, А. Романович, К. Туманов, Л. Усачев, Ю. Широков («Наука»).

Бу-ульген Малый, траверс (? III-Б)*. И. Галустов, В. Беляев, Е. Будников, И. Терехов («Молния»).

Джугутурлючат, главная вершина, с перемычки между Главной и Узловой (III-Б). С. Калинкин, Ю. Коломенский, Ю. Смирнов, М. Стельмах, И. Тамм, В. Устинов («Наука»).

Джугутурлючат, траверс главной вершины (III-А). С. Сковорода, Г. Кост, Б. Кошевник, О. Ложкин, А. Серегина, Ю. Шкатов («Наука»).

Джугутурлючат, западная вершина (III-Б).

1. В. Прядилов, Г. Высоцкая-Ионова, Н. Греков, Б. Кошевник, О. Ложкин, Ю. Шкатов («Наука»).

2. Б. Муравкин, Л. Беляев, Г. Дульнев, Ю. Кузин, Г. Кузнецова, А. Серегина («Наука»).

Джугутурлючат, восточная вершина (III-Б).

1. В. Прядилов, Г. Высоцкая-Ионова, Н. Греков, Б. Кошевник, О. Ложкин, Ю. Шкатов («Наука»).

2. Б. Муравкин, Л. Беляев, Г. Дульнев, Ю. Кузин, Г. Кузнецова, А. Серегина («Наука»).

Джугутурлючат, узловая вершина (III-А).

1. С. Калинкин, Ю. Коломенский, Ю. Смирнов, М. Стельмах, И. Тамм, В. Устинов («Наука»).

2. С. Сковорода, Г. Кост, Б. Кошевник, О. Ложкин, А. Серегина, Ю. Шкатов («Наука»).

Джугутурлючат, западная и восточная вершины — пик Митникова, траверс (IV-Б). К. Кузьмин, Е. Будников, Б. Бычков, В. Гаель, Ю. Живлюк, Ю. Жуков, Анатолий Зюзин, Г. Руденко, И. Черняев, С. Шанин («Молния»).

Джигутурлючат, траверс всех вершин (V-А). Я. Захаров, К. Туманов, Ю. Широков («Наука»).

Домбай-ульген, главная вершина (III-Б).

1. В. Бакешин, Н. Бугров, Кизевальтер, П. Кокоткин, Г. Кузнецова, Е. Родина («Наука»).

2. Н. Булгаков, Н. Бойчева, В. Криппа, А. Наумов, Н. Олехнович, Р. Соколовская («Наука»).

3. А. Алексеев, А. Репников, Г. Сипайлов, Т. Сорокина, И. Третьяк, Р. Федоров («Наука»).

4. Л. Богородский, С. Лупандин, Е. Мухамедова, А. Фоминых («Красная Звезда»).

5. И. Скоробогатова, А. Данилевич, К. Костромина, Ю. Трайнов («Крылья Советов»).

6. А. Бейлин, А. Белеуш, В. Перский, Г. Шкловский («Молния»).

Домбай-ульген, траверс западной и главной вершин (IV-А).

1. И. Мокридин, В. Бакешин, Б. Муравкин, В. Прядилов («Наука»).

2. Л. Богородский, Е. Мухамедова, А. Фоминых, А. Хоменко («Красная Звезда»).

Кара-кая, траверс с севера на юг (IV-А). Я. Попов, А. Романович, К. Туманов, Л. Усачев, Ю. Широков («Наука»).

Кара-кая узловая (III-А)*. Я. Попов, А. Романович («Наука»).

Марух-баши, по северному ребру (IV-А). Ю. Широков, Г. Ильичева, Г. Кост, Л. Усачев («Наука»).

Митникова пик (III-Б). Б. Муравкин, В. Верков, Я. Бойчева, Г. Дульнев, И. Король, Ю. Кузин, Е. Рокотян («Наука»).

Митникова пик — Джугутурлючат, восточная вершина (IV-А). С. Калинкин, Ю. Коломенский, Е. Рокотян, С. Сковорода, М. Стельмах, В.

Устинов («Наука»).

Птыш (III-Б).

1. А. Алексеев, Е. Акульшина, Герасимов, Б. Даутер, И. Долгова, О. Тимофеева («Наука»).

2. Б. Делоне, С. Сковорода, И. Тамм («Наука»).

3. А. Бакешин, А. Репников, Т. Сорокина, Р. Федоров, И. Третьяк («Наука»).

4. Ю. Трайнов, А. Данилевич, К. Костромина, И. Скоробогатова («Крылья Советов»).

5. А. Хоменко, А. Бейлин, Ю. Богородский, Л. Клягин («Молния»).

Чотча, траверс обеих вершин (IV-Б). Б. Муравкин, В. Бакешин, Л. Беляев, В. Качалов, Ю. Кузин, Е. Мухамедова, В. Прядилов («Наука»).

Западный Кавказ

Главный хребет от перевали Нахар до перевала Чипер-азау и его отроги

Далар (III-Б)

1. В. Костер, А. Арзанов («Молния»).

2. В. Радзюкевич, И. Черняев, А. Широков («Молния»).

3. Е. Нестерова, Ю. Антипов, В. Ноздрюхин («Молния»).

4. В. Нестеров, Е. Будников, Ю. Новиков («Молния»).

5. В. Гаель, Ю. Живлюк, В. Лаврова («Молния»).

6. К. Кузьмин, Е. Евсиков, Ю. Жуков, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина, В. Малахов, В. Метелькова, Ш. Незаметдинов, Г. Руденко, О. Шакин («Молния»).

7. Э. Нициевский, Р. Гордон, А. Петров («Молния»).

8. Б. Бычков, Г. Линтварев («Молния»).

9. А. Поваров, Л. Печерей («Молния»).

Двойняшка, траверс (IV-А).

1. И. Галустов, Ю. Антипов, Э. Нициевский, В. Ноздрюхин («Молния»).

2. В. Нестеров, Б. Бычков, В. Гаель, Е. Нестерова, В. Радзюкевич («Молния»).

Замок (III-Б).

1. В. Ноздрюхин, Ю. Антипов, Ю. Живлюк, И. Черняев («Молния»).

2. И. Черняев, А. Арзанов, Е. Будников, Е. Евсиков, Ю. Живлюк, В. Лаврова, В. Малахов, Ш. Незаметдинов, Ю. Новиков, Е. Рябинина, С. Шакин («Молния»).

3. Ан. Зюзин, Ю. Жуков, В. Метелькова, Г. Руденко («Молния»).

Замок, траверс (IV-А).

1. В. Нестеров, Б. Бычков, В. Гаель, Е. Нестерова, В. Радзюкевич («Молния»).

2. К. Кузьмин, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина («Молния»).

3. И. Галустов, Ю. Антипов, Э. Нициевский, В. Ноздрюхин («Молния).

Кичкинекол, траверс южной вершины (III-А).

1. И. Галустов, Ю. Антипов, Е. Будников, Ю. Живлюк, В. Лаврова, Ю. Новиков.

2. И. Черняев, Е. Евсиков, В. Малахов, Ш. Незаметдинов, В. Ноздрюхин, С. Шакин («Молния»).

3. Ю. Жуков, В. Метелькова, Г. Руденко («Молния»).

4. К. Кузьмин, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина («Молния»).

Кичкинекол, траверс западной вершины (III-Б).

1. Ю. Живлюк, Е. Будников, В. Лаврова, Ю. Новиков («Молния»).

2. К. Кузьмин, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина («Молния»).

3. Ю. Жуков, В. Метелькова, Г. Руденко («Молния»).

4. В. Малахов, Е. Евсиков, Ш. Незаметдинов, В. Ноздрюхин, И. Черняев, С. Шакин («Молния»).

5. В. Костер, А. Арзанов, Б. Бычков, И. Галустов, Р. Гордон, Г. Линтварев, Э. Нициевский («Молния»).

Кичкинекол, башня, траверс (IV-А).

1. И. Галустов, Ю. Антипов, В. Малахов, В. Ноздрюхин («Молния»).

2. К. Кузьмин, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина («Молния»).

Молния пик (?III-А)*. К. Кузьмин, Ю. Жуков, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина, В. Метелькова, Г. Руденко («Молния»).

Шодок-минге (III-А).

1. В. Малахов, Ю. Антипов, Е. Будников, Ю. Живлюк, В. Лаврова, Ю. Новиков («Молния»).

2. К. Кузьмин, Ю. Жуков, Ан. Зюзин, Е. Кряковкин, З. Курочкина, В. Метелькова, Г. Руденко («Молния»).

3. И. Галустов, Е. Евсиков, Ш. Незаметдинов, В. Ноздрюхин, И. Черняев, С. Шанин («Молния»).

Центральный Кавказ

Главный хребет от перевала Чипер-азау до вершины Гезе-тау и северные его отрога

Адыр-су-баши (III-А).

1. Е. Белецкий, Ю. Иванов. Б. Садовский, В. Салакин («Химик»).

2. К. Исайко, Д. Бронтман, Е. Емельянов, В. Садовников («Химик»)

Адыр-су-баши, по западному контрфорсу (III-Б).

1. Э. Ситковскип, Г. Балдина, А. Лурин, И. Сладкевич («Металлург»).

2. В. Кутовой, А. Лаврова, А. Мешковский («Наука»).

3. Ю. Журавский, Г. Гаврилова, О. Заплатина, В. Карпов, Ю. Малинский, В. Мигдал, А. Миллер, В. Поспелов, Г. Рокеев, Н. Словохотова («Наука»).

Андырчи — МНР[1] южная — КНР узловая, траверс (?III-А)*. Я. Моргун, А. Мацкевич, В. Степанов (Украинский сбор инструкторов альпинизма).

Гадыл — Башкара (IV-А), траверс. Я. Некрасова, А. Балдин, В. Михайлов, А. Шарунин («Локомотив»).

[1] Пики имени Монгольской народной республики

Башкара (III-Б). М. Подлобухов, Г. Гвоздев, Л. Зорин, О. Терещенко («Локомотив»).

Башкара — Гадыл, траверс (IV-А).

1. Г. Мелия, И. Нанскани, Т. Татишвили, С. Цаишвили, Н. Церцвадзе (Грузинский альпийский клуб).

2. Л. Книппер, В. Мишура, В. Овчаров, И. Солодуев («Большевик»).

Бжедух (III-Б).

1. В. Носкова, Н. Кузьмин, Б. Рукодельников, Ю. Савельев, Б. Семенов «Большевик».

2. Г. Ступин, Д. Даниленко, Л. Зайцев, Н. Резанцев (ЦДКА).

3. И. Юхин, П. Андринг, А. Агеев (ЦДКА).

4. А. Куликовский, В. Копылов, М. Эйнгорн (ЦДКА).

5. Александр Зюзин, И. Аношин, Б. Гарф, П. Поварнин («Локомотив»).

6. И. Разовская, А. Балдин, В. Михайлов, Н. Некрасова («Локомотив»).

7. Ю. Пафунин, Н. Власычев, В. Горбачев, А. Дейкин, Л. Елисеев, Ю. Ионов, А. Михайлов, С. Пастухов, А. Шайхутдинов («Локомотив»).

8. М. Звездкин, Н. Белавин, И. Лимаров. Н. Юрьев («Локомотив»).

9. С. Таубин, Б. Мининков, А. Утляткин («Локомотив»),

10. М. Подлобухов, Г. Гвоздев, Л. Зорин («Локомотив»).

11. А. Балашов, Н. Земскова, Л. Мыскина, С. Шведов («Локомотив»).

12. В. Перепеловский, Ю. Иванов («Локомотив»).

13. К. Драчук, А. Добшинский, Н. Дробот, А. Шевалев (Украинский сбор).

14. А. Дольников, Б. Анохин, А. Арянова, И. Домашич, В. Дробожев (Украинский сбор).

Вольной Испании пик (III-Б).

1. Н. Кузьмин, Б. Рукодельников, Ю. Савельев, Б. Семенов («Большевик»).

2. А. Куликовский, В. Копылов, М. Эйнгорн (ЦДКА).

3. К. Драчук, А. Добшинский, Н. Дробот, А. Шевалев (Украинский сбор).

4. А. Дольников, Б. Анохин, А. Арянова, И. Домашич, В. Дробожев (Украинский сбор).

Вольной Испании пик, траверс от Бжедуха (?IV-А).

1. И. Разовская, А. Балдин, В. Михайлов, Н. Некрасова («Локомотив»),

2. М. Звездкин, Я. Белавин, И. Лимаров, И. Юрьев («Локомотив»).

3. С. Таубин, Б. Мининков, А. Утляткин («Локомотив»).

4. А. Мацкевич, В. Васильев, В. Москальцов, А. Ситников (Украинский сбор).

Вольной Испании пик — Бжедух, траверс (IV-Б). В. Коломенский, В. Давыдов, Н. Моисеев (ЦДКА).

Вуллея пик — Кавказа пик — Бжедух — Вольной Испании пик, траверс (IV-Б).

1. М. Борушко, В. Анненков, П. Брусенцов (Украинский сбор).

2. В. Тихонравов, Б. Гурилев, Г. Скорняков, К. Сидоров[1] (ЦДКА).

3. Андрей Малеинов, Р. Вовкушввский, И. Евсеев («Большевик»).

Гадыл (III-А).

1. В. Рубанов, В. Бродалько, П. Буданов, В. Галкин, В. Клочка, Л. Савельев («Спартак»).

2. М. Подлобухов, Г. Гвоздев, Л. Зорин, О. Терещенко («Локомотив»).

Гермогенова пик, по восточному ребру (IV-А)*. Б. Гарф, А. Балдин, В. Михайлов, Я. Некрасова, П. Поварнин, И. Разовская, А. Шарунин («Локомотив»).

Джайлык, с юга (III-Б).

1. Е. Манучаров, К. Исайко, В. Козырькова, Ю. Чернослив ин («Химик»).

[1] В траверсе пика Вольной Испании, кроме перечисленных альпинистов, участвовал также Д. Куликовский (ЦДКА).

2. В. Кутовой, О. Заплатина, А. Лаврова, А. Мешковский, В. Поспелов («Наука»).

Джан-туган, по западному гребню (III-Б).

1. Б. Гарф, А. Балдин, Г. Караваев, В. Михайлов, Я. Некрасова, П. Поварнин, И. Разовская, А. Шарунин («Локомотив»).

2. Ю. Никитин, А. Горячева («Спартак»).

Джан-туган, по юго-западному гребню (?III-А).

*В. Нефедов, Б. Горюнов, Д. Либровский, В. Прошина («Локомотив»).

Дых-тау, с севера (IV-А). В. Абалаков, А. Калмыков, В. Мартынов, Л. Юрасов («Спартак»).

Коштан-тау-пик Тихонова — Крумкол — Мижирги восточная и западная — пик Пушкина — Дыхтау главная, с подъемом по северному гребню Коштан-тау (V-Б)*. В. Абалаков, Я. Аркин, Н. Гусак, И. Леонов, В. Мартынов, Ю. Москальцов, В. Пелевин, В. Чередова («Спартак»).

МНР пик, северная вершина (?III-А)*. А. Шарунин, О. Терещенко («Локомотив»).

МНР пик, центральная вершина (?III-А).

1. В. Москальцов, В. Дробожев, Т. Отечко, З. Потихо, Л. Сазыкина, Н. Фузик (Украинский сбор).

2. Н. Яковенко, Ю. Карась, В. Мельник, И. Могура, Л. Мохор, Ю. Шевцов (Украинский сбор).

3. А. Ситников, В. Васильев, В. Заико-Новацкий, И. Кашин, В. Моногаров, О. Рженышев, П. Слынько (Украинский сбор).

4. К. Главатый, В. Лазебный, В. Марков, Т. Супрун (Украинский сбор).

МНР пик, южная вершина (?III-Б).

1. М. Боругико, В. Дробожев, И. Могура, В. Москальцов, С. Нояхс, Е. Секирин (Украинский сбор).

2. М. Борушко, В. Дробожев, Т. Отечко, З. Потихо, Л. Сазыкина, Я. Фузик (Украинский сбор).

3. Н. Яковенко, Ю. Карась, В. Мельник, И. Могура, Л. Мохор, Ю. Шевцов (Украинский сбор).

4. А. Ситников, В. Васильев, В. Заико-Новацкий, И. Кашин, В. Моногаров, С. Рженышев, П. Слынько (Украинский сбор).

5. К. Главатый, В. Лазебный, В. Марков, Т. Супрун (Украинский сбор).

Накра-тау (III-Б).

1. Р. Вовкушевский, Ф. Кабанова, Е. Куликова, А. Лелюхин («Большевик»).

2. Л. Филоненко, П. Бобрик, А. Кикоин, Ю. Лалетин, Н. Ляпидевская, Г. Наумова, Г. Рогова, Е. Тур, Ю. Чернов-Груздев, Э. Шустров («Наука»).

Накра-тау, по северо-западной стене (IV-Б). В. Борушко, К. Драчук (Украинский сбор).

Накра-тау — Донгуз-орун, траверс (IV-Б)*. М. Борушко, В. Анненков (Украинский сбор).

Тютю-баши, траверс (III-А). Д. Суходольский, К. Исайко, Медведев, К. Нуштаев («Химик»).

Тютю-баши, по северной стене (V-Б)*. Б. Гарф, А. Дейкин, А. Старостин, В. Шер («Локомотив»).

Уллу-кара (III-А).

1. Н. Кузьмин, Б. Рукодельников, Ю. Савельев, Б. Семенов («Большевик»).

2. Г. Ступин, Л. Зайцев, И. Резанцев (ЦДКА).

3. А. Квитницкий, А. Борзунов, А. Натан, К. Рототаев (ЦДКА).

4. В. Копылов, М. Эйнгорн (ЦДКА).

5. Б. Мининков, Л. Булах, В. Ильин, В. Козуненко, Н. Соколов («Локомотив»).

6. В. Степанов, Б. Клиппо, В. Лузганов, М. Полуэктов, Ю. Рапп, А. Чеглаков (Украинский сбор).

7. Н. Яковенко, К. Главатый, В. Моногаров, А. Ситников (Украинский

сбор).

8. Н. Дробот, В. Лазебный, В. Марков (Украинский сбор).

9. А. Дольников, Б. Анохин, А. Арянова, И. Домашич, В. Дробажев (Украинский сбор).

10. А. Мацкевич, В. Канюченко, Н. Мацкевич, Г. Михайлова, И. Могура, В. Москальцов (Украинский сбор).

Улу-тау-чана, траверс (IV-Б).

1. К. Толстов, И. Евсеев, А. Констансов, С. Репин («Наука»).

2. Е. Манучаров, Е. Емельянов, С. Урняш, Ю. Чернослив (Химик»).

3. Е. Белецкий, Ю. Иванов, В. Салакин («Химик»).

Ушба, траверс (V-А).

1. К. Толстов, И. Евсеев, В. Кожин («Наука»).

2. М. Звездкин, Н. Белавин, И. Лимаров, А. Шарунин («Локомотив»).

Чегет-тау-чана (III-Б).

1. А. Угаров, Н. Клинкова, В. Садовников, В. Седов, В. Смазчиков, М. Твердохлебов, Г. Шадрина, А. Юрьев («Химик»).

2. Е. Манучаров, М. Евдокимов, Е. Емельянов, В. Козырькова, Б. Садовский, С. Урняш, Ю. Чернослив («Химик»).

3. Е. Белецкий, Г. Ветчинкин, Ю. Иванов, В. Салакин («Химик»).

4. Ю. Губанов, Т. Балдина, С. Барабошкин, А. Горбачев, Г. Дрейпа, А. Лурин, Н. Пернеровский, Э. Ситковский, И. Сладкевич («Металлург»).

5. Ю. Журавский, Г. Гаврилова, О. Заплатина, В. Поспелов («Наука»).

Шхельды-тау малая (? III-А).

1. В. Тихонравов, Б. Гурилев, Н. Моисеев, К. Сидоров (ЦДКА).

2. Г. Ступнин, В. Давыдов, Л. Зайцев, А. Натан, К. Рототаев (ЦДКА).

3. Ю. Никитин, А. Горячева, Л. Желиховская, В. Клочко, Н. Строганова («Спартак»).

Шхельды-тау 2-я вершина, западная (III-Б).

1. И. Марр, М. Гварлиани, Г. Зуребиани, Б. Хергиани, Ч. Чартолани

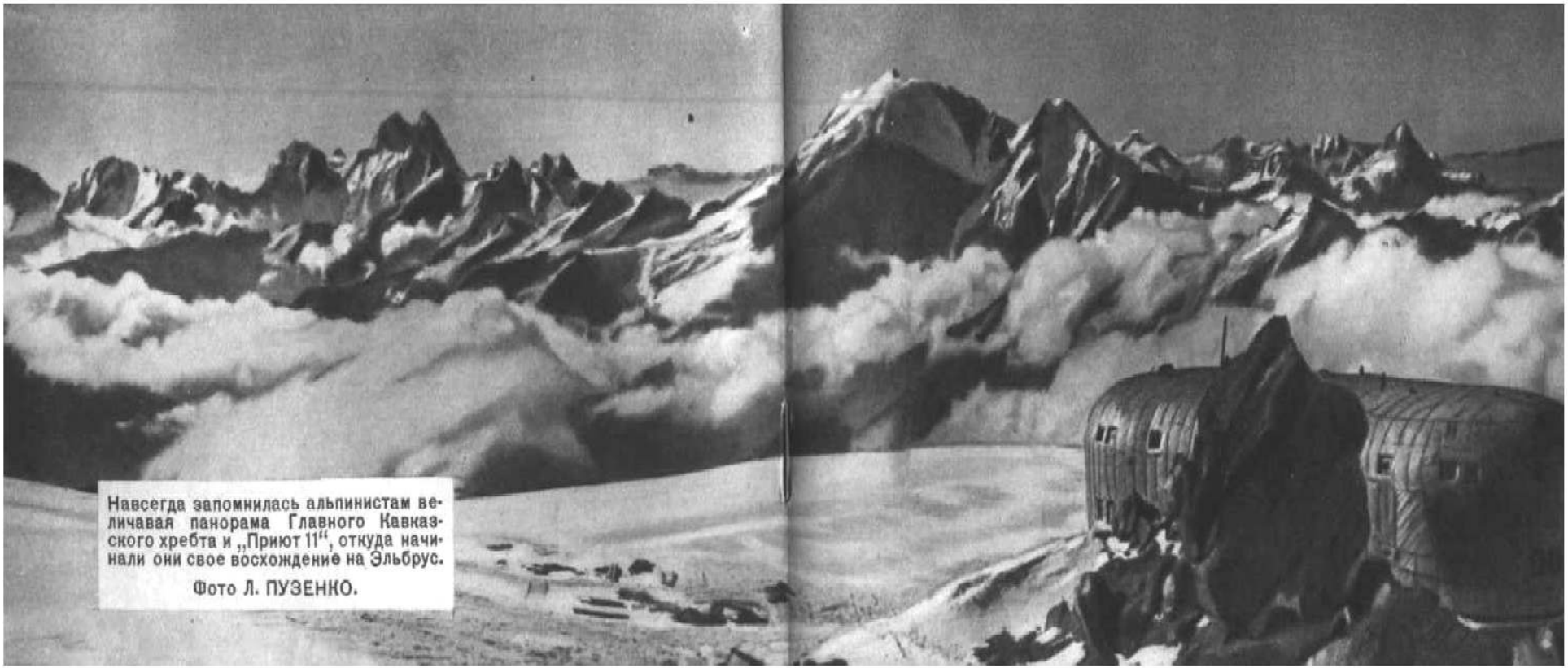
(Грузинский альпийский клуб).

2. Ю. Пафунин, Н. Власычев, В. Горбачев, А. Дейкин, Л. Елисеев, Ю. Ионов, А. Михайлов, С. Пастухов, В. Редичев, А. Шайхутдинов («Локомотив»).

Молодые восходители уже поднялись выше седловины. Осталось преодолеть последние, самые трудные, метры. Первым идет В. В. Вяльцев.

Трое из 60 участников альпиниады (слева направо): студентка Н. Я. Корнейчук, молодые колхозники Кабарды М. Ф. Губашев и И. К. Дзуев.

Фото Л. ПУЗЕНКО.



Навсегда запомнилась альпинистам величавая панорама Главного Кавказского хребта и „Приют 11", откуда начинали они свое восхождение на Эльбрус.

Фото Л. ПУЗЕНКО.

— Через год вы и ваши друзья, будущие учителя и исследователи, взойдете на новые вершины, — говорит инструктор Шакир Тенишев Наде Корнейчук.

Фото Л. ПУЗЕНКО.

Шхельды-тау 3-я вершина, западная (IV-А). А. Немсицверидзе, Александра Джапаридзе, А. Квициани, Р. Квициани, В. Хергиани, С. Шхвацабая (Грузинский альпийский клуб).

Шхельды-тау 5-я вершина, восточная (IV-Б).

1. В. Лубенец, Л. Налишевский, А. Чернобровкин, А. Севастьянов, В. Николаенко, Ю. Смирнов («Наука»).

2. Л. Книппер, В. Мишура, В. Овчаров, И. Солодуев («Большевик»).

Шхельды-тау, восточная вершина с подъемом по восточному гребню (V-А). В. Кизель, В. Курбесов, И. Лапшенков, В. Нагаев, Т. Рождественский Д. Симанович («Спартак»).

Шхельды-тау, восточная вершина с подъемом по северной стене (V-А). Б. Гарф, Г. Караваев, П. Поварнин, А. Шарунин («Локомотив»).

Шхельды-тау (от 2-й вершины, западной) — **Гребень строителей,** траверс (? IV-А) И. Марр, М. Гварлиани, Г. Зуребиани, Б. Хергиани, Ч. Чартолани (Грузинский альпийский клуб).

Шхельды-тау, траверс всех вершин (V-Б).

1. Д. Симанович, В. Курбесов, И. Лапшенков, В. Нагаев, Л. Юрасов «Наука»).

2. В. Лубенец, Л. Калишевский, В. Лебедев, А. Скуратов, А. Чернобровкин («Наука»).

Центральный Кавказ

Южные отроги Главного хребта от перевала Чипер-азау до Тетнульда

Асмаши по северо-восточному гребню со спуском на ледник Зер (?II-Б)*.

К. Астахишвили, С. Арутюнов, Л. Ахведиани, Т. Ахметели, Ш. Дараселия, Н. Дандзишвили, И. Родионов, М. Утмелидзе (Грузинский альпийский клуб).

Далла-кора, траверс (IV-Б). К. Астахишвили, С. Арутюнов, Л. Ахведиани, В. Квачадзе, Г. Мелия, И. Нанскани, Т. Татишвили. М. Утмелидзе, С. Цаишвили (Грузинский Альпийский клуб).

Дальневосточник (III-А). Д. Суходольский, М. Евдокимов, Е.

Емельянов, А. Корабельникова, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

25 лет советского альпинизма (III-Б). Д. Суходольский, М. Евдокимов, Е. Емельянов, А. Корабельникова, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

Лекзыр-тау главная вершина (III-А)*. Д. Суходольский, М. Евдокимов, Е. Емельянов, А. Корабельникова, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

Лекзыр-тау, траверс западной вершины (? III-Б). Д. Суходольский, М. Евдокимов, Е. Емельянов, А. Корабельникова, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

Ляльвер — Гестола, траверс (III-А). Н. Астахишвили, С. Арутюнов, Л. Ахвледиани, Ш. Дараселия, Н. Имедадзе, И. Родионов, М. Утмелидзе (Грузинский альпийский клуб).

Светгар, главная вершина (III-Б). Д. Суходольский, М. Евдокимов, А. Корабельникова, Е. Емельянов, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

Светгар, траверс, (IV-Б). Г. Мелия, О. Капанадзе, П. Надарая, И. Наискани, Т. Татишвили, С. Цаишвили, Р. Церетели (Грузинский альпийский клуб).

Тот-тау (III-А). Д. Суходольский, М. Евдокимов, Е. Емельянов, А. Норабельникова, В. Садовников, Б. Садовский, В. Седов, В. Смазчиков, Г. Шадрина («Химик»).

Хевай, траверс (? III-А).

1. *В. Пащенко, М. Алферьев, Е. Замора, Е. Крушень («Наука»).

2. А. Мартыненко, В. Воруха, А. Ладиков («Наука»).

3. С. Нондрагиов, П. Королев, А. Силаенкова, Е. Чижов («Наука»).

4. А. Ващенко, Д. Асеев, Н. Грачев, Т. Захарова, К. Нуликов, А. Косевич, А. Миронов, Г. Николаева, Л. Прокопова, П. Серебряков, Н. Шайран («Наука»).

Цалгмыл (III-А).

1. М. Алферьев, Е. Замора, Г. Крушень, Г. Силаенкова («Наука»).

2. П. Собенко, М. Алферьев, В. Борисоглебский («Наука»).

3. Р. Кондрашев, В. Воруха, П. Королев, А. Ладиков, А. Мартыненков, Е. Чижов («Наука»).

4. И. Дружинина, Л. Габбе, А. Носевич, В. Панасюк («Наука»).

5. М. Алферьев, Н. Грачев, В. Долинко, В. Скрипач («Наука»).

6. М. Борушко, В. Анненков, П. Брусенцов, Н. Дробот, А. Чеглаков, В. Москальцов (Украинский сбор).

7. Н. Моргун, К. Главатый, А. Мацкевич, Н. Яковенко (Украинский сбор).

Четырех пик (? II-А). В. Пащенко, М. Алферьев, Е. Замора, Е. Крушень («Наука»).

Центральный Кавказ

Дигорский хребет — Караугом — Цей — Казбек

Адай-хох с юга (? III-А). Б. Сысоев, Г. Хуцишвили, В. Кочинев («Торпедо»).

Адай-хох — ЗИС пик — Зарамаг-тау — ВЦСПС пик — 200-летия г. Ростова пик — Ронкетти пик — Мамисон-хох — Чанчахи-хох — Тбилиза-мта — Бубис-хох, траверс (неклассифицирован). Г. Маслов, Н. Будкевич, М. Маслова, Н. Лавренко («Буревестник»)

Берия пик (? III-Б). Д. Оболадзе, А. Айрапетов, А. Гиоргобиани, Л. Иванишвили, С. Кордзадзе, Г. Мелия, А. Татишвили (Грузинский альпийский клуб).

Доппах-тау, траверс (V-А)*. Александр Зюзин, И. Федоровский, Л. Ходюш (Днепропетровский областной комитет по делам физической культуры и спорта).

Дубль-пик, северная вершина (III-А) через **Дубль-пик** южную вершину (II-Б). А. Долинский, В. Викторова, Т. Донская, Т. Ефремова, Л.

Курочкин, Г. Монастырев, К. Селиверстов, Г. Ушаков, В. Фролов, К. Шошенко, Е. Эшлиман («Медик»).

ЗИС[1] пик (? III-А).

1. М. Грешнеа, Н. Баравова, Вас. Буслаев, Г. Гордеева, В. Ночнев, С. Семенов, П. Якуц («Родина»).

2. А. Лебедев, В. Бровкина, И. Гопев («Торпедо»).

3. Г. Хуцишвили, В. Глобин, А. Роша («Торпедо»),

Караугом, восточная вершина (III-А). И. Калашников, В. Борцов, Вас. Буслаев, В. Зеленов, А. Куркова, В. Масленников, П. Матвеев, Л. Пахарькова, А. Хлопков («Родина»).

Караугом, западная вершина с плато по южному кулуару (III-Б)*. М. Ануфриков, Вик. Буслаев, М. Грешнев, В. Карлин («Родина»).

Караугом, плечо восточной вершины, траверс с плато (?III-Б)* И. Калашников, В. Борцов, Вас. Буслаев, В. Зеленое, А. Куркова, В. Масленников, Л. Пахарькова, А. Хлопков («Родина»).

Красноармеец, траверс с Караугомского плато (? III-А). В. Карлик, М. Грешнее, И. Люцин, П. Медведев («Родина»).

Мамисон-хох (III-А). Е. Корлякова, Г. Иваненко, В. Корженьянц, В. Науменко[1], Г. Селезнев, В. Федоров («Медик»).

Николаева пик, траверс, с севера на юг по стене (?III-А)*. М. Ануфриков, Вик. Буслаев, М. Грешнев, И. Калашников («Родина»).

XI съезда ВЛКСМ пик (? III-А). Ю. Поляков, Р. Абдуроманов, В. Брюсс, Е. Штопало (Северо-Осетинский комитет по делам физической культуры и спорта).

Пассионарии пик (III-Б). Г. Беликов, Г. Ушаков, В. Фролов, А. Эдинджиклиан («Медик»).

Ронкетти пик (II-А). З. Федорова, Г. Монастырев, К. Селиверстов, Г. Ушаков, В. Фролов («Медик»).

---

[1] Имени Московского автозавода имени Сталина (ЗИС) пик.

[1] Однофамилец мастера спорта Владимира Науменко.

Ронкетти пик, траверс (?III-Б).

1. Г. Бухаров, Б. Дорофеев, А. Захаров, Г. Кучкин, А. Турчин, Г. Черевиченко («Буревестник»).

2. Г. Маслов, Н. Лавренко, М. Маслова («Буревестник»).

3. А. Дурнов, А. Добровольский, Н. Курчев, А. Нахибулин, В. Федорова («Буревестник»).

4. Е. Корлякова, Г. Иваненко, В. Корженьянц, В. Науменко, Г. Селезнев, В. Федоров («Медик»).

Ронкетти пик — 200-летия г. Ростова пик траверс, (? IV-А)*. Г. Маслова Д. Гогаев, Н. Лавренко, М. Маслова («Буревестник»).

Симона Джапаридзе пик, траверс (? III-А)*. А. Джапаридзе, А. Кавтарадзе, Д. Кондарели, В. Кирикашвили, Р. Макашвили, Р. Натадзе, В. Пицхелаури (Грузинский альпийский клуб).

Сонгути-хох, траверс с подъемом по западной стене (IV-Б). Г. Маслов, II. Лавренко, М. Маслова («Буревестник»).

Сонгути-хох по восточной стене (V-А)*. Г. Беликов, А. Балабанов, А. Дурное, К. Николаев («Медик» и «Буревестник»).

Сонгути-хох с Цейского ледника (IV-А).

1. С. Фролов, В. Глобин, А. Лебедев, С. Пономарев, Б. Сысоев, Г. Хуцишвили («Торпедо»).

2. Л. Часовников, М. Губерман, В. Ковальчук, К. Николаев («Медик»).

Сонгути-хох — Улларг, траверс (IV-Б). Г. Бухаров, Б. Дорофеев, В. Пиотухович, А. Турчин («Буревестник»).

Тепли-тау, восточная вершина, с юга по висячему леднику (? IV-А)*.

*И. Калашников, К. Баров, Вик. Буслаев, В. Зеленов, Б. Фролов («Родина»).

Тепли-тау, центральная вершина с юга по висячему леднику (? IV-А).

*И. Калашников, К. Баров, Вик. Буслаев, В. Зеленов, Б. Фролов («Родина»).

Тур-хох — пик № 1 — пик № 5, траверс (? III-А). М. Токарь, В. Во-

ронов, Г. Иваненко, Ю. Молчанов, Г. Монастырев, Г. Селезнев, К. Селиверстов, В. Федотов («Медик»).

Улларг (? III-А).

1. Т. Волгина, Г. Беликов, В. Дегтярев («Медик»).

2. В. Ковальчук, В. Маслов, Н. Нестеров, Г. Щербаков («Медик»).

Хирхатен (? III-Б). К. Биллевич, А. Салтовский (Северо-Осетинский комитет по делам физической культуры и спорта).

Чанчахи-хох, траверс (IV-Б).

1. И. Калашников, Н. Барова, К. Баров, М. Грешнев («Родина»).

2. М. Ануфриков, Вик. Буслаев, В. Греков, Н. Женьер, В. Зеленое («Родина»).

Шау-хох (III-Б).

1. Б. Голубев, Д. Бетеев, С. Герман, П. Завертайло, Д. Курбанов, С. Мелконян, А. Пануаков, Ю. Поляков, Д. Харебов (Северо-Осетинский комитет по делам физической культуры и спорта).

2. А. Дурнов, В. Пиотухович, Ю. Поляков, Г. Черевиченко (Северо-Осетинский комитет по делам физической культуры и спорта).

Тянь-шань

Кунгей Ала-тау и Заилийский Ала-тау

Ак-тау, траверс (IV-А). Ю. Колчигин, И. Горемычный, С. Козлов, А. Корабельщиков, В. Сысоев, П. Щумихин («Металлург»).

Ак-Тау (III-А), Л. Лаптев, А. Арефин, А. Клешнин, Ю. Куфтин, А. Луканин, Г. Шаталов («Металлург»).

Ала-тас (? III-А).

1. Б. Краснокутский, И. Беспрозванных, Б. Змеев, С. Козлов, А. Колядко, Л. Лаптев, А. Уханов, Н. Нипляшова, Т. Ширяева («Металлург»).

2. Ю. Колчигин, Ю. Адельман, Г. Васильев, В. Гусев, В. Задорин, А. Красильников, Г. Кондрашин, А. Луканин, А. Лыжин, В. Марков, В. Перовский Е. Феоктистова, Ю. Щетинин («Металлург»).

Амангельды пик с ледника Богдановича (III-Б). А. Гончарук, В.

Бессонов Б. Коренев, Б. Мелехов («Локомотив»).

Антикайнена пик — Маншук Маметовой пик — Отечественной войны пик, траверс (III-А). Г. Гудкова, В. Бессонов, А. Борзенков, В. Волохов, Г. Гореев, Г. Демакова, Ю. Елькин, В. Иоффе, А. Ищаков, Б. Коренев. В. Кротова, Е. Лере-планд, М. Макарова, Б. Мелехов, Е. Рябушкина, Е. Степанова, Н. Федосова, В. Хромов, Н. Шевченко («Локомотив»).

Аристова пик, траверс (III-А).

1. Ф. Мансуров, У. Батырбеков, Г. Чернов (Казахская школа)[1].

2. Б. Маречек, Л. Курапова, К. Курбанов (Казахская школа).

Газеты «Гудок» пик, траверс (? III-А)*. Н. Ломоносов, Г. Дмитраков, Р. Иванов, Г. Мусиенко («Локомотив»).

ГУВВО[2] — Близнецы, траверс (? III-Б)*. Л. Лаптев, И. Беспрозванных, С. Козлов, В. Сысоев («Металлург»).

Железнодорожников пик, траверс (? III-А)*. Н. Ломоносов, Л. Базанов, Е. Безяев, Г. Дмитраков, Р. Иванов, В. Колодяжный, Н. Мельникова, Г. Мусиенко, В. Петров, Ш. Хасьянов («Локомотив»).

Жолпак, траверс (? III-Б)*. Н. Ломоносов, Л. Базанов, Е. Безяев, Г. Дмитраков, Р. Иванов, В. Колодяжный, Н. Мельникова, Г. Мусиенко, С. Трухаиов, Ш. Хасьянов, А. Чашина («Локомотив»).

Иссыктен-чоху — Белый пик — Аг-гюль, траверс (IV-Б)*. К. Макаревич, Н. Дивари, Б. Нраснокутский, Е. Салацинская («Металлург»).

Комсомола пик по северной стене (IV-А).

1. Д. Гудков, А. Гончарук, Б. Коренев («Локомотив»).

2. П. Брыксин, В. Фонов, П. Черепанов, А. Шубин (Казахская школа).

Копо (III-Б). В. Азаренко, П. Меняйлов, А. Москалев, П. Шумихин («Металлург»).

Коп-тау (? II-Б)*. П. Меняйлов, А. Клешнин, А. Коляденко, М. Меняйлов («Металлург»).

---

[1] Школа инструкторов горной подготовки Казахского республиканского комитета по делам физической культуры и спорта.

[2] Вершина имени Главного управления Всеобщего военного обучения (Всеобуч).

Мало-Алматинский отрог, траверс пиков — Маяковского — Орджоникидзе — Партизан — Иглы Туюк-су — Туюк-су (? V-А). А. Дюжев, Ю. Гущин, А. Крылов, Н. Ломоносов («Локомотив»).

Маяковского пик, траверс (III-Б).

1. А. Крылов, В. Бочаров, Ю. Гущин, Н. Свайнов, В. Цверкунов, И. Цупак («Локомотив»).

2. Д. Гудков, А. Гончарук, Ю. Ишкулов, П. Платонов, А. Розанов, Н. Шевченко («Локомотив»).

3. Л. Ревягин, Ю. Дьяченко, А. Звягинцев, А. Капацинский, В. Семевич, Ю. Сидоров, Ю. Усов («Локомотив»).

4. В. Шипилов, А. Бородина, А. Семченко, А. Степанова, П. Черепанов, А. Шубин (Казахская школа).

5. П. Черкасов, И. Важнина, А. Кузнецов, Ф. Мансуров, А. Ромахов, Г. Рубинштейн, А. Степанова, Е. Тихонова, И. Чернышев, В. Шабунин (Казахская школа).

6. Б. Маречек, Н. Волкова, М. Волненко, В. Кистанова, И. Коган, Д. Мершанов, В. Назаренко, А. Степанова, Р. Фидель, А. Шубин (Казахская школа).

7. В. Неаронский, А. Березикова, Е. Гусева, В. Змиевский, К. Курбанов, Э. Любуня, З. Менжанов, Л. Орехов, Г. Чернов (Казахская школа).

8. Б. Маречек, А. Бондаренко, В. Степанова, П. Черкасов (Казахская школа).

9. В. Шипилов, Л. Абращев, У. Батырбеков, А. Кельберг, П. Полоз, В. Сущих, О. Шкуратов (Казахская школа).

10. Ф. Мансуров, А. Степанова (Казахская школа).

Маяковского пик с юга (III-Б). В. Шипилов, Л. Абращев, У. Батырбеков, И. Важнина, А. Кельберг, Н. Полоз, В. Сущих, Е. Тихонова, О. Шкуратов (Казахская школа).

Маяковского пик, с северо-запада (III-А).

1. П. Черкасов, Г. Бушуев, К. Курбанов, Л. Орехов, А. Ромахов, И.

Чернышев (Казахская школа).

2. П. Черепанов, Е. Гусева (Казахская школа).

3. П. Черкасов, Ф. Артамонова, Г. Лайкин, М. Наумов, И. Перминова, И. Солодовников (Казахская школа).

4. Б. Маречек, А. Бондаренко, Н. Волкова, М. Волненко, В. Змиевский, В. Кистанова, И. Коган. Ф. Мансуров, З. Менмсанов, Д. Мершанов, В. Назаренко, Г. Рубинштейн, Р. Фидель, Г. Чернов, В. Шабунин (Казахская школа).

5. Б. Маречек, Л. Абращев, В. Анкудимов, У. Батырбеков, И. Важнина, А. Кельберг, Н. Полоз, В. Сущих, Е. Тихонова, И. Тищенко, О. Шкуратов (Казахская школа).

Молодая гвардия – Советские альпинисты — Покрышкина пик — Москвич (СГУ), траверс (? IV-Б).

1. *Н. Ломоносов, А. Дюжев, А. Лобыкин, И. Найдич («Локомотив»).

2. В. Шипилов, П. Брыксин, К. Курбанов, Л. Орехов, Г. Рубинштейн, А. Семченко, П. Черкасов, И. Чернышев, В. Шабунин, А. Шубин (Казахская школа).

3. Б. Маречек, И. Коган, А. Кузнецов, Ф. Мансуров, З. Менжанов, Д. Мершанов, В. Назаренко, А. Ромахов, Р. Фидель, П. Черепанов, Г. Чернов (Казахская школа).

4. В. Шипилов, Л. Абращев, У. Батырбеков, Н. Полоз, И. Тютюнникова, О. Шкуратов (Казахская школа).

Молодая гвардия пик, траверс (III-А). И. Цупак, А. Богачев, Е. Буров, Л. Гинзбург, В. Ермаков, И. Кузнецов, А. Некрасов, Г. Сапожников, Н. Свайнов, В. Цверкунов («Локомотив»).

Молодежная (с севера) — Зои Космодемьянской пик, траверс (? III-А).

1. Н. Ломоносов, И. Найдич («Локомотив»).

2. Л. Ревягин, Г. Гудкова («Локомотив»).

3. А. Гончарук, В. Хромов («Локомотив»).

Молодежная — Зои Космодемьянской пик — Локомотив — Погребецкого пик, траверс (? II-Б)*. А. Лобыкин, В. Бочаров, Л. Гинзбург, А. Дюжев, В. Ермаков, Ю. Ишкулов, И. Кузнецов, А. Лисиненко, Е. Мирошник, А. Моржец, А. Некрасов, Г. Сапожников, Н. Свайнов, В. Скобей, И. Соловова, В. Цверкунов, И. Цупак («Локомотив»).

Орджоникидзе пик (III-А).

1. А. Дюжев, Н. Свайнов, В. Цверкунов, И. Цупак («Локомотив»).

2. Д. Гудков, Г. Гудкова, М. Калужникова, Е. Мамаев, Ю. Петрова, А. Розанов, А. Степанова, Ю. Ишкулов («Локомотив»).

3. В. Савухин. В. Анкудимов, А. Гончарук, Ю. Гущин, А. Звягинцев, В. Сапожников («Локомотив»).

4. В. Цверкунов, Б. Бочаров, Н. Свайнов («Локомотив»).

5. Б. Маречек, А. Березикова, Н. Волкова, М. Волненко, В. Змиевский, В. Кистанова, И. Коган, Ф. Мансуров, З. Менжанов, Д. Мершанов, В. Назаренко, Г. Рубинштейн, Р. Фидель, А. Фомин, Г. Чернов, В. Шабунин (Казахская школа).

6. А. Семченко, А. Степанова (Казахская школа).

7. А. Кузнецов, И. Чернышев (Казахская школа).

8. П. Черкасов, Г. Бушуев, И. Важнина, Е. Гусева, Л. Дублицкая, К. Курбанов, Л. Орехов, А. Ромахов, И. Чернышев (Казахская школа).

9. А. Кузнецов, В. Баскаков, О. Богоявленская, А. Коренная, Н. Резникова, А. Чиряев, З. Шевелева (Казахская школа).

10. Б. Маречек, Л. Абращев, У. Батырбеков, И. Важнина, А. Кельберг, Н. Полоз, В. Сущих, Е. Тихонова, И. Тищенко, О. Шкуратов (Казахская школа).

Партизан пик (III-Б).

1. П. Черкасов, Н. Волкова, Е. Гусева, Ф. Мансуров, А. Ромахов, Г. Рубинштейн, И. Чернышев, В. Шабунин (Казахская школ»).

2. Б. Маречек, М. Волненко, В. Кистанова, И. Коган, Д. Мершанов, В. Назаренко, А. Семченко, Р. Фидель, А. Шубин (Казахская школа).

3. П. Брыксин, А. Кузнецов, Э. Любуня, П. Черепанов (Казахская шкода).

4. В. Неаронский, А. Березикова, А. Бондаренко, В. Змиевский, К. Курбанов, З. Менжанов, Л. Орехов, А. Семченко, Г. Чернов (Казахская школа).

5. Л. Ревягин, А. Капацинский, Н. Платонов, В. Семевич, Ю. Сидоров, Ю. Усов («Локомотив»).

Пионер пик — Учитель, траверс (? III-А).

1. *Н. Шевченко, А. Гончарук, Ю. Дьяченко, А. Звягинцев («Локомотив»).

2. Г. Ефимов, В. Белоковский, Б. Дерягин, Е. Красильщикова, А. Крылова, А. Умоленова («Локомотив»).

3. В. Шипилов, А. Шубин (Казахская школа).

4. И. Тютюнникова, И. Важнина (Казахская школа).

Саланова пик (III-А). В. Азаренко, П. Меняйлов, А. Москалев, П. Шумихин («Металлург»).

Поля Робсона пик (? II-Б)*. В. Колодяжный, В. Базанов, Е. Безяев, Н. Мельникова, В. Петров, Ш. Хасьянов («Локомотив»).

Профсоюзов пик (? II-Б)*. Я. Ломоносов, В. Базанов, Е. Безяев, Г. Дмитраков, Р. Иванов, В. Колодяжный, Н. Мельникова, Г. Мусиенко, В. Петров, Ш. Хасьянов («Локомотив»).

Талгарский массив, траверс: Ийнь-тау — **северная и главная вершины Талгара** (V-А)*. Ф. Лемстрем, А. Бердичевский, Н. Дивари, Б. Краснокутский, К. Макаревич («Металлург»).

Талгарский массив, траверс главной и северной вершин (IV-Б). Л. Лаптев, Л. Беспрозванных («Металлург»).

Талгар, юго-восточная вершина (III-Б).

1. Ф. Лемстрем, И. Беспрозванных, Б. Змеев, С. Козлов, Л. Коляденко, Л. Лаптев, К. Макаревич, В. Сысоев, А. Уханев, Н. Ципляшева, Т. Ширяева («Металлург»).

2. Б. Краснокутский, И. Гремычный, Ю. Колчигин, А. Корабельщиков («Металлург»).

Туюксуйские иглы, траверс с подъемом и спуском по леднику Игл (? IV-Б). И. Найдич, А. Гончарук, Г. Гудкова, Д. Гудкое, Ю. Ишкулов, Н. Шевченко («Локомотив»).

Туюксуйские иглы, траверс (IV-А).

1. Б. Маречек, А. Бондаренко, П. Брыксин, Э. Любуня, П. Черкасов (Казахская школа).

2. А. Крылов, В. Бочаров, Ю. Гущин, Н. Свайнов, В. Цверкунов, И. Цупак («Локомотив»).

Физкультурная, с ледника Физкультурник (? II-Б)*. А. Бердичевский, П. Меняйлов, А. Москалев, Л. Шумихин («Металлург»).

Фрунзе пик, траверс (? III-А)*. Б. Краснокутский, И. Беспрозванных, Б. Змеев, С. Козлов, А. Коляденко, Л. Лаптев, В. Сысоев, А. Уханев, И. Ципляшова, Т. Ширяева («Металлург»).

Центральный Тянь-шань

«1949 год» пик (? III-Б)*. А. Багров, У. Усенов (Казахский комитет по делам физической культуры и спорта),

ЛУЧШИЕ СПОРТИВНЫЕ ВОСХОЖДЕНИЯ 1949 г.

При подведении итогов летнего спортивного сезона 1949 г. Комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР утвердил, как лучшие, восхождения следующих групп:

По классу технически сложных восхождений

1-е место. Восхождение на восточную вершину Шхельды-тау по восточному гребню (V-А + 1), организованное лагерем «Спартак». Руководитель — мастер спорта В. Кизель. Участники: мастер спорта Т. Рождественский, альпинисты — В. Курбесов, И. Лапшенков, В. Нагаев, Д.

Симанович.

2-е место. Восхождение на восточную вершину Шхельды-тау по северной стене (V-А + 1), организованное Центральным советом спортивного общества «Локомотив». Руководитель — мастер спорта Б. Гарф. Участники — мастер спорта Г. Караваев, альпинисты — П. Поварнин, А. Шарунин.

По классу траверсов

1-е место. Траверс вершин Коштан-тау — Крумкол — Мижирги восточная и западная — пик Пушкина — Дых-тау главная с подъемом по северному гребню Коштан-тау (V-Б + 1), организованный Московским городским советом спортивного общества «Спартак». Руководитель — заслуженный мастер спорта В. Абалаков. Участники — заслуженные мастера спорта Н. Гусак, В. Чередова, мастера спорта — Я. Аркин, И. Леонов, В. Пелевин, альпинисты — В. Мартынов, Ю. Москальцов.

2-е место. А. Траверс вершин Шхельды-тау с востока на запад (V-Б), организованный Центральным советом спортивного общества «Наука». Руководитель — Д. Симанович. Участники — В. Курбесов, И. Лапшенков, В. Нагаев, Л. Юрасов.

Б. Траверс вершин Шхельды-тау с запада на восток (V-Б), организованный Центральным советом спортивного общества «Наука». Руководитель — мастер спорта В. Лубенец. Участники — Л. Калишевский, В. Лебедев, А. Скуратов, А. Чернобровкин.

VI АЛЬПИНИАДА ВЦСПС

В проведенной летом 1949 г. очередной VI альпиниаде профсоюзов участвовало 1 148 альпинистов. Участниками взято 258 вершин Кавказа и Тянь-шаня.

Лучшие результаты по участию в альпиниаде, по сумме очков, полученных тремя командами каждого спортивного общества, показали альпинисты спортивных обществ «Молния» (первое место), «Локомотив» (второе место) и «Наука» (третье место).

За отличные результаты общество «Молния» вторично награждено переходящим кубком ВЦСПС.

Три лучшие команды общества возглавлялись капитанами — мастером спорта К. Кузьминым, заслуженным мастером спорта В. Нестеровым и старшим инструктором В. Костер.

Команда К. Кузьмина, показавшая лучшие результаты во время альпиниады, совершила 17 восхождений, в том числе на вершины IV категории — 3, III+I категории — 1, III категории — 5 и II категории — 8 восхождений.

В ГОРНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ

Грузинская ССР

Альпиниады сельской молодежи

В августе и начале сентября 1949 г. Грузинским альпийским клубом были организованы 3 альпиниады сельской молодежи. В альпиниаде Амбролаурского района участвовал 101 человек под руководством инструкторов А. Немсицверидзе и С. Шхвацабая, участники совершили восхождение на вершину Пасис-мта (3784 м). 105 участников альпиниады Цагерского района, также под руководством А. Немсицверидзе и С. Шхвацабая, поднялись на вершину Цекури (3014 м).

127 участников альпиниады Онского района под руководством мастера спорта А. Гвалия совершили восхождения на вершину Шода (3608 м).

Армянская ССР

10 октября 1949 г. исполнилось 120 лет со дня первого восхождения на Арарат, совершенного в 1829 г. «Ашким писателем Армении Хачатуром Абовяном вместе с профессором Ф. Парротом, солдатами А. Здоровенно, М. Чалпановым, крестьянами села Ахури О. Айвазяном и М. Погосяном.

В ознаменование этой даты более 300 физкультурников Еревана, Ленина-кана, Кировакана, Эчмиадзина и других населенных пунктов Армении побывали в этом году на вершине Арагаца, сдав нормы на значок

«Альпинист СССР».

* * *

В честь Всемирного фестиваля молодежи в Будапеште около 250 физкультурников предприятий, учреждений и учебных заведений Еревана совершили массовое восхождение на Арагац; 243 человека сдали нормы на значок «Альпинист СССР».

Казахская ССР

В течение летнего сезона казахские альпинисты совершили 99 восхождений на вершины разных категорий трудности. В день открытия сезона сотни туристов и альпинистов г. Алма-Ата совершили восхождение на одну из вершин Заилийского Ала-тау. Здесь на высоте 2 700 м был проведен традиционный туристско-альпинистский слет.

О ПРИСВОЕНИИ НАЗВАНИЙ

В целях установления единого порядка в присвоении наименований вершинам, перевалам, ледникам, ущельям, плато и т.д. приказом Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР физкультурным организациям впредь запрещено «самостоятельно присваивать, регистрировать и опубликовывать в печати наименования элементов рельефа местности» (приказ № 463 от 21 июня 1950 г.).

Впредь до установления порядка присвоения наименований остаются в силе наименования, включенные в «Классификационную таблицу» 1949 г. (см. «Ежегодник», год 1949).

Безымянные вершины в отчетах о восхождениях обозначаются по их высотным отметкам с указанием горного района и участка хребта.

Предложения новых наименований после обсуждения секциями альпинизма и согласования с местными советскими, партийными и научными организациями представляются на утверждение во Всесоюзный Комитет.

Все новые наименования, упомянутые в настоящем «Ежегоднике», Редакция «Ежегодника» просит рассматривать только как предложения групп восходителей, подлежащие рассмотрению и утверждению в установленном порядке.

Узбекская ССР

В ознаменование 25-летия Узбекской ССР 48 спортсменов г. Чирчик поднялись на вершину Большой Чимган (3323 м). 12 альпинистов под руководством В. Рацека совершили восхождение на безымянную вершину в Гиссарском хребте (4544 м) и присвоили ей наименование «Пик 25 лет Узбекистана».

Восемь ферганских альпинистов под руководством В. Лоя совершили восхождение на безымянную вершину в районе Хамзаабада (5125 м), присвоив ей также имя «25 лет Узбекской ССР».

* * *

Группа под руководством В. Лоя поднялась на пять вершин Псхемско-Угамских гор.

* * *

В Ферганской альпиниаде приняло участие 60 альпинистов области. Совершено восхождение на пик «5125» в Алайском хребте. 50 молодых альпинистов сдали нормы на значок «Альпинист СССР».

Таджикская ССР

Группа под руководством мастера спорта В. Рацека поднялась на безымянную вершину Гиссарского хребта высотой 4282 м.

Другая группа альпинистов, руководимая В. Рябухиным, поднялась в том же хребте на вершину высотой в 4367 м, присвоив ей наименование «Комсомолец Таджикистана».

* * *

Три группы комсомольцев — учащихся средних школ и педагогического училища Хорога совершили восхождения на пик

Дзержинского[1] (в районе Хорога), на пик Отечественной войны, на Безымянный пик (в районе Хорога). Безымянный пик альпинисты назвали именем «20-летия Таджикской ССР».

30 альпинистов-колхозников Горно-Бадахшанской области успешно штурмовали пик Гастелло (5600 м).

Северо-Осетинская АССР

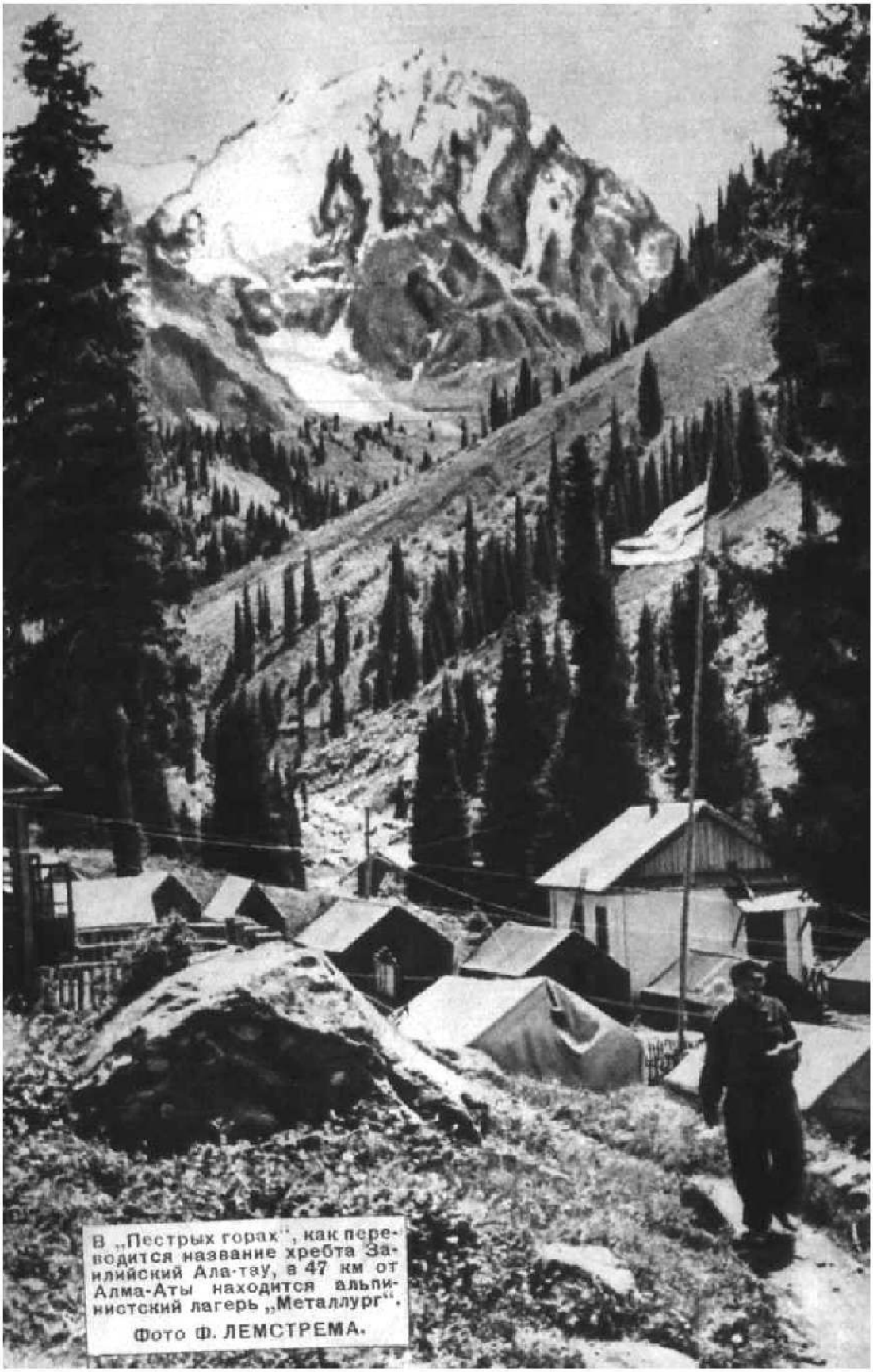
Массовое восхождение на Казбек совершили курсанты подразделения капитана Кривда. Восхождение было посвящено 25-летию автономии Северной Осетии.

В честь этой же даты 110 молодых альпинистов—учащихся Суворовского училища совершили восхождение на пик «Спартак» высотой более 4000 м. Штурм проходил в труднейших метеорологических условиях: в густом тумане, при сильном ветре и снегопаде.

* * *

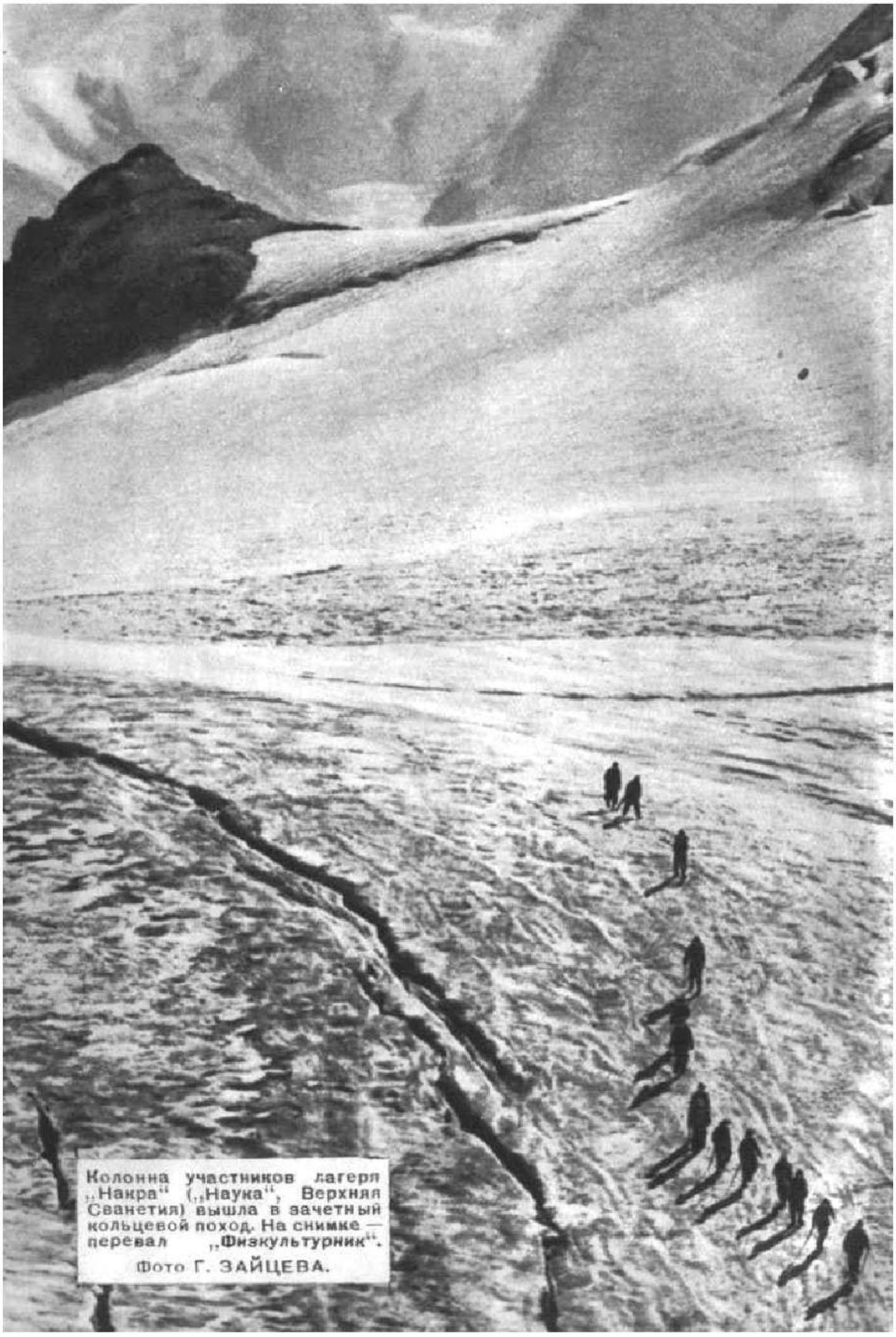
Группа альпинистов г. Дзауджикау и колхозников Северной Осетии совершила восхождение на вершины Архон, Колота, Сиверауг и Сырху-барзон (4151 м). Участники предложили присвоить последней вершине название «Пик 25-летия автономии Северной Осетии».

[1] Не смешивать с пиком Дзержинского в Заалайском хребте.



В „Пестрых горах", как переводится название хребта Заилийский Ала-тау, в 47 км от Алма-Аты находится альпинистский лагерь „Металлург".

Фото Ф. ЛЕМСТРЕМА.



Колонна участников лагеря „Накра" („Наука", Верхняя Сванетия) вышла в зачетный кольцевой поход. На снимке — перевал „Физкультурник".

Фото Г. ЗАЙЦЕВА.

Плита с меткой экспедиции Г.А. Эммануэля, обнаруженная на склонах Эльбруса, на высоте 4800 м (группа спортивного общества «Наука»)

Фото И. Евсеева

Кабардинская АССР

В Кабардинской АССР впервые в послевоенные годы проведена республиканская альпиниада. Участники ее совершили восхождения на Азау-баши и Эльбрус (56 чел).

Дагестанская АССР

В честь 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции группа альпинистов Цумандинского района Дагестанской АССР совершила несколько восхождений в Богосском массиве.

На Эльбрус по пути первовосходителей

Группа альпинистов общества «Наука» в составе К. Толстова (руководитель), И. Евсеева, А. Констансова и С. Репина предприняла восхождение на Эльбрус с севера, по пути первого восхождения, совершенного в 1829 г., участниками русской экспедиции генерала Г.А. Эммануэля.

Группой обнаружены следы этой экспедиции: камень с высеченным на нем изображением георгиевского креста и датой «1829», подтверждающей

приоритет русских горовосходителей, и большая железная вилка, по-видимому служившая приспособлением, облегчавшим переходы по крутым ледовым и фирновым склонам. Непогода заставила группу спуститься через седловину в Баксанское ущелье, не достигнув вершины.

* * *

Вершины имени Георгия Димитрова

12 альпинистов общества «Большевик» под руководством П. Коркина и Л. Романенко совершили восхождение на безымянную вершину в Киргизском хребте высотой в 4441 м и присвоили ей имя Георгия Димитрова.

* * *

Это же имя шестью альпинистами г. Пржевальска, совершившими восхождение под руководством Р. Маречена, присвоено другой безымянной вершине высотою 4450 м, расположенной в водоразделе рек Караколка и Джеты-огуз.

Вершины имени Поля Робсона

Именем известного негритянского певца и прогрессивного общественного деятеля Поля Робсона альпинисты лагеря «Локомотив» (в Казахстане) предложили назвать одну из впервые покоренных ими вершин в Заилийском Алатау.

Группа киргизских альпинистов предлагает присвоить это имя одной из безымянных вершин в верховьях Алаарчинского ущелья в Киргизском хребте.

Обе группы ходатайствуют об утверждении присвоенных ими названий в соответствующих организациях.

Одесские альпинисты на Памире

Летом 1949 г. на Памире вновь побывала группа одесских альпинистов в составе А. Блещунова, Х. Лернер, В. Черниченко. Двигаясь ущельем р. Пяндж, альпинисты прошли вдоль хребта Гиндукуш до слияния рек Памир и Вахан-дарья.

Значительным успехом группы можно считать ее переход и восхождения в Музкольском хребте. Из долины Музкол группа прошла верховье ущелья Ченысу и здесь провела обследование района севернее ледников и перевала Сассык. Этот район ранее никем не посещался. Экспедиция открыла большой почти замкнутый цирк диаметром до 12 км, назвав ледник и цирк «Одесскими».

Восхождения на вулканы Камчатки

Петропавловские альпинисты совершили 2 восхождения на вулканы Камчатки: на действующий Авачинский вулкан (2725 м — группа под руководством Т. Гайдукевича), на Корякскую сопку (3460 м — группа под руководством Т. Пономарева).

Бюст И.В. Сталина на высочайшем пике Болгарии

22 октября 40 туристов — членов софийского спортивного общества «Динамо» — завершили двухдневное восхождение на высочайший пик Балканских гор — Мусала, где установили большой бронзовый бюст И.В. Сталина.

Зимние восхождения и походы 1949 г.

Февраль. В честь IV съезда большевиков Казахстана альпинисты г. Алма-Ата совершили восхождение на вершину «Молодежная» (3950 м).

* * *

Альпинисты г. Фрунзе поднялись на вершину пика «Комсомолец» (4140 м). Свое трудное восхождение они посвятили V съезду коммунистической партии Киргизии.

* * *

Группа студентов Пржевальского сельскохозяйственного техникума через перевал Ала-куль (3710 м) совершила переход к озеру Ала-куль, расположенному в горах Терской Ала-тау.

* * *

35 лучших альпинистов высокогорных аулов Куруш, Микрах, Каракура и столицы Дагестана г. Махачкала впервые в зимних условиях

поднялись на вершину Шалбуз-даг (4150 м). Восхождение было посвящено XI съезду комсомола.

* * *

9 альпинистов — членов спортивного общества «Металлург» — под руководством К. Макаревича совершили большой лыжный переход по Южному Уралу и восхождение на его главную вершину — Яман-тау. Участники также посвятили свой поход XI съезду комсомола.

* * *

Март. Группа альпинистов-комсомольцев г. Двауджикау совершило первовосхождение на безымянную вершину высотой в 4000 м. Вершина названа «именем XI съезда комсомола».

* * *

Апрель. В честь XI съезда комсомола и X съезда профсоюзов Северо-Осетинский республиканский комитет по делам физической культуры и спорта организовал зимнюю альпиниаду. 152 ее участника поднялись на вершину Мальч-корт высотой около 4000 м.

* * *

Май. Большая группа студентов Казахского педагогического института под руководством В. Зимина в ознаменование дня Победы совершила пятидневный лыжный поход по ледникам и перевалам Заилийского Ала-тау.

Группа ташкентских альпинистов — членов общества «Молния» — совершила восхождение на Большой Чимган (3323 м).

* * *

Декабрь. В честь 70-летия со дня рождения И.В. Сталина:

группа североосетинских альпинистов совершила восхождение на вершину Шау-хох (4646 м),

группа альпинистов Армянской ССР — на пик Капуджу (3906 м), группа альпинистов Ташкента — на вершину Большой Чимган (3323 м), где установила бюст И.В. Сталина.

Скалолазание

Во второй половине апреля 1949 г. Всесоюзный комитет провел в Крыму первый учебный сбор по подготовке организаторов и судей соревнований по скалолазанию.

Руководителям и альпинистам, успешно окончившим сбор, присвоены следующие судейские категории по скалолазанию:

1-я категория: В. Абалакову, И. Антоновичу, Т. Волгиной, В. Носковой (все — Москва), Е. Манучарову (Баку);

2-я категория: Я. Аркину, М. Ануфрикову, Л. Литвиновой, З. Плюсниной (все — Москва), А. Золотареву (Дзауджикау), И. Кацнельсону (Днепропетровск), А. Ситникову (Киев), М. Грудзинскому и В. Неаронскому (Алма-Ата);

3-я категория: Л. Богородскому, Н. Влашевичу, И. Лимарову, В. Зеленову, Е. Нестеровой, М. Токарь, М. Чемодакову (Москва), Г. Хуцишвили, В. Попхадзе (Тбилиси), А. Калмыкову, В. Катову (Дзауджикау), Л. Богданову, II. Дубовиковой, С. Урняш (Баку), Л. Ермолаевой (Махачкала), И.Галустову (Ереван), А.Анохину (Днепропетровск), Н. Дробот, С. Кондрашеву (Киев), Г. Бухарову (Харьков), А. Бондаренко, А. Шубину (Фрунзе), Л. Безрукову, Б. Бородушкину, В. Луканину и К. Шалыгину (Красноярск).

В течение 1949 г. соревнования по скалолазанию, организованные местными секциями альпинизма, проведены в г. Ялте, в Армянской ССР, в Дагестанской АССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР и в г. Днепропетровске. В первых числах октября в Крыму (район Ялты) проведены соревнования лучших скалолазов профсоюзов.

Первое место среди мужчин занял мастер спорта М. Ануфриков («Родина»), среди женщин первое место — Т. Ефремова («Медик»).

В соревнованиях по лазанию в связках первые места завоевали: среди мужчин — связка скалолазов общества «Родина» в составе М. Ануфрикова и В. Буслаева; среди женщин — связка общества «Большевик» в составе Ф. Кабановой и Е. Куликовой.

ВЕРШИНЫ, ВЗЯТЫЕ СОВЕТСКИМИ АЛЬПИНИСТАМИ В 1949 г.[1]

(по категориям трудности)

КАВКАЗ

Категория трудности V-Б

1. Коштан-тау — пик Тихонова – Крумкол — Мижирги восточная и западная — пик Пушкина — Дых-тау, главная вершина с подъемом по северному гребню Коштан-тау.

2. Тютю-баши по северной стене.

3. Шхельды-тау, траверс всех вершин.

Категория трудности V-А

1. Джугутурлючат, траверс всех вершин.

2. Доппах-тау, траверс.

3. Сонгути-хох по восточной стене.

4. Ушба, траверс.

5. Шхельды-тау, восточная вершина с подъемом по восточному гребню.

6. Шхельды-тау, восточная вершина с подъемом по северной стене.

Категория трудности IV-Б

1. Аманауз, траверс узловой и главной вершин.

2. Бжедух — Вольной Испании пик, траверс.

3. Вольной Испании пик — Бжедух, траверс.

4. Вуллея пик — Кавказ пик — Бжедух — Вольной Испании пик, траверс.

5. Джугутурлючат, западная и восточная вершины — Митникова пик, траверс.

6. Далла-кора, траверс.

7. Кара-кая, траверс с севера на юг (утверждена категория 1V-А).

8. Накра-тау по северо-западной стене.

---

[1] Знаком (?) отмечены вершины и маршруты, не классифицированные ко времени восхождения. Изменения в категориях, установленных после сдачи «Ежегодника» в печать, отмечены в скобках.

9. Накра-тау — Донгуз-орун, траверс.

10. Светтар, траверс.

11. Сонгути-хох, траверс по западной стене.

12. Сонгути-хох — Улларг, траверс.

13. Уллу-тау-чана, траверс.

14. Чанчахи-хох, траверс.

15. Чотча, траверс обеих вершин.

16. Шхельды-тау, 5-я вершина, восточная.

Категория трудности IV-А

1. Башкара — Гадыл, траверс.

2. Гадыл — Башкара, траверс.

3. Гермогенова пик по восточному ребру.

4. Двойняшка, траверс.

5. Домбай-ульген, траверс западной и главной вершины.

6. Дых-тау с севера.

7. Замок, траверс.

8. Кичкинекол, башня, траверс.

9. Митникова пик — Джугутурлючат, восточная вершина.

10. Сонгути-хох с Цейского ледника.

11. Тепли-тау, восточная вершина с юга (?).

12. Тепли-тау, центральная вершина с юга (?).

13. Шхельды-тау, 3-я вершина, западная.

14. Шхельды-тау (от 2-й вершины западной) — гребень Строителей, траверс (?).

Категория трудности III-Б

1. Адыр-су-баши по западному контрфорсу.

2. Аксаут, северная вершина (утверждена категория 1I-В).

3. Аманауз, главная вершина.

4. Башкара.

5. Белала-кая, траверс.

6. Берия пик (?).

7. Бжедух.

8. Бу-ульген Малый, траверс (?).

9. Вольной Испании пик.

10. Далар.

11. 25 лет советского альпинизма (?).

12. Джайлык с юга.

13. Джан-туган по западному гребню.

14. Джугутурлючат, главная вершина с перемычки между Главной и Узловой.

15. Джугутурлючат, западная вершина.

16. Джугутурлючат, восточная вершина.

17. Домбай-ульген, главная вершина.

18. Замок.

19. Кара-кая, узловая (?).

20. Караугом, западная вершина, траверс с плато по южному кулуару (?).

21. Караугом, плечо восточной вершины, траверс (?).

22. Кичкинекол, траверс западной вершины.

23. Лекзыр-тау, траверс западной вершины (?).

24. Марух-баши по северному ребру (утверждена категория IV-А).

25. Митникова пик.

26. МНР пик, южная вершина (?).

27. Накра-тау.

28. Пассионарии пик.

29. Птыш.

30. Ронкетти пик, траверс (?).

31. Светгар, главная вершина.

32. Хирхатен (?).

33. Чегет-тау-чана.

34. Шау-хох. .

35. Шхельды-тау, 2-я вершина западная.

Категория трудности III-А

1. Адай-хох с юга (?).

2. Адыр-су-баши.

3. Андырчи — МНР южная — МНР узловая, траверс (?).

4. Белала-кая по южному ребру.

5. Гадыл.

6. Дальневосточник.

7. Джан-туган по юго-западному гребню (?).

8. Джугутурлючат, траверс главной вершины.

9. Джугутурлючат, узловая вершина.

10. Дубль-пик, северная вершина.

11. ЗИС пак (?).

12. Караугом, восточная вершина.

13. Кичкинекол, траверс южной вершины.

14. Красноармеец, траверс (?).

15. Лекзыр-тау, главная вершина.

16. Ляльвер — Гестола, траверс.

17. Мамисон-хох.

18. МНР пик, центральная вершина (?).

19. Молния пик (?).

20. Николаева пик, траверс (?).

21. XI съезда ВЛКСМ пик (?).

22. Ронкетти пик.

23. Симона Джапаридзе пик, траверс (?).

24. Тот-тау.

25. Тур-хох — пик № 1 — пик № 5, траверс (?).

26. Тютю-баши, траверс.

27. Улларг (?).

28. Уллу-кара.

29. Хевай, траверс.

30. Цалгмыл.

31. Шедок-минге.

32. Шхельды-тау малая (?).

ТЯНЬ-ШАНЬ

Категория трудности V-А

1. Мало-алматинский отрог, траверс пиков: Маяковского — Орджоникидзе — Партизан — Иглы Туюк-су — Туюк-су (?).

2. Талгарский массив, траверс: Ийнь-тау — Талгар, северная и главная вершины.

Категория трудности IV-В

1. Иссыктен-чоху — Белый пик — Ак-гюль, траверс.

2. Молодая гвардия — Советские альпинисты — Покрышкина пик — Москвич (СГУ), траверс (?).

3. Талгарский массив, траверс главной и северной вершины.

4. Туюксуйские иглы, траверс с подъемом и спуском по леднику Игл (?).

Категория трудности IV-А

1. Ак-тау, траверс.

2. Комсомола пик по северной стене.

3. Туюксуйские иглы, траверс.

Категория трудности III-В

1. Амангельды пик с ледника Богдановича.

2. ГУВВО — Близнецы, траверс (?).

3. Жолпак, траверс (?).

4. Копр.

5. Маяковского пик, траверс.

6. Маяковского пик с юга.

7. Партизан пик.

8. Талгар, юго-восточная вершина.

9. «1949 год» пик (?).

Категория трудности III-А

1. Ак-тау.

2. Ала-тас (?).

3. Антикайнена пик — Маншук Маметовой пик — Отечественной войны пик, траверс.

4. Аристова пик.

5. Газеты «Гудок», пик, траверс (?).

6. Железнодорожников пик, траверс (?).

7. Маяковского пик с северо-запада.

8. Молодая гвардия пик, траверс.

9. Молодежная (с севера) — Зои Космодемьянской пик, траверс (?).

10. Орджоникидзе пик.

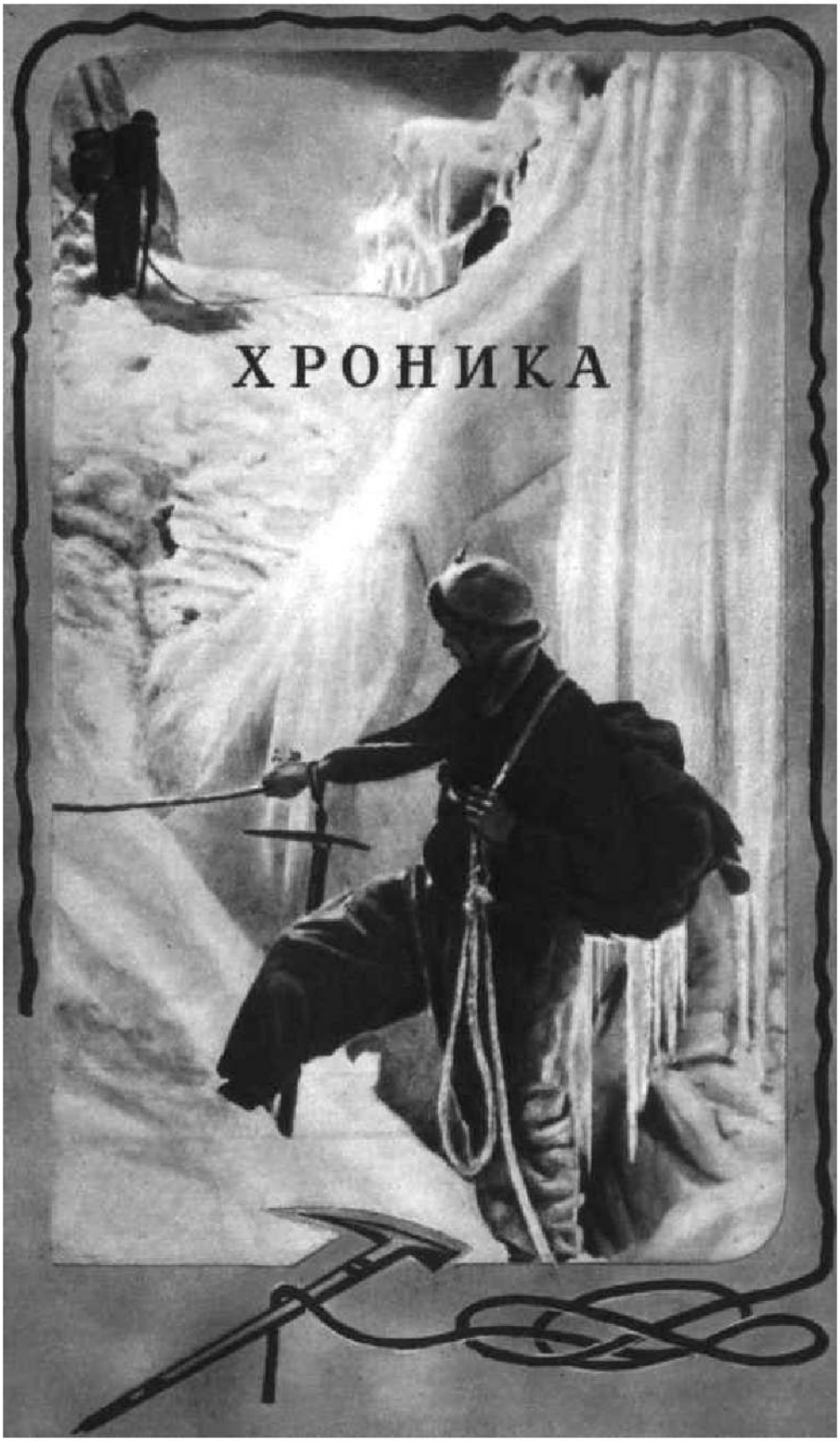
11. Пионер пик — Учитель, траверс (?).

12. Саланова пик.

13. Фрунзе пик, траверс (?).

Могучим островом высится над выжженными солнцем пространствами горная страна Тянь-шань. Не менее 15 мощных хребтов поднимаются на высоту более 5000 м. Кок-шаал-тау, наиболее мощный из всех хребтов «Небесных гор» (китайское название Тянь-шаня), киргизы зовут «Большим Тянь-шанем». Он смыкается на западе с Алайским хребтом в Фергане, а на востоке, за массивом Хан-тенгри, уходит в пределы Синцзяна (Китайская народная республика). Начиная с 30-х годов, советские альпинисты неустанно исследовали этот хребет, южную границу тяньшанской горной системы. Открытие и установление точной высоты высшей точки хребта, названной «пиком Победы», позволило нанести на карту СССР вторую по своей абсолютной высоте вершину (7439,3 м). История ее открытия восходит к 1937-1938 гг., когда ее увидели участники восхождений на пик Карпинского и пик XX-летия комсомола. В 1949 г. была предпринята новая разведка (на плечо пика Победы альпинисты поднялись еще в 1938 г.). На фото: выход по фирновому склону на мульду (высота 5000 м). П.Н. Семенов (справа) страхует поднимающегося А.И. Иванова.

Фото А. БАГРОВА.


ХРОНИКА

Н.Л. КОРЖЕНЕВСКИЙ

(К 70-летию со дня рождения а 45-летию научной деятельности)

Каждому из альпинистов, кому довелось хоть раз пройти просторы могучей Алайской долины, проникнуть в сердце Памира, к подножию пика Сталина, на ледники Федченко и Фортамбек — надолго запомнились эти места. Даже в памяти бывалого восходителя, хранящей тысячи горных видов, запечатлевшихся за 15-20 лет странствований в хребтах, навсегда остается величественная панорама Центрального Памира.

Неудивительно, что наши альпинисты с уважением и гордостью называют имя отважного русского географа, дерзнувшего одним из первых направить свой караван в дикие ущелья «белых пятен» Памира, имя Николая Леопольдовича Корженевского. И до него многие исследователи с понятным волнением смотрели из ущелья Сурхоб, с перевала Терс-агар на хаос пиков и ущелий, высящихся за грандиозной стеной Заалая, но Н. Л. Корженевский раньше всех двинулся к стремительной Сель-даре, уходящему в глубь ущелий леднику Федченко, под черные скалы Шильбе и Сандала.

* * *

Н.Л. Корженевский родился 6 (18) февраля 1879 года. Детство свое он провел в глухих таежных местах Солигаличского уезда Костромской губернии. Отец его, страстный охотник, сумел привить сыну любовь к природе, определившую весь его жизненный путь. Еще в юные годы Корженевским овладевает непрестанное внутреннее стремление вперед, в поисках новых путей, разведка неведомых стран. Окончив в 1901 г. Киевское военное училище, Николай Леопольдович избирает местом своей деятельности Среднюю Азию, описания которой влекли и волновали его еще в юности. Корженевский служит в воинской части в Оше, городе путе-шественников, через который проходят многочисленные географы, отправляющиеся на Памир. Город полон слухов и легенд о Памире, тогда еще недоступном, далеком, манящем. Задачей первой экспедиции, совершенной Корженевским в 1903 г., было исследование глухих углов

«крыши мира» — Вахана и Шугнана. Материалы и отчеты экспедиции десятки лет цитировались географами всего мира.

Годом позже Николай Леопольдович первым проник от Алтын-Мазара в «белое пятно» среднего течения р. Мук-су и вышел в Каратегин. Открытие систем ледников Мушкетова, Форгамбека было основным итогом этого года. В следующем, 1905, году Корженевский исследует Алайский хребет и открывает в нем новый перевал Кальта-боз.

В 1906 г. поступление в Военно-интендантскую академию на несколько лет отвлекает Корженевского от дальнейшего исследования Средней Азии. Горы неудержимо влекут к себе исследователя, и летний отпуск 1909 г. Николай Леопольдович использует для поездки в Швейцарию. Здесь он продолжает изучение горной природы, форм горного рельефа, ледников. Но после гигантских пиков и ледников Памира вершины Альп кажутся игрушечными, и в памяти снова и снова встают палатки походных бивуаков, разбитых в ковылях и полыни прекрасной Алайской долины, и зыбкие овринги на взлетающих к небу тропах Саграна и Фортамбека.

Скорее, скорее — туда! Получив в 1910 г. отпуск, Н. Л. Корженевский снова посещает любимые места, глухое ущелье Мук-су, где нет ни троп, ни следов человека, без малого восьмидесятикилометровый (это не Альпы!) ледник Федченко. В глухих неведомых горах неутомимый исследователь открывает гигантский семитысячный пик, назвав его именем своей подруги Евгении Корженевской. Двадцать семь лет спустя по разведанным им путям вперед, дальше и выше прошли полные воли к победе советские альпинисты, поднимаясь на открытую исследователем горную громаду.

Дальнейшая экспедиционная деятельность Николая Леопольдовича (в последующие годы он продолжает исследование Алайской долины, ледников Федченко и Мушкетова, совершает экспедицию на озеро Искандер-куль) была прервана, первой мировой войной.

После Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей дорогу к знаниям для всех трудящихся, Н.Л. Корженевский,

вернувшийся в Среднюю Азию, развивает большую организаторскую и педагогическую деятельность. Он активно участвует в организации Народного университета, читает в нем лекции по физике, географии и астрономии, преподает военную географию на курсах Красной Армии. В 1920 г., когда по подписанному В.И. Лениным декрету был создан в Ташкенте Среднеазиатский государственный университет, Николай Леопольдович избирается профессором этого университета. Вплоть до 1928 г. он продолжает и педагогическую работу в. Красной Армии.

Теперь Н.Л. Корженевский уже не одинок в своих исканиях, в советские годы он руководит мощными комплексными экспедициями, в состав которых входят ученые многих специальностей. В 1921 г. он изучает оледенение хребта Кунгей Ала-тау, в 1922 г.— руководит экспедицией в пустыню Муюн-кум. Годом позже Николай Леопольдович снова проводит экспедицию в район Сареза и Аличура, а в 1924 г. опять посещает верховья Мук-су.

В 1925 г. Корженевский с большим трудом проложил путь в один из самых глухих и до сего времени еще малоисследованных узлов Памира — верховья реки Танымас. Он исследует и описывает систему ледников верховьев Танымаса.

В 1926 г. Николаем Леопольдовичем во время очередной экспедиции по ледникам Федченко и Мушкетова открыт хребет Академии наук, центральная горная цепь всего Памира, в которой находятся высочайшие его вершины. В 1927 г. ученый направляется на Тянь-шань, исследуя долину р. Малый Нарын. Годом позже он открывает в верховьях реки Джанайдар, на северных склонах Заалайского хребта, большой ледник, впоследствии названный его именем.

В 1929 г. пытливый исследователь направляется в Западный Тянь-шань, исследует долины Псхема и Таласа, открывает неведомые ледники в верховьях р. Сусамыр. 1932 год посвящен Николаем Леопольдовичем исследованиям Киргизского хребта, позволившим существенно уточнить

карту этой горной страны.

1934 г. застает Корженевского в районе озера Кара-куль. Затем его внимание привлекает узел Памиро-Алая, нерасшифрованный еще до конца, и в 1936-1937 гг. неутомимый исследователь направляет свои экспедиции в район р. Сох.

Тридцать четыре года проведено Н.Л. Корженевским в походах. Пройденные им маршруты сложной сетью покрывают всю карту Средней Азии, перечеркивая многочисленные «белые пятна». Кажется, здесь нет ни одного крупного горного узла, где бы не осталось следов походов Корженевского, где бы не проводил он ночей у походного костра.

За 45 лет научной деятельности Николаем Леопольдовичем опубликовано около ста печатных работ. Его труды «Мук-су и ее ледники», «Алайская долина», «Озеро Кара-куль», «Каталог ледников Средней Азии», «К вопросу о морфологических типах ледников Средней Азии и возможной их классификации» и другие представляют собой незаменимые пособия по географии Средней Азии.

Научная общественность высоко оценила заслуги Николая Леопольдовича. После опубликования его первых работ исследователь был избран членом Русского горного общества и Общества землеведения при Петербургском университете. С 1931 г. он является действительным членом Географического общества Союза ССР и почетным членом Географического общества Узбекистана. В 1939 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля наук Узбекистана, в 1947 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР. Советское правительство наградило ученого двумя орденами Трудового Красного Знамени (в 1944 и 1946 гг.).

Николай Леопольдович Корженевский — создатель школы среднеазиатских географов. Неустанно передает он свои знания и опыт, свое стремление к непрерывному прогрессу отечественной науки и волю к победам молодому поколению исследователей-географов.

Ташкент. *В.А. Кизель*

ИЗ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1. МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ

1903 г.

Памир — Вахан — Шугнан

Гор. Ош — пер. Талдык — Алайская долина — пер. Кизыл-арш — озеро Кара-куль — пер. Ак-байтал — пост Памирский (ныне Мургаб) — Аличур – пер. Кумды — оз. Зор-куль — Ишкашим — пер. Кой-тезек — оз. Сасык-куль — пост Памирский — обратный маршрут.

1904 г.

Хребет Петра Первого — ледник Мушкетова

1. Гор. Ош — пер. Сарык-могол — Алайская долина — пер. Терс-агар — река Мук-су — пер. Тенгиз-бай — Ош.

2. Гор. Ош — пер. Талдык — пер. Терс-агар — р. Мук-су — ледники — Мушкетова — Фортамбек — Хадырша — Кандау — Ляхш — Алайская долина — Талдык — Ош.

1905 г.

Алайская долина

Гор. Ош — пер. Клун-арш — Кичик-алай — Джипшик — пер. Кара-куниш — пер. Кальта-боз — Алайская долина — пер. Талдык — Ош.

1910 г.

Ледники Федченко и Мушкетова

Гор. Ош — пер. Талдык — Кара-су — Алтын-дара — пер. Терс-агар — Алтын-Мазар — р. Сель-дара — ледн. Федченко — ледн. Мушкетова — Алтын-Мазар — Дараут-курган — пер. Тенгиз-бай — Ош.

1912 г.

По Алайской долине

Гор. Ош — пер. Талдык — восточ. часть Алайской долины — Иркештам — пер. Кой-юлы — Ош.

1913 г.

Озеро Искандер-куль

Гор. Самарканд — пер. Шахристан — р. Зеравшан — р. Фан-дарья — р. Ягноб-дарья — оз. Искандер-куль — пер. Дукдан — г. Самарканд.

1914 г.

Ледники Федченко и Мушкетова

Гор. Фергана — пер. Талдык — пер. Терс-агар — Алтын-Мазар — р. Мук-су — ледн. Мушкетова — ледн. Федченко — обратный путь через урочище Арам-кунгей, Алайскую долину в г. Ош.

1921 г.

Заилийский Ала-тау

Гор. Алма-Ата — пер. Алматы — ледн. Б. Алматинский — р. Ак-су — ледники под пер. Ак-су — долина р. Кебин — пер. Калмак-ашу в Кунгей Ала-тау — оз. Иссык-куль — гор. Фрунзе — Ташкент.

1922 г.

Пустыня Муюн-кум

Гор. Чимкент — село Ванновское — пер. Джиланды — дол. Джувалы — пер. Терс — оз. Бийли-куль — оз. Ак-куль — дол. р. Талас — оз. Чимыркуль — пески Муюн-кум-кол — Тюльку-бай до р. Чу и обратно по р. Талас в Аулие-ата (Джамбул).

1923 г.

Сарезское озеро

Гор. Ош — пер. Така — пер. Талдык — пер. Кизыл-арш — оз. Кара-куль — пер. Ак-байтал — Мургаб — пер. Найза-таш — оз. Яшиль-куль — пер. Буромал — пер. Лянгар-куталь — Сарезское озеро и обратно — Мургаб — Музкол — долина р. Кокуй-бель — оз. Кара-куль — Ош.

1924 г.

Верховья Мук-су

Гор. Фергана — пер. Тенгиз-бай — Алайскап долина — пер. Терс-агар — ледн. Мушкетова — Алтын-Мазар — ледн. Федченко — Алайская долина — урочище Акбосага — Суфи-курган — Ош.

1925 г.
Река Танымас

Гор. Ош — пер. Талдык—пер. Кизыл-арт — оз. Кара-куль — пер. Кизыл-белес — река и ледник Танымас — обратно через перевалы Арчат-даван, Суфи-курган в Ош.

1926 г.
Ледники Федченко и Мушкетова

Гор. Ош — пер. Талдык — пер. Терс-агар — Алтын-мазар — ледн. Федченко — ледн. Мушкетова — обратно через пер. Тенгиз-бай.

1927 г.
Река Малый Нарын

Гор. Фрунзе — Иссык-куль — Каракол (Пржевальск) — пер. Барскоун — пер. Арабель — вниз по р. Мал. Нарын — ледники Джетым-тау и обратно.

1928 г.
Алайская долина

Гор. Ош — пер. Талдык — Бардоба — ущ. р. Дшанайдар — ледн. Кор-женевского — ур. Уртак-чурук — Кашка-су — Джаман-Кырчин — Дараут-курган — пер. Тенгиз-бай — Ош.

1929 г.
Ледники Псхема и Таласа

Гор. Ташкент — р. Псхема — ледники р. Анаульгена и Турпак-беля — пер. Турпак-бель — пер. Майдан-тал — р. Талас — р. Каракол — ледн. Чонг-тур — пер. Ашу-кошой — р. Сусамыр — ледн. Музтур — обратный путь через пер. Утмек.

1932

Ледники Александровского хребта

Гор. Фрунзе — р. Ала-арча — ледн. Новый — г. Фрунзе — р. Кара-балта — р. Ак-су — Ташкент.

1936-1937 гг.

Ледники реки Сох

Гор. Ташкент — ст. Серово — р. Сох — сел. Сох — ледн. р. Кштут — ледн. Кок-майнок в истоках р. Сох — обратный путь.

II. ГЛАВНЕЙШИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Исследование «белого пятна» среднего течения р. Мук-су, открытие ледника Мушкетова, глазомерная съемка неизведанной части — 1904 г.

Новый перевал через Алайский хребет — Кальта-боз — 1905 г.

Пик Евгении Корженевской в хребте Петра Первого — 1910 г.

Маршрутная съемка и исследование пустыни Муюн-кум — 1922 г.

Установлено повышение уровня озера Кара-куль на Памире и образование на нем острова, вместо полуострова — 1923 г.

Установление автономности ледника Танымас (северного) — 1924 г.

Полная расшифровка ледников верховьев р. Танымас — 1925 г.

Пик Карпинского в хребте Академии наук — 1926 г.

Открытие хребта Академии наук — 1926 г.

Открытие ледника (назван позднее именем Н.Л. Корженевского) в истоках р. Джанайдар в Заалайском хребте — 1928 г.

Открытие ледников в истоках р. Сусамыр (западный Тянь-шань) — 1929 г.

III. ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

1. По Алайским перевалам. (Поездки Н. Корженевского в 1905 г.). Ежегодник Русского горного общества, в. V, 1905, М., 1906, стр. 96-106, с илл. 1 л. карт.

2. По реке Мук-су (от Памира до Каратегина). Ежегодник Русского горного общества, в. V, 1905, М., 1906, стр. 77-94, с илл., 1 л. карт.

3. Поездка на Памир, Вахан и Шугнан в 1903 г. Труды Общества землеведения при СПб. университете, в. 1. (1903/04 и 1904/05 гг.), 1906, стр. 103-118.

4. Очерк Памира. Труды Общества землеведения при СПб. университете, т. II (1906-1908 гг.), 1909, стр. 25-40, 6 вкл. л. илл. Библиография в подстрочных примечаниях.

5. На озере Искандер-куль. Ежегодник Русского горного общества, в. XI, за 1911 г. м., 1915, стр. 90-107, с 3 л. илл.

6. Туркестан. Физико-географический очерк. Ташкент, 1922,76 стр., 1 карта. Библиография: 137 названий.

7. Физико-географический очерк Средней Азии. Ташкент, 1925, 98 стр., 15 л. схем и карт.

8. Средняя Азия. Краткий физико-географический очерк. Ташкент, 1941, 142 стр., 1 карта.

9. В горах Петра Великого. Поездка к ледникам Федченко (Сель-дара) и Мушкетова (Кара-сель). Труды Общества землеведения при СПб. университете, т. III (1909-1913 гг.), 1914, стр. 1-14, с 3 л. илл., схем.

Рецензия. Тюганцев В. Известия Русского географического общества, т. И, в. II, 1915, стр. 89-90.

10. О новых гипсометрических данных пустыни Муюн-кум. (Предварительное сообщение). Известия Туркестанского отделения Русского географического общества, т. XVI. Ташкент, 1923, стр. 149-153, с 2 л. схем и карт.

11. Опыт подсчета площади оледенения гор. Туркестана. Вестник ирригации. Ташкент, 1924, № 6, стр. 46-54. Библиография в подстрочных примечаниях.

12. Истоки реки Танымас. Предварительное сообщение о поездке на Памир летом 1925 г. Ташкент, 1926, 30 стр., 9 вкл. л. илл. и карт (Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами).

13. Озеро Кара-куль. (Материалы к лимнологии Памира). Вестник ирригации. Ташкент, 1926, № 7, стр. 71-93, с 5 л. схем и карт. Библиографии в подстрочных примечаниях.

14. Мук-су и ее ледники. Труды гидрометеорологического отдела (Среднеазиатского метеорологического института), т. I, в. 1, Ташкент, 1927, стр. 7-66, с илл., 8 л. илл. и схем. Библиография: 35 названий.

15. К вопросу о морфологических типах ледников Средней Азии и возможной их классификации. Ташкент, 1928, 19 стр., с илл. (Среднеазиатский метеорологический институт). Библиография в

подстрочных примечаниях.

16. Озеро Яшиль-куль. (Материалы к лимнологии Памира). Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т.1, Ташкент, 1928, стр. 184-195, с 5 л. илл. Библиография в подстрочных примечаниях.

17. Алайская долина. (Орогидрография и оледенение). Памирская экспедиция 1928 г. «Труды», в. III, Л., 1930, стр. 1-62, 9 вкл. л. и карт. Библиография: 32 названия.

18. Каталог ледников Средней Азии. Ташкент, Среднеазиатский метеорологический институт, 1930, 200 стр. (Среднеазиатский метеорологический институт, гидрометеоролог, отдел).

19. Исфайрам-сай. Орогидрография и оледенение, М.-Л. Академия наук СССР, 1936, 96 стр., с илл., 3 вкл. л. схем и карт. (Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г., Труды, в. 71, серия географическая).

20. Озеро Кара-куль. (Физико-географический очерк). Л., 1936, 113 стр. с илл. и 1 л. карт. (Таджикско-Памирская экспедиция 1934 года. Труды, в. 42). Библиография: 58 названий.

21. Гляциология. В кн. «Техническая энциклопедия», т. V, 2-е изд., испр. и дополн., М., 1937, стр. 794-798, с 2 л. илл. Библиография: 11 названий.

22. Устюрт. Введение в физико-географический обзор. Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, в. 25, Юбилейный. Ташкент, 1947, стр. 147-177, с илл. Библиография: 41 название.

23. О морфологии и гипсометрии хребта Академии наук СССР. Труды Института геологии (Академии наук Узбекской ССР), в. 2, Ташкент, 1948, стр. 57-83, с илл. и 2 л. схем и карт.

Всего до 100 названий.

К ЮБИЛЕЮ А.Н. КРЕСТОВНИКОВА

В начале 1950 г. научная и спортивная общественность тепло отметила 65-летие со дня рождения и 50-летие научно-трудовой деятельности одного из старейших альпинистов страны, видного деятеля советской физиологической науки, профессора дважды орденоносного Института физической культуры им. Лесгафта Алексея Николаевича Крестовникова. В адрес юбиляра со всех концов Советского Союза поступили многочисленные приветствия, отмечающие большое значение его научной и педагогической деятельности и заслуги Алексея Николаевича в создании советской физиологии спорта, молодой ветви общей экспериментальной физиологии.

Алексей Николаевич Крестовников — сын бедного крестьянина. К 14-летнему возрасту, получив лишь двухклассное образование, он начинает работать по найму. Огромная энергия, выдающиеся способности и жажда знания позволили ему в нелегких условиях царской России преодолеть все преграды на пути к науке. Продолжая среднее образование и одновременно зарабатывая средства на жизнь тяжелым трудом, он на 21 году жизни экстерном сдает экзамен на аттестат зрелости, а к 27 годам успешно заканчивает естественное отделение университета и начинает (с 1912 г.) свою научную деятельность.

Свои первые работы в области научного исследования А.Н. проводит в лаборатории великого физиолога-материалиста Ивана Петровича Павлова, которого он по праву считает своим первым учителем. Впоследствии А.Н. становится деятельным сотрудником академика Л.А. Орбели. С 1913 г. А.Н. работает в учреждениях, носящих имя П.Ф. Лесгафта, а в 1928 г. назначается профессором, руководителем кафедры физиологии института физкультуры им. Лесгафта.

Подлинно широкий размах научная и педагогическая деятельность А.Н. приняла после Великой Октябрьской социалистической революции,

когда советская физическая культура стала неотъемлемой частью коммунистического воспитания трудящихся, когда выявилась необходимость всестороннего научного обоснования физической культуры. Последовательно воплощая в жизнь материалистические принципы учения академика И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, исходя из рябот выдающихся отечественных физиологов — И.М. Сеченова, Л.А. Орбели, Н.Е. Введенского, А.А. Ухтомского и других, Алексей Николаевич Крестовников создает свои выдающиеся работы, которые ложатся в основу советской физиологии спорта.

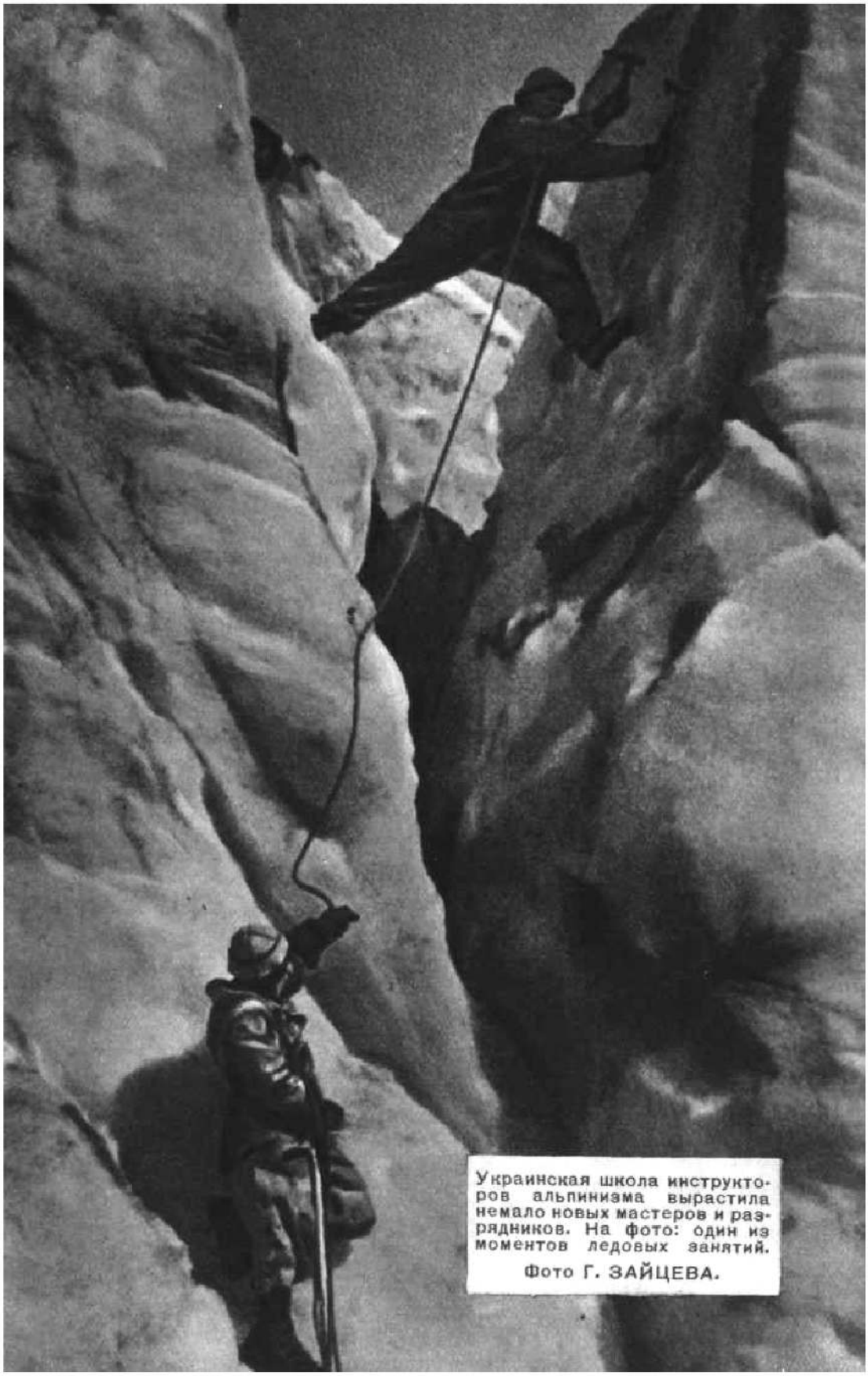
А.Н. организует широкое физиологическое исследование функциональных изменений в организме спортсмена, начинающихся при тех или иных спортивных напряжениях, изучает процессы тренировки при различных видах спорта, исследует функциональные изменения, происходящие в организме спортсмена при подготовке и сдаче норм комплекса «Готов к труду и обороне».

В ходе этих исследований им были вскрыты явления, имеющие важное теоретическое значение. Было дано физиологическое обоснование комплекса ГТО, ставшего основой советской системы физического воспитания.

А.Н. плодотворно работает над решением важнейшего теоретического и практического вопроса — о механизме образования и совершенствования новых двигательных навыков, о физиологических закономерностях обучения и спортивной тренировки в их взаимодействии. Ряд его работ посвящен изучению закономерностей спортивной тренировки, им были сформулированы главные положения физиологических основ спортивной тренировки, прочно вошедшие в практику нашего, советского физического воспитания. Перу А.Н. принадлежит более 200 работ. Недавно им закончена монография по физиологии спорта, излагающая теоретические основы физиологии разных видов гимнастики и спорта и систематизирующая огромный материал, накопленный автором.

Два года (1948-1949) работали на ледниках долины Ванч (Памир) участники экспедиции Московского университета (руководитель проф. И.С. Щукин). На фото: гляциологические работы в большом ледниковом гроте.

Фото Р. ЗАБИРОВА.



Украинская школа инструкторов альпинизма вырастила немало новых мастеров и разрядников. На фото: один из моментов ледовых занятий.

Фото Г. ЗАЙЦЕВА.

А.Н. известен не только как ученый и основатель физиологии спорта, но и как выдающийся педагог. За 30 лет педагогической деятельности им подготовлены тысячи специалистов по физической культуре, он вырастил школу научных работников по физиологии спорта.

Научная и педагогическая деятельность А. Н. проходит в неразрывной и тесной связи с практикой советского спорта. Физкультурники Ленинграда часто встречаются с юбиляром на лыжне Кавголовских высот, на спортивных площадках и стадионах города.

Альпинисты хорошо знают А.Н. не только как незаурядного горовосходителя. Под руководством А.Н. в 1930-1932 гг. в горах воспитывались первые группы восходителей, будущих организаторов массового альпинистского движения. И в последующие годы А.Н. ведет работу по обучению начинающих альпинистов, совершая восхождения на вершины Кавказа. Алтая, Памира, в том числе на вершину Чечекты высотою более 6000 м.

Начиная с 1931 г., А.Н. Крестовников производит систематические научные наблюдения над альпинистами в горах. С этой целью он проводит работы на склонах Эльбруса, в горных районах Теберды и Безинги, на высотах Восточного Памира. Эти наблюдения нашли свое отражение в ряде статей и в главе «Альпинизм» в известных учебных пособиях: «Физиология спорта» (1939 г.) и «Физиология человека» (1936 г.). В 1936 г. им подготовлен и экспериментально разрешен вопрос о физической культуре в высокогорных условиях, определен комплекс упражнений, которые могут быть рекомендованы для жителей и работников высокогорных районов.

Многие десятки перевалов в горах Кавказа и Средней Азии были пройдены А.Н Крестовниковым. В годы Великой Отечественной войны он возглавил переход 156 студентов и преподавателей института им. Лесгафта через Главный Кавказский хребет. Под руководством А.Н. люди, впервые попавшие в горы, умело преодолели все трудности и достигли цели. Неутомимый путешественник А.Н. побывал в горах Кавказа, Алтая, Памира,

на островах Арктики.

Исследовательская и педагогическая деятельность А.Н. неизменно сочетается с большой общественной работой в научных и общественных организациях. Трудящиеся Ленинграда избрали его депутатом районного Совета.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Алексея Николаевича, наградив его орденом «Трудового Красного Знамени», медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

ПРИСВОЕНИЕ СПОРТИВНЫХ ЗВАНИЙ В 1949 г.
ЗАСЛУЖЕННЫЕ МАСТЕРА СПОРТА ПО АЛЬПИНИЗМУ

Публикуемый нами список заслуженных мастеров спорта, получивших это звание в 1949 г., содержит следующие сведения: 1 — год рождения, 2 — национальность, 3 — образование, 4 — профессия и место работы, 5 — правительственные награды, 6 — общественная работа по альпинизму, 7 — наиболее значительные восхождения, 8 — походы, 9 — работа в альпинистских лагерях, 10 — принадлежность к добровольному спортивному обществу, 11 — домашний адрес.

Тютюнников Иван Сергеевич

1 — 1916 г., 2 — русский, 3 — высшее, инженер-геодезист, 4 — начальник школы инструкторов горной подготовки, 5 — ордена: «Красной Звезды» и «Отечественной войны» 1-й степени», 6 — член республиканской секции альпинизма, 7 — первовосхождения на Талгар, пик Чапаева, пик Альпипист, пик Амангельды с севера; восхождение на Хан-тенгри, 8— экспедиции в Центральном Тянь-шане, 9 — начальник школы, 10 — «Большевик», 11 — Алма-Ата, Горельник.

Ходакевич Сергей Ильич

1 — 1904 г., 2 — белорусс, 3 – среднее, 4 — старший инженер Центральной лаборатории спортинвентаря, 5 — медали «За оборону Москвы» и

«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», 6 — член Всесоюзной и Московской секций альпинизма, 7 — траверс Безингийской стены 8 — экспедиции на Памир, Тянь-шань и Алтай, 9 — лагерь «Крылья Советов» 10 — «Крылья Советов», 11 — Москва, 3-й Зачатьевский пер., д. 1, кв. 1.

МАСТЕРА СПОРТА ПО АЛЬПИНИЗМУ

Два первых списка мастеров были опубликованы в «Ежегодниках» за 1948 и 1949 гг. В настоящий список включены альпинисты, которым звание «Мастер спорта» присвоено в 1949 г., а также те, которые, получив это звание в прошлые годы, прошли перерегистрацию в 1949 г.

Список содержит следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, профессия, принадлежность к добровольному спортивному обществу, год присвоения звания «Мастер спорта», домашний адрес.

1. Александров Александр Данилович, 1912 г., член-корреспондент Академии наук СССР, «Наука», 1949 г., Ленинград, Б. Зеленина улица, д. 14, кв. 31.

2. Бердичевский Абрам Семенович, 1911 г., электромеханик, «Буревестник», 1949 г., Ленинград, Такров пер. д. 6, кв. 34.

3. Кизель Владимир Александрович, 1912 г., доцент Среднеазиатского государственного университета, «Спартак», 1941 г., Ташкент, ул. Сталина, Д. 25.

4. Корндорф Борис Адольфович, 1904 г., ЦДКА, 1949 г.

5. Лемстрем Федор Борисович, 1911 г., начальник учебной части альпинистского лагеря «Металлург», 1949 г., Ленинград, Можайская ул., п. 9, кв. 6.

6. Тихонравов Владимир Александрович, 1916 г., ЦДКА, 1949 г.

7. Филимонов Лев Николаевич, 1919 г., научный работник, «Спартак», 1949, Москва, Спасочигасовский пер., д. 8-а, кв. 2.

СПИСОК
ЛУЧШИХ АЛЬПИНИСТОВ СССР

(по материалам Всесоюзной секции альпинизма)

Список дается по алфавиту

I. Мужчины

1. Абалаков В.М. («Спартак»).
2. Ведeников Г.С. («Локомотив»).
3. Волжин А.Н. (ЦДКА).
4. Гарф Б.А. («Локомотив»).
5. Гусак Н.А. («Спартак»).
6. Иванов Ан. Ив. («Наука»).
7. Караваев Г.Н. («Локомотив»).
8. Кузьмин К.К. («Молния»).
9. Леонов И.П. («Спартак»).
10. Нестеров В.Ф. (ЦДКА).

II. Женщины

1. Пахарькова Л.Я. («Динамо»).
2. Чередова В.П. («Спартак»).
3. Шер В.В. («Локомотив»).

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Редакционная коллегия «Ежегодника» не разделяет точки зрения автора статьи «Исследование ледника Гандо в 1948 году» Е.В. Тимашева[1] в отношении присвоения одному из ледников Памира имени выдающегося русского исследователя Г.Е. Грумм-Гржимайло[2] и считает мнение Е.В. Тимашева по этому поводу[3] его сугубо личной точкой зрения. Следует указать, что Н.Л. Корженевский, на которого ссылается Е.В. Тимашев, считает, что «присвоение этому леднику (Муз-кулак, он же Нотгемейн-шафт.

[1] «Ежегодник», 1949, стр. 62-102.
[2] В.И. Рацек, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1949, вып. 1, стр. 103.
[3] «Ежегодник», 1949, стр. 82.

— Ред.) имени выдающегося путешественника вместо чуждого нам «Нотгемейншафт» можно только приветствовать и ставить вопрос (Е.В. Тимашев) о возвращении к данному мною названию «Муз-кулак», понятно, нет оснований»[1].

Следует вместе с тем считать неправильной критику Е.В. Тимашевым самого факта присвоения леднику имени его первоисследователя Г.Е. Грумм-Гржимайло (1887 г.). По ходатайству Географического общества СССР новое именование было утверждено Президиумом Верховного Совета Таджикской ССР (постановление от 28 августа 1948 г.), акт, свидетельствующий о том внимании, которое уделило правительство республики установлению приоритета выдающегося русского исследователя.

Вместе с тем в согласии с Н.Л. Корженевским Редколлегия никак не разделяет той критической оценки, которую склонен дать Е.В. Тимашеву В.И. Рацек в своем письме, адресованном редколлегии и Географическому обществу Союза ССР.

«Статья Тимашева «Исследование л. Гандо в 1948 г.» представляет оригинальную работу, в которой много личного труда автора, и придавать такой большой вес мелким недочетам, на которые указывает В. Рацек, по-моему, нет оснований, — пишет Н.Л. Корженевский. — В названии одного из горных отрогов именем проводника Д. Холува ничего плохого нет: скорее очень похвально для Е.В. Тимашева, что он не забыл своего помощника и оказал внимание одному из незаметных тружеников. Тем более, что и Комитет по делам физкультуры и спорта наградил Давлят Холува значком «Альпинист СССР» 1-й ступени, признав тем самым заслуги этого рабочего»[2].

[1] Письмо Н.Л. Корженевского редколлегии «Ежегодника» от 31 марта 1950 г.
[2] То же.

СОДЕРЖАНИЕ

ВО СЛАВУ РОДНОЙ СТРАНЫ

Георгий Гулиа — Имени любимого вождя 5
А.Т. Дурнов, Е.И. Рябчиков — В честь великого Сталина..... 13

ОТ КАРПАТ ДО ТЯНЬ-ШАНЯ

Е.В. Тимашев — Пик Сталина на Памире..... 26
Е.В. Тимашев — Хребет имени Сталина..... 35
Е.В. Тимашев — Ледник Сталина 41
А.А. Летавет — Пик Сталинской Конституции 43
Г.А. Демидов — Сталинов штит в Татрах..... 44
Г.А. Демидов — Вершина Сталин 50
Альпинистские итоги 1949 года 54

ЭКСПЕДИЦИИ

В.С. Яценко — В восточной части хребта Музкол 67
Р.Д. Забиров — Ледник Географического общества..... 73
Б.Р. Маречек — В Киргизском Ала-тау..... 95

СПОРТИВНЫЕ ВОСХОЖДЕНИЯ

Я.Г. Аркин — От Коштан-тау до Дых-тау 113
В.Д. Лубенец и др. — Четыре восхождения на Шхельды-тау 139
Б.А. Гарф — По северной стене Тютю-баши..... 182
А.С. Зюзин — Полный траверс Доппаха..... 196
К.Г. Макаревич, Ф.Б. Лемстрем — Траверс Талгара 214
Н.М. Попов — Аксаут (1940-1949) 228

НАУКА И АЛЬПИНИЗМ

Н.А. Гвоздецкий — Орографическая схема Большого Кавказа 266

Н.Н. Сиротинин — Горная болезнь и ее профилактика 281
Я.И. Фролов — Из наблюдений оледенения Эльбрусского района 319
П.В. Ковалев — О силевом потоке в долине Адыр-су 336
М.В. Раскин — Отморожения, их предупреждение и лечение 349

ОПЫТ И ПРАКТИКА

Б.А. Гарф — По новым маршрутам 361
Е.А. Белецкий — О некоторых особенностях организации и тактики высотных восхождений 374
К.К. Кузьмин — Экспедиция «Молнии» в Гвандру 410
В.М. Езерский — Штурмовая стена лагеря «Накра» 422
С.Г. Успенский — Самодельный очаг для сухого горючего 429
Г.И. Зайцев — Крепление палатки на ледорубах 431

ИЗ ИСТОРИИ ВЫСОКОГОРНОГО СПОРТА

С.Я. Бей-Мамиконян — Первое восхождение в зимних условиях 434
В. и Е. Зарины — Отважная русская исследовательница Казбека 446

ЗА РУБЕЖОМ

В.И. Пащенко — В горах Болгарии 460
В.Г. Владимиров — Военизация альпинизма в Америке 477

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Г. Банников — Труды великих русских путешественников — исследователей горных районов Центральной и Средней Азии 485
Е.Д. Симонов — Горы и их победители в творчестве Н.С. Тихонова 511
В.А. Кизель — Четверть века борьбы за вершины (Сборник «К вершинам Советской земли») 528
Л.И. Маруашвили — Вдохновенные дневники грузинского альпиниста (Ал. Джапаридзе «Избранные произведения») 543

Находка на вершине 549
И.М. Найдич — Полезная справочная книга (Бор. Кудинов «Альпинистские лагери профсоюзов СССР») 552
Д.М. Затуловский — Удачный очерк путешествий в Фанских горах (А.С. Мухин и В.Ф. Гусев «Фанские горы») 556
А.М. Боровиков — Рассказ исследователя величайшего ледника (В.А. Бугаев «Ледник Федченко») 560
Г.М. Ильичева — По страницам словарей 562
Е.В. Тимашев — Ненадежный источник сведений по Тянь-шаню (В.И. Рацек — «Новейшие исследования Центрального Тянь-шаня и открытие пика Победы») 570
Р.И. Стомахина — В помощь альпинисту (Библиографический указатель литературы за 1949 год) 578

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Материалы к «Летописи советского альпинизма» 603
Лучшие спортивные восхождения 1949 г. 630
Вершины, взятые советскими альпинистами в 1949 г. 643

ХРОНИКА

В.А. Кизель — Н.Л. Корженевский (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности) 651
Из научной биографии исследователя Средней Азии 655
К юбилею А.Н. Крестовникова 661
Присвоение спортивных званий в 1949 году 666
Список лучших альпинистов СССР 668
От редакционной коллегии 668